

→ ЗАПАД ПРОТИВ РОССИИ ←

Арсен Мартиросян

За кулисами
**МЮНХЕНСКОГО
СГОВОРА**

Кто привел войну в СССР ?

Annotation

Это первая книга из нового пятитомного проекта «Запад против России» известного историка Арсена Мартиросяна.

Впервые в отечественной истории перед читателями представлен принципиально новый взгляд на трагические события 1937 года — разоблачение заговора высокопоставленных советских военачальников во главе с маршалом Тухачевским. Применяя широко использовавшуюся в личной разведке Сталина уникальную методику, автор раскрывает подлую роль британских спецслужб в разоблачении этого заговора, когда правящие круги Запада конвертировали его последствия в Мюнхенский сговор 1938 года с Гитлером и развязали Вторую мировую войну.

На широком историческом материале в книге впервые показаны могущественные закулисные игры мирового уровня, раскрыты имена и реальные действия сотрудников и агентов советской и британской разведок. Особенно тщательно анализируется имеющая многовековые корни антироссийская политика Англии. Уникальные данные из истории геополитики, деятельности спецслужб, тайной дипломатии и секретного финансирования важнейших политических процессов первой половины XX века представлены в новой книге Арсена Мартиросяна с предельной обстоятельностью и глубиной.

-
- [За кулисами Мюнхенского сговора. Кто привел войну в СССР?](#)
 -
 - [Раздел 1. ДАВНО МЕЖ МУДРЕЦАМИ СПОР ИДЕТ: КОТОРЫЙ ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ ВЕДЕТ](#)
 -
 - [Глава 1. СУЩЕСТВУЮТ ДВЕ ИСТОРИИ: ЛЖИВАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ... И ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ, ГДЕ ВИДНЫ ПОДЛИННЫЕ ПРИЧИНЫ СОБЫТИЙ\[1\]_\(Вместо пролога\)](#)
 - [Глава 2. ОТЫЩИ ВСЕМУ НАЧАЛО, И ТЫ МНОГОЕ ПОЙМЕШЬ\[24\]](#)
 - [Глава 3. СОРВУ ЛЬ НЕПОНИМАНИЯ ПЕЧАТЬ, ЧТОБ ИСТИНУ ОТКРЫТО ВОЗГЛАШАТЬ?\[125\]](#)
 - [Раздел II. ЗАГОВОР ПРОТИВ ЗАГОВОРА](#)
 -
 - [Глава 1. Я ИЗ ПРЕДЕЛОВ ЛЖИ РЕШИЛ СОКРЫТЬСЯ!\[313\]](#)

- [Глава 2. ДЛЯ ТЕХ, КОМУ ПОЗНАНИЕ ТАИН ДАНО!](#)
- [Глава 3. О НЕБО, ТЫ ДУШИ НЕ ЧАЕШЬ В ПОДЛЕЦАХ!](#)
- [Глава 4. В НАШ ПОДЛЫЙ ВЕК НЕ ВЕРЕН ДРУГ ЛЮБОЙ!](#)
- [Глава 5. ЛИЦЕМЕРЫ, ЧТО ЖИЗНЬЮ КИЧАТСЯ СВЯТОЙ!](#)
- [Глава 6. ВСМОТРИСЬ-КА ЛУЧШЕ — ВРАГ. ПЕРЕД ТОБОЙ!](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)

- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)

- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)

- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)

- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)

- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)

- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)

- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)

- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)

- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)

- [475](#)
 - [476](#)
 - [477](#)
 - [478](#)
 - [479](#)
 - [480](#)
 - [481](#)
 - [482](#)
 - [483](#)
 - [484](#)
 - [485](#)
 - [486](#)
 - [487](#)
 - [488](#)
 - [489](#)
 - [490](#)
 - [491](#)
 - [492](#)
 - [493](#)
 - [494](#)
 - [495](#)
 - [496](#)
 - [497](#)
 - [498](#)
 - [499](#)
 - [500](#)
 - [501](#)
 - [502](#)
 - [503](#)
 - [504](#)
 - [505](#)
 - [506](#)
 - [507](#)
-

За кулисами Мюнхенского сговора. Кто привел войну в СССР?

Раздел 1. ДАВНО МЕЖ МУДРЕЦАМИ СПОР ИДЕТ: КОТОРЫЙ ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ ВЕДЕТ

Все, что видим мы, — видимость только одна.
Далеко от поверхности моря до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей не видна.
Омар Хайям

Глава 1. СУЩЕСТВУЮТ ДВЕ ИСТОРИИ: ЛЖИВАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ... И ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ, ГДЕ ВИДНЫ ПОДЛИННЫЕ ПРИЧИНЫ СОБЫТИЙ^[1] (Вместо пролога)

От времени до времени очень полезно подвергать пересмотру наши привычные исторические понятия для того, чтобы при пользовании ими не впадать в заблуждения, порождаемые склонностью нашего ума приписывать своим понятиям абсолютное значение^[2].

Перед вами необычное *исследование*. Прежде всего потому, что в основе его лежат методы разведывательно-исторического расследования. В свое время «технология» таких расследований была разработана аналитиками личной разведки Сталина и долгое время состояла у нее на вооружении. Используя эти методы, автору данной книги удалось не только пересмотреть до неузнаваемости, в сравнении с Подлинной Правдой, искаженные представления о заговоре Тухачевского. Удалось установить, что фатально неизбежным, но закономерным провалом своего заговора уже более полувека нарочито воспеваемый «стратег» умудрился подставить СССР под непосредственную угрозу резко ускоренного нападения гитлеровской Германии. Что, собственно говоря, и случилось 22 июня 1941 г. Хотя до ликвидации этого заговора Гитлер даже и не задумывался над тем, чтобы как можно быстрее напасть на СССР. При отсутствии у него хоть как-то сравнимой по численности и мощи с РККА армии до конца 1937 — начала 1938 г. фюрера только и хватало на то, чтобы на всех углах орать, что-де он готов в любой момент напасть на СССР. Что же до агрессии против Советского Союза, то первоначально, по состоянию германского военного планирования на середину 30-х гг., она предусматривалась не ранее 1943 — 1944 гг., причем в какой-то момент даже на 1945 — 1946 гг.

И вдруг, начиная с 1937 г., резкий перелом — политика Гитлера семимильными скачками стала приобретать все более агрессивный характер. А с лета того же года ситуация перетекла в стадию официально утвержденных директив об агрессии в Европе, разработка одной из которых началась еще до ликвидации заговора Тухачевского. И уже глубокой осенью

все того же 1937 г. Гитлер стал открыто заявлять о том, что ситуация войны, по «его ожиданиям», сложится к середине 1938 г.

Ни Тухачевский со товарищи, ни даже переживший их почти на восемь лет Гитлер так и не поняли, что же на самом деле произошло в начале второй половины 30-х гг. Не было это понятно и нам. И лишь благодаря «технологии» разведывательно-исторических исследований удалось установить следующее. Как сам факт заговора, так и умышленно оказанное Сталину сколь негласное, но столь же и непрошеное «содействие» Запада (прежде всего со стороны Великобритании) в ускорении провала заговора Тухачевского были использованы самим же Западом (англосаксами) как феноменально уникальный шанс для исторически беспрецедентной их «конвертации» в... Мюнхенский сговор с Гитлером!

После этого до первых залпов Второй мировой войны оставалось менее полушага — ведь даже территориально угроза войны вплотную была придвинута к советским границам. Хуже того. Реализация Мюнхенского сговора позволила Западу остро целенаправленными и злоумышленно осуществленными действиями создать для Советского Союза ситуацию, выход из которой был безальтернативно один. Проще говоря, не столько подписать договор о ненападении от 23 августа 1939 г., сколько, по соображениям безопасности, скрепя сердце согласиться на возникновение временной советско-германской границы, отчетливо понимая при этом, что она не только не будет долговременной, но и никогда не будет границей дружбы и добрососедского сотрудничества между государствами!^[3]

В мировой истории прямой аналогии Мюнхенскому сговору нет^[4]. И не случайно, что сам факт этого сговора Гитлер с полным на то основанием прямо назвал неслыханным, что могло произойти лишь раз в истории. Это действительно был фантастически феноменальный фортель Запада, преследовавший цели военно-экономического, военно-политического и военно-геополитического, так сказать, «умиротворения» коричневого шакала. В результате в наикратчайшие сроки многократно была ускорена военно-экономическая, а соответственно и военно-политическая подготовка нацистской Германии к войне, как рассчитывали на Западе, против Советского Союза. Провал же заговора Тухачевского Запад «конвертировал» в уникальнейший территориальный «кредит» Гитлеру в виде передачи соответствующего плацдарма (Чехословакии) для нападения на Советский Союз в непосредственной близости от его границ. От Гитлера требовали одного — немедленно осуществить агрессию против СССР уже в конце 30-х гг. Своими злоумышленными действиями Великобритания (а также Франция) при поддержке США преднамеренно создавали ситуацию абсолютной неизбежности возникновения Второй мировой войны, вектор которой был

остро целенаправленно сориентирован против Советского Союза. Именно из-за этого он и вынужден был, подчеркиваю, скрепя сердце пойти не столько на подписание договора о ненападении, сколько согласиться на временное возникновение советско-германской границы, ясно понимая, что это и будет рубеж начала атаки нацистской Германии в духе «Дранг-нах-Остен». Характерно, что практически безальтернативная для Советского Союза схема такого развертывания событий была разработана Западом задолго до их свершения и даже самого Мюнхенского сговора. А весной 1939 г. личная разведка Сталина с потрясающей документальной точностью вскрыла и «технологию», по которой Запад намеревался уже тогда, в 1939 г., спровоцировать войну между Германией и СССР.

Ни Гитлер, ни тем более Тухачевский с поделщиками ни в малейшей степени не отдавали себе отчет в том, в какую глобальную свару они угодили, с кем на самом деле полезли в драку и каковы будут последствия всего этого, в том числе и лично для них. Тем более они не осознавали, что конкретно в ускоренном темпе приведет одного на эшафот, а другого — якобы к «триумфу» в Мюнхене ради неминуемого впоследствии краха.

Ни тот, ни другой не видели и не могли увидеть невидимого вершителя их судеб, в своеобразный «сговор» с которым вступил Запад. Его имя — Высший Закон Высшей Мировой Геополитики и Политики (далее Высший Закон или просто Закон). Именно его «железной» дланью, но кровью людской исписаны все страницы истории человечества. Зафиксированные в письменной истории человечества почти 16 тысяч войн, не поддающееся какому бы то ни было исчислению количество всевозможных вооруженных и иных конфликтов с применением силы, заговоров, «революций», путчей и переворотов, в том числе и в тандеме с войной, — кроваво-убедительное тому доказательство.

Потому как малейшее неосторожное обращение с его постулатами фатально неминуемо, автоматически и с абсолютно не ведающей каких бы то ни было исключений жесточайшей неизбежностью приводит только к трагедии. Любое нарушение или даже всего лишь только гипотетическая попытка нарушить Высший Закон испокон веку всеми однозначно воспринимается только как требующее минимум просто адекватного, но, в силу исторически сложившегося обыкновения, более чем адекватного ответа на проявление злого умысла. И, как правило, расплата следует немедленно. Кто или что бы ни оказывались в испокон веку не знающих ни малейшей жалости «жерновах» Высшего Закона, итог всегда только один: с абсолютной беспристрастностью его «жернова» перемалывают в пыль бесславного Небытия кого угодно и что угодно. И хотя нам еще предстоит

детально поговорить о Высшем Законе Высшей Мировой Геополитики и Политики, но уже сейчас необходимо отметить следующее.

Именно этим Законом определяются не только основополагающие принципы геополитического бытия человеческой цивилизации на Земле. Его суровая логика и кровавые на практике постулаты заложены в генетике основных геополитических инстинктов всех народов, наций и государств мира, особенно великих. От сотворения мира именно Высший Закон определяет извечное глобальное, ни при каких обстоятельствах не устранимое противоречие между Западом и Востоком. Потому как действием именно Высшего Закона исторически было предопределено, что в основе созидания, бытия и процветания Запада лежит Агрессия, в то время как в основе созидания, бытия и процветания Востока (особенно континентального в целом, в рамках которого Россия — его наиболее яркое, классическое проявление) — Безопасность!

Запад есть запад.
Восток есть восток.
И с мест они не сойдут,
Пока не предстанут небо с землей
На страшный господень суд!^[5]

Злоумышленно приведенный Западом к кормилу власти Гитлер был готов нарушить Высший Закон. С одной стороны, делая вид, что-де готов по заказу англосаксонского Запада устроить Востоку (СССР) этот самый Страшный Господень Суд от имени Запада. На том, собственно говоря, и базировалась принципиальная сделка между Гитлером и Западом. Но с другой-то, он втуне лелеял мечту силой разобраться и с самим Западом, особенно за версальское унижение Германии. «Миром правят насилие, злоба и месть. Что еще на земле достовернее есть?»^[6] Преисполненный мстительной злобой Гитлер был готов к глобальному насилию. Но «шестерка» — она и в лице фюрера даже «тысячелетнего рейха» всего лишь «шестерка». Гитлер не знал, как это можно сделать, и уж тем более не отдавал себе отчета в том, чем это может закончиться для него и для Германии.

Но и Тухачевский со товарищи недалеко ушли. С предрешенной Высшим Законом неизбежностью «стратегии» угодили между не знающими жалости «жерновами» Агрессии и Безопасности. Потому что не считались с законами геополитики^[7] и планировали устроить Страшный Господень Суд

одновременно и вскормившему их Советскому Союзу, и Западу. Как говорится, и Бог бы с ними — за давностью лет едва ли стоило бы ворошить это прошлое. Однако все дело в том, что подлинные последствия этого заговора таковы, что нет ни малейшей возможности отмахнуться от острейшей необходимости глубокого разведывательно-исторического расследования этого дела. Потому как подлинная суть происшедшей тогда трагедии состояла в том, что безумством своего как закономерно провалившегося, так и закономерно проваленного заговора Тухачевский и К^о предоставили Западу фантастически уникальнейший шанс «конвертировать» их преступный, прежде всего по отношению к Советскому Союзу, замысел в сговор с Гитлером ради устройства его же руками Страшного Господнего Суда для СССР! То есть реально подставили СССР под непосредственную угрозу войны! Запад не упустил столь уникальный шанс — помог Гитлеру. В том числе и тем, что привел его практически на границу Советского Союза.

Ни Гитлер, ни тем более Тухачевский с поделниками не были в состоянии понять главного. Во-первых, того, что сам заговор Тухачевского был обречен на неизбежное зарождение. Главным образом как неотъемлемая составная часть военно-геополитического «двойного» заговора, то есть как партнер в «дуэте» с заговором реваншистски настроенных германских генералов, возникшим задолго до привода Гитлера к власти. В свою очередь и германская часть «двойного» заговора также была фатально обречена на неминуемое зарождение как неизбежная реакция германского милитаризма на тотальное военное поражение в Первой мировой войне и беспрецедентное в истории национальное унижение Германии Версальским «мирным» договором, коим якобы завершилась первая в XX в. всемирная бойня.

В 1922 г. германские генералы рассуждали так: «В данный момент русской армии не существует, и, может быть, еще долгое время она не будет существовать. Однако военная мощь измеряется не только числом, качеством, силой и вооружением воинских частей. Она складывается из географических, стратегических и экономических факторов в единое целое, которое зависит также от численности населения и обширности территории. Страна, численность населения которой втрое превосходит численность нашего, потенциальные ресурсы которой беспредельны, страна, которая простирается от Балтики до Тихого океана и от Черного моря до Северного Ледовитого океана, будет играть в будущей мировой войне важнейшую роль. Тот, кто будет действовать против нее, натолкнется на трудно преодолимые препятствия. Кто будет с ней — до бесконечности расширит

свое поле действий и свои возможности выступления во всех уязвимых пунктах земного шара. Все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы в будущих реваншистских войнах СССР был нашим союзником. Если он не будет нашим союзником, то, прежде чем свести счеты с Францией, мы должны победить его, что потребует длительных и дорогостоящих усилий»^[8]. Вот это и был основополагающий геополитический импульс, приведший к зарождению самой идеи о таком заговоре. Рачительные немцы не были склонны прикладывать длительные и тем более дорогостоящие усилия.

Сочетание же взаимного «магнетизма» антизападного настроения обоих «партнеров» и уже имевшихся у каждого из них «специфических», в том числе и личных, связей с Японией едва ли не в исходной точке привело к трансформации заговора в трансконтинентальный по характеру. Заговор изначально перерос в «тройной» (трипартитный) — с участием недовольных итогами Первой мировой войны, особенно условиями Версальского «мирного» договора 1919 г., экспансионистски настроенных военных кругов Страны восходящего солнца. Это была уникальная, фатальная неизбежность, обладавшая к тому же весьма специфической логикой геополитического характера.

Что же до Гитлера, то он так и не понял сути генеральской оппозиции внутри самой Германии, хотя и чувствовал, что она есть. И лишь тогда, когда не в меру «сердобольные» бритты объяснили ему, что к чему, до фюрера кое-что дошло, да и то, если уж откровенно, не до конца. В полной мере он осознал смысл предупреждения бриттов лишь тогда, когда чудом остался жив после состоявшегося 20 июля 1944 г. покушения полковника Штауффенберга. А тогда он не понял даже того, почему бритты сделали свое предупреждение почти за год до Мюнхенского сговора, хотя и воспользовался им, повыгоняв ряд генералов.

Во-вторых, заговорщики не могли понять того, что в любой вариации заговор фатально был обречен на неизбежный провал. В первую очередь его советская часть — как геополитический «коренник» «тройного заговора». Тщательный анализ международной ситуации того времени не дает ни малейшего шанса на иной вывод. Заговор был просто-таки обречен не только на провал и ликвидацию, но и на неминуемую «конвертацию» в сговор Запада с Гитлером против СССР. Потому, что в тех конкретных условиях ситуации в Европе провал заговора Тухачевского был единственным для Запада шансом резко, в буквальном смысле на порядки ускорить военно-экономическую подготовку нацистской Германии к войне и

вывести ее на ближайший же в конце 30-х гг. прошлого столетия к советским границам плацдарм для нападения.

К разоблачению принципиальной сути этого заговора британская разведка приступила... почти за 20 лет до того, как он едва не стал реальностью! То есть тогда, когда ни о каких тухачевских, уборевичах, якирах, гамарниках и т. п. даже среди захвативших власть в огромной стране коммунистов еще никто ничего толком не знал. Когда даже о Сталине еще мало кто и что слышал в узком кругу высшей партийной элиты. А уж о Гитлере с его подручными и вообще о нацизме — и вовсе не было никакой даже тени намека^[9]. В конце Первой мировой войны, когда на политической авансцене России только-только появились Ленин и К°, высшее руководство Британской империи и соответственно британской разведки уже исходило из того, что, «пока война продолжается, германизированная Россия будет служить источником снабжения, который полностью нейтрализует воздействие блокады союзников. Когда война закончится, германизированная Россия будет угрозой для всего мира (англосаксонского. — А. М.)»^[10]. Чуть позже аналитики британской разведки забили уже особую тревогу по поводу того, что некоторые из японских военных теоретиков «зашли настолько далеко, что выступили за германо-русско-японский союз, который, по их мнению, может господствовать над миром. И они продолжали выступать в защиту этой идеи даже после революции и отпадения России (то есть от Антанты. — А. М.)».

Инициатором этого алармистского вывода был Гектор Байуотер (Hector C. Bywater) — автор книги «Sea-Power in the Pacific. A Study of the American-Japanese Naval Problem» (London, 1934. P. 310). Г. Байуотер был не столько журналистом и авторитетным военно-морским экспертом, сколько агентом английской разведки. Завербован еще в 1910 г. Выполнял ответственные разведывательные (в основном военно-морского характера) поручения за границей, в том числе и в Германии. Благодаря ему военно-морская разведка Великобритании располагала исчерпывающей документальной информацией не только на все корабли ВМФ кайзеровской Германии, но и вообще о состоянии германских военно-морских сил. Г. Байуотер находился под прямым патронажем руководителя британской разведки того времени — знаменитого господина «Си», он же Мэнсфилд Камминг^[11].

Высшее руководство Британской империи и британской разведки давно уже отдавало себе отчет в том, что подобный заго

вор — вне зависимости от конкретных форм его проявления и участников — принципиально возможен и реален. В том числе и в

ближайшей перспективе, что, кстати говоря, чрезвычайно быстро подтвердилось на практике. Более того, они прекрасно понимали, что даже в теории, не говоря уже о практике, это представляло колоссальную угрозу высшим интересам имперской безопасности Великобритании. Осознание этого в полной мере присутствовало в консолидированном имперском интеллекте руководства Британской империи еще в последней декаде XIX в. Превентивная же борьба с такой угрозой являлась (и является) постоянной задачей Великобритании, ее тайной дипломатии и разведки.

Как правило, она ведется с помощью одного из наиболее классических методов, который на языке спецслужб называется «заговор в заговоре» (или «заговор против заговора»). Его использование — наивысший «пилотаж» в глобальной мировой борьбе. А британская разведка невероятный мастер на подобные фортели — ведь пять веков шлифует свое искусство. Да и наставники у нее были суперасы тайных методов глобальной борьбы за мировое господство.

Метод зародился во времена свирепо ожесточенной борьбы Реформации и Контрреформации в Англии. Его принципиальная схема предусматривала тайное агентурное проникновение в ряды сторонников контрреформации для сбора информации, чтобы затем, используя промахи, некомпетентность и тщеславие эмиссаров контрреформации, не столько даже разоблачать чужие планы, сколько, парируя, направлять вражеские заговоры в русло интересов британского правительства. Центральное место в этой «технологии» заняло негласное содействие провалу вражеских заговоров по сценарию, который был выгоден правительству Англии в тот или иной момент. Кровавая «премьера» этого метода состоялась без малого пять столетий назад. «В XVI веке начальник английской секретной службы лорд Берли и его ближайший помощник Уолсингем решили устранить претендентку на престол Марию Стюарт. Но как это сделать? Взять и просто ее репрессировать — нельзя. Было решено "помочь" ей организовать заговор против королевы Елизаветы. В окружение Марии внедрили агента Джифорда^[12]. Он умело подтолкнул людей Марии на организацию заговора и помог его разоблачить. "Гэкачеписты" XVI века, в том числе Мария Стюарт, были казнены. В истории спецслужб это классический пример метода "заговор в заговоре"^[13]. В XX в. еще только гипотетически предполагавшийся в будущем заговор уже был обложен агентурой британской разведки. Прозорливость на сей счет проявили и янки — эти тоже обложили своей агентурой «поле», на котором предполагали возможность такого заговора. И, надо отдать должное англосаксам, они не удовольствовались в этой игре агентурными позициями только на германском плацдарме. Такие же позиции, к глубокому сожалению, они

создали как в СССР (в том числе, к глубокому сожалению, и в высших его сферах), так и в сопредельных с ним государствах того периода. Оттого-то их осведомленность о заговоре Тухачевского и была беспрецедентной.

Ни высшее руководство британской разведки, ни тем более высшее руководство Британской империи никогда не заблуждались по поводу истинного характера так называемой «германизованности» России — они прекрасно знали, что за спиной приведших Ленина к власти тевтонов стоят... США и американский капитал, мечтавшие вышибить Великобританию с пьедестала мирового гегемона чужими руками. Впрочем, прекрасно знали они и о своей причастности к так называемой «германизации» России. И поныне стойко существующее убеждение, что Ленин и его шайка из пресловутого «запломбированного вагона» есть дело рук германского Генерального штаба, — один из самых очаровывающих своей отупляющей «убедительностью» мифов. На самом же деле ни Ленин, ни Троцкий, ни особенно сподобивший тевтонов их использовать «купец русской революции» Парвус-Гельфанд не были сугубо германской креатурой. Их «германизованность» — всего лишь прикрытие. Это были хотя и разновеликие, но подконтрольные фигуры, которым было приказано играть по англосаксонской «партитуре», и они играли только по ней. Однако как они сами, так и тем более «русская революция» очень быстро вышли из-под контроля англосаксов. Особенно октябрьский переворот 1917 года. Он быстро превратился в подлинно русскую революцию. И это несмотря на то, что руководствовавшееся мощными многовековыми геополитическими инстинктами Агрессии высшее руководство Великобритании с помощью своей многоопытной разведки еще в 1917 г. осуществило в своих корыстных целях уникальную двухступенчатую операцию по кратковременной, как ей тогда грезилось, «германизации» России в рамках своего сценария. Тогда, на первом ее этапе, чужими руками и под чужим же флагом заговором же, получившим название «февральская революция», был превентивно ликвидирован заговор по «германизации» России по германскому сценарию, поскольку он угрожал Великобритании далеко идущими и крайне негативными геополитическими последствиями. Действовавшая тогда в тесной координации с британским политическим масонством британская разведка оказалась причастна к совершению так называемой «февральской революции» 1917 года в России.

Британская разведка не остановилась не только перед убийством (Распутина), но и даже перед свержением руками англофильствовавших внутрироссийских негодяев родственника своего же короля и вернейшего союзника — Николая II. Что бы о нем ни болтали, но, вопреки распускавшейся теми же бриттами лжи, ни о каком содействии именно

негативному для Антанты развитию событий, в том числе и о заключении сепаратного мира с Германией, Николай II даже и не помышлял. Хотя кое-кто в его окружении и пытался побудить его к этому. Его цель только в том и состояла — в Победе России в той войне. И контуры этой внушительной Победы уже были отчетливо видны. А вот именно этого-то и не надо было Западу, особенно Великобритании, а также США. Цель их участия в Первой мировой войне, как, впрочем, и ее провоцирования в первую очередь, в том и заключалась, чтобы германским тараном уничтожить Россию^[14].

А когда англосаксонский сценарий по кратковременной, как тогда грезилось Лондону, «германизации» России был напрямую согласован между Великобританией (при активном негласном соучастии США) и кайзеровской Германией на тайных переговорах в августе 1917 г., последней было разрешено начать второй акт трагедии Великой Смуты 1917 г. — привести намертво повязанных обязательствами перед англосаксонским Западом Ленина, Троцкого и К^о к власти в России. Такова вкратце подлинная предыстория «октябрьского переворота» 1917 г.

Заговор же не в меру воспеваемых ныне «гениальных стратегов» фактически являлся не подконтрольным Великобритании плагиатом германского сценария 1917 г. по «германизации» России с явно просчитывавшимися не подконтрольными Англии негативными последствиями. Это-то и вызвало неопишное бешенство Великобритании в середине 30-х гг. прошлого века. Но в 1937 г. ни Великобритания, ни ее многоопытная разведка на повтор семнадцатого года пойти не могли. Советский Союз под руководством Сталина не являл собой полигон для различного рода «цивилизаторских опытов» Запада. Потому ей и пришлось пойти на непрощеное негласное содействие в целях ускорения провала заговора Тухачевского. Что им было до какого-то красного Бонапарта, если они подняли руку на самого Помазанника Божьего?! Не говоря уже о том, что второй раз наступать на одни и те же грабли ни Великобритания, ни Запад в целом не собирались.

Истинной целью Великобритании на протяжении последних пяти веков было (и есть) абсолютное уничтожение России как государства, вне какой-либо зависимости от существующего в ней строя. Но особенно как единственной в мире подлинно трансконтинентальной, единой евразийской державы, уже одним только фактом своего присутствия на географической карте мира бросающей вызов пресловутому принципу британской внешней политики, более пяти веков известному как «баланс сил», в основе которого лежало так называемое морское могущество.

Один из самых выдающихся (для Англии, естественно) британских премьеров Ллойд Джордж еще в бытность на Олимпе власти заявил: «Традиции и жизненные интересы Англии требуют разрушения Российской империи, чтобы обезопасить английское господство в Индии и реализовать английские интересы в Закавказье и Передней Азии». Британские «традиции», видите ли, требуют разрушения России?! Именно этот самый Ллойд Джордж, едва ли не самым первым в мире получив известие о свержении Николая II, воскликнул: «Цель войны достигнута!» «Традиции», понимаете ли...

Как правило, Великобритания действует только чужими руками, под чужим флагом, с чужого плацдарма и при обязательном наличии безусловной гарантии абсолютной безнаказанности за организованный ею глобальный международный бандитизм. И чем больше вреда удастся нанести России (тогда СССР) таким способом — тем лучше. Это «традиция» Великобритании. И не случайно, что во всех тех событиях 1937 — 1938 гг. четко прослеживается почерк послушного инструмента внешней политики Великобритании — ее многоопытной разведки. Именно она своими специфическими методами создавала все необходимые предпосылки для развязывания чужими руками новой мировой войны в целях гарантированного уничтожения России (хотя бы и Советской). Именно британская разведка изошренно, но негласно «содействовала» ускорению провала заговора Тухачевского. Ибо увидела в том уникальный, единственный шанс резко приблизить давно запланированную вторую по счету в XX веке войну между Германией и Россией (хотя бы и в лице Советского Союза) как по времени, так и территориально. А ведь до провала заговора не было ни одного шанса хоть как-то начать подготовку непосредственно к войне между Германией и СССР — к границам последнего невозможно было подойти. Сталин еще с середины 20-х гг. дипломатическими методами искусно вышивал «бронезилет» внешней безопасности Советского Союза, преодолеть который было невозможно.

Тухачевский вообще не понимал последствий заговора. Гитлер же и вовсе не отдавал себе отчета в том, какую конкретно выгоду он сможет извлечь из провала заговора Тухачевского. Потому как ни он сам, ни спецслужбы Третьего рейха как подконтрольные фюреру государственные институты никакого отношения к организации провала заговора Тухачевского не имели. Гитлер настолько не имел никакого отношения к организации провала заговора Тухачевского, что, к сильному изумлению многих, после его ликвидации фюрером овладел неподдельный животный страх перед РККА. Хотя за год до этого, не имея еще сильной армии, он

открыто орал на весь мир, что-де готов напасть на Советский Союз в любое время!

Ну и, наконец, в-третьих, ни тот, ни другой, естественно, и предположить-то не могли, что сама история заговора и его ликвидация, не говоря уже об их действительной и мнимой роли в этом, не менее фатально были обречены на многолетнюю фальсификацию и мистификацию. И не только потому, что в интересующей нас истории круто замешаны представители британской правящей элиты — от руководства министерств иностранных дел и финансов до премьер-министров, а также членов британской королевской семьи, не исключая королей Эдуарда VIII (как в период пребывания на троне, так и после отречения, в бытность герцогом Виндзорским) и Георга VI. Подлинное предназначение этих фальсификаций и мистификаций в том, что с их помощью скрывается главное преступление Великобритании в XX в. — организация британской (англосаксонской в целом) прелюдии ко Второй мировой войне! Потому как подлинной прелюдией к ней является не беспрестанно демонизируемый советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., а именно же Мюнхенский сговор Запада, прежде всего самой Великобритании, с Гитлером! Санкцию на который Великобритании дали Соединенные Штаты Америки!

Как «коренник» в трипартитном заговоре, заговор Тухачевского противоречил «приоритетам» Великобритании и США по устроению давно запланированной Второй мировой войны в исконно британском, пожалуй, точнее будет в англосаксонском (с учетом интересов и США тоже), сценарии. То есть с жесткой ее ориентацией опять против России (в лице Советского Союза). Это, конечно же, не означает, что успех заговора Тухачевского явился бы благом для СССР. Его успешная реализация означала бы все ту же мировую войну. Но уже с консолидированными силами всего Запада — от Западной Европы во главе с Великобританией до США, опирающихся на необозримые ресурсы всего Западного полушария. Ведь «плечевые» партнеры по тройственному заговору — Берлин и Токио — намеревались вести свою борьбу за мировое господство — борьбу именно с англосаксонским Западом. Не говоря уже о том, что в таком случае Россия была бы принуждена выступить в более чем ущербном и унижительном для нее статусе неизвестно за что воюющих «дойной коровы» и «пушечного мяса»! Сговор заговорщиков со своими партнерами на том и строился. Если бы цели заговора Тухачевского ограничивались только антисоветской сутью, то Великобритания даже помогла бы заговорщикам, включая и их политических союзников по антисталинской оппозиции

внутри Советского Союза. И уж, конечно же, с превеликим удовольствием приветствовала бы его в случае успешной реализации.

Но, как известно из истории, заговор преследовал не столько антисоветские и антисталинские цели. Его антисоветизм, как, впрочем, и антисталинизм, носили главным образом псевдоцелевой характер. В первую очередь он преследовал глобальные геополитические цели, коренным образом ущемлявшие высшие интересы безопасности как Советского Союза, так и Великобритании (и США). Лидеры англосаксонского мира прекрасно знали об этом. Британская разведка, правительство Великобритании и администрация США располагали уникальной и достоверной информацией о подлинной сути целей заговора. И не отреагировать на это не могли. Поэтому Великобритания, с санкции США, и пошла на определенное, но негласное «содействие» Сталину в ликвидации этого заговора, филигранно ловко «конвертировав» с исключительной точностью спрогнозированные, а во многом и точно спланированные негативные последствия этого в Мюнхенский сговор! Потому что не сделай она этого и не успеет Сталин по вынужденности ликвидировать этот заговор, то для Запада пропал бы не только уникальнейший шанс на резкое ускорение развязывания войны. В корне были бы изменены приоритеты, хотя и антигитлеровски, однако в первую очередь все же реваншистски, антизападно настроенных германских генералов, а также экспансионистски настроенных милитаристских сил Японии. А это уже откровенно грозило совершенно непредсказуемыми последствиями негативного характера не только для Великобритании, не только для англосаксонского Запада, но и для всего Запада в целом!

Британская дипломатия отчетливо видела эти угрозы. В марте 1935 г. высокопоставленный британский дипломат В. Уэлсли писал в служебном меморандуме: «К счастью, сейчас нет никаких шансов, что русские и немцы объединятся, но если только на смену Гитлеру придет некто с бисмарковским взглядом на добрые отношения с Россией любой ценой — единственно верная политика с германской точки зрения — ситуация может измениться моментально, и Западной Европе будет противостоять германо-русско-японская комбинация, самая впечатляющая из всех, с которыми ей когда-либо доводилось сталкиваться. У нас есть все оснований благословлять слепоту Гитлера и большевизм, которые делают это невозможным в настоящее время. Да продлит Господь дни их обоих»^[15].

Полный же провал заговора Тухачевского мог дать и действительно дал Великобритании исторически уникальный шанс безоговорочно

каналлизировать события по своему же сценарию и «конвертировать» факт и последствия провала заговора в (Мюнхенский)^[16] сговор с Гитлером. В результате фюреру были предоставлены и беспрецедентный территориальный «кредит» в виде плацдарма для нападения на СССР, и все необходимые условия для резкого ускорения военно-экономической подго

товки Третьего рейха к войне. Чем он и воспользовался. Подчеркиваю, что не будь этого инспирированного Троцким заговора, то даже при той, едва ли в чем-либо дружелюбной по отношению к СССР ситуации в Европе Гитлер ни при каких обстоятельствах не смог бы даже на один шаг приблизиться к советским границам! А уж с военно-экономической подготовкой фюрер действительно возился бы до середины 40-х годов. Но СССР тогда стал бы настолько неприступной крепостью, что было бы совершенно бессмысленно даже теоретически планировать нападение на него. Лишь помощь не в меру «доброй» Великобритания, конвертировавшая ею же в немалой степени проваленный заговор в Мюнхенский сговор, позволила коричневому шакалу вплотную приблизиться к советским границам, резко, на порядки усилив военно-экономический потенциал Третьего рейха.

В те времена удельный вес Чехословакии на мировом рынке вооружений и боеприпасов составлял 40 процентов! Десять основных оборонных заводов этого маленького государства в Центральной Европе ежемесячно производили 1600 станковых и 3000 ручных пулеметов, 130 тыс. винтовок, 7 тыс. гранатометов, 200 орудий, а также танки и самолеты. Уже после оккупации Чехословакии, 29 апреля 1939 г., Гитлер заявил своим соратникам: «Хочу, чтобы вы имели хотя бы некоторое представление о почти астрономических цифрах, которые дает нам этот международный арсенал, расположенный в Центральной Европе. Со времени оккупации мы получили 1582 самолета (сравните: на 1.X.1938 г. в люфтваффе имелось 2200 самолетов, то есть за счет Чехословакии ВВС Германии одномоментно увеличились на 72 %!^[17] — А. М.), 581 противотанковую пушку, 2175 орудий всех калибров, 735 минометов, 486 тяжелых танков (правда, тут Гитлер слегка загнул, ибо у Чехословакии не было тяжелых танков, но сама названная им цифра означает, что танковые войска Германии одномоментно увеличились на 67,5 %, ибо на 1.X. 1938 г. панцерваффе насчитывали всего 720 танков. — А. М.), 42 876 пулеметов, 114 тыс. пистолетов, 1,02 млн. винтовок, 3 млн. гранат, миллиарды единиц огнестрельных боеприпасов»^[18]. В результате такого военноэкономического «умиротворения» Гитлер смог одномоментно сформировать, вооружить,

обмундировать и оснастить почти 50 новых дивизий вермахта! Кроме того, Гитлер получил тогда не только вооружение и снаряжение почти для 50 дивизий, но и даже золотой запас Чехословакии («добрая» Англия отдала), а также уникальный по своей эффективности и мощи военно-промышленный комплекс и всю военную инфраструктуру Чехословакии. ВПК этой страны внес исключительный вклад в разбой Гитлера на Востоке, а ее «братский» народ в течение всей Второй мировой войны послушно клепал оружие для преступного нацистского режима, лишь изредка — когда гитлеровцы урезали хлебную, но в основном пивную пайку — взбрыкивая, да и то под давлением извне^[19]. Только бронетехники для рейха чехи произвели 6500 единиц, в том числе 1400 танков, 2000 САУ и 2500 САПТО (самоходных противотанковых орудий) и т. д. И это не говоря уже о тысячах отремонтированных танков, поставках тысяч тяжелых грузовиков и т. п.^[20] Все это оружие нацисты широко использовали для развязывания Второй мировой войны и во время нападения на СССР.

Уже весной 1936 года Сталин предвидел принципиальную возможность такого поворота событий — в том смысле, что найдутся «охотники» предоставить Гитлеру территориальный «кредит» для нападения на СССР. Но вот чего он действительно не мог предвидеть, так это того, что заговор и даже провал заговора могут быть «конвертированы» в такой сговор. Спасая от заговора Тухачевского в первую очередь, естественно, СССР, Сталин в 1937 г. фактически одновременно спас и Запад. Запад же, «естественно», подло отплатил столь присущей ему чернейшей, злобной, звериной неблагодарностью, и прежде всего самим фактом Мюнхенского сговора. Западу важнее было иметь дело с Гитлером. Ведь британский сценарий был направлен на полную изоляцию СССР на европейской сцене, чтобы в такой ситуации толкнуть Гитлера на Восток, а затем, на его же плечах, ворваться в Восточную Европу и «в целях защиты демократии и прав малых наций» установить там свой, «атлантический миропорядок»^[21]. Лишь 23 августа 1939 г. Сталину удалось «вернуть должок» Великобритании — «реконвертировать» созданную Мюнхенским сговором прямую угрозу безопасности СССР в советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. И тем самым, к сожалению, только по времени, несколько отодвинуть угрозу войны.

В ситуации, когда Мюнхенский сговор выдвинул гитлеровскую агрессию на ближайший к границам СССР плацдарм, а «благодарить» за это в первую очередь надо наряду с заговором Тухачевского также и преступную по отношению к коренным интересам Советского Союза англо

и франкофильствовавшую «дипломатию» наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова, у Сталина остался один выход. Не только пойти на подписание договора о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г., но и скрепя сердце согласиться на возникновение советско-германской границы при ясном осознании того факта, что это всего лишь рубеж, с которого непосредственно стартует гитлеровская агрессия против СССР. Именно из-за этого Сталин и пошел на обязательный возврат Советскому Союзу отторгнутых еще в 1920 г. в результате провала польской авантюры Ленина, Троцкого и Тухачевского территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, дабы обезопасить основную часть европейской территории СССР.

Запад прекрасно понимал абсолютную неизбежность подписания такого договора между Германией и СССР. Еще до Мюнхенского сговора, а после него особенно, донесения дипломатов и разведок европейских стран и США были просто-таки перенасыщены убедительнейшими доказательствами закономерной неизбежности заключения советско-германского договора о ненападении именно в силу указанных выше мотивов. И, воспользовавшись перехваченными в ходе ликвидации заговора нитями связей с соответствующими кругами Германии, на которые в ущерб коренным интересам СССР ориентировались заговорщики, Сталин внешне сделал вроде бы то же самое, но на самом-то деле использовал их в интересах укрепления безопасности СССР. Сталин ясно продемонстрировал, что в интересах собственной безопасности СССР ровно настолько с Германией, насколько западные демократии не столько не с СССР, сколько против него. Но не более того, чтобы тем самым хотя бы оттянуть как минимум на какое-то время фатально неминуемое столкновение с Германией, неизбежность которого предreshало постоянное и целенаправленное провоцирование Западом Германии (Гитлера) к нападению на СССР. Это-то и взбесило Великобританию. Именно из-за этого-то она до сих пор и демонизирует договор о ненападении от 23 августа 1939 г., объясняя, в том числе и при помощи различных предателей и так называемых независимых историков, его подписание упреждающей ликвидацией Сталиным заговора Тухачевского. Мол, Сталин умышленно ликвидировал Тухачевского и К^о ради того, чтобы занять возможность вступить в сговор с Гитлером^о!

Единожды взбесившись, Великобритания до сих пор никак не может успокоиться — ведь договор о ненападении сорвал ее намерение цинично подставить Советский Союз под удар нацистской Германии уже в самом конце 30-х гг., чтобы затем на «плечах «последней ворваться в Восточную

Европу и реализовать там свои геополитические цели — установить там свое господство. Ведь именно ради этого она заваливала заговор Тухачевского, а тут такой облом! Договор-то круто поменял не только предвоенную и даже послевоенную конфигурацию в Европе, но и прежде всего расписание войны. В результате чего Великобритания первой же и вляпалась в войну, которую так усердно подготавливала для столь ненавистой России.

Однако договор о ненападении от 23 августа 1939 г. беспрестанно демонизируется не только потому, что это исторически беспрецедентный символ всей глубины провала британской политики и дипломатии за весь XX век. В первую очередь это делается для сокрытия главного преступления Великобритании в XX веке — Мюнхенского сговора с Гитлером, а соответственно и того, каким образом Великобритания сумела организовать эту позорную и подлую сделку. Вот почему в упреждающем по отношению к первому режиму особо рьяно демонизируется сам факт ликвидации заговора Тухачевского — в том смысле, что-де ликвидация «гениальных стратегов» понадобилась Сталину как первый шаг на пути якобы подготавливавшегося им сговора с Гитлером, в качестве которого и выставляется этот договор!

Это единственный способ отвести от Великобритании обвинения в злоумышленном, но негласном содействии закономерному провалу заговора Тухачевского ради последующей конвертации его неизбежных международных последствий в сговор с Гитлером, который вошел в Историю как Мюнхенский! Мало кому известно, если вообще известно, что разработка его замысла была инициирована еще в начале 1936 г. Как руководство к действию он был утвержден в конце января 1937 г. и тогда же, правда, без особого раскрытия всей сути, предварительно был согласован Великобританией с Гитлером. И тот факт, что сговор в Мюнхене в конце концов состоялся в соответствии с этим предварительным сговором, — наиболее убойный, смертельный для всех фальсификаций этого дела аргумент. Тем более что демонизирующая фальсификация впервые была запущена на орбиту пропагандистской борьбы именно британской разведкой! Подчеркиваю — не будь этого заговора, у Запада не было бы ни малейшего шанса на устроение Мюнхенского сговора. И уж тем более не было бы даже гипотетического шанса на выведение Гитлера на ближайший к советским границам в конце 30-х гг. прошлого века плацдарм — Чехословакию — при одновременном резком ускорении военно-экономической подготовки нацистской Германии к развязыванию войны на восточном азимуте. Как, впрочем, не было бы и шансов на устроение Второй мировой войны. Соответственно не было бы и оснований

заниматься такой демонизирующей фальсификацией тех событий. Потому как их просто не было бы.

Вы, злодейству которых не видно конца,
В Судный день не надейтесь на милость Творца!
Бог, простивший не сделавших доброго дела,
Не простит сотворившего зло подлеца!^[22]

А мы и не собираемся прощать. Мы просто покажем, как, уходя в бесславное Небытие, Тухачевский и К° подло приблизили войну как территориально, так и по времени и какую коварную роль во всем этом сыграл **PERFIDIOUS ALBION**.

P.S.

На страницах этой книги нам придется постоянно встречаться с представителями самой могущественной закулисной силы мира — членами **КОМИТЕТА 300**. Именно его представители, равно как и сам **КОМИТЕТ 300**, в наибольшей степени ответственны за то, что произошло с миром в XX в., и в первую очередь, естественно, с Россией. В связи с этим необходимо краткое резюме о **КОМИТЕТЕ 300**. А помогут нам в этом явно нелегком вопросе:

— бывший высокопоставленный сотрудник британской разведки Джон Колеман, опубликовавший уникальную книгу «**КОМИТЕТ 300**». Только на русском языке она выдержала уже 4 издания всего за два года;

— и выдающийся американский ученый-экономист, большой друг России Линдон Ляруш.

КОМИТЕТ 300 — не просто чрезвычайно могущественная закулисная организация мира. Это на самом деле самая могущественная в мире закулисная организация мира, щупальца которой протянулись во все уголки земного шара. Это своего рода «Октопус орби» — «Мировой спрут».

Происхождение **КОМИТЕТА 300** окутано тайной. До сих пор среди исследователей нет единого мнения о времени его происхождения. Есть версии, согласно которым возникновение **КОМИТЕТА** относят к XVIII веку, согласно же другим — к середине XIX столетия. Достоверно известно лишь одно — **КОМИТЕТ 300** возник в недрах Британской **Ост-Индской компании**. Следовательно, учитывая место зарождения **КОМИТЕТА**, по времени то был все-таки XVIII век, ибо это было столетие расцвета и небывалого могущества упомянутой компании. Более того. Судя по всему, его возникновение произошло не просто в недрах Ост-Индской компании, а именно же в недрах ее «**Секретного Комитета**» — Департамента

разведки Ост-Индской компании. Впоследствии на базе именно этого департамента возникнет Служба внешней разведки Великобритании как институт именно государства, а не только монархии, превратившись в итоге в знаменитую «Секрет Интеллидженс Сервис», более известную ныне как МИ-6. В свою очередь, это дает определенные основания усмотреть в лице шефа «Секретного Комитета» — Уильяма Петти-младшего, второго графа Шелнбурнского, — фигуру одного из отцов-основателей **КОМИТЕТА 300**.

К такому выводу обязывает то обстоятельство, что в период именно его руководства «Секретным Комитетом» Ост-Индской компании был завершён процесс инициирования неразрывного, «органического» альянса двух наиболее непримиримых, как свидетельствует формальная история, сил, созданных только для того, чтобы вести между собой ожесточенно свирепое противоборство только ради уничтожения друг друга вне зависимости от того, на чьем конкретно «поле» происходит их очередная смертельная битва. Это альянс:

— многоопытного, зрелого, вобравшего в себя весь гигантский объем премудростей тайной, в том числе и подрывной, деятельности всех видов предыдущего периода развития человечества, масонства (в его современном виде), развивавшегося преимущественно вдоль силовых линий высшей мировой геополитики и мировых финансов,

— и обладавшего абсолютно аналогичным по качеству и объему тождественным опытом, знаниями и навыками ордена иезуитов, проявившего свою активность вдоль тех же силовых линий высшей мировой геополитики и мировых финансов.

В результате был создан уникальный перпетуум-мобиле имманентной перекройки мира в целях проторения для Англии магистрального пути к установлению абсолютной мировой гегемонии. Зримым выражением этого альянса стал орден иллюминатов — главный виновник всех «революций» в Европе (да и в мифе в целом), начиная с конца XVIII в. Однако быстро прорезавшиеся хищные и острые зубы заокеанского «внука», сиречь Соединенных Штатов Америки, вынудили Великобританию к концу XIX века слегка потесниться, а к середине XX века — и вовсе отдать «пальму первенства» Америке.

Членами КОМИТЕТА являются самые необычные и самые выдающиеся по своим личным, деловым и моральным качествам лица, представляющие все слои мировой элиты. Прежде всего, это могущественнейшие, мирового уровня «гроссмейстеры финансовых и экономических шахмат» — избранные представители высшего эшелона мировой суперэлиты. Это и самые выдающиеся политические, государственные и общественные деятели мира, обладающие

громчайшим авторитетом и влиянием на ход мировой истории. Это и суперэлита мировой аристократии, прежде всего царствующие венценосные особы.

Особо следует сказать о такой коллективной персоналии **КОМИТЕТА 300**, как британская ветвь так называемого Синего Интернационала или, точнее, если исходить из данных Джона Колемана, британская ветвь «Европейской Черной Аристократии» (**European Black Nobility**). Это наиболее могущественная часть **КОМИТЕТА 300**. Практически все ее представители состояли членами одной из могущественнейших в мире масонских лож — британского «Герметического Ордена Золотой Зари» (**Hermetic Order of Golden Dawn**). Это и представители практически всех основных направлений науки, но более всего общественных наук. Как правило, именно те, которые, опираясь на последние достижения в различных отраслях знаний и одновременно на колоссальный предыдущий опыт человечества, способны силой своего незаурядного ума заглядывать далеко вперед, делать точные прогнозы и определять стратегические маршруты развития мировой истории, вырабатывать необходимые для остальных членов **КОМИТЕТА 300** соответствующие рекомендации. В число членов **КОМИТЕТА** входят также и самые выдающиеся представители геополитики (как правило, англосаксонской), оккультизма, конспирологии, астрологии, масонства, специалисты по манипуляции сознанием человека и т. д. Среди персоналий **КОМИТЕТА 300** немало и представителей спецслужб, прежде всего разведок, главным образом англосаксонских. Есть среди них и асы «мокрых дел». Нередки случаи, когда член Комитета являет собой сочетание двух, а то и трех и даже более ипостасей — к примеру, выдающегося деятеля науки и разведки, бизнеса и разведки, или геополитики, бизнеса и разведки, высшего иерарха мировой масонерии и политики, или бизнеса, или разведки, а нередко и вовсе конгломерат различных ипостасей.

КОМИТЕТ располагает гигантской разветвленной сетью всевозможных научно-исследовательских центров, сосредоточенных в основном в англосаксонском мире. Именно они обеспечивают высочайший уровень интеллектуальной деятельности **КОМИТЕТА 300**, гарантируя тем самым практически безальтернативное проведение в жизнь выработанных в нем решений. Но, конечно же, основная сила **КОМИТЕТА 300** сосредоточена в сконцентрированной в руках его членов большей части мощи мирового финансово-экономического потенциала. В этом смысле сила **КОМИТЕТА 300** беспрецедентна.

Сразу же хочу предупредить о том, что любой, кто попытается усмотреть в **КОМИТЕТЕ 300** и его деятельности тривиальный и якобы все

объясняющий «жидомасонский заговор», будет не только категорически неправ. Во-первых, для этого нет ни малейшего основания. Во-вторых, такая позиция резко обеднит знание о происходящем в мире. Как масонские организации, так и еврейские (в основном, правда, сионистские) и иные, формально выглядящие как этнические организации, в том числе и трансгосударственного характера, — всего лишь инструментарий **КОМИТЕТА 300**. На таком высочайшем мировом уровне, как **КОМИТЕТ 300**, нет ни малейшего места этноконфессиональным эмоциям. Иное дело, когда в целях достижения своих глобальных целей **КОМИТЕТ 300** использует эти эмоции для уничтожения очередной намеченной жертвы. К тому же, как правило, испокон веку это используют только в комплексе с социально-экономической мотивацией. Только в этом случае, как указывал выдающийся мастер исторического анализа Стефан Цвейг, «когда социальное объединяется с национальным ненавистью религиозного (идеологического. — А. М.) экстаза, и возникают подземные толчки чудовищной силы»^[23], не только сокрушающие устои мира, но и сметающие с лица земли любого конкурента. А уж кого **КОМИТЕТ 300** считает нужным использовать для одновременного инспирирования и социального, и национального, и религиозного, объединяя их экстазом ненависти, — к глубочайшему сожалению, только в его компетенции. Никто не в состоянии помешать его выбору того или иного инструментария. Единственный шанс избежать воздействия этой гигантской мощи разрушения — профилактика. В том смысле, что здоровые экономика, общество, государство, патриотическая элита, неконфликтные социально-экономические, национальные и межнациональные, этноконфессиональные и межконфессиональные отношения в сочетании с мощными и без остатка преданными своему Отечеству патриотическими вооруженными силами и органами государственной безопасности — непреодолимый барьер для любой подрывной деятельности, кем бы она ни инспирировалась бы.

Глава 2. ОТЫЩИ ВСЕМУ НАЧАЛО, И ТЫ МНОГОЕ ПОЙМЕШЬ ^[24]

Трагедия 1937 г., в том числе и жесткая ликвидация вдохновлявшегося Троцким военно-геополитического заговора во главе с Тухачевским, была обреченно предрешена, а следовательно, и неминуема. Она была предрешена самой сутью глобального, принципиально непримиримого противоречия между АГРЕССИЕЙ и БЕЗОПАСНОСТЬЮ, причем в двух ракурсах — в международном и внутреннем. Неизбежное столкновение этих двух направлений проявления глобального, принципиально непримиримого противоречия между АГРЕССИЕЙ и БЕЗОПАСНОСТЬЮ было сродни тектоническому, а соответственно неминуемо должно было привести и к тектоническим последствиям как в международном плане, так и внутри СССР.

В середине второй половины 30-х гг. XX века в высшей мировой геополитике и политике, как, впрочем, и внутри СССР, на кону стояли такие астрономические по масштабам своих последствий глобальные ставки, что в общем-то не мудрено, что заговор провалился. Запад интенсивно готовил Вторую мировую войну в ее втором, общеизвестном по истории сценарии, и ему не нужны были любые неожиданности, которыми весьма «щедро» его мог «осчастливить» Троцкий со товарищи. Запад один раз уже проходил это. И желания наступить на те же грабли не проявлял. Доверять судьбу своих глобальных ставок Троцкому и шайке его сторонников из числа «перманентных революционеров», включая и «бонапартствовавших» военных, Запад не намеревался. В свою очередь, и СССР готовился к неминуемой, смертельной цивилизационно-геополитической схватке. И его глобальные ставки в ней были не менее значительны, чем у Запада, в связи с чем он не мог позволить себе роскоши дать оппозиции хоть какой бы то ни было шанс на повтор 1917 г.

Формально вроде бы обязанные вызвать благосклонность Запада планы заговорщиков — свержение советской власти и Сталина, ликвидация социалистической системы и т. п. — в действительности самым радикальным образом противоречили планам Запада. Дело в том, что глобальные военно-геополитические, военно-политические, а следовательно, и глобальные экономические итоги планировавшейся англосаксонским Западом Второй мировой войны должны были, во всяком

случае именно так тогда и грезилось Атлантическому центру силы, обусловить гигантский геополитический процесс тотальной перегруппировки сил от Центральной Европы до Персидского залива, Гималаев и Дальнего Востока. А ключ к этому лежал в реорганизации на западный манер Восточной Европы. Но Атлантический центр силы уже давно смотрел на этот ключ через призму знаменитого вывода легендарного британского геополитика и военного разведчика Джона Хэлфорда Маккиндера: «Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым Островом; кто правит Мировым Островом, господствует над миром»^[25]. Реваншизм же германского генералитета был направлен прежде всего на реанимацию геополитических позиций Германии в Восточной Европе, чего в те времена без восточного партнера в лице германофильствовавшей кучки советских «стратегов» достичь было невозможно. Тем более что реализация подобного плана запросто могла привести к наиболее смертельному для Великобритании варианту развития событий — германизированной Срединной Европе, чего **PERFIDIOUS ALBION** опасается более всего. А тут ко всему прочему вырисовывался вариант не просто германизированной Срединной Европы, а с опорой на бесконечные ресурсы России в сочетании с главным источником ее глобальной силы — ее единственным в мире единым трансконтинентальным евразийским пространством, против которого никто устоять не может. Еще в предыдущей главе была показана суть основополагающего геополитического импульса, который и привел к зарождению заговора. Помните вывод германских генералов — «Кто будет с ней (то есть с Россией. — А. М.) — до бесконечности расширит свое поле действий и свои возможности выступления во всех уязвимых пунктах земного шара». Естественно, что вследствие этого и как ключевое звено трипартитного военно-геополитического заговора заговор Тухачевского особенно мешал Западу.

Запад не мог себе позволить второй раз рисковать своими глобальными ставками. У него уже был весьма печальный опыт глобального провала аналогичных ставок. Ведь злоумышленно спровоцировав Первую мировую войну, сам же изрядно пострадав в ней, но тем не менее предприняв попытку развязать против России даже Вторую мировую войну в сценарии «с колес Первой», чем, собственно говоря, и были многочисленные иностранные интервенции в период с 1918 по 1922 г., Запад, прежде всего Атлантический центр силы в лице его англосаксонского ядра, вместо первоначальной радости в связи со свержением монархии в России и начавшимся было процессом распада единой и неделимой, вынужден был в беспрецедентно наикратчайшие сроки смириться с фактом существования

СССР. Смириться с фактом воссоздания и существования хотя и слегка урезанной в территориальном отношении, однако теперь еще более ненавистой — по идеологическим соображениям — возродившейся и вне всякого контроля Запада бурно развивавшейся на новых принципах и началах России, хотя бы и в лице Союза Советских Социалистических Республик. И в кошмарном-то сне Запад не мог предположить, что в результате им же инспирированных и профинансированных «русских революций» 1917 г. Россия в итоге не только возродится на новых принципах, но и станет бурно развиваться, все более превращаясь в путеводную звезду всего человечества и приковывая к себе внимание всего мира. Не для того Запад спускал с цепи эмигрантские «шайки подонков больших городов Европы и Америки»^[26], чтобы взамен планировавшегося уничтожения России вновь с ней столкнуться на мировой арене, да еще и в ситуации, когда она крепла не только день ото дня, но и даже в прямом смысле час от часу. Для современных читателей едва ли не шоковым откровением станет упоминание таких фактов, как, например:

— разрушенное Первой мировой войной, «революцией», иностранными интервенциями и Гражданской войной народное хозяйство России в целом было восстановлено (то есть достигнут уровень 1913 г.) уже к 1925 — 1926 гг.; заметьте при этом, что из 13 лет ровно девять приходится на две войны, три волны иностранных интервенций и две «революции», последняя из которых диаметрально изменила экономические основы государства, как, впрочем, и само государство;

— но после всего этого, уже в первой пятилетке — 1928 — 1932 гг. — новое предприятие входило в строй каждые 29 часов, во второй — каждые 10 часов, в третьей (незавершенной из-за начавшейся войны) — каждые 7 часов!!! Темп экономического роста был просто бешеный! В среднем 25 — 30% в год! Ничего подобного мировая история не знала и не знает до сих пор! История России — тем более.

Именно поэтому-то на Западе с новой силой ожили старинные геополитические страхи (о них речь еще впереди), безмерно стимулировавшиеся не столь уж и давними экономическими прогнозами о грядущем в скором времени мирном возвышении России — теперь уже в лице СССР — над всем миром.

В книге «Россия в 1914 г.» французский экономист Э. Тэри прогнозировал, что «...Население России к 1948 г. будет (около 344 млн. чел.) выше, чем общее население пяти других больших европейских стран; если у больших европейских дела пойдут таким же образом между 1912 и

1950 годами, как они шли между 1910 и 1912-м, то к середине настоящего столетия (то есть XX в. — А. М.) Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении»^[27]. Великий же русский ученый Д. И. Менделеев еще в 1897 г. прогнозировал бурный экономический прогресс России и рост численности населения России уже к середине XX в. до 700 млн. человек. Д. И. Менделееву, сами понимаете, доверия больше. Хотя и прогноз Э. Тэри не менее впечатляет.

И Запад сделал свой вывод. Теперь ему было нужно абсолютно гарантированное уничтожение России (хотя бы и Советской). И какие-либо силы, которые могли оспаривать у Запада грезившийся ему вожделенный успех в очередной войне, тем более в сговоре с германским генералитетом, были не нужны Западу. Соответственно не нужен был даже и главарь банды «перманентных революционеров» — Лев Давидович Троцкий, ранее с «успехом» проваливший порученное ему Западом задание. Проще говоря, очередное столкновение миров было неминуемо. Но чтобы понять позиции сторон, нам не избежать детального разведывательно-исторического расследования глубинных причин этого. Иначе ничего не поймем в тайной истории, где видны подлинные причины событий. Потому что если «политика, — как говаривал ныне особо почитаемый русский философ И. А. Ильин, — есть искусство узнавать и обезвреживать врага», то праматерь политики — Геополитика — есть искусство заблаговременного распознавания и обезвреживания мотивов и соображений, могущих сформировать врага и привести его в активное состояние! Образно говоря, это искусство превентивной иммобилизации (обездвиживания — как интеллектуального, так и физического) врага!

Бэкграунд
Dura Lex, Sed Lex! —
Закон суров, но это Закон!^[28]

Миром правят насилие, злоба и месть.
Что еще на земле достовернее есть?^[29]

Никому в мире не дано безнаказанно нарушать основополагающий Закон геополитического бытия человеческой цивилизации на Земле — Высший Закон Высшей Мировой Геополитики и политики.

Малейшее неосторожное обращение с его постулатами всенепременно и неумолимо приводит к кровавой трагедии, в том числе и во всемирном масштабе. Даже при абсолютном отсутствии злого умысла, чего, к слову

сказать, в высшей мировой политике никогда не было и быть не может по определению, иначе испокон веку все жили бы в мире и согласии, любое неосторожное обращение с его постулатами с той же фатальной неизбежностью приводит к кровавой трагедии. Потому как от сотворения мира этот суровый Закон гласит: вне какой-либо связи с целями и причинами ее утверждения, но в прямой зависимости от методов ее обретения, монополия пути сообщения безальтернативно принуждает к автоматическому установлению также и своей монополии заселения в ареале действия первой, причем именно теми методами, которыми она и была установлена! Однако в прямой зависимости от целей, причин и методов ее утверждения монополия заселения столь же безальтернативно принуждает к автоматическому установлению также и своей монополии пути сообщения в ареале действия первой, и именно теми методами, которыми она была установлена, но при соблюдении гарантии абсолютной незыблемости ее существования впредь!

От сотворения мира обе неотъемлемые части этого Закона являются абсолютно непримиримыми антагонистами. От того, какими методами была установлена та или иная монополия и, самое главное, во имя чего она была установлена, напрямую зависят и последствия для другой. Над самим Законом никто и ничто не властно, но именно его «железная длань» управляет всей историей человечества, ибо неумолимо суровая логика этого Закона в самом прямом смысле в генетике основных геополитических инстинктов всех наций, народов и государств мира, тем более великих. Но и тривиальная земная корысть никогда не оставалась не у дел. Один из периодов в развитии земной цивилизации, к примеру, называется эпохой Великих географических открытий. Но в действительности ее суть в банальной корысти. Только на уровне государств. Она была не чем иным, как эпохой ожесточенно свирепой борьбы за монополию пути сообщения (в основном за монополию морских коммуникаций, морскую гегемонию) не столько даже на Восток как таковой, сколько прежде всего к источникам его сказочных богатств, легенды о которых сводили с ума весь Запад. Естественно, что стремление к владению ими немедленно и автоматически превращалось в кровавый колониальный разбой. И ничего другого и быть не могло. Ведь новые земли открывались и захватывались, а затем и перехватывались грубой силой. Соответственно грубой же силой устанавливалась и «монополия заселения». Как за счет уничтожения аборигенов, так и за счет вывоза на новые территории колонистов^[30].

Высший Закон универсален. В своем функционировании он охватывает все без исключения сферы земной цивилизации. Его влияние на ход истории на Земле происходит автоматически и невидимо. И, как правило,

человечество фиксирует только последствия его функционирования. Между тем оно таково, что запросто может привести к образованию новых национальных (этнических) сообществ, наций и народов, государств и их коалиций, империй и гегемонии, в том числе и всемирного масштаба. Функционирование Закона даже может положить начало новым эпохам в истории мировой цивилизации — от великих географических открытий и порождения новых религий (учений) до новых видов транспорта и коммуникаций.

Ярчайшим тому доказательством является все та же эпоха Великих географических открытий. Начавшись в самом конце *XV* в. с открытия Америки и путей в Азию, она продолжается фактически до сих пор. С той лишь разницей, что вследствие бурного научно-технического прогресса она постоянно перетекает в совершенно иное качество. На рубеже *XIX* — *XX* вв. и в начале последнего, например, основной формой ее проявления стала глобальная борьба за глобальную же монополию железнодорожных сообщений. Именно ей, к слову сказать, человечество и обязано за кошмар Первой мировой войны. А в процессе последней и также под влиянием бурного научно-технического процесса выяснилось, что «кто владеет нефтью — тот владеет миром». В результате, начиная с середины Первой мировой войны и вплоть до нашего времени, мировая политика крутится вокруг одной «оси» — ожесточенной борьбы за контроль над источниками нефти, превратившейся под конец *XX* в. в борьбу за глобальный контроль над источниками всех видов углеводородного сырья, а также трубопроводными и иными коммуникациями стратегического значения, по которым оно доставляется потребителям. Параллельно идет не менее ожесточенная борьба за монополию в освоении космического пространства, лишь для приличия называемая «в мирных целях». Такая же борьба охватила даже виртуальное пространство — Интернет.

Как и всякая иная эпоха, и эта тоже сопровождалась и сопровождается бурным зарождением и еще более стремительным развитием как новых империй, так и новых государств. Сколько их было в истории?! Священная Римская^[31], Испанская, Британская, Французская, Голландская, Османская, Германская империи. А сколько новых государств?! США, государства Латинской Америки, Азии, Африки, Австралия. Естественно, имели и имеют место их всевозможные коалиции и альянсы. Из недавней истории — Антанты, антигитлеровская коалиция, НАТО, ЕЭС, ОБСЕ, СЕНТО, СЕАТО и Варшавский пакт, Организация арабских государств, Исламская конференция и т. д. Не менее естественно и то, что многих из них постигла

вполне закономерная участь кануть в Лету, а некоторые функционируют до сих пор.

Но точно так же воздействие этого Закона на ход истории столь же запросто может снести с лица земли любые цивилизации, гегемонии, империи, государства, населявшие (населяющие) их народы и даже целые эпохи в самой истории человечества. Функционирование Высшего Закона неумолимо. Сколько в истории погибло различных государств, империй и их коалиций — едва ли кто-либо сможет сосчитать. Если, например, обратиться к недавней истории, то в числе первых, естественно, следует привести пример целенаправленного уничтожения СССР и Югославии. Болтология о тоталитаризме, коммунизме и т. п. — всего лишь дымовая завеса для сокрытия подлинных геополитических причин.

Не менее известны и факты полного исчезновения многих народов и этносов, а также цивилизаций как древности, так и недавней современности, в том числе и очень могущественных некогда. Главным образом вследствие геноцида различных народов. Прежде всего это «красный» геноцид — то есть физическое уничтожение ряда народов и племен. Из недавней истории известны факты массового физического уничтожения армян, евреев, цыган, американских индейцев, курдов и множества других европейских, азиатских, африканских, австралийских и американских племен. Это и так называемый «белый» геноцид, которым завершались «деяния» первого — то есть насильственная ассимиляция, в том числе и через религию. К примеру, кровавая «германизация» с последующим онемечиванием ряда народов Европы, прежде всего славян. Или насильственное окатоличивание части западных славян, исламизация некоторых некогда христианских народов или их определенной части и т. д. Ныне происходит еще более глобальный процесс — англицизация всего мира.

Такие постоянно происходящие в истории человечества глобальные процессы требуют соответствующего обоснования. Потому им и сопутствуют зарождение новых или ренессанс в силу каких-то исторических обстоятельств длительное время пребывавших в «консервации» религий, доктрин и учений. Это и протестантизм, и учения о капитализме, социализме и коммунизме, и бурный ренессанс масонства (как особой квинтэссенции тайных учений прошлого), и сионизм, и суннизм, и шиизм, и ваххабизм, и пантюркизм с панисламизмом, всевозможные *Rax Britannica*, *Rax Americana*, *Rax Germana*, *Rax Ottomana* и т. д. Нельзя не упомянуть и о современных «измах» — глобализме и антиглобализме. Все

они оказали и по-прежнему оказывают исключительное воздействие на историю и современность мировой цивилизации.

От сотворения мира у Высшего Закона есть до чрезвычайности страшная своими кровавыми последствиями особенность. С седых библейских времен существуют как возможность, так и неукротимый соблазн прочесть его, как соответствующий бог на душу положит! Образно говоря, не только от начала и до конца или слева направо, но и справа налево, а также хоть по диагонали, хоть в порядке обратной логики. Короче говоря, как угодно. Но как только в Высшей Мировой Геополитике и Политике начинают пытаться прочесть его именно так, как соответствующий бог на душу положит, то даже если это еще только на уровне всего лишь мыслительного процесса, тем не менее человечеству все равно уже абсолютно гарантированы особо трагичные, особо кровавые последствия. А если от корыстных задумок еще и к «делу» перейдут, то человечество неизбежно погружается в пучину столь коллапсовых и кровавых потрясений и катаклизмов, что просто диву даешься, как оно еще выживает! Потому как их масштабы носят, по сути дела, тектонический характер, а экономические, социальные, демографические и политические последствия столь ужасающие, что едва ли найдется хотя бы относительно точный термин, чтобы как-то их обозначить.

Исторически беспрецедентную роль в подобных последствиях проявления Высшего Закона играют войны, которых к началу 3-го тысячелетия насчитывалось уже без малого 16 тысяч (в рамках письменной истории человечества). Таковы, например, любые расовые, межэтнические и этноконфессиональные войны, столкновения и конфликты прошлого и настоящего. В их сути нет абсолютно ничего ни от рас или этносов, в них участвующих, — лишь бесчисленные человеческие жертвы, — ни от религий, ими исповедуемых, кроме опять-таки бесчисленных человеческих жертв, приносимых на алтарь религиозного фанатизма. Зато всегда в безмерном избытке глубинные геополитические причины, о которых абсолютное большинство жертв, как правило, даже и не догадывается.

Архиклассическим проявлением этого закона в истории и современности является арабо-израильский конфликт, особенно же его сердцевина — палестино-израильский конфликт. Выстроивший современный Израиль политический сионизм пришел в Палестину под лозунгом «Народу без земли — землю без народа». Одним только фактом этого лозунга в действие был приведен жизнедробильный механизм Высшего Закона. Беспрецедентность кровопролития на Ближнем Востоке оказалась гарантирована, как выходит, на века. Потому что самим фактом

такого лозунга лидеры «народа без земли» открыто обозначили задачу ликвидации монополии многотысячелетнего заселения арабов-палестинцев вместе с их же автоматически же сложившейся тысячелетней монополией пути сообщения на этих же землях. Результат мог быть единственный и стал единственным — кровавым!

Особой «классикой» такого проявления Закона является и то обстоятельство, что даже поиски мира ведутся в рамках его же логики. Особенно со стороны палестинцев — «Мир в обмен на земли!», чем только еще жестче гарантируется стабильная перманентность кровопролития. Потому как этого принять не может уже само израильское государство. Ибо это означало бы уже ликвидацию сложившейся за XX в. монополии израильского заселения с автоматически же установленной израильской монополией пути сообщения в пределах государства Израиль. К слову сказать, и Израиль со своей «дорожной картой» и строительством стены (отгораживающей территорию Израиля от палестинских земель) тоже недалеко ушел — в этом плане все та же «логика» Высшего Закона, только с позиций Израиля! И какой бы вариант решения проблемы обе стороны ни пытались рассматривать, открыто продиктованное логикой Высшего Закона ожесточение дошло уже до такой степени, что конца этому трагическому кровопролитию попросту не будет. Во всяком случае, это будет продолжаться до тех пор, пока не иссякнут демографические ресурсы одной из сторон и в результате не ослабнет либо монополия заселения, либо стремление к ее захвату (пересмотру). Ибо, как это ни печально, при любом варианте одна из сторон всенепременно посчитает себя явно ущемленной, а результатом будет опять кровь невинных людей.

О Высшем Законе Высшей Мировой Геополитики и Политики можно много и долго говорить. Однако из всего того, что связано с ним, в рамках нашего разведывательно-исторического расследования стратегически важным является следующее.

Исторически так сложилось, что взаимоотношения между двумя неотъемлемыми частями этого Закона являют собой уникальный геополитический перпетуум-мобиле. Именно он от сотворения мира непрерывно воспроизводит абсолютно непримиримое, основополагающее противоречие между Западом и Востоком, сконцентрировавшееся впоследствии в аналогичном противоречии прежде всего между англосаксонским Западом (веками в лице Англии, ныне США и Англии) и Россией как единственной в мире единой, подлинно трансконтинентальной евразийской державой. Потому как если в соответствии с логикой Высшего Закона принципиально схематизировать историю становления Запада и

Востока, то увидим, что, например, Запад складывался в прочные государственные образования, как правило, в рамках логики первой части Высшего Закона. В абсолютном большинстве случаев это происходило от установления — как правило, в форме умышленного захвата вооруженным путем и соответствующими ему методами монополии пути сообщения, которая, в свою очередь, неизбежно автоматически вела к установлению теми же методами также и монополии заселения пришельцев. Коренное население захваченных территорий едва ли не в прямом смысле слова вырубалось под корень, особенно элита. Оставшихся в живых ожидала неизбежная в таких случаях участь — «белый» геноцид, то есть насильственная ассимиляция, в том числе и с помощью религии. В истории, например, Европы этим «славились» германцы. «Метод» так и называется в истории — «общегерманский»^[32].

Исторически эта схема была абсолютно неизбежна, ибо геополитические основы всего того, что теперь мы привычно называем Запад, создавали ближайшие потомки тех самых варваров (гуннов, готов и т. п.), что завоевали и разрушили Древний Рим, являвшийся, к слову сказать, таким же классическим проявлением первой части Высшего Закона на рубеже эр. Однако возникшие на руинах древнеримской империи новые государственные образования имперского типа самым наглядным образом доказали, что произошла исторически беспрецедентно уникальнейшая гибридизация основных геополитических инстинктов разрушенного прошлого и воцарившегося на его обломках разрушительного нового. С тех пор все западные империи устанавливались в рамках логики первой части Высшего Закона, то есть огнем и мечом. В своей знаменитой книге «О Божьем граде» блаженный Августин назвал это весьма «изящно» — «**LIBIDO DOMINANDI**» («**СТРАСТЬ К ВЛАДСТВОВАНИЮ**»).

Но от продиктованной Высшим Законом генетики никуда не денешься. Захватившие и разрушившие Древний Рим варвары действовали в рамках логики первой части все того же Закона, то есть от установления вооруженным путем своей монополии пути сообщения на Запад к установлению тем же путем и своей монополии заселения на том же Западе. Более того. В кратчайшие же исторические сроки варваров настиг и геополитический Момент Истины. Столкнувшись с непреодолимым для них, тем более в начале первого тысячелетия нашей эры, барьером — Атлантическим океаном, они неминуемо оказались вынуждены повернуть свои взоры вспять, то есть на Восток, откуда и пришли их пращурь. Так зародился впоследствии до печальности пресловутый девиз «Дранг-нах-Остен» — «Вперед, на Восток». И несмотря на то что в устах, например, того же Гитлера это звучало как плагиат, тем не менее оно было

закономерно. Речь шла о продвижении далеко на Восток не просто сущности Европы, а именно геополитической сущности Европы! А она — геополитическая сущность Европы (а затем и всего Запада) — еще с тех далеких времен, с периода империи Карла Великого, т. е. с конца VIII — начала IX в. н. э., уже окончательно и безальтернативно на века воплотилась именно же в Агрессии! Ничего удивительного в том не было: генетика — она и в геополитике генетика. В результате получилось, что в основе создания, а затем и созидания Запада лежит Агрессия — она же и основополагающий фактор его бытия в целом, в чем легко убедиться из ежедневных сообщений СМИ.

Путь Востока, особенно континентального, принципиально иной, главным образом на последнем, финишном этапе второго от Рождества Христова тысячелетия, т. е. в XX. в. В прочные государственные образования Восток институционализировался в рамках логики второй части Закона. То есть от утверждения, причем, как правило, в форме отстаивания, и прежде всего вооруженным путем, своей монополии заселения на своей же территории к установлению в основном также вооруженным путем своей монополии пути сообщения в ареале действия своей же монополии заселения. Если обобщенно, то это прежде всего национально-освободительная борьба за провозглашение своего суверенитета, независимости и территориальной целостности.

Путь от непрерывного отстаивания вооруженным путем своего права на жизнь к утверждению военной силой монополии собственного заселения как основы гарантии от физического уничтожения с последующим формированием своей государственности как прямого воплощения своего права на свою же монополию пути сообщения в пределах границ действия своей же монополии заселения прошла и Россия. Изначальным импульсом к этой действительно непрерывной вооруженной борьбе, в первую очередь за право на жизнь, послужило предрешенное логикой первой части Высшего Закона неоднократное кровавое «знакомство» оседлых восточных славян все с теми же гуннами, готами и другими степняками. Прорываясь на Запад, они далеко не единожды и не один век кряду волна за волной накатывались на земли восточных славян, опустошая их. В переводе на язык Высшего Закона это означает, что варвары огнем и мечом и, к сожалению, далеко не безуспешно пытались установить свою монополию пути сообщения на Запад через земли восточных славян. Вследствие этого изначально осознававшаяся как вооруженная борьба за право на жизнь едва ли не мгновенно перетекла в плоскость отстаивания все тем же вооруженным путем, но уже монополии заселения оседлых восточных славян. Дойдя же впоследствии до возможной в те далекие времена высшей в своем развитии

стадии, такая организационная база превратилась в краеугольный камень фундамента, опираясь, в свою очередь, на который и под воздействием логики второй части Высшего Закона стали генерироваться зачатки основ будущей государственности восточных славян, в том числе и Руси изначальной.

В принципиальной схеме этого пути и сокрыта тайна происхождения значения **Безопасности как основы бытия, созидания и процветания России**. Организационные формы ее вооруженной борьбы за свою монополию заселения последовательно прошли стадии:

— сопротивления внешней опасности, организовывавшегося сначала в рамках ареала проживания конкретного племени;

— трансформации, по мере же расширения масштабов внешней угрозы и роста ее интенсивности, в борьбу уже племенного союза (т. е. союза родственных племен);

— превращения, когда интенсивность и масштабы внешней опасности приняли характер постоянно действующей глобальной угрозы, в отстаивание своего права на жизнь и собственную монополию заселения при безусловной опоре на все силы и ресурсы союза союзов. Только этот вариант имел реальный шанс на успех в противостоянии постоянной глобальной угрозе.

Под прямым воздействием логики второй части Высшего Закона с этого момента и начался процесс генерирования первых зачатков будущей государственности. Постоянно довлевшая глобальная задача обеспечения Безопасности всех входивших в союз союзов членов автоматически стала основополагающим импульсом, положившим начало этому процессу. В части, касающейся нашей Родины, это означает следующее. В основу создания, а затем и созидания Руси изначальной, Киевской Руси, Русского централизованного государства и, наконец, России, в том числе и как имперского образования, вне какой-либо зависимости от существовавших (или существующих) в ней режимов, форм государственного и общественного устройства, изначально генетически была заложена Безопасность как основополагающая базовая ценность!

Мудро подмечено, что «география — это судьба народа», а «история России есть история преодоления географии России»^[33]. Создавшие основы будущей Руси-России пращурсы проживали в основном на территории Русской равнины, которая по своей основной характеристике является плоской. Именно с этим обстоятельством и связана природа происхождения основополагающего импульса к расширению Руси-России как к стремлению обезопасить себя. Потому что когда интенсивность и масштабы внешней опасности приняли характер постоянно действующей глобальной угрозы, то

отстаивать свое право на жизнь, собственную монополию заселения стало возможным не только при безусловной опоре на все силы и ресурсы союза союзов. А в той географической ситуации метод обороны был единственный — пращурь, а затем и Русь изначальная вынуждены были занять круговую оборону. Потому как сам плоский характер Русской равнины делал ее уязвимой практически со всех сторон. И только опора на все силы союза союзов позволяла занять именно круговую оборону.

Кстати говоря, с этим связано постоянное ёрничанье легиона всевозможных «умников» от псевдоистории, что-де России неуместно присущ комплекс «осажденной крепости». Однако при самом элементарном анализе геополитической истории России даже самому слепому и то станет очевидно, что это не так. Генетический код «осажденной крепости» появился в ДНК Русского государства, во-первых, не случайно, во-вторых, под массивным многовековым влиянием всевозможных угроз не просто извне, а практически на всех азимутах, что четко и однозначно зафиксировано в Истории. Обратите внимание на динамику развития границ Руси — России с IX по XX вв. Практически все тысячелетия над Русью довлела угроза нападения с любого азимута, а то и с 2 — 3 одновременно.

№ 1. Границы IX в.

№ 2. Границы X – XI в.

№ 3. Границы конца XI в.

№ 4. Границы XII – XIII в.

№ 5. Границы XIII – XIV в.

№ 6. Границы XIV – XV в.

№ 7. Границы XVII в.

№ 8. Границы XVIII в.

*№ 9. Границы Российской империи до Первой мировой войны
– конец XIX – начало XX в.*

Между тем в статусе испокон веку не оспариваемой аксиоматической истины в военном деле с седых библейских времен утвердился следующий принцип: в условиях плоской равнины оборона должна быть не только круговой, но и активной. То есть вслед за парированием удара противника обороняющаяся сторона должна и сама делать выпад, сиречь контратаковать. На уровне сугубо военных задач — это военное искусство. Однако на уровне геополитики и политики, тем более протоэмбриона будущего государства, зачатие которого происходило под непрерывным шквалом отличавшихся особой жестокостью войн и нашествий с разных сторон, выпад, контратака должны были означать и, естественно, означали единственное — отодвигание рубежей обороны как можно дальше от центра обороны по всему ее периметру. До тех рубежей, с которых предположительно должна была начаться всегда ожидавшаяся следующая война (или нашествие). В военном деле это называется одним кратким словом — предпольем. Однако в геополитике и политике это уже совсем иное — речь идет о наиболее безопасном варианте границ. Данное

обстоятельство и стало тем самым основополагающим импульсом к продвижению Руси, а затем и России шаг за шагом вперед во всех направлениях, по всем азимутам. Ибо любой из всего-то четырех азимутов являл собой направление очередного главного удара очередного же агрессора. Нередко нападения происходили сразу с двух, а то и с трех направлений.

По подсчетам выдающегося русского историка В. О. Ключевского, великорусская народность в период своего формирования — с 1228 по 1462 г., то есть всего-то за 234 года, — вынесла 160 внешних войн и нашествий. А за четыре с половиной века — с 1018 по 1462 г. — Русь вынуждена была выдержать 250 войн и нашествий. Все то время, когда, например, та же Англия жила относительно спокойной жизнью — последнее нашествие норманнов на Британские острова состоялось в 1054 г. — и забавлялась то турнирами рыцарей, то разбоем Робин Гуда, то крестовыми походами, то очередными убийствами своих венценосцев, Русь провела в войнах и нашествиях, подвергаясь неслыханному насилию и разграблению. К примеру, только за последнюю четверть XIII в. одни татары свыше 15 раз предпринимали крупные военные походы на Северо-Восточную Русь, из которых три имели характер подлинных нашествий. В XVI в., например, Московия вынужденно воевала на западе и северо-западе против Речи Посполитой, Ливонского ордена и Швеции 43 года, большую часть из которых — кряду. И при этом ни на один год не прерывала борьбы с наседавшими на ее южные, юго-восточные и восточные границы татарскими ордами. В XVII в. Россия вынуждена была воевать 48 лет, в XVIII столетии — уже 56 лет, а в целом, на протяжении пяти веков, то есть с XIII по XVIII в., а по большому-то историческому счету на протяжении всего второго от Рождества Христова тысячелетия состояние мира для России было исключением, но жесточайшим правилом — война! Из трех веков — XVI, XVII и XVIII вв. — России пришлось провоевать без малого полтора столетия или, если точно, 147 лет! **Кому еще в мире выпадала столь горькая участь только за право Быть?!**

В сравнении с той же Англией получается весьма невеселая картина. Перейдя под знамена кальвинизма в канун установления своей монополии морских путей сообщения как к прологу к сколачиванию будущей империи и зарождению протестантского капитализма, Англия более пяти веков прожила без внешних войн и нашествий. Вынужденная же клинком отстаивать свое право на жизнь крещеная и православная Русь пять веков, а по большому-то историческому счету и того более, провела в войнах, прежде чем окончательно установила свою глобальную, более или менее

гарантированную монополию заселения в сочетании со своей же монополией пути сообщения.

[Но при этом оказалась «...отброшена назад на несколько столетий, и в те времена, когда цеховая промышленность Запада переходила к эпохе первоначального накопления, русская ремесленная промышленность должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был преодолен до Батыея»^[34]. Единожды сложившись, эта необычайно трагическая особенность истории нашей Родины вплоть до наших дней оказывает свое исключительно негативное воздействие. Ведь порочность отставания шла не только рука об руку с военными проблемами отстаивания своей независимости. Не только ими же резко усугублялась. Хуже этого. Резко негативно сказываясь на системе организации войск и качестве их вооружения еще во времена Дмитрия Донского, она превратилась в порочный круг тотального отставания русского государства. Причем в такой, преодоление которого, тем более перед лицом бурно прогрессирующего западного мира, было возможно только путем взрывного, запредельного перенапряжения сил общества и государства для размыкания этого круга. Так вынуждены были поступать Дмитрий Донской, иначе Куликовская битва была бы последней в истории России, а ее самой более не существовало бы. Так же вынужден был поступить и Петр Великий, обстоятельствами и историей едва ли не физически принужденный посягнуть даже на церковное имущество и переливать колокола в пушки — умные сразу признали его правоту, а идиоты до сих пор лают на Петра I. Так же вынужден был поступить и Сталин, которому мнивший себя «гением мирового пролетариата» и искренне исповедовавший бред о том, что-де «учение Маркса всесильно, потому что верно», Ленин в строгом соответствии с этим же бредом оставил дымящееся пепелище на месте некогда цветущей империи! От «измов» подобная практика преодоления такого порочного круга ни в коей мере не зависит. Обычно ими прикрывают истинное положение дел.

Эта трагическая особенность не осталась незамеченной Западом. впоследствии она стала одной из главнейших целей ожесточенного религиозно цивилизационного противоборства Запада с Россией. То есть превратилась в постоянно действующую глобальную стратегическую цель. Как необходимость приложения непрерывных усилий для отбрасывания России на каждом этапе ее истории далеко назад в своем развитии по всем показателям, не давая ей передышки. Особенно же для самого радикального нарушения обязательных для каждой страны и государства накопительных процессов как основы процветания. Чтобы ни при каких обстоятельствах рано или поздно могущие быть достигнутыми

*количественные результаты ни в коем случае не переросли бы в качественные. Чтобы на каждом этапе своей истории Россия начинала бы процессы накопления с нуля, а то и с отрицательных величин, то есть с долгов. Чтобы в результате она непрерывно и насильственно впахивалась бы в непролазное болото театрального отставания по всем параметрам, пока окончательно не утонет в нем, а на поверхности иссохшего величественного родника русской жизни не образуется «**РУССКАЯ ПУСТЫНЯ**».]*

Потому-то Русь-Россия и расширилась исключительно в силу все того же соображения Безопасности — когда совершенно мирным путем, когда военным, но всегда во главе угла стояла именно Безопасность, а не стремление к захвату как таковому. Эта особенность России давно подмечена^[35]. И действительно оно так и было в Истории, чему в немалой степени способствовали и чисто географические обстоятельства. Потому как оно могло происходить и происходило в действительности не в силу какого-то корыстного, тем более злого умысла, а только по соображениям Безопасности. Именно этим объясняется то обстоятельство, что ее расширение происходило только до естественных преград. То есть до морей и океанов, в том числе и в одинаковой степени в целях равноправного общения с внешним миром посредством морских коммуникаций, до непреодолимых для врагов гор и горных хребтов или до границ ареалов иных миров и цивилизаций. Именно так, то есть сугубо по соображениям Безопасности, Россия стала в итоге единственной в мире единой, трансконтинентальной, евразийской державой.

Потому-то, в отличие от других великих держав, Россия и довела до III тысячелетия неденационализированными все те народы, которые по разным причинам и разными путями и методами были интегрированы в ее состав. Так или иначе, но при любых обстоятельствах обеспечение Безопасности России в любом из этих случаев опиралось на уважительное отношение к безопасности монополии заселения интегрированного народа и его элиты. Невзирая ни на какие изгибы и перегибы этого основополагающего принципа, его реализация на практике, тем более если она была тщательно продумана, неминуемо приносила свои положительные плоды. Но даже тогда, когда этот принцип нарушался, а это имело место и при царизме, и в советское время, и сейчас, то тем не менее в любом из этих случаев совершенно нетрудно обнаружить мотив безопасности. Даже в тех случаях, когда по соображениям Безопасности монополия заселения некоторых народов временно лишалась своей территориальной основы, власть тем не менее не допускала денационализации этих народов, сохраняя за ними

право хотя бы на культурную автономию, не говоря уже о последующей их реабилитации и возвращения на земли исторического проживания.

Такова наиглавнейшая и принципиальнейшая особенность нашей Родины: в основе созидания, бытия и процветания России лежит именно и только Безопасность!

Именно в этом смысле ее исторический путь и является классикой пути Востока, особенно континентального. И, собственно говоря, именно поэтому-то в абсолютном большинстве случаев России удается, с тем или иным успехом, находить общий язык с Востоком!

И еще об одной, едва заметной в толще минувших веков, но тем не менее имеющей столь же исключительное геополитическое значение детали. Хотя и в зачаточном по тем временам виде, но тем не менее проблема Безопасности изначально носила явный цивилизационный характер. Ведь кровавое «знакомство» восточных славян с прорывавшимися на Запад гуннами, готами и прочими степняками было не чем иным, как прямым столкновением зачатков будущих цивилизаций Запада и Востока: те оседлые, эти кочевники! Так оно и пошло впоследствии. Основополагающее и абсолютно непримиримое противоречие между Западом и Востоком (Россией прежде всего) — это не только беспрецедентно принципиальный, непримиримый антагонизм между Агрессией и Безопасностью, но и в абсолютно равной степени принципиально непримиримое, антагонистическое противоречие сугубо цивилизационного характера. Не случайно поэтому, что даже столь разные по своему значению звезды российской культуры — А. Пушкин и П. Чаадаев — хотя и в разных формулировках, но абсолютно точно выражали одну и ту же исторически обоснованную мысль.

А. С. Пушкин: «Поймите же, что Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой, что история ее требует иной мысли».

П. Я. Чаадаев: «Мы не Запад... у нас другое начало цивилизации».

У России настолько иное начало цивилизации, что действительно требуется не просто другая, а четко выверенная историческими фактами принципиально иная мысль. Те же причины, что безальтернативно привели пращуров к мысли о необходимости слияния всех племенных союзов в один союз, а затем безальтернативно вынудили их занять также и круговую оборону, слившись воедино, привели также и к тому, что Русь осознанно избрала единственный возможный вариант будущей государственности — самодержавие! Потому как в условиях круговой обороны, опирающейся на все силы и ресурсы союза союзов, выбор формы власти предreshен самой целью, ради которой племенные союзы объединились. Соображения

Безопасности практически безальтернативно выдвинули в повестку дня вопрос о безусловной централизации власти и ее единоначалии. И вопрос этот был решен однозначно в пользу самодержавия. Таким образом, централизация, единоначалие и неминуемое их последствие — беспримерно высокий уровень политической дисциплины всех классов и сословий тогдашнего общества, иначе круговая оборона с опорой на все силы и ресурсы союза союзов невозможна, — явились суровым ответом и пращуров, а затем и самой Москвы на исторический вызов. «Необходимость централизации, — подчеркивал такой борец с самодержавием, как А. И. Герцен, — была очевидна, без нее не удалось бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства. События сложились в пользу самодержавия. Россия была спасена. Она стала сильной, великой...»^[36] За многие столетия самодержавие претерпело различные изменения по форме и названию, но, заметьте, не по сути! Никому не дано безнаказанно нарушать Высший Закон, тем более когда это касается сути основы державы.

Но здесь же сокрыта и великая «ахиллесова пята» России. Осознанно соглашаясь с выбором самодержавия как единственной формы власти, могущей гарантировать Безопасность каждого и всех, народ (народы) добровольно согласился (согласились) и с доминированием обязанностей перед государством вместо прав. Так вот, беда в том и заключается, что испокон веку верховная власть в России абсолютно персонифицированная и от специфики личностных характеристик конкретной персоны слишком многое зависит в судьбе государства и общества. Хорошо, если сия персона денно и нощно думает и эффективно заботится о державе и ее народах. Но дело-то в том, что выстраданное веками кровавой борьбы за физическое выживание народа самодержавие как система обеспечения Безопасности всех и каждого так же, как и любая монополия, подвержено коррозии со стороны алчности. Если, так сказать, в научных понятиях, то, пожалуй, придется обратиться к не столь уж и популярным ныне К. Марксу и Ф. Энгельсу. По их мнению, «вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар пробуждается алчность» (в поэтическом понимании прошлого, например, древнеримского поэта Вергилия — пробуждается «*auri sacra fames*», то есть «проклятая жажда золота»). Власть — товар, ее возможности — меновая стоимость. Итоговый вывод понятен, надеюсь, без подсказки. Но это та самая алчность, которая ставит под угрозу исчезновения в Небытии тот самый народ, за безопасность которого власть вроде бы отвечает. Хуже того. В ситуации, когда Олимпом власти в государстве, созданным не просто по соображениям Безопасности, а именно в тех самых конкретных условиях, что были

описаны выше, овладевает алчность в виде «LIBIDO DOMINANDI» — «страсти к властвованию», общество сталкивается как с деспотизмом, так и с разгулом коррупции, являющейся экономическим вариантом проявления «LIBIDO DOMINANDI». Дуэт же деспотизма и коррупции автоматически ведет к разрушению государства и уничтожению народа.

Деспотизм же, к слову сказать, характерен и для демократии. Однако Демократия... не нарушая своих принципов... может сочетать в себе все виды гнета политического, религиозного, социального. Но при демократическом строе деспотизм становится неуловимым, так как он расплывается по различным учреждениям, он не воплощается ни в каком одном лице, он вездесущ и в то же время его нет нигде; оттого он как пар, наполняющий пространство, невидим, но удушлив, он как бы сливается с национальным климатом. Он раздражает, от него страдают, на него жалуются, но не на кого обрушиться. Люди обыкновенно привыкают к этому злу и подчиняются. Нельзя же сильно ненавидеть то, чего не видишь. При самодержавии же, наоборот, деспотизм проявляется в самом, так сказать, сгущенном, массивном, самом конкретном виде. Деспотизм тут воплощается в одном человеке и вызывает величайшую ненависть»^[37]. Вот ее-то очень легко эксплуатировать в разрушительных целях — ведь когда национальное и социальное объединяются с персонифицированной ненавистью религиозного (идеологического) экстаза, то возникают подземные толчки такой небывало чудовищной мощи, что походя крушат не только самые могущественные империи, но даже цивилизации и эпохи. То же можно и нужно сказать о коррупции. Коррупция в условиях самодержавия — ярко персонифицирована и потому легко вызывает всеобщую ненависть. В условиях демократии же источником коррупции является режим власти, на помощь которой приходит, как это ни парадоксально, описанный выше деспотизм в условиях демократии.

Едва только — к концу первого тысячелетия от Рождества Христова — завершилось еще и религиозное оформление цивилизаций, то основополагающее, глобальное, принципиально непримиримое, антагонистическое противоречие между Западом и Востоком (Россией) приобрело еще и все черты геополитического противоборства религиозно-цивилизационного характера и таким оно остается поныне.

В 1018 г. произошел первый серьезный раунд геополитического противоборства религиозно-цивилизационного характера — консолидированные силы католического Запада в лице объединенного саксонско-венгерско-польского войска под предводительством известного

польского бандита, но князя, а впоследствии еще и короля — Болеслава Великого, — напали на Русь и захватили Киев. Однако самым главным во всей этой истории является иное — то, что на тысячелетие вперед предрешило особую специфику проявления геополитического противоборства религиозно-цивилизационного характера между Западом и Русью. Ведь это нападение произошло в буквальном смысле «по горячим следам» Крещения Руси! Спустя всего двадцать девять лет после официально признаваемой даты Крещения — 988 г.! То есть уже тогда прельстивший Запад девиз «Дранг-нах-Остен» обрел ярко выраженную религиозно-цивилизационную окраску геополитического характера! Все второе тысячелетие глобальный геополитический бандитизм Запада против России будет именно такой и в таком же виде переключается даже в третьем ^[38].

Но с тех же самых пор и без того до крайности специфичное геополитическое противоборство религиозно-цивилизационного характера между Западом и Русью обрело еще одну черту. Тогда же сложилась и особо уникальная из-за своей феноменальной подлости «традиция» Запада нападать на Русь в период либо уже начавшихся, либо в канун крутых цивилизационных изменений в ее судьбе, в том числе и тех, что либо прямо, либо исподволь провокационно инспирировались самим Западом. Если хотя бы бегло схематизировать обстоятельства, например, всех крупнейших столкновений Руси с Западом, то без труда увидим все доказательства наличия у Запада именно этой подлейшей «традиции», которая пустила слишком уж глубокие корни. Всякий раз, когда гибли предшествовавшие формы русской государственности, без труда можно обнаружить то или иное «содействие» Запада. Но точно так же и у истоков неизбежного на новом витке истории ренессанса русской цивилизации и государственности, тем более если они изначально были сориентированы на новые фундаментальные принципы, опять можно обнаружить прямое (нередко и силовое) или косвенное «содействие» (если это было выгодно) или противодействие (если это было невыгодно) Запада.

Вспомните историю XX в. Двукратное разрушение государства происходило в буквальном смысле на пороге новой эпохи не только в ее развитии и цивилизации, но и в целом земной цивилизации. К примеру, так называемая февральская революция 1917 г. произошла не только в канун уже ни у кого не вызывавшей сомнения феерической победы России в Первой мировой войне, но и прежде всего как превентивно ликвидирующая грядущее объективное возвышение России над всем миром в качестве закономерно обретающей статус мирового центра державы. Собственно

говоря, Запад для того и развязал ту войну, чтобы не допустить такого развития событий. И Вторую мировую войну в ускоренном темпе развязывали и усиленно провоцировали Гитлера на нападение на СССР прежде всего именно по этой же причине.

В свою очередь и крушение СССР произошло в буквальном смысле на пороге новой эпохи в развитии не столько транспортных коммуникаций, в которой ведущая роль принадлежала бы Советскому Союзу, сколько в мировой цивилизации. То есть совершенно мирным путем глобальная монополия путей сообщения в мире объективно перешла бы в руки СССР со всеми вытекающими отсюда глобальными последствиями^[39]. Кстати сказать, то же самое имело место и в начале XX в.

Как обязательный атрибут вселенского бандитизма Запада, всегда имело место его освящение испокон веку обагренными кровью людской католическим крестом и прочими «общечеловеческими ценностями», даже если на знаменах тех, кого в этих целях привлекал Запад, были начертаны отнюдь не христианские символы и уж тем более не резюме знаменитых десяти библейских заповедей! Как началось это с нападения на Киевскую Русь, так и продолжается до сих пор — меняются лишь формы да степень подлости, с которой Запад по-прежнему идет на это.

Возьмем, к примеру, историю Куликовской битвы. Историческое и геополитическое значение той славной Победы не только в инициации ренессанса русской государственности в форме зарождения основ будущего Русского централизованного государства. Ее особое значение еще и в том, что она была одержана не над Золотой Ордой, и даже не над Мамаевой Ордой как таковой, а над наемными войсками под предводительством, если использовать современную терминологию, одного из крупнейших (естественно, по меркам тех времен) агентов военно-стратегического влияния Запада — все того же Мамаю!

Не являясь чингиситом (то есть потомком Чингисхана), но всего лишь крымским темником, то есть предводителем расквартированного в Крыму 10-тысячного военного отряда, Мамай узурпировал власть в Крымской Орде — провозгласил себя ханом. По принципу «фифти-фифти» — т. е. наполовину инициативно, наполовину не без прямого воздействия на него ниже указываемых сил — стал исполнителем воли полномочных представителей средневекового аналога современной Америки — Генуи. Между тем в руках последней (наряду, правда, с Венецией) была сосредоточена едва ли не вся мировая торговля того времени (особенно по оси Запад — Юг и Запад — Восток). Генуэзский «доллар» того времени —

золотой цехин, а также католический крест и внушительные, по-европейски вооруженные боевые отряды — генуэзская пехота — были проводниками политики Генуи в Крыму. Ее колонии с центром в Кафе (современная Феодосия) появились фактически во исполнение буллы римского папы о крестовом походе против подвергшейся тогда нашествию Батыя Руси еще в самом начале XIII века. Мамай осуществил свое нашествие не только вопреки воле хана Золотой Орды Тохтамыша, но и самой политики Золотой Орды в отношении Руси, поскольку преследовал цель ее подчинения своей личной власти, ради чего намеревался даже поселиться на Руси и разрушить православные храмы, чего Орда никогда не делала. Естественно, что в случае победы Мамай окатоличивание Руси подразумевалось как само собой разумеющееся, как, впрочем, и то, что захваченная им Русь должна была стать торговой колонией Генуи, — генуэзцы изначально поставили это условием своей помощи Мамаю, выторговав себе соответствующие права. Именно поэтому-то на Куликовом поле вместе с Мамаем в битве участвовала и генуэзская пехота как передовой отряд объединенного антирусского фронта Запада, простиравшегося тогда от Балтийского до Черного моря: на севере — шведы и крестоносцы, в центре — поляки, Литва и крестоносцы, на юге — сам Мамай. В союзе с Мамаем было и Великое княжество Литовское, объединенное 80-тысячное войско которого под командованием князя Ягайло должно было принять участие в Куликовской битве. Однако то ли нарочно — в расчете на то, что обессиленные стороны не смогут противостоять натиску войск Ягайло, имевшего прямое задание безальтернативно на тот момент окатоличившегося Запада окатоличить избравшую путь Православия Русь, — то ли по иным причинам, но Ягайло припозднился на 12 дней. Однако участие в битве он все-таки принял, самое что ни на есть подлое «участие» — напал на обоз с ранеными в ходе битвы новгородскими воинами и вырезал всех! Таков вот был союз этих двух шакалов против Руси! Ну а после сокрушительного поражения в той битве Мамай нашел убежище, естественно, все у тех же генуэзцев в Кафе (Феодосия), откуда вновь и опять-таки на их же средства попытался взять реванш, выступив в 1381 г. в очередной поход против Руси. И вновь потерпел еще более унижительное поражение, на этот раз от самого Тохтамыша, который решил проучить зарвавшегося узурпатора ханской власти, как полагается. В поисках очередного убежища Мамай вновь сбежал к своим покровителям — генуэзцам, однако на этот раз алчные торгаши попросту прикончили своего агента влияния, посчитав это неким возмещением вложенных в этого авантюриста громадных по тем временам средств. Что ж, шакалу — шакалья смерть!..

Вся дальнейшая история взаимоотношений Руси-России с Западом протекала именно в этом, обозначенном указанными выше вехами, русле. Абсолютно ничем не отличается и современность. Ибо в основе этой истории и современности основополагающее, глобальное, принципиально неустранимое, антагонистическое геополитическое противоречие религиозно-цивилизационного характера между **АГРЕССИЕЙ** — как сущностью **ЗАПАДА** — и **БЕЗОПАСНОСТЬЮ** — как сущностью и базовой ценностью **РОССИИ!**

С этим связана еще и такая «традиция» особой подлости Запада, как непрерывное разыгрывание «русской карты» в мировом пасьянсе. То ей придают вид «русской угрозы» (в XX в. — «большевистской», а затем и «коммунистической» и, наконец, «советской угрозы»), то вид решающего козыря, но всякий раз Россия платит за это океанами крови людской и неисчислимыми иными потерями. Когда же Россия пытается избежать такого поворота событий, то ее начинают обвинять в некоем коварстве или, того не чище, что имеет место быть в наше время, в нарушении «демократии» и «прав человека». Ну что еще можно ожидать от Запада?! Запад — он и есть Запад, итить его...

Под давлением многовековой толщи неоспоримых доказательств видный историк Запада — Арнольд Тойнби — вынужден был письменно признать факт беспрецедентной многовековой агрессивности Запада по отношению к России. В опубликованном в 1947 г. труде «Цивилизации перед судом истории» он прямо указал, что «хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами»^[40]. Более того, он открыто признал и то обстоятельство, что на протяжении столетий АГРЕССИЯ является единственной формой общения Запада с внешним миром и, как правило, носит характер геополитического противоборства религиозно-цивилизационного характера.

«Западный человек, — отмечал А. Тойнби, — который захочет разобраться в этой теме, должен будет хотя бы на несколько минут покинуть "свою кочку" и посмотреть на столкновение между остальным миром и Западом глазами огромного большинства человечества. Как бы ни различались между собой народы мира... на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу, все — русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные — ответят одинаково. Запад, скажут они, — это агрессор... И, без сомнения, суждение мира о Западе

определенно подтверждается в последние четыре с половиной столетия... За все это время мировой опыт общения с Западом показывает, что Запад, как правило, всегда агрессор»^[41].

А. Тойнби сориентировался на британский вариант проявления сущности Запада — он-то как раз и очевиден уже более пяти веков. Маленькая ложь во имя Запада, естественно, не могла не породить и более существенную ложь в отношении России. Ни разу не дрогнувшей рукой А. Тойнби начертал, что-де «русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации»?!^[42] Каково, а?! Кто дал право даже выдающемуся человеку оскорблять другой народ только из-за того, что он привержен своей собственной цивилизации?! Кто дал право Западу проявлять враждебное отношение к другому народу только из-за того, что он привержен своей собственной цивилизации?! Кто, наконец, дал право тому же Западу делать из русских врага лишь на том основании, что они привержены своей собственной цивилизации?! Разве русские лезут со своим уставом в западную цивилизацию?! Разве они рассматривают Запад как врага лишь на том основании, что там привержены иной цивилизации?! История однозначно зафиксировала, что в восприятии русских Запад является истинным врагом не из-за того, что там привержены иной цивилизации, а всего лишь потому, что Запад в силу своей сущности — **АГРЕССИИ** — постоянно пытается навязать свою цивилизацию русским! Какая-никакая, но разница есть, к тому же принципиальная!

В последние пять столетий специфика взаимоотношений между Западом и Россией, а на самом-то деле между **АГРЕССИЕЙ** и **БЕЗОПАСНОСТЬЮ** в том и заключается, что со стороны Запада она приобрела особо подлый и коварный характер. Говорить именно так принуждает вся тяжесть не столько даже многовековых, сколько прежде всего бесспорных доказательств и фактов. А тон этой специфике задал главный враг России на протяжении последних пяти столетий — Великобритания (ныне США и Великобритания). И дело тут вот в чем. Как подчеркивал в своих воспоминаниях У. Черчилль, «битвы выигрываются кровопролитием и маневром. Чем более велик генерал, тем большую роль он отводит маневру и меньшую — кровопролитию... Почти все битвы, которые расцениваются как образцы военного искусства... были битвами маневренными, в которых противник часто обнаруживал себя побежденным в результате использования какого-либо неизвестного ранее приема или изобретения, какого-либо необычного, быстрого, неожиданного удара или уловки... В войне возможны многие, разного рода маневры и лишь

некоторые из них осуществляются непосредственно на поле боя. Используются маневры на крайнем фланге или в глубоком тылу. Маневры во времени, дипломатии, технике, психологии; все они отдалены от сражения, но часто воздействуют на него решающим образом, и задачей всех их является найти более легкие пути, отличные от непосредственного кровопролития для достижения главной цели»^[43]. На языке спецслужб витиеватый пассаж Черчилля насчет всевозможных маневров означает «использование специальных средств». Оно включает в себя широчайший круг различных тайных, нередко связанных с кровопролитием, но всегда очень сложных, зачастую крайне запутанных операций войны разведок, использование мер, которые «кажутся странными в данный момент» и лишь впоследствии оказываются «чрезвычайно разумными».

«Опыт Англии в использовании специальных средств был очень длительным, — вторил Черчиллю один из лучших знатоков британской разведки и секретной дипломатии А. Браун, — более длительный, чем у какой-либо другой державы. На протяжении свыше пяти столетий ее государственные деятели и генералы применяли их для того, чтобы создать королевство, а затем империю и чтобы защитить их от врагов»^[44]. Браун был абсолютно прав, как, впрочем, и обладавший колоссальным опытом взаимодействия с разведкой Черчилль, изначально увязавший витиевато изложенное им значение «всевозможных маневров» именно с битвами и войнами.

Именно так все и было в истории зарождения, становления, развития и расцвета могущества Британской империи. Даже сама закладка основ будущего каркаса будущей империи тоже не обошлась без использования «специальных средств» именно в геополитических целях. Но все дело в том, что исторический путь становления Великобритании как имперского образования именно такими методами автоматически пересекался с историческим путем становления России также в качестве имперского образования. Две принципиально антагонистические сущности — **АГРЕССИЯ** и **БЕЗОПАСНОСТЬ** — сошлись между собой в незримой, но свирепо ожесточенной схватке, конца которой нет и по сию пору. Великобритания стремилась стать империей по соображениям **АГРЕССИИ**. Россия же, напротив, по соображениям **БЕЗОПАСНОСТИ** вынуждена была стать империей! А уж на этой неминуемой сшибке столь антагонистических сущностей неизбежно отразилась как специфика самой Англии, так и ею же обусловленная специфика участия Англии в ожесточенно свирепой борьбе за мировую гегемонию.

Англия никогда не имела достаточных демографических ресурсов, чтобы вести ожесточенную борьбу за место под солнцем, опираясь

преимущественно на вооруженные силы. Особенно она не могла тягаться с обладавшими более многочисленным населением континентальными странами Европы. Тем более что на протяжении веков о британских сухопутных силах говорили не иначе как об «армии львов, предводительствуемой ослиами» (слова герцога Веллингтона). А вот флот был — на острове без флота не обойтись. Однако включившись в бешеную гонку за будущую морскую гегемонию, Англия столкнулась с трудно разрешимой по тем временам проблемой. Демографический дефицит практически не давал шанса для позиционирования себя мощной (морской) державой. Тем более для отстаивания такого статуса. В то же время флот, тем более океанский, требовал (и требует) наличия постоянных опорных баз вдали от родных берегов, обрести и удерживать которые мешал опять-таки демографический дефицит. Тем не менее трудно разрешимая проблема была «искусно» решена. В сфере борьбы за морскую гегемонию — главным образом за счет откровенного бандитизма и пиратства на морских коммуникациях, в том числе и под патронажем английской короны, выступившей, выражаясь современным языком, «крышей» для пиратов. В современной Англии не очень-то любят вспоминать о том, что практически все «отцы-основатели» британского военно-морского флота — его первые адмиралы — были обыкновенными бандитами-пиратами, которых лично «крышевала» самая почитаемая в стране королева — Елизавета I^[45]. Все они имели лично ею же подписанный специальный патент на пиратство на морских коммуникациях, за что, естественно, они и делились с ней добычей. Вырученные таким образом громадные по тем временам средства шли на финансирование борьбы за создание мощного королевства, а затем и империи, чье могущество должно было основываться именно на морской гегемонии, центральное место в которой заняли те самые «специальные средства и методы». Так было положено начало секретной службе Их британских величеств. В результате получился классический гибрид геополитического бандитизма и «специальных средств», с помощью которого и осуществлялось строительство Британской империи.

Официальная британская историография отсчет начала строительства Британской империи ведет от царствования Генриха VIII. Но именно с этого периода началась и протестантская реформация в Англии, в горниле которой был выкован каркас будущей империи — английское королевство, каким его знают последние пять веков. Происходившие тогда процессы не были связаны с религиозными разногласиями как таковыми, хотя внешне и имели подобный вид, и уж тем более не имели ничего общего с неукротимым либидо Генриха VIII, что привело к знаменитому расторжению его брака с Екатериной Арагонской, а затем и женитьбе на Анне Болейн. За счет

средневекового «специального средства» глобальной борьбы — протестантского вольнодумства — тогда был осуществлен разрыв Англии с Испанией и Римом, что было продиктовано исключительно геополитическими соображениями. Ведь наступила эпоха Великих географических открытий, и ранее находившийся в Средиземноморье, в основном в Венецианской республике, центр мировой силы стал смещаться в сторону Атлантики. И оттого, кто первым всерьез и надолго установит контроль над морскими коммуникациями в этом океане, напрямую зависело и то, кто будет господствовать над остальным миром. Первыми проложившие морские пути к Америке и в Азию, а затем и поделившие весь известный тогда мир католические Испания и Португалия^[46] не удосужились обеспечить долговременный контроль и в итоге достаточно быстро все потеряли. Но Англия — приобрела.

Точно так же и один из первых шагов в строительстве будущей империи непосредственно был сопряжен с применением «специальных средств». Внешне он был связан с разгромом в 1588 г. знаменитой испанской «Непобедимой армады», однако мало кому известно, что так много предопределивший в судьбе туманного Альбиона небывалый успех тесно связан и с небывалым успехом британской разведки в лице одного из наиболее блестящих и выдающихся ее асов того времени, великого, кстати говоря, специалиста по части психологических войн — Джона Ди^[47].

В связи с тем, что в дальнейшем нам придется все время говорить о разведывательной деятельности, считаю своим прямым долгом обратить внимание читателей на принципиально антагонистическую разницу между разведками великих держав Запада и России. Издавна бытующая внешне ёрническая позиция, что-де у нас по соображениям патриотизма — разведка, а ее сотрудники — разведчики, а вот на Западе — шпионаж и шпионы, на самом деле преисполнена глубокого философско-геополитического смысла. Цивилизация, основанная на такой сущности, как **АГРЕССИЯ**, и тем более государство, базирующееся на этой цивилизации, генетически не может вести разведку в целях безопасности. Сама сущность их государств — **АГРЕССИЯ** — обязывает западные разведки выискивать наиболее уязвимые места жертв планируемой агрессии, дабы агрессия была бы успешной.

Разведка же государства, сущностью которого является **БЕЗОПАСНОСТЬ**, осуществляет свою специфическую деятельность только для того, чтобы заблаговременно знать о назревающих угрозах безопасности своего государства и своевременно их отвести, а если это не

удается, то обеспечить руководству государства необходимое время для подготовки к отражению такой угрозы.

Не случайно, что в русском языке есть одно собственно русское слово — «разведка», происходящее от слова «ведать», то есть знать. В английском же языке два слова — spy и intelligence. И если обратиться к наиболее солидным энциклопедическим англо-русским словарям, то, к удивлению многих, придется узнать, что у последнего термина, например, понятие «разведка» вообще стоит на третьем месте. А вот у первого главным образом выделяется негативный смысл — «следить, подсматривать, выслеживать, высматривать, разнюхивать». Вот эти самые «следить, подсматривать, выслеживать, высматривать, разнюхивать» и есть суть осуществляемого спецслужбами Запада шпионажа. Того требует сущность самого Запада — **АГРЕССИЯ**. Кстати говоря, отнюдь не случайно и то, что только западному поэту — все тому же Редьярду Киплингу пришло в голову написать стихотворение «Марш шпионов»! Неблаговидное испокон веку дело требует соответствующего «облагораживания»!

Русская же разведка за всю свою многовековую историю никогда не занималась тем, чтобы вынюхивать наиболее уязвимые места Запада в целях нападения на него. Это абсолютно не в ее правилах. Если она и занималась по необходимости подобным делом, то всегда лишь для того, чтобы предотвратить внешнюю угрозу путем соответствующего, как правило, мирного по характеру использования выявленных уязвимых мест противника, дабы загодя предотвратить вооруженное столкновение. А если это не удавалось, то по меньшей мере гарантировать своему государству хотя бы минимум времени, необходимого для подготовки к отражению угрозы или, не приведи Господь, самой агрессии.

Чтобы согласиться с таким мнением, не так уж и много потребуется — достаточно вспомнить процитированные выше слова А. Тойнби об агрессивности Запада на протяжении веков.

В силу изложенного прошу иметь в виду, что когда в тексте далее будет встречаться термин «британская разведка», то не следует его воспринимать как некое авторское отступление от своих же правил — слово «разведка» в данном случае используется для обозначения этой спецслужбы как института британского государства. Что же до сущности деятельности британской разведки, то как это был шпионаж, так остается и поныне. Ничего другого и быть не может по определению.

Уже на первом этапе строительства будущей империи имело место межгосударственное «знакомство» Англии и России. Оно произошло в апогее ожесточенно свирепой борьбы между странами Запада за

единоличное обладание монополией морского пути сообщения в Индию. По факту это выглядело следующим образом. В противовес уже открытым и только католическими державами — Испанией и Португалией — полностью контролировавшимся морским путям вокруг Африки и через Атлантику в Америку (Вест-Индию), под патронажем английского короля Эдуарда I и под командованием Хью Уиллоби в 1553 г. была снаряжена и отправлена в странствие соответствующая морская экспедиция из трех кораблей. В рамках царивших тогда географических представлений ее основная задача состояла в поиске Северного морского пути в Индию и Китай. Через шесть месяцев после отплытия экспедиция потерпела крах — два корабля из трех погибли. Третий — «Эдвард Бонавенчер» — под командованием мореплавателя и купца Ричарда Ченслора бросил якорь у маленькой бедной рыбацкой пристани близ старинного монастыря Михаила Архангела, где впоследствии был построен первый российский порт — Архангельск.

Ричард Ченслор ознакомился с набиравшим силу Московским государством. Был удостоен аудиенции у молодого тогда, полного сил и еще доброго нрава царя Ивана Васильевича, более известного как Иван IV Грозный. Так было положено начало межгосударственным русско-английским отношениям^[48]. Однако, едва начавшись, русско-английские отношения не смогли избежать пагубного влияния специфики британского проявления сущности Запада. Историки, например, до сих пор гадают, что же такого экстраординарного стряслось с Иваном IV, вследствие чего он превратился в кровавого Ивана Грозного? Но есть ли основания для этих гаданий?

После вскрытия комиссией Министерства культуры СССР в 1963 г. гробниц Ивана Грозного, его сыновей — Ивана Ивановича, Федора Ивановича и воеводы Скопина-Шуйского открылась страшная картина: в останках Ивана IV Грозного была обнаружена чрезмерно высокая концентрация одного из самых ядовитых для человеческого организма металлов — ртути! Ее содержание достигало 13 граммов из расчета на тонну веса, в то время как обычное не должно превышать 5 миллиграммов! Разница — в 2600 раз!

В останках Ивана Ивановича также было зафиксировано наличие ртути — до нескольких граммов на тонну, что тоже абсолютно ненормально. А вот в останках младшего сына — Федора Ивановича — наличие ртути зафиксировано не было!

Вывод может быть только один — Ивана IV и его семью целенаправленно травили ртутью или, как ее тогда называли, сулемой! Вот факты:

1. Первенец Ивана IV и Анастасии Захарьиной — Дмитрий — родился здоровым и нормальным ребенком, а умер от банальной простуды (простыл во время поездки с отцом на богомолье), которую в те времена далеко не всегда могли вылечить даже царские лекари. Ртуту в его останках не обнаружено.

Несмотря на то что следов ртути в его останках не обнаружено, очевидно, не стоит пренебрегать следующими данными. Дело в том, что сулемой (ртутью) травили также и мать самого Ивана Васильевича — Елену Васильевну Глинскую, которая умерла в 1538 г. Травили и Анастасию Захарьину, не говоря уже о самом царе. Отравления же ртутью, тем более систематические, не проходят бесследно. В первую очередь они отражаются на репродуктивных способностях человека и, как правило, дают серьезные генетические последствия, в том числе и в плане резкого ослабления иммунитета у вполне здорового, казалось бы, потомства. Поэтому в принципе-то затруднительно полагать, что банальная простуда могла привести к летальному исходу. Скорее всего это результат именно же резко ослабленного иммунитета наследника из-за отравления ртутью бабушки, матери и отца.

2. Вторым сыном Ивана IV и Анастасии — Иван — тот самый, которого Иван Грозный в 1581 г. якобы убил посохом, родился в 1554 г., когда самому Грозному было всего 24 года, и рос здоровым и сильным человеком. Но в его останках обнаружена высокая концентрация ртути!

Якобы убил потому, что Иван Грозный не убивал своего сына! В относящихся к периоду правления Ивана Грозного исторических документах нет ни малейшего намека на что-либо подобное. Напротив, по документам и летописям четко видно, что царевич именно скончался («преставился», если на языке того времени), причем в длившихся четыре дня жутких мучениях от тяжелой болезни, вызванной, как было установлено уже в XX в., жестоким отравлением ртутью. Для смертельного исхода достаточно 0,18 г ртути. Между тем, как было указано выше, количество обнаруженной в его останках ртути превышало даже смертельную дозу в несколько десятков раз!

Миф об убийстве сына «изобрел» шпион Ватикана, папский легат, монах-иезуит Антоний Поссевин, прибывший в Москву в 1581 г. в качестве посредника в переговорах между русским царем и польским королем Стефаном Баторием, вторгшимся в ходе Ливонской войны в русские земли. «Изобрел» в отместку за то, что гибкий и мудрый дипломат — Иван IV

Грозный — категорически отверг все домогательства Ватикана, направленные на подчинение Русской Церкви папскому престолу. Ватикан именно для того и направил А. Поссевина на Русь, чтобы, используя ее сложное внешнеполитическое положение из-за Ливонской войны, добиться от царя глобальных уступок.

(Забегая вперед, следует отметить, что попытка Ватикана носила особо подлый смысл не только сугубо в религиозном плане. В равной степени что была и наиподлейшая попытка Разыграть «русскую карту» в отношениях между Западом и Османской империей. Дело в том, что, домогаясь уступок от Москвы, Ватикан предлагал взамен территории не без подлого «содействия» Запада рухнувшей под ударами турок «Империи ромеев», неуместно именуемой в исторической литературе Византийской империей. Даже гипотетическая тень намека на согласие Москвы на такое предложение автоматически привела бы к фронтальному столкновению молодого Московского государства с Османской империей — ведь территория «Империи ромеев» еще век назад была завоевана турками. Не говоря уже о том, что Запад немедленно претворил бы свой очередной подлейший план по травливанию Православия с и без того воинственно наседавшим тогда на южные окраины Европы Исламом.)

Миссия А. Поссевина потерпела полный крах. Взбешенный этим иезуит, по злобе своей, сочинил миф о том, что царь в порыве гнева убил своего сына. Комментируя полностью адекватное историческим реалиям исследование М. В. Толстого «История Русской Церкви», митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн указывал, что «известный историк Русской Церкви мог бы добавить, что происки Рима в отношении России имеют многовековую историю, что провал миссии сделал Поссевина личным врагом царя, что само слово "иезуит", из-за бессовестности и беспринципности членов ордена, давно сделалось именем нарицательным, что сам легат приехал в Москву уже через несколько месяцев после смерти царевича и ни при каких обстоятельствах не мог быть свидетелем происшедшего». Впоследствии его версию подхватил еще один шпион Запада — Генрих Штаден, русофобствующий бред которого представлял собой «бессвязный рассказ едва грамотного, необразованного и некультурного авантюриста, содержащий много хвастовства и лжи». Кстати говоря, этот мерзавец — Генрих Штаден — по возвращении в Германию выдвинул один из первых проектов завоевания Московии, в котором настаивал на уничтожении всех церквей и монастырей, разгроме и упразднении православной веры и превращении русских людей в рабов!

3. А вот третий сын от Анастасии — Федор — родился в 1557 г. и был слабоумным. К тому же, как окончательно установила реконструкция знаменитого антрополога М. М. Герасимова, уродливым карликом с маленькой головкой на ширококостном скелете! Так вот в его-то останках следов ртути не обнаружено.

То есть выходит, что в промежутке с 1554 по 1557 г. Ивана IV стали всерьез травить ртутью! Более того, в 1560 г. к тому же умирает еще совсем молодая, горячо любимая Иваном IV царица Анастасия, и уже сам самодержец не сомневался в том, что ее отравили.

Отравление ртутью известно человечеству давно. В период Средневековья, например, в Европе была известна так называемая «болезнь сумасшедшего шляпника», происхождение названия которой связано с тем, что при изготовлении модного тогда фетра шляпники использовали смертоносные ртутные соединения^[49]. Ныне она известна как «болезнь Минамата», поскольку в XX в. ее впервые зафиксировали в Японии. Главные симптомы этой болезни — глубокие депрессии, хроническая бессонница, сильнейшие головные боли, сильно угнетенное состояние, мания преследования, психическое расстройство, выражающееся в чрезвычайно опасных для окружающих бурных и буйных приступах. Еще с древности было известно, что отравление ртутью быстро приводит к всеобъемлющему поражению репродуктивной функции человека и к тому же передается по наследству, особенно, если отравлению были подвержены оба супруга — в период Средневековья, например, неоднократно фиксировалось рождение ущербного потомства у «сумасшедших шляпников»^[50].

На чей счет прикажете отнести эти факты отравления? Как уже отмечалось выше, именно в это время — 1553 — 1554 гг. — на Руси появился Ричард Ченслор, не столько мореплаватель, купец и даже доверенное лицо английского двора, сколько прежде всего шпион английского короля. В принципе и это ничего не значило бы — эка невидаль, заслали на Русь шпиона, — если бы, как и всегда в Истории, не одно «но». Одновременно с ним в Москве появился на долгие годы ставший личным лекарем Ивана Грозного выпускник Кембриджа, лекарь, астролог, маг и колдун, а также, естественно, шпион по имени Элизеус Бомелия, прозванный на Руси Елисеем Бомелия, по национальности, судя по всему, голландец. В летописях того времени его именуют «немцем», однако необходимо иметь в виду, что на Руси едва ли не до конца первой половины XX в. «немцами» называли не германцев, а вообще всех иностранцев,

которые не умели говорить по-русски: «немец» — значит немой, то есть не может говорить по-русски. Просто впоследствии это прозвище закрепилось за германцами, ибо их было больше всего на Руси. А что касается определения этнической принадлежности, то с этим на Руси все обстояло благополучно.

Бомелия ненавидели на Руси лютой ненавистью, считая виновным в диких, необузданных жестокостях царя, который как бы переродился из нормального человека доброго нрава в свирепого вепря на троне. Бомелия так и называли — «лютый волхв», то есть лютый, злой колдун. Именно под этим определением он и фигурирует в летописях. Лишь четверть века спустя, хотя и варварская по современным меркам — времена тогда были такие, что Русь в этом смысле ни на йоту не отличалась от Европы в жестокостях казней, — его настигла заслуженная кара. Опытные палачи Малюты Скуратова выпустили из него кровь, а затем, бездыханным, поджарили его на вертеле.

Но сколько же неисчислимых бед Руси за четверть века принес этот британский шпион-отравитель?! Царь отравлен вплоть до полного изменения его характера, и свирепствам его не было конца. Царица умерла от отравления. Потомство — Федор Иванович — дебилизировано. Последний сын царя от Марии Нагой — печально знаменитый в русской истории царевич Дмитрий (1582 года рождения) — страдал падучей болезнью. Явно преследуя цель вообще прервать династию Рюриковичей, убит (отравлен) единственно пригодный для управления разросшимся (уже была присоединена Сибирь) государством сын Иван^[51]. Вправе ли мы подозревать именно британскую разведку тех времен? Да, вправе.

Ричард Ченслор появился на Руси вследствие разворачивавшегося геополитического противоборства религиозно-цивилизационного характера интенсивно протестантизируемой Англии с окружавшим ее тогда остальным христианским миром, в основном католическим. Направлявшиеся им в Лондон аналитические выводы по сути были геополитическими. Он особо подчеркивал, что в начале своего правления Иван IV уже «затмил своих предков и могуществом и добродетелью» (к слову сказать, и другие англичане в своих донесениях в Лондон отмечали аналогичное). Пристальное внимание он уделял и тому, что Русь «имеет многих врагов и усмиряет их. Литва, Польша, Швеция, Дания, Ливония, Крым, Ногаи ужасаются русского имени... В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив. Одним словом, нет в Европе более россиян преданных своему государю, коего они равно и страшатся и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Иоанн во все входит, все решит; не скучает делами и не веселится ни звериной ловлей, ни музыкой,

занимаясь единственно двумя мыслями: как служить Богу и как истреблять врагов России».

Итоговый вывод, который он сделал о Руси, был уникален и вошел в историю: «Если бы русские знали свою силу, то никто не мог бы соперничать с ними, но они ее не знают». Именно так он и сообщил в Лондон. А далее в дело вступил «лекарь» Бомелия — личный агент влияния руководителя британской разведки того времени лорда Берли, которого в Москве очень смешно называли — «боярин Бурлы».

Царское окружение люто ненавидело Бомелия. Оно пребывало в абсолютной уверенности, что своими «чарами» злой «немец» внушил царю «свирепство». Конечно, ни о каких «чарах» и речи быть не может. В сохранившихся до наших дней народных преданиях о лютой ненависти Руси к Бомелию, особенно же со стороны царского окружения, явственно ощущается геополитическая подоплека. То было злоумышленное отравление с заведомо известными последствиями, которые царское окружение воспринимало как якобы внушение царю «свирепства». Оно открыто объясняло это тем, что-де «немцы» путем гаданий и волхований (то есть колдовства) якобы дознались, что им будто бы предстоит быть разоренными дотла русским царем, и вот, дабы отклонить от себя такую участь, прислали на Русь своего волхва (злого колдуна)! Выражаясь современным языком, царское окружение всерьез и, как видим, небеспочвенно, убежденно подозревало иностранные государства в злостно извращенном восприятии внешней политики Московского государства. И было право, так как молодой Иван IV вовсе и не собирался кого-либо разорять. Его действия в тот период времени были абсолютно адекватной реакцией на резко усилившийся тогда натиск, в основном католического Запада, на Русь в поисках сухопутного пути на Восток, в Индию. О нем уже тогда было известно, что он пролегает через Русь. Вот почему этот натиск, особенно в первый период правления Ивана IV, получал заслуженно жесткий отпор со стороны Москвы, которая одновременно стремилась возратить себе и исторически законные выходы в Балтийское море. На арене этого жестокого геополитического противоборства, с одной стороны, между Московским государством и католическим Западом, а, с другой, между последним и резко набиравшим силу на том же Западе протестантизмом, которым смертельно была поражена и Англия тоже, в очень хитроумной комбинации и выступил Лондон со своими шпионами и колдунами-отравителями. Пока католический Запад пытался проводить свою политику с помощью вооруженной силы, с подачи представившего Ивану Грозному Англию как врага Ватикана Ричарда Ченслора, на Руси было инициировано создание Московской торговой компании. Ченслор

получил одобрение этой идеи во время первой встречи с Иваном Грозным еще в 1553 г. Такова была одна из главных его задач. Стремясь к развитию англо-русского сотрудничества, Иван IV предоставил Московской торговой компании монопольное право на торговлю с Русским государством, в результате чего британские купцы в одночасье превратились в абсолютных монополистов. Затем компания получила право беспошлинной торговли. А в 1569 г. — еще и уникальное право беспошлинной транзитной торговли по волжскому пути со странами Востока! Этого бритты добивались целенаправленно. Известно, например, датированное 1568 г. письмо лорда Берли английскому послу-резиденту в Москве Рэндольфу, в котором он указывал на необходимость требовать от русских властей увеличения привилегий для английских купцов, в частности, на самостоятельную торговлю с Персией. Ведь главная-то задача Англии в том и состояла, чтобы любыми путями, но, минуя контроль католических стран, пробиться на Восток. Англичане, надо отдать им должное, действовали очень тонко: вытесняя всех пытавшихся действовать на русском рынке иностранцев, особенно голландцев, в качестве агента влияния и отравителя приставили к Ивану Васильевичу именно же голландца! В случае провала можно было развести руками и сослаться на «голландский след». Однако безудержная алчность британцев привела к тому, что после одного из приступов свирепости, просветлев на некоторое время разумом, Иван IV в 1570 г. лишил эту компанию всяческих льгот. То есть всего-то через год!^[52]

Уже в те времена «специальные средства» настолько превалировали в деятельности британской дипломатии, что терпение Москвы лопнуло. Совместно с дьяками Посольского приказа самодержец провел интересную акцию стратегического влияния — направил английской королеве Елизавете послание от 24 октября 1570 г., в котором без обиняков обвинил ее в том, что она позволяет своему окружению руководить английским государством. Иван Грозный преследовал цель неопровержимой компрометации лорда Берли в глазах королевы — до такой степени его проделки надоели русским. В Москве, к примеру, хорошо знали содержание упоминавшегося выше письма лорда Берли послу-резиденту Рэндольфу, в том числе и потому, что в нем речь шла не только о торговых привилегиях. Глава разведки жестко требовал от него уклоняться и от любых переговоров о заключении каких-либо союзов, тем более на условиях взаимных обязательств. Да и в самом-то деле, ну о каких переговорах или союзах можно было говорить, если лорду Берли прекрасно было известно, что его же агент влияния травит царя и его родню с катастрофическими для династии последствиями?!

Господь Бог, естественно, «воздал» Англии за ее подлость. Не прошло и полутора веков, как вследствие ярко выраженных гомосексуальных

наклонностей Вильгельма III Оранского у самой Англии на рубеже XVII — XVIII в. возникла острейшая проблема престолонаследия, завершившаяся тем, что на британский престол один за другим стали попадать слабоумные германские принцы — так называемая серия Георгов, особенно под номерами I — III. Именно от этих дебилов и ведет свою родословную современная королевская династия Великобритании.

Ради окончательного прояснения истинного мотива этого чисто геополитического преступления Англии против России обратимся к тем фактам, что сокрыты в «вечных льдах» прошлого.

Во-первых, это произошло на пике одного из первых апогеев ожесточенно свирепой борьбы между странами Запада за единоличное обладание монополией морского пути сообщения в Индию и Америку. Хронологически это совпало и с очередным раундом жестокого геополитического противоборства как между Московским государством и католическим Западом, так и между последним и резко набравшим силу на том же Западе протестантизмом, которым инфицирована Англия. В Европе разгорелась ожесточенная геополитическая борьба за мировую гегемонию.

Во-вторых, это произошло тогда, когда уже было невозможно не заметить растущего могущества Русского централизованного государства времен молодого Ивана IV. Но в то же время невозможно было не заметить и факт уникального возрождения в новых исторических условиях могучего ранее фактора в геополитической расстановке сил прошлого. Если схематично представить все то, что отписывали в Лондон британские соглядатаи, то нетрудно будет понять, что же конкретно бросилось в глаза шпионам английской короны.

1. Утвердившаяся на Руси власть идеи самодержавия московского царя в органическом сочетании с окончательно утвердившейся властью Православия.

2. Абсолютная власть самого самодержавия московского царя, в основу правления которого было положено служение Богу.

Это было предопределено, ибо изначально выразилось в преисполненном необозримого религиозно-геополитического смысла факте — Иван IV стал первым Помазанником Божьим на русском престоле. При венчании его на царство над ним было совершено церковное Таинство Миропомазания, и с того времени русские цари являлись единственными на земле людьми, над кем священный обряд совершался дважды, то есть при крещении и венчании на царство, что в итоге означало Дважды по Прямому Повелению Божьему! Отсюда и такое его отношение к своим подданным в первый период правления.

3. Органичный симбиоз добродетельного служения самодержавной власти царя народу с беспрецедентной преданностью народа своему государю, что проистекало из отношения молодого Ивана IV к народу как к «Людям Божьим и Нам Богом Дарованным!» и его же позиции, что он «судия народный и защитник народа».

В одном из своих отчетов Р. Ченслор указал: «Вот если бы наши бунтовщики так знали свое положение по отношению к государю, как в России». Несчастные английские бунтовщики и впрямь не ведали этого, за что жестоко и поплатились. Только в период правления Генриха VIII (что предшествовало вступлению Ивана IV на престол) и только за бродяжничество было повешено свыше 72 тысяч ни в чем не повинных людей, согнанных с земли в ходе так называемых огораживаний. Между тем за весь период правления Ивана Грозного, то есть, как обычно утверждают русофобствующие «историки» и иже с ними, якобы самого жестокого из всех русских царей, было казнено всего от 3 до 4 тысяч человек. В это время католическая церковь в Европе только еретиков сжигала тысячами! В одной только Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.), спровоцированной, к слову сказать, непосредственно самими протестантами, последних было вырезано примерно 80 тысяч человек. То есть за одну ночь раз в двадцать больше, чем от казней якобы самого жестокого русского царя, к тому же за весь длительный период его правления — полвека!^[53]

4. Опирающееся на вышеуказанное укрепление внутренней и внешней безопасности государства, а соответственно и единства и страны, и государства, что вело и к росту международного авторитета державы, через территорию которой проходили все сухопутные и речные пути с Запада на Восток и соответственно в обратном направлении.

Уже в первый период правления Ивана IV отчетливо было выражено геополитическое стремление к возврату исконно славянских земель на Северо-Западе, в том числе и в Прибалтике, ради столь же законного обретения выхода в Балтийское море. Не менее заметно было, что и движение на Восток и Юго-Восток также жестко было обусловлено соображениями безопасности.

5. Наконец, иностранные, в том числе и британские, шпионы не могли не заметить, что эти процессы происходили в период правления самодержца — наследника славных традиций:

— Ярослава Мудрого — жестко ликвидировавшего в 1031 г. тяжелые последствия самого первого натиска Запада на Русь;

— Александра Невского, благословенного как тем, что отбил очередной натиск Запада на Русь, так и тем, что фактически инициировал активизацию процесса возрождения национальной независимости и суверенитета Руси;

— «собирателей и устроителей земель русских» — Даниила Александровича, Ивана Калиты, но особенно же деда — Ивана III (тоже Грозного) и его знаменитой жены Софьи (урожденной Зои Палеолог — племянницы последнего византийского императора Михаила Палеолога); ведь именно с их именами связано прочное укоренение на Руси особых византийских символов и традиций, центральное значение среди которых имел и имеет преисполненный глубокого геополитического смысла герб с двуглавым византийским орлом, а также представление о ее миссии защитника Православия и овладевшая умами политической и церковной элиты идея «Третьего Рима».

Конечно, именно в таких дефинициях ни иностранные вообще, ни в том числе британские шпионы-дипломаты, ни даже дьяки Посольского приказа эти процессы не описывали. Это современные формулировки. Но дело-то в том, что магистральный вектор развития Руси времен Ивана IV Запад заметил. Ведь именно в период его правления в основном завершилось становление основного каркаса России как страны (в географическом смысле) и Русского централизованного государства, так и державы в том евразийском понятии «Россия», которым мы столь привычно ныне оперируем. Вне всякого сомнения, что совокупность вышеизложенного прекрасно осознавалась за пределами России.

Беда заключалась в том, что все это было воспринято на Западе как своего рода умышленно осуществленная, уникальная религиозно-цивилизационно-геополитическая реинкарнация за век до этого рухнувшей Византийской империи!

Но ведь рухнула-то она не столько под ударами турок — в 1453 г. им достался практически полностью обессиленный Константинополь, — сколько в результате многовековой тотальной антивизантийской подрывной деятельности, осуществлявшейся тем же Западом, особенно Венецианской и Генуэзской республиками, в том числе нередко и в союзе с воинствующим исламом.

Чрезвычайно подлая «традиция» — целенаправленно-системное стравливание православного и исламского миров ради их взаимного уничтожения для последующего установления господства Запада — была заложена еще Карлом Великим, геополитическим основателем

современного Запада. Именно он «разработал» фундаментальные «основы» этой подлости — создание союзов (коалиций) с наиболее влиятельными представителями ислама, в том числе и в лице мусульманских государств, и тайное оказание друг другу всевозможного «содействия» в самостоятельно осуществляемой сторонами вооруженной борьбе со своими противниками. Именно он на государственном уровне впервые прибег к услугам известного по сказкам «Тысячи и одной ночи» знаменитого повелителя мусульманского Востока багдадского халифа Гаруна аль-Рашида, зажав в итоге «Империю Ромеев» (Византийскую империю) в двусторонние «клещи» — с запада и востока, — и добившись в итоге от нее серьезных уступок. [К слову сказать, с тех же самых пор завелась на Западе и еще одна наиподлейшая «традиция» — силой зажимать православных в «клещи», дабы вынудить их принять условия Запада. Впоследствии, после того как «Империя Ромеев» (Византия) при прямом содействии Запада канула в Лету, в силу автоматически перенесенной на Русь ненависти Запада к Византии, столь же автоматически на Русь было распространено и действие упомянутой выше «традиции». Запад же, иттить его...] Естественно, что Карл Великий не был первооткрывателем на этой стезе — принцип «враг моего врага — мой друг» известен едва ли не от сотворения мира. И не только на Западе. Тот же Гарун аль-Рашид, к примеру, извлекал из этого союза немалую пользу, если учесть, что Карл Великий вел изнурительную борьбу с испанскими Омейядами, будущими халифами Кордовы, являвшимися, по мнению багдадских Аббасидов, самозванцами и еретиками в исламе, в связи с чем подлежали безусловному уничтожению хотя бы и чужими руками.

Однако союз Карла Великого — кстати, уже как императора Западной Римской империи (он незаконно был провозглашен в этом статусе 25 декабря 800 г.) — с Гаруном аль-Рашидом против «Империи Ромеев» (Византии) именно тем и отличался, что соответствующую «музыку» религиозно-цивилизационного «свойства» по своей же геополитической «партитуре» заказывал сам геополитический основатель Запада! А багдадский халиф играл в этом союзе второстепенную роль исполнителя, чьи едва ли не ежегодно организовывавшиеся на восточных границах «Империи Ромеев» (Византии) войны имели преимущественно вспомогательное значение в геополитическом пасьянсе Карла Великого, все карты которого были крапленые. Ведь глава Западной Римской империи вел против «Империи Ромеев» (Византии) религиозно-цивилизационную борьбу сугубо по геополитическим соображениям, в ходе которой он стремился не только к непосредственному уничтожению «Империи Ромеев», но и к тому, чтобы прежде всего вырвать из-под ее духовного влияния принадлежавшие ей (в том числе и ранее) территории. В том был особый геополитический

смысл. Геополитическое могущество «Империи Ромеев» основывалось на идеократии, то есть на власти идей Православия. В империи фактически сложилось единство церкви и государства. И на том же зиждилась и евразийская природа самой «Империи Ромеев», а также тесно взаимосвязанная с ней ее внешняя политика.

В обоснование агрессивных притязаний Западной Римской империи на окружающий мир, в чем ее абсолютным единомышленником был папа Николай I, по поручению последнего и в полном согласии с самим Карлом Великим, реймскими и ахенскими богословами была сфабрикована едва ли не самая знаменитая фальшивка всех времен и народов — пресловутая Дарственная Константина. Согласно ей римский император Константин I Великий якобы еще в 17 в. навечно даровал тогдашнему папе — Сильвестру I — светскую власть над Римом, Италией, другими западными провинциями империи и признал главенство пап над всеми остальными владыками. Это «официальный» смысл фальшивки. Но тут важнее неофициальный. Константин I Великий, как известно, в явном предчувствии нашествия варваров около 320 г. н. э. принял решение о переносе столицы Римской империи на восток, в древний греческий городок Византий (Бизантиум), получивший затем имена «Новый Рим» и Константинополь, то есть город Константина (от греч. «полис» — город; ныне — Стамбул, Турция) и даже — Царьград. В отличие от основного Рима новый сумел отстоять себя в борьбе с варварами и прожил до предела насыщенную взлетами и падениями, длившуюся более тысячи лет богатейшую во всем жизнь и оставил неизгладимый след в Истории земной цивилизации.

Суть же неофициального смысла фальшивки состояла в том, что, уходя, так сказать, на «запасной аэродром» (то есть основав Византию), Константин I Великий якобы оставил эту «Дарственную» в надежде на то, что основной Рим возродится и, как и в прежние времена, будет господствовать над миром! В подтверждение якобы в обязательном порядке вытекавшей из фальшивки идеи необходим был аргумент особо убойной силы. «Творцы» этой фальшивки понимали, что бумага-то все стерпит и даже долго может просуществовать, что, кстати сказать, и получилось. Лишь в 1440 г. итальянский гуманист Лоренцо Валла неопровержимо доказал факт подложности «Дарственной». Но ведь убедительной-то силы она не имела. Вот тут-то и сыграл свою роль союз с Гаруном аль-Рашидом — судя по всему, в том и было, по замыслу Карла Великого, его главное предназначение. Давно заигрывая по дипломатическим каналам с могущественным повелителем Востока, Карл Великий тонко подталкивал его к совершению одного шага и в конце концов добился желаемого результата. С прямой санкции Гаруна аль-Рашида его послы по прибытии в

столицу империи Карла — Ахен — в 800 г. преподнесли ему, тогда еще всего лишь франкскому королю, ключи от Иерусалима! Карл немедленно и с завидным мастерством закоренелого интригана обыграл этот факт в том духе, что-де Гарун аль-Рашид преподнес эти ключи не только из любви к нему, но и прежде всего потому, что уступил ему Гроб Господень — якобы из уважения его права как основного Рима! То есть власть «Нового Рима» (Византии), а она-то была прежде всего идеократической, лишилась тем самым самого источника своей власти — в том-то и все значение Иерусалима, где находится Гроб Господень! Слившись воедино и не единожды обыгранные, письменная и устная фальшивки наделали колоссально много шуму в истории, не говоря уже о самой незаконной коронации Карла в качестве императора, что было проделано сразу по получении ключей. Потому как главный итог всей этой операции с фальшивками в том и заключался, что тем самым было положено начало еретической теории о земной централизации Римской церкви и подчинении всего христианского мира Риму, осуществление агрессивных имперско-авантюристических притязаний которого в жизнь проводил Карл Великий, а затем и его потомки. Более того, было создано также и фальшивое обоснование для «Дранг-нах-Остен», которым всякая западная сволочь пользуется едва ли не до сих пор, не говоря уже о крестовых походах, Наполеоне и Гитлере, чрезмерно переусердствовавших на этой кровавой стезе. Мало чем отличается и современная сволочь — НАТО.

Ну, а тогда до предела ослабленную на тот момент Византийскую империю («Империю Ромеев») силой вынудили признать Священную Римскую империю, по сути дела едва ли не как главенствующий центр всего христианского мира со всеми вытекающими отсюда глобальными последствиями. Правда, и империя Карла Великого, и Арабский халифат Гаруна аль-Рашида также весьма быстро приказали долго жить — Высший Закон никому не позволяет вольное обращение со своими постулатами! Однако содеянное тогда сыграло и, к сожалению, до сих пор играет колоссальную роль. Стремление Запада позиционировать себя как основополагающий центр всего нашего мироздания в основе своей имеет все ту же давнюю историю. Хуже того. Именно с тех самых времен в практику проявления сущности Запада — **АГРЕССИИ** — в качестве органически неотъемлемого ее компонента вошла наиподлейшая манера стравливать Православный и Исламский миры в целях их взаимного ослабления, но утверждения господства Запада! Впоследствии великий русский поэт, дипломат и патриот России — Ф. Тютчев — самым язвительным образом прошелся своими бессмертными строками по этой

манере Запада. В посвященном итогам Крымской войны, но полном гневного сарказма стихотворении «Современное», он писал:

Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,
И ликует Цареград.
И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.
Угощает он на славу
Милых западных друзей
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей...
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал...
Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианских съезд князей! ..

P.S. Кстати говоря, именно во времена правления Ивана Грозного появился и сам термин «Византийская империя», изначально носивший на Западе пренебрежительно-уничижительный смысл, который, кстати говоря, сохраняется там и поныне. Очевидно, для того он и был изобретен. Потому как сохранись в обороте название «Империя Ромеев», то история противоборства с ней Западной Римской империи и тем более уничтожения «Империи Ромеев» при прямом содействии Запада была бы 100%-ной аналогией знаменитого библейского сюжета о Каине и Авеле, то есть о братоубийстве. А так, под иным-то названием, Запад как бы и руки умыл. Мало ли империй кануло в Лету. И сколько раз в истории так "умывал руки"?!

Корни столь крайне предвзятого на Западе отношения к Византии кроются в геополитическом статусе «Империи Ромеев» — она была

единственной прямой геополитической соперницей Запада, практически монополюснo контролировавшей всю ось Восток —Запад. А в основе ее геополитического статуса лежала власть Православия и уникального единства церкви и государства^[54]. И вот в ситуации не по дням, а буквально по часам разгоравшейся с начала XVI в. бешеной гонки за монополюснoе обладание всеми путями на Восток Запад столкнулся с крайне неприятно поразившими его непреодолимыми препятствиями. Ранее эффективно действовавшие короткие сухопутно-морские пути с Запада (в основном через Венецию и Геную) на Восток через Средиземное море, Анатолийский и Аравийские полуострова оказались полностью перекрытыми воинственно наседавшим на южные задворки Европы Исламом, который на подобные «подвиги» сподобили все те же Венецианская и Генуэзская республики. В связи с этим взоры Запада обратились на Русь. Но на Руси-то и вовсе произошло необычное. Едва ли не абсолютная реинкарнация в еще более могучем облике все той же яро ненавистной Западу «Империи Ромеев», в руках которой, как и в ее славные времена, находился самодержавный контроль над существовавшими тогда альтернативными прежним, сухопутными и речными (частично и морскими) путями, ведущими с Запада на Восток! Более того, весь этот процесс происходил в обстановке откровенных притязаний на роль Третьего Рима, не услышать чего Ричард Ченслор физически не мог.

А ведь не без подсказки люто ненавидевших «Империю Ромеев» «благодетелей» — начавших перенос своей торгово-экономической и геополитической активности в Атлантику наиболее влиятельных представителей элиты олигархических кланов Венецианской и Генуэзской республик — интенсивно протестантизируемая Англия сама встала на путь строительства «Нового Рима». Естественно, протестантского — в пику Ватикану, но кальвинистского толка (то есть особой жестокости).

Так что нет ничего удивительного, что Запад забил тревогу, особенно когда уяснил себе магистральный вектор политики Ивана IV Грозного — создание могучего Московского царства при беспрецедентной опоре на чистоту веры и укрепление Православного Русского Самодержавия. Однако, не имея возможности уничтожить Русь военным путем, Запад пустился во все тяжкие — от подлой клеветы и шельмования до отравлений царствующих особ.

Все это, естественно, не могло не отразиться на едва только зародившихся англо-русских отношениях. Вот это и был исходный преступный мотив в вызревании замысла отравления именно ртутью и

Ивана IV, и его жены Анастасии, и его сына Ивана. Суть операции сводилась к физическому устранению не только царствующей династии, но и возглавляемого ею государства в целях установления своего полного контроля над проходящими через территорию этого государства сухопутно-речными путями на Восток и превращения в итоге в абсолютных монополистов в торговом обмене между Западом и Востоком! А для этого любые средства хороши — от отравления и убийства до предательства и измены. Заведомо зная о тяжелейших последствиях отравления ртутью, бритты и пошли на такое неслыханное преступление, как систематическое отравление представителей царствующей династии. А на неизбежную в таком опасном деле плаху заблаговременно подсунули чужую голову — в данном случае голландца Бомелия^[55]. Последствия же такого отравления — особенно никак не поддающиеся сокрытию приступы сумасшествия — ввиду сильного общественного резонанса позволяли, в свою очередь, подорвать веру окружения и, главное, народа в царя как Помазанника Божьего. В результате очень легко рвались столь необходимые для прочности любого государства, тем более того времени, узы между самодержцем и народом. А отсюда рукой подать и до более худшего. Как до едва ли не «естественного» взращивания в народе мысли о том, что-де всякая власть во всем преступна, так и до измены как якобы необходимости оппонирования сумасшествию власти. Ну, а когда подобные процессы доходят до критического уровня, то уничтожить ослабленного таким образом противника, да еще и ослабить его на века вперед — вообще не представляет никакого труда. В результате не только соперник будет уничтожен, но и на века вперед будет опорочено само имя этого государства, как якобы только и заслуживающего уничтожения сосредоточение зла. Но более всего, «естественно», «достанется» цивилизации, на которой было основано такое государство — именно ее-то всевозможные «эрудиты» и превратят в корень зла, насилия и различных пороков^[56].

И. А. Ильин в свое время предупреждал, что «в мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди — враждебные России, особенно Православной России, тем более императорской и нерасчлененной России. Подобно тому как есть «англофобы», «германофобы», «японофобы» — так мир изобилует «русофобами», врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех... Поэтому, с кем бы мы ни говорили, к кому бы мы ни обращались, мы должны зорко и трезво измерять его мерилom его симпатий и намерений в отношении единой, национальной России и не ждать: от завоевателя — спасения, от

расчленителя — помощи, от религиозного совратителя — сочувствия и понимания, от погубителя — благожелательства, от клеветника — правды»^[57]. Однако Ф. Тютчев задолго до Ильина написал:

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
— Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них — закон и равноправность
Для нас — насилье и обман...
И закрепила стародавность
Их, как наследие славян...

С глубоким сожалением приходится открыто признать, что подлый замысел бриттов фактически был реализован, вплоть до того, что царствующая династия Рюриковичей была подорвана окончательно, а Русь оказалась ввергнутой в пучину Великой Смуты. Лишь чудом, называемым глубинной интуицией русского народа, нашедшего в себе силы и мужество к смертельно жестокому отпору, Русь едва устояла в Великой Смуте.

Потери России в Смутном Времени были архижестокие — из 15 млн человек населения, до 50 % из которых появились на свет именно в период правления Ивана IV Грозного, было потеряно 7 млн человек. Выкарабкалась же Русь из Смутного Времени лишь благодаря незаслуженно забытому, но не утратившему с веками своего значения гениальному изобретению все того же Ивана IV Грозного. Ведь именно Земский собор 1613 г., созванный по законам и правилам, внедренным еще грозным для врагов России самодержцем, позволил возродить самодержавное правление.

К несчастью, факт колоссальных демографических потерь России в период Смутного Времени не остался незамеченным на Западе. Впредь ожесточенно свирепое религиозно-цивилизационное противоборство Запада с Россией будет иметь ярко выраженную ориентацию и на тотальный подрыв демографического потенциала России, поскольку сугубо в геополитическом смысле это постепенно ликвидирует самый главный краеугольный камень ее основы. Нет населения — нет и монополии заселения, а соответственно нет и проблемы Безопасности монополии заселения, на чем и зиждется Русское государство. И не случайно, что и по

сию-то пору действующий, хотя и разработанный еще в 1890 г., глобальный план уничтожения России имеет в качестве конечной цели — «РУССКУЮ ПУСТЫНЮ». В XX в. Запад с лихвой исполнил этот свой людоедский план — за счет Смутного Времени 1917 — 1922 гг., гитлеровской агрессии и массивного уничтожения остатков населения за счет дикого глобального варварства навязанных под конец прошлого столетия «либеральных реформ» от... «демократии». Как ни крути, но и Алексис Токвилль, и А. Герцен, и А. Нобель были беспрецедентно правы: «демократия» в равной степени и «господство посредственности», и «господство подонков», и господство «огромной мощи разрушения». Да и во времена СССР далеко не поклонники советской власти придерживались аналогичных взглядов; Известный советский ученый-генетик Н. Тимофеев-Ресовский (прототип главного героя книги Д. Гранина «Зубр») еще в 1979 г. вопрошал: «Вы представляете, что у нас будет, если вдруг демократия появится. Ведь это будет засилье самых подонков демократических. Черт знает что! Хуже сталинского режима. Прикончат какие бы то ни было разумные способы хозяйствования, разграбят все, уничтожат народ, а затем распродадут Россию по частям. В колонию превратят».

В период Великой Смуты Московская компания действовала беспрецедентно активно: от попытки насаждения «годуновщины» — царь Борис был тесно связан с уже упоминавшимся выше Дж. Горсеем — до всех историй с Лжедмитриями. Агенты именно этой компании — Джон Меррик и Уильям Рассел — в самый разгар Великой Смуты пытались навязать России английский протекторат. А в 1612 г. ко всему прочему именно этой же компанией был выдвинут проект военной экспедиции, преследовавшей цель под видом оказания помощи Москве в отражении очередного Западом же инспирированного нашествия польских и шведских войск захватить Русский Север — единственный тогда выход России к морю. Проект был разработан капитаном Т. Чемберленом, служившим наемником, и предусматривал захват всей территории Поморья с созданием военной базы, торговой фактории и превращением Архангельска и Холмогор в опорные пункты британской короны. «Естественно», что без очередной королевской подлости не обошлось — проект был утвержден английским королем Яковом I^[58]. Проект был решительно отклонен Великими Патриотами Земли Русской — Мининым и Пожарским^[59].

Спустя три с лишним века после Великой Смуты XVII в., во времена Англией же инспирированной Великой Смуты 1917 г., еще королем Яковом I одобренный «военный проект» Московской торговой компании

«реинкарнировался» в британскую интервенцию на Русском Севере в 1918 году. Англия — страна «традиций»... королевской подлости.

Когда же Русь чудом вышла из Великой Смуты, то к только что избранному на царствование Михаилу Федоровичу Романову вновь был прислан английский «лекарь», а заодно астролог, колдун, но прежде всего потомственный шпион, сын уже упоминавшегося выше Джона Ди — Артур Ди, находившийся на связи у тогдашнего шефа британской разведки Роберта Сесия. Судя по всему, Артур Ди изрядно много «нахимичил» в пользу Лондона, что было оценено последним. Ибо когда с подачи разъяренного его антирусской и антицарской подрывной деятельностью Тайного приказа Артура Ди с треском выперли из Москвы, он комфортно «приземлился» на должность... личного врача английского короля Карла I, «благополучно» доведя его до эшафота!

Но самое любопытное в истории его «работы» в Московии — это то, в какое время направили Артура Ди «лекарствовать». Ведь это был период не только начала правления новой династии Романовых, но и то самое время, когда едва ли не одновременно с восшествием Михаила Федоровича на престол Русь оказалась втянута в печально знаменитую по европейской истории Тридцатилетнюю войну. Хотя она и явила собой ярко выраженное религиозно-цивилизационное противоборство между начавшим постепенно ослабевать, но все еще могучим католицизмом и стремительно набиравшим силу протестантизмом, но в действительности эта война велась во имя глобальных геополитических целей. Наиболее ярко это выразилось в ее итогах. Вестфальский мирный договор 1648 г., которым она якобы завершилась, не только усилил и закрепил германскую раздробленность, но и пресек притязания Священной Римской империи (с XII г. — «германской нации») на очень значительную часть Западной Европы. Прежде всего на Голландию, Бельгию, Люксембург, большую часть Франции, Швейцарию. На Западе создавался «Новый Третий Рим» — в Англии!

Вопреки всем своим национальным интересам, явно требовавшим оставаться нейтральной, Россия вступила в этот многолетний ожесточенно кровавый конфликт на стороне антигабсбургской, то есть протестантской, коалиции! Причем не просто на стороне антикатолической антигабсбургской протестантской коалиции, но, по меньшей мере, как втуне претендующая на роль Третьего Рима страна против Священной Римской империи германской нации (так называлась империя Габсбургов)! То есть Русь оказалась втянута в кровавые разборки со считавшим себя истинным наследником основного Рима так называемым Вторым Новым Римом во имя создания так называемого Нового Третьего Рима на Западе! То был

гениально подлый маневр, втянувший Русь в такое уникальнейшее религиозно-цивилизационно-геополитическое противоборство! Остается только диву даваться по поводу того, какими же соображениями тогда руководствовалась царская власть. Кончилось все это для России весьма печально: в тексте завершившего этот тридцатилетний общеевропейский мордобой Вестфальского мира 1648 г. имя московского государя стояло на предпоследнем месте — ниже его был только захудалый трансильванский князь. А до этого — в 1634 г. — имел место и унижительный Поляновский мир, после — в 1648 г. — до сих пор отравляющий историческую память России и Польши Андрусский мирный договор, далее — в 1661 г. — унижительный Кардисский договор и еще много такого, что непосредственно задевало честь и достоинство допетровской Руси. И уж вовсе не удивительно, что всего за два года до рождения Петра I — в 1670 г. — появился первый в истории Европы общеевропейский геополитический план колонизации и закабаления России!^[60]

Что же до Московской компании, то окончательно ее выгнали из Московии только в 1649 г. при царе Алексее Михайловиче Тишайшем. Причиной послужило то обстоятельство, что агенты этой компании явились главными подстрекателями хорошо известного по отечественной истории Соляного бунта в Москве в 1648 г., в котором от соли-то было только одно — формальный предлог, заключающийся в действительно имевшем место факте повышения пошлин на соль. На самом же деле это был инспирированный агентами Московской торговой компании настоящий антигосударственный мятеж. Еще тогда неопровержимо, в том числе и документально, было установлено (кстати говоря, и еще раз доказано уже в наше время), что инспирирование этого мятежа осуществлялось в соответствии с прямыми указаниями предводителя Английской буржуазной революции — лорда-протектора Оливера Кромвеля. У этого хренового пивовара руки чесались устроить «революцию» в Московии! Так что «экспортом» бандитизма, миль пардон, «революций», первой занялась именно Англия, но отнюдь не Россия.

Алексей Михайлович был мудрым самодержцем, стремившимся к укреплению могущества и международного престижа своего государства. Именно потому он и дал очень жесткий отпор попыткам О. Кромвеля «экспортировать революцию» на Русь. Он обратился ко всем европейским монархам с декларацией — известна под названием «Декларация царя Алексея» (1650 г.), в которой призывал их принять активное участие в совместном искоренении «мировой заразы» — революции — и выражал готовность содействовать этому своими вооруженными силами. Более того,

в этом документе он открыто обвинил английский парламент в том, что его агенты ведут подрывную работу во всех государствах, стремясь сбить с толку подданных других государей лживыми проповедями обманчивой свободы в расчете на общеевропейскую смуту и возможность «похоронить Монархию в общей могиле Анархии». Отец Петра Великого исключительно жестко стоял на защите интересов своего государства и хотя и развивал отношения с Западом, но в корне пресекал любую его подрывную деятельность.

Что же до принципиальной стороны дела, то, как видите, даже революция не изменила сущности Англии — **АГРЕССИИ**. Запомните это — далее очень пригодится.

Оценивая состояние допетровской России, выдающийся отечественный ученый-историк, академик Е. В. Тарле прямо подчеркивал, что к концу XVII в. положение России «поставило еще в допетровском поколении перед сколько-нибудь прогрессивно и самостоятельно мыслящими людьми грозный вопрос о возможности сохранения государственной безопасности и даже о национальном самосохранении в широком смысле этого слова». Вот ужасные в своей реальности последствия, казалось бы, банального для средневековой Европы отравления монарха другой страны!^[61]

Вечно реализовывавшиеся по тайным каналам секретной службы Их британских Величеств «традиции» подлости и самого низкого коварства Англии по отношению к России не менялись и не исчезали с течением времени. Так, в начале XVIII в. английская секретная, служба в лице своего петербургского резидента Джеффериса вышла к королю Георгу — первому из «серии» венценосных дебилов — с официальным предложением о проведении в 1719 г. разведывательно-диверсионной операции под «чужим флагом». Цель — захват и физическая ликвидация участников Аландского мирного конгресса, для участия в работе которого на Аланды должен был прибыть Петр I. Убить или пленить государя, предводительствующего своими войсками на поле брани, — это одно, но планировать на высшем монаршем уровне операцию по захвату и ликвидации государя другой державы, тем более не находящейся в состоянии войны с Англией (Россия тогда не воевала с Англией), — это уж слишком даже для английской короны! За всю историю России ни одно государство, ни один монарх мира не опускался до такой низости! А причина-то планировавшегося бандитизма была до банальности геополитическая — Россия Петра I уверенно обрела выход в Каспий, а затем еще и вернула себе законно принадлежавшее ей право выхода в Балтийское море. Но тем самым она вновь стала самой

могущественной соперницей Англии, уже уютно освоившейся с ролью морского гегемона мира.

Прошел почти один век, и в ночь на 12 марта 1801 г. в результате заговора был убит император Павел I. За кулисами заговора — английский посол Уитворт, выполнявший одновременно и функции резидента британской разведки того времени^[62]. В том же XIX в. — 1 марта 1881 г. — злодейски убит император Александр II, а 6 июня 1882 г. — отравлен выдающийся русский генерал М. Д. Скобелев. В обоих случаях все следы преступлений настолько откровенно вели в Лондон, что тому пришлось на время притихнуть. Но ненадолго — в 1894 г. был убит (отравлен) Александр III. Едва начавшийся XX век на тысячелетия был опозорен подлым коварством трех так называемых революций, царь Николай II не только свергнут, но и зверски убит, а Российская империя перестала существовать. Без исключения все прямые и косвенные улики опять указывали на Лондон^[63]. Так называемый октябрьский переворот 1917 г. недалеко ушел — стал результатом закулисного сговора правительств Великобритании и Германия. Без этого Германия никогда не пошла бы на это даже при всех своих связях с Лениным до тех пор, пока не получила бы прямое согласие Лондона на «свободу рук на Востоке» в обмен на «перемирие на Западе». Договоренность об этом была достигнута еще на августовских 1917 г. секретных переговорах между Великобританией и кайзеровской Германией.

За каждым из этих и иных злодейств, о которых речь еще впереди, одна и та же геополитическая причина, проистекающая из уникального статуса России как единственной в мире единой трансконтинентальной евразийской державы.

Конечно, британская секретная служба никогда не ограничивала свою подрывную деятельность против России, как, впрочем, и против остального мира тоже, одной только специализацией на политических убийствах. Как в целом у Британской империи, так и у СИС интересы были и остаются куда более чем широкими. Но прежде чем бегло упомянуть о них, необходимо отметить чрезвычайно важную, фактически предопределяющую тактику и стратегию британской секретной службы черту.

Никогда она не была многочисленной разведывательной службой. СИС никогда не стремилась к разбуханию кадрового аппарата, однако во все времена она оказывалась чрезвычайно эффективной. Дело в том, что на протяжении веков малочисленность ее кадрового аппарата всегда компенсировалась... масонством. Британским политическим масонством, для которого секретность деятельности и применение тех же самых «специальных средств» — такие же альфа и омега деятельности, как и для разведки. В Англии же процессы зарождения, становления и развития как

самой секретной службы, так и масонства всегда шли рука об руку не только между собой, но и прежде всего рука об руку с процессом создания самой британской империи. «Английское масонство есть как бы одно из выражений английской великодержавности... Английское масонство составляет часть того великолепного здания, которое называется Британской империей»^[64].

Естественно, что они оказали друг на друга соответствующее, глубоко взаимопроникающее влияние. В результате «специальные средства и методы» заняли лидирующие позиции среди всех средств и методов строительства и королевства, и империи. Причем на первом месте оказались «специальные средства и методы» зарождавшегося тогда прототипа современного масонства. Но в том-то все и деле, что в прототипе был сконцентрирован весь тщательно сбереженный (и оберегаемый поныне), обобщенный, проанализированный и синтезированный в выводах и практических рекомендациях для последующего применения в новых исторических условиях беспрецедентно богатейший и бесценный опыт многовековой истории подрывной деятельности различных тайных обществ и движений многих народов мира. Этот уникальный опыт не случайно стал достоянием британской секретной службы и британского масонства — непосредственным передаточным звеном явилась виртуозно владевшая им многоопытная венецианская разведка и действовавшие рука об руку с ней различные тайные движения также венецианского происхождения.

Эту мало кому известную ныне разведку прошлого особо отличали навыки фантастически виртуозного «искусства» действовать на стыке Запад — Восток. Причем в целях как геополитического, так и религиозно-цивилизационного противоборства, а также как вдоль «силовых линий» такого противоборства, так и в узловых точках их пересечения. Изначальное обретение британской разведкой и британским политическим масонством навыков такого «искусства» стало не только одной из отличительных особенностей СИС, но и предопределило ее фантастически прозорливую геополитическую интуицию на века вперед.

Теснейшим образом с этим связаны тогда же обретенные навыки не менее изумительного «искусства» действовать сразу на нескольких аренах противоборства, зачастую даже внешне полностью, казалось бы, взаимоисключающих друг друга — «искусства» из арсенала масонства, где оно укладывается в незамысловатую формулу «единство в многообразии». «Такого рода плюрализм, — отмечает известный российский специалист по истории масонства и разведки Л. Замойский, — позволяет масонству (а соответственно и разведке. — А. М.) привлекать сторонников, политически отстоящих друг от друга весьма далеко, а затем канализировать их движения

так, чтобы разные колонны маршировали в одном, по сути дела, направлении»^[65]. Именно отсюда и проистекает нередко ставящее «в тупик сочетание в масонстве радикальных, демократических, освободительных тенденций с консервативными, крайне авторитарными»^[66].

С этим же связано поразительное умение СИС работать одновременно и с национально-освободительными движениями, и радикальными революционными течениями, и крайне агрессивными религиозно-идеологическими движениями. Не говоря уже об иных бандитах. От карбонариев до народовольцев и повстанцев, от социалистов, марксистов, коммунистов до террористов, национальных сепаратистов и прочих «объектов» пристальной «заботы» уголовных кодексов всех стран мира. Традиционно это осуществляется с чужого плацдарма и под «чужим флагом» — как бы в силу объективного стечения якобы объективных же обстоятельств. Именно таким образом происходит инспирированная инициация «новых» идеологических течений и движений подрывного характера, но геополитической направленности, а при необходимости — и контрдвижений. И в том и в другом случае СИС весьма искусно прикладывает свою руку к структурно-организационному оформлению в соответствующие движения, течения, союзы, партии, альянсы, интернационалы и т. п., дабы, сшибая их лбами, извлекать геополитическую выгоду. И, что очень характерно для СИС (и масонства тоже), как правило, это реализуется с помощью многоходовых и многоступенчатых схем. Это позволяет избегать провалов или, если они неминуемы, прямых обвинений конкретно в адрес СИС и в целом Великобритании.

С этим же связано и поразительное умение будоражить умы целых поколений людей во многих странах мира вбрасыванием в их интеллектуально-информационный оборот всевозможных «интеллектуальных продуктов», носящих обыкновенно характер глобальной провокации. Как правило, подобные методы используются для достижения глобальных целей. Именно поэтому-то они всегда жестко ориентированы на провоцирование объединения национального и социального с ненавистью религиозного или идеологического экстаза, ибо только так возникают «подземные толчки» чудовищной силы, потрясающие весь мир. Обычно это достигается «ненавязчивым» взыванием к чувству справедливости, прежде всего к исторической, или борьбе против зла и насилия. Тем самым откровенно и очень искусно провоцируются «революционные» взрывы, завершающиеся, как правило, уводом целых обществ и государств с эффективных, но представляющих колоссальную опасность для самой Великобритании (а также и для Запада в целом) путей их развития.

Едва ли не все убеждены, что нацизм — явление чисто германское, что в том виноваты только немцы. Но кто бы отдал себе отчет в том, что почва для нацизма в Германии соответствующим образом была тщательно взрыхлена именно же британским политическим масонством задолго до Первой мировой войны?! Когда будущий Адольф Гитлер еще мочился в пеленках, если не того ранее. Это, естественно, не снимает с немцев ответственности за преступления германского национал-социализма, ибо за нацистами пошло абсолютное большинство германского народа, а с Гитлера — тем более. Но все дело в том, что вместе с ними осуждению подлежит и британское политическое масонство — только в этом случае справедливость будет окончательно восстановлена.

Точно так же не следует сваливать ответственность за коммунистический эксперимент только на русских и Россию. Якобы учение о коммунизме было специально разработано по прямому указанию руководства британской разведки и британского политического масонства как особо эффективное идеологическое «оружие массового поражения» для борьбы с наиболее сильными геополитическими соперниками. Другое дело, что во времена Сталина это оружие обратилось против Запада.

С этим же связано и потрясающее умение, никак не выдавая ни своей заинтересованности, ни своей причастности, провоцировать буйное, но крайне пагубное увлечение всевозможными ложными идеями и мифами в различных сферах общественно-политической и экономической жизни, истории и т. д. Вплоть до откровенного же шельмования той же подлинной истории, однако же, только под «чужим флагом», чужими руками и с чужого плацдарма. Не меньшую ценность имеет и виртуозное умение заблаговременно подбирать контингент пособников на вырост в целях дальнейшего их использования (в том числе и «втемную») в наиболее грязных и чреватых, в случае разоблачения, громкими скандалами операциях — от идеологических диверсий и шпионажа до откровенного террора. А с ним, в свою очередь, тесно взаимосвязано и поразительное искусство тонко работать с предателями и изменниками, откуда и кем бы они ни были. Прекрасно зная, что перед ней не просто отбросы общества, а именно же подонки и предатели, британская разведка преднамеренно, но очень тонко возвышает их в собственных же глазах; сажая тем самым на столь плотный крючок, с которого они никогда не смогут сорваться.

Особое место в арсенале британских спецслужб занимает филигранно отточенное, фактически переходящее в искусство умение широко привлекать к своим операциям интеллектуальную и деловую элиту, а также

«сливки общества» из числа аристократов, в том числе вплоть до представителей королевской семьи!^[67]

То обстоятельство, что практическая деятельность СИС нередко осуществляется по канонам и схемам масонства, является одним из главных объяснений того, почему провалы с поличным в британской разведке очень редки. Не случайно поэтому, что в крупнейших контрразведках мира лучшими асами считаются именно те, кто работает против СИС.

Вполне естественно, что такое потрясающее разнообразие «специальных средств и методов» не могло не сформировать и еще один вид «искусства», которым британская разведка овладела с невероятной виртуозностью. Речь идет о том, что как никто другой в мире СИС обладает уникальной способностью, не выдавая ни своей заинтересованности, ни своей причастности, сдавать — чужими руками, под «чужим флагом» и даже с чужого плацдарма — своих наиболее опасных противников на расправу противникам последних! При этом главная цель, как правило, принципиально в том и состоит, чтобы нанести своему геополитическому противнику максимально возможный, а желательней всего, непоправимый ущерб. Мелочи же СИС никогда не интересовали и не интересуют. Потому что у Великобритании никогда не было (и нет) ни вечных друзей, ни вечных противников. У нее есть только вечные интересы. А в России и к России — особенно.

Этот очень беглый экскурс в историю потребовался для того, чтобы хотя и вкратце, но как можно нагляднее показать, сколь многоопытная разведка оказалась причастна к провалу «заговора маршалов» и к многолетней шумихе вокруг этой истории. Ведь разведка вообще и британская в частности — это особо острый инструмент государства для защиты своей национальной безопасности и национальных интересов. И, конечно же, необходимо знать, какие конкретно свои национальные интересы Великобритания преследовала и преследует семь десятилетий кряду и каким образом эти интересы соотносились и соотносятся с ее же национальной безопасностью вплоть до наших дней. Иначе очень трудно разобраться — вследствие каких геополитических причин ее разведка пустила в ход весь свой колоссальный опыт и веками отшлифованное изощренное коварство. Ведь в сфере защиты национальной безопасности и национальных интересов разведка любого государства мира, хотя и специальными средствами, но автоматически копирует политику своего же государства. Но у британской разведки это естественное для любой разведки мира качество отмечено неизгладимой печатью особой традиции британской внешней политики. Дело в том, что британская разведка чрезвычайно жестко привержена принципу «континуитета»

(«преемственности»). Менялись и бесследно исчезали общественно-экономические формации и политические режимы, вспыхивали и угасали революции, исчезали целые племена и народы, гибли под ударами времени и врагов империи, сменялись эпохи, изменялся самый облик земной цивилизации, но принцип «континуитета» в политике Великобритании и деятельности ее разведки остается абсолютно незыблемым! Как и сам краеугольный камень политики Великобритании, выраженный в чеканной формуле: «У Великобритании нет ни вечных врагов, ни вечных союзников, есть только вечные интересы». Уже не один век они укладываются в прокрустово ложе знаменитой триады принципов:

— «равновесие сил» («баланс сил»);

— недопущение господства иной державы как на Европейском континенте, так и на подступах к Индии (то есть на сухопутных и морских коммуникациях, ведущих из Европы в Индию и обратно); со второй половины XX в. произошло расширение трактовки этого принципа — ныне речь идет о подконтрольном Западу развитии ситуации как в Европе, так и в Азии вообще;

— сохранение британского господства на морях; со второй половины XX в. и здесь произошло расширение трактовки — будучи абсолютно не в силах после Второй мировой войны в одиночку обеспечивать соблюдение этого принципа, Великобритания вынужденно приняла на вооружение принцип сохранения господства англосаксонского Запада на морях, уступив тем самым «пальму первенства» США^[68].

Этими же принципами много веков кряду определяется и само понятие национальной безопасности Великобритании, а соответственно и стратегическая оценка природы угроз, возникающих для нее. Соответственно точно так же их определяет и сама британская разведка. А теперь посмотрите, к каким выводам приводят самые элементарные факты.

В инициированной на Западе в конце 30-х гг. прошлого столетия пропагандистской шумихе вокруг «дела маршалов» круто замешанной оказалась именно британская разведка. Причем старт этой шумихе был дан незадолго до вынужденного подписания Советским Союзом договора о ненападении от 23 августа 1939 г. с Германией, а в апогей эта пропагандистская акция вошла уже в начале осени того же года. И все та же британская разведка вплоть до наших дней продолжает активно участвовать в этой пропагандистской кампании, ознаменовав свое участие в ней серией очень крупных шагов. На протяжении семи десятилетий лейтмотив этой шумихи один — что-де во всем виноват Сталин, это был сговор между Сталиным и Гитлером. А якобы невинные «стратеги» мешали Сталину вступить в такой сговор и потому были уничтожены.

Однако неуместно именуемый пактом Молотова — Риббентропа советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. ознаменовал собой крупнейший провал британской стратегии за весь XX век! Кому ж на Западе, особенно в самой Великобритании, охота признавать это?! Но именно поэтому-то его и демонизируют уже семь десятилетий кряду. Потому как не этот договор способствовал началу Второй мировой войны — после аншлюса Австрии и особенно Мюнхенского сговора она и так была неизбежна в любом случае. Что, к слову сказать, тогда понимали даже дворники, но до козлов»демократов» это и сегодня не доходит. Договор демонизируют всего лишь потому, что он поменял британское расписание очередной мировой бойни, а следовательно, и послевоенную конфигурацию в Европе. Потому что сделал невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу как в начале войны, поскольку возникла острая необходимость оборонять Западную Европу, так и после победы для ее изъятия из орбиты СССР.

Геополитические замыслы «стратегов» откровенно претендовали на ту же Восточную и даже Центральную Европу. И, следовательно, угрожали нарушить также и указанные выше планы англосаксов. И единственный тогда шанс достичь столь необходимого для англосаксов сговора с Гитлером в том и состоял, что в первую очередь необходимо было ликвидировать заговор Тухачевского как геополитический «коренник» в военно-геополитическом заговоре германских; советских и японских генералов. Потому как только в этом случае можно было создать ситуацию едва ли не полной международной изоляции СССР на европейской сцене. Причем именно в тот момент, когда истечет пролонгированный срок предыдущего советско-германского договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. — он истекал в июне 1938 г. Только это давало англосаксам шанс предоставить гитлеровской Германии некие гарантии безопасности ее западных границ с одновременным предоставлением ей «свободы рук» на Востоке, чтобы Гитлер всенепременно напал на СССР уже в конце 30-х гг. прошлого столетия. Но ликвидировать именно так, чтобы никто не заподозрил ни причастности, ни тем более заинтересованности Великобритании. Возможно, оно у бриттов так и получилось бы, если бы, как и всегда в Истории, не парочка «но».

Во-первых, едва только заговор был ликвидирован, как глава британской дипломатии лорд Галифакс предложил Гитлеру ровно то, что и намеревались сделать участвовавшие в заговоре генералы! Во-вторых, британская разведка до сих пор слишком рьяно участвует в пропагандистской шумихе вокруг этого дела — настолько рьяно, что зачастую нагло идет на нарушение даже хронологии общеизвестных фактов.

Следовательно, вывод может быть только один: и тогда, и сейчас британская разведка защищала и защищает какие-то якобы высшие имперские интересы и безопасность Великобритании! Только в таких случаях она упорствует без оглядки. Но, в свою очередь, это означает, что заговор не только реально существовал, но и реально же представлял серьезную угрозу интересам Великобритании. Не говоря уже о том, что в силу именно серьезности угрозы она приложила-таки руку к его ликвидации. Более того, связанные с ликвидацией «заговора маршалов» обстоятельства почему-то и сейчас продолжают представлять серьезную угрозу интересам Великобритании — иначе ее разведка не вела бы десятилетиями «поддерживающую» кампанию давно проведенной операции.

Являясь едва ли не самой прагматичной разведкой мира, СИС обладает, как, впрочем, и вся внешняя политика Великобритании, характерной склонностью при необходимости занимать позицию *splendid isolation* («блестящей изоляции»). Ее суть в наблюдении со стороны за развитием ситуации путем сбора и тщательного анализа всей доступной информации и в нанесении в нужный и наиболее выгодный, в представлении СИС, момент молниеносного удара, чтобы добиться «выигрыша в последнем сражении». Веками это положение являет собой краеугольный камень знаменитой концепции «иммунитета» от поражений как Великобритании, так и ее разведки.

Между тем в интересующей нас истории на одном и том же вопросе она «засвечивается» уже семь десятилетий кряду. Значит, действительно есть что-то такое, вследствие чего она упрямо идет на это, хотя прямолинейность — абсолютно не ее черта. Почему же тогда она ведет себя таким образом? Что скрывается за этим «что-то»? Какие обстоятельства, связанные с заговором, и по сей день тревожат британскую разведку, а на деле — саму верхушку правящей элиты Великобритании? Не рискуя слишком забежать вперед, отметим следующее.

Самым последним из правительств главных стран — участниц антигитлеровской коалиции согласившись на проведение международного суда над нацистскими военными преступниками, правительство Великобритании самым первым из них выдвинуло крайне жесткое требование о максимальном ограничении свободы слова для обвиняемых на будущем Нюрнбергском процессе! И знаете, чего оно опасалось более всего? «Обвинений против политики Великобритании вне зависимости от того, по какому разделу Обвинительного акта они возникают». Британское правительство содрогалось от мысли о том, что могут быть выдвинуты

обвинения в адрес «так называемого британского империализма XIX и в начале XX в.»! Так говорилось в английском меморандуме от 9 ноября 1945 г.^[69] Впоследствии У. Черчилль подтвердил, что это были отнюдь не случайные опасения. Говоря о предвоенном периоде, он заявил, что «в истории дипломатии западных держав, увлеченных западной демократией, легко проступает список сплошных преступлений, безумств и несчастий человечества»^[70]. Этот список был настолько безумно обширен, а правящая элита Великобритании, в том числе и особенно королевская семья, настолько были замешаны в них, что сразу после окончания войны по личному указанию короля Георга VI британская разведка в срочном порядке провела операцию по негласному изъятию из архивов разгромленной Германии громадного количества документов. В исчислявшихся тоннами документах содержался беспрецедентный компромат на правящую элиту! Более того — все, что касалось лично королевской семьи, было изъято в результате проведенной британской разведкой другой специальной операции, которую осуществил выдающийся агент советской внешней разведки Антони Блант. Документы, затрагивающие честь и достоинство, а также международный престиж британской короны, он выкрал непосредственно из Голландии — именно через эту страну и пролегал основной канал нелегальной связи Гитлера с британской короной, который поддерживался усилиями сына последнего германского кайзера Вильгельма II — кронпринца Фридриха-Вильгельма и его жены Цецилии, которые вместе с кайзером осели в Голландии после Первой мировой войны^[71]. Именно там, на маленьком, но чрезвычайно значимом в предвоенных англо-нацистских интригах плацдарме — голландском поместье кайзера в Доорне — скрещивались и нити заговора антигитлеровские настроенных генералов вермахта (как истинный западноевропейский монарх, кайзер вел двойную игру, мечтая вернуться на трон с помощью тех же генералов), и антисталински настроенных советских генералов. А поддержание связи между ними осуществлял «автор» основной версии этого дела — образца 1939 г. — ставший впоследствии беглым предателем Вальтер Германович Кривицкий, он же Самуил Гершевич Гинзбург. Апогей функционирования этого канала нелегальной связи как между Гитлером и британским королевским двором, так и между обеими частями «двойного (тройного) заговора», точно совпадает не только с началом разоблачений, а затем и ликвидацией в период с 1936 по 1938 г. обоих заговоров, но и с апогеем сплошных преступлений Великобритании в подготовке и развязывании Второй мировой войны. Естественно, что, поскольку при таких обстоятельствах даже тень намека на подлинную правду об этой истории крайне опасна для Великобритании, СИС и «пыхтит» уже семь десятилетий

кряду, пытаюсь скрыть слишком деятельное участие Великобритании в развязывании войны. Без столь серьезной причины, как защита изрядно подмоченных «чести, достоинства и международного престижа» британской короны, разве полезла бы СИС во всю эту историю еще тогда, в конце 30-х гг. XX в.?! Разве стала бы она светиться в этом деле на протяжении семи десятилетий?!

Нацисты, например, не мудрствуя лукаво еще в 20-х гг. обозвали свою «альма-матер» — АНГЛИЮ — «прирожденным врагом единой России, заинтересованным в создании на континенте государства, которое будет в состоянии задушить Москву»^[72]. Между тем заговор части германских и советских генералов, тем более в трио с японскими коллегами, категорически мешал давно вынашивавшемуся «прирожденным врагом единой России» плану «удушения Москвы» руками Гитлера в «заботливо» подготавливавшейся Лондоном второй всемирной войне XX в.! Завалить такой заговор было делом «чести» для Великобритании! Это не только резко усилило бы Гитлера, ослабив СССР, но и гарантировало бы, как тогда грезились Лондону, протекание войны строго по британскому графику с желанными для «прирожденного врага единой России» конечными ее результатами!

Вот почему британское правительство самым первым и выступило с идеей максимально резкого ограничения свободы слова для подсудимых Нюрнбергского трибунала, особенно для главных военных преступников. Этим терять было уже нечего, и они с блеском доказали бы судьям Нюрнбергского трибунала абсолютную достоверность прямой причастности правящей британской элиты (включая и королевскую семью) не только к возвращению и приводу нацистов к власти в Германии, но и прежде всего к развязыванию Второй мировой войны, в том числе и к ускорению нападения Германии на СССР. Абсолютно аналогичными соображениями руководствуется и британская разведка, периодически разрабатывая и вбрасывая в пропагандистский оборот очередной миф на эту тему. Да и как, собственного говоря, правящей британской элите было не опасаться всего этого, если она прекрасно знала, каким образом нацизм вообще появился на свет и как он был приведен к власти?! Разве не ей было дано точно знать, что предтечей нацизма стал ренессанс германского оккультизма неоромантического толка в конце XIX в.?! Разве не ей было дано точно знать, что этот ренессанс был инспирирован по каналам британских тайных обществ?! В том числе одной из самых могущественных масонских лож Англии — «Герметического Ордена Золотой Зари». Разве не ей было дано точно знать, что по каналам именно этих обществ в ими же интенсивно «взрыхлявшуюся почву» германского национализма оголтело

шовинистического толка негласно высаживались ядовитые семена самых преступных идей, приведших в итоге к созданию не только нацизма, но и даже СС?! Разве не ее представители с маниакальным упорством целенаправленно «оплодотворяли» уже взрыхленную почву человеконенавистническими идеями?! Разве не изложенные в книгах «Раса, которая нас превзойдет» и «Основоположения XIX века» — членов «Герметического Ордена Золотой Зари» и Комитета 300, писателя Бульвера Литтона и историка Хьюстона Стюарта Чемберлена — расовые теории стали своего рода «путеводной звездой» для коричневых шакалов?! «Труд» Х. С. Чемберлена в Третьем рейхе вообще почитался за «библию нацизма» наравне с «Майн Кампф». Разве не в изданной еще в 1896 г. книге очередного британского «интеллектуала» — некоего Чиела — были предвосхищены и само возникновение нацистского СС, и те ужасы, в которые эта преступная организация ввергнет Европу?! Ведь книга-то имела более чем красноречивое название — «СС»! Разве не элите Великобритании было дано точно знать, что из подконтрольной ее разведке среды появилось лицо, которое, опираясь на средства «из неизвестных источников», в кратчайшие сроки реорганизовало «Общество Туле», доведя его до того состояния, когда оно смогло стать непосредственной предтечей национал-социалистической партии Германии?! Наконец, разве не ей было дано точно знать, что именно Запад, прежде всего Великобритания (и Франция), виновны в том, что зарождение нацизма стало не только возможным, но и неизбежным?! Ведь выработанные под их прямым давлением крайне унижительные для Германии условия Версальского «мирного» договора 1919 г. стали непосредственным импульсом для зарождения нацизма?! Ведь на вопрос о том, где родился Гитлер, представители именно британской правящей элиты с пафосом точного знания отвечали — «В Версале!»^[73]. Так что было чего до крайности опасаться представителям «так называемого британского империализма» на Нюрнбергском процессе.

В этом весь корень панических опасений британского правительства по поводу неизбежных, по его мнению, обвинений в адрес британского империализма XIX — начала XX в. со стороны оказавшихся на скамье подсудимых главных нацистских военных преступников. Потому как то, в силу чего Великобритания действительно является «прирожденным врагом» именно же единой России, те же нацисты запросто смогли бы доказать ссылками на заявление и особенно действия соответствующих руководителей британского империализма еще середины XIX в. Еще задолго до нацизма, в апогее расцвета могущества викторианской Англии, печально знаменитый в британской истории «лорд-поджигатель», он же премьер-министр Великобритании лорд Пальмерстон, заявил в 1851 г.: «Как

ни неприятны были бы теперь наши отношения с Францией, мы должны их поддерживать, ибо на заднем плане угрожает Россия, которая может связать Европу с Восточной Азией, а одни мы не сможем этому противостоять!» «Великое», конечно, «открытие» сделал Пальмерстон — единством своего пространства Россия уже с конца XVII в. соединяла Европу и с Восточной Азией, и с Дальним Востоком, отчего уже тогда вновь появились общеевропейские планы ее уничтожения и расчленения, к которым приложила руку и Англия. Однако это его заявление именно тем примечательно, что конкретно и точно названа причина, в силу которой Англия является «прирожденным врагом» именно же единой России. Единое трансконтинентальное, евразийское пространство России — вот истинный корень «прирожденной враждебности» Англии к России! Потому как именно оно начисто сводило (и сводит) на нет фактор морской гегемонии Великобритании (Запада)! Обладая сугубо по соображениям безопасности сформировавшимся единым трансконтинентальным территориальным пространством, Россия уже с конца XVII в. стала единственной страной мира, монополюбно располагавшей сухопутными, а также речными, морскими и смешанными путями сообщения, обеспечивавшими ей выход практически в любую точку обширнейшей во времена премьерства самого Пальмерстона Британской империи. Пальмерстону было отчего слегка «подвинуться рассудком» на почве геополитической русофобии. Не зря А. С. Пушкин чрезвычайно метко съязвил в его адрес:

Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом.

Конечно, воеводой Пальмерстон не был. Но его деятельность в качестве министра иностранных дел Великобритании — во времена Пушкина он занимал именно этот пост — была настолько агрессивной, особенно по отношению к России, что больше ему подходил термин «воевода», нежели «министр иностранных дел». И великий поэт очень точно подметил самую геополитическую суть его действий по отношению России — «поражает Русь на карте». Между тем Пальмерстон высказывал не просто свою личную позицию.

Предпринимаемые по соображениям безопасности в ареале ее геополитического бытия любые действия России всегда воспринимались и расценивались Великобританией не только крайне враждебно. Они всегда

воспринимались (и воспринимаются) как якобы серьезные угрозы ее имперской безопасности. Хуже того — как якобы адекватные последним основания для совершения самых злодейских преступлений против России, ее государей и иных ее видных представителей!

Петр I обеспечил России выход как в Балтийское море и далее в Атлантику, так и в Каспийское море, заложил основы не только могучей империи, через территорию которой проходили (и проходят) все важнейшие сухопутные, сухопутно-речные, сухопутно-речные-морские и сухопутно-морские пути на Восток и Юго-Восток. Каков же был ответ «доброй, старой» Англии? Планирование диверсионно-террористической операции по захвату участников Аландского мирного конгресса с расчетом на одновременный захват также и самого российского самодержца в целях его физической ликвидации!

Павел I вступил в союз с Наполеоном, стал главой Мальтийского ордена (при всей своей малой величине, Мальта имеет громадное значение в стратегической расстановке сил в Средиземноморье), двинул корпус донских казаков под командованием знаменитого в будущем Платова на южные рубежи в направлении Индии. Причиной послужили активные попытки Англии прорваться из Северной Индии и закрепиться в регионе, который впоследствии был назван «южным подбрюшьем» России, то есть в Средней Азии и Казахстане. А это уже с конца XVIII в. представляло серьезную угрозу безопасности Российской империи. Еще в 1798 г. с секретной миссией туда был направлен российский военный разведчик Бурнашев. И каков же был ответ «доброй» Англии? Не прошло и двух месяцев с начала похода Платова, как в результате инспирированного и профинансированного английским послом-резидентом Уитвортом^[74] заговора при активнейшем участии англофильствовавших российских масонов Павел I был злодейски убит.

Начавший с «отцеубийства», но впоследствии трансформировавшийся в державника, Александр I после разгрома Наполеона был вынужден озаботиться проблемами безопасности на южных рубежах, на Кавказе. И тут же получил «английский дар». При самом непосредственном участии английской агентуры, но руками турок была спровоцирована многолетняя и кровопролитная Кавказская война. Усилиями подставных лиц и масонов стал вызревать заговор против императора, вошедший в историю как «восстание декабристов», впервые разработавших уже собственно местный план геополитического уничтожения вскормившей их Родины путем ее расчленения и дробления на 15 административно-территориальных образований. Естественно, что там, где «души прекрасные порывы», без

планов покушения на жизнь императора не обошлось — их было около десятка.

Ни в XVIII, ни в XIX вв. не было ни одной русско-турецкой или русско-персидской войны, к провоцированию которых не приложила бы своих рук Великобритания. Державно осмысленная политика Николая I по обеспечению безопасности империи, особенно на восточном, юго-восточном и южном направлениях, непрерывно натывалась на яростное сопротивление Великобритании. А когда оно не давало результата, то Великобритания не гнушалась и грязными провокациями, в том числе и с трагическим исходом. Всем, например, хорошо известны обстоятельства трагической гибели выдающегося писателя и дипломата А. С. Грибоедова в результате устроенной английской агентурой в Тегеране провокации в ответ на победу русского оружия над Персией и присоединение Восточной Армении к Российской империи.

Не гнушалась она и такими актами геополитического бандитизма против России, как, например, инспирирование через французскую агентуру «польского восстания» начала 30-х гг. XIX в. Оно «на редкость» точно подоспело к очередной, Англией же спровоцированной Русско-турецкой войне. Прибегала она и к организации зверских убийств. В 1833 г. Флигель-адъютант Николая I, выдающийся русский морской офицер Александр Иванович Казарский в неравном сражении с турецким флотом одержал феерически грандиозную победу, которая буквально до основания потрясла тогда всю Европу. В отместку британская агентура так его отравила, что с большим трудом удалось похоронить — почерневшее тело русского моряка-героя буквально на глазах разваливалось...

Любые попытки России обрести выход в Мировой океан с южного направления, то есть через черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, еще в XVIII в. торпедировались специально для этого поступившими на русскую службу сотрудниками британской военно-морской разведки Джоном Эльфинстоуном и Самуилом Грейгом. Сколько же бед эти негодяи принесли русскому флоту и России!

Крымская война 1853 — 1856 гг. Мало кому известно, что напавшие на Россию англо-французские агрессоры называли ее Восточной войной^[75], а один из первых ударов объединенных англо-французских военно-морских сил в 1854 г. явно во исполнение не в меру вещего заявления Пальмерстона от 1851 г. пришелся по... Петропавловску-на-Камчатке. Одновременно англо-французская эскадра пыталась захватить Архангельск и Соловецкий кремль, а потерпев неудачу, блокировала Белое и Баренцево моря, захватывая суда и истребляя поморские деревни, хотя регулярных военных сил России на Севере тогда не было^[76]. Тогда же были разработаны и

очередные планы уничтожения России путем ее расчленения на мелкие территориальные образования с последующей их колонизацией.

Во время революции» 1848 г. во Франции восставшие» почему-то не в меру позаботились» необходимостью похода на Россию для освобождения» подданных Российской империи и почему-то только поляков. Правда, если учесть, что сотворивший ее при поддержке Англии Наполеон III был личным агентом влияния лорда Пальмерстона (он к тому времени уже был премьер-министром), то тогда все встанет на свои места^[77].

1 марта 1881 г. злодейски был убит император Александр II. Но кто бы объяснил, за что убили самодержца, который стал инициатором многих либеральных реформ в России в начале второй половины XIX в.?! За то, что отменил крепостное право, или за то, что положил начало интенсивному экономическому развитию России, в том числе и бурному железнодорожному строительству?! Или за то, что восстановил Черноморский флот?! Или за освобождение славянских народов от турецкого ига, обретя негласный титул Освободителя?! Или за то, что едва не взял Константинополь во время Русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг.?! Англичане откровенно пригрозили тогда войной, если Царьград будет взят русскими войсками. Каковы бы ни были причины, однако абсолютно все прямые и косвенные улики указывали на Лондон, где и укрылись основные организаторы и вдохновители этого злодейского преступления. А до того Александр II и вовсе получил королевский сувенир» из Лондона. Польское восстание» начала 60-х гг. XIX в., инспирированное агентом влияния Пальмерстона, знаменитым в те времена международным бандитом и террористом Джузеппе Мадзини (Маццини), «подвиги» которого всегда щедро оплачивались фондом Тибальди, созданным одним из руководителей британской военно-морской разведки того времени — Джеймсом Стэнсфильдом. Правда, «революционное бузотерство» самих поляков оплачивалось фальшивыми царскими рублями^[78].

Другой личный агент влияния Пальмерстона — Арминиус Вамбери — прославился не столько тем, что был ловким евреем и сионистом, сколько тем, что, будучи советником у турецкого султана, по указанию из Лондона впервые сформулировал «концепцию пантюркизма», используя которую спровоцировал массовый исход черкесов и вайнахов из России в Османскую империю. Впоследствии, по мере возрастания интереса России к Средней Азии, Арминиус Вамбери под видом дервиша занимался, помимо банального шпионажа, также и тем, что и там тоже пытался разжечь пламя мюридизма.

В те времена британскую разведку особенно тянуло на глобальные проекты, крайне негативные последствия которых человечество пожинает

до сих пор. В 70-х гг. XIX в. одному из руководителей британской разведки — Уилфреду Бланту (кстати говоря, члену Комитета 300 и дальнему родственнику выдающегося агента советской внешней разведки Антони Бланта) — пришло в голову разработать для противодействия России концепцию панисламизма. К чему это привело в начале XXI в., объяснять не надо.

Замиривший страну, установивший крепкий порядок, продолживший курс на бурное экономическое развитие империи, ставший подлинным инициатором строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, воистину не просто соединившей Европу с Азией по суше, а именно же сшивший стальными нитями железнодорожных путей оба материка — Александр III после недолгого правления убит (отравлен).

В период его правления лично против него и возглавлявшейся им империи был разработан и объявлен План Перманентной мировой войны, целью которого в первую очередь было и есть полное уничтожение России и как государства, и как страны, вплоть до состояния «Русской Пустыни». Он был опубликован в 1890 г. в Великобритании, но осуществляется до сих пор.

Продолживший в основном курс своего отца, в том числе и в сфере экономики, транспорта, Николай II тут же получил и Всероссийский БУНД, и РСДРП, и русско-японскую войну, и «революцию» 1905 г., и все с английским душком. Царская полиция установила, что оружие и деньги «революционеры» получали из Англии, а те политические силы, которые оплачивались якобы японскими деньгами, скорее всего не желали ведать, что «тридцать Иудиных сребреников» имели английское либо американское происхождение. Многие, правда, «педалируют» вопрос о том, что деньги эти были еврейского происхождения. Однако, несмотря на этот, полностью соответствующий истине факт, исходить надо не из этнического фактора, а из геополитического, ибо к тому моменту и США уже совершенно открыто начали претендовать на геополитическую гегемонию во всем мире. А еврейский капитал в США являл собой органически неотъемлемый компонент американского капитала, и соответственно ему не были чужды геополитические притязания последнего. Как, впрочем, и в Великобритании.

Как и во времена Михаила Федоровича, Россия опять оказалась втянутой не просто в войну. По сути дела, Первая мировая война была своего рода «аналогом» Тридцатилетней войны XVII в. Вопреки всем своим национальным интересам, требовавшим вооруженного нейтралитета, Россия влезла в войну на стороне совершенно чуждых, крайне враждебных ей и беспрецедентно подлых по отношению к ее национальным интересам Англии и Франции. Запад и без участия России очень даже ловко расшибает

себе лоб, и едва ли было необходимо мешать ему в столь выгодном для России занятии.

Кончилось все трагедией. О пожертвовавшей ради абсолютно чуждых ей интересов Запада миллионами жизней своих верноподданных России ни одна западная сволочь даже и не вспомнила. Хуже того. Еще и устроили ей две «революции» подряд. Причем первая из них — «февральская» — была осуществлена по прямым предписаниям британского посольства в Петербурге и представителей британской разведки в самый канун грядущей феерической победы русского оружия весной и летом 1917 г.

Что было потом — всем хорошо известно. Поэтому не следует удивляться, что именно британская королевская семья активно воспротивилась спасению Николая II и его семьи, отказав даже в теоретическом приюте на Западе. Поражаться надо тому феноменальному лицемерию, с которым весь XX в. британская королевская семья якобы горевала по поводу невинно убиенного российского самодержца!

Таким образом, очевидно, что меняться могут и столетия, и даже эпохи, но ничто и никто не изменит «вечных интересов прирожденного врага» единой России — Великобритании. Чтобы соблюсти свои «вечные интересы», она не остановится ни перед какими преступлениями. Ведь то же самое продолжилось и после 1917 г., и в 1991 г., и после него.

Без «баланса сил» («равновесия сил») Англия не будет Англией. Как отмечал еще в 1923 г. один из наиболее авторитетных политологов и публицистов Великобритании — Норман Энджел, — «баланс сил» в действительности всегда означает стремление создать превосходство сил на нашей стороне... Позиция, которую мы занимаем, в этом случае означает, что мы... не терпим существования настолько сильной группы соперничающих с нами государств, сопротивление которой было бы для нас безнадежным, которая обрекла бы нас на постоянно подчиненное положение в дипломатии, а наше свободное передвижение по земному шару могло бы иметь место лишь с ее молчаливого согласия. В этом весь *raison d'être* "баланса сил" (весь смысл "баланса сил". — А. М.). Принцип "баланса сил" означает в действительности требование превосходства. Требование превосходства сил означает акт агрессии»^[79].

Проще говоря, на протяжении пяти веков краеугольным принципом всей политики Великобритании, а соответственно и ее разведки является Агрессия против окружающего мира! Но агрессия вообще, тем более как постоянный, многовековой краеугольный принцип не столько даже политики, сколько самого существования британского государства, лишь тогда даст какой-либо эффект, когда она не только внезапна (в том числе и

своим вероломством), но и осуществляется в упреждение. Отсюда и постоянная обязанность британской разведки заблаговременно выискивать могущую стать реальной угрозой Великобритании, и еще более агрессивно, на упреждение, бороться с ней.

Ну чем, например, могла Россия угрожать Великобритании в том же 1851 г., о чем с таким пафосом говорил Пальмерстон?!^[80] Да ничем. Все дело было в том, что тогда лоб в лоб столкнулись две новые эпохи — одна в истории Англии, другая — в истории мировой цивилизации:

— с одной стороны, адекватно реагируя на настроения правящей элиты, пребывавшей в эйфории расцвета могущества империи, Пальмерстон провозгласил эпоху создания новой Римской империи с центром в Лондоне — как он сам же и заявил, каждый британец — житель нового Рима»;

— однако с другой — именно в это же самое время окончательно наступила и эпоха железнодорожного транспорта — Великобритания первой в мире вступила в нее. Именно в существо самой этой эпохи Великобритания и усмотрела колоссальнейшую угрозу своей морской гегемонии. Потому что в те времена только железнодорожный транспорт мог и в итоге действительно реализовал пассивный дотоле фактор необозримых трансконтинентальных пространств России в могучий, практически ничем не преодолимый геополитический фактор громадной и достаточно гибкой силы со всеми вытекающими отсюда крайне негативными последствиями для Великобритании как для великой морской державы. Ибо с железными дорогами и выходами к морям и океанам соединяющая Европу и Азию Россия объективно выдвигалась на роль лидера во всем мире!

В упреждающем режиме была спровоцирована «Восточная война». Вот почему один из первых ее ударов пришелся по российскому Дальнему Востоку с одновременным ударом по Крыму и по Северу. Вот почему во время этой войны впервые после XVII в. были реанимированы старинные общеевропейские планы по геополитическому уничтожению России и разработан новый план расчленения и раздробления России. Великобритания работала на упреждение еще только тени возможного в будущем намека на потенциальную угрозу. Более того. Несмотря на унижающее поражение России в той войне, против нее тем не менее в ход были пущены особо опасные «специальные средства»: «научный коммунизм» Маркса — Энгельса, «польское восстание», народовольцы, анархизм Бакунина, террор всех мастей и оттенков, социал-демократия всех видов, толков и мастей, интернационалы, масонство, пока не грянул со страшной силой 1917 г.

Оценивая впоследствии международное развитие с той поры, Британский Королевский институт международных исследований отмечал в своем докладе «Политические и стратегические интересы Соединенного Королевства в 1939 г.», что «постройка Транссибирской железной дороги была политическим событием большого значения. Она глубоко затронула отношения между великими державами Европы. В первую очередь она дала возможность России в своей дальневосточной политике избавиться от того морского контроля, который в конечном счете осуществляла Англия над европейскими континентальными державами благодаря своему решающему превосходству на море. Со времен Трафальгарской битвы морская гегемония Англии в восточной части Атлантического океана и в Средиземном море не подвергалась угрозе. Англия была последним арбитром в конфликтах, возникавших по вопросам колониальной политики других европейских наций. Одна только Россия, имея свободный доступ в Азию по суше, получала возможность избавиться от британской гегемонии, но до проведения Транссибирской магистрали ее продвижение было только возможностью. Поскольку главные средства сообщения России с ее дальневосточным побережьем осуществлялись морем и поскольку она зависела от морского транспорта, она вынуждена была подчиняться английскому морскому могуществу, так же как Франция и Германия. Это положение изменилось тогда, когда на широких пространствах Азиатской России стали появляться железные дороги:

во-первых, Транскаспийская (на самом деле Закаспийская. — А. М.) железная дорога, которая протянулась до персидской границы и вызвала у британских государственных деятелей «нервозность» в связи с безопасностью Британской Индии;

во-вторых, Транссибирская, которая протянулась до берегов Тихого океана, в ближайшем соседстве с Китаем, Кореей и Японией.

Эта военная и политическая угроза для британских интересов в Китае заставила Великобританию к концу последнего десятилетия XIX в. искать военных союзников против России. Мысли Чемберлена обратились к Германии. В речи, произнесенной 13 мая 1898 г., он говорил о возможности англо-германского союза, особо подчеркивая необходимость защиты британских интересов в Китае. Когда из попыток заключить англо-германский союз ничего не вышло, взоры Великобритании обратились к Японии, и 30 января 1902 г. был заключен англо-японский союз»^[81].

Россия строила свои железные дороги на своей суверенной территории. И с какой такой стати ее внутренние дела должны были вызывать «нервозность» у какой-то там Англии, находящейся за тысячи миль от места

событий?! Проявлять «нервозность» по поводу сугубо внутренних дел суверенного государства, тем более делать такие выводы и предпринимать такие шаги, — уже акт агрессии.

Но ход событий формально как бы оправдывал худшие опасения англосаксов, поскольку, успешно развивая железнодорожную сеть в европейской части империи, а также в Средней Азии, Россия с началом 90-х гг. XIX в. приступила к интенсивному строительству Транссибирской железной дороги, а с сентября 1896 г. и к строительству КВЖД как ответвления Транссиба. Причем и сама КВЖД имела ответвление в лице Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД).

В это же время и Германия окончательно втянулась в строительство знаменитой железной «Дороги трех Б»: Берлин — Бизантиум — Багдад, с помощью которой прямиком выходила на аванпосты британских владений в Азии, особенно на подступы к Индии. Кроме того, с 1898 г. Германия закрепилась и на Шаньдунском полуострове Китая, где в числе прочих получила также и концессию на строительство двух железных дорог.

Совокупное значение этих и других факторов привело Великобританию к мысли о том, что все необходимые предпосылки для возникновения хотя бы идеи о геополитическом союзе России и Германии были в наличии.

Другие факторы — это прежде всего близкородственные отношения между Николаем II и Вильгельмом II. Глубокое проникновение германского капитала в экономику царской России, в частности в сферу железнодорожного транспорта, в том числе и в строительство железных дорог. Технические возможности для «сшивания» их железных дорог на территории Китая, в чем были бы заинтересованы как Россия, так и Германия, особенно, если учесть фактор КВЖД и ЮМЖД. Наконец, отчетливо выраженные намерения России и Германии усилить свою роль в Азии, в том числе и в отношениях с Японией.

Естественно, практически немедленно последовала и характерная реакция Великобритании. Вот почему Чемберлен и обратился сначала к немцам, а потом к японцам. Он давно предвидел, что своей неумной политикой Англия в конечном счете вынудит определенные круги Германии, России и Японии призадуматься над идеей тройственного объединения для отстаивания жизненных интересов своих государств. И потому, дабы предотвратить такое, крайне негативное для Великобритании, развитие событий, первым стал высказываться в пользу англо-германо-японского союза, который прямо на стадии формирования замысла уже имел антироссийскую направленность. Выступив с речью на тему об англо-

германском союзе Дж. Чемберлен 13 мая 1898 г. предложил Берлину, по сути дела, военный союз против России, преследуя цель упреждения неблагоприятного для Великобритании развития событий. Правда, как и всегда в Истории, Королевский институт слукавил. В действительности же реакция последовала и того ранее. Дело в том, что по договору с Китаем концессии на строительство железных дорог Германия получила 6 марта 1898 г. А 29 марта Дж. Чемберлен, без какого-либо предварительного зондирования, обратился к германскому послу в Англии с предложением о заключении союза! Тогда Берлин отказался. Но в 1899 г. Чемберлен повторил свою попытку, так как возможность реализации идеи германо-русско-японского союза и ее опасность уже широко осознавались в англосаксонском мире.

Особо почитаемый у англосаксов автор знаменитой книги «The day of the Saxon» — Гомер Ли — указывал, что «тот день, когда Германия, Россия и Япония объединятся, то этот же день станет и последним в истории англосаксонской цивилизации»!

Более того. Поскольку уже к концу XIX в. Азиатско-Тихоокеанский регион прочно вошел в сферу особых интересов также и США, то и оттуда последовало алармистское предупреждение. Экономист и политический деятель США Адам Брукс указывал: «Обширное германо-русско-восточноазиатское объединение, которое может быть достигнуто в результате проведения грандиозной трансконтинентальной политики железнодорожного строительства с конечными пунктами на морском побережье Китая, создало бы такую опасность для возрастающей англицизации мира, против которой были бы бессильны любые, даже объединенные британские и американские блокирующие силы»! По сути дела, это означало, что в Атлантическом центре силы, прежде всего в Англии (а также в США), под конец XIX в. сформировалась концепция агрессивной превентивной борьбы даже с тенью намека на тройственное объединение Германии, России и Японии.

В том числе и потому, что, начиная с последней трети XIX в., темпы индустриального развития Германии резко превосходили британские, а рост ее военной мощи — и вовсе кратно, ибо даже их ВМФ уже был сопоставим. Россия же с 90-х гг. XIX в. развивалась еще более стремительно. Как указывалось выше, по прогнозам наиболее авторитетных западных и российских экономистов, максимум к концу первой половины XX в. Россия мирным путем превратилась бы в политически, экономически и финансово доминирующую над всем миром державу. Этому особенно способствовало наличие год от года все гуще покрывавшейся разветвленной сетью

железных дорог трансконтинентальной территории и самого многочисленного среди всех великих держав того времени населения. В свою очередь, и Япония после «революции Мэйдзи» в начале 60-х гг. XIX в. также стала интенсивно наращивать свою индустриальную и военную мощь. Естественно, что даже гипотетический призрак геополитического альянса этих трех, бурно наращивавших свою экономическую и военную мощь империй едва ли не до потери пульса пугал англосаксов.

Однако краеугольная суть дела заключалась в том, что ни Атлантический центр силы, ни тем более саму Великобританию собственно «баланс сил» как таковой, даже как акт агрессии, направленный на достижение именно «равновесия сил», как таковой не интересовал. Истинная геополитическая цель упомянутых выше алармистских предупреждений и сформировавшейся концепции агрессивной превентивной борьбы с призраком возможного объединения Германии, России и Японии состояла в ином. Один из самых выдающихся деятелей Британской империи конца XIX в. — Сесиль Роде — в своем политическом завещании прямо указал эту цель: «Чем большая часть мира принадлежит нам, тем лучше для человечества. Объединение большей части мира под нашим господством попросту означало бы конец всем войнам. Я хочу работать ради увеличения Британской империи, ради подчинения всего нецивилизованного мира британскому владычеству, ради воссоединения с Соединенными Штатами, ради образования мировой империи англосаксонской расы!»

Любопытно, что в 1893 г., то есть всего через три года после нахального объявления всему миру, но особенно России, Плана перманентной мировой войны, в Лондонском клубе прозвучали следующие слова: «Будущая Европа в конечном счете будет говорить на едином языке — английском»^[82].

Вот что их интересовало! Вот почему они столь превентивно забили тревогу по поводу возможного германо-русско-японского объединения. Пресловутый «баланс сил» должен был быть составлен таким образом, чтобы гарантировалось «образование мировой империи англосаксонской расы»! На это должны были быть жестко ориентированы все акты агрессии. Создание мировой империи англосаксонской расы — цель исключительно глобальная. А коли так, то и акт агрессии тоже должен быть глобальный!

Вот почему в упреждение возможной, по ее мнению, геополитической консолидации стремительно развивавшихся кайзеровской Германии, царской России и императорской Японии Великобритания пошла на

глобальное преступление, спровоцировав сначала Русско-японскую, а затем и Первую мировую войну XX в. В рокочущем пламени последней оба наиболее опасных для Великобритании «коренника» возможного тройственного объединения — Германия и Россия — дотла спалили друг друга.

Особо почитаемый в Англии основоположник «технологии» достижения «баланса сил», философ, видный масон конца XVI — начала XVII в. и один из асов британского шпионажа того периода — Фрэнсис Бэкон — любил говаривать, что-де «всегда нужно иметь поводы, чтобы начать войну». А уж что-что, но до предела ожесточившаяся на рубеже XIX — XX вв. борьба за монополию теперь уже сухопутных (железнодорожных) путей сообщения на всем пространстве Евразии в изобилии давала поводы к провоцированию всемирного мордобоя.

Именно она-то и явилась главной причиной разработки и объявления Плана Перманентной мировой войны в целях создания «всемирной империи англосаксонской расы». И когда в Великобритании было принято решение о провоцировании мировой войны, то весь посвященный в тайны глобальной мировой политики и заинтересованный в том мир был оповещен об этом 29 марта 1890 г. не только сугубо в масонско-разведывательной манере, но и прежде всего с явно выраженным железнодорожным оттенком.

В зале одного из важнейших тогда железнодорожных вокзалов Берлина — Лертерском (ныне не существует) — «чьи-то неведомые руки среди цветов поставили изображение земного шара, обернутого крепом»^[83]. Разнесенные по всему свету средствами массовой информации сведения об этом факте в переводе с масонско-разведывательного языка означали: мировая война в целях пресечения как реализации идеи глобального трансконтинентального объединения Германии и России на базе их трансконтинентальных железнодорожных сетей, так и их первоочередного уничтожения как империй — объявлена!

В тот поистине трагический для судеб мира день с политической арены Германии, Европы и всего мира навсегда «убирали» великого «железного канцлера» Германской империи — Отто фон Бисмарка. Прежде всего как ярого приверженца хотя и корыстолюбивой, но тем не менее в главном последовательно принципиальной политики, выраженной в его чеканной формуле: «На Востоке врага нет»! То есть Россия — не враг!

При всех своих чисто по-европейски двойственных маневрах Бисмарк все же упорно держался за свое «детище» — русско-германский договор о перестраховке от 6 (18) июня 1887 г. (своего рода де-юре предтеча самой идеи объединения, а в будущем, уже в XX в., также и договоров о нейтралитете и ненападении между двумя державами). Подлинная причина

отставки Бисмарка заключалась в следующем. Поддавшись уговорам, в основе которых была грязная британская провокация^[84], полностью невежественный в делах мировой политики кайзер Вильгельм II отказался пролонгировать этот договор еще на шесть лет. Причем при совершенно ясно и четко обрисованной русской дипломатией перспективе перевести его в статус постоянного союза, но не ради столь страшившего Великобританию объединения, а в целях обеспечения взаимной безопасности. Вместо того чтобы сделать все от него зависящее для упрочения мира, кайзер посмел предложить Александру III «поделить мир между Россией и Германией», на что получил от российского самодержца характерный для него «зубодробильный» отказ.

А в сочельник того же 1890 г. принадлежавший видному британскому государственному политическому деятелю, журналисту, члену «Великой масонской Ложи Англии» сэру Генри дю Прэ Лабушеру^[85] еженедельный журнал «The Truth» («Правда») опубликовал антимонархический памфлет «Сон Кайзера», к которому была приложена соответствующая карта. И в памфлете, и на карте на редкость «провидчески» точно были показаны механизмы перекраивания Европы, ликвидации монархий, инспирирования Первой и Второй мировых войн, судьба России — указана как «Русская Пустыня», а также расписаны впоследствии на 95 — 97 % совпавшие с реальностью «революционные» итоги Первой мировой войны. Это был

историческо-геополитический Момент Истины, свидетельствовавший о том, что **PERFIDIOUS ALBION** принял судьбоносное для мира решение о глобальном вооруженном противоборстве с континентальными державами ради перекраивания континентальной Европы и даже Евразии в своих корыстных интересах!

В сочетании с демонстративной выходкой на Лертерском вокзале Берлина публикация антимонархического памфлета и карты явилась своего рода письменно-графическим подтверждением того, что по соображениям борьбы за глобальную гегемонию объявлена Перманентная мировая война!

[Ее механизм был создан Великобританией во времена ее выдающегося премьер-министра Дазраэли с помощью мощных агентов стратегического интеллектуального влияния британской разведки и британского политического масонства — Карла Маркса и Фрадриха Энгельса. В результате Великобритании удалось в 70-х гг. XIX в. сокрушить империю Наполеона III, выхватить у Франции контроль над Суэцким каналом, создать мощный противовес России в лице уже объединенной Германии (Германской империи) и, апробировав впервые этот механизм, заложить основы его перманентности в виде постоянно тлеющей идеи реванша. Речь идет о спровоцированной Великобританией — к сожалению, при крайне близорукоем попустительстве царя Александра II — франко-прусской войне 1870 — 1871 гг. и... Парижской коммуне. Именно тандемом войны и «революции» была уничтожена Французская империя во главе с Наполеоном III, в прошлом агентом влияния лично Пальмерстона. Наполеон III вышел из-под британского контроля и был жесточайше наказан. Франция была обложена столь непосильными репарационными платежами в пользу победившей Германии Бисмарка — пять миллиардов золотых франков того времени, что по нынешним временам составило бы не менее пятисот миллиардов евро, — что у нее не осталось иного выхода, кроме как продать Суэцкий канал Великобритании. Только таким образом она и смогла выплатить огромную контрибуцию. А Великобритания решила свои геополитические задачи. Французский контроль над этой, разу же ставшей важнейшей в мире, морской коммуникацией на пути в Индию был категорически неприемлем для уже упоминавшейся выше триады вечных принципов британской политики. Под это дело и суетился специально созданный К. Марксом и Ф. Энгельсом пресловутый I Интернационал, успевший попортить немало крови и России. И едва только задача была выполнена, его прикрыли... до следующей необходимости для Великобритании (кстати, незадолго до публикации Лабушера и масонского конгресса 1889 г. Ф. Энгельс реанимировал идею Интернационала и

*состряпал уже II Интернационал). Так был создан «перпетуум-мобиле» Перманентной мировой войны в Европе. Катастрофическое поражение Франции обусловило мгновенное зарождение и развитие идеи французского Реванша. Именно это-то и привело к Первой мировой войне и поражению Германии, автоматически спровоцировав затем катастрофически мгновенное зарождение и развитие не только идеи германского реванша, но и нацизма, к чему, как и ко всему остальному, весьма деятельно положила свои лапы все та же «старая, добрая» сволочь по имени *Perfidious Albion*. На том и был построен объявленный в 1890 г. План перманентной мировой войны в тандеме с социальными потрясениями в Европе, разработанный лично Ф. Энгельсом и ориентированный в первую очередь на уничтожение России через ее втягивание в крайне чуждые для нее внутриевропейские разборки. Русофобия и славянофобия «классиков научного коммунизма» никогда не знали предела.*

В годы Второй мировой войны с подачи У. Черчилля англосаксы вновь хотели запустить в действие этот же механизм за счет жесточайшего территориального обрезания, урезания и расчленения территории собственно Германии после победы над ней. Однако на их пути встал легендарный советский разведчик-нелегал Исхак Абдулович Ахмеров, своевременно документально разоблачивший замысел англосаксов. И не вина Сталина, что послевоенная Германия была разделена на две части — он-то как раз этого и не планировал, что легко доказуемо. Разделение получилось в результате односторонних действий Запада, в ответ на которые ему пришлось создавать Германскую Демократическую Республику. Изначально же Сталин настаивал на создании единого, но демократического германского государства, договоренность о чем была закреплена в решениях Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 г. Но, увы, Запад есть Запад...]

Точность расшифровки гарантируется следующим. Во-первых, самим «символом». Изображение земного шара в крепе (креп, как известно, материал черного цвета, применяемый на траурных церемониях) на масонском языке означает мировой траур, сиречь, на том же языке, мировую войну. Во-вторых, местом и временем выставления такого символа — Германия, Берлин, салон 1-го класса Лертерского железнодорожного вокзала, что на масонском языке означало, что Германия зачинщик войны и она же ее жертва. Как указывалось выше, в тот день, 29 марта 1890 г., с Лертерского вокзала в свое поместье навсегда уезжал отправленный в отставку Отто фон Бисмарк. Эта выходка означала своего рода злорадные похороны восточной политики Бисмарка, указывавшего, что «на Востоке врага нет» («Россия — не враг»).

Памфлет и карта «разъясняли» суть неизбежного будущего. Названный «Сон Кайзера», памфлет гласил о том, что как будто бы кайзер Вильгельм II Гогенцоллерн едет простым пассажиром на поезде в Англию, чтобы найти приют в английском рабочем доме, так как произошла революция и он лишился престола в своей стране. Вместе с памфлетом была опубликована карта, которую обычно называют «фантастической». То была карта Европы после неких кардинальных перемен, вследствие которых исчезли все монархии, а территории практически всех европейских государств указаны совершенно в иных, урезанных границах. От сотворения мира границы могут быть изменены только силой, как правило, в результате войны (правда, за редчайшими исключениями, которые для того и предназначены, чтобы подтверждать основное правило). Следовательно, карта иллюстрировала запланированные последствия уже обязанной грянуть общеевропейской, а по сути-то, мировой войны и одновременно призывала к ее развязыванию. «Методология» же свержения монархий графически разъяснялась как последствие масонских «революций», о чем свидетельствует парящий в сиянии света фригийский, он же якобинский красный колпак — якобы символ свободы со времен «Великой французской революции» XVIII в. На масонском языке оба символа означают, что именно масоны должны были стать истинными организаторами этих революций, причем по «технологии» ордена иллюминатов — главного виновника «Великой французской революции». На это указывает именно сияющий, то есть освещающий (название ордена иллюминатов происходит от слова «иллюминация», то есть освещение); иллюминирующий свет. Сочетание же возможных только в результате войны территориальных изменений в Европе и призыва к масонским революциям означало, что в действие запускается механизм тандема мировой войны и революции. Учитывая же, что на карте главный акцент в территориальных изменениях в Западной Европе был антигерманский — территория Германии показана в очень урезанном виде, в пользу в первую очередь Франции, а также Голландии и картографической воссозданной Польши (причем даже с Данцигским коридором, из-за которого-то и началась Вторая мировая война), — то фактически авторы этой карты показали и механизм перманентности мировой войны в лице неизбежного германского реваншизма. На момент публикации объединенная Германия насчитывала всего лишь два десятка лет. И любому было понятно, что ни при каких обстоятельствах немцы не смирятся с территориальными потерями и новым территориальным расчленением их родины. Давно и хорошо известно, что, «когда Германии грозит опасность, немцы становятся однопартийными. Они превращаются просто в немцев». В итоге выходит, что памфлет и особенно карта четко показали неизбежность

перманентности как мировой войны, так и революции, причем ориентированных на преодоление последствий таких изменений. В случае с Германией это означало, что расчеты анонимных «картографов» целенаправленно строились как на неизбежности возникновения агрессивного германского националистического реваншизма, так и на неизбежности его трансформации в некую иную революцию, ориентированную на преодоление последствий территориальных утрат, означавших также и экономические и демографические потери. Время показало, что целенаправленно инспирировалась «национал-социалистическая революция», проще говоря, осужденный впоследствии всем человечеством нацизм.

Чтобы эта коричневая мразь — нацизм и его главарь Гитлер — обязательно «родились» бы как политическое явление, на карте Лабушера с нарочитым вызовом был показан весь механизм «непорочного зачатия» оголтелого германского реваншизма яро националистического толка. Взгляните на прилагаемый анализ.

Сравнительный анализ картографического «прогноза» Лабушера с реальными территориальными потерями Германии в соответствии с Версальским мирным договором от 28 июня 1919 г. (составлен автором аналитическим путем)

А. Картографический «прогноз» Лабушера с учетом содержания памфлета

Б. Фактическое территориальное «переустройство» Германии в соответствии с Версальским мирным договором 1919 г.

1. А. Германская империя исчезла в результате революции. Кайзер лишился престола и вынужден отправиться в Англию на заработки. На месте его империи значится некая «Германская Республика». По сравнению с кайзеровской империей, значительная часть территории «республики» не только аннексирована в пользу соседей, но и разделена на ряд «государств».

1.Б. Кайзеровская империя рухнула в результате военного поражения в Первой мировой войне и ноябрьской революции 1918 г. 9 ноября 1918 г. под давлением ряда обстоятельств, прежде всего под давлением стран Антанты, кайзер отказался от престола, в связи с чем любопытно одно обстоятельство. Первоначально германский кайзер пытался ограничиться отказом только от императорского престола (кстати говоря, эту комбинацию пытался

осуществить будущий посол нацистской Германии в СССР В. фон Шуленбург). Однако страны Антанты начали давить, требуя отречения не только от императорского престола, но и от престола короля Пруссии. Иначе, мол, никакого мира Германия не получит. Антанта откровенно добивалась исполнения картографического прогноза Лабушера. В итоге формула «король во главе Пруссии, Пруссия — во главе Германии» и т. д. приказала долго жить, как и германская империя, а кайзер бежал. Правда, не в Англию, где родственнички не жаждали видеть «бешеную собаку» из Берлина. Кстати говоря, «бешеной собакой в Берлине» кайзера прозвали именно англичане, хотя кайзер являлся ближайшим родственником английского короля.

Небезынтересно отметить, что едва только Великобритания привела Гитлера к власти, как в британском политическом лексиконе мгновенно реанимировался термин «бешеный пес». Тесно связанный с британской разведкой и британским политическим масонством историк и дипломат А. С. Темперли именно так охарактеризовал воцарение Гитлера в Германии. Так и сказал: «За границей снова завелся бешеный пес». Британские "традиции", понимаете ли...

В то же время именно как ближайшего родственника английского короля кайзера не отдали под суд, хотя в соответствии со статьями 225 и 227 Версальского мирного договора он должен был быть предан суду международного трибунала за преступления против человечества. Ему разрешили тихо укрыться в Голландии, в местечке Доорн, где он и протянул до 1940 года под негласным наблюдением английской разведки. И хотя доступ в большую политику кайзеру был перекрыт, но в неофициальной и особенно тайной дипломатии межвоенного периода он и его сыновья играли даже очень заметную роль. В частности, он выполнял функции неофициальной линии связи между Гитлером и британским королевским двором.

На обломках кайзеровской империи была создана дегенеративная «Веймарская Республика», в которой количество земель было уменьшено с 25 до 18.

Веймарская конституция была принята 31 июля 1919 г. и 14 августа 1919 г. вошла в силу. А 12 сентября 1919 г. на дальнем плане германской политической сцены появилась мешковатая фигура будущего фюрера, за спиной которого пока еще расплывчато, но уже замаячила коричневая тень нацизма!

Кстати говоря, любопытно также и следующее обстоятельство. Гитлер не отменял Веймарскую конституцию соответственно не отменял Веймарскую республику. В итоге получилось, что во Второй мировой войне

«версальским мудрецам» пришлось воевать именно с тем, что сами же и породили! «Демократическая» Веймарская Германия против «демократий» Запада! Правда, западные негодяи втянули в свои кровавые разборки и Советский Союз.

2. А. Одним из этих «новообразованных», по Лабушеру, германских государств должна была стать Пруссия. Но без Восточной Пруссии. Между ними «Данцигский коридор» — будущая первопричина нападения Германии на Польшу в 1939 году. Смысл картографического вычленения Пруссии из состава единого германского государства и тем более расчленения самой Пруссии на две части с польским буфером между ними состоял в следующем. Именно Пруссия всегда являлась носителем центростремительных сил в объединении Германии в единое государство. Более того. Именно Пруссия всегда была носителем ярко выраженного германского национализма агрессивного толка. И прямой удар именно по Пруссии означал фактически мгновенное зарождение — в порядке ответной реакции — оголтелого германского национализма реваншистского толка. Хорошо известна формула «король во главе Пруссии, Пруссия — во главе Германии, Германия — во главе всего мира». Именно эта постоянно господствовавшая в умах германской элиты формула и была гарантом неизбежности зарождения «девятого вала» германского национализма реваншистского толка.

2.Б. Что же касается Пруссии, то формально-то она осталась в составе Веймарской Германии. Правда, отделенной от Восточной «Данцигским коридором». Это был непрерывно тлевший фитиль крайне болезненной реакции немцев на итоги войны. Тем более что коридор принадлежал Польше. В конце концов Вторая мировая началась именно из-за того, что Польша упорно, маниакально упорно отказывалась даже рассматривать возможность решения этой проблемы. В истории с «Данцигским коридором» есть глубокая символика. Сам этот коридор имел площадь всего 1914 кв. км. Но именно эта на редкость символическая цифра и показывала преемственность одной войны от другой.

Что касается судеб прилегающих округов Алленштейн и территории Мариенвердер, то они должны были определяться плебисцитом.

3.А. Следующим таким государством должна была стать некая «Северо-Западная Провинция», куда должны были войти Ганновер, Саксония, Вестфалия и почему-то Голландия. Трудно понять, чем не угодила Голландия Лабушеру и его масонской К°. Дело в том, что Великобритания

всегда очень сильно ёрзает, как только речь заходит об опасности так называемым Low Countries. А ведь Голландия относится именно к этой категории. Тем более не понятно, чем не угодила нидерландская монархия, — ведь она так же родственна британскому королевскому дому. Надо полагать, масонское закулирье в этом случае весьма «погорячилось»...

3.Б. Этот пункт не был реализован.

4. А. Другим таким государством должна была стать Бавария, включая Швабию и Франконию. Одновременно Эльзас-Лотарингия, а также Пфальц с Рейнской областью прирезаны к Франции. Причем наряду с Бельгией и Люксембургом.

Территория Эльзас-Лотарингии, как известно, вошла в состав Германской империи после франко-прусской войны 1870 — 1871 гг. «Картографические игры» вокруг Эльзас-Лотарингии — это 100%-ная гарантия срабатывания механизма перманентности войны!

Как, впрочем, и «прирезка» Рейнской области вместе с Пфальцем к Франции и указание франко-германской границы по Рейну. Потому как это тоже 100%-ная гарантия возникновения оголтелого, яро националистического германского реваншизма, круто бурлящего от ненависти к Франции!

4.Б. Формально этого не произошло. Однако следует иметь в виду, что конкретная попытка вычленив Баварию из состава уже Веймарской Германии имела место во время Рурского кризиса 1923 г. Во главе этой попытки стоял будущий первый послевоенный канцлер Западной Германии — Конрад Аденауэр. В 1919 г., еще в бытность обер-бургомистром Кёльна, он был завербован французской разведкой в качестве информирующего агента влияния. В конце октября 1923 г. в Аахене была провозглашена Рейнская республика, произошли сепаратистские путчи в Кобленце, Висбадене, Трире, Майнце. Республика была объявлена в Баварском Пфальце (Палатинате). За этими попытками, подчеркиваю, стоял К. Аденауэр и французская разведка. Аденауэр, в частности, ратовал за вычленение из Германии некоего «Особого Рейнского Государства», которое он предлагал как «Рейнскую Республику». Франция, войска которой в то время оккупировали Германию, тут же признала де-факто правительства этих сепаратистских «республик». Однако к тому времени международная обстановка уже резко изменилась — на карте мира возникло новое государство с гордым названием Союз Советских Социалистических Республик. Соответственно тут же отпала и необходимость в дальнейшем

дроблении Германии. У Запада, прежде всего у его англосаксонского ядра, тут же возникла необходимость в континентальном противовесе СССР. Как впоследствии писал один из главарей преступного нацистского режима А. Розенберг, являясь «прирожденным врагом единой России, Англия заинтересована в создании на континенте государства, которое будет в состоянии задушить Москву».

P.S. Rosenberg A. Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik. Munchen, 1927, S. 69, 80, 84. Заметьте, кстати говоря, сколь же точно были подобраны термины — не «вечный врага, а именно же «прирожденный враг». А сколь точно показаны смысл и цель многовековой «заинтересованности» Великобритании?!

Что же касается «присоединенных» картой Лабушера к Франции Эльзас-Лотарингии, Пфальца с Рейнской областью, а также Бельгии и Люксембурга, и франко-германской границы по Рейну, то произошло следующее.

Эльзас-Лотарингия, а это 14 582 кв. км, отошла к Франции, которая прибрала к своим рукам еще и часть Саарского угольного бассейна. Что произошло с Пфальцем — выше уже говорилось.

Идея же франко-германской границы по Рейну усилиями «версальских мудрецов» получила развитие. Не мудрствуя лукаво, они устроили так называемую демилитаризацию левого берега Рейна вместе с созданием одноименной зоны в виде 50-километровой полосы на правом берегу. Впоследствии из этого сделали хороший предлог для разработки Локарнских соглашений, осью которых как раз и стал Рейнский гарантийный пакт, а главным гарантом по нему — Англия.

Бельгию же в конце концов оставили «на свободе», но «осчастливили» ее «подарочком» в размере 1045 кв. км в виде германских округов Эйпен и Мальмеди, а также прусской части Морене. Впоследствии вектор агрессии Гитлера проложит свою огненную тропу и в этом направлении, как, впрочем, и в других, намеченных в Версале.

Люксембург до поры до времени тоже оставили «на свободе», но он был выведен из Германского таможенного союза.

5. А. Шлезвиг и Гольштиния «прирезаны» к так называемой Датской Республике. В принципе это «картографический бумеранг» по итогам австро-прусской войны 1866 г.

Но одновременно и 100%-ная гарантия того, что в будущем непременно появятся территориальные притязания Германии к Дании.

5. Б. Северная часть Шлезвига площадью в 3968 кв. км действительно отошла к Дании после плебисцита 1920 года. Даром это Дании не прошло — в 1940 г. Гитлер рассчитался и с ней тоже.

6.А. Часть территории Германской империи (а также Австро-Венгерской и Российской) вошла в состав картографический новообразованной Польской Республики.

6.Б. Верхняя Силезия отошла к Польше, а Гульчинский район (286 кв. км) Силезии — вновь созданному чехословацкому государству, независимость которого была объявлена Англией и Францией одной из целей той «войны». В результате были заложены сверхпрочные гарантии движения германского реваншизма по восточному азимуту. Среди всех территориальных решений «версальских мудрецов» особой провокационностью выделяются следующие:

— решение об объявлении западной границы польского этнографического большинства в Познани и Западной Пруссии границей между Германией и Польшей, что по своей сути совершенно равнозначно старинной крестьянской шутке, когда коню цигаркой или скипидаром прижигают одно место после чего он в бешенстве срывается во весь опор

— в свою очередь не зафиксированные восточные границы Польши в Восточной Галиции по уровню провокационности абсолютно аналогичны той же самой «шутке».

Кроме того. «Польская Республика» на карте Лабушера изрядно «приросла» Западной Украиной. И в Версале речь шла именно об этих территориях. Так «версальские мудрецы» не столько заботились об интересах едва только возникшей из выведенных из состава Германской, Австро-Венгерской и Российской империй территорий Польши, сколько о будущем поводе для Германии для нападения на Польшу.

Кроме того, по Версальскому мирному договору Германия обязывалась отказаться от всяких прав и оснований на территорию Мемеля (Клайпеда), которая в 1923 г. была передана Антантой Литве. Даром это Литве не пройдет...

Австрии же был придан статус неотчуждаемой независимости, хотя ее аншлюс с Германией был запланирован. Англией еще в... 1916 г.!!..

А. Итого:

Германского государства нет, прежде всего именно как германского. Не говоря уже о том, что нет и германской империи, чему немцы радовались

почти полвека. В основе территориального раздробления Германии откровенно провокаторская «логика» аннексионистского толка.

Провиденциально предусмотренные картой Лабушера колоссальные территориальные потери Германии за счет раздробления, расчленения и уменьшения количества земель как административных единиц в составе Германии, огромны. Они вправе быть оцененными в размере как минимум $1/8$ — $1/10$ от площади Германской империи на 1 августа 1914 г. Не говоря уже о том, что эти потери сопровождались еще и демографическими потерями примерно на том же уровне от довоенной численности населения Германии, а также сугубо экономическими.

Подобные изменения против воли самого народа любой страны — практически абсолютная гарантия неминуемого возникновения яро националистического, оголтелого реваншизма. А немцы с их сентиментальностью по отношению к своему «фатерлянду» — ну просто идеальный материал для разжигания таких настроений.

Б. Итого:

Германская империя канула в Лету. Вместо нее появилось дегенеративное дитя Версаля — Веймарская Республика. По ряду пунктов «картографический прогноз» Лабушера практически полностью совпал с тем, что натворили «версальские мудрецы». Общие территориальные потери — 67,3 тыс. кв. км, или $1/8$ от площади довоенной Германской империи. Демографические потери в результате такого «территориального переустройства» составили примерно $1/10$ от довоенной численности населения Германии, или 6 млн. человек, оказавшихся вне пределов «новой», теперь уже Веймарской Германии.

Едва только в поверженной Германии стали известны условия Версальского мирного договора, как она взорвалась яростным, без какого либо преувеличения оголтелым национализмом реваншистского толка. Тем более что почва для этого уже была взрыхлена «volkisch» пропагандой, о которой говорилось выше. До появления концепции национал-социализма оставался всего лишь один шаг. В поверженной, оскорбленной и преднамеренно донельзя униженной победителями стране «volkisch» идея, переварив в процессе «дружественного поглощения» пантевтонские идеи в оккультном обрамлении, отрыгнула невиданный сплав чудовищной геополитической преступности — оголтело агрессивный германский националистический реваншизм, по соображения царившей тогда в мире политической моды обозванный национал-социализмом.

Ну, а для того, чтобы германский национализм реваншистского толка развивался необходимыми Западу бурными темпами, «версальские

мудрецы» сотворили нечто подобное старинной крестьянской шутке, о которой говорилось выше.

В этой роли выступили яро злоумышленные антигерманские действия «версальских мудрецов» в пользу Польши, возрождение которой в качестве самостоятельного государства в виде Польской Республики также провиденциально провозгласила карта Лабушера. Один только этот факт — появление Польши в качестве независимого государства — уже был сродни красной тряпке для быка. Однако «версальским мудрецам» этого было мало. Еще раз обращаю внимание на следующее. По условиям Версальского мира ранее входившая в состав Германской империи Верхняя Силезия отошла к Польше, а Гульчинский район (286 кв. км) Силезии — вновь созданному чехословацкому государству, независимость которого была объявлена Англией и Францией одной из целей Первой мировой войны. Хотя на карте Лабушера то, что впоследствии было названо Чехословакией, обозначено как белое пятно. В результате были заложены сверхпрочные гарантии движения германского реваншизма по восточному азимуту. Среди всех территориальных решений «версальских мудрецов» чрезмерной провокационностью выделяются следующие:

— объявление западной границы польского этнографического большинства в Познани и Западной Пруссии границей между Германией и Польшей. По своей сути это было преднамеренное, жестокое оскорбление немцев, тем более что немедленно закусившие удила шляхтичи тут же стали третировать и изгонять их со своих мест. Оголтелая ненависть Германии к Польше росла даже не по часам, а по минутам. Задолго до привода Гитлера к власти в Германии не было ни одного немца, который не пылал ярой ненавистью к полякам и Польше. Когда А. Гитлер был всего лишь фюрером Национал-социалистической партии, его постоянные призывы уничтожить «версальского ублюдка» — он только так называл Польшу — находили самый широчайший отклик в сердцах практически всех немцев.

— Создание чрезвычайно эффективно раздражавшей немцев «дразниловки» в виде «Данцигского коридора», давшего полякам возможность в буквальном смысле слова издеваться над немцами. Именно проблема «Данцигского коридора» и стала особой причиной, из-за которой началась германо-польская, а по сути, Вторая мировая война.

— И, наконец, особая «дразниловка» в виде территориальных приобретений Франции!

И вот что характерно. Еще в момент оформления так называемого Версальского мира «версальские мудрецы» прекрасно осознавали, что это с неминуемой неизбежностью приведет к войне. Хуже того. Эта ситуация была преднамеренно запрограммирована Великобританией еще во время

Парижской мирной конференции 1919 г. У британской дипломатии есть одна филигранно отточенная за многие века подлая «традиция», суть которой в следующем. Если на крутых поворотах истории тоном Кассандры британская дипломатия начинает вещать о причинах будущих войн и в эти же переломные времена подписывает важные международные документы, закрепляющие эти причины как константу международных отношений лет на 20 — 25 вперед, то это означает, что **PERFIDIOUS ALBION** уже спланировал новую войну! И потому заранее готовит себе алиби, прежде всего за счет интернационализации текущей и грядущей ответственности за будущую войну. То есть как бы растворяя личную ответственность в «интернациональной». Ни одно государство мира не умеет так делать, причем до сих пор.

А Великобритания умеет это делать в расчете, как на ближнюю, так и на дальнюю перспективу. Сознательно следуя этой «традиции», в основе которой старый принцип Ф. Бэкона — «всегда надо иметь поводы для того, чтобы начать войну», — еще 25 марта 1919 г. Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж направил участникам Парижской мирной конференции меморандум под названием «Некоторые соображения для сведения участников конференции перед тем, как будут выработаны окончательные условия». В нем, в частности, говорилось: «Вы можете лишить Германию ее колоний, превратить ее вооруженные силы в простую полицию, низвести ее военно-морской флот на уровень пятиступенной державы, однако, если, в конце концов, Германия почувствует, что с ней несправедливо обошлись при заключении мирного договора 1919 г.; она найдет средства, чтобы добиться у своих победителей возмещения... Несправедливость и высокомерие, проявленные в час триумфа, никогда не будут забыты и прощены. По этим соображениям я решительно выступаю против передачи большего количества немцев из Германии под власть других государств, и нужно воспрепятствовать этому, насколько это практически возможно. Я не могу не усмотреть причину будущей войны в том, что германский народ, который проявил себя как одна из самых энергичных и сильных наций мира, будет окружен рядом небольших государств. Народы многих из них никогда раньше не могли создать стабильных правительств для самих себя, а теперь в каждое из этих государств попадет масса немцев, требующих воссоединения со своей Родиной». Какое коварное «благородство»! Сами сотворили неминуемую в будущем войну, и еще имеют наглость предупреждать весь мир о том, что это непременно случится! Нет, что ни говори, но прусский король Фридрих всю свою беспрецедентную дурость с лихвой оправдал одним уникальнейшим афоризмом — **PERFIDIOUS ALBION** (коварный

Альбион!). Кстати говоря, процитированные выше слова Л. Джорджа напрямую относились как к Чехословакии, так и Польше. Меморандум завершался категоричным выводом — такая политика должна «рано или поздно привести к новой войне на востоке Европы»! Надо же, какой «провидец», мать его!..

Только вот какого же хрена надо было впихивать в очередного «версальского ублюдка» — Чехословакию — именно те территории, при сопоставлении этнического состава населения которых с так называемой титульной нацией получалось, что на 8 млн. 760 тыс. 937 чехов и словаков приходится 3 млн. 123 тыс. 568 немцев?! Каждый третий гражданин Чехословакии того периода был немцем, которого оскорбили, унизили, поставили в положение представителя второсортной нации, который не желал жить под гнетом обалдевших от независимости чехословаков!

Из тезисов меморандума Л. Джорджа со временем получились аргументы для будущей программы нацистской партии, условия для возникновения которой были подготовлены Великобританией также задолго до начала даже Первой мировой войны. Естественно, что Гитлер воспользовался великолепно сформулированными самим британским премьер-министром тезисами. За все время своего существования в качестве фюрера сначала нацистской партии, а затем и Германии, Гитлер так и не смог выдумать ничего лучше. Великобритания периодически подсказывала Гитлеру «новые повороты» в старых тезисах в поисках «немедленного исправления самых вопиющих несправедливостей». В целом Лондон вполне цинично наплевал на Чехословакию задолго до привода Гитлера к власти и с тех же давних пор имел виды на Прагу как на разменную монету в своих интригах. Еще 24 сентября 1930 г. знаменитый «король» британской прессы, тесно связанный как с правящей верхушкой страны, так и с британской разведкой, член Комитета 300 — лорд Ротермир — в своей газете «Дейли мейл» писал: «Более вероятно, что с приходом к власти национал-социалистского правительства под энергичным руководством этой партии — Германия сама найдет способ немедленного исправления самых вопиющих несправедливостей... В результате таких событий Чехословакия, которая систематически нарушала мирный договор как угнетением расовых меньшинств, так и уклонением от сокращения своих вооружений, может в одну ночь прекратить свое существование». За восемь лет до Мюнхена столь беспрецедентная прозорливость, когда даже Гитлер, не являясь гражданином Германии, был всего лишь главарем одной из политических партий Веймарской республики?! Категорически нет! Это преднамеренное разглашение незавидной судьбы Праги в корыстных комбинациях Лондона на мировой арене! Хуже того. Это умышленно заблаговременное наведение

Гитлера на стезю так называемого решения чехословацкого вопроса через его Судетский аспект как на вариант прорубания одного из магистральных коридоров прохода к границам СССР. И Гитлер с тех же пор все отлично понял — вся его «аргументация» по этому вопросу чуть ли не слово в слово повторяла британские «изыски» на эту же тему.

История совершенно однозначно доказала, что описанные Лабушером картографические и иные геополитические «кресала» сработали с точностью до мельчайшей нацистской амбиции. И вовсе не случайно, что едва только разразилась Первая мировая война, руководство британского политического масонства спохватилось и поспешило изъять из библиотек упомянутый выше номер «Правды» с памфлетом и картой Лабушера. Однако оказалось поздно. Подлинный экземпляр этого номера попал в редакцию берлинской газеты «На передовом посту» («Auf Vorposten») и был переиздан на немецком языке в 1919 г. Правда, сдуру придали всей этой публикации ярко выраженный антисемитский характер, что было в корне неверно. Публикация должна была носить сугубо антибританский характер. Короче говоря, это привело к тому, что высшие руководители британского политического масонства, поняв, что их давняя и оказавшаяся столь роковой для судеб мира и особенно Европы проделка «засвечена», стали наотрез отрещиваться от этой публикации, обвиняя немцев в антисемитской выходке. Однако оскорбленные версальским унижением немцы не были простаками, чтобы попасться на такой мякине. Известный немецкий публицист и владелец книгоиздательства «Бодунг» в Эрфурте полковник Ульрих Флейшхауэр каким-то образом раздобыл английский оригинал «Правды» Лабушера, снял копии и заверил у нотариуса, а затем переиздал нотариально заверенный текст в переводе на три языка в виде отдельной брошюры. Антинемецкий и антиевропейский характер памфлета и карты Лабушера был настолько очевиден, что разразился громкий скандал. Британское политическое масонство вынуждено было прикусить язык. А в Германии, многим владельцам книжных магазинов под угрозой смерти и уголовного преследования было запрещено продавать брошюру У. Флейшхауэра.

(Ставка на германский национализм реваншистского полка возникла у наиболее могущественных сил мирового закулисья, едва только была создана Германская империя. Потому Великобритания и дала Бисмарку шанс воссоздать Германскую империю как противовес Российской империи. Ибо далее предусматривалось уничтожить их в смертельном столкновении. Не самой же Великобритании воевать плоти России. Для

того и был создан «здоровый дурень всемирной истории» в лице Германской империи. Однако уничтожение Германией самое себя обязано было породить оголтело агрессивный германский националистический реваншизм, чтобы затем инициировать Вторую мировую Войну. Она-таки понадобилась^[86]. Но в том-то Все и дело, что сам сценарий Перманентной мировой Войны, в том числе и двух мировых войн XX века, фигурировал уже В 1871 году! В адресованном руководителю Татарских иллюминатов Джузеппе Мадзини письме от 15 августа 1871 г. «Суверен-гроссмейстер Шотландского круга Вольных Каменщиков» США Альберт Пайк описал весь сценарий грядущей Перманентной мировой Войны. По существу, это была программа установления нового мирового порядка, рассчитанная на очень длительный период. В частности, там четко была предусмотрена Первая мировая война, ориентированная на свержение царизма в России и превращение ее в зависимую от иллюминатов страну. Следующим шагом намечалась Вторая мировая война, зачинщиком которой должен был стать именно германский национализм. Но ведь чтобы стать такой силой, из обычного бытового явления он должен был превратиться в общенациональную политическую силу. Национализм же в моноэтнической стране может претендовать на такую роль и тем более на Вершину Олимпа Власти лишь в одном случае — в случае локального поражения (лучше всего в глобальной войне), необычайно резко усугубленного крайне жестоким обращением победителей с побежденным. Немцы в этом смысле — просто-таки идеальный материал, ибо действительно, «когда Германии грозит опасность, немцы становятся однопартийными. Они превращаются просто в немцев». Потому-то «взрывление» социально-политической почвы для проращивания ядовитых семян оголтелого национализма и началось задолго до того, как мир был подведен к порогу еще Первой мировой Войны, чему способствовало воцарение в системе государственной политики кайзеровской Германии идеи о натиске тевтонов на славян. Осуществлялось оно в форме volkisch (националистической) пропаганды. Однако на англосаксонском Западе прекрасно понимали, что до поры до времени такое «взрывление» не сможет разбиться до необходимого уровня, но будет подыгрывать «уратефтонскому патриотизму» на вспомогательных ролях, что было выгодно для провоцирования Первой мировой Войны. Так происходило вплоть до локального поражения Германии в этой войне. Переварив в процессе «дружественного поглощения» пантевтонские идеи, volkisch-идея отпрыгнула невиданный сплав чудовищной геополитической преступности — оголтело агрессивный германский националистический реваншизм, по соображениям царившей тогда в мире политической моды обозванный

национал-социализмом. То есть как бы б пику «интернационал-социализму», воцарившемуся в России. Что и нужно было мировой закулисе. И что она планировала еще тогда, когда Адольфа Гитлера не было даже в проекте. В своем блестяще аргументированном исследовании «Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию» авторитетный английский историк, доктор философии Оксфордского университета Николас Гудрик-Кларк указывает, что «...позыв к неоромантическому оккультному возрождению возник не в Германии. Его скорее следует связать с реакцией на засилье материалистических, рационалистических и позитивистских идей в практических и промышленных культурах Америки и Англии. Немецкое оккультное возрождение многим обязано популярности теософии в англосаксонском мире в 1880-е годы. Здесь она имела выход на международное движение тайных обществ»^[87].]

Особое значение имеет железнодорожный аспект причины объявления Перманентной мировой войны. Обратите внимание, что «сон» -то у кайзера выходит вещим — он на поезде едет в Англию! А там у дверей английского работного дома уже толкутся — русский и австро-венгерский императоры, а также болгарский царь (царская династия этой страны была представлена выходцами из германской династии Кобургов) и турецкий султан! И это тоже более чем вещий сон! Германия в то время окончательно втянулась в реализацию глобального железнодорожного проекта, который вошел в мировую историю как проект Багдадской железной дороги, или «Дороги трех "Б"» [Берлин — Бизантиум (Константинополь) — Багдад]. Ее трасса должна была пройти по территориям европейских империй (Германской и Австро-Венгерской), одного царства (Болгарского), а также трансконтинентальной Османской империи. Россия в тот момент только-только приняла решение о возможности строительства Транссибирской магистрали. А мировая война уже объявлена! В точном соответствии с решениями Парижского масонского конгресса 1889 года!^[88] Но, конечно же, Перманентная мировая война Перманентной мировой войной, хотя бы и в тандеме с перманентной масонской революцией^[89], однако же главная-то цель этого плана — уничтожение Российской империи, России и как державы, и тем более как страны — единственной в мире подлинно трансконтинентальной евразийской державы. И эта цель показана откровенно — **«РУССКАЯ ПУСТЫНЯ»!**

То есть своим, европейцам-то, хотя и крах монархий, но все же не уничтожение дотла — взамен «конфетка» в виде «республик». Участь же России показана с агрессивно наглой циничностью — **«РУССКАЯ ПУСТЫНЯ»!** Насколько же прав был выдающийся деятель русской

культуры — И. С. Аксаков — еще в 1882 г. прямо указывавший, что «кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще Европе Восточной нет ни предела, ни меры. На просвещенном Западе издавна создавалась двойная правда: одна для себя, для племен германо-романских или к ним духовно тяготеющих, другая для нас, славян. Все западные европейские державы, коль скоро дело идет о нас и о славянах, солидарны между собой. Гуманность, цивилизация, христианство — все это упраздняется в отношении Западной Европы к Восточному Православному миру».

Так оно и было в действительности. Россия справедливо увидела в железнодорожном транспорте исторически беспрецедентный шанс и стимул для своего экономического развития и укрепления своего могущества. На тот момент это был просто-таки уникальнейший вариант скрепления гигантского территориального могущества империи транспортно-экономическими «скобами» — стальные магистрали в буквальном смысле слова «сшивали» в одно целое необозримые территориальные пространства империи, стимулируя экономическое развитие регионов. Но «сшивая» необозримые территориальные пространства империи в единое целое и резко интенсифицируя экономическое развитие России, стальные магистрали постепенно превращали его в фактор исторически беспрецедентного геополитического могущества России. Причем такого могущества, перед которым все мечты о всемирной империи англосаксонской расы не просто меркли, но превращались в сумасбродный лепет англосаксонских имбецилов. Осознав это, Великобритания увидела выход лишь в превентивной войне против России с целью ее геополитического уничтожения! Чтобы не допустить превращения России за счет развития железнодорожного транспорта и в целом ее экономики в фактор не только неиссякаемой, но и попросту непреодолимой геополитической силы, который в буквальном смысле слова не только положит конец британской морской гегемонии, но и ознаменует начало новой эпохи в мировой цивилизации, центром которой станет именно Россия. Ничего удивительного в том, что произошел именно такой Момент Истины, — не было. Верхушка правящей элиты Великобритании уже в середине XIX в. интуитивно почувствовала реальность в скором будущем такого поворота событий. Помните слова Пальмерстона от 1851 г., когда он говорил о том, что-де Россия угрожает Великобритании уже тем, что соединяет Европу с Азией? А ведь оно было сделано в самом начале эпохи железнодорожного транспорта, то есть уже тогда верхушка правящей элиты Великобритании интуитивно увидела грядущую глобальную, стратегическую угрозу своим имперским интересам и устами своего

премьера озвучила ее. Собственно говоря, все к этому и шло, но с той лишь разницей,, что никаких агрессивных замыслов у России не было и в помине. Почти через полвека после заявления Пальмерстона в поданном на имя Александра III докладе «О способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути» известный российский государственный деятель тех времен С. Ю. Витте так определил целесообразность строительства Транссибирской железнодорожной магистрали:

— «Сибирский путь установит непрерывное рельсовое сообщение между Европой и Тихим океаном и, таким образом, откроет новые горизонты для торговли не только русской, но и всемирной;

— Россия сможет воспользоваться как всеми выгодами посредника в торговом обмене произведений^[90] Востока Азии и Западной Европы, так и выгодами крупного производителя и потребителя, ближе всех стоящего к народам азиатского Востока;

— Строительство Великого Сибирского железнодорожного пути относится к событиям, какими начинаются новые эпохи в истории народов и которые вызывают нередко коренной переворот установившихся экономических отношений»^[91].

Едва ли даже вконец рехнувшийся сможет отыскать в этих словах С. Ю. Витте хоть какое-либо основание для того, чтобы расценить их как тень намека на акт агрессии. Тем не менее именно из-за такого предполагавшегося и страшившего **PERFIDIOUS ALBION** смысла многовековая геополитическая интуиция Великобритании умышленно свернула на путь глобальной фальсификации. Потому как ни во времена Пальмерстона, ни после него и вообще никогда не было да и быть не могло никаких оснований для выводов о некоей агрессивности будущего железнодорожного развития России. Тем более по отношению к Англии. Однако Британский Королевский институт международных исследований умышленно сделал акцент именно на этом. Хотя как в докладе Витте, так и в реальной жизни речь шла об использовании только собственно российской территории, суверенитет государства российского над которой тогда никому не приходило в голову оспаривать. Во всяком случае открыто. Речь шла о развитии железнодорожной сети в интересах общего экономического прогресса Российской империи, что было естественным и законным намерением. В тех же случаях, когда по каким-то соображениям они должны были выйти за пределы государственных границ, такое строительство осуществлялось только на основе межгосударственных соглашений (например, та же КВЖД^[92]) и, что самое главное, без столь характерного для той же, так любящей «баланс сил» Англии

международного разбоя. Тем не менее еще только в призрачном намеке на возможную в будущем сухопутную альтернативу своему базировавшемуся на морской гегемонии могуществу Англия постаралась разглядеть глобальную угрозу для себя. С тех пор она окончательно впала в необузданно дикий страх перед призраком возможного трансконтинентального объединения Германии и России в некий геополитический альянс, в том числе и при участии одного из лидеров Дальнего Востока — Японии, к тому же при вполне реальном подключении к этому объединению также и Китая того времени.

Впоследствии все то, что даже в беглом перечислении заняло столько страниц, великий русский поэт Александр Блок с исключительной меткостью назвал «растущим незримо злом», где «зреют темные дела»! Впрочем, не столь уж и незримым было это зло. Во время посещения тогда еще цесаревичем Николаем Александровичем (будущим Николаем II) Японии в начале 90-х гг. XIX в. на него было совершено покушение — какой-то японский офицер палашом ударил его по голове. Между тем до прибытия в Японию цесаревич принял участие в торжественном открытии начала строительства Транссиба. Невольно складывается впечатление, что упомянутое выше нападение на него носило какой-то зловещий политический смысл.

Растущее незримо зло» столь интенсивно ускоряло созревание «темных дел», что на рубеже XIX — XX вв. опасность глобального столкновения фактически стала реальностью. Но какой?! И вот здесь уместно вновь напомнить, что, как «прирожденный враг» единой России, Англия еще в XVIII в. не только едва ли не вменила в обязанность всех континентальных держав вести войны» в ее интересах, употребляя европейские государства в войнах как «отличную пехоту, как здорового дурня истории».

Знаменитый в английской истории У. Питт Старший в середине XVIII в. «отлил» эту «традицию» в чеканную формулу — «Я завоюю Америку в Германии!». Стремясь захватить американские колонии Франции, Англия спровоцировала в связи с этим Семилетнюю войну 1756 — 1763 гг. Вместо самой Англии в ней, «по найму», воевала Пруссия Фридриха II, «славившаяся» в те времена тем, что «экспортировала» не только своих наемников-ландскнехтов, но и даже свою готовность воевать за того, кто больше заплатит. Однако в ходе войны Англия сговорила с Францией и, заключив с ней выгодный для себя мир, попутно втянула в эту войну даже Россию. Кончилось это Парижским миром» 1763 г., по которому Канада перешла под британскую корону (попутно Англия лихо оттяпала у Испании Флориду). В дураках остался лишь Фридрих II, обессмертивший свою несусветную глупость (нашел ради кого воевать?!) изысканно кратким и

точным крылатым выражением — **PERFIDIOUS ALBION (КОВАРНЫЙ АЛЬБИОН)**!

Аналогичную схему **PERFIDIOUS ALBION** предусмотрел и для реализации идеи создания «всемирной империи англосаксонской расы»! Ведущие монархии континентальной Европы должны были сцепиться между собой в смертельной схватке, чтобы на их руинах была бы создана эта самая «империя». И когда это «темное дело» окончательно созрело, то в 1914 г. **PERFIDIOUS ALBION** безукоризненно точно повторил фокус XVIII столетия — строительство «всемирной империи англосаксонской расы» должно было быть осуществлено в ходе тотального взаимного истребления, прежде всего кайзеровской Германии и Российской империи! России была уготована «роль тарана, пробивающего брешь в толще немецкой обороны»^[93]; а Германии — роль могильщика Российской империи с «почетной перспективой» — немедленно вслед за ней также кануть в Лету!^[94]

Но даже это лишь видимая часть верхушки гигантского айсберга исторически беспрецедентной подлости Великобритании! Как это ни странно, но до сих пор неразгаданной загадкой является подлинная причина так называемой февральской революции в России в 1917 г. Несмотря на все изыскания последних лет, несмотря на всю правду, содержащуюся в них, она до сих пор так и не названа. Хотя все давным-давно лежит на поверхности. А поскольку это имеет прямое отношение к событиям 1937 г., то, естественно, не назвав ее, мы опять будем обречены блуждать в потемках. Подлинной причиной этой Богом и всей Россией проклятой «революции» изменников Родины является незримое, но глобальное и ожесточенно свирепое столкновение взаимоисключающих концепций послевоенного мироустройства. И не просто концепций — за каждой из них стояли не только конкретные действия по их реализации, но и, что особенно важно, уже не менее четко проглядывавшиеся глобальные последствия.

Легендарный британский геополитик Джон Х. Маккиндер подчеркивал, что на протяжении всего XIX столетия внешняя политика Великобритании (а также Франции) исходила из двуединой — русофобско-антигерманской — установки: «Британская и французская политика за столетие основывалась на широкой постоянной установке: мы противодействовали полугерманскому русскому царизму потому, что Россия была доминирующей угрожающей силой как в Восточной Европе, так и в Сердцевинной земле на протяжении полстолетия (Маккиндер повторил мысль Пальмерстона от 1851 г. — А. М.). Мы противодействовали чисто германской кайзеровской империи, потому что Германия выхватила у

царизма первенство в Восточной Европе и собиралась подавить бунтующих славян и овладеть Восточной Европой и Хартлендом»^[95]. Однако Маккиндер не назвал главную причину такого противодействия. Дело в том, что в том же XIX столетии в Англии утвердилась концепция, согласно которой «в центре современного мирового царства белой расы будет находиться Англия»^[96]. И началось это во времена Пальмерстона, открыто провозгласившего строительство британского Третьего Рима. Собственно говоря, Великобритания и спровоцировала-то Первую мировую войну, преследуя цель создания «всемирной империи англосаксонской расы» — британского Третьего Рима.

Строительство же «всемирной империи англосаксонской расы, центром которой будет Англия», подразумевало жесткую необходимость установления именно британского (англосаксонского) контроля над Евразией, что, в свою очередь, подразумевало не менее жесткую необходимость сначала раздробить поделенную между тремя империями Восточную Европу. Потому как, по непреклонным убеждениям верхушки британской правящей элиты, выразителем взглядов которой и был Маккиндер, «кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым Островом; кто правит Мировым Островом, господствует над миром»^[97].

Однако в ходе Первой мировой войны, особенно в 1916 г., сложилась ситуация, когда все планы по строительству «глобальной империи англосаксонской расы» могли полететь в тартарары. Во-первых, потому, что уставшая от войны на два фронта, находящаяся в жесткой блокаде кайзеровская Германия стала проявлять чрезмерную активность в попытках договориться о сепаратном мире с Россией, как «коренником» вооруженных сил Антанты на континенте^[98]. А поскольку сам царь Николай II ни о каком сепаратном мире и думать-то не собирался, за спиной российского самодержца готовился заговор с целью его отстранения от власти. По каналам имевших налаженные связи в России германских тайных обществ заговор готовил кайзер Вильгельм II. В случае успеха этого заговора и в условиях непосредственной германской оккупации значительной части территории в Европейской России Германия запросто могла утвердить выхваченное ею у царизма первенство в Восточной Европе. То есть овладеть Хартлендом. В результате Антанта столкнулась бы с германо-русским объединением при практически абсолютном доминировании Германии. Хуже того. В 1916 г. начались тайные переговоры между Германией и Японией о возможности установления сепаратного мира и даже союза. И это несмотря на то, что Япония участвовала в той войне на стороне Антанты. Однако она сама планировала вышибить англосаксов с

Дальнего Востока и установить там свое господство^[99]. Соответственно перед Антантой, прежде всего перед Великобританией (а также США), стала вырисовываться столь грозная перспектива сойти на вторые, а то и третьи роли в мире, что во избежание ее воплощения в жизнь **PERFIDIOUS ALBION** уже физически не мог не пойти на особую подлость и коварство по отношению к России.

Ведь совокупность этих факторов означала следующее. Великобритании (англосаксам в целом) предстояло увидеть «рассвет» того самого дня, когда обширное германо-русско-восточноазиатское объединение создаст опасность для возрастающей англицизации мира, против которой были бы бессильны даже объединенные британские и американские блокирующие силы. Хуже того. Предстояло увидеть рассвет последнего дня в истории опирающейся на морскую гегемонию англосаксонской цивилизации! Причем при доминирующей роли кайзеровской Германии, опирающейся на необозримые ресурсы и территориальные возможности России для любого стратегического маневра!

Во-вторых, Николай II настолько не собирался вступать в какие-либо сепаратные перемирия с кайзеровской Германией, настолько не предполагал сепаратного выхода России из войны, что, как Верховный главнокомандующий, запланировал на весну 1917 г. победоносное наступление русской армии на всех фронтах. Знаменитый руководитель разведки Австро-Венгерской империи Макс Ронге в своей послевоенной книге «Разведка и контрразведка» указывал, что уже в декабре 1916 г. возглавляемая им разведывательная служба империи перехватила по радио приказ Верховного главнокомандующего Николая II по армии и флоту, обязывавший изгнать противника с территории России^[100]. К концу 1916 г. «Россия располагала огромным военным и экономическим потенциалом, значительно превышавшим возможности союзников. Победное окончание войны, которое, совершенно очевидно, предполагалось к лету 1917 года, означало, что Россия приобретала особую роль как в Европе, так и в мире вообще. По результатам войны ей должны были отойти исторические русские земли, принадлежавшие до этого Австро-Венгрии, она устанавливала свой контроль над Балканами и Румынией. Германия теряла польские земли, которые объединялись с Царством Польским в единое независимое государство под скипетром русского Царя, и, наконец, русскими становились Константинополь и проливы (Черноморские. — А. М.) — стратегический пункт влияния на Ближний Восток и Средиземноморье. Такое усиление России не устраивало ее союзников». Они «не хотели допустить Россию к переустройству мира на справедливых началах»^[101]. Не только не хотели, но и изначально же не планировали,

потому как для них и в их же представлениях Россия всегда была доминирующей угрожающей силой как в Восточной Европе, так и в «Сердцевинной Земле»! Там, на Западе, никогда не только не желали, но и никогда же не стремились понять, что Россия стала доминирующей на этих территориях не по соображениям господства, так сказать, в силу **LIBIDO DOMINANDI**, а по соображениям **БЕЗОПАСНОСТИ** как базовой ценности своего существования. На Западе никогда не собирались (да и не собираются) понимать того простого обстоятельства, что это же означает и Безопасность самой Восточной Европы, а следовательно, и Европы в целом, не говоря уже об остальном мире. Победа России к тому же означала бы и победоносное окончание Первой мировой войны. В первую очередь благодаря русскому оружию! Более того, это означало бы и закрепление за Россией на многие десятилетия вперед, если не на века, статуса не просто ведущей мировой державы, а, учитывая ее геополитический статус, единственной в мире единой, трансконтинентальной евразийской державы — единственного в мире центра силы! Мирной силы! Ни один из вариантов никак не соответствовал идее о «всеобщей англицизации и создании всемирной империи англосаксонской расы», в центре которой должна находиться Англия! И единственный выход «добрая, старая» сволочь по имени **PERFIDIOUS ALBION** увидела в свержении царя революцией! Впрочем, все и так было спланировано еще в 1890 году!

Характеризуя впоследствии роль союзников России по Антанте в устроении так называемой февральской революции, один из тех, кто нес персональную ответственность за заброску в Россию бандитской шайки во главе с Лениным, — германский генерал Людендорф, указывал: «Царь был свергнут революцией, которую фаворитизировала Антанта. Причины поддержки Антантой революции неясны. Судя по всему, Антанта ожидала, что революция принесет ей какие-то преимущества»^[102]. Возможно, генерал и был бравым и талантливым воякой, но в политике, миль пардон, дуб дубом. Он до конца дней своих так и не понял, что же тогда произошло. Впрочем, он вообще ничего не понимал в политике, а уж в мировой — тем более^[103]. Как германский генерал, мог понять ту простую истину, что его «фатерланд» должен был пасть не под могучим ударом русской армии во главе со своим Верховным главнокомандующим в лице Николая II, но под ударом западной составляющей Антанты (и революции изнутри). То есть так называемых союзников России, предварительно уничтожив ее, в том числе и «революцией»?! Разве это было секретом, что **PERFIDIOUS ALBION** испокон веру придерживается подлой «традиции»: никогда не следует делать того, что можно сделать руками тупоголовых тевтонов, и что лучше всего завоевывать Восточную Европу и Хартленд руками все тех же

тупоголовых тевтонов?! Людендорф, к слову сказать, так и не понял, почему февральская революция спасла Германию от тяжелого поражения в начале 1917 г., хотя и не раз об этом говорил. Ну, разве мог он понять, что Великобритания потому и устроила февральскую революцию, что необходимо было открыть дорогу в Россию агентуре якобы тевтонов в лице банды Ленина, хотя в действительности это была агентура прежде всего англосаксонского Запада, хотя и управлявшаяся руками тевтонов. Самостоятельно-то эта банда никогда и не попала бы в Россию, тем более при царе.

В Государственном архиве Российской Федерации хранится секретный циркуляр директора Департамента царской полиции А. В. Брюна де Сент-Ипполита, датированный 2 сентября 1914 г., в котором точно описан весь «сценарий двухактной революции»^[104]. Брюн де Сент-Ипполит (обрусевший француз) прозорливо указал, что революционеры пока выжидают, не желая обычными выступлениями против правительства навлечь на себя гнев основной части населения, сплотившейся вокруг царя в «патриотическом порыве» (на первом этапе войны действительно так было. — А. М.). Однако их далеко-идушие планы остались прежними: помочь кадетам занять важнейшие посты в правительстве, поскольку либералы наверняка расширят политические свободы — «слова, союзов, собраний и т. д.». Тем самым, подчеркивал глава Департамента полиции, они позволят революционерам беспрепятственно вести «социалистическую пропаганду и агитацию». Либералы уже помогли революционерам, отмечал далее Брюн де Сент-Ипполит, своим деятельным участием в возрождении рабочих организаций, которые ввиду недавнего притока на заводы и фабрики «зеленых работников» из деревни и женщин склонились на сторону радикалов. Когда же настанет подходящий момент, резюмировал шеф царской полиции, революционеры воспользуются этой поддержкой рабочих масс, чтобы устранить со своего пути и самодержавие, и либералов, захватить власть и насадить социализм.

В процессе ликвидации троцкистского подполья в 1937 — 1938 гг. были получены данные о том, что февральская революция означала «обеспечение безнаказанности для революционеров». Задним числом подтвердился прогноз А. В. Брюна де Сент-Ипполита. Задача временщиков, особенно Керенского, по этим данным, в том и заключалась, чтобы сдать Россию на разграбление эмигрантской банде Ленина.

Потому как уничтожение России планировалось за счет так называемого обеспечения прав малых народов, которое, как уже отмечалось выше, было провозглашено одной из основных целей участия

Великобритании во всемирной войне. Однако едва ли не самым главным, до сих пор неразгаданным секретом Первой мировой войны является то, что это паскудное изначально дело поручалось Германии. Именно она должна была пустить в ход оружие» под названием революция» с лозунгом «право наций на самоопределение!». Только это могло вдребезги разнести Российскую империю! Ведь Великобритания в войне являлась формальным союзником России по Антанте, и соответственно она не могла, да и, откровенно говоря, не хотела осуществлять это собственными руками. Вот почему недоумивший тупоголовых тевтонов использовать в этих целях эмигрантскую шайку Ленина пресловутый Парвус Гельфанд на самом-то деле выполнял заказ Великобритании. Вот почему англичане спокойно пропустили Ленина и К^о в Россию через контрольный пункт Торнео (ныне Турку, Финляндия), хотя прекрасно знали, что едет целая банда германских агентов». Ленин в действительности играл не по германской партитуре», а по западной, в которой основную долю составляли именно же британские «арии», которые едва ли не сразу и чуть было полностью не заглушили американские. Он прекрасно знал об этом, как, впрочем, потом, что в этой партитуре» четко была прописана также и еврейская «ария». Сразу же предупреждаю, что ни о каком «еврейском заговоре» речь не идет. Но роль еврейского фактора как в британской политике того времени, так и в политике Антанты в целом была столь велика, что сбрасывать его со счетов нельзя. А Парвус был не столько евреем, сколько полностью подконтрольным британской разведке и британскому политическому масонству лицом. И потому выполнял их совместный заказ. И только потом — германский агент, прикрывавший британские. Только допустив эмигрантскую банду Ленина в Россию, можно было рассчитывать на столь желанное раздробление российских территорий в Восточной Европе и в Хартленде.

PERFIDIOUS ALBION сделал глубокие, стратегические выводы из хорошо известной не только на Западе, но и во всем мире книги выдающегося германского военного мыслителя К. Клаузевица «О войне»: «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, то есть оккупировать; по крайней мере этого нельзя сделать... силами современных европейских государств. Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров. Достигнуть же этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны...»^[105]

«Технология» нанесения удара в самое сердце России отрабатывалась не один век. Причем именно же в рамках тандема войны извне и «революций» в лице всевозможных бунтов внутри. Едва ли кто-либо обращал пристальное внимание на то, что подавляющее большинство бунтов, которые происходили в России в последние четыре века, как правило, имели жесткую привязку к военным угрозам или непосредственно к войне извне, а также и наоборот. Что восстание Петра Болотникова, что Степана Разина, что Емельяна Пугачева, что восстание мюридов, повлекшее за собой многолетнюю Кавказскую войну, что восстания поляков в XIX в., что «революции» 1905 и 1917 гг., что мятежи в тылу Красной Армии во время Великой Отечественной войны, что «либеральная революция» 1991 г. — все едино. Тандем войны и инспирируемого извне так называемого «внутреннего» бандитизма.

БЕЗОПАСНОСТЬ же России (как империи) основывается на **БЕЗОПАСНОСТИ** комплексной монополии заселения, то есть на **БЕЗОПАСНОСТИ** монополии заселения прежде всего государствообразующего народа — русского, а также, естественно, и на **БЕЗОПАСНОСТИ** сопряженных с ней монополий заселения интегрированных в ее состав народов. Соответственно наиболее эффективный путь уничтожения России в самой ее основе — это националистический сепаратизм последних под лозунгом «права наций на самоопределение». Из всех антироссийских подрывных «революционных» сил только эмигрантская часть шайки Ленина наиболее уперто размахивала этими лозунгом. Более того. Открыто ставилась задача использовать их «революционный» зуд, чтобы их же руками устроить «революции» также в Германской и Австро-Венгерской империях, доведя их до необходимого Антанте уровня раздробления. В этом смысле эмигрантская банда Ленина была наиболее привлекательна. Потому что, опираясь на захваченные в России ресурсы, она, в кооперации с германскими и прочими европейскими «революционерами» (вот для чего были нужны Интернационалы), действительно смогла бы устроить общеевропейскую «революционную» заваруху, которая стерла бы с лица земли и эти две империи тоже. Что и произошло в 1918 г. ^[106]

По расчетам **PERFIDIOUS ALBION**, только это могло реально способствовать установлению контроля англосаксов над Восточной Европой, и особенно Евразией. Во всяком случае так грезились лондонским (англосаксонским) «мудрецам». Но и это еще не все. Под давлением Великобритании Антанта еще в декабре 1916 г. приняла принципиальное решение об организации интервенции против России!!! Проще говоря,

планировалось устройство Второй мировой войны в сценарии «с колес Первой»!!! Персонально против России!!!

Ленин открыто проболтался об этом в 1916 г. в своей работе «Военная программа пролетарской революции». И не случайно, что она была написана на немецком языке, как и то, что впервые ее перевели на русский язык только в 1929 г., когда оппозиция опять с вожделием ожидала нападения извне. Впрочем, не один только Ильич проболтался. Английская газета Times опубликовала 27 февраля 1918 г. статью «Берлин — Токио», в которой ничтоже сумняшеся признавался факт инициации подготовки к интервенции еще до так называемой февральской революции! Характерно, что статья оправдывала необходимость японской интервенции на Дальнем Востоке. Как и всегда в истории, Великобритания работала на упреждение. В данном случае на упреждение даже тени намека на какой бы то ни было германо-русско-японский альянс. Тем самым Великобритания уже тогда пыталась создать непреодолимый барьер на пути даже тени намека на германо-русско-японский альянс.

Но как обеспечить реализацию такого плана?! Как организовать геополитический гешефт, но соблюсти невинность в ее, так сказать, «общечеловеческой ценности девственно атлантического понимания»?! Как реально обезопасить себя от гнева общественного мнения в самих странах Антанты, которое едва ли простило бы столь подлую по отношению к верному союзнику политику?! А очень просто! Надо предоставить тупоголовым тевтонам «свободу рук на Востоке», то есть против России, в обмен на мир или хотя бы временное затишье на Западе! Надо дать им возможность влезть в Россию по-крупному. Именно об этом-то тайно и договорились англо-германские мерзавцы на августовско-сентябрьских 1917 г. секретных переговорах в Гааге, которые с британской стороны вел глава имперского генерального штаба Генри Вильсон, а с германской — статс-секретарь иностранных дел Рихард фон Кюльман. А когда они влезут в Россию, да еще и на условиях сепаратного мира, принципиальное понятие которого испокон веку подразумевает серьезные территориальные уступки в пользу диктующей условия стороны в обмен на мир, то тогда броситься «освободить» Россию от проклятущего германского супостата! Вот для чего и нужна была эмигрантская банда Ленина. Как только Германия запустит ее в Россию и, более того, как только действующий по указаниям Англии и Антанты Керенский сдаст Россию Ленину, то немедленно появится вполне «законный» предлог вторгнуться в Россию с «освободительной миссией»! Главное, чтобы болванистые тевтоны не

сообразили, что войти в Россию можно, но выход из этой страны не просто труден, он всегда только один — вперед ногами! Тевтоны этого не поняли и не сообразили, но влезли в Россию, что и требовалось Антанте, особенно Англии и Франции. И не успели тевтоны привести Ленина к власти, как всего-то через месяц, уже 10 (23) декабря 1917 г., Англия и Франция подписали конвенцию о разделе России на сферы влияния! А почти год спустя, в ноябре 1918 г., на свалку Истории была отправлена Германская империя (и Австро-Венгерская тоже). И тут же 13 ноября 1918 г. Англо-французские негодяи подтвердили ту конвенцию. На Россию же один за другим стал накатываться «девятый вал» интервенций, в которых участвовало до 14 государств мира. Чем не Вторая мировая война в сценарии «с колес Первой»?!

Впоследствии это будет охарактеризовано как «суть последствия преднамеренной работы европейских правительств». «Английское правительство, а равно и германское, вели себя как коршуны одной и той же стаи, и то, что Германия делала на Украине, Англия делала то же самое в Сибири и к Востоку от Волги». И не только там, а везде, где подлеишим образом на русскую землю ступила нога английского оккупанта. Автором этого убийственного вывода является независимый английский журналист Филипп Прайс, который Первую мировую войну и последующие годы провел в России и собственными глазами наблюдал происходившую в ней трагедию^[107].

Между тем на рубеже 1936 — 1937 гг. возникла практически зеркально-аналогичная кануну февраля 1917 г. ситуация. Результаты давно осуществлявшегося Великобританией и ее разведкой тщательного наблюдения за просоветски настроенными германскими и гуртовавшимися вокруг Тухачевского германофильствовавшими советскими генералами резко активизировали подспудно всегда существовавший необузданно дикий страх **PERFIDIOUS ALBION** перед призраком возможного германо-русско-японского объединения в некий геополитический альянс, тем более что все рычаги власти в нем будут принадлежать военным. И, как и двадцать лет назад, руководствуясь «логикой» соблюдения своих «вечных интересов», Великобритания пришла к единственному в ее понимании выводу, а соответственно и выбору единственного в ее же понимании варианта действий на упреждение. С одной стороны, она предварительно вступила в практически неизвестный до сих пор тайный сговор с Гитлером, который, не понимая сути происходящего, сам стал мешать Великобритании в ее намерении «оказать содействие» в реализации его же планов. А с другой,

обе части «двойного заговора» были сданы властям по государственной принадлежности. Причем в первую очередь Сталину и только затем — Гитлеру, иначе получилось бы несоблюдение «баланса сил» по-британски. Если воспользоваться ранее цитировавшимися словами Нормана Энджела, то был осуществлен беспрецедентно специфический акт агрессии. Потому что, во-первых, негласно было оказано содействие нанесению мощного удара по одной из главнейших составляющих оборонной мощи СССР — его высшему командному составу. Потому что, во-вторых, это атласное содействие параллельно «конвертировалось» в создание всех необходимых условий для реализации мер по резкому усилению и ускорению военно-экономической подготовки нацистской Германии к войне против Советского Союза. Вплоть до вывода Германии на ближайший (в то время) к советским границам плацдарм для нападения — Чехословакию! Потому что в тот момент «вечный интерес Великобритании к России, хотя бы и называвшейся СССР, заключался отнюдь не в том, чтобы позволить ликвидировать с таким трудом усаженного Англией в кресло германского рейхсканцлера Гитлера вместе с его бесчеловечным режимом.

До сих пор спорят о том, каким образом Гитлер оказался у власти. Прежде всего — не «оказался у власти» и не «пришел к власти», а именно же «приведен к власти». Он был назначен на пост рейхсканцлера волевым решением не без содействия британской разведки намертво припертого к стенке мощным компроматом президента Гинденбурга. И только потом, на последовавших мартовских выборах 1933 г., он и его партия на полную мощь использовали обретенный 30 января 1933 г. «административный ресурс». Десятилетиями на Западе это объясняют якобы изъянами несовершенной демократии Веймарской Германии! У нас же, как правило, талдычили о классовых интересах капиталистов. Отчасти все это так, но не более того. С подачи же британской разведки на панели исторической проституции в последние пару десятилетий широко загулял миф о том, что-де Сталин «подсобил» Гитлеру. В действительности же ни мифа, ни тем более никакой загадки нет и в помине. Вспомните, какие главные силы противостояли друг другу в Германии в начале 30-х годов. Нацисты и коммунисты. В каком случае был бы наиболее вероятен геополитический альянс и так неплохо сотрудничавших между собой Веймарской Германии и СССР, причем альянс, сцементированный также и мощными идеологическими узами? В случае прихода к власти коммунистов. В каком же случае можно было бы спокойно похоронить даже такие отношения? В случае, если у власти окажутся нацисты. Что, между прочим, и случилось в точном соответствии с этой схемой. Эксканцлер Германии Фриц фон Папен

именно в этом и убеждал 6 декабря 1932 г. британского посла в Берлине Винсента д'Абернона. Вот и вся разгадка.

Интерес Великобритании в том и заключался, чтобы бросить Германию на Восток для удушения Москвы. Однако Гитлер физически не успевал с созданием необходимой для нападения на СССР военной и военно-экономической мощи и потому планировал развязывание войны на более поздние сроки — на середину 40-х годов. Но это никак не устраивало «прирожденного врага» России — Англию. Там прекрасно понимали, что при тех темпах развития, что во имя народа господствовали в сталинском СССР, последний к середине 40-х гг. станет попросту неприступной крепостью. И что тогда делать?! Где гарантия, что Гитлер не повернет свой вермахт против Запада, осознав, что СССР ему не по зубам?

Воюют-то не армии — воюют экономики. Между тем уже в середине 30-х гг. легко доступный для понимания прожженных дельцов Сити и их слуг с Даунинг-стрит, 10, магистральный вектор развития СССР четко показывал, что еще немного и Советский Союз выйдет на сопоставимый только с США уровень экономического развития, обогнав всю Европу без исключений. Оно так и вышло. По объему производства товарной продукции СССР уже в 1938 г. вышел с пятого места в мире и четвертого в Европе на второе место в мире и первое в Европе. В 1938 г. Советский Союз производил 13,7 % мировой продукции. Германия же — 11,6 %, Англия — 9,3 %, Франция — 5,7 %. Впереди были только США 41,9 %. В Лондоне прекрасно осознавали, что еще одна такая же, как и первые две, пятилетка, и, вплотную приблизившись к США, СССР трансформирует свои чисто количественные показатели в сугубо качественные достижения. В том числе, естественно, как в военно-экономическом, так и военно-техническом плане, включая и тотальный охват современной — на тот момент — технической цивилизацией всей экономики и вооруженных сил. В Лондоне откровенно страшились того неумолимо грядущего, неизбежного обстоятельства, что к середине 40-х гг. СССР будет не то чтобы только непреодолимой, но и попросту неприступной крепостью, в том числе в экономическом отношении, а значит, и в военном тоже. В итоге как бы сам собой выкристаллизовывался донельзя же печаливший **PERFIDIOUS ALBION** (да и США тоже) вывод. Если не остановить, то «к середине текущего столетия Россия будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и в финансовом отношениях»! И это будет не просто Россия, а до остервенения ненавистный Западу Советский Союз! Радости по этому поводу никто на Западе не испытывал. Их печаль в

том и заключалась, что еще одна такая пятилетка и все эти прогнозы станут для Запада такой горькой явью, что не приведи их бог!.. А их бог, как отмечал еще великий Байрон, еще тот:

Их бог, их цель, их радость в дни невзгод
Их жизнь и смерть — доход, доход, доход!

Размышляя уже в эмиграции о причинах Октября 1917 г., И. А. Ильин пришел к чрезвычайно горьким, крайне неутешительным для России вообще, то есть вне какой-либо зависимости от существующего в ней строя, режима и экономической формации, выводам. И хотя цитируемое ниже формально относится к дореволюционной России, тем не менее без каких-либо натяжек эти же выводы можно спокойно отнести и на советский период (и даже на современность). «Живя в дореволюционной России, никто из нас не учитывал, до какой степени организованное общественное мнение Запада настроено против России и против Православной Церкви. Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она действительно вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и Церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас и для самоуспокоения внушают себе... что русский народ есть народ варварский, тупой и ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости; что религиозность его состоит из суеверия и пустых обрядов. Европейцам нужна Дурная Россия: Варварская, чтобы "цивилизовать" ее по-своему; Угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленивать; Завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; Реакционная, Религиозно-Разлагающая, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; Хозяйственно-Несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные договора и концессии. Именно поэтому, следуя тайным указаниям европейских политических центров, которые впоследствии будут установлены и раскрыты исторической наукой, Россия клеветнически ославлена на весь мир как оплот реакции, как гнездо деспотизма и рабства, как рассадник антисемитизма... Движимая враждебными побуждениями Европа была заинтересована в военном и революционном крушении России и помогала русским революционерам укрывательством, советом и деньгами. Она не скрывала этого. Она делала все возможное, чтобы это осуществилось...»^[108]

Когда же даже после такого катаклизма Россия возродилась — хотя бы и в статусе Советского Союза — да к тому же стала бурными темпами

развиваться, вот тут-то Запад по-настоящему-то и сдрейфил. Ведь экономическая мощь СССР действительно росла как на дрожжах — соответственно росла и его военная мощь. А вот пресечь столь бурный прогресс Советского Союза Западу было нечем — СССР опирался только на свои собственные ресурсы, рачительно продуманно использовавшиеся Сталиным. Так что вмешаться в целях воспрепятствования его прогрессу можно было только войной! Для того, собственно говоря, и привели Гитлера к власти в Германии. Однако беда для Запада заключалась еще и в том, что в бурно милитаризируемой Германии вот-вот должна была лопнуть специально под Гитлера и его агрессивные планы разработанная финансовая афера как основа для развития германского ВПК, без создания которого нацисты не рискнули бы начать войну. И если бы она действительно лопнула, а наиболее дальновидные деятели Запада понимали это уже в середине 30-х гг., то ведь ни Гитлера, ни нацизма не стало, и плакали бы тогда закачаные в них западные денежки. Они и так всплакнули, когда после всех неисчислимых поблажек и подачек коричневый шакал в августе 1936 г. впал в неприятно поразившее Лондон экономическое трезвомыслие, решив более тщательно экономически подготовиться к войне, перенеся ее в своих планах на середину сороковых годов (самое раннее — на 1942 г.). Но ведь к этому-то времени СССР станет фактически неприступной крепостью! Да к тому же еще и большой вопрос — сама-то нацистская Германия при той финансовой афере дотянет до начала 40-х гг. или нет? Потому как, сворачивая — по соображениям ложного престижа — свое финансово-экономическое содействие бурной милитаризации гитлеровской Германии, Великобритания (Запад) в то же время отчаянно пыталась воспрепятствовать любым попыткам ренессанса ранее умышленно, не без ее же активного содействия вдрызг испорченных торгово-экономических отношений между СССР и Германией. В Лондоне прекрасно понимали, что, едва только в диалоге между двумя государствами в полную силу заговорят Гермес и Меркурий (древние боги торговли), Марсу (богу войны) придется заткнуться, а следовательно, невозможно будет или, по крайней мере, весьма затруднительно будет сравнить СССР и Германию в очередной, давно уже запланированной смертельной схватке. Но ведь проклятое имперское сознание настойчиво добил императив — «чтобы Британия жила, Россия должна быть уничтожена»! С большевизмом или нет — разницы никакой! Но как это сделать, когда Гитлер не успевает подготовиться в военно-экономическом плане, а Западу более нецелесообразно открыто финансировать и экономически поддерживать нацистов?! Образно говоря, чтобы что-то дать Гитлеру в экономическом смысле, тем паче, не подставляя себя более под обвинения в экономическом

пособничестве нацизму, — к слову сказать, Сталин еще в 1935 г. открыто обвинил Англию именно в этом, — надо это самое «что-то» иметь. А учитывая, что речь шла о подготовке к войне с ресурсно очень мощным государством, то это «что-то» должно было быть более чем существенным. Но, в свою очередь, чтобы иметь «что-то», необходимо сначала каким-то образом это самое «что-то» приобрести. Причем именно так, чтобы, во-первых, не вкладывая ни одного фунта стерлингов, реализовать свои корыстные планы. Во-вторых, соблюсти свою британскую «невинность», но обеспечить «непорочное зачатие» самой войны. Одновременно и, в-третьих, заполучить гарантированный шанс для стравливания Германии и СССР в давно подготавливавшейся очередной смертельной схватке. В-четвертых, одновременно взломать мощный «бронезиловый» внешний безопасности СССР, которым Сталин заботливо укутал Советский Союз. В-пятых, также одновременно вывести Гитлера и его вермахт на ближайший к советским границам плацдарм для нападения. В-шестых, не просто на ближайший плацдарм, а именно на такой, при нападении с которого Гитлер вынужденно подставит спину и можно будет на него наброситься, когда он будет «разбираться» с Советским Союзом^[109].

И вот надо же было такому случиться, что именно инспирируемый Троцким заговор Тухачевского, как «органически неотъемлемая часть "тройного заговора"», предоставил Западу уникальнейший шанс одномоментно решить практически все вышеперечисленные задачи! Именно в провале заговора Тухачевского Великобритания увидела не только шанс, но и реальную возможность действительно резко ускорить военно-экономическую подготовку гитлеровской Германии к развязыванию войны и даже вывести его вермахт на ближайший к советским границам плацдарм — Чехословакию!

Последней каплей, переполнившей терпение давно наблюдавшей за ним британской разведки, стало заявление Тухачевского германским генералам в октябре 1935 г., сделанное им в беседе с германским военным атташе в Москве Кестрингом. «Если Германия изменит свою позицию, ничто не мешает дальнейшему советско-германскому сотрудничеству, как это было тогда, когда в прошлом обе страны ощущали преимущества своей дружбы, ведь тогда они могут диктовать свои условия всему миру»^[110]. В результате безумный «стратег» не только взошел на Голгофу «вечных интересов» Великобритании, но и попросту подписал себе смертный приговор. Не без прямого влияния яро пронацистски настроенного, едва ли не всем сердцем обожавшего Гитлера английского короля Эдуарда VIII, британская разведка совместно с британской дипломатией с весны 1936 г.

начала многоходовую операцию по разоблачению «двойного» заговора советских и германских генералов. Цель — аргументированная, документально обоснованная дискредитация в глазах Кремля в первую очередь именно Тухачевского.

Британская разведка прекрасно знала, что Сталин самостоятельно и упорно идет по следам этого заговора и вот-вот ликвидирует его. Но **PERFIDIOUS ALBION** необходимо было вплести в эту ликвидацию свою сюжетную линию, что позволило бы затем «конвертировать» факт ликвидации заговора в соответствующий сговор с Гитлером. Потому как Великобритания не только ожидала, но и жаждала, попросту говоря, делала все, чтобы война между Германией и СССР разразилась еще до конца 30-х гг. Как свидетельствуют британские секретные документы, по расчетам официального Лондона, война обязательно должна была разразиться уже в 1938 г., к чему Гитлер еще не был готов. Заговор же, в случае его успеха, мог разрушить не только планы Великобритании по сраиванию Германии и СССР, но и, развернув объединенную мощь и стратегические преимущества обоих государств против Великобритании и в целом Атлантического центра силы, резко изменить англосаксонское расписание войны. А соответственно, что было особенно важно для Великобритании, и планировавшуюся англосаксами послевоенную конфигурацию в Восточной Европе. То есть сделать невозможным вхождение англосаксов в Восточную Европу как в начале войны, так и особенно после.

PERFIDIOUS ALBION чрезвычайно беспокоило, что к этому «дуэту» должна была присоединиться и Япония, в которой с февраля 1937 г. одерживали верх мощные евразийские силы, склонные к такому альянсу. Венцом их усилий стал приход к власти в июне того же года правительства принца Коноэ, находившегося под сильным влиянием лучшего агента в резидентуре знаменитого Рихарда Зорге — Ходзуми Одзаки. Коноэ же, к слову сказать, был давно сформировавшимся — еще со времен Версальской «мирной конференции» 1919 г. — антиатлантистом и убежденным евразийцем. К тому же необходимо иметь в виду, что британской разведке прекрасно был известен и сам Р. Зорге — как активный коминтерновец. Но, в отличие от нацистских спецслужб раннего периода, она никоим образом не поверила в трансформацию его политических взглядов, несмотря на то что в те времена действительно имел место широкий процесс обратного превращения «Павла в Савла» — то есть переход бывших германских коммунистов на сторону нацистов. Британская разведка очень хорошо знала, что собой представляет Р. Зорге, чем конкретно занимается и зачем появился сначала в Китае, а затем и в Японии, и кто помог ему сразу же выйти на

очень влиятельные закулисные круги в Японии. Вот почему в первую очередь был сдан заговор именно Тухачевского — как центральное звено намечавшейся к реализации геополитической комбинации Берлин — Москва — Токио. Кстати говоря, в годы войны У. Черчилль признался Сталину, что более всего в Лондоне опасались германо-русско-японского союза^[111].

Полный провал заговора Тухачевского сулил Великобритании огромные геополитические дивиденды. Прежде всего неизбежный крах едва только наметившейся в 30-х гг. прошлого века европейской системы коллективной безопасности. В ее основе лежала триада взаимоперекрещивавшихся между собой франко-чехословацкого (1924; договор был бессрочный), франко-советского и советско-чехословацкого договоров (от 2 и 16 мая 1935 г.) о взаимопомощи в отпоре агрессии. Она срабатывала лишь в одном случае: СССР мог оказать помощь Чехословакии только тогда, когда в упреждение этого то же самое сделает Франция. А это автоматически влекло и втягивание союзной Франции Англии в силовое уничтожение столь дорогого Лондону Гитлера. Однако если заговор будет «провален», то у Франции появится серьезная отговорка, мотивируемая недоверием Вооруженным силам СССР, германофильствующий высший комсостав которых под дудку германского Генштаба плетет заговоры против центральной власти в СССР. В этом случае триада обрушилась бы как карточный домик! В 1937 — 1938 гг. французский Генштаб именно так и отбредался от сотрудничества с советскими вооруженными силами. Ведь 2-е Бюро Генштаба Франции (военная разведка) еще с лета 1935 г. располагало документальными сведениями, знало о заговоре Тухачевского. В том числе и о его плане поражения СССР в войне с Германией, который он разработал вместе со своими поделщиками. Знало даже о том, при каких обстоятельствах в СССР произойдет военный переворот и установление военной диктатуры. Сталин же, к слову сказать, с того же 1935 г. знал, что французский генштаб был информирован. Впрочем, отнюдь не только это — его информированность о заговоре была куда более обширной, нежели у Запада.

Целенаправленный провал заговора Тухачевского сулил не только реальные шансы на ликвидацию угрозы военно-геополитического альянса по оси Берлин — Москва — Токио, но и какой-либо необходимости для Англии (и Франции тоже) втягиваться в вооруженные разборки с гитлеровской Германией, да еще и на стороне СССР. Одновременно провал открывал дорогу и уникальной «конвертации» его последствий в сговор с Гитлером. Потому как лишение Чехословакии даже шансов на получение

помощи со стороны Советского Союза превращало эту страну в то самое «что-то»^[112], отдав которое Гитлеру можно было хотя бы относительно гарантировать безопасность Западной Европы, но канализировать магистральный вектор агрессивности коричневого шакала на восточном азимуте! Потому как в результате был бы взломан «бронезилет» безопасности, которым Сталин старательно «укутывал» Советский Союз по периметру его границ, особенно на западном направлении!

Провал заговора Тухачевского мог создать и предпосылки для вывода Германии на ближайший же к границам СССР плацдарм за счет сдачи Гитлеру «в аренду» Чехословакии. Так сказать, «свобода рук на Востоке в обмен на безопасность на Западе». Мог появиться и реальный шанс на резкое усиление и ускорение военно-экономической подготовки гитлеровской Германии как за счет арсеналов весьма мощной по тем временам чехословацкой армии (что, собственно говоря, и случилось), так и за счет передачи одного из сильнейших в те времена военно-промышленных комплексов в Европе — мощного ВПК Чехословакии. Учитывая же неизбежное истечение к лету 1938 г. даже пролонгированного срока советско-германского договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г., были бы созданы все необходимые условия для нападения Германии на СССР. Именно поэтому-то Англия и жаждала войны между Германией и СССР не позднее именно 1938 г.!

Вот каковы были основные направления «конвертации» провала заговора Тухачевского в сговор с Гитлером. Впоследствии на основании британских же секретных документов (в основном британской разведки) американский историк Джон Лофтус установил, что британский король Эдуард VIII лично гарантировал Гитлеру возможность и реальность якобы законной аннексии в скором будущем Чехословакии (кстати говоря, и Австрии тоже) в обмен на уважение британских интересов в Польше. Эдуард VIII просидел на троне всего ничего — в начале 1936 г. его короновали, а в декабре того же 1936 г. он отрекся от престола. А это означает, что решение о ликвидации заговора Тухачевского путем негласного содействия Сталину с чужого плацдарма, чужими же руками и под чужим флагом было принято в период скоротечного правления этого, с позволения сказать, короля. Как свидетельствуют факты, произошло это не позднее осени 1936 г.

В британские планы изначально входило то, что впоследствии — по итогам Мюнхенской сделки — и отписал своему президенту американский посол в Париже У. Буллит: «Англичане и французы желали, чтобы дело дошло до войны между германским рейхом и Россией, к концу которой западные державы могли бы атаковать Германию и добиться ее

капитуляции!»). То есть Польше изначально отводилась задача по сигналу из Лондона всадить топор в спину Гитлеру. Проще говоря, когда «лондонские мудрецы» сочтут награбленное фюрером достаточным, наброситься на Германию и, добившись ее капитуляции, так сказать, на «законных основаниях» все отобрать у нее в качестве трофея у поверженного. Особенно контроль над территориями Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. К слову сказать, король был столь «щедр», что гарантировал Гитлеру и безопасность его продвижения на Балканы, то есть в Юго-Восточную Европу, в ущерб интересам Франции, которая там господствовала со времен окончания Первой мировой войны^[113].

Несмотря на смену королей — после Эдуарда VIII на трон был возведен Георг VI, — все договоренности с Гитлером сохранили свою силу. Кстати, то же самое творилось и во времена предшественника Эдуарда VIII — Георга V. Еще при нем, в мае 1933 г., обе разведслужбы СССР сообщили о том, что на проходившей тогда в Лондоне под патронажем Великобритании международной экономической конференции представителями Англии и Германии обсуждался вопрос о разделе странами Запада, в первую очередь первыми двумя, «обширного рынка на Востоке», то есть СССР. Одновременно были добыты данные о том, что во время тогда же состоявшейся секретной встречи главы внешнеполитического отдела нацистской партии Альфреда Розенберга с министром иностранных дел Великобритании Дж. Саймоном обе стороны в конфиденциальном порядке обсуждали «план избавления Европы от большевистского призрака», предусматривавший присоединение к Германии Австрии, Чехословакии, значительной части Польши, включая и пресловутый Данцигский коридор, Познань, Западную Украину, Западную Белоруссию, а также Литвы, Латвии и Эстонии как плацдарм для германской экспансии на Восток^[114]. Воистину прав великий Гораций: «Что бы ни придумали короли, за все расплачиваются народы»!

Когда же Мюнхенский сговор состоялся, то британский премьер-министр Н. Чемберлен буквально из кожи вон лез, чуть ли не в прямом смысле слова, пинками под зад толкая Гитлера к нападению на СССР! Улетая из Мюнхена навсегда обесчещенным невиданным даже в грязной истории британской дипломатии позором сделки с Гитлером, Н. Чемберлен, стоя у трапа самолета, сказал: «Для нападения на СССР у вас достаточно самолетов, тем более что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах!» Ну не тварь ли англосаксонская?! Знать бы этому пациенту лучших королевских психиатров, что утром следующего дня Сталин уже знал о его напутствиях коричневому шакалу!

В руководстве британской разведки прекрасно понимали, что провал заговора с предрешенной неизбежностью приведет к более широким репрессиям в отношении военных — такова логика функционирования любой контрразведки мира. Разоблачив верхушку военного заговора, любая контрразведка мира при любых обстоятельствах будет досконально проверять все связи главарей, потому как сами по себе генералы ничего не могут, кроме того, чтобы отдавать приказы. Следовательно, контрразведка всенепременно пойдет по пути выявления исполнителей приказов генералов-преступников. А это, в свою очередь, по расчетам британской разведки, с фатальной неумолимостью должно было привести к расширению репрессий против военных и в конечном-то итоге к еще большему ослаблению военной мощи СССР. Удар по высшему командному звену с последующим неизбежным охватом широких слоев командного состава РККА представлялся Лондону как уникальный шанс нанести СССР непоправимый урон — там исходили из того, что сразу замену репрессированным будет трудно найти, тем более в высшем звене.

Конечно, это не означает, что в британской разведке не знали, что в СССР была развернута громадная сеть военных училищ, в которых только в 1936 г. обучалось свыше 60 тыс. чел., а каждый год выпускалось не менее 15 тыс. командиров младшего и среднего звена. Что в стране функционируют военные академии, в которых ежегодно училось свыше 11 тысяч человек. Что с 1936 г. открылась Академия Генерального штаба, в которую ежегодно принимали 50 — 100 человек из числа представителей высшего комсостава. Что функционируют курсы по повышению квалификации высшего комсостава^[115]. Действительно, британская разведка прекрасно знала, что в СССР интенсивно готовятся военные кадры нового поколения^[116]. Но все дело в том, что она работала под заказ. В своих информациях из Москвы британский военный атташе полковник Р. Файэрбрейс сообщал, что-де в СССР ликвидировано 65 % офицерского состава, что абсолютно не соответствовало действительности. Никакой ликвидации, открыто подразумевавшей, исходя из текста доклада атташе, именно физическую ликвидацию офицерского состава, тем более в таких масштабах, не было и в помине. Не без умысла акцентируя внимание своих лондонских шефов на «масштабах репрессий», британский военный атташе специально подчеркивал в донесениях, что именно из-за этого-то Красная Армия «не может рассматриваться как способная предпринять наступательную войну»^[117]. Именно такие сведения и нужны были его шефам. Потому как оказание помощи Чехословакии в соответствии с договором от 16 мая 1935 г., для РККА явилось бы наступательной операцией. А раз она не способна

на это, то, следовательно, и нечего с ней считаться, особенно Чехословакии и Франции. Кстати, французского посла — Кулондра — британский военный атташе не без умысла «кормил «теми же сведениями»^[118].

Именно так и создавалась ситуация полной безысходности для Чехословакии, и, как бы само собой, выкристаллизовывалось едва ли не абсолютное алиби для Франции, которая в таком случае могла (якобы) на законных основаниях сначала дезавуировать, а затем и проигнорировать свои же обязательства перед Чехословакией и СССР, что в итоге она и сделала. Следовательно, Англия будет не только свободна от необходимости втягиваться в войну в качестве союзника Франции, Чехословакии и СССР, но и получит полную свободу рук для организации сделки с Гитлером, которая и была совершена, войдя в историю как Мюнхенская. Вот почему британская разведка так уверенно «сливала» Кремлю достоверную, документальную и легко проверяемую информацию о заговоре. Ибо, таким образом, очередному «здоровому дурню истории» — Гитлеру — можно было облегчить решение задачи уничтожения СССР без «поддавков» в виде умышленного поражения СССР в войне, план организации которого был разработан заговорщиками, о чем британской разведке было известно.

Суть британского плана была проста и примитивна, как традиционный английский завтрак из овсянки. Если в 1937 г. заговор «заваливается» и начинаются неизбежно более широкие репрессии против офицерского корпуса, то самое время начать войну именно в 1938 г., когда истечет даже пролонгированный срок действия договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г.! Ибо и воевать-то будет некому. Тем более командовать войсками.

Если же суть британского плана изложить в указывавшихся выше геополитических дефинициях, то необходимо прямо сказать, что Великобритания нацелилась на создание взрывным образом превосходства сил по всем параметрам на стороне гитлеровской Германии. А такое превосходство даже по британским понятиям есть акт неприкрытой агрессии!

Однако и Сталин прекрасно знал из донесений разведки, что Великобритания с нетерпением ждет войны между гитлеровской Германией и СССР не позднее 1938 г. И не только ждет, но и все делает для этого. Но он-то обладал всей полнотой многократно перепроверенной информации о заговоре. С начала 1937 г. Сталин уже располагал точной разведывательной информацией о том, что все-таки нападения в ближайшее время не произойдет^[119]. Именно это и позволило ему, правда, в самый последний момент, ликвидировать назначенный на 12 мая 1937 г. мятеж военных.

Подлинная трагедия тех событий отнюдь не в печальной участи законно репрессированных, особенно расстрелянных. Она в том, что Сталин, что называется, лоб в лоб столкнулся с традиционным для России при любых режимах вопросом: «Что делать?» С одной стороны, — хотя и не сию же минуту, но тем не менее совершенно реальная угроза войны, с другой — реальная угроза осуществления заговора военных дома, фактически — на грани свершения. Потому как на рубеже 1936 — 1937 гг. в число первоочередных задач именно силового переворота вошла также и задача предотвратить полномасштабное вступление в силу новой Конституции СССР 1936 года, против которой крайне резко были настроены практически все представители так называемой ленинской гвардии. И прежде всего потому, что впервые после 1917 г. новая Конституция предоставляла равные права всем гражданам СССР вне какой-либо зависимости от социального происхождения и положения, национальной принадлежности и вероисповедания. Особенно пугало «ленинскую гвардию» твердое намерение Сталина провести в жизнь одно из главнейших положений новой Конституции — реализовать положение о всеобщих, равных, прямых и тайных выборах. Оно именно тем было страшно для них, что с помощью всеобщих, равных, прямых и тайных выборов на альтернативной основе Сталин планировал мирным и демократическим путем осуществить ротацию правящей элиты, поскольку «ленинская гвардия» не желала заниматься созидательным трудом и беспрерывно ставила палки в колеса. Сталин не скрывал своего намерения и прямо говорил, что «всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»^[120]. Аналогичное он планировал сделать и в партии — избрание на выборные должности в партийные органы всех уровней планировалось также на основе всеобщих, равных, прямых и тайных выборов. Попросту говоря, в интересах всех народов СССР Сталин хотел начать подлинную демократизацию страны, провести свободные выборы на альтернативной основе и тем самым мирным путем удалить от власти сложившуюся партократию, продолжавшую жить беспочвенными иллюзиями мировой революции, отстранить от управления экономикой дилетантов, заменяя их уже выросшими при советской власти профессионалами. Он мечтал вернуть страну к спокойной жизни и проводить внешнюю и внутреннюю политику, сообразуясь лишь с национальными интересами России (СССР)^[121].

Это вызвало дикое озверение партократии, состоявшей тогда в основном из «ленинских гвардейцев». Потому как она поняла, что дни ее сочтены и сочтены самым мирным, самым демократическим путем. Именно поэтому-то и произошла тогда многоуровневая консолидация политической

и военной оппозиции антисталинского характера. Первая, из-за своей чрезмерной склонности к болтологии, ничего сама не могла сделать — это были балаболки в самом прямом смысле этого слова, второй же нужна была более возвышенная цель, нежели просто измена. Так эта падаль и объединилась с мразью. И на повестку дня выдвинулся вопрос о необходимости срочного осуществления государственного переворота силами военных, у которых, к слову сказать, был свой, отличный от планов балаболок, замысел.

По словам Молотова, Тухачевский стал торопиться с реализацией заговора, начиная со второй половины 1936 г. Именно тогда и завершалась работа по созданию новой Конституции СССР. Это в точности совпадает и с выявленными на судебном процессе по делу правотроцкистского центра (март 1938 г.) данными. Выяснилось, что из-за резко усложнившейся к осени 1936 г. обстановки в СССР — уже начались аресты видных деятелей антисоветского подполья, в том числе и военных, а также завершалась работа над новой Конституцией, — внутренняя оппозиция в срочном порядке довела до сведения Троцкого настоятельную просьбу о том, чтобы «соглашение, достигнутое троцкистами с германской национал-социалистической партией по вопросу о возможности ускорения войны, облегчающей приход троцкистов к власти, должно быть форсировано во что бы то ни стало». А помочь в этом вопросе — прежде всего конкретно в организации государственного переворота с целью захвата власти — могли только военные.

И вопрос из дилеммы немедленно перерос в трилемму — из двух зол необходимо было выбирать третье! Потому что уж что-что, но недавнюю-то историю о том, как в феврале 1917 г. русские генералы и в целом российская элита подлейшим образом предали царя, Сталин прекрасно помнил. И повторять печальную участь Николая II не собирался. Тем более что заговор Тухачевского самым серьезным образом грозил государственной независимости, суверенитету и территориальной целостности самого СССР — ведь заговорщики планировали территориальные уступки Германии и Японии в обмен на их помощь в перевороте! Не говоря уже о том, что по их милости России была уготована участь «пушечного мяса» и «дойной коровы» для достижения совершенно враждебными ей странами совершенно чуждых ей целей! Да еще и с представлением постСССР под удар объединенных сил англосаксонского Запада! Не говоря уже о смене не только режима, но и строя. Сталин вовсе не намеревался отдать на

порушение оппозиции те феерические, вызывавшие рукоплескания всего мира успехи СССР, которые были достигнуты к тому времени.

Абсолютно правы те здравомыслящие историки, которые откровенно высказывают полностью обоснованное мнение о том, что:

— «...в этих планах (планах оппозиции. — А. М.) не было ничего невероятного — это была всего лишь калька с истории 1917 — 1922 годов, включая путь большевиков к власти, Брестский мир, создание Дальневосточной республики»^[122],

— «...в этом (в планах оппозиции. — А. М.) нет ничего необычного — все очень реально, жизненно... Если некие люди могли в 1918 г. заключить мир с немцами, чтобы ценой территориальных уступок остаться у власти, почему те же самые люди не могли повторить то же через шестнадцать лет? Это ведь были те же самые люди!»^[123]

Но ничего сверхъестественного не было и со стороны Великобритании, в ее реакции на данные своей разведки о заговоре Тухачевского. Соответственно и ответ Великобритании был «традиционным» — «заговор против заговора». Вследствие всего до предела активизировались и испокон веку не ведающие даже тени намека на жалость жернова Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики, куда, в силу полной своей бездарности, «стратеги» во главе с Тухачевским с размаху и угодили. Потому что, вообразив себя под воздействием наущений Троцкого «гениальными», посмели встать поперек:

— как тысячелетней сущности Запада — Агрессии, причем именно же британской ее вариации, посмели поставить под угрозу «британскую морскую силу как единственную гарантию империи и основание Pax Britannica»^[124],

— так и тысячелетней сущности России — Безопасности, ни в малейшей степени не отдавая себе отчета в том, что Советский Союз и был создан по этим же, исконно российским, соображениям!

Но по собственной же преступной дури угодив в такую страшную коллизию, выбраться из нее живыми шансов у них не было! Даже гипотетических! Ни при каких обстоятельствах не было! «Dura Lex, Sed Lex» — Закон суров, но это Закон!

Глава 3. СОРВУ ЛЬ НЕПОНИМАНИЯ ПЕЧАТЬ, ЧТОБ ИСТИНУ ОТКРЫТО ВОЗГЛАШАТЬ?^[125]

Истина — как моря глубина.
Под пеной притч порою не видна^[126].

Более полувека в общественном сознании России господствует убежденность в том, что-де никакого заговора военных в 1937 г. не было, Сталин все это выдумал, чтобы незаконно уничтожить гениальных полководцев, что вообще не было ни военного, ни общеполитического заговора, что все это понадобилось Сталину, чтобы вступить в сговор с Гитлером, дабы разделить несчастную Польшу, инициировать Вторую мировую войну и установить советскую власть по всей Европе!

Хуже того. Со времен Хрущева существует упертая убежденность, что «без Сталина... может быть, и войны бы не было» и даже что «без тридцать седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла Оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел...»?^[127]

Разобраться в этой лжи нам поможет тот, кто более всех был причастен ко всем заговорам против России в первой половине XX в. и кого 1937 г. сурово покарал.

Это опытейший мастер закулисных интриг, видный масон высокой степени посвящения, давний агент германской и австро-венгерской разведок, а впоследствии еще и британской разведки^[128] — Христиан Георгиевич Раковский (1873 — 1941).

Более полувека в отечественной историографии царит табу на использование в исторических исследованиях показаний подследственных 1937 — 1938 гг. Во всем мире использование материалов уголовных и иных следственных дел — общепринятая практика. Только у нас все наоборот. Начисто отрицают даже самую возможность наличия хотя бы одного зернышка истины в таких источниках. Мол, все их показания выбиты силой. Между тем в этих материалах целые континенты Клондайков Истины. Но

упаси вас Господь полагать, что-де окаянные костоломы Лубянки резиновыми дубинками или просто пудовыми кулаками «освежали» память и красноречие, например, того же Раковского, отчего он и стал раскрывать некие тайны. Это было бы в корне неверно. Во-первых, потому, что подследственных по всем крупнейшим делам 1936 — 1938 гг. и пальцем-то не трогали во время следствия на Лубянке. На этот счет было строжайшее указание Сталина. И никто не смел его нарушать и не нарушал. Это уже потом Хрущев, а вслед за ним и Яковлев выдумали сказки о нещадно избивавшихся «кристально честных и несгибаемых партийцах». Тех самых, которых тот же Хрущев в прямом смысле слова пачками сдавал в руки НКВД, причем нередко еще и письменно настаивая на самой крутой расправе с ними^[129]. Иначе он не смог бы обелить самого себя — парадоксальным образом прорвавшегося на вершину Олимпа власти в громадной стране негодяя-троцкиста^[130]. Тем более затруднительно было вразумительно объяснить главное.

Почему, угодив на Лубянку, они добровольно, без какого-либо принуждения сдавали не столько даже десятки своих же подельников (это-то как раз понятно), сколько прежде всего «закладывали» сотни и тысячи ни в чем не повинных людей, что, в последнем случае, и привело к крупномасштабным и действительно необоснованным репрессиям^[131].

Во-вторых, потому, что допросы Раковского осуществлялись на французском языке. Конечно, непрощеный «борец за счастье» народов России, подданный царской Болгарии, а негласно еще и королевской Румынии, сохранявший их паспорта и гражданства вплоть до ареста, вполне сносно глаголил и по-русски. Однако полностью его незаурядный интеллект крупного интригана мирового масштаба раскрывался лишь тогда, когда он переходил на французский язык. Своеобразная дань «революционной моде». Его откровения не должны были стать доступными другим сотрудникам Лубянки. Жесткая иерархия допуска к секретам разных уровней — не обсуждаемая реальность органов госбезопасности. Тем более что в процессе его допросов затрагивались вопросы высшей мировой политики. Так что в данном случае французский язык и «дуэт» резиновой дубинки и пудовых кулаков — никак не совмещались. И, в-третьих, потому, что как масон высокой степени посвящения, давний агент германской и австро-венгерской разведок, перевербованный в 20-х гг. еще и британской разведкой, Раковский знал очень много такого, что относилось к высшим тайнам высшей мировой политики и геополитики. От такого чего-либо добиться дубинкой было невозможно. Как масон высокой степени посвящения, он прекрасно знал, что может с ним произойти, если начнет чересчур откровенничать. Он прекрасно понимал, что за его делом внимательно

следят на Западе. [Запад действительно очень внимательно следил за московскими процессами, особенно в отношении наиболее важных подсудимых, к числу которых и относился Раковский. Понимая, что им никак не отвертеться от ответственности и что в этой связи они вынуждены будут нарушить масонский обет молчания, Запад пытался даже спасти некоторых из них. Но отнюдь не потому, что их шкуры были так уж ценны, а только для того, чтобы они лишку не наговорили на Лубянке и особенно в открытом судебном заседании в присутствии многочисленных представителей мировой прессы и дипломатического корпуса. Это для Запада было страшней чего угодно.]

В Москву был направлен Лион Фейхтвангер — не только как выдающийся писатель и представитель еврейской интеллигенции Германии, но и прежде всего как влиятельный член еврейской масонской ложи «Бнай-Брит». Правда, результатом его визита стала знаменитая книга «Москва. 1937 год. Отчет о поездке для моих друзей», все содержание которой подтверждало справедливость предпринятых Сталиным мер. Однако правда и то, что Сталин все-таки не стал «дразнить гусей» — в открытом судебном заседании ни одно из масонских откровений Раковского не прозвучало. Нет, Сталин не испугался. Напротив, решил приберечь полученные сведения, чтобы использовать их в будущем, что он и сделал^[132]. Тем не менее Запад не успокоился. В какой-то момент попытался даже «конвертировать» шкуры этих подсудимых в некий сговор с Москвой. Менее чем за сутки до оглашения приговора по делу Раковского, то есть на рассвете 12 марта 1938 г., неизвестная мощная радиостанция на Западе несколько раз передала шифром советского посольства в Англии как заклинание одну и ту же фразу: «Помилование, или возрастет угроза наци». Чуть позже весь мир узнал, что в 5 ч. 30 мин. 12 марта 1938 г., по средневропейскому времени, гитлеровские войска вошли в Австрию. А помилования не последовало. Раковский был осужден на длительный срок тюремного заключения^[133].]

Так что хоть бей, хоть не бей. С таким возможно было только договариваться на условии — откровенность в обмен на жизнь. Потому и было решено его допросы вести не только на французском языке, но и с помощью сотрудника личной разведки Сталина. Их вел сотрудник, которого все знали только как Рене Дюваль, хотя это и было ненастоящее его имя. Он владел французским языком лучше любого французского академика-филолога. Протоколы допросов подписывал как Гавриил Гаврилович Кузьмичев. Он же осуществлял и перевод протоколов допросов (они записывались на магнитную ленту) на русский язык. К ним никого не подпускали, даже Ежова. Кузьмичев-Дюваль лично докладывал их Сталину

либо собственноручно запечатывал в особый конверт, вскрыть который имел право только Сталин. Показания Раковского чрезвычайно содержательны и информативны. Что же до того, правду ли он говорил на этих допросах, то, смею вас уверить, подтверждение его показаниям имеется практически по всем пунктам. По ряду из них подтверждения были получены в одних случаях — почти за четверть века, в других и того ранее — за 32 года, а в некоторых и вовсе за полвека либо еще более лет до того, как он это сказал. Не говоря уже о подтверждениях, полученных из текущей информации спецслужб того времени. Практически по всем пунктам подтверждения были получены и в наши дни. Так что источник предлагается не только очень серьезный и солидный, но и достоверный, не говоря уже о том, что и очень интересный. Правда, в некоторых случаях еще и изящно лукавый. Но на то он и был масоном высокой степени посвящения. Однако на достоверности его показаний это не отразилось. И вот еще о чем. Раковский очень часто использует местоимение «Они», и соответствующие его вариации в зависимости от падежа — «Им», «Ими», «Их». На масонском языке так обозначаются высшие иерархи мировой закулисы, чьи имена не принято упоминать всуе, особенно самими «вольными каменщиками» (масонами)^[134]. То ли от незнания, во что не верится, то ли, что скорее всего и было, сознавая, что у «Них» руки очень длинные, и потому опасаясь ответственности — в одном месте своих показаний Раковский прямо говорит, что он хочет избежать всякой ответственности, — Христиан Георгиевич ни разу не обмолвился даже тенью намека на то, что под термином «Они» он подразумевает Комитет 300 и его членов! Не знать о нем он не мог. Если даже и не знал до 1917 г., что должно быть исключено по определению, то абсолютно точно знал о нем с середины 1922 г. Во-первых, потому, что среди этих «Они» первым он назвал Вальтера Ратенау, причем с прямой ссылкой на Троцкого. Ратенау же действительно являлся членом Комитета 300. А, во-вторых, когда 24 июня 1922 г. было совершено покушение на Вальтера Ратенау, приведшее к его гибели, то за мгновение до смерти он произнес, что его убийство — дело рук членов Комитета 300. А незадолго до покушения Ратенау и вовсе разгласил секрет существования Комитета 300. Вот его подлинные слова, опубликованные 11 июня 1921 г. в «Plain English»: «Только 300 человек, все друг друга знающие, управляют Европой. Они избирают преемников из своих. Эти евреи имеют силу сломать любой строй, где и какой признают "не умным". Христианство, по их мнению, безумие, и должно скоро сгинуть». Все эти факты были известны еще тогда — средства массовой информации разнесли их по всему свету. Раковский не мог не быть в курсе этого. Как, впрочем, не мог он не обратить внимания и на то, что Ратенау был убит в Иоаннов день —

«главный праздник» всех масонов. Кстати, как и Ратенау, Раковский тоже свел персоналии этих «Они» к евреям, что в корне неверно. Да, евреи там присутствуют, но не составляют большинства в Комитете 300 и к тому же выступают не с этнических позиций, а только как представители одного из отрядов высшего эшелона финансовой олигархии Запада. На таком уровне не принято руководствоваться этническими соображениями. Там мыслят и действуют только глобально. А вот когда дело доходит до реализации их задумок, то вот тут-то привлекаемые силы и средства могут быть совершенно разные, в том числе и евреи, и еврейский капитал, что, к слову сказать, имеет место быть уже не один век.

§ 1. Итак, во время допроса в НКВД СССР 26 января 1938 г. он показал: «"Они", в конце концов, увидели, что Сталин не может быть свергнут путем государственного переворота, и их исторический опыт продиктовал им решение повторения со Сталиным того, что было сделано с царем!» Это феноменально уникальное признание целого ряда важнейших обстоятельств и фактов:

— что свержение монархии в России дело рук Запада; до него ни один из членов «ленинской гвардии» — представителей «шайки подонков больших городов Европы и Америки» — не признавал этого, тем более находясь в СССР;

— что против царя был использован механизм тандема мировой войны и «революции»;

— что против Сталина предпринималась череда заговоров, ориентированных на государственный переворот, но все безуспешно;

— что в СССР издавна существовала не просто антисталинская оппозиция, а именно же крайне агрессивно настроенная антисталинская оппозиция, готовая, ради достижения «своих» целей, на самые крутые меры — вплоть до государственного переворота и убийства Сталина;

— что эта оппозиция никуда не исчезла;

— что «Они» решили использовать имевшуюся в наличии внутреннюю оппозицию опять-таки в рамках механизма тандема войны и «революции», то есть государственного переворота в условиях войны;

— наконец, что ни «Они», ни сама эта оппозиция никогда не порывали тесной связи друг с другом.

Исторический опыт мог быть востребован только при наличии такой тесной связи. Потому как для применения тандема войны и «революции» необходимо было располагать внутренней «когортой» негодяев. Иначе «революция» не получится.

Для нашего разведывательно-исторического расследования наиболее важно следующее.

1. Что «Они», в конце концов, увидели, что Сталин не может быть низвергнут путем государственного переворота...» За этим «в конце концов» стоит еще более феноменальное признание — что на самом-то Западе давным-давно прекрасно поняли, почему Троцкий, а вместе с ним и сам Запад проиграли Сталину. Черода заговоров с целью осуществления государственного переворота для свержения Сталина в качестве исходной печки, как и любое иное политическое явление, обязана была иметь и действительно имела до крайности бесивший Запад и Троцкого вывод. Вывод о давно сложившемся, непобедимом обычными, бескровными политическими средствами преобладания Сталина, одолеть которое можно было только физическим его устранением, то есть убийством. И Раковский безоговорочно подтвердил это, четко указав на то, что смертный приговор Сталину был вынесен Троцким и его сторонниками еще при жизни Ленина — на рубеже 1922 — 1923 гг. Когда он без году неделю пребывал на посту генерального секретаря партии^[135]. Это напрямую связано с «завещанием» Ленина.

Соответственно и нам до чрезвычайности важно знать не только то, что Запад знал еще тогда, но и прежде всего то, почему его настолько бесило непобедимое обычными, бескровными средствами политическое преобладание Сталина, что в течение 20-х гг. под руководством Троцкого предпринималась черода попыток государственных переворотов ради свержения Сталина.

2. Что, убедившись в полном бессилии внутренней антисталинской оппозиции, «Они», при основании своего «исторического опыта», приняли конкретное решение развязать войну против СССР по сценарию, аналогичному тому, который был использован против царя! Для чего, как поведал Раковский, и привели Гитлера к власти в Германии.

А это означает, что то, что с давних пор вызывало неопишваемое бешенство Запада и вследствие чего Троцкий неоднократно предпринимал попытки государственного переворота, есть суть свидетельства того, что Западу не давали покоя еще со времен Первой мировой войны не достигнутые им глобальные цели. Всего одной фразой Раковский подтвердил это. Потому Запад и рискнул на привод Гитлера к власти — с помощью этого ублюдка он намеревался все-таки достигнуть этих целей.

С другой стороны, констатировав факт полного бессилия оппозиции в деле свержения Сталина путем только внутреннего государственного переворота, Раковский, сам того не подозревая, показал первопричины провала оппозиции в 1936 — 1938 гг., что было связано:

а) с очень сильной переоценкой оппозицией своего значения в политическом и особенно геополитическом пасьянсах Запада, начало чему положил лично Троцкий;

б) с двойной игрой оппозиции с Западом, проистекавшей именно из этой переоценки.

Двурушников и Запад тоже терпеть не может. Потому-то в конце концов и завалил все заговоры оппозиции, в первую очередь, «естественно», заговор военных во главе с Тухачевским. Естественно, не из любви к Сталину, СССР или марксизму. Запад не руководствовался соображениями свержения лично Сталина. В 20 — 30-х годах Запад не считал его равней себе. И свой «исторический опыт» востребовал совершенно по иной причине, нежели просто в порядке удовлетворения собственного искуса проделать со Сталиным то, что однажды уже было проделано с царем.

Западу была нужна война. И не просто война против Советского Союза. И даже не просто Вторая мировая война. Западу было нужно абсолютно гарантированное уничтожение России, хотя бы и Советской. Западу было нужно именно такое абсолютно гарантированное уничтожение России (СССР), которое начисто исключало бы даже тень намека даже на иллюзию какого-либо ее (тем более его) влияния на Восточную Европу, овладение контролем над которой Запад считал ключом к грезившемуся мировому господству. Иначе запланированной глобальной перегруппировки сил было бы не достичь.

На Западе никто и предположить-то не мог, что созданное только для уничтожения геополитических конкурентов «оружие массового поражения» в лице «научного коммунизма», или, проще говоря, марксизм, будет использовано в качестве ширмы:

— во-первых, для воссоздания практически по имперским лекалам столь ненавистой Западу России (хотя бы и в лице СССР) как могучего геополитического фактора всемирного масштаба;

— во-вторых, для интенсивного экономического развития России (СССР), что тем более не предусматривалось Западом;

— в-третьих, для эффективной защиты Советского Союза, особенно в период его военной слабости, путем создания едва ли не тотальной угрозы тылу всего Запада — собственно говоря, все догитлеровские планы нападения на СССР потому и были сорваны.

По мнению Запада, все это создавало исключительно заразительный пример, который угрожал самим его основам. Ну, ведь не для того же там выдумывали весь этот «марксизм», чтобы самим же и угодить если и не в могилу, то, по крайней мере, в глубокую яму, вылезти из которой было бы

крайне трудно. Такое использование предназначенного только для разрушения «оружия массового поражения» в сталинском СССР буквально до осатанения бесило Запад. Тем более что за кулисами этого процесса в СССР постепенно подготавливались предпосылки для полной девестернизации и деленинизации страны и государства. Подготавливались и необходимые предпосылки для полной демократизации внутренней жизни в интересах всего народа, проведения внешней и внутренней политики, сообразуясь лишь с национальными интересами России (СССР). Тут уж бешенству Запада и вовсе не стало предела.

[На Западе давно зафиксировали первые признаки будущих перемен. Из содержания документов британского МИДа — Foreign Office 37/11779 № 319 и № 560/53/38 27 Jan. and 11 Feb. 1926 — Видно, что уже в то время официальный Лондон обратил свое Внимание на то, что советское партийно-государственное руководство стало переходить к политике (как внешней, так и внутренней) с использованием «национальных инструментов». Ничего удивительного в том не было. Сталин откровенно отринул курс на «мировую революцию» чуть ли не сразу после похорон Ленина и открыто провозгласил курс на строительство социализма в отдельно взятой стране и в интересах всего народа. Кстати, он и до «октябрьского переворота» никогда не был сторонником «мировой революции» как таковой. Примечательно другое. Если у Лондона тревогу вызвал переход советского партийно-государственного руководства к политике с использованием «национальных инструментов», то Ведь это однозначно свидетельствует о том, что проводившаяся до этого политика базировалась на использовании «антинациональных инструментов». Учитывая же, что по времени тревога Лондона совпадает с началом постленинского периода в истории СССР, следовательно, базировавшаяся в ленинский период на использовании «антинациональных инструментов» политика явно устраивала Великобританию, да и весь Запад тоже. Как и в наше время. Пока у Власти находился уничтожавший Россию вечно пьяный «Е. Б.Н.», Вся западная и внутренняя сволочь радостно вопила о «демократии» В России. Но едва только Путин попытался навести хотя бы некое подобие порядка в стране, вся эта сволочь тут же начала гундосить о нарушениях «плав человека» и «попрании демократии». А ныне те же "стрелы" полетели и в адрес Д. А. Медведева]

Однако для **PERFIDIOUS ALBION** не было секретом, что, невзирая на социалистическую демагогию, в едва заметной квазигеополитической форме, но с характерной только для Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики потрясающей эффективностью еще в период 1917

— 1922 г. сработало основополагающее, абсолютно непримиримое, глобальное геополитическое противоречие между **АГРЕССИЕЙ** как сущностью и базовой ценностью Запада, которую Ленин, Троцкий и К° пытались навязать России, и **БЕЗОПАСНОСТЬЮ** как сущностью и базовой ценностью России. Оно не только едва ли не в буквальном смысле физически заставило Ленина, Троцкого и К° считаться с собой как с наиглавнейшей базовой ценностью, но и осмысленно выдвинуло на авансцену Сталина. Прежде всего как искренне отстаивавшего эту наиглавнейшую базовую ценность России лидера национально-державного течения в партии! И после всех титанических усилий по уничтожению России Западу пришлось-таки, скрежеща зубами, считаться с русским фактором в мировой политике и даже пойти на дипломатическое признание Советского Союза. Запад еще тогда прекрасно понял, почему направленные в Россию только разрушать и грабить, причем даже не в своих личных интересах и изначально абсолютно безучастные к идее единой России, тем более ее возрождения на новых принципах, Ленин и К°, а также Троцкий и К° вынужденно действовали вопреки всем своим первоначальным планам, целям и договоренностям с Западом. Соответственно для Запада не стало секретом, почему в итоге они оказались вынуждены восстановить, хотя и территориально в слегка урезанном виде — из-за своих же глупейших авантюр, — все ту же единую и неделимую Россию (хотя бы и в лице СССР), разрушать и грабить которую они были направлены!

Сразу же оговорюсь, что Сталин никакого отношения к такой политике Ленина не имел. Он еще в апреле 1917 г. выступил против провоцирования Лениным национального сепаратизма и в дальнейшем принципиально не сходил с этой позиции! В отличие от Ленина, цинично заявившего на 7-й конференции РСДРП(б), что он и его сторонники к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны, ибо «в этом ничего худого нет», Сталин еще до октября 1917 г. уже занимал жесткую позицию, суть которой он сам же сводил к следующему: «Я могу признать за нацией право отделиться, но это еще не значит, что я обязан это сделать». Более того, уже тогда Сталин открыто заявлял, что, по его мнению, «⁹/₁₀» народностей после свержения царизма не захотят отделиться... Должно расти тяготение к России». Более того. Еще до октября 1917 г. Сталин открыто выступал против безумия ленинского принципа федерализма, заявляя, что для России «неразумно добиваться... федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение», поскольку «неразумно и реакционно... порвать уже существующие экономические и политические узы, связывающие области между собой». А с марта 1918 г. он стал все более и более ужесточать свою

позицию в вопросах геополитического будущего России именно как единого и неделимого государства — ужесточал в условиях Брестского мира, с которым вынужденно мирился из-за отсутствия должных сил и временного преобладания авторитета Ленина!

Наивысшего апогея державная позиция Сталина достигла впоследствии. В 1937 г., после ликвидации первоочередных угроз государственного переворота и расчленения СССР, на обеде у К. Е. Ворошилова по случаю 7 ноября 1937 г. он заявил: «Русские цари сделали одно хорошее дело — склотили огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые, мы, большевики, сплотили и укрепили это государство как единое, неделимое государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство. Мы объединили государство таким образом, чтобы каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только не нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства; кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью...»^[136] Жестко?! Да! Более того — жестоко! Но государственная независимость, суверенитет и территориальная целостность кровью, потом и трудом десятков поколений, веками же создававшейся державы от сотворения мира отстаиваются самыми жесткими, а при необходимости и жестокими, в том числе и самыми жестокими, методами! В известном труде Н. Макиавелли «Государь» есть такие строки: «Отечество надо защищать честным или хотя бы бесчестным образом. Все средства хороши, лишь сохранена была бы целостность его. Когда приходится обсуждать вопрос, от решения которого единственно зависит спасение государства, не следует останавливаться ни перед каким соображением справедливости или несправедливости, человечности или жестокости, славы или позора, но, отбросив всякие соображения, решиться на то, что спасает и поддерживает». Иного нет — это аксиома-заповедь Истории! Иначе нет ни государства, ни страны. Вот и решите — кто же был прав: Ленин или Сталин? И не обращайтесь на идеологический флер — не в нем же суть. Но помните, что как только вся внутренняя сволочь начинала свою болтологию под лозунгом «Назад — к Ленину!», речь шла только об уничтожении России! В 1937 г. Сталину удалось, да и то в самый последний момент, ликвидировать эту смертельную угрозу, однако, к глубочайшему сожалению, через двадцать лет

не ликвидированный своевременно троцкист Хрущев реанимировал эту угрозу и Держава пошла вразнос. А когда «Михаил-меченый» с 1985 г. в процессе своей катастрофы вновь начал это преступное движение «Назад — к Ленину!» — и вовсе Державы не стало!

Почувяв к концу 20-х — началу 30-х гг. новую востребованность в планах Запада, внутренняя оппозиция неуместно сильно увлеклась едва ли не тотальной переоценкой своей значимости в его политическом и геополитическом пасьянсах. Запад же видел ее всего лишь на подчиненных ролях, да и то второго плана. И только. Запад прекрасно отдавал себе отчет в том, что еще в 1917 — 1922 гг. разрушившим все его планы был... «гениальный вождь мирового пролетариата» В. И. Ленин, к которому и предлагала «вернуться» оппозиция. Именно поэтому-то Запад и не желал реанимации даже тени намека на то, что тогда произошло.

§ 1/1. Суть этой позиции Запада феноменально четко показывает, почему он так разозлился на «октябрьский переворот» и на его не ожидавшиеся им последствия. Дело в том, что необходимость устройства «октябрьского переворота» в 1917 г. Ленин еще до его совершения обосновал в поданной в конце сентября 1917 г. в ЦК РСДРП(б) записке потребностью «спасения революции и для спасения от "сепаратного" раздела России империалистами обеих коалиций»?!^[137] То был потрясающий политико-геополитический кульбит «вождя». Потому как он предложил спасение именно от того, из-за чего, собственно говоря, тевтоны совместно с Антантой и забросили его в Россию! Ведь и тем и другим нужен был распад и расчленение России ради прекращения войны и ослабления России на будущее, а впоследствии и полная ее ликвидация как геополитического фактора планетарного масштаба. Именно в этом смысле Ильич со своими воплями «о праве наций на самоопределение» представлялся Западу идеальным на тот момент инструментом для реализации своих планов. А к скрывавшемуся за этим внешне красивым и притягательным лозунгом национальному сепаратизму Ленин и К^о относились не столько даже равнодушно, сколько как к явлению, находящемуся в прямой связи с его революционным движением, чуть ли не как к неотъемлемой его составной части. Между тем они не могли не видеть того, что это был не национальный, а сугубо националистический сепаратизм. То есть к тому, что способствовало тотальному разрушению Русского государства — к не скрывавшемуся националистическому сепаратизму, — Ленин и К^о относились благожелательно. Если с принципиальных геополитических позиций посмотреть на то, что же тогда

Ленин сделал признававший националистический сепаратизм как явление, находящееся в непосредственной связи с революционным движением своим «обоснованием» необходимости «октябрьского переворота», то убедимся, что перед нами потрясающий, уникальнейший парадокс. Сам того явно не подозревая, таким «обоснованием» необходимости свершения «октябрьского переворота» Ленин привел в действие ту часть Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики, на логике которой и базируется русская государственность как таковая вне какой-либо зависимости от господствующего на российской территории режима. После этого любая попытка вновь декларировать «право наций на самоопределение» автоматически была обречена на провал. Потому как в корне противоречила бы самим основам русской государственности, пиками создававшейся именно же по соображениям **БЕЗОПАСНОСТИ**. А вследствие этого националистический сепаратизм окраин, а также «самостийность» ряда сугубо русских регионов, представляя в первую очередь колоссальную угрозу существованию самой России, угрожали и национальному бытию и самих этих окраин и регионов, которые были бы раздавлены империалистами обеих коалиций. То есть, сам того явно не желая и вопреки всей своей разрушительной политике, Ильич внезапно произвел мощнейшую геополитическую прививку всей России от инфекции своих же разрушительных планов! Потому-то яростное сопротивление всей России иностранным интервенциям приобрело естественный для нее патриотический характер, даже невзирая на все идеологические выверты того времени. И, кстати сказать, именно из-за этого-то громадное количество офицеров и генералов царской армии перешло на сторону революции, не разделяя, естественно, каких бы то ни было «измов».

(Интересна и «природа» появления такого «обоснования». Дело б том, что б отношении планов тевтонов Все более или менее понятно — как-никак, но «гениальный вождь мирового пролетариата» якшался с представителями германского генштаба и германской разведки и потому в той или иной степени знал их планы, иначе бы не сошлись. Что же до планов второй коалиции, то есть Антанты (без России, естественно), прежде всего Англии, Франции и США, — на первый взгляд совершенно непонятно, откуда он мог знать об этом, тем более прохладаясь в шалаше в Разливе. Да, действительно, не в меру подлые союзнички России по Антанте стали практически готовить такую акцию еще с 1916 г. Но, во-первых, она ведь готовилась втайне, особенно от России. Во-вторых, окончательное решение об интервенции западная сволочь приняла лишь 15(28) ноября 1917 г. И, в-третьих, конвенцию о разделе России на сферы влияния англо-французские подонки подписали только 10 (23) декабря

1917г.! Так вот как. он мог заранее знать об этом, сидя, в шалаше и не имея даже зачатков разведки?! Говорить о прозорливости «вождя» не приходится — он не предвидел ни Первой мировой Войны, ни даже так называемой февральской революции^[138].

Ответ только один — «гениальный Вождь» действовал не столько по германскому «сценарию», хотя внешне оно вроде бы так и выглядело, сколько по антантовскому, прежде всего британскому, а в ряде вопросов и по совместному англосаксонскому, то есть англо-американскому «сценарию»! И он же обрушил все их планы! Такое не только не забывается, но и не прощается! Между тем оставшаяся В СССР оппозиция не только была представлена сплошь его «учениками», но и шаблонно, по «вождю» же мыслившей политической силой. Правда, в основном-то мнившей себя в таком статусе. Ну и на кой же черт они были нужны Западу?]

Но это была не единственная геополитическая прививка. По тактическим соображениям сворованный им у эсеров лозунг «земля — крестьянам», но выдвинутый как стратегический, в сочетании с указанным выше «обоснованием» необходимости осуществления «октябрьского переворота» — «спасением России от сепаратного ее раздела империалистами обеих коалиций», — также мгновенно превратился в очередную мощную геополитическую прививку всей России от инфекции любых его разрушительных планов! Ведь лозунг «земля — крестьянам» был произнесен как программный стратегический в крестьянской стране, уже не один год воевавшей малопонятно из-за чего. Более того, в стране, армия которой в абсолютном своем большинстве была крестьянской и состояла из крестьян, как мало, в том числе и очень малоземельных, так и вовсе безземельных, и которая в массовом порядке тогда дезертировала, потому что уже давно шел стихийный процесс самозахвата земель. Проще говоря, солдат-крестьянин ринулся домой за землей. Лозунг же «земля — крестьянам» в мгновение ока превратил стремглав дезертирующего домой за землей безземельного солдата-крестьянина в крестьянина-солдата, обладающего землей!

Все! После этого революция постепенно, поначалу даже и не очень-то заметно, но стала отдавать исконно русским, мужицким, сермяжным духом! Это ведь только в арифметике от перемены мест слагаемых сумма не изменяется. В геополитике же — напротив, самым диаметрально противоположным образом все изменится. Ленин явно не осознавал конечных, тем более столь глобальных геополитических последствий использования таких лозунгов. Вся его политика строилась на известной заповеди Наполеона — «On s'engage et puis... on voit». То есть сначала надо ввязаться в серьезный бой, а

там уже видно будет»! И в результате, руководствуясь всего лишь тактическими соображениями первого этапа «переворота», он неосознанно и за очень короткое время уже во второй раз привел в действие основной механизм второй части Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики, на логике которой и базируется русская государственность. Ленин действительно не предвидел конечного результата — его задача на первом этапе так называемой Октябрьской революции в том и состояла, чтобы выполнить обещания, данные тевтонам, то есть прежде всего вывести Россию из войны, пускай даже и самым позорным образом. Вот почему первыми и оказались — дуэтом же — декреты о мире и земле. И надо отдать должное тем, кто его засылал, — они правильно все поняли. Через два дня после свержения Временного правительства граф Чернин — министр иностранных дел уже откровенно дышавшей на ладан Австро-Венгрии — телеграфировал в Берлин свою оценку произошедшего: «Сумеет ли Ленин и его коллеги удержаться у власти более или менее продолжительное время — это, вероятно, вопрос, на который никто не может ответить. Именно поэтому необходимо ловить момент и предложить любую помощь, чтобы вопрос о мире стал свершившимся фактом. Если бы ленинистам удалось осуществить только обещанное перемирие, даже тогда, как мне кажется, мы одержали бы почти полную победу на русском участке, так как, если наступит перемирие, русская армия, в ее теперешнем состоянии, хлынет в глубь страны, чтобы быть на месте при переделе земли»^[139].

Но знал бы граф, что за этим последует! Абсолютный крах всех планов по уничтожению и тем более расчленению России был фатально неизбежен! Потому что после того, как едва ли не в мгновение ока были произведены две мощные геополитические прививки от любых разрушительных планов, сколько ни бубни «о праве наций на самоопределение», но любые попытки сепаратного расчленения России были автоматически обречены на провал! Потому как на чью сторону встанет внезапно обретший землю крестьянин-солдат, даже и не русский по национальности?! Да еще и в ситуации иностранной интервенции и активности Белого движения, стремившегося вернуть прежние порядки?! Ответ очевиден. Потому как воздействие этих случайных, не сознательно и уже тем более не целенаправленно в интересах народа осуществленных «прививок» прошло через души и сердца десятков миллионов людей крестьянской страны и в итоге превратилось в неодолимую народную силу. Даже невзирая ни на какие, в том числе и кровавые выверты того времени.

Оно и не могло быть по-иному. Задолго до рискованного и так дорого обошедшегося России «социального эксперимента» один из самых выдающихся светочей русской политической мысли, фактический

основоположник русской школы геополитики — Н. Я. Данилевский указывал на одну принципиальную особенность реакции России на любые социальные эксперименты с ней: «Но как ни внешне наше русское просвещение, как ни оторвана наша интеллигенция (в большинстве своем) от народной жизни, она не встречает, однако же, в русском народе и в России **TABULAM RASAM**^[140] для своих цивилизаторских опытов, а должна, волею или неволею, сообразовываться с веками установившимся и окрепшим народным бытом и порядком вещей. Для самого изменения этого порядка интеллигенция принуждена опираться, часто сама того не замечая, на народные же начала, когда же забывает об этом (что нередко случается^[141]), то народ, составивший долгим историческим опытом общественный организм, извергает из себя чуждое, хотя бы то было посредством гнойных ран, или как бы облегает его хрящеватую оболочкою и обособляет его от всякого живого общения с народным организмом. И чуждое насаждение, в своей мертвенной формальности, хотя и мешает, конечно, правильному ходу народной жизни, но не преграждает его, и она обтекает и обходит его мимо». Все получилось точно по Данилевскому. Принужденные, сами того не замечая, опираться на народные же начала для изменения самого порядка вещей, Ленин и К°, пускай и случайно, но осуществили мощные геополитические прививки. После таких прививок победить такой народ невозможно. Тем более было невозможно навязать, особенно в абсолюте, волю к геополитическому разрушению. И иного не могло быть по определению. Белое движение, к слову сказать, поскользнулась именно на вопросе о земле и, конечно же, на сотрудничестве с Антантой, откровенно не желавшей восстановления единой и неделимой России. Дело, кстати говоря, еще и в том, что после таких прививок на политическом и геополитическом уровнях в действие автоматически вступил давно описанный теми же К. Марксом и ф. Энгельсом закон монополии — помните, «вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар пробуждается алчность». В данном случае знаменитое **LIBIDO DOMINANDI**, то есть «**СТРАСТЬ К ВЛАСТВОВАНИЮ**». Ведь в порядке спасения от сепаратного раздела России империалистами обеих коалиций руками обретшего землю крестьянина-солдата была установлена политическая «монополия заселения» большевиков (как общего в тот момент названия движения) со всеми автоматически же вытекающими отсюда последствиями для их же политической «монополии пути сообщения». А это в соответствии с логикой Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики неминуемо — даже невзирая на все зверства, творившиеся в те времена — вело к восстановлению национального суверенитета,

независимости и территориальной целостности России^[142]. Проще говоря, к восстановлению столь ненавистой Западу единой и неделимой России! Что в итоге и было сделано, хотя бы и в лице СССР!

К слову сказать, легендарный гуру англосаксонской геополитики Маккиндер еще в самом начале XX в. откровенно предупредил правящую Элиту Великобритании и всего Запада о том, что никакая социальная революция не сможет изменить отношение России к великим географическим границам ее существования. Потому как они тождественны понятию ее Безопасности, Безопасности ее бытия вообще, то есть прежде всего как страны, а не только как государства. Увы, пророков и на Западе не слушают и не слышат.

Если обобщенно, то инспирированная Западом «русская революция», особенно же «октябрьский переворот», с самого начала пошла не тем путем, который был изначально согласован, с одной стороны, между Лениным и К^о и тевтонами, Лениными К^о и англосаксонским Западом, с другой — между Троцким и К^о и Западом (в первую очередь англосаксонским), и, наконец, между Лениным и К^о и Троцким и К^о. Неосознанно произведенные Лениным мощнейшие геополитические прививки всей России против его же разрушительных планов в результате инициировали процесс зарождения и быстрой выкристаллизации в ближайшем же тогда будущем острейшего, абсолютно непримиримого, глобального противоречия между «коммунистами» и «большевиками». А уже в горниле самой «революции» и спровоцированной при прямом соучастии Запада братоубийственной Гражданской войны, как исторически само собой разумеющееся, это противоречие перековалось в фатально неизбежные две мощнейшие одноименные политические силы, предрешив тем самым и их мощнейшее столкновение «стенка на стенку» в будущем! Потому как с помощью именно большевиков, если по Данилевскому-то, народ и стал постепенно извергать «из себя чуждое, хотя бы то и было посредством различных гнойных ран». А если оно еще не было возможным в полной мере, то «как бы облегал хрящеватую оболочкою и обособлял "чуждое" от всякого живого общения с народным организмом. И чуждое насаждение, в своей мертвенной формальности, хотя и мешало, конечно, правильному ходу народной жизни, но не преграждало его, и она обтекала и обходила его мимо». Этим «чуждым насаждением» и были так называемые интернационалисты-космополиты в лице присланных с Запада «марксистствующих доктринеров» — «коммунистов», основной костяк которых составляли прибывшие вместе Лениным и Троцким эмигрантские «шайки подонков больших городов Европы и Америки». Для этих не было ничего святого и ничто для них не имело значения, кроме разрушения России и «мировой революции», в

которой России они отводили роль «вязанки хвороста». На Россию им было откровенно наплевать, что, к слову сказать, они и не скрывали. Лидером этой группы был Троцкий. «Большевики» же открыто ассоциировались, пускай, особенно на первых порах, с квази-, но именно же с имперски-ориентированным патриотическим, великодержавным крылом в партии, которое выступало за территориальную целостность России едва ли не полностью в рамках границ прежней империи и ее возрождение на новых началах и принципах. Эту группу объективно возглавил Сталин.

И сколь бы враждебны по отношению к России ни были Троцкий и К°, а также подавляющая часть шайки Ленина и К° — за вычетом, естественно, группы Сталина, принципиальные разногласия которого с Лениным во взглядах на будущее России начались еще до октября 1917 г., а с 1918 г. так и вовсе нарастали в своем накале, — но ситуация объективно сложилась так, да и не могла она по-иному сложиться, что друг без друга, особенно на первом этапе, они не могли ни существовать, ни тем более действовать. Чтобы «интернационалисты-коммунисты» смогли решить в России возложенные на них Западом задачи, а затем еще и разжечь, как тогда им грезилось, пожар «мировой революции» — Ленин даже изобрел химеру так называемой полевой революции, — им необходимо было оставаться в России. Пускай даже и в бушевавшем тогда океане всевозможных кровавых страстей, которые они же в основной массе и спровоцировали. Однако и выступавшему за территориальную целостность России и ее возрождение на новых началах и принципах квазиимперски ориентированному, патриотическому, великодержавному крылу в лице большевиков тоже было необходимо удержаться у власти, иначе и их планы рухнули бы. Проще говоря, не имея хотя бы элементарной опоры, невозможно было даже мечтать о реализации каких-либо амбициозных планов. Однако же, оставаясь в России, первые вынуждены были — ради спасения собственных эмигрантских шкур — действовать, причем вопреки своему же заданию, рука об руку с большевиками. Потому и получилось, что изначально абсолютно безучастные к идее единой России, ее возрождению на новых принципах, направленные только разрушать и грабить, вопреки всей ожидавшейся от них логике действий, они, напротив, совместно с большевиками воссоздали практически то же самое, что и разрушили.

Так что, хотя и не без лукавства, но в определенном смысле Раковский был прав, заявив на том допросе следующее: «...Революция победила; завершился захват власти. Встает первая проблема: мир, а с ним и первые разногласия внутри партии, в какой участвуют силы коалиции пользующиеся властью... Слишком хорошо известно насчет борьбы, развернувшейся в Москве между приверженцами и противниками

Брестского мира... Уже здесь определилось и выявилось то, что потом было названо троцкистской оппозицией, т. е. это люди, часть которых в данный момент уже ликвидирована, а другая часть должна быть ликвидирована; все они были против подписания мирного договора... Ленин, опьяненный властью, при содействии Сталина, который тоже уже попробовал сладость власти^[143], поддерживаемые национальным русским крылом партии, располагая материальной силой, навязали свою волю. Тогда вот и родился "социализм в одной стране", т. е. национал-коммунизм, достигший на сегодняшний день своего апогея при Сталине».

Троцкий же не мог гарантировать не повторения уже пройденного. Несмотря на достаточно мощный его интеллект, это было далеко за пределами его разумения и сил. Одно то, что, едва выехав из СССР и только-только прознав о начале прямого финансирования Гитлера со стороны хорошо известных ему американских банкиров Уорбургов, Троцкий ляпнул, что вся банда его сторонников сможет вновь собраться вместе, когда для этого представится какой-либо новый случай, например, война или новое вмешательство Европы, которая смогла бы почерпнуть смелость из слабости правительства» — лучшее тому доказательство. *[Кстати говоря, одновременно это стало и заблаговременным подтверждением показаний Раковского — как в том смысле, что против царя был использован разрушительный механизм войны в тандеме с «революцией», так и в том, что было решено применить против Сталина то же самое «оружие».]* Потому что, в отличие от Запада, он и тогда, в 20-х гг. прошлого столетия, ни в коей мере не отдавал себе отчета в том, что нет ни малейшего шанса для исчезновения или хотя бы приглушения остроты возникшего непримиримого, глобального, стратегического противоречия. Он попросту не понимал, что ни квазигеополитическая форма, ни упаковка из туфты социалистической брехологии не могут ни сгладить, ни тем более примирить основополагающее, абсолютно непримиримое, глобальное геополитическое противоречие между **АГРЕССИЕЙ** как сущностью и базовой ценностью Запада и **БЕЗОПАСНОСТЬЮ** как сущностью и базовой ценностью России. Он попросту не понимал, что острота этого противоречия будет только нарастать, объективно создавая массивный перевес сил на стороне Сталина и его группы, а следовательно, фатально неминуем и его, «беса мировой революции», тотальный крах, свершение которого было всего лишь делом времени. И зависел он только от времени достижения группой Сталина победоносных успехов. Потому что ее нежелание заниматься идиотскими химерами «мировой революции», но стремление реорганизовать и возродить на новых началах и принципах Россию, сделать ее поистине Великой Державой как по форме, так и тем

более по смыслу абсолютно соответствовало сущности и базовой ценности России (СССР) и ее народов — **БЕЗОПАСНОСТИ!**

Периодически дело доходило в определенном смысле едва ли не до смешного. Чем больше Троцкий нападал на СССР и Сталина, тем меньше Западу хотелось его поддерживать. В этом смысле очень любопытны поведение и заявления именно же видных в то время евреев Запада. Так, едва только Троцкий оказался выкинутым из СССР, как сразу два виднейших еврейских писателя Эмиль Людвиг и Лион Фейхтвангер обвинили его в сотрудничестве с фашистами. Известный же американский сионистский деятель Стефан Уайз, в свою очередь, мотивировал свой отказ принять участие в работе комиссии по расследованию московских процессов тем, что Троцкий ведет себя недобросовестно, поднимая в связи с этими процессами еврейскую тему. «Если и другие его обвинения, — заявлял Уайз, — столь же беспочвенны, как его жалоба по поводу антисемитизма, ему вообще нечего сказать»^[144]. Ему вторил главный редактор нью-йоркской газеты «Дер Тог» Б. Ц. Гольдберг, который писал: «Чтобы победить Сталина, Троцкий находит возможным изображать СССР страной антисемитизма... Разве честно писать об этом, когда это не так? ... Непростительно, что Троцкий предъявляет такие необоснованные обвинения Сталину»^[145]. Конечно, при всем том, что они говорили абсолютную правду, за кулисами последней скрывались сугубо геополитические соображения. Наиболее ярко это прозвучало в известном ответе выдающегося американского писателя Теодора Драйзера. Когда в 1933 г. «кореш» Троцкого — известный американский публицист Макс Истмэн — обратился к Т. Драйзеру с просьбой выступить в защиту арестованных в СССР сторонников Троцкого, писатель ответил следующее: «Я поразмыслил, серьезно, как на молитве, об этом деле, касающемся Троцкого. Я очень сочувствую его сторонникам в том положении, в которое они попали, но тут встает вопрос выбора. Какова бы ни была природа нынешней диктатуры в России — несправедливая или как хотите, — победа России важнее всего. Я согласен с Линкольном: нельзя менять лошадей при переправе через поток. Пока нынешнее напряженное военное положение не смягчится — если только существует возможность его смягчения — и пока вопрос о японской опасности не прояснится, я не хотел бы делать ничего такого, что могло бы нанести ущерб положению России. И, с божьей помощью, не сделаю»^[146]. «Оригинальный» по своей учтивой дипломатичности ответ писателя не оставляет ни малейшего сомнения в том, какими реально соображениями в тот период руководствовалась интеллектуальная элита Запада. Ну а если еще и понять, что в действительности-то заговоры Троцкого, как правило, умышленно

«заваливались» самим же Западом, то и вовсе станет понятно, что тут к чему. Западу просто надоела неумная активность «беса мировой революции». Ибо он уже всерьез мешал реализации основного, глобального заговора Запада против России. И более чем характерно то, как и когда Запад убрал осточертевшего ему «беса» из Европы. Произошло это в декабре 1936 г., то есть практически в самый канун свершения заговора военных во главе с Тухачевским, о чем знала британская разведка! Подчеркиваю, что в тот момент никто, кроме Запада, не мог убрать Троцкого из Европы. Правительство Норвегии, где он тогда обитал, могло прислушаться только к требованию Великобритании, но никак не Сталина.

Это-то и означало, что Запад не был намерен повторять пройденное еще в 1917 — 1922 гг.! Его наиглавнейшей целью в уже подготавливавшейся Второй мировой войне должно было стать безальтернативное превращение России (СССР) — руками злоумышленно приведенного к власти Гитлера — в **«РУССКУЮ ПУСТЫНЮ»**, где не было бы более ни Сталина, ни Ленина, ни Троцкого, ни вообще каких-либо «бесов мировой революции», ни тем более Гитлера, которого, после выполнения задания Запада — «продвинуть сущность Запада далеко на Восток», — тот же Запад планировал прихлопнуть как муху! Ведь так оно легче осваивать «пустыню» — считаться не с кем! Да и «захоронить» в «пустыне» бесславные для Запада итоги первого эксперимента тоже проще пареной репы! Не говоря уже о бесчисленных человеческих жертвах всех его «социальных экспериментов» с Россией.

Собственно говоря, потому-то СССР и стал единственной страной-жертвой гитлеровской агрессии, где не оказалось «пятой колонны»! То была заслуга не только Сталина, резоны которого понятны, иначе он не обеспечил бы условия для достижения советским народом Величайшей в истории человечества Победы, но и Запада тоже!^[147] Однако, еще раз подчеркиваю это особо, отнюдь не в силу никогда не испытывавшегося им русофильства и уж тем более советофильства! Просто тогда Западу необходимо было любой ценой добиться превращения СССР в **«РУССКУЮ ПУСТЫНЮ»**! И ради этого он не считался ни с кем и ни с чем!

§ 2. Говоря о Брестском мире, Раковский заявил, что «этот мир был ошибкой и бессознательной изменой Ленина интернациональной революции». И предварил такое утверждение рассуждениями о подлинной сущности «интернациональной» в его, масона высокой степени посвящения, понимании «революции», которые представляют колоссальную ценность, ибо раскрывают одну из главнейших целей объявленной Перманентной мировой войны в тандеме с «революцией», в первую очередь против России.

Поэтому, прежде чем перейти к анализу его заявления о «бессознательной измене Ленина интернациональной революции», придется разобраться в том, что же в действительности мировая масонерия понимала под термином «интернациональная (мировая) революция». Ведь именно с ней он увязывал суть смертельного антагонизма между Сталиным и Троцким, проигрыша последнего первому, а также надежды Запада на Гитлера, поперек которых впоследствии сдуру встали «гениальные стратеги» во главе с Тухачевским.

Если вкратце, то суть его рассуждений сводится к тому, что в мире существуют два Интернационала — финансовый и пролетарский. Но не порознь, а действующие рука об руку, причем пролетарский Интернационал находится в услужении финансового Интернационала, или, как он его называл, Капинтерна.

§ 2/1. Это адекватно историческим реалиям. Выдающийся государственный и политический деятель Великобритании Бенджамен Дизраэли (лорд Биконсфилд) еще в 1852 г. отмечал, что «в союз с коммунистами вступают самые умелые дельцы и манипуляторы собственности; самые необычные и выдающиеся люди действуют рука об руку с подонками низших слоев Европы»^[148]. Дизраэли прекрасно знал, что он говорил. Именно в его времена и завелась эта мода на использование коммунистов в глобальных интересах крупного капитала. Взгляните на приводимую ниже уникальную карикатуру — «Карл Маркс в окружении банкиров и политиков Уоллстрит».

То, что она была нарисована в 1911 г., ни в коей мере не должно смущать. Тут ведь главное — смысл, а не дата. Не говоря уже о том, что карикатура резюмирует суть многолетней деятельности К. Маркса (а заодно и его «кореша» — Ф. Энгельса). А суть его деятельности в... неописуемом восторге на лицах «самых умелых дельцов и манипуляторов собственностью», в том невероятном почтении, которое «самые необычные и выдающиеся люди» выражают «основоположнику научного коммунизма»! И знаете за что? А за то, что он дал им уникальную формулу объединения национального и социального с ненавистью идеологического (а при необходимости и религиозного) экстаза ради необратимого сокрушения и уничтожения любых конкурентов, в том числе и особенно геополитических! Потому-то К. Маркс и стоит на Уоллстрит с «учением о социализме» под мышкой! В свое время Пальмерстон для того и «нанял» его в состоявшую из сильных интеллектуалов свою особую агентурную сеть, чтобы он разработал это «универсальное оружие массового идеологического поражения» любых конкурентов, способное привести их к геополитическому, политическому и финансово-экономическому краху! А

когда оно было создано, то первым, кто его опробовал именно глобально, как раз и был Дизраэли. С помощью этого «оружия» — I Интернационала, Парижской коммуны и коммунистической брехологии на базе разработанного К. Марксом и Ф. Энгельсом «Манифеста Коммунистической партии» — Великобритания Дизраэли еще в начале 70-х гг. XIX в. смогла: сокрушить французскую империю Наполеона III, выхватить у Франции контроль над Суэцким каналом, создать германский противовес России, а самое главное, заложить основы механизма перманентности мировой войны в тандеме с перманентной революцией. Вы только оцените глобальный масштаб итогов уже только первого применения «универсального оружия массового поражения»! Основное предназначение К. Маркса и Ф. Энгельса в том и заключалось, чтобы внешне никак не причастными к британскому государству методами и способами инспирировать подрывную, антигосударственную деятельность против тех стран, которые Соединенное Королевство считало своими врагами. А в этом списке Россия занимала (и занимает) ведущее место уже пятый век кряду, соответственно, и деятельность этих крупнейших международных бандитов XIX в. была ориентирована против России, чему особо весомое свидетельство — история создания I Интернационала^[149].

Не меньше Б. Дизраэли понимавший в политике и истории известный германский ученый и публицист Освальд Шпенглер впоследствии жестко припечатал: «Не существует ни пролетарского, ни коммунистического движения, которые бы не действовали в интересах денег, в направлении, указанном деньгами, и, до поры до времени, разрешенного деньгами, — при этом среди их руководителей нет идеалистов, не имеющих об этом ни малейшего понятия»^[150].

"DEE-LIGHTED"

§ 2/2. Рассуждая о сути взаимоотношений финансового и пролетарского интернационалов, Раковский попутно приоткрыл один из важнейших секретов мировой закулисы — тайну, в которой «рождаются революции». Правда, он многое не договорил. Сценарий любой «революции» состоит, как правило, из пяти основных пунктов: 1. Целенаправленное провоцирование острого недовольства населения искусственно созданным дефицитом продовольствия. 2. Целенаправленное провоцирование острого недовольства населения искусственно же созданным долгом государства перед населением, ради погашения которого умышленно избирается путь тотального ограбления того же населения. 3. Целенаправленное провоцирование острого недовольства населения искусственно же созданным ложным впечатлением о том, что-де оно влачит полуголодное существование. 4. Целенаправленное провоцирование социальной ярости населения через злоумышленно инспирируемую в громадных масштабах искусственно же создаваемую инфляцию (в необходимых случаях даже и через дефляцию — то есть через злоумышленное изъятие на время денежных средств из оборота), безальтернативно ведущую к резкому обнищанию и разорению подавляющей массы населения. 5. Целенаправленное провоцирование острого недовольства населения якобы имеющим место «жестоким» правлением, персонифицируемое на конкретной личности (конкретных личностях) в верхах.

Любопытно, что, аналитически подытоживая добытую информацию, Департамент полиции Российской империи уже в начале 1895 г., то есть спустя всего четыре года после официального объявления Плана Перманентной мировой войны в тандеме с (перманентной) революцией, указывал: «Ныне боевой аппарат масонства усовершенствован, и формы грядущего натиска откристаллизовались... Разжигание бессознательной ненависти в народной толще против всех и вся — таков второй и главный наступательный ход, выдвинутый ныне масонством в России. Этой мутной волной намечено потопить царя не только как самодержца, но и как Помазанника Божия, а тем самым забрызгать грязью и последний нравственный устой народной души — Православного Бога... Пройдет всего каких-нибудь десять — двадцать лет, спохватятся, да будет поздно: революционный тлен уже всего коснется. Самые корни векового государственного уклада окажутся подточенными». Цитированная докладная записка Департамента полиции датирована 10 февраля 1895 г.^[151] Через двадцать два года все так и произошло. А чтобы и подточенные корни рухнули, для этого, как правило, используются национальные, но, по обыкновению, националистические мотивы, а также религиозный (либо идеологический) фанатизм, доведенный до состояния безумия экстаза.

Объединение же национального и социального ненавистью религиозного (идеологического) экстаза неизбежно приводит к чудовищным «подземными толчкам, потрясающим мир и его устои! Так рождается «демократия», которую даже «лондонский звонарь» А. Герцен и то охарактеризовал как явление, содержащее огромную мощь разрушения, — так и сказал: «В демократии огромная мощь разрушения». Впрочем, а чего еще можно ожидать от «демократии»?! «Демократия — это господство подонков».

§ 2/3. Рассуждая о сути финансового Интернационала, Раковский прозрачно намекнул на участие евреев в революциях — «ясно, что это были люди, которые от рождения не были христианами, но зато космополитами». Действительно некуда деться от того факта, что в подавляющем большинстве революций было задействовано огромное количество евреев. Раковский именно в такой связке открыто описывает теневые стороны заговора против России, постоянно добавляя к этому и масонов. Дабы воспрепятствовать всякого рода юдофобским и иным негативным ожиданиям различных «ужастиков» на тему «жидомасонского заговора», считаю крайне необходимым сразу же указать на следующее. Во-первых, заговор против России был и остается. По-прежнему предпринимаются исключительно интенсивные меры по его реализации. Единственное, в чем Запад принципиален по отношению к России, так это в своей патологической ненависти — **АГРЕССИЯ** как сущность Запада ни при каких обстоятельствах не возлюбит **БЕЗОПАСНОСТЬ**, потому как она есть сущность России! А какие средства и методы выбирает Запад для выражения своей сущности — **АГРЕССИИ** — по отношению к России, так это, к глубочайшему сожалению, и сие надо правильно понимать, сугубо его, Запада, компетенция. Наше же дело в упреждающем порядке видеть и понимать то, что Запад еще только собирается делать и соответственно своевременно, а лучше всего заблаговременно выставить непреодолимые для него заслоны. Желательно силовые, потому как такая сволочь, как Запад, понимает только язык силы. Во-вторых, по мнению самого выдающегося лидера сионизма в XX в. Хаима Вейцмана, кстати, тоже члена Комитета 300 — «...в крупных интригах евреев (в особенности) использовали как абордажные крюки»!^[152] Соответственно вся историческая, политическая и уголовная ответственность за многочисленные негативные последствия подобного использования евреев ложится именно на тех, кто с легкостью идет на это, считая, что-де «... евреи полезны, когда они подчинены интересам целого»^[153]. Как отмечал еще в 20-х гг. прошлого столетия мудрый московский раввин Маазе, во имя интересов Запада «революции делают Троцкие, а расплачиваются Бронштейны». И, наконец, в-третьих, то

же самое полностью относится и к масонам. Потому что и они являют собой те же самые «абордажные крюки» в ожесточенно свирепом геополитическом противоборстве религиозно-цивилизационного характера между **АГРЕССИЕЙ** как сущностью Запада и **БЕЗОПАСНОСТЬЮ** как сущностью России. Разница в одном — как правило, масоны используются на так называемом подготовительном этапе, поскольку обладают уникальнейшим опытом незаметного «взрыхления» социально-политической почвы» для последующих крупномасштабных потрясений. В дальнейшем они уже действуют как тень координирующая сила (нередко с функцией «цементирования»), подставляя под ответный удар исполнителей, в том числе, естественно, и евреев, если они были задействованы в той или иной операции. Если все это четко понимать, то ни малейшей потребности в муссировании «ужастиков» определенного рода не возникнет. Ну а в патологических случаях, миль пардон, на помощь должна приходиться уже медицина, особенно психиатрия. Но это уже за пределами компетенции автора.

§ 2/4. Стремясь показать, что Коминтерн и Капинтерн — две стороны одной и той же медали, Раковский, по сути, говорил о разработанном в 1911 г. «плане Марбурга». Если вкратце, то это была глобальная программа захвата власти во всемирном масштабе, которая должна была реализовываться в том числе и в первую очередь на средства уже тогда знаменитого Эндрю Карнеги^[154], а также тесно связанных с ним иных представителей международного финансового капитала, в том числе, естественно, и еврейского. «Технологически» это должно было выглядеть и, кстати говоря, так оно и было на самом деле, следующим образом. Во-первых, при опоре на предоставленные Э. Карнеги и другими миллионерами и миллиардерами неограниченные финансовые ресурсы международный финансовый капитал и международные социалисты (тогда коммунистического движения как такового еще не существовало, а вся эта шобла называлась социал-демократия или просто — социалисты) организуются в единое движение. А уже за счет сил и средств единого движения, во-вторых, «социализировать» все правительства мира при одновременной параллельной и полной концентрации всей верховной власти в мире в руках международного финансового капитала^[155]. *[Небезынтересно, что, едва только ступив на землю России в апреле 1917 г. и немедля разразившись пресловутыми «Апрельскими тезисами», которые Г. В. Плеханов назвал бредом, «гений мирового пролетариата» с места в карьер поставил следующую задачу: «Надо основывать именно нам, именно теперь, без промедления новый, революционный, пролетарский*

Интернационал...»^[156] И всероссийская конференция РСДРП(б), тут же одоблив эту идею, поручила Центральному комитету «приступить немедленно к шагам по основанию Третьего интернационала»^[157]. Спрашивается, куда так торопились, если были засланы немцами главным образом для вывода России из войны?! Ответ очевиден — исполняли «план Марбурга» Потому как прежний — II Социалистический Интернационал — в годы войны приказал долго жить. Потребовалась новая «контора» для разрушения устоев мира.]

Наиглавнейшая глобальная стратегическая цель «плана Марбурга» в том и заключалась, чтобы первым делом, но руками именно «социалистов», осуществить Первую Всемирную Финансовую Революцию эпохи империализма! А для этого-то и необходимо было прежде всего угробить основные монархии в Европе! Помните слова Дизраэли — «в союз с коммунистами вступают самые умелые дельцы и манипуляторы собственности; самые необычные и выдающиеся люди действуют рука об руку с подонками низших слоев Европы»?! Помните, что говорил Освальд Шпенглер: «Не существует ни пролетарского, ни коммунистического движения, которые бы не действовали в интересах денег, в направлении, указанном деньгами, и, до поры до времени, разрешенного деньгами, — при этом среди их руководителей нет идеалистов, не имеющих об этом ни малейшего понятия»! Вот то-то и оно, что...

Конечно, не следует полагать, что пальма первенства в этом деле принадлежала только янки. В начале XX в. они были еще изрядные тупицы и невежды в международных делах и по большому-то счету таковыми остаются и до сих пор. Сама идея «плана Марбурга» пришла из Старого Света. Дело в том, что аналогичный план был разработан и в Великобритании знаменитыми интеллектуалами — писателем-фантастом, но более всего не столько масоном высокой степени посвящения, сколько прежде всего членом Комитета 300 — Гербертом Уэллсом — и философом, а также, естественно, таким же масоном высокой степени посвящения Бертраном Расселом. План был нацелен на использование «универсального оружия массового идеологического поражения» в целях принуждения наций к отказу от своей независимости и передачи верховной власти над собой мировому правительству, что подразумевает передачу финансовой власти мировому правительству. Естественно, что и в этом случае первым делом предусматривалось тотальное ограбление народов. Без этого не обходится ни один глобальный план Запада^[158].

В той части, которая касалась использования «международных социалистов» на русском направлении, поставленные в рамках «плана Марбурга»/«плана Уэллса — Рассела» задачи решать было поручено

Л. Д. Троцкому. Другую часть задач решать был обязан В. И. Ленин, который также был задействован в рамках этого же плана, только руками немцев, действия которых направляли как американцы, так и англичане. Но оба должны были обеспечить — под шумок так называемой русской революции — молниеносное осуществление Первой Всемирной Финансовой Революции эпохи империализма. Это именно то, что Раковский «мило и непосредственно» назвал «естественным результатом».

Пресловутый «купец русской революции» Александр Лазаревич Гельфанд-Парвус потому-то откровенно и дурил не только дубоватых тевтонов из германского Генерального штаба^[159], но и «гениального вождя мирового пролетариата». Еще до знаменитой поездки в «запломбированном» вагоне он вдалбливал увлеченному тогда идеей «мировой революции» Ленину, что-де для ее совершения надо захватить контроль над всемирной финансовой системой. Но ломать ее нет никакого резона, надо только сначала захватить какую-нибудь более или менее богатую страну и, обратив все ее богатства в наиболее ликвидный товар — деньги, — вложить их в эту самую мировую финансовую систему и контроль над ней — в кармане, а следовательно, и контроль над миром! После этого осуществление мировой революции — сущий пустяк! То есть шиворот-навыворот Парвус вдалбливал «гениальному вождю» суть упомянутых выше планов, создавая у него впечатление не только возможности их осуществления, но и того, что такие планы как бы и есть грезящиеся Ильичу планы. Задача Парвуса в том и состояла, чтобы руками открыто враждебной и непосредственно воюющей с Россией Германии подготовить соответствующий ударно-штурмовой отряд, который окончательно снес бы все мешавшие реализации генерального замысла «плана Марбурга»/«плана Уэллса — Рассела» препятствия. Задача была поставлена именно теми могущественными структурами международного финансового капитала, которые, в силу своей именно формальной государственной принадлежности, находились в союзнических отношениях с Россией как участницей Антанты, и потому не могли в открытую начать атаку по осуществлению этой революции. Потому-то Парвус так и дурил как Ленина, так и тевтонов во главе с их болванистым кайзером и его еще более дубоватыми генералами типа того же Людендорфа или Гинденбурга, непринужденно и откровенно навязывая и так гибнущей Германии, а также эмигрантской шайке во главе с Ильичом роль той самой лафонтеновской обезьяны, которая должна была натаскать каштаны для Первой Всемирной Финансовой Революции эпохи империализма!

На горе России, Парвус более чем блестяще справился с этой задачей и так обдурил «гениального вождя мирового пролетариата», что тот только к

1921 — 1922 гг. понял, что же в действительности произошло, но было уже более чем поздно. Парвус проделал это прямо-таки конгениально — все-таки не зря его называли «Сократ». Потому что так загипнотизировал идеей мировой революции черт знает что лепившего из марксизма «вождя», что вечно всех поучавший, что-де «марксизм — не догма, а руководство к действию», Ильич даже и не вспомнил того элементарного, что описали еще те же К. Маркс и Ф. Энгельс. Еще в XIX в. «классики научно обоснованного» бандитизма описали один из вечных, основополагающих банковских законов: если вы должны три франка, то вы в кармане у кредитора, но если вы должны три миллиона франков — то кредитор у вас в кармане!

Между тем по записям Ленина в «Тетрадах по империализму» четко видно, что он обращал внимание на данное обстоятельство — в частности, словом «верно!!!» там помечена выписанная им констатация того факта, что «кредитор прочнее связан с должником, чем продавец с покупателем». «Тетради по империализму», как и написанная на их основе работа «Империализм как высшая стадия капитализма», были подготовлены Лениным в период наиболее активных контактов с Парвусом и тевтонами еще в Швейцарии. То есть выходит, что он сознательно готовился к грядущему разбою в России, но вот сообразить, чем все это кончится, он оказался не в состоянии. Куда более башковитый и прекрасно знавший уровень интеллекта Ильича, один из самых самобытных и талантливых русских философов-мыслителей начала XX в. — А. А. Богданов — задолго до октября 1917 г. отмечал: «По своим знаниям В. Ильин (один из псевдонимов Ленина. — А. М.) почти всецело специалист: они сосредоточены в сфере политической экономики капитализма и его политики. Такой кругозор узок и недостаточен не только для решения широких задач теории, но и для решения тех практических вопросов, которые особенно трудны по своей новизне и по сложности условий. В обоих случаях Ильин оказывается не самостоятельным, исследующим мыслителем, а человеком грубых шаблонов»^[160]. Кстати, столь почитавшийся Лениным Маркс как-то изрек, что «узкая специализация ведет к профессиональному кретинизму»^[161]. Дорогого стоит узнать, что же в действительности имел в виду А. Богданов, говоря об «узком кругозоре» Ленина...

Призывая Ильича после захвата с помощью немцев власти в России обратить все ее богатства в деньги и вложить их во всемирную финансовую систему якобы для скорейшего осуществления «мировой революции», Парвус навязывал «гениальному вождю» роль того самого кредитора, который с фатально предпрешенной неизбежностью окажется в кармане у

должника. Так оно и вышло. Лишь к 1921 — 1922 гг. «гениальный вождь» наконец-то сообразил, причем в основном накануне Генуэзской конференции, что же на самом-то деле произошло. Тут, правда, его же хозяева «помогли» ему — вконец обнаглевший Запад предъявил России в качестве платы за ее возможное признание финансовые претензии в размере 18 млрд. золотых рублей. В переводе через вводившийся тогда золотой червонец НЭПа — а это 8,6 г золота — финансовые претензии Запада были эквивалентны требованию отдать 15 480 т золота! Вот тут Ленин наконец-то сообразил, что к чему. Вдрызг расщипав, «гениальный вождь» немедля залепил треклятому Западу ответную оплеуху: выкатил окаянными супостатам-империалистам финансовые контрпретензии в размере 30 млрд. золотых рублей, что было эквивалентно 25 800 т золота! В итоге получилось, что «вождь» собственным языком озвучил истинные (или, по меньшей мере, очень близкие к тому) масштабы финансового и экономического грабежа России за годы «русской революции»! Того самого грабежа, который он, Троцкий и К° и их эмигрантские шайки, устроили во имя призрачной химеры какой-то «мировой революции»!

В номере от 24 января 1921 г. американская газета «Нью-Йорк таймс трибюн» писала: «Похоже, что происходящая в России большевистская революция является на самом деле гигантской финансовой операцией, цель которой — переместить огромные денежные средства из-под русского контроля под контроль европейских и американских банков. Истинная причина подобных действий, видимо, известна только в Кремле, но уже сейчас можно сказать определенно: какие бы воинственные речи о мировой революции и неизбежности крушения капитализма ни произносились мистером Лениным и К°, они, возможно, сами того не сознавая, делают все, чтобы на долгие годы обеспечить процветание и стремительный рост нашей экономики и стабильность доллара»!!!^[162] По оценкам уже другой американской газеты — «Нью-Йорк таймс» — только в США русского золота осело на полтриллиона долларов. Долларов того времени — начала 20-х гг. XX в. По современным меркам это минимум пять триллионов долларов!

Правда, и сами-то газеты не очень-то осознавали, что хотя и в общих чертах, но они озвучили принципиальный итог молниеносно осуществленной в соответствии с «планом Марбурга» Первой Всемирной Финансовой Революции эпохи империализма! В процессе молниеносно осуществленной Первой Всемирной Финансовой Революции XX века только за период 1917 — 1922 гг. Запад в наглую спер из России непосредственно в виде золота, а также в пересчете на последнее, но в виде иных драгоценных металлов, драгоценных камней, всевозможных

ювелирных изделий, предметов искусства, различных материальных ценностей, запасов различного сырья и продовольствия, средств производства и транспортных средств, недвижимости за рубежом, имущественных прав, ценных бумаг и размещенных в зарубежных банках различных авуаров на сумму, эквивалентную по стоимости **ТРИДЦАТИ СЕМИ ТЫСЯЧАМ ТОНН ЗОЛОТА!!!** Если точно, то 37 391,3982 т золота!!! Сюда же входят как 516 т российского золота, находившихся в зарубежных банках еще с довоенных времен в обеспечение финансовых операций России^[163], 4754,682 т золота, вывезенного в страны Антанты в обеспечение русских военных займов^[164], так и 93,5 т золота, вывезенного в Германию по Брест-Литовскому договору!^[165]

Для сведения: за весь XVI в. виднейший грабитель всех времен и народов — Европа — ввез на свою территорию всего 1000 т золота!!! Подчеркиваю, за все столетие! В России же с одного захода сперли столько, сколько возили бы по меркам тех времен аж ТРИДЦАТЬ СЕМЬ ВЕКОВ КРЯДУ!!! Даже если взять только среднегодовой общем торговли золотом перед Первой мировой войной, а это 1500 тонн золота, то выходит, что с одного захода из России сперли ценностей на сумму, эквивалентную ДВАДЦАТИ ПЯТИ ГОДОВЫМ ОБЪЕМАМ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ ЗОЛОТОМ!

Это было самое выгодное «вложение капитала» за всю историю капитализма, а может быть, и человечества. Если по-современному, то инвестирование... в «революционный» бандитизм на основе разрушительных идей «основоположников научного» бандитизма в мировом масштабе. Потому как содержание не любившего мыться и потому фурункулезного, к тому же склонного к алкоголизму и страдавшего злобной, едва ли не патологической славяно и русофобией доктора философии Карла Маркса за весь период его Богом и человечеством проклятой «творческой активности» обошлось Западу всего в **ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАНКОВ**. При золотом содержании французского франка тех времен в 0,290323 г чистого золота это означает, что автор «Капитала» — «основоположник научно обоснованного» бандитизма и грабежа во всемирном масштабе — обошелся Западу всего в 1741,938 кг золота.

Однако первое же широкомасштабное применение его крайне разрушительных идей принесло Западу свыше 2 124 071 % (ДВА МИЛЛИОНА СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ СЕМЬДЕСЯТ ОДИН ПРОЦЕНТ) ЧИСТОЙ ПРИБЫЛИ В ВИДЕ «ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА»!!! Ничего подобного мировая история не знала и не знает!!!

Это не столько даже одна из наиглавнейших тайн «октябрьского переворота», сколько всего XX века! Потому как суть «интернациональной революции», по Раковскому, сводилась именно к этому. Если образно и в соответствии с логикой Высшего Закона, то в том-то и состояла цель Запада, прежде всего англосаксонского ядра Атлантического центра силы (особенно США), чтобы с помощью «интернациональной революции» установить абсолютную финансовую гегемонию! То есть то, что в современном мире называют абсолютный контроль над всеми мировыми финансовыми потоками! Именно с этим связана главная тайна фигуры Троцкого в «русской революции» — она же и главная тайна провала его «миссии в русской революции». Но она же и главная тайна смертельного столкновения между Троцким и Сталиным. Более того. Она же, наконец, и главная тайна как привода Западом к власти в Германии Гитлера, так и того, почему Запад завалил все заговоры Троцкого, прежде всего заговор Тухачевского.

§ 3. Чтобы разобраться во всем этом, обратимся к сути показаний Раковского. Далее он рассказывает об особой роли Троцкого в «революции», о природе происхождения такой его роли, проистекающей из родственных связей с крупнейшими мировыми банкирами того времени — Уорбургами и Шиффом, о его причастности к провоцированию Первой мировой войны, о том, каким образом Ленин принял Троцкого в ряды большевиков, в которых Лев Давидович не числился более 12 лет, о роли Троцкого в Гражданской войне, в покушении на жизнь Ленина и смерти последнего. Самым главным в этой части является прямое признание Раковским того факта, что вся эта «революция» делалась под Троцкого. А Ленин, в сущности-то, всего лишь подставная фигура.

§ 3/1. Раковский говорил правду. Тайно действующие на мировой арене секретные структуры международного финансового капитала объективно разглядели в Троцком наиболее приемлемую для них кандидатуру на роль исполнителя своих планов и сделали его своим агентом стратегического влияния. Агентом стратегического влияния тайно действующих на мировой арене секретных структур международного финансового капитала и наиболее мощных секретных закулисных сил. И не просто агентом стратегического влияния указанных структур и сил, а именно же их главным «управляющим» и «смотрящим» в «русской революции».

Крупнейшие конспирологи и масонологи современной России, как, например, А. Г. Дугин и особенно О. Ф. Соловьев^[166], отмечают, что Троцкий был типичным представителем Атлантического центра силы в «русской революции». Все верно. Троцкий был «полевым» представителем

Комитета 300 в «русской революции». Причем управляемым как по каналам секретных структур западной, прежде всего англосаксонской, финансовой олигархии, включая и ее сионистскую ветвь, так и через посредство масонов. И он стал таким именно в тот момент, когда центр тяжести в АЦС стал активно смещаться за океан, в США^[167].

«В рассматриваемый нами период начала XX в. секретные организации международного бизнеса при содействии масонства и иных обществ (в том числе и при содействии теснейшим образом связанных с ними спецслужб Запада тоже. — А. М.) уже создали закулисные структуры, действующие тайными методами. Среди последних выделялись давно известные в истории, но впервые широко использованные теперь агентуры влияния. Они представляли собой глубоко скрытых в стане противостоящих элит лиц для выполнения порученных им замыслов тактического и стратегического плана. В случае с Троцким это были американцы с их союзниками из лагеря Антанты...» «Окончательная вербовка Троцкого, — отмечает далее О. Ф. Соловьев, — была... произведена американцами сразу после февральской революции». Первоначальная же вербовка Троцкого в корпус агентуры влияния Запада состоялась во Франции. Причем она была осуществлена масонским центром или контролирующей его финансовой организацией с постановкой общей задачи приближения к большевикам, от которых после так называемой «революции 1905 г. Троцкий отошел довольно-таки далеко»^[168]. Оно так и было в действительности. Его вербовка — по данным автора любопытной книги «Масонство в Центральной и Восточной Европе в XVII и XIX веках» Людвика Хасса — была осуществлена за счет дозволения будущему «бесу мировой революции» вступить в одну из масонских лож системы Великой Ложи Франции, где он вначале получил степень подмастерья^[169]. Правда, со страниц той же книги Людвик Хасс ничтоже сумняшеся заявил, что-де Троцкий потом вышел из масонства. Впоследствии эту, мягко выражаясь, не очень-то умную версию растиражирована небезызвестная Н. Берберова. Потому как масонство — отнюдь не проходной двор, куда можно запросто войти и столь же запросто выйти^[170]. Уж если и выходят из масонской ложи, то, как правило, со спецзаданием, чтобы в случае провала тень не пала бы на масонство, у которого и так предостаточно грехов, от которых уже не один век оно отбивается всеми силами. Троцкий и вышел со спецзаданием. Именно из-за того, что его вербовку осуществили закулисные силы Франции, власти последней впоследствии крайне неохотно пошли на депортацию Троцкого в годы Первой мировой войны — за ведение пораженческой пропаганды, хотя если бы он не делал этого, то к большевикам-эмигрантам вряд ли бы приблизился. То есть они явно не

хотели терять такого ценного агента, стремясь сохранить его в своем распоряжении. Именно поэтому-то, особенно же имея в виду перспективы его дальнейшего использования, французы и снабдили Троцкого определенными суммами для организации его переезда через Испанию в США^[171]. Однако когда Троцкий оказался на территории США, произошло то, чего французы то ли и впрямь всерьез опасались и потому не желали отпускать Льва Давидовича, то ли просто интуитивно догадывались о том, что может произойти, но, как бы там ни было, произошло то, чего они явно не желали.

Окончательная вербовка Троцкого действительно была произведена американцами сразу после февральской революции. Вербовку осуществили именно те силы, которые хотя и были крепко связаны с такими же закулисными «коллегами» в Антанте, в том числе и с финансирующими их центрами, но в то же время не менее тесно были связаны и с аналогичными структурами кайзеровской Германии и императорской Австро-Венгрии. В том числе и с их спецслужбами также, особенно первой. Именно через них осуществлялось исключительно законспирированное финансирование эмигрантской шайки Ленина и К^о якобы «германским золотом», отнюдь не почему-то имевшим явственный зеленый оттенок долларов. В итоге получилось, что на фигуре Троцкого, как на агенте стратегического влияния, сходились нити влияния и управления «русской революцией» 1917 г. как США, так и других держав Запада. Так что «откомандированный» для участия в ней А.Д. Троцкий уже тогда представлял собой многоликого Януса, ибо по определению вынужден был выступать в том большом количестве ипостасей агента стратегического влияния совершенно разных сил Запада, несмотря на формально объединявшую их «крышу» Антанты. И когда в 30-х гг. прошлого века его клеймили как международного шпиона и прислужника мирового империализма, то в этом не было ни йоты неправды! Только налет характерных для того времени идеологических штампов. Ведь тогда просто не был принят термин «агент влияния», и поэтому всех подобных, не раздумывая, зачисляли в шпионы и (или) наймиты империализма.

Троцкий никогда не забывал, кто конкретно и с каким конкретно заданием «откомандировал» его в «русскую революцию» и кому следует отдавать именно первостепенный приоритет. Поэтому, не освоив в Смольном еще даже кресла народного комиссара по иностранным делам, он уже 3 декабря 1917 г. принимал директора Федерального банка Нью-Йорка Уильяма В. Томпсона вместе с его помощником, полковником военной разведки США Раймондом Робинсом и обсуждал с ними вопросы организации эффективного экономического ограбления и закабаления

России. Уже на следующий день Раймонд Робинс бахвалился перед агентом британского правительства в России, известным по истории тех лет британским шпионом Робертом Брюсом Локкартом: «Да, я представитель Уоллстрита... Мы уже добились от советских властей предоставления 500 тысяч акров медных месторождений. Их разработка будет обеспечена с помощью Транссибирской железной дороги. Нам также обещана монополия на эксплуатацию платины по всей России. Это и объясняет наши отношения с Советами. Скажу вам прямо: моя задача здесь — наложить лапу на всю Россию во имя выгод Уоллстрита и многих деловых американцев»^[172]. Вот этим и был занят Троцкий.

Правда, Р. Робинс не ведал, что одновременно Троцкий и англичанам предлагал установить свой контроль над российскими железными дорогами. Предлагал все тому же Р. Б. Локарту, озадачив его также и просьбой об установлении морского контроля Англии над российским флотом, особенно Черноморским. Одновременно Троцкий пытался создать и паутину ему же подконтрольных финансовых уз между тогдашней советской властью и Западом. Совместно с тогдашним главой Госбанка А. Шейдеманом и одним из ведущих финансистов «русской революции» — Олафом Ашбергом — организовал целую сеть соответствующих банковских связей с Западом через Русский коммерческий банк. Так, уже в 1919 г. был основан и поныне действующий Московский народный банк в Лондоне, а в дальнейшем и другие. По этим каналам «бес мировой революции» и его подручные выкачивали национальные богатства России на Запад. Кстати, не всегда делаясь со своими покровителями на том же Западе, за что и погорели со временем.

Как агенту стратегического влияния, функции которого кардинально отличались от функций обычных шпионов и информаторов, отмечает О. Ф. Соловьев, Троцкому «запрещалось вести письменные сношения с иностранцами^[173], добывать и передавать секретные сведения за рубеж, сообщая все необходимое устно специально присылаемым доверенным лицам». К Троцкому таких людей присылали. На сегодня известно, что одним из них был действовавший под «крышей» либерального публициста, капитан военной разведки США Линкольн Стеффенс, который хорошо знал Льва Давидовича еще по США и сопровождал его при выезде из Америки в Россию^[174].

[Л. Стеффенс прибыл в Россию в феврале 1919 г. в составе неофициальной делегации во главе с личным представителем президента США В. Вильсона — Уильямом Буллитом. После их встречи очень быстро — уже 16 марта 1919 г. — «откинул ласты» ближайший помощник В. И. Ленина — Яков Моисеевич Свердлов. Если присмотреться к этой

истории, то нетрудно будет заметить, что к праотцам Свердлова спровадил именно Троцкий. Причем по согласованию с Л. Стеффенсом. Приведенные им инструкции «командированных» «беса» в «Русскую Революцию» закулисных сил США обязывали Троцкого немедленно предпринять серьезную попытку расчистить себе дорогу на самую верхушку едва только начавшего складываться Олимпа советской власти, пока Ленин окончательно не пришел в себя после покушения 30 августа 1918 г. Дело в том, что под Парижем открылись Версальская мирная конференция, которая должна была юридически подвести итоги первой всемирной войны. И «русский вопрос» на этой конференции стоял очень остро. Планировалось расчленение России. Ленин в принципе был согласен на это. Но Западу нужен был и партнер на самой конференции. И в роли такового Запад в тот момент видел именно Троцкого. В том числе как якобы абсолютного лидера «Русской Революции». Вот почему приведенные Стеффенсом инструкции и обязывали его в срочном порядке прорваться на самую Вершину Олимпа едва только сложившейся советской Властью. А единственное серьезное препятствие на этом пути в начале 1919 г. персонифицировал собой Свердлов. Именно поэтому-то одни люди Троцкого организовали, что в те времена было проще пареной репы, «вспышку дикой злобы» по отношению к Свердлову, выступившему в Орле перед рабочими железнодорожного депо. В результате в Свердлова полетел град камней и поленьев, сбивший его ног — первое же полено столь метко было направлено, что угодило ему прямо в голову, — вследствие чего он потерял сознание и валялся на ледяной земле легко одетый в свою знаменитую кожанку. Входившие в охрану Свердлова другие люди Троцкого сделали вид, что увлеклись защитой поверженного подопечного. И с энтузиазмом принялись расправляться с рабочими, не столько начисто забыв об охраняемом лице, сколько явно сознательно дав ему полежать на ледяной земле. Слабый здоровьем Свердлов сильно простудился, вплоть до крупозного воспаления легких, из-за которого якобы и помер. А как он мог не помереть, если сначала ему проломил башку?! В кадрах кинохроники тех лет видно, что в гробу-то он лежал с перебинтованной головой. Конечно, сожалеть о том, что они друг друга столь изоциренно убивали, — явно не приходится. «Закон» пауков в банке никто отменить не может! Да и не следует — напротив, нужно всегда и во всем им помогать, чтобы они перебили бы друг друга. Тем не менее каков же и в самом-то деле был Л. Д. Троцкий в своей ненасытной жажде Власти — Воистину бес!

С последствиями визита Стеффенса приходится увязывать и создание Коминтерна, учредительный первый конгресс которого спешно был созван в Москве 2 — 6 марта 1919 г., то есть сразу после отъезда Буллитта и

Стеффенса. Это не случайность. Задача создать, взамен приказавшего долго жить II Социалистического Интернационала, новую организацию для осуществления подрывной деятельности во всемирном масштабе была поставлена давно. Ленин знал об этом — это было одним из условий его пропуска в Россию. И едва ступив на землю России, он тут же протрубил о необходимости создания такой организации. Троцкий, в свою очередь, знал, что наряду с условием допустить его, Троцкого, на одну из самых первых ролей в «революции», Ленину поставили еще одно условие — создать на награбленные в России средства новую подрывную организацию во всемирном масштабе. «План Марбурга»! / «план Уэллса — Рассела» действовал неукоснительно. Вот, собственно говоря, чем в реальности была вызвана дикая спешка, с которой созывался первый у решительный конгресс Коминтерна — проще говоря, обоим «намылили холку» за невыполнение приказа. Уж слишком они припозднились с этим делом — вот и получили «на орехи».

Кроме того, с последствиями визита Стеффенса придется увязывать и такие события. Одно из них формально вроде бы и отделено от его визита в Россию временным люфтом — оно произошло лишь в начале августа 1919 г. Однако на самом-то деле напрямую связано с ним. Дело в том, что 5 августа 1919 г. Троцкий представил в ЦК РКП секретную докладную записку, в которой обосновывал необходимость похода Красной Армии в... Индию! Ну, кто бы вразумительно объяснил, что делать Красной Армии в главной «жемчужине британской короны» — Индии?! Что они там потеряла?! «Бес», естественно, объяснил, только, само собой разумеется, не вразумительно, а идиотской необходимостью этой самой «мировой революции». Но так заумно, что из текста этой докладной записки фонтаном выперли сугубо американские интересы. Мол, американцы, или, как он их назвал, «вашингтонские подлецы», прикроют молодую республику Советов от агрессивных притязаний Японии на Сибирь и российский Дальний восток, а Красной Армии в это время целесообразно сбегать в Индию, потому что этого хотят... США! А они и в самом-то деле хотели, но как это сделать, ежели с Великобританией еще сохранялись союзнические отношения в рамках Антанты. Неудобно, не правда ли?! Действительно, неудобно. Зато как удобно гнать на убой десятки тысяч русских мужиков освободить Индию от британского колониализма ради того, чтобы индийские мужики вляпались бы в американский неоколониализм! Хорошо, что Троцкого послали с этой идеей по известному всей России адресу, который и он тоже не забыл за все годы эмиграции. Но «бесу» -то надо было отрабатывать поручение хозяев.

20 сентября 1919 г. он делает новый заход на азиатскую тему. Тоже ничего. Ну и кончилось это не менее идиотским персидским походом Красной Армии за несколькими угнанными белогвардейцами в персидский порт Энзели посудинами, созданием кратковременной Гилянской Советской республики и оглушительным провалом этой авантюры во имя интересов американского капитала, стремившегося чужими руками разворошить Британскую империю и вытеснить оттуда «прабабушку». впоследствии эти авантюры очень сильно «отрыгнутся» Москве — Великобритания таких шуток не терпит... даже от Америки, хотя бы и при посредстве Троцкого.]

Однако «поскольку внедрение лишь одной, пусть крайне авторитетной фигуры в структуры неприятеля не дает полной гарантии успеха, она прикрывается и дублируется менее значительными деятелями, получающими частные задачи, нередко без открытия нанимателем всех карт. Троцкого опекали Х. Раковский, К. Радек... Каменев и Зиновьев, от которых он для маскировки дистанцировался»^[175]. Едва ли нужно доказывать, что заблаговременно созданная система «дублерства-опекунства» своим острием целиком и полностью была сориентирована на оказание максимального содействия основной фигуре в предпринимаемых ею действиях по захвату абсолютной власти в России. Именно ради этого Ленин и Троцкий притащили в своих обозах целые шайки «менее значительных деятелей», о чем и так хорошо известно, вплоть до конкретных списков членов этих шаяк. Конечно, дело не в количестве ринувшейся в Россию на «ловлю счастья и чинов» эмигрантской швали, хотя бы, например, потому, что во сто крат было больше тех, кто не жил подолгу в эмиграции, пребывая в основном в подполье непосредственно в России. И уж тем более не в этническом происхождении большинства этой эмигрантской швали, на что многие исследователи не без удовольствия напирают, видя в том либо преднамеренно создавая видимость того, что-де в том-то и весь корень зла. Хотя бы, например, потому, что во сто крат большее количество лиц аналогичного этнического происхождения было рекрутировано этой эмигрантской швалю прямо на месте, в России, а примерно аналогичное же количество того же этнического происхождения активно выступило против шаяк Ленина и Троцкого с другой стороны баррикад. Суть дела заключалась в неизбежности ожесточенно свирепой, жестокой борьбы за власть, в которой Троцкий фатально обязан был потерпеть и неминуемо, неизбежно потерпел поражение — Высший Закон Мировой Геополитики и Политики действительно никому не дано нарушать, тем более безнаказанно! Особенно в части, касающейся России! Этого она никому и никогда не прощает!

§ 3/2. Естественно, что не простила она и Троцкому, под которого, и в этом Раковский абсолютно прав, делалась вся «революция». Из его слов вытекает, что перед тем как оказаться «реэкспортированным» в Россию, «гениальный вождь мирового пролетариата» был допущен к тайнам мировой политики высшего порядка, в результате чего на начальном этапе «революции» сам превратился в главного агента глобального стратегического влияния Запада. Правда, в таком статусе он знал только ту часть этих тайн, которая находилась в непосредственном соприкосновении с его основным заданием от тевтонов. Собственно говоря, именно потому-то ему и доверили их, но не тевтоны, сколь это ни парадоксально, хотя немалую их часть он услышал от них. Тайны эти были исключительно высшего порядка. Но столь крайне неприглядного характера, что в случае, если «революцию» с самого начала возглавил бы Троцкий, то они были бы не только неминуемо, но, скорее всего, немедленно оказались бы раскрыты с самыми непредсказуемыми в своей негативности последствиями. Как для их «творцов», так и «исполнителей», особенно из числа «интернациональных космополитов»/«марксистских доктринеров». Проще говоря, Россию всенепременно захлестнул бы невероятно мощный и абсолютно никак и никем не контролируемый «девятый вал» самой разнузданной, самой оголтело кровавой юдофобии, которая запросто могла спровоцировать тотальный исход миллионов евреев из бывшей империи, причем в основном на Запад. А тому, естественно, этого не нужно было. Правда, и так, и так без злобной юдофобии дело не обошлось, но в том виноваты сами «интернациональные космополиты»/«марксистские доктринеры». Ни один народ не терпит чужебесия на своей земле и сопротивляется всеми силами и средствами, прежде всего адекватными угрозе своего существования. Именно из-за этих-то тайн не Троцкий, а Ленин стал «вождем революции», хотя все готовилось именно под Троцкого.

Допуск будущего Ленина в Россию действительно был обставлен Западом крайне жесткими условиями. Во-первых, никто и ни при каких обстоятельствах не должен был знать об этих тайнах, в противном случае «вождя» ожидала неминуемая смерть, дабы тайны умерли бы вместе с ним. Во-вторых, ни при каких обстоятельствах «вождь» не должен был переходить ту грань, на линии которой доверенная ему часть этих тайн соприкасалась с его основным заданием от тевтонов, иначе жестокая расплата последует немедленно. Естественно, что как истинный поклонник упоминавшейся выше заповеди Наполеона, «вождь» не удержался и неоднократно не только переходил грань дозволенного, но и заходил слишком далеко. И всякий раз расплата следовала немедленно — к примеру,

в одном из случаев нарушения не прошло и трех дней, как в него всадили пули. Когда же он посмел нарушить условие во второй и даже третий раз, то немедленно был иницирован, а затем и резко ускорен жесткий процесс насильственного его выпроваживания на тот свет, что, кстати, и подтвердил Раковский^[176]. Наконец, в-третьих, именно он и только лично он должен был каким угодно способом добиться реализации того, что составляло суть тех частей тайн, которые ему доверили перед направлением в Россию.

Например, все его аргументы в пользу Брестского «мира» были маловразумительны и крайне унижительны для России, но он рьяно настаивал именно на них, пригрозив даже вообще уйти из партии и правительства, если с ним не согласятся. Лишь один аргумент носил характер какой-то иллюзорной оправданности, да и то лишь в кругу «соратников» — якобы для спасения революции, хотя и это категорически противоречило его же обоснованию необходимости устройства переворота: помните его «для спасения от "сепаратного" раздела России империалистами обеих коалиций». А ведь под «империалистами» одной из этих коалиций открыто подразумевались тевтоны. «Империалисты» же другой коалиции — это Антанта. Других в то время не было. Ни жесткое требование Ленина о настоятельной необходимости заключения сепаратного мирного договора с Германией, ни само подписание Брест-Литовского мирного договора от 3 марта 1918 г., конечно же, не являлись «ошибкой» и уж тем более «бессознательной изменой Ленина Интернациональной революции». Он просто выполнял приказ от «Них»! И Троцкий тоже выполнял приказ от «Них»! Разница же была в следующем.

Выполняя приказ от «Них», Ленин должен был создать условия для формального оправдания грядущей интервенции стран Антанты необходимостью освобождения России от германской оккупации! На самом же деле — для оправдания вхождения вооруженных сил Антанты в Восточную Европу, но прежде всего в саму Россию. Цель — коренное изменение послевоенной конфигурации границ как за счет массивной «эвакуации» из состава России непосредственно русских территорий, а также перекройки граничащих с ними восточноевропейских владений Германской и Австро-Венгерской империй, так и за счет «эвакуации» государств традиционно прорусской ориентации из сферы геополитического влияния территориально оскопленной России. В таких деталях планов Запада Ленин не знал. Троцкий же хотя и знал, но на тот момент должен был оставаться «белым и пушистым», потому как его выход на авансцену предусматривался во втором акте и желателен в белом. Именно поэтому-то, а также из-за своего статуса агента стратегического влияния он и занял внешне совершенно идиотскую позицию на переговорах с тевтонами — «Ни

мира, ни войны». Его ставка была — на тот самый пункт № 6 из программы президента США Вильсона от 8 января 1918 г. формально этот пункт гласил: «Очищение оккупированных областей России и урегулирование "русского вопроса"». Внешне может показаться, что Троцкий явно полагал, что исполнение этого пункта произойдет как бы само собой, под непосредственным давлением США — ведь ему же прекрасно было известно, какое сильнейшее влияние мог оказать американский (еврейский) капитал через своих «собратьев» по финансовым делам на руководящие круги Германии. Поэтому-то и вел себя таким образом. Но это не так. Конечно, он не мог документально знать, каково конкретно истинное отношение руководства США к «октябрьскому перевороту», но в принципе-то он прекрасно знал, зачем его командировали в «русскую революцию». Однако попросту не хотел брать на себя юридическую и политическую ответственность за планировавшееся расчленение России и «эвакуацию» из ее состава громадных территорий. Не хотел не потому, что считал это преступным — считал бы так, то вообще не полез бы в «революцию», а потому, что все-таки надеялся перехватить у Ленина власть и возглавить Россию. А для этого необходимо было остаться чистеньким.

О каких же тайнах идет речь?! Почему о них ничего не известно? В действительности это серьезное заблуждение — все основные элементы этих тайн известны, а некоторые известны даже очень давно. Просто то ли объективно, то ли, что скорее всего, умышленно они оказались «расфасованы» едва ли не по всем «медвежьим углам» истории дипломатии, в том числе и тайной дипломатии стран Антанты в годы Первой мировой, истории разведок (особенно радиошпионажа) и генеральных штабов стран Антанты, а также, естественно, истории РСДРП(б) и СССР. А ряд и без того едва заметных нюансов и деталей истории кануна и самого октябрьского переворота в России преднамеренно не только затушевывали, но и даже стремились зашифровать, и уже в зашифрованном виде усиленно скрывали от широкой общественности. Собранные же воедино, они наглядно демонстрируют, что это были затайны и какова была их роль в судьбе России и мира. Несмотря на всю сложность их реконструкции, придется это сделать. Иначе не поймем, что и почему произошло в 1937 г.

Итак, что такое 7 ноября? В прошлом это был «праздник великого октября». Но 7 ноября — это по-новому стилю, который был введен уже в Советской России только с 14 января 1918 г. А вот по старому-то «великий октябрь» и впрямь состоялся в ночь с 25 на 26 октября. Если напряжем школьные знания по истории, то вспомним, когда сидевший в Разливе «вождь» заверещал из своего шалаша о том, что-де 25 октября переворот делать рано, а 26 октября — поздно. Правильно, 20 октября по-старому

стилю. А 24 октября по старому стилю он уже отправляет соответствующую записочку в ЦК РСДРП(б), Между тем дата, когда он заверещал о необходимости переворота, по новому-то стилю означала 2 ноября 1917 г. Европа, а соответственно и Антанта и тогда жили по новому стилю. Но 2 ноября 1917 г. в Англии была подписана «Декларация Бальфура», провозгласившая создание в Палестине «еврейского национального очага», из которого через тридцать лет возникнет государство Израиль. *[Тех, кто опять предвкушает «ужасник» на тему «жидомасонского заговора», с удовольствием огорчу — этого не будет. Речь пойдет о тех вещах, которые находятся в компетенции Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики, а он, как уже отмечалось выше, от сотворения мира нейтрален, в том числе и в этническом отношении.]*

Речь идет об очень даже не случайном совпадении, которое символизирует логическое завершение одного из важнейших этапов тайной операции высшего мирового порядка. Но чтобы понять, что здесь к чему, тем более, подчеркиваю это вновь, без каких-либо эмоций, придется вернуться к истории начального периода Первой мировой войны. Как уже отмечалось выше, в качестве одной из целей своего участия в той войне Великобритания провозгласила «обеспечение прав малых народов Европы». И провозглашено это было 9 ноября 1914 г. лично премьер-министром Великобритании Г. Асквитом (член Комитета 300). Под такое целеуказание попадали не только Германская, Австро-Венгерская и Османская империи, но и Российская тоже. Причем, судя по подлой роли Великобритании в устройении февральской революции и британской реакции в первые мгновения после получения известия о ней, Россия попадала первой. «Держать чужие государства под угрозой революции стало уже довольно давно ремеслом Англии», — говаривал Бисмарк. «Железный канцлер» столь хорошо знал суть британской политики, что в его словах сомневаться не приходится. Особенно если учесть, что он сам же не раз говаривал также, что «социализм в отдельной стране построить можно — только нужно выбрать страну, которую не жаль». А какую страну Западу не жаль? Только Россию — с остальными он носится как с писаными торбами, даже если они и не нужны Западу.

«Обеспечение прав малых народов» — наиболее презентабельная сторона одной из важнейших форм проявления сущности Запада — **АГРЕССИИ**. Она известна по бессмертной латинской поговорке **DIVIDE ET IMPERA!** — «**РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ!**». Хуже того — это наиболее презентабельная форма одного из важнейших императивов британской (как, впрочем, и в целом Запада) подрывной деятельности против окружающего мира, особенно же против первоочередных геополитических конкурентов —

ИМПЕРАТИВА ИДЕИ О ВЫЧЛЕНЕНИИ ТЕРРИТОРИИ С ЭТНИЧЕСКИ ОДНОРОДНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ. Со времен Пальмерстона и Мадзини приоритет этого императива в подрывной деятельности англосаксов, прежде всего против России и стран, входящих в орбиту ее геополитического влияния, является едва ли не абсолютным. Достаточно напомнить о судьбе Югославии, да и о судьбе самого СССР, а теперь и России, чтобы понять, о чем идет речь.

14 ноября 1914 г. один из влиятельнейших людей Великобритании того времени, очень близкий к премьер-министру Г. Асквиту, истинный британец по духу, но еврей по национальности — Герберт Луис Сэмюэль^[177] — в дружеской беседе с министром иностранных дел Англии Э. Греем озабочился «обеспечением прав» одного из малых народов Европы — евреев. Естественно, что в беседе была глобально развита давно носившаяся в политических кругах Англии (и Запада вообще) идея создания еврейского государства в Палестине под эгидой Великобритании. В декабре 1914 г. к обсуждению этой же темы Г. Л. Сэмюэль подключил и другого члена кабинета министров — Л. Джорджа. А 15 января 1915 г. Г. Л. Сэмюэль представил Г. Асквиту уже проект правительственного меморандума Великобритании о будущем Палестины. 15 марта того же года он же представил на рассмотрение правительства Великобритании второй, улучшенный проект того же меморандума, самыми важными элементами которого являются следующие соображения его автора:

«1. Вероятная аннексия Францией хотя бы части Палестины — вещь опасная. Хорошие отношения между Англией и Францией — не вечны. А рядом — Суэцкий канал.

2. Оставить Палестину Турции? Исключено.

3. Интернационализация? Тоже плохо. Каждое государство будет стремиться к аннексии. И еще неизвестно, кто — кого. Возможен даже германский протекторат.

4. Создание независимого еврейского государства преждевременно, так как арабы — большинство населения, евреи не смогут самостоятельно навязать им свое правление, даже если им будут помогать великие державы.

5. Вывод: необходимо установить британский протекторат. Я имею заверения со стороны сионистов и не сионистов, что такое решение будет наилучшим образом встречено евреями во всем мире. К тому же организация англичанами еврейского центра в Палестине должна понравиться американским евреям, и через них можно будет добиться вступления США в войну против Германии»^[178].

Как видите, речь сразу же пошла о глобальных геополитических проблемах — сама идея создания еврейского государства оказалась жестко

привязана к глобальной геополитике и политике того времени. Но удивительно вот что. Почти через два месяца после первого обсуждения Сэмюэлем палестинской темы — 7 января 1915 г. — на горизонте германской разведки «всплыл» старый знакомый германской полиции, будущий «купец русской революции» и — особое внимание — также совладелец британской фирмы «Виккерс», компаньон ряда англо-американских фирм и банков, контролировавшихся еврейским капиталом, — Александр Лазаревич Гельфанд-Парвус. «Всплыл» не где-нибудь, а именно в Османской империи. И именно из той среды, которая испокон веку была (и есть) подконтрольна британскому политическому масонству и британской разведке. А «всплыл» перед глазами уже крепко зачесавших свои дубоватые головешки насчет сепаратного мира с Россией тевтонов, предложил им идею устройства «русской революции». Ударно-штурмовая роль в этом плане отводилась все тому же «обеспечению прав малых народов», но, «естественно», в России, за счет разжигания националистического сепаратизма, особенно на ее окраинах. *[На рубеже 1914 — 1915 гг. «о праве наций на самоопределение» — благопристойном на первый взгляд «родном братце» «обеспечения прав малых народов Европы — всерьез забормотал и Ленин.]*

Первый меморандум Сэмюэля был представлен через восемь дней после того, как Парвус «всплыл» на горизонте у тевтонов и заинтересовал их своим предложением. Второй — в тот же день, когда Александр Лазаревич представил тевтонам свой «план русской революции», в котором упор в разрушении России был сделан именно на националистический сепаратизм окраин. Как отмечалось выше, императив вычленения территории с этнически однородным населением является господствующим в подрывной деятельности Великобритании, прежде всего против России. Бросающаяся в глаза синхронность действий Сэмюэля и Парвуса отнюдь не случайность!^[179]

Вспомнив для начала об одной подлой «традиции» британской тайной дипломатии — «никогда не делать ничего такого, что за тебя могут сделать немцы», — попробуем оценить один факт из биографии Парвуса. Перед Первой мировой войной он был представителем всемирно известной своим производством вооружений фирмы Круппа в Османской империи и занимался военными поставками для младотурецкого правительства. Между тем он еще с двадцатилетнего возраста был другом впоследствии тесно сотрудничавшего с британской военной разведкой известного британского торговца оружием Бэзила Захарова (Василий Захаров, выходец из России). Где Парвусу было бы легче всего устроиться? У своего друга Б. Захарова, особенно если учесть, что младотурецкая «революция» 1908 г. была делом

рук британской разведки?! Или у Круппа, частная полиция и контрразведка которого были куда сильнее, чем аналогичные официальные спецслужбы Германии, в которых досье на Парвуса как на подрывной социал-демократический элемент пухло еще с 1890 г. (его ведь даже выслали из Германии)?! Казалось бы, ответ очевиден. Тем не менее он устроился у Круппа. В Османской империи Парвус быстро стал очень близким к триумvirату младотурецкого руководства — Джемал-бею, Энвер-паше и Талаат-паше — человеком. Еще накануне Балканских войн, предшествовавших Первой мировой, стал финансовым советником младотурецкого правительства и сотрудником военной разведки младотурков. Одновременно свободно занимался как коммерческой, так и журналистской деятельностью. Был вхож практически во все круги Османской империи. Между тем по признанию работавшего в Турции в годы Первой мировой войны бывшего сотрудника британской разведки, авторитетного масонолога и романиста Джона Бьюкена (впоследствии — лорд Твидсмуир) — вся верхушка младотурок полностью контролировалась британской разведкой (и британским политическим масонством) в лице ее офицера Обри Герберта. Последний принадлежал к могущественной аристократической семье Великобритании, которая издавна славится своими связями с разведкой и способностью по ее каналам манипулировать различными тайными обществами. Еще его дед патронировал, в частности, самому Джузеппе Мадзини, виднейшему масону в середине XIX в. и организатору итальянского повстанческого движения.

Все руководство младотурков являлось масонами — из-за этого их «революцию» так и называли франкмасонской. Парвус тоже был масоном, причем высокой степени посвящения^[180]. Несмотря на турецкие имена, в действительности все руководство младотурков были... евреями. Даже будущий «гениальный вождь мирового пролетариата» обратил свое «просвещенное» внимание на это обстоятельство, записав в своих «Тетрадах по империализму», что «с самого начала движение (имеется в виду младотурецкая партия «Единение и Прогресс». — А. М.) имело сильный еврейский отпечаток, что связало его с центрами европейского капитала»^[181]. Они все были выходцами из секты «денмэ»^[182] и последователями Цви Саббатаи. Это была чисто еврейская организация, лишь внешне принявшая ислам. Но все дело в том, что между сектой саббатаистов и могущественнейшими масонскими ложами Великобритании «Мемфис Мицраим», но особенно «Герметическим Орденом Золотой Зари» — существовали теснейшие связи!^[183] Быстро стать своим в такой среде для Парвуса было проще пареной репы. Однако и это еще не все. Парвус был совладельцем британской фирмы вооружений «Виккерс». Но совладельцами

фирмы были и представители того самого либерального крыла правительства Великобритании, которые втайне готовили «революционный переворот» в России! Еще более того. Здесь же и точка перехода к американскому капиталу, в частности, к уже знакомому нам Якову Шиффу, который тоже входил в число главных совладельцев концерна «Виккерс».

А через Шиффа — прямой выход на тех самых Варбургов (Уорбургов), как американских, так и особенно германских, которые за счет средств американской родни через официальные германские власти финансировали «русскую революцию» при посредничестве Парвуса. Именно этим-то и объясняется то загадочное внешне обстоятельство, почему известный всем контрразведкам стран Антанты — особенно британской — «германский подрывной элемент» Александр (Израиль) Лазаревич Гельфанд-Парвус в годы Первой мировой войны преспокойно арендовал громадный склад в Лондоне, где хранились товары из многих стран Европы и Америки, на выручку от продажи которых он вел свою подрывную против России деятельность «в интересах» Германии. Вот истинная причина невероятной лояльности британской контрразведки непосредственно к Парвусу. А ведь в то время за малейшее высказывание или действие в пользу тевтонов без суда и следствия арестовывали любого и как минимум упрятывали в концлагеря, а нередко и вовсе отправляли на эшафот. За всю войну британская разведка не провела ни одной операции против созданного Парвусом в Копенгагене (Дания) Института по изучению социальных проблем войны, «под крышей» которого против союзника Великобритании в войне — России — действовала настоящая разведывательно-диверсионная организация германского Генерального штаба и германской военной разведки. А ведь у британской разведки именно в Копенгагене были очень мощные позиции. Ну и, наконец, еще об одном явно не случайном совпадении. Парвус, который всего лишь на три года был старше Ленина — он родился в 1867 г., — поразительно «своевременно» «откинул лапы» в том же 1924 г., как и Ильич, который, как и он сам, играл также и по британской партитуре. Правда, предварительно Парвус успел передать свое «бесценное идейное наследство» по методике разрушения и уничтожения России... Адольфу Гитлеру^[184].

Если подвести итог всему сказанному о Парвусе, то нетрудно будет согласиться со следующими выводами. По мощи своего интеллекта и практической энергичности Парвус был равный «классикам» «научно обоснованного революционного» бандитизма в международном масштабе. Это был талантливый, чрезвычайно эффективный и хитроумный агент стратегического, скорее даже глобального интеллектуального влияния

британского политического масонства и британской разведки, искусно действовавший под германским флагом.

Именно его руководство британского политического масонства и британской разведки решило использовать в операции «Заговор против Заговора», которая была начата на рубеже 1914 — 1915 гг. Ее целью было оказание стратегического влияния на послевоенное мироустройство чужими руками с чужого плацдарма и под чужим же флагом, в данном случае — германским. Суть операции сводилась к уничтожению России и ликвидации русского фактора в мировой политике. Весь его план уничтожения России «революцией» был построен на старинном императиве подрывной деятельности Великобритании против России, а также стран, входящих в орбиту ее геополитического влияния, — на императиве вычленения территории с этнически однородным населением. Начало операции было подстегнуто тем, что уже в конце 1914 г. британской разведкой были зафиксированы первые попытки кайзеровской Германии вступить в сепаратные переговоры о мире с Россией. В принципе же операция была запланирована еще до начала Первой мировой войны. Но вернемся к вопросу о неслучайности совпадений между действиями Сэмюэля и Парвуса.

Кайзер Вильгельм II рассчитывал использовать евреев, а заодно и сионистское движение в интересах Германии. Тем более что и штаб-квартира созданной еще в 1897 г. Всемирной сионистской организации (ВСО) первоначально базировалась в Берлине. Собственно говоря, потому-то в меморандуме Сэмюэля и появился пассаж о возможности германского протектората в Палестине: ведь она находилась под контролем германского союзника — Османской империи. Во время войны кайзер разрешил функционирование при посольстве Германии в Константинополе так называемого бюро Р. Лихтгайма — одного из лидеров германской ветви сионизма, предоставив ему даже право телеграфной переписки через соответствующую службу посольства и даже дипкурьеров. Между тем в анналах истории радиошпионажа периода Первой мировой войны числится «константинопольская история», согласно которой большую часть германских дипломатических шифров в той войне британская разведка заполучила именно в Константинополе, в том числе значительную их часть — до 1915 г. Благодаря этому британская разведка свободно читала германскую дипломатическую переписку тех лет. Да, разведка на то и разведка, чтобы добывать шифры и коды. С профессиональной точки зрения можно было бы сказать, что англичане молодцы, раз добились такого успеха. Можно было бы, если бы не факт удивительной последовательности и синхронности представлений меморандумов Сэмюэля и действий

Парвуса, в том числе и передачи «плана русской революции». Если вдуматься в эту неслучайность, то придется согласиться с тем, что налицо негласный контроль бриттов за процессом развертывания ситуации с помощью радиоспионажа. И чтобы понять причину, в силу которой необходимо согласиться с указанным выводом, потребуется анализ подоплеки тех обстоятельств, в силу которых второй меморандум Сэмюэля — тот, что от 15 марта 1915 в. — стал руководством к действию.

Это связано с военно-промышленным шпионажем. Речь идет о знаменитой «ацетоновой истории». Ее суть в следующем. С помощью сионистов, прежде всего самого лидера ВСО — Хаима Вейцмана, который был блестящим химиком и ранее работал по линии германского военного ведомства, а перебравшись в Англию, возглавил отдел военной химии в британском адмиралтействе, — из Германии в Англию попала технология производства искусственного ацетона, крайне необходимого для производства пороха^[185]. Технология была разработана германским химиком Фрицем Габером (евреем по национальности), который одно время руководил военно-химическим отделом германского военного ведомства и лично знал Х. Вейцмана. Но одновременно в Англию попали и германские дипломатические шифры. Услуга не была забыта.

Едва только в декабре 1916 г. новый премьер-министр Великобритании Л. Джордж сформировал свой кабинет, он тут же протасил секретное решение о начале подготовки оккупации английскими войсками Палестины! Операция была назначена на осень 1917 г. И в это же время Антанта приняла секретное от России решение об интервенции против нее. Оба главных негодяя Антанты — Англия и Франция — одновременно согласовали между собой сферы влияния после расчленения России. Впрочем, в действительности-то были обговорены зоны их оккупации российской территории.

Накануне своего визита в Россию в начале февраля 1917 г. член военного кабинета лорд Мильнер^[186] вдруг запросил начальника британского Генерального штаба Г. Вильсона о том, как идет подготовка к осенней, 1917 г., кампании в Палестине. Если он направлялся в Россию, причем, как впоследствии будет установлено, для последней инспекции готовности внутрироссийских негодяев-предателей к свержению царя, то какое ему могло быть дело до Палестины?! Ему бы последние разведсводки из России почитать, благо там целая свора отпетых британских бандитов орудовала, а он — про Палестину?! Однако один из самых высокопоставленных иерархов британского политического масонства того времени прекрасно знал, почему перед отъездом именно в Россию он интересуется именно Палестиной. Помните, в п. 3 второго меморандума

Г. Л. Сэмюэля — от 15 марта 1915 г. — говорилось о некоей интернационализации контроля над Палестиной, которая-де тоже плоха. Прав был Сэмюэль — плоха она для Англии. Потому как за 11 дней до его меморандума — 4 марта 1915 г. — Англия подписала соглашение с Францией, известное как соглашение Сайкс-Пико, к которому присоединилась и Россия. А вот п. 5 этого соглашения обуславливал участие Франции и России (наряду с другими членами Антанты) в создании и деятельности администрации по управлению так называемой коричневой зоной, то есть Палестиной. Это означало не столько даже фактическую интернационализацию контроля с севера над суперклассической морской коммуникацией мирового масштаба — Суэцким каналом, которым Англия монопольно управляла с 1875 г., — сколько русификацию этого контроля. Потому как основная масса евреев Европы проживала в границах российской империи и в случае реализации положений п. 5 соглашения Сайкс-Пико контроль над Палестиной оказался бы в руках именно России, как наиболее способной заселить своими подданными-евреями земли Палестины и тем самым решить давний «еврейский вопрос» в стране. Естественно, это не являлось источником особой радости для Англии, особенно с учетом того, что и в целом-то соглашение Сайкс-Пико, как, впрочем, и присоединение к нему России, было посвящено Константинополю и Черноморским проливам, контроль над которыми еще с 1870 г. осуществляла та же Англия. По соглашению Сайкс-Пико Константинополь, Черноморские проливы и еще ряд территорий должны были отойти под контроль России. То есть по совокупности последствий Россия стала бы доминирующей державой в Средиземноморье. Это было категорически неприемлемо для Великобритании, веками противодействующей России особенно на этом направлении. Соглашение Сайкс-Пико подписали только для того, что временно умаслить Россию и заставить ее и далее проливать кровь за убудочных союзников. Однако в декабре 1916 г. Николай II как Верховный главнокомандующий отдал приказ о генеральном наступлении весной 1917 г. в целях полного освобождения территории империи от германских войск. Это и был его подлинный ответ на все попытки Германии и Австро-Венгрии сепаратно предложить ему мир, подлые мифы о чем раздували как подонки — будущие временщики, так и мерзавцы в Лондоне и Париже. Приказ предусматривал наступление, в том числе и в направлении Константинополя и Черноморских проливов. Россия действительно неплохо подготовилась к этому наступлению, переоснастив армию и флот.

Немедленно всполошилась Великобритания. Срочно был смнен премьер-министр — им и стал Ллойд Джордж. Срочно принимается

решение о подготовке оккупации Палестины, срочно вырабатывается решение об интервенции в Россию, срочно намечаются планы ее расчленения на зоны влияния — и все ведь на осень 1917 г., срочно организовывается убийство Распутина, срочно дается отмашка на срочное же завершение всех приготовлений по свержению царя и т. д. А то как же — такая сволочь, как сам лорд Мильнер, с инспекцией едет! И едва только в России произошла предательская февральская революция, как тут же антантовская мразь даже своих прихлебателей из числа иуд-временщиков и то надула. Устроенным 17 апреля 1917 г. в Сен-Жанде-Мариенн англо-французским междусобойчиком соглашение Сайкс-Пико было полностью дезавуировано и аннулировано за счет подписания нового соглашения. «Поматросили» предателей и бросили. Хорошо еще к праотцам не отправили, хотя это было бы очень правильно. Ведь они не столько свою поганую «революцию» совершили, сколько, как впоследствии писал в своих мемуарах Черчилль, «удалили Россию и устранили все русские требования к итогам этой войны»^[187]. Потом это предательство продолжит «вождь», напрочь похеривший не столько даже все договора России со странами Антанты, сколько справедливейшие требования России к послевоенному устройству мира! В феврале 1917 г. военное министерство Великобритании вновь запросило Генеральный штаб о том, как идет подготовка к палестинской операции. То есть операция не только была заранее запланирована, но и заранее же увязана с уже намеченной к реализации февральской революцией в России!

В августе 1917 г. в Гааге начинается второй раунд тайных сепаратных переговоров между начальником британского генштаба Генри Вильсоном и статс-секретарем иностранных дел Германии Рихардом фон Кюльманом^[188]. 23 августа 1917 г. британский генштаб представил премьер-министру рапорт о возможности проведения палестинской операции^[189].

К слову сказать, «лягушатники» не отставали от бриттов: 7 августа 1917 г. представитель французского генштаба граф Арман вступил в очередные тайные сепаратные переговоры с представителем генштаба Австро-Венгрии, своим же родственником графом Ревертера. И везде тевтонам вдалбливали, что-де Германия чуть ли не обязана пойти на ряд уступок Западу в обмен на свободу рук в России! Вот мерзавцы-то! Один из них — все тот же Черчилль — так и написал в своих мемуарах: «Удаление России и устранение всех русских требований одновременно облегчало мирные переговоры...»^[190] О какой «свободе рук» могла идти речь, если шла война, и они и так хозяйничали на оккупированных русских территориях? А только о свободе заключения сепаратного мира и дальнейшей оккупации территории России как якобы гарантии этого

сепаратного мира для самой Германии, а на самом деле для того, чтобы она окончательно влезла бы в Россию, выйти из которой, тем более живой, просто нереально. Это старая аксиома европейской политики. Ллойд Джордж так и говорил: «Россия — страна, в которую легко вторгнуться, но которую очень трудно завоевать. Она никогда не была покорена иноземным врагом, хотя много раз подвергалась нашествию. Это страна, в которую легко войти, но из которой трудно выйти»^[191]. Тевтоны заглotalи наживку. В России же с 26 августа Керенский начал разыгрывать фарс с «корниловским мятежом», который стал предтечей сдачи Керенским власти в России Ленину и Троцкому.

И вот кульминация: в сентябре 1917 г. Ллойд Джордж принял стратегически важное решение о том, что войска, необходимые для крупной кампании в Палестине, могут быть сняты с Западного фронта зимой 1917 — 1918 гг. и выполнить свою задачу в Палестине вовремя, чтобы вернуться во Францию для начала активных действий весной»^[192]. Вы только вдумайтесь в суть этого решения британского премьера — ведь он же фактически подставлял весь Западный фронт Антанты и своего ближайшего союзника — Францию — в самом буквальном смысле слова под смертельную угрозу германского контрнаступления!

Но Ллойд Джордж знал, что делал. Вопрос об октябрьском перевороте уже был согласован между Лондоном и Берлином! Ставка Лондона была на то, что пока тевтоны будут колупаться с приведением к власти и особенно с удержанием у нее кормила Ленина и К°, германского наступления на Западном фронте не будет! А за это время Великобритания успеет перебросить свои войска в Палестину! Так оно и вышло. Едва ли нужно объяснять, что для принятия столь опасного, чреватого непредсказуемыми негативными последствиями решения одного только рапорта начальника британского Генерального штаба Л. Джорджу было недостаточно. И даже достигнутых с тевтонами тайных сепаратных договоренностей — разумеется, за счет прямого ущерба интересам России, — тоже было недостаточно. Л. Джордж никогда не давал повода, чтобы хотя бы гипотетически заподозрить его в склонности к авантюризму, тем более с явными катастрофическими последствиями. Принятие такого решения могло быть обусловлено только наличием у Л. Джорджа неоспоримо «железных» доказательств, что ничего опасного не случится. Ведь решение о снятии зимой 1917/18 г. британских войск с Западного фронта и направлении их в Палестину было принято уже в сентябре 1917 г. Более того, необходима была еще и хотя бы видимость согласия другой твари по Антанте, Франции, иначе она так взбрыкнула бы, что Лондону мало не показалось бы. В такой ситуации подобные гарантии могли быть даны

только из России — как главарем «шайки подонков больших городов Европы и Америки» Лениным, так и его предшественником — подонком Керенским. И они были даны.

Как известно, Первый съезд Советов прошел в июне 1917 г. и весьма мирно — британский подонок Керенский перемежал на нем свои выступления с речугами «германского шпиона» Ульянова-Ленина. Перед самым закрытием съезда Керенский объявил дату 25 октября (7 ноября) как дату открытия следующего, Второго съезда Советов. То есть, по сути дела, дата октябрьского переворота была назначена не Лениным, а Керенским по согласованию с Великобританией, куда он впоследствии и умотал на английском же корабле «Адмирал Об», специально присланном англичанами за ним.

Датой выборов депутатов в Учредительное собрание Керенский первоначально избрал 17(30) сентября 1917 г. Однако уже в августе 1917 г. она была перенесена им на 12(25) ноября того же года. Но ведь в августе прошли секретные сепаратные переговоры начальника британского имперского генерального штаба Г. Вильсона со статс-секретарем иностранных дел Германии Кюльманом! То есть перенос даты оказался прямо связан с секретной англо-германской договоренностью о дате октябрьского переворота! Соответственно изменилась и дата созыва Учредительного собрания — с 30 сентября (13 октября) на 28 ноября (11 декабря) 1917 г. Потом еще раз перенесут — на 5(18) января 1918 г.^[193] А теперь посмотрите, что же произошло дальше.

В конце сентября 1917 г. из шалаша в Разливе «вождь» направил в ЦК РСДРП(б) записку, в которой, настаивая на «безусловной необходимости» восстания, обосновывал ее потребностью «спасения революции и для спасения от "сепаратного" раздела России империалистами обеих коалиций!» С чего это он понес такую бредятину? Бритты в это время «намылились» в Палестину — Ллойд Джордж только-только принял окончательное решение о переброске британских войск в Палестину. «Лягушатники» пребывали в полудохлом состоянии и сидели, поджав хвост. Угрожать могла только Германия. И то не очень-то. А 24 октября 1917 г. по старому стилю, то есть через четыре дня после провозглашения в Англии «Декларации Бальфура» — «гениальный вождь» вдруг резко заторопился с переворотом, причем как-то уж странно — 25-го рано, а 26-го поздно?! И ведь настоял же на своем! Даже записочку 24 октября послал в ЦК. Между тем 23 октября (5 ноября) Керенский получил срочную телеграмму от министра иностранных дел Великобритании, того самого лорда Бальфура, в которой сообщалось о том, что австрийский посланник в Берне сообщил своему британскому коллеге намерение официальных властей Австро-

Венгрии вступить в тайные и сепаратные от Германии переговоры о мире. Фактически эта телеграмма прозвучала для Керенского как приказ немедленно сдать власть Ленину, Троцкому и К°! Потому что Великобритании была нужна свобода рук как в Европе, так и особенно при передислокации своих войск в Палестину. Но не ей же первой начинать тайные сепаратные переговоры, тем более с Австро-Венгрией, от которой мало что зависело, — ведь главным официальным противником была Германия. Ей надо было связать руки, дав ей возможность влезть в Россию, и, обезопасив тем самым европейский фронт, лезть уже в Палестину.

Телеграмма и «положительный» ответ Керенского на нее были якобы «тайной за семью печатями», которую знали семь человек в правительстве Керенского. Но, как говаривал незабвенный «папаша Мюллер», что знают двое — знает свинья. А тут — семь. Впрочем, грешить на всех не будем. Достаточно самого Керенского, который все время находился на прямой связи с Троцким. А у него, сами понимаете, была прямая курьерская связь с шалашом, в котором от холода и страха трясся в скором будущем «гениальный вождь мирового пролетариата» В. И. Ленин. Вот так «вождь» и узнал об этой телеграмме и, естественно, понял, что к чему. И тут же 24 октября в ЦК полетела записочка — 25-го рано, 26-го поздно. Ильич точно знал, что в данном случае промедление смерти подобно — лично для него. Однако, как потом говорили, «политические проститутки» Зиновьев и Каменев «предали социалистическую революцию» и со страниц большевистской печати разгласили дату переворота. Много десятилетий спустя, когда уже даже СССР канул в Лету, один из отечественных исследователей — А. М. Иванов — в своей книге «Логика кошмара» обратил внимание на то, что этот эпизод как-то очень уж странно изложен в так называемом «завещании» Ленина: «Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но... он так же мало может быть поставлен им в вину лично, как небольшевиз Троцкому». И далее А. М. Иванов высказывает свое мнение: «Что это? Откуда такая внутренне противоречивая фраза? Если влияния названной троицы не случайны, значит, они закономерны. Оступившийся раз может оступиться снова и даже обязательно оступится. Значит, нужно предостеречь от этого человека. Но вместо предостережения вдруг: "Это нельзя ставить им в вину". Почему? Если это не вина, то зачем об этом говорить? Получается какое-то странное противоречие. Но только на первый взгляд. На самом же деле никакого противоречия нет. Перед нами масонский шифр»^[194]. Правильно. Это масонский шифр, только вот расшифровку его А. М. Иванов дал очень уж запутанную, да еще и с дальнего разбега, беспочвенно, в конечном-то счете сведя к тому, что-де Ленин именно в Зиновьеве видел своего преемника, что

само по себе уже странно. Такое могло прийти в голову только Троцкому. Оно и в самом-то деле было так. Если, конечно, учесть, что само «завещание», в чем еще убедимся, было всего лишь искусно состряпанной, при непосредственном участии Крупской, фальшивкой Троцкого. Что же до масонского шифра, то в «завещании» он был применен Троцким не случайно. Сгоравший от ненасытной жажды власти, «бес мировой революции» сдуру разгласил не только сам факт наличия такого шифра, суть которого в том, что «технологически» он составляется методом отрицания от противного с признанием реального факта. Главное, что он разгласил, заключалось в следующем. Методом якобы несогласия с датой, но отнюдь не с необходимостью переворота находившиеся на свободе и вне прямой связи с Керенским Зиновьев и Каменев, как агенты «опекающего прикрытия», через прессу открыто дали знать своим подлинным хозяевам, среди которых тевтоны занимали далеко не самое первое место, что переворот действительно назначен в ночь с 25 на 26 октября (по старому стилю) 1917 г.! Ленин-то в этот промежуток времени прятался по квартирам других масонов, так как за ним и другими руководителями РСДРП(б) якобы гонялась контрразведка временщиков — уж так гонялась, что лично Керенский охранял Троцкого, который знал, где прячется Ильич. Однако связаться каким-либо образом с тем же британским посольством, а также с нелегально пребывавшими в Петрограде представителями тевтонов возможности не было. Да к тому же тем же бриттам вполне достаточно было массовых обвинений в устроении так называемой «февральской революции»^[195]. Впрочем, Зиновьев и Каменев напрасно суетились. В выдаче даты переворота был замешан и лично Троцкий. Бывший министр юстиции последнего Временного правительства, масон Павел Николаевич Малянтович во время допроса в 1939 г. сообщил, что именно Троцкий, а не Зиновьев и Каменев, официально сообщил А. Ф. Керенскому о том, что в ночь с 25 на 26 октября большевики осуществят «восстание» для захвата власти путем свержения Временного правительства. На основе этой информации Керенский, для отвода глаз и подозрений от собственной персоны, сделал соответствующий доклад на правительстве, в конце которого предложил «предотвратить» восстание путем ареста Ленина и иных руководящих деятелей большевиков. Одновременно Керенский сообщил правительству, что такое решение встретило одобрение и других лиц, назвав в их числе того же Троцкого, Зиновьева и Каменева! То есть заявление Х. Раковского о том, что Керенский должен был сдать власть именно Троцкому, — полностью подтверждается! Потому как если бы Керенский арестовал Ленина — Малянтович-то на самом деле выписал ордер на арест «вождя», — то тогда руководство не только ЦК, но и всей

РСДРП(б) само собой полностью перешло бы в руки этого триумvirата агентов влияния, и они все равно «осуществили» бы «переворот», но уже без «дорогого Ильича». Но ведь им-то приказ был не рыпаться в первом же ряду — на время «переворота» главарем должен был быть Ленин. Лишь в последний момент они очухались — в основном по соображениям «этнической безопасности», — и «вождем» действительно стал Ленин. К этой же возне за роль «лидера русской революции» был причастен и Я. М. Свердлов, как особо доверенный представитель секретного Бунда.

Не следует полагать, что подобные признания из Малянтовича выбили силой, коли речь идет о 1939 г. Его, 70-летнего к тому времени старика, вообще не трогали даже пальцем. Незадолго до этого возглавивший Лубянку Л. П. Берия своим приказом строжайше запретил применение недозволенных законом методов воздействия на подсудимых, что, к глубочайшему сожалению, вопреки всем запретам Сталина, Ежов и его костоломы тем не менее практиковали^[196].

Малянтович был не только опытным юристом с громадным стажем, а потому очень хорошо знал цену слову, но и весьма строптивым человеком, вследствие чего часто наотрез отказывался подписывать те протоколы допросов, в которых, по его мнению, сказанное им было неправильно записано или истолковано. Это четко видно по материалам хранящегося в Центральном архиве ФСБ его следственного дела. И следователи Лубянки вынуждены были с неподдельным интересом и в точности записывать его показания. Протокол, из содержания которого взяты эти сведения, был подписан Малянтовичем. Поэтому верить этим данным можно. Малянтович был арестован в ноябре 1937 г., но заговорил об этом только через год, начиная с ноября 1938 г., когда власть на Лубянке перешла к Берия, то есть только тогда, когда с Лубянки были изгнаны такие же костоломы «интернационалисты», как и Троцкий. Малянтович отчетливо понимал, что соплеменники «беса» не оставят его в живых, дай он такие показания раньше. Потому и молчал, пока не сменилась власть в НКВД. Впрочем, его все равно приговорили к 10 годам ИТЛ без права переписки, что при его-то возрасте попросту означало смерть за решеткой, где он и скончался. И вот еще что в этой же связи. Полностью подтверждая друг друга, показания Раковского и Малянтовича совпадают и с сообщением давнего агента германской разведки и масона Иосифа Колышко. На основании его информации статс-секретарю германского МИДа А. Циммерману еще 31 марта 1917 г. был представлен подробный доклад, в котором прямо говорилось, что Керенский «является передаточным звеном между своей партией и социал-демократической рабочей партией (т. е. РСДРП(б)). — А.

М.) и поддерживает контакты с ней»^[197]. Как и вся эта падаля — временщики, Керенский был человеком Антанты, а Ленин и К° (включая и упомянутый выше триумvirат) в то время считались агентурой тевтонов. То есть информация Колышко свидетельствует о том, что между Антантой, особенно между Англией, США и Германией, к тому времени уже существовали такие принципиальные договоренности о совместном бандитизме против России, которые неукоснительно претворялись в жизнь на уровне «исполнителей»! Но это же означает, что как Ленин, так и Троцкий, Зиновьев и Каменев играли по антантовской партитуре! При сопоставлении всех этих фактов поневоле придешь к одному-единственному выводу, что их выходка была заранее обусловленным сигналом! То есть, как только станет известно о провозглашении официального британского документа по еврейскому вопросу — им-то и стала «Декларация Бальфура» — то, заранее оповестив об этом, но в пределах одной недели, Ленин и К° должны были прийти к власти и быстро начать переговоры с Германией о сепаратном мире, дабы Англия могла бы относительно безопасно как для себя, так и для Западного фронта перебросить свои войска в Палестину! Ставшее же известным Ленину содержание телеграммы Бальфура от 23 октября (5 ноября) явилось, по сути дела, последним ударом хлыста, окончательно подстегнувшим его более не медлить с переворотом ни одной секунды. Думайте что хотите, но все это свидетельствует о том, что Ленин играл в том числе, а на этом отрезке времени — в первую очередь, по британским (и в немалой степени также и по американским, а также совместным англо-американским) «нотам». И весь вопрос теперь даже не в том, кто конкретно подсунул ему такую «партитуру», сколько в том, кто и как заставил его сыграть эту партию именно же по «нотам» именно такой «партитуры»?!

Но на этот вопрос как раз и ответил Раковский, заявив на допросе, что «этот секрет известен жене Ленина — Крупской. Ей известно, кто такой Троцкий в действительности; это она уговаривает Ленина принять Троцкого (еще в феврале 1917 г. Ленин прилюдно крыл «беса»: «Вот так Троцкий! Всегда равен себе — виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым, пока можно...» Не говоря уже о том, что обозвал его «Иудушкой-Троцким»! — А. М.). Если бы он его не принял, то... остался бы заблокированным в Швейцарии; это одно уже было для него серьезной причиной (принять Троцкого. — А. М.), и, кроме того, он знал о том, что Троцкий доставлял деньги и способствовал получению колоссальной интернациональной помощи; доказательством этого служил запломбированный вагон».

Играть по «нотам» определенной «партитуры» ему вменили в обязанность, очевидно, еще в Швейцарии. В Россию он был направлен как агент стратегического влияния консолидировавшегося в своем тайном, уникально подлом заговоре Запада! А то, что он играл по «нотам» такой «партитуры», подтвердили лично Л. Джордж и британский посол в России Дж. Бьюкенен. Последний, к примеру, 27 ноября (по старому стилю) 1917 г. отбил в свой МИД челобитную, в которой упорно настаивал на том, что-де «нужно освободить Россию от обязательства не заключать сепаратного мира, иначе русско-германский союз после войны будет представлять угрозу для Европы, особенно же для Великобритании»^[198]. Ловок был негодяй, но маху дал такого, что пасть-то ему тут же и заткнули. Ведь этой челобитной дуралей посол открыто призвал официальный Лондон признать и де-факто, и де-юре реально и так существовавшую преемственность по цепочке от всех четырех временных правительств к Ленину и К^о! Ведь в своем отречении от власти Керенский написал: «Слагаю с себя звание министра-председателя, передаю все права и обязанности по этой должности в распоряжение Временного правительства. А. Керенский. 1. XI. — 17 г.»^[199]. Тут важна дата — 1 ноября (по старому стилю) 1917 г. Потому как в это время все его, Керенского, последнее Временное правительство находилось в Петропавловской крепости. Первого же ноября 1917 г. по факту в стране было только одно временное правительство (оно так и называлось — Временное правительство) — Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным! Пост сдал — пост принял! Ура-а-а! Но ура ли?!

«Освободить Россию от обязательства не заключать сепаратный мир» можно было только в одном случае. Сначала британское правительство должно было принять соответствующее решение, которое затем должно было быть передано на одобрение Верховного совета Антанты, потому как, по Лондонской конвенции от 5 сентября 1914 г., ни одно из государств — членов Антанты не имело права на сепаратные переговоры с Германией. А в России между тем уже в который раз менялась власть! То есть Бьюкенен призвал признать вышеозначенную преемственность власти также и на уровне Антанты! Потому как знал, что его правительство запланировало операцию по переброске войск в Палестину. И что временное затишье на Западном фронте для этого можно было обеспечить только за счет России, точнее, за счет сепаратных переговоров «вождя» с тевтонами! Однако главный его промах заключался в другом. Призыв «освободить» Россию от этого обязательства свидетельствовал фактически об эвентуальном (то есть упреждающем), но временном признании советского правительства в лице Ленина и К^о! Законным образом оно могло распространиться на Россию только в том случае, если и де-факто, и особенно де-юре советское

правительство во главе с Лениным было бы признано всеми странами Антанты, прежде всего Англией и Францией! То есть по совершенно непонятной и тем более несвойственной для послов Их британских величеств дурусти, Бьюкенен эзоповым языком показал, что как Ленин и К°, так и его правительство были признаны Лондоном! Как минимум на время операции по переброске британских войск в Палестину! И в таком случае выходит, что и Ленин, и Лондон играли по одной и той же, заранее согласованной «партитуре», иначе просто нечем объяснить такую странную заботу Бьюкенена и синхронизированные с действиями англичан действия «вождя»! Воистину прав генерал А. Е. Вандам (Едрихин): «Плохо иметь англосакса врагом, но еще хуже иметь его другом». Призыв посла означал, что Англия и де-факто, и де-юре крайне заинтересована в Ленине и К°! Однако в этом случае немедленно сталкиваемся с еще более интересным вопросом: а чего ради **PERFIDIOUS ALBION** был так заинтересован в этой «шайке подонков больших городов Европы и Америки»? Ведь призыв посла означал также и готовность заранее признать законность действий Ленина по заключению позорного сепаратного мира с Германией, а следовательно, и законность действий последней, прежде всего в части, касающейся оккупации российских земель — ведь условия-то сепаратного мира как с германской, так и с российской сторон» были известны! Учитывая же, что в дальнейшем Ленин и К° должны были организовать «революции» еще и в Германии и Австро-Венгрии, чтобы их доконать, то тем более выходит, что Бьюкенен более чем по-крупному проговорился. За этим стоит признание наличия прямого тайного сговора между Англией и Германией, который был достигнут на августовских 1917 г. секретных переговорах в Гааге между Г. Вильсоном и Р. фон Кюльманом! Л. Джордж незадолго до тех событий не зря сказал, что «Россия — страна, в которую легко вторгнуться, но которую очень трудно завоевать... Это страна, в которую легко войти, но из которой трудно выйти». О неизбежном «революционном будущем» Германии, устроить которое были обязаны прикормленные тевтонами Ленин и К°, бритты, естественно, не проинформировали немцев.

Вот это и есть суть британской «партитуры», по «нотам» которой играл тогда «гениальный вождь»! Его задача в том и состояла, чтобы за счет невиданного для России позора втянуть в нее Германию, чтобы она не смогла оттуда вылезти, пока бритты будут заняты Палестиной! Чтобы она как можно сильней увязла бы в России. Он был обязан сделать именно так, чтобы освобождение России от германских оккупантов стало бы невозможным без вооруженной помощи Антанты в виде интервенции против оккупирующих ее территории германских войск. Ведь русская-то армия усилиями «шайки» Ленина была вдрызг разложена. Находившиеся в

России разведчики Антанты — Брюс Локкарт (Англия) и Жак Садуль (Франция) — направляли в свои столицы срочные депеши о необходимости срочной интервенции «в помощь большевикам против немцев»^[200]. Она-то и позволила бы Антанте «на законных основаниях» расчленив территорию России и уже с помощью своих войск «эвакуировать» оккупированные после «освобождения» от германских супостатов российские территории из состава России. Что, к слову сказать, и было частично сделано. Вот почему 6—7 ноября (по новому стилю) 1917 г., по старому-то — 24 — 25 октября, 1917 г. в местечке Рапалло (близ Генуи, Италия) состоялась военная конференция государств-членов Антанты (без России, естественно), на которой было принято решение об образовании Верховного совета союзников, что явилось первым шагом к объединению военного командования. Первую по счету в XX в. Вторую мировую войну против России в сценарии «с колес Первой» Запад намеревался осуществить полностью консолидированными силами — ситуация войны позволяла сделать это без особых усилий! Антанта уже знала — «политические проститутки» оповестили, — что «октябрьский переворот» как серьезный шанс для будущего вторжения точно состоится!

Генеральная задача Антанты в том и состояла, чтобы резко изменить послевоенную конфигурацию в Восточной Европе в пользу англосаксонского Запада. До войны это невозможно было сделать, потому как вся Восточная, Центральная и Юго-Восточная Европа полностью контролировались тремя монархиями — Германской, Австро-Венгерской и Российской. Если же учесть этнический характер населения этих территории, то преимущества в послевоенный период были бы у Российской империи, так как это ареал обитания преимущественно славян и православных. Спустя много лет после Первой мировой войны, в 1934 г., канцлер Венгрии граф Бентлен скажет: «Если бы Россия в 1917 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы лишь русскими губерниями. Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властителей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги. Но Россия в результате революции потеряла войну и с нею целый ряд областей...»^[201] Граф, конечно же, слегка передернул, ибо тогда и в помине-то не было речи о присоединении к Российской империи дунайских стран. Но глобально он прав — усиленное влияние России распространилось бы на эти территории самым естественным образом. Оно и было бы воспринято самым благожелательным, самым дружественным образом. Однако именно этот-то результат войны более всего и страшил англосаксонский Запад, потому что, как уже указывалось в

двух главах, «кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым Островом; кто правит Мировым Островом, господствует над миром». Уничтожить даже тень намек на что-либо подобное и установить контроль англосаксонского Запада над Восточной Европой со всеми вытекающими отсюда последствиями — вот в чем состояла главная глобальная геополитическая цель объявленной России как Перманентной мировой войны, так и Первой мировой войны, а также, естественно, и первой по счету в XX в. Второй мировой войны в сценарии «С колес Первой»! Именно поэтому еще до получения от Бьюкенена такой челобитной, 26 ноября (9 декабря) 1917 г., Ллойд Джордж четко указал своему послу в России: «Нет необходимости пока рвать открыто с советским правительством»^[202]. Кстати говоря, под этим письменно выраженным в виде меморандума мнением подписался и... лорд Бальфур! Почему «нет необходимости пока рвать открыто с советским правительством», если решение об интервенции уже принято и даже имеется проект англо-французского соглашения о разделе сфер влияния в России?! Да потому, что «вождь» должен был «освятить» своим именем предстоявший еще более глобальный геополитический грабеж! Он должен был лично санкционировать и одобрить «эвакуацию» громадных территорий из состава России! Кстати говоря, это одно из главнейших соображений, в силу которого Троцкий, Зиновьев и Каменев все-таки вынуждены были отказаться от мысли еще дооктябрьской ликвидации В. И. Ленина. Потому что немедленно взвился бы невиданный по своей силе и мощи «девятый вал» самой разнузданной, самой кроваво оголтелой юдофобии, который не дал бы ни малейшего шанса на осуществление такого глобального геополитического грабежа. «Необходимости рвать открыто с советским правительством» у Л. Джорджа не было, во-первых, потому, что геополитический грабеж должен был быть осуществлен в условиях полного прерывания легитимности РУССКОЙ ВЛАСТИ октябрьским переворотом Ленина. В том смысле, что пока он нужен, его признают, но как только геополитические цели достигнуты — тут же объявляется, что-де власть нелегитимна, потому как захвачена в результате насильственного переворота. Что и было сделано. Во-вторых, потому, что успех переброски британских войск в Палестину в этот промежуток времени напрямую зависел от того, удержится ли у власти «шайка подонков больших городов Европы и Америки» во главе с «вождем» хотя бы некоторое время!

Вот почему Ленин и торопился захватить власть, в том числе и до наступления момента голосования в Учредительное собрание. Это и означало прерывание даже видимости легитимности РУССКОЙ ВЛАСТИ.

Но это же означало и время непосредственного кануна начала британской операции по переброске войск в Палестину. В упоминавшемся выше рапорте начальника британского имперского Генерального штаба Г. Вильсона на имя премьер-министра Л. Джорджа от 23 августа 1917 г. прямо было указано, что этот период охватывает от середины ноября до середины апреля! «Вождь» должен был захватить власть в стране именно накануне начала этого наиболее благоприятного для проведения палестинской операции периода времени. На это время Ленин действительно был нужен Лондону, и потому «вождь» торопился захватить власть до открытия работы Второго Всероссийского съезда Советов. По замыслу бриттов именно Ленин должен был «освятить» своим именем этот геополитический грабеж, что он и сделал, громыхнув 2 (15) ноября на всю Россию «Декларацией прав народов России», в которой была зафиксирована возможность для всех на свободное самоопределение вплоть до отделения! Что и началось. В то же время он должен был полностью гарантировать бриттам успех давно запланированной ими операции по переброске войск в Палестину. Правда, если быть точным, то вакханалия с самоопределением началась еще до октябрьского переворота. 20 июня 1917 г. на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских «депутатов» была принята резолюция с требованием того, чтобы Россия вступила на путь децентрализации управления, декларируя «признание за всеми народами права на самоопределение вплоть до отделения». Но это было всего лишь начало, тем более в ситуации, когда страной управляло формально легитимное, признанное Антантой и союзное ей Временное правительство. В таких условиях воровать российские территории очень трудно. Тем более что провозгласившая это коалиция эсеровско-меньшевистской предательской сволочи не только в 2,5 Раза превосходила представителей РСДРП(б) по численности, но и прежде всего была креатурой Антанты. Начнись запланированное Антантой воровство русских территорий тогда, то не только Антанта потерпела бы сокрушительное фиаско со всеми вытекающими отсюда крайне негативными последствиями, но и вся ее агентура открыто была бы вырезана народом. Что, откровенно говоря, было бы в высшей степени справедливо. Но именно поэтому-то и нужно было как полное прерывание легитимности Русской Власти, так и провозглашение «права нации на самоопределение» именно незаконным, лишь для видимости признаваемым правительством. В такой ситуации воровать русские земли было бы куда как удобней, тем более что в таком случае не было бы никакой необходимости даже для профанации считаться с незаконным правительством.

Когда 11 ноября 1918 г. в пригороде Парижа — Компьене — было подписано печально знаменитое и якобы положившее конец Первой мировой войне Компьенское соглашение, то в его ст. 12 говорилось: «Все германские войска, которые ныне находятся на территориях, составлявших до войны Россию, должны равным образом вернуться в Германию, как только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий»^[203]. Вот это-то обстоятельство — «территории, составлявшие до войны Россию» — и есть последствие той самой «декларации», провозглашения которой от Ленина требовала Антанта, но более всего англосаксы. И едва только он ее провозгласил, как тут же было принято решение об интервенции. А к ее началу британские войска успели возвратиться в Европу.

Статья 12 Компьенского соглашения о перемирии имела секретный подпункт, по которому Германия уже обязывалась держать свои войска на всех оккупированных ею территориях якобы для борьбы с Советами до прибытия войск и флотов стран — членов Антанты^[204]. А они были в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии, в Крыму и даже в Закавказье (в Грузии). То есть должна была произойти полная замена германского караула на антантовский — где британский, где французский, где американский, а где даже и японский, чтобы, как бы в порядке захваченных у поверженных тевтонов «трофеев» захватить и «эвакуировать» эти территории из состава России, предварительно создав там марионеточные правительства проантантовского толка. Атланта изготовилась вчистую уворовать колоссальные по площади территории России под предлогом их «освобождения» от германских супостатов, а игра Ленина по британской «партитуре» фактически благоприствовала воровству одного миллиона квадратных километров с наитяжелейшими последствиями глобального стратегического характера! Одновременно Россия лишалась и практически всех выходов в моря и особенно в Мировой океан, подчеркиваю, практически на всех азимутах!^[205]

Уж и не знаю, как Ленину удалось сообразить, что его надувают более чем по-крупному. Скорей всего тому способствовало одно грязное обстоятельство. Главным условием Антанты перед подписанием Компьенского перемирия было срочное одностороннее расторжение Германией Брест-Литовского договора от 3 марта 1918 г. 5 ноября 1918 г. это условие было выполнено, дипломатические отношения с Советской Россией были разорваны. По нормам международного права даже того времени это означало, что все договора Германии с Советской Россией автоматически лишались юридической силы. 9 ноября 1918 г. по заказу Антанты и в кооперации с такими же, но германскими «гвардейцами от марксизма» в

Германии была осуществлена операция «ноябрьская революция», и в Лету канула кайзеровская империя. Монархия — рухнула, кайзер — подался в бега, а к власти в Германии пришла социал-демократическая падаль во главе с Эбертом-Шейдеманом. Ну, и черт бы с ней — в конце концов, и Германия получила «свое». Но есть одно «но». Прямо в момент подписания 11 ноября 1918 г. Компьенского соглашения совместно с социал-демократической сволочью в лице Эберта-Шейдемана антантовские негодяи учудили исторически беспрецедентный по своему коварству псевдоправовой фокус. Уже лишившийся в результате одностороннего разрыва дипломатических отношений какой-либо юридической силы, грабительский Брест-Литовский договор от 3 марта 1918 г. вдруг «воскрешается» подписями антантовских негодяев и германских социал-демократических подонков?! Особо подчеркиваю, что «воскрешается» всего через шесть дней после его автоматической денонсации Германией. Более того. «Воскрешается» как якобы продолжающий действовать! Германские социал-демократические сволочи передают его бандитам из Антанты в качестве «трофея» вместе со всеми награбленными тевтонами территориальными приобретениями в России! Вытекавшие из этого крайне негативные для России, хотя бы и Советской, геополитические, стратегические, экономические и демографические последствия описанию просто не поддаются! Вся суть этого фокуса была сконцентрирована в ст. 12 Компьенского соглашения: «Все германские войска, которые ныне находятся на территориях, составлявших до войны Россию, должны равным образом вернуться в Германию, как только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий». В условиях полной в то время дипломатической блокады Советской России антантовские сволочи сделали вид, что германские войска находятся на этих территориях законно. Более того, законно по разбойным же «понятиям» самой Антанты, так как по тем же ее бандитским «понятиям» эти территории лишь в прошлом, то есть до войны, составляли Россию, а теперь ее, мол, нет! И скрепили эту невиданную подлость как своими подписями, так и подписями социал-демократической падали Германии! Еще бы им не скрепить ее своими подписями, если «гениальный вождь» в точном соответствии с британской «партитурой» разыграл карту «права наций на самоопределение»!

В течение всего двух суток Ленин наконец-то сообразил, что, пока он играл по британской «партитуре» в тевтонском футляре, его крепко надули. Поразительно, но, судя по всему, он еще не понимал, что по плану Запада он был всего лишь «временщиком»!^[206] 13 ноября 1918 г. со стороны Ленина последовал разрыв дипломатических отношений с Германией, а Брест-

Литовский договор был аннулирован. Одновременно «вождь» предпринял вооруженный натиск на Прибалтику. Геополитически он был прав — ведь Россия лишилась выхода в Балтийское море, за право иметь который Петр I целых двадцать лет вел Северную войну. Победа России была закреплена Ништадтским мирным договором от 30 августа 1721 г., по которому эти территории переходили России и ее преемницам в полное, не отрицаемое и вечное владение и собственность. Договор был письменно подтвержден и гарантирован все теми же Англией и Францией. Вот, кстати говоря, почему так необходимо было срочное прерывание легитимности РУССКОЙ ВЛАСТИ. Не преемница России Петра Россия Ленина, и баста. Следовательно, можно и своровать!

Но Ленин опоздал. Сила была на стороне Англии и Антанты. Прибалтики Россия тогда лишилась. В том числе и потому, что тот натиск на нее был осуществлен под идеологическим лозунгом — «прийти на помощь германской революции», что было конкретным проявлением господствовавшей тогда в сознании Ленина идеи «полевой революции» как неотъемлемой составной части «мировой революции». Естественно, что морально, а частично и материально поддержанные Антантой тевтоны отбили атаку Ленина и К^о в Прибалтике — даром, что ли, был подписан секретный подпункт к ст. 12 Компьенского соглашения! Затем поддержанные Антантой прибалты от всей своей прибалтийской душонки столь «горячо поблагодарили» тевтонов... что те от полученного под зад пинка летели аж до Берлина!^[207] Вот это и называлось в ст. 12 «как только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий».

Так что Раковский как минимум лукавил, говоря о какой-то «ошибке» или, того не чище, «бессознательной измене Ленина Интернациональной революции», то есть «мировой революции». Не было ни ошибки, ни тем более бессознательной измены. Все делалось сознательно, по британской (антантовской) «партитуре», хотя бы и «обернутой» в германский «переплет». И Раковский это точно знал, знал как масон очень высокой степени посвящения. В том числе и то, что под конец 1917 г. одними из наиболее существенных в этой партитуре стали также и американские «ноты», в части задач по расчленению России полностью совпадавшие с британскими. Но в «русской революции» его «номер был шестнадцатый». Агент прикрывающего влияния, как в отношении Троцкого, так и Ленина тоже. Поэтому он обязан был врать (не во всем, конечно, но врать) даже на допросах в НКВД СССР и нести при этом несусветную чертовщину о какой-то «ошибке» или «бессознательной измене Ленина Интернациональной революции»! До начала осени 1918 г. Ленин еще был полностью вменяемым

и пребывал в здравом уме. И потому вполне сознательно играл по британско-антантовской «партитуре», за что, к слову сказать, Совет масонской ложи Великий Восток Франции устами «брата» Гюара официально, то есть от имени всей Антанты, поблагодарил Ленина и К°, отметив их «значительную услугу Ордену в критические моменты войны!» [208]

О том, что Ленин сознательно играл по антантовской партитуре, в которой превалировали англосаксонские «ноты», свидетельствует и такой факт. До сих пор широкой общественности практически ничего не известно о «визите» в Россию в феврале 1919 г. личного представителя президента США В. Вильсона — Уильяма Буллита, члена Комитета 300. Между тем это чрезвычайно интересно.

§ 3/3. Инициатором этого визита была отнюдь не Америка. При всем том, что в Россию тогда приехал формально личный представитель президента США, на самом же деле сама идея о таком визите и его целях вызрела в голове у британского премьер-министра Ллойда Джорджа. Да и то с прямой подсказки влиятельного представителя британского политического масонства, теснейшим образом связанного с британской разведкой, известного в те времена английского газетного магната, лорда Альфреда Нортклиффа (Буллит сам признал этот факт в своих мемуарах). Подсказка носила обязательный характер. Тем не менее считается, что идея о приглашении на едва только открывшуюся в начале 1919 г. Парижскую «мирную» конференцию представителей всех существующих де-факто русских правительств, коих тогда на территории бывшей империи была тьма-тьмущая, пришла в голову именно Л. Джорджа. Правда, пригласить намеревались не в качестве равноправных партнеров, а чтобы заслушать их мнение. Преодолев некоторое сопротивление партнеров по конференции, британский премьер протацил эту идею в виде так называемой «Декларации Принцевых островов» от 22 января 1919 г. Этой декларацией предусматривалось не только отделение от России прибалтийских территорий, а также Кавказа, Крыма, части Украины, Белоруссии. То есть тех самых территорий, которые «самоопределились». Ею же предусматривалось сохранение как белогвардейских армий, так и поддерживаемых ими рьяно сепаратистски настроенных правительств на территориях их незаконного и временного функционирования! Опираясь на эту декларацию, личный секретарь Л. Джорджа — Филипп Керр совместно с госсекретарем США Лансингом разработал в феврале памятку об условиях, которые Буллит должен был передать Ленину. Она включала в себя следующие пункты:

1. Прекращение военных действий и сохранение за всеми существующими де-факто правительствами России их территорий.
2. Свободное пребывание граждан Антанты в России.
3. Восстановление соответствующих условий для торговли^[209].
4. Обещание со стороны союзников убрать войска из России и др.

И вот тесно связанный с могущественными закулисными силами США и Европы, в частности, со стоявшими за спиной Троцкого Уорбургами, масон высокой степени посвящения — У. Буллит — в Москве. Идет февраль 1919 г. И что же? Согласно мемуарам У. Буллита, кстати, принципиально не расходящимся с тем, что было опубликовано еще при Сталине, Ленин в беседе с ним открыто заявил, что-де возглавляемая им Советская Россия готова отказаться от контроля над 16 принадлежавшими царской империи территориями! То есть, по сути дела, «вождь» подтвердил преемственность своих действий еще от временщиков-предателей, именно при которых и был инициирован процесс децентрализации и расчленения России через так называемое право наций на самоопределение! Далее «гениальный вождь» разъяснил У. Буллит, что он имеет в виду следующие территории:

— Польши, что было полностью бессмысленно, так как де-факто Польша и так ушла из состава России и существовала практически как государство, да и сам «вождь» тому не мешал — в том была суть залога лояльности окружавших его поляков;

— Финляндии, что тем более было бессмысленно, так как независимость Финляндии была провозглашена еще 31 декабря 1917 г., причем Ленин и К° тому не мешали. Правда, затем от всей своей «горячей финской души» Финляндия самым «сердечным образом поблагодарила» Россию... интервенциями (одни только «карельские авантюры» 1920 — 1922 гг. чего стоят!) и насильственным отторжением жирных кусков русской территории (в точном соответствии с Планом Лабушера^[210]);

— Румынии, что вообще было форменной глупостью, допущенной, скорее всего, самим У. Буллитом, так как речь могла идти только о Бессарабии, которую под шумок оттяпала Румыния, а сама Румыния, как известно, никогда не входила в состав Российской империи; Буллита можно «понять» именно в том смысле, который не устают пропагандировать наш знаменитый юморист-сатирик Михаил Задорнов: как американцу Буллит, что Румыния, что Бессарабия — один хрен;

— Прибалтики (всей), где Антанта открыто меняла германские войска на свои;

- половины Украины;
- Западной Белоруссии;
- всего Кавказа;

- всего Крыма;
- всего Урала;
- всей Сибири;
- Мурманской губернии, включая и сам порт!

Более того, в своих мемуарах Буллит указывал, что «Ленин предлагал ограничить коммунистическое правление Москвой и небольшой прилегающей к ней территорией плюс город, известный теперь как Ленинград»! «Россия слишком велика... ее надо свести к Среднерусской возвышенности... — планировали тогда англосаксы. И «вождь» туда же.

Хуже того — «вождь» предлагал США также и Камчатку, так сказать, «для экономической утилизации»!^[211] В результате получилось, что он лично «воскресил» условия даже им крайне резко раскритикованного и дважды расторгнутого позорного Брест-Литовского договора! Более того, «вождь» пошел слишком уж далеко. Ибо речь пошла уже и об Урале, Сибири и Камчатке, чего даже приведшие его к власти тевтоны не требовали. Если, например, сравнить это с тогдашними планами Великобритании, то без труда увидим едва ли не полное совпадение: «В интересах Британии, чтобы Россия была как можно меньше. Любые ее части, которые захотят от нее отделиться, должны быть поддержаны в этом — Кавказ, Украина, донские казаки, Финляндия, Туркестан и прежде всего Сибирь, страна будущего, продолжение Американского Дикого Запада... Когда их независимость будет признана, будет легче принимать меры, чтобы "гарантировать" эту "независимость"»^[212]. *[То же самое планировали и США.]*

Фактически «гениальный вождь» выразил готовность вернуться в геополитический ареал бытия периода возникновения самой Москвы! Проще говоря, откровенно выразил готовность похерить практически 1000 — тысячу лет! — Истории России!!! И при этом еще и умудрился назвать У. Буллита своим другом, а намерения американских властей грабить Россию — «добрыми»?!^[213] Обалдевший от таких предложений «вождя русской революции», У. Буллит назвал Ильича в своих мемуарах «гениальным» человеком с «большим юмором и ясностью мысли» и с не меньшим юмором и особенно «ясностью мысли» добавил: «Подумать только, если бы я имел такого отца, как он?!» Буллиту весьма повезло, что у него не было такого отца — политического сифилитика! Но ему «повезло» в другом. Он стал непосредственным свидетелем события всемирно исторического значения: «гениальный вождь» с «большим юмором и ясностью мысли» не менее «гениально» изложил план фантастически «гениального предательства» России — предательства, которого она не ведала за тысячу лет своего существования!^[214]

[Существует версия, что псевдоним «Ленин» происходит от немецкого «лен», по-немецки — Leben. Оно означает поместье, которым управлял некто вроде арендатора, за которым стоял подлинный хозяин. Если точно по словарю иностранных слов, то это означает следующее: «в эпоху феодализма — земельное владение, которое вассал получал от сеньора при условии несения службы (военной), участия в суде, выполнения денежных и других повинностей. Лен был наследственен и мог быть отнят у вассала лишь по суду пэров; отношения между вассалом и сеньором определялись ленным штабом». То есть нечто вроде подсадной утки, исполняющей чью-то волю... в шведском языке тоже есть аналогичное слово — LAN, обозначающее, правда, административную единицу, округ, что в общем-то достаточно близко по смыслу к немецкому «собрату». Между тем предки «вождя» по материнской линии» происходили из Швеции...

Поразительное совпадение смысла приведенных объяснений с тем, что делал Ленин, в том числе и с тем, с чем он соглашался во время переговоров с У. Буллитом) И разве не в таком точно положении оказались Ленин и его соратники, руководившие «революцией» в России, если их дело финансировалось извне неким «государем», видимо, вознамерившийся из России сделать подвластные поместье — «Лен». Разве Россия не являлась для Ленина и его соратников «условно жалованным поместьем»?^[215]

Материалы конфиденциальных архивов президента США В. Вильсона и Ф. Керра свидетельствуют, что не менее «гениально» Ленин предавал не только Тысячелетнюю Историю России, но и без меры проливавшуюся тогда кровь рабочих и крестьян, отстаивавших, пускай и под советскими знаменами, но ведь Россию же! В них хранится озаглавленный как «Текст проекта мирных предложений союзных и присоединившихся к ним правительств» отчетный доклад У. Буллита. Так вот, с прямой ссылкой на то, что эти предложения были одобрены лично Лениным, Буллит указывал, что «вождь» был готов сесть за стол переговоров со всеми признанными де-факто на территории России правительствами! «Вождь» согласился даже с тем, что эти правительства должны оставаться у власти и не быть свергнутыми?! А за что тогда в безмерных количествах проливали кровь рабочие и крестьяне?! Хуже того. Чуть ли не априори «вождь» де-юре признал факт наличия государств, сепаратным образом образовавшихся на территории зверски насиуемой Российской империи! Сравните с указанными выше планами Великобритании и США? Сравнили?! То-то... Еще хуже того. Признал все долги царской России перед странами Антанты! А ведь ему хорошо было известно о масштабах осуществлявшегося как им и его «гвардейцами», так и их покровителями из Антанты. Более того, у него

под рукой были все данные из секретного архива Особой канцелярии по кредитной части министерства финансов Российской империи! Оперирова только этими данными, можно было так далеко послать всю западную сволочь, что она и к XXI веку-то не возвратилась бы! А он — долги признавать, несуществующие к тому же!^[216]

[С этим визитом Буллит обязан такой аспект тайны гибели Колчака. Антанта побаивалась открыто воровать российские территории. «Вождь» тоже сильно опасался непосредственно своим именем «освящать» воровство российских территорий, тем более письменно. Посмей он это сделать, то и часу бы не прошло, как его разорвали бы на части. Принципиально, но устно согласиться на такое, да еще во время конфиденциальных переговоров — это одно, а письменно санкционировать это воровство совсем иное дело. Именно эту-то проблему Буллит и обсуждал с ним, о чем прямо не пишет даже в своих мемуарах. Тем не менее, указав, что «Вождь» согласимся на практическое признание всех де-факто существующих на территории России правительств, Буллит практически показал, что в первую-то очередь его интересовало признание Лениным Колчака. Ведь именно на Колчака как на двойного англо-американского агента в конечном счете и была сделана ставка Антанты. От имени союзного командования его действиями руководили непосредственно британский генерал Нокс и военный разведчик-интеллектуал, член Комитета 300 — Дж. Хэлфорд Маккиндер. Так вот, Буллит и Ленин, судя по всему, договорились о следующем. Ленин дает свое согласие на то, чтобы ряд Российских территорий был бы сворован Антантой, но при одном условии — чтобы письменное оформление этой грязной сделки осуществил лично Колчак. Ради этого Ленин согласился притормозить сопротивление Колчаку в Сибири, чтобы тот успел сделать то, что ему собиралась поручить Антанта. Уже 26 мая 1919 г. верховный совет Антанты направил Колчаку ноту, в которой, сообщая о разрыве отношений с советским правительством (как видите, Антанта сохраняла свои отношения с Лениным до указанного времени; разрыв же был оговорен с Лениным), выразил готовность признать его за верховного Правителя России?! Однако при этом был выдвинут жесткий ультиматум — Колчак должен был письменно согласиться на: 1. Отделение от России Польши и Финляндии, о бессмысленности чего говорилось выше. Здесь главное заключалось в стремлении Великобритании и США обставить все так, будто эти страны получили независимость только благодаря усилиям англосаксонского Запада. 2. Передачу вопроса об отделении Латвии, Эстонии и Литвы (а также Кавказа и Закаспийской области) от России на рассмотрение арбитража Лиги Наций в случае, если между Колчаком и

марионеточными правительствами этих территорий не будет достигнуто необходимого Западу соответствующего соглашения. Попутно Колчаку предъявили ультиматум и о том, чтобы он признал за версальской «мирной» конференцией право решать судьбу также и Бессарабии. 12 июня 1919 г. Колчак дал необходимый Антанте письменный ответ, который она сочла удовлетворительным. В результате какой-то адмиралшико одним махом перечеркнул все завоевания многих поколений, не один век собиравших Великую Державу. В высшей степени иезуитский ход Запада! Руками предателя именно в адмиральский погонах, к тому же не русского по происхождению — ведь Колчак бил «крымчаком», крымским татаринном, — лишить Россию выхода в Балтийское море, за право иметь который Россия Петра Великого свыше 20 лет бела Северную войну со Швецией! Все труды Петра великого, его предшественников и преемников были начисто перечеркнуты, включая и знаменитый Ништадтский мирный договор от 30 августа 1721 г., коим было узаконено право России на свободный выход в Балтийское море! Когда же он выполнил возложенные на него задачи и громадные по площади территории Российского государства де-юре были отторгнуты, руками французского представителя Антанты при Колчаке — генерала Жанена (англосаксы и тут остались верны себе — подставили представителя Франции) — и при содействии белочехов марионеточный адмирал был сдан большевикам. Ну а те его и расстреляли как собаку! Никто не имеет права разбазаривать территории государства, собиравшиеся не один век, тем более официальный агент британского короля! Но вместе с Колчаком должен был стоять и Ленин — тогда расстрел был бы еще более справедлив.]

Выше уже указывалось, что на связь к Троцкому присылали связников. Этой же «чести» был удостоен и Ленин. Едва ли не все слышали о пресловутом жулике и аферисте глобального масштаба — «красном миллиардере» из США Арманде Хаммере, который якобы чуть ли не ногой открывал дверь кабинета Ильича. Однако практически неизвестно, как и вследствие чего этот генетический жулик и пройдоха появился в Москве еще в 1921 г. А причина-то простая. Несмотря на то что под прямым контролем Ленина и Троцкого колоссальные богатства России непрерывным потоком перекачивались в Америку, США официально не признавали советскую власть и Советскую Россию. Но связь-то с лидерами новой власти держать надо было, потому как Ленин и К°, равно как и Троцкий и К°, были приведены к власти не на германские, а на американские деньги. Необходим был постоянный офицер связи между профинансировавшими «русскую революцию» могущественнейшими финансовыми структурами США и Лениным. Этот вопрос и был обсужден Буллитом. Была достигнута

соответствующая договоренность на этот счет. Судя по всему, оригинальный вариант подсказал сам Ленин. Связник должен был быть молод, энергичен, поскольку предстояло постоянно мотаться между Советской Россией и границей, обязательно быть представителем коммунистических или социалистических кругов, желательно из числа дооктябрьских знакомых Ленина, и иметь соответствующее политическое реноме. Янки недолго искали. Среди дооктябрьских знакомых Ленина из числа американских социалистов был некто Джулиус Хаммер, выходец из России, врач-гинеколог, ставший также и одним из основателей Американской коммунистической партии. Под конец 1920 г. Дж. Хаммер был арестован и приговорен к тюремному заключению за незаконный аборт с летальным исходом. Дж. Хаммер не был виновен в этой смерти — как отец он взял на себя вину сына, Арманда Хаммера. Произошла сделка с могущественными финансовыми структурами Америки — Арманда взяли на крючок. Отцу и сыну популярно разъяснили, что если не согласятся с тем, что им предложат, то сынок будет мотать длительный срок. Если согласятся, то сын останется на свободе, но будет выполнять определенные задания, а папаша сядет в тюрьму на небольшой срок и вскоре его выпустят. Предложение было принято. Арманд Хаммер был направлен в Москву с рекомендательным письмом от папаша. Так у Кремля в качестве бескорыстного друга появился сверхжулик мирового масштаба — Арманд Хаммер. К слову сказать, Сталин не только на дух не переносил этого прохиндея, но и даже не пускал его в СССР.

...В одной из пьес гениального Шекспира — «Жизнь Тимона Афинского» — есть прекрасные строки, которые, если и не все, но очень многое объясняют:

...Золото! Металл

Сверкающий, красивый, драгоценный...

Тут золота довольно для того,

Чтоб сделать все чернейшее — белейшим, В

се гнусное — прекрасным, всякий грех —

Правдивостью, все низкое — высоким,

Трусливого — отважным храбрецом...

Да, этот плут сверкающий начнет

И связывать, и расторгать обеты,

Благословлять проклятое, людей

Ниц повергать пред застарелой язвой,

Разбойников почетом окружать,

Отличьями, коленопреклонением

Сажая их высоко, на скамьи

Сенаторов...

Так что давайте кончать со сказками об Ильиче. Он прекрасно понимал, что совершает исключительное по своим последствиям геополитическое преступление против России. По итогам визита У. Буллита и в оправдание своих действий он опять понес жуткую чертовщину, наподобие той, что он широко декларировал, рьяно настаивая на заключении сепаратного мира с Германией. Он, в частности, заявлял, что речь идет о мире «чрезвычайно насильнического характера» и что его отношение к программе Принцевых островов» во многом «...воспроизводит отношение к империализму, установленное нами во время Брестского мира»!^[217] Ну не демагог ли?! Однако «гениальный вождь мирового пролетариата» изменил бы самому себе, если параллельно не стал бы играть и по своему «оригинальному сценарию», который впоследствии, в 1937 г., отыгнется всем участвовавшим в нем расстрельными приговорами. А началось это за двадцать лет до этого самого 1937 г.

§ 4. Чудом спасшись после покушения 30 августа 1918 г., «вождь» потихоньку стал осознать, что его истинные хозяева шутить не будут, если он еще раз перейдет грань дозволенного. Но осознав это и пока еще радуясь, что чудом остался жив, «вождь» тем не менее вовсе не собирался становиться паинькой и потому пустился во все тяжкие с другими интригами. На геополитический статус России как единственной в мире единой, трансконтинентальной евразийской державы ему было наплевать. Тем более ему было наплевать на последствия его интриганских игр. Потому как уже во время переговоров с Буллитом он вновь вел колоссальную и чрезвычайно опасную для него лично интригу, начало которой было положено еще в 1918 г., а последствия громыхнули только в 1937 г. Да если бы только для него. Для всех, кто имел к ней отношение. Не говоря уже о беспрецедентном вреде для России. Речь идет о том, что обычно расценивают как истоки будущего «дела Тухачевского».

Корни этой истории в финишном этапе Первой мировой войны XX столетия. Германия была уже на пороге общенациональной и военной катастрофы — до нее оставалось менее месяца. Катастрофически убывали последние силы к сопротивлению, крайне резкими темпами нарастало, с одной стороны, военно-политическое давление стран Антанты, дошедших до высшей степени ожесточения в своей ненависти к Германии, а с другой — вдохновляемое и направляемое, в том числе и из-за рубежа, «революционное движение» в самой Германии. В ситуации надвигающейся общенациональной катастрофы паникеры и мелкие интриганы метались в

поисках спасения собственных шкур, прагматики же, для которых даже такой исход войны отнюдь не повод реветь белугой, начали переброску мостов в будущее — ведь любая война кончается миром, даже если бегут последние союзники. Между тем среди этих последних союзников был один, хотя изрядно и подловатый, ибо собственноручно разжигал костер германской «революции», но тем не менее лучшего все равно не было. Даже Австро-Венгрия и то подалась в бега от Германии. В условиях ожесточившейся под конец войны ненависти Антанты к Германии и неизбежности катастрофы и вовсе не приходилось выбирать. Этим «союзником» были Ленин и К°.

Получив в результате подписания Брестского договора от 3 марта 1918 г. «свободу рук на Востоке», высший эшелон деловой элиты Германии в лице Августа Тиссена, Гуго Стиннеса, Альберта Феглера, Эмиля Кирдорфа, Альфреда Гугенберга, Брунса, Рейша, Клекнера, Рехлинга, Пенсгена и других решили идти на Восток «своим путем». На состоявшемся 16 мая 1918 г. в дюссельдорфском «Штальхофе» совещании капитаны германской экономики постановили, что было бы вполне резонно, если «Германия и ее союзники на длительное время осуществили военную оккупацию коммуникаций, связывающих европейские страны с Севером России с целью освоения России, лимитрофов^[218], а также Украины». Потрясенные захватившей их дух перспективой, германские промышленники записали в протокол совещания, что следует обеспечить «возможно более глубокое финансовое проникновение в Россию для сохранения политического и военного превосходства Германии» с тем, чтобы в оккупированных последней прибалтийских областях, в Финляндии, на Украине, в Донбассе и на Кавказе расправиться с большевиками, ибо «только в том случае, если на место большевистского режима придет новый порядок вещей... мы (то есть они, капитаны германского бизнеса. — А. М.) могли бы облегчить ведение войны путем использования русских источников и запасов». История, правда, распорядилась несколько иначе — менее чем через полгода «новый порядок» был установлен в самой Германии. Под неудержимым натиском Антанты и «революционного движения» рухнула кайзеровская монархия, а вскоре появилось и «дитя Версаля» — Веймарская республика.

Британская разведка не только знала о дюссельдорфском совещании капитанов германского делового мира и принятых там решениях, но и своевременно выдала руководству Великобритании как информацию об этом, так и соответствующие рекомендации. И уже в июне, а затем и в июле, и августе 1918 г. последовала прямая реакция руководства Великобритании на эту разведывательную информацию... в виде высадки английских десантов в Мурманске, Онеге, Сороке и Архангельске^[219]. В то же время в

Великобритании прекрасно отдавали себе отчет в том, что изложенные в протоколе совещания идеи не умрут с кончиной империи. И каково же было перемежавшееся со страхом изумление руководства британской разведки, когда в это же самое время оно узнало о трюке, казалось бы, так здорово играющего по британской «партитуре» Ленина, который он проделал в развитие идей того самого совещания.

По прошествии без малого девяти десятилетий трудно точно установить, каким образом содержание протокола по итогам совещания в Дюссельдорфе стало известно Ленину. Однако финт, который отколол «вождь», и сегодня ввергнет в изумление любого. 6 июля 1918 г. в Москве был застрелен германский посол Вильгельм фон Мирбах, что послужило сигналом для левоэсеровского мятежа^[220]. А на смену Мирбаху 26 июля выехал... председательствовавший на упомянутом выше совещании в Дюссельдорфе выдающийся германский ученый-экономист, один из виднейших германских финансистов того времени, один из директоров крупнейшего германского банка — «Дойче Банк» — Карл Гильферих. Сам факт назначения такого преемника на пост посла в России говорил о многом. Крупнейшие воротилы германской экономики решили всерьез взяться за Россию. Пробыв в первопрестольной всего восемь дней — с 29 июля по 5 августа 1918 г., — Карл Гильферих срочно отбыл в Берлин, да так более и не вернулся. Что же произошло в эти дни?

Точная дата интересующего нас события неизвестна. Но в одну из темных ночей этого периода без приглашения и без предупреждения к Гильфериху в посольство пожаловал народный комиссар по иностранным делам Советской России Георгий Васильевич Чичерин. Уже сам факт незваного ночного визита в иностранное посольство главы дипломатического ведомства страны пребывания — событие из ряда вон выходящее. Ни в каких дипломатических святцах подобное не прописано. Однако изумлению и без того до крайности потрясенного «особенностями» раннесоветского дипломатического протокола Карла Гильфериха вообще не стало предела, когда Чичерин едва ли не слово в слово повторил суть всего того, о чем германские промышленники беседовали в обстановке секретности еще 16 мая 1918 г. в Дюссельдорфе. И уж совсем дар речи Гильферих потерял тогда, когда Чичерин, процитировав местами текст протокола по итогам того совещания, вдруг предложил германской стороне заключить военный союз с участием также финнов и прибалтов^[221] для борьбы против англичан в Мурманске и Архангельске. То есть на том самом Севере России, о котором и шла речь в Дюссельдорфе. По сути дела, Чичерин предложил немцам заключить военно-геополитический союз против Великобритании, а уж если совсем точно, то, учитывая, что

Великобритания по-прежнему оставалась стержнем всей Антанты, военно-геополитический союз против Антанты, что, в свою очередь, означало союз против всего Запада, прежде всего англосаксонского!

Это была затея лично Ленина. Свое авторство он тогда же подтвердил в одном из писем полпреду в Скандинавских странах В. Воровскому, отписав ему, что-де «договаривались о том, когда и как они, немцы, осуществят их план похода на Мурманск... Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами»^[222]. Не знаю, кто в этом случае был больше идиотом, но добром эта провокация не завершилась. Расплачиваться пришлось России. Потому что уже начавший осознать, что его по-наглomu надувают — английские десанты на Севере России очень даже поспособствовали началу этого осознания, — Ленин решил «уесть» Антанту, особенно Великобританию, чрезвычайно опасной как для него лично, так и особенно для России военно-геополитической интригой. Тевтоны, к слову сказать, это поняли и чуть позже не в меру резвого в своих провокационных интригах Ильича заставили подписать 27 августа 1918 г. уже второй по счету похабный Брестский договор. Россия обязывалась выплатить Германии огромную контрибуцию в размере 6 миллиардов марок в виде чистого золота и кредитных обязательств, т. е. 246,56 т чистого золота в слитках и 545 440 000 рублей кредитными билетами^[223]. После этого не прошло и трех дней, как уже 30 августа 1918 г. Ленин получил свои заслуженные пули. Подлинные творцы западной партитуры», за обязательство играть по которой «вождя» вместе с его шайкой допустили в Россию, откровенно напомнили ему, как он должен вести себя. Потому что он устроил провокацию именно на том поле глобальных интриг, нежелательных событий на котором, но особенно же негативных последствий которых Запад опасался более всего. Они-то прекрасно понимали, что идею-то не застрелить и даже не припугнешь пулей, как того же «гения». Так оно и вышло.

Когда весть об этом предложении вождя» докатилась до Лондона, то памятливые умы **PERFIDIOUS ALBION** тут же вспомнили один факт. Еще в 1904 г. в Германии была издана книга некоего Августа Нимана — «Мировая война, немецкая мечта», в которой идея направленного против Англии континентального союза Германии и России была представлена в ракурсе «Завоевания Англии» (таков был подзаголовок книги). Из содержания той книги вытекало, что еще только ожидавшаяся тогда мировая война — «немецкая мечта» — должна была быть осуществлена Германией в союзе с Россией и русскими штыками, чего никогда и ни при каких обстоятельствах Россия не планировала и даже не собиралась думать на эту тему, тем более в целях «завоевания Англии»! То была хорошо

спланированная германская провокация против России. Книгу немедленно переиздали в Англии, в результате чего не только правящая элита, но и общественное мнение Коварного Альбиона было буквально поражено пандемией антироссийского бешенства. Война же, в свою очередь, состоялась по британскому сценарию — Россия и Германия в течение нескольких лет ожесточенно лупили друг друга, пока не уничтожили друг друга же... на радость Англии.

Предложенная Чичериным идея о военно-геополитическом союзе Германии и России осела не только в архиве МИДа Германии. Она осела в умах ознакомившихся с этим документом руководящих деятелей германской внешней политики и германской разведки и, что самое главное, в умах элиты германского делового мира, которую, естественно, Гильферих ознакомил с содержанием своего доклада. Стоя на краю неминуемой национальной катастрофы, элита тем не менее оценила ее по достоинству. Потому как ясно понимала, что необходимо думать о том, как уже в условиях мира не просто вернуть, а вернуть с процентами вложенные в «революцию» десятки миллионов марок. Тем более что большая их часть была не германского, а американского происхождения (частично даже и британского). То есть, опираясь на имевший в прошлом место факт финансовой «поддержки» Ленина и К^о как на инвестиции в будущее, заложить экономический, а, следовательно, также и политический фундамент для возрождения германского рейха. И ночное предложение Георгия Васильевича Чичерина было как нельзя кстати. Именно эта, формально опиравшаяся на наглый агрессивный замысел германской элиты, сногсшибательная провокация Ленина/Чичерина и явилась тем самым изначальным атомом, из которого чуть позже была синтезирована первая, основополагающая молекула идеи о будущем «сотрудничестве двух государств». В том числе и более всего их армий и военно-промышленных комплексов обеих стран, хотя у России в полном смысле слова ВПК как такового тогда не было. Несколько позже наиболее подкованные в геополитике представители высшей военно-политической и тесно связанной с ней интеллектуальной элиты Германии увидели в этом фантастический шанс рассчитаться с Западом за неслыханное поражение и унижение своей родины.

С лета 1918 г. британская разведка едва ли не в прямом смысле слова встала «на уши». С тех пор она никогда не выпускала эту проблему из поля своего зрения. Уже на первом этапе она получила тревожные данные. Но прежде нам придется вспомнить о подлинной подоплеке секретного вояжа Ф. Э. Дзержинского якобы за женой якобы в Швейцарию в октябре 1918 г. в сопровождении секретаря ВЦИК, личного помощника Я. М. Свердлова —

В. А. Аванесова^[224]. Из многих версий на этот счет — от мистических (якобы отвез отрубленную голову Николая II для передачи масонским эмиссарам для последующего ее экспонирования в масонском храме в Чарльстоне, США) до сугубо прозаических — в последние годы выделилась вроде бы самая прозаическая. Мол, поездка «железного» Феликса якобы была связана с получением каких-то секретных директив непосредственно от какого-то тайного центра — в том смысле, что «как прикажете далее поступать с еще не очухавшимся от ранения "гениальным вождем мирового пролетариата"»: окончательно загнать в гроб или пусть еще побеждает, авось еще сгодится?!

Подлинный ответ на этот вопрос своими действиями тогда же дала британская разведка! Выражаясь профессиональным языком, британская разведка «пасла» приезд главы ВЧК в Швейцарию! Причем «пасла» высокопрофессионально. Потому как исстари прекрасно знала все закоулки этого «заповедника» международного шпионажа и тайных интриг. В том числе излюбленные на тот период «пастбища» ленинских эмиссаров. Потому что всю Первую мировую войну она отслеживала контакты германских «коллег» с Лениным и К°, в том числе и в Швейцарии. Так что в октябре 1918 г. приезд Держинского в Швейцарию для СИС не остался тайной. Именно поэтому в один из октябрьских дней 1918 г. на пристани озера близ Лугано молча разыгралась комичная сценка: там пришвартовались два парходика — на палубе одного из них стоял «железный» Феликс, а на другой — знаменитый (по истории) британский разведчик Роберт Брюс Локкарт. И оба с интересом разглядывали пассажиров другого парходика. Только в прямом смысле чудо — обрительность некоего господина Доманского, а именно под этим псевдонимом Держинский и выезжал в Швейцарию, спасло главу ВЧК от малоприятной перспективы угодить прямо в «нежные объятия «своего «закадычного» врага — того самого британского разведчика Локкарта, которого он неоднократно лично допрашивал на Лубянке всего лишь три месяца назад. Пикантность этого комического инцидента отнюдь не в том, что всесильный глава ВЧК чудом избежал «возобновления знакомства» со своим недавним узником. И даже не в том, что, как свидетельствуют факты, утечка информации о предстоящей тайной поездке «железного» Феликса произошла из верхнего эшелона большевистской верхушки — за давностью лет и отсутствием в этом факте чего-либо принципиального, бог с ней, с этой утечкой. Вся «соль» тут в том, почему британская разведка «пасла» его приезд в Швейцарию, срочно направив для этого самого Локкарта. Ведь он только в сентябре добрался до Лондона и еще толком не пришел в себя после всех злоключений в стране «победившего пролетариата». Веками

изоощренной борьбы отшлифованная проницательная интуиция СИС позволила ей мгновенно учуять в информации о предстоящем секретном вояже Дзержинского реальную в ближайшем же будущем угрозу высшим имперским интересам Великобритании. И по-своему руководство британской разведки было право. Но чтобы понять, в чем же оно было право — исходя из британских интересов, — нам придется разобраться с сутью предыстории «дела Тухачевского».

Обычно она сводится к тому, что в качестве точки отсчета назначают факт начала реализации идеи сотрудничества РККА с германским рейхсвером в сочетании с Рапалльским договором от 16 апреля 1922 г. между Веймарской Германией и РСФСР. Это в корне неверно. Еще более неверно, что-де основы этого сотрудничества заложили:

— с советской стороны — Карл Бернгардович Радек (настоящая фамилия Собельсон);

— с германской стороны — генерал Ганс фон Сект.

Неверно, потому как без ответа остаются следующие вопросы:

— как вообще возникла идея о военно-геополитическом союзе с Германией во времена Ленина;

— кто на самом деле был подлинным автором возникновения идеи военно-геополитического сотрудничества двух армий и государств;

— какая историческая база позволила подлинному автору сгенерировать эту идею;

— что явилось импульсом, позволившим сгенерировать такую идею;

— какие цели преследовала каждая из сторон уже на стадии генерирования такой идеи;

— кто разработал конструкцию замысла о сотрудничестве именно в той плоскости, в которой мы ее знаем;

— какой смысл каждая из сторон вкладывала в идею такого сотрудничества на этапе ее зарождения и первичного становления; корректировалась ли она сторонами в зависимости от развития мировой ситуации, в том числе и в первую очередь в Европе, и каким образом;

— содержались ли изначально в этой идее какие-либо, хотя бы общего порядка предпосылки, которые впоследствии могли послужить толчком для трансформации идеи сотрудничества в военно-геополитический заговор;

— наконец, каким образом британская разведка изначально «оседлала» этот процесс.

Попытка дать ответы на эти вопросы упирается в тот факт, что ни К. Радека, ни Г. фон Секта в то время в Германии не было. Они оба появились в Германии лишь под самый конец 1918 г. Да, впоследствии и они начали первичное обсуждение этой идеи, но, подчеркиваю это особо, уже именно

готовой идеи. Потому как не они ее сгенерировали. Как указывалось выше, в протоэмбриональном виде эту идею о военно-геополитическом союзе с Германией против Антанты сгенерировал именно Ульянов-Ленин. Но от протоэмбрионального вида до конкретного предмета обсуждения на тайных переговорах слишком большая дистанция. Да и сырую идею, тем более в протоэмбриональном виде, никто не обсуждает даже на тайных переговорах. Не говоря уже о том, что обе эти, по-своему талантливые головы в реальности не были способными на глобальный полет мысли теоретиками. Тем более на десятилетия вперед взбудоражившей Атлантический центр силы идеи. Они были незаурядными прагматиками-циниками.

Потрясающие ловкость и цинизм в обтяпывании различных темных делишек создали К. Радеку репутацию «гениальной», как, впрочем, и «умнейшей и хитрейшей головы своего времени». Но именно же в кавычках. Это был законченный прагматик, циник и авантюрист, склонный к приключениям, похождениям, рискованным начинаниям, сомнительным в смысле честности предприятиям, рассчитанным на случайный успех, к делам, предпринимаемым без учета реальных сил и условий, обреченным на провал и неудачу. А цинизм его проявлялся в том, что он без зазрения совести мог пойти на сотрудничество с любыми, в том числе и с самыми темными силами, не исключая даже юдофобских. Радек даже бравировал этим. От него-то и пошла «мода» среди антисталинских оппозиционеров вступать в негласные контакты с нацистами.

К тому моменту, который нас более всего интересует, уроженцу тогда австрийского Лемберга (Львова) и выпускнику Краковского университета Карлу Бернгардовичу Радеку (Собельсону) было 33 года — он 1885 года рождения. Еще в юности, в гимназические годы, занимался революционной деятельностью в рядах социал-демократической партии Польши. Задолго до революции в России засветился в сводках полиции многих стран своим участием в делах польской, германской, австрийской и российской социал-демократий. В 1906 году вместе с Лео Йогисес (Тышко) и Розой Люксембург арестовывался царской полицией за революционную деятельность. Отовсюду был изгнан с колоссальным треском именно за авантюризм, а также мошенничество. Обоснованно подозревался в воровстве денег из партийных касс^[225]. За что и получил звонкую кликуху КРАДЕК. Подозревался также и в агентурном сотрудничестве с германской и австро-венгерской разведками, за тесные и подозрительные связи с которыми его еще в 1908 г. с треском выгнали из германской социал-демократической партии по настоянию Розы Люксембург. К слову сказать,

примыкал он именно к леворадикальному крылу этой партии, которое и возглавляла Роза Люксембург.

В роли субагента влияния открыто сотрудничал с одним из крупнейших германских политических агентов^[226] того времени — Александром (Израилем) Лазаревичем Гельфанд-Парвусом, а также личными агентами последнего — Георгом Скларцем и Карлом Моором. Последние двое одновременно являлись агентами германской военной разведки.

Агентурный псевдоним К. Моора — «Байер». Ленин прекрасно знал эти подробности биографии Радека. И когда возникала «революционная необходимость», как правило, брал его под защиту. Ведь и у самого-то «рыльце» было «в пуху»...

Вот такой персонаж по обвинению в организации «спартаковского восстания» в Германии и причастности к убийству лидеров германской социал-демократии — Карла Либкнехта и Розы Люксембург — 12 февраля 1919 г. якобы угодил в берлинскую тюрьму Моабит. Как утверждают едва ли не до сих пор, до лета 1919 г. он содержался в условиях жесткой изоляции. И вот в этих условиях Радек якобы и проявил чудеса политической ловкости», превратив тюремную камеру в Политический салон», в котором принимал представителей политической, экономической и военной элиты озверевшей от фатального поражения в Первой мировой войне Германии, с которыми обсуждал идею будущего военно-политического и военно-геополитического сотрудничества.

И рад бы поверить в этот «гениальный авантюризм у. Да вот только как быть с тем, что, будучи арестованным за прямое участие в прокоммунистических беспорядках, он, прибывший из ненавистной к тому времени всей Европе, в том числе и Германии, Советской России, еврей по национальности, коммунист, а тогда два этих параметра во всей Европе воспринимались только через знак равенства — еврей-коммунист, и наоборот, коммунист-еврей, но в любом случае первоочередной кандидат на расстрел, — остался жив?!

Ведь те беспорядки, в организации которых он принимал деятельное участие, подавлялись с такой жестокостью, что один из организаторов этого подавления получил от левых печальное прозвище «кровавая собака Носке»! Не говоря уже о том, что демонстрации спартаковцев, а именно они-то и устроили «революционную бузу», тогда разгонялись не столько даже пулеметами, сколько именно шашками. Проще говоря, рубили людей, как капусту, — свидетельство очень авторитетного источника: самого Ф. Э. Дзержинского, лично наблюдавшего подобные сцены подавления германских бунтарей.

Как быть со всем этим, если евреев тогда убивали в первую очередь, если всех, еще только заподозренных в прокоммунистических или проспартаковских симпатиях, убивали тоже в первую очередь, причем сначала убивали, а уж потом, если оставалось время и, самое главное, желание, интересовались, кого же все-таки шлепнули?! Как быть со всем этим?! Ведь он остался жив, хотя взяли его, что называется, с поличным, да еще и по подозрению в таком тяжком преступлении, как убийство, хотя и крайне ненавистных той же «кровавой собаке Носке» лидеров германкой социал-демократии — Карла Либкнехта и Розы Люксембург, — но ведь граждан же Германии?! При таких обстоятельствах избежать жестокой расправы прямо на месте не сможет даже самый гениальный авантюрист — в этом трагическая особенность массовых беспорядков в период так называемых «революций». И вот в такой-то ситуации он не только остался жив и здоров, но еще и проявил «чудеса политической ловкости»! Превратив свою тюремную камеру строгой изоляции в «политический салон» для встреч с именитыми представителями германской элиты, обсуждал с ними глобальные идеи! Думается, что при всем уважении к талантам евреев не следует из тех же немцев делать круглых идиотов! И уж тем более верить брехне самого Радека, описывавшего свое пребывание в кутузке как «тюремно-курортное сидение» якобы на мягкой персидской тахте с поднесением на обед жареных лебедей?!^[227] Для того чтобы проявить «чудеса политической ловкости», то есть поднять такие серьезные вопросы или хотя бы просто выйти на связь с той же германской элитой, надо было, по меньшей мере, знать, кому и как подать весточку. Не говоря уже о том, что при таком раскладе еще очень большой вопрос — откликнулась бы она, элита-то, выслушала бы его. О мягкой персидской тахте и жареных лебедях на обед уж и не говорю. Давно сгнившая репутация и пухлое досье в германской полиции при таком раскладе явно не располагали к салонно-аристократическим беседам на глобальные темы. Радека слишком хорошо знали в Германии, в том числе и как ближайшего подручного Ленина. Он участвовал во многих промежуточных операциях, прежде чем запломбированный вагон с «кандидатом в гении мирового пролетариата» двинулся через Германию. Соответственно для начала необходимо было каким-то образом вынудить германские власти хотя бы «закрыть глаза» на все его «художества» по части «революционного» бандитизма в Германии. Проще говоря, с какой стороны ни возьми, ситуация была явно не в его пользу. Что бы он ни попытался сказать, реакция была бы однозначной — пытается увильнуть от ответственности, спасает свою шкуру. Откровенно говоря, не самое лучшее начало для серьезного разговора, тем более на глобальную тему. Впрочем, и сама тюрьма строгой

изоляции тем более не самое идеальное место как для генерирования глобальных идей (ведь не до идеи же было — шкуру спасать надо было!), так и для авторской инициации серьезного диалога с элитой государства, за подрыв устоев которого его и упекли в кутузку!

Но это, если следовать логике нормальных людей. Мы же имеем дело с тем случаем, который в рамки присущей нормальным людям логики не укладывается. Это тот самый случай, о котором почти за семь десятилетий до него Бенджамен Дизраэли, лорд Биконсфилд, говорил: «В союз с коммунистами вступают самые умелые дельцы и манипуляторы собственности; самые необычные и выдающиеся люди действуют рука об руку с подонками низших слоев Европы». Если исходить из этого, то тогда все встанет на свои места. Тогда даже и тюрьма — идеальное место, потому как со всеми своими строгостями за высокими стенами и решетками она надежно скрывала все то, что происходило в камере арестанта по кличке Крадек. Потому как что может быть лучше для надежного сокрытия от посторонних глаз и ушей самого факта начала особо секретных переговоров по особо важной геополитической проблеме, чем помещение одного из главных переговорщиков в кутузку по обвинению в подрывной деятельности и убийстве?! Идеальней и не придумаешь. Ведь главная-то цель «революционной командировки» «гениального» авантюриста с «умнейшей и хитрейшей головой в большой политике своего времени» в Германию заключалась совершенно в ином. Оказание содействия «спартаковскому восстанию» — это ширма.

Незадолго до его командировки в Германию там провалилось со своей подрывной «революционной» деятельностью советское посольство во главе с давним клиентом лучших психиатров А. А. Иоффе^[228]. У него было все — и люди, и мешки с золотом, с бриллиантами, с валютой, в изобилии подрывная литература на немецком языке, явки и связи в левых кругах, даже оружие, которое раздавали прямо в посольстве. И тем не менее провалились так, что еле ноги унесли из Германии. И что же, Радек, выходит, в одиночку должен был сделать то, что не смогла сделать целая свора присланных из Москвы «дипломатов» -подпольщиков?! Нет, естественно. Суть его задания в том и заключалась, чтобы организовать убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург, а сделать это можно было, только войдя в непосредственное соприкосновение с беснующимися спартаковскими бузотерами. А вот затем Радек должен был «благополучно» сесть в тюрьму! Естественно, тут же возникает вопрос — а что, тевтоны сами не могли прикончить этих «революционеров»?! Сомневаться не приходится — могли. Тогда в чем же дело? А в том, что убийство этих «революционеров» было заранее четко обусловленным авансом, который должен был «уплатить» «гениальный

вождь мирового пролетариата» — Ульянов-Ленин. «Уплатить» как обязательную прелюдию к намеченному очень серьезному разговору, ради которого Радек и должен был якобы сесть в тюрьму. За всем этим стоял очень хитроумный совместный план германской разведки, наиболее авторитетных и влиятельных представителей тайной дипломатии Германии, некоторых германских тайных обществ и верхушки большевиков. Чуть ниже мы вернемся к нему, а сейчас несколько слов о генерале Гансе фон Секте.

Личность действительно примечательная, прагматичная, корыстно исповедовавшая главную заповедь не менее корыстного «железного канцлера» Германии — Бисмарка: «На Востоке врага нет». Хотя до этого с превеликим удовольствием воевал против России. Станным образом, его смерть в конце 1936 г. и особенно его знаменитое завещание крайне резко интенсифицировали и сам заговор, тайную подоплеку которого мы расследуем, и действия британской разведки по ускорению его провала, и, естественно, действия Сталина по ликвидации заговора. Но тогда, за семнадцать лет до его смерти, очень трудно понять, каким же образом его светлейшая голова могла стать той самой генерирующей глобальную идею «мощностью», особенно если принять во внимание следующие обстоятельства. Почти всю Первую мировую войну генерал провел за пределами Германии. Тем более ее последний этап, когда заигрывание германского генштаба, германской тайной дипломатии и германской военной разведки с большевиками от слов перешли к практическим делам — с конца 1917 г. по ноябрь 1918 г. Ганс фон Сект находился на посту начальника генерального штаба турецкой армии. Вернувшись в Германию и, естественно, далеко не сразу войдя в курс всего того, что тогда творилось у него на родине, он тем не менее вынужден был принять самое активное участие в ликвидации последствий всех тех «художеств», что были сотворены, в том числе и при участии Радека. Генерал ненавидел «революционеров» всех мастей — хоть социал-демократов, хоть коммунистов. Как вести с ними крупные интриги, генерал тем более не знал. Во всяком случае, в достаточной мере. К евреям, правда, относился вполне лояльно, ибо сам был женат на еврейке по имени Доротея.

Г. фон Сект был типичным немецким потомственным военным и никогда не торопился с идеями, тем более глобальными. Испокон веку немцы тем и славились, что всегда являли собой народ обстоятельный, неспешный, деловитый, тщательный, чрезвычайно аккуратный, очень педантичный, вследствие чего наполеоновский образ мышления — «сначала вяжемся в бой, а там видно будет» — никогда не являлся предпочтительным в немецком национальном самосознании. Тем более у

военных, испокон веку отличающихся изрядным консерватизмом. Но если бы и захотел что-либо сделать как Наполеон, то и в этом случае подобное предположение лишено смысла. Потому, что могущим что-либо ответственно выдвинуть на рассмотрение лицом он стал только 28 июня 1919 г. — именно в этот день ему было поручено исполнение обязанностей начальника германского генштаба^[229]. Начальником «Всеобщего воинского бюро», под вывеской которого укрылся распущенный германский генштаб, он стал 7 июля 1919 г.

Генерал принадлежал к тому наиболее влиятельному узкому кругу высшего офицерского состава, чье кредо было сконцентрировано в девизе: «Честью прусского офицера было быть корректным, а честь немецкого офицера должна заключаться в том, чтобы быть коварным».

[Зело коварен был сей пруссак. Вот образчики его отношения к России: — «Только в сильном союзе с Великороссией у Германии есть перспектива вновь обрести положение Великой державы... Англия и Франция боятся обеих континентальных держав и пытаются предотвратить его всеми средствами, а мы должны стремиться к нему всеми силами... Наша политика как по отношению к царской России, так и по отношению к государству во главе с Колчаком и Деникиным была бы неизменной. Теперь придется мириться с Советской Россией — иного Выхода у нас нет»^[230]. Судя по всему, генерал тоже решил «уесть» треклятые Англию и Францию «сильным союзом» — «сильным союзом» с Россией, хотя бы и Советской. Но то же самое, как видим, он попытался бы сделать и с Россией Колчака, и с Россией Деникина, и даже с царской, сохранись она. Проще говоря, ему нужен был не «сильный союз» с Россией Вне зависимости от правящего в ней режима, а очень сильный аргумент для геополитического шантажа унизившего Германию Запада.

— «Если же большевизм не откажется от мировой революции, то им следует дать отпор на наших собственных границах... Мы готовы, в собственных интересах, которые в данном случае совпадают с интересами Антанты, создать вал против большевизма»^[231].]

Конечно, коварство коварством, но его тоже недостаточно. Правда, история не раз подтверждала, что случай помогает. Однако давно уже установлено, что если и помогает, то только подготовленному уму. В таком смысле его ум действительно был подготовлен коварством, но к восприятию импульсов, шедших от более подготовленных и еще более коварных умов. Что, кстати говоря, и имело место в действительности — на пост начальника официально распущенного германского генштаба он пришел с должности военного эксперта германской делегации на Версальской конференции.

Существующая ныне аксиома, в силу которой в интересующей нас истории все обычно списывают на Версальский «мирный» договор, которым Германия действительно была унижена, раздавлена и ограблена, на самом деле ничего не объясняет. Хотя формально посыл верный — к примеру, Сект действительно говаривал, что сотрудничество с Россией позволит Германии осуществить «подрыв основ Версальского мирного договора»^[232]. Заметьте, «подрыв основ» уже имеющегося в наличии договора. Но тогда вопрос — а как быть с тем, что переговоры с Радеком начались значительно раньше подписания Версальского мирного договора? Соответственно выходит, что ракурс обсуждения «подрыв основ Версальского мирного договора», который еще только предстояло подписать, могли задать только те умы, которые задолго до этой процедуры в полной мере осознавали, что предметом переговоров должна стать альтернатива неумолимо грядущему версальскому унижению. Не менее ясно эти же умы должны были понимать, что основой переговоров должна стать платформа, имевшая идущее из прошлого интеллектуальное обоснование, подкрепленное в недавнем прошлом практическими делами, но в то же время и имеющее все черты так называемого благородного шантажа, гремучие последствия которого ясно понимал бы и сам контрагент. При этом похабный Брест-Литовский мирный договор от 3 марта 1918 г. не мог использоваться в качестве исходной точки. В «лучшем случае» его могли иметь в виду чисто теоретически. Эти же умы должны были точно знать, с кем они имеют дело, какие конкретно силы представляет партнер, каковы его интеллектуальные способности в плане адекватного восприятия предлагаемого и точного донесения содержания переговоров и достигнутых договоренностей до своего руководства. Наконец, они должны были обладать хорошо развитыми навыками и опытом как тайных интриг, так и тайной дипломатии, в том числе и с такой «публикой», которую представлял Радек. Иначе серьезного диалога могло бы и не получиться — в конце-то концов Радек сидел в берлинской кутузке, а не они в московской. Если суммировать все необходимые требования, то принципиальный портрет этих персоналий должен был быть таким. Подлинными авторами концептуальной идеи о военно-политическом сотрудничестве двух изгоев послевоенной Европы как конкретного предмета тайных переговоров, а следовательно, и подлинными инициаторами тайных переговоров должны были быть именно те лица, которые были не только превосходно подготовлены к таким интригам интеллектуально, но и обладали колоссальным опытом закулисной деятельности, в том числе и опытом проведения тайных, многоходовых и долговременных операций, особенно же на стыке разведки, дипломатии, политики и деятельности тайных обществ. Только в этом случае диалог с

германской стороны мог получиться серьезным. Как, впрочем, и с советской. Эти люди должны были:

- в мельчайших деталях знать тайную историю недалекого прошлого;
- располагать необходимыми связями и влиянием в различных кругах общества для последующего проведения в жизнь достигнутых договоренностей;

- обладать непререкаемым в глазах тех, кого представлял Радек, авторитетом, который уже одним только фактом своего существования безальтернативно понуждал бы и его самого и особенно стоящие за ним силы в Москве к адекватному восприятию обсуждавшейся проблемы и достигнутых договоренностей. Последнее было особенно важно для прагматичных немцев, ибо они-то прекрасно знали подлую манеру Ленина интриговать буквально на пустом месте, «выцыганивая» не всегда понятные для них выгоды для себя.

Именно так все и произошло. Через 21 год после описываемых событий один из тех, о ком пойдет речь, легендарный германский геополитик и конспиролог, военный разведчик, генерал-майор Карл Хаусхофер в одном из самых знаменитых своих трудов — «Континентальный блок: Центральная Европа — Евразия — Япония» (1940) — напишет о тех событиях следующее: «И когда после войны (Первой мировой войны. — А. М.) один из наших наиболее значительных и страстных политических умов, Брокдорф-Ранцау, захотел вновь ухватиться за нить и я был причастен к этому, то с русской стороны такую линию распознали две личности, с которыми и пытались готовить для нее почву»^[233].

А двумя русскими государственными деятелями, со слов самого же Карла Хаусхофера, были Карл Бернгардович Радек и народный комиссар по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин!

Обратите внимание на то, что речь шла именно о «восстановлении нити контактов»! Факт этот очень дорогого стоит! Только что там было «восстанавливать», коли весь «великий октябрь» формально и так был «творением» германской агентуры влияния?! И что было «распознавать» тем же Радеку или Чичерину, если они и так с дооктябрьских времен плясали под дудку германского генштаба?! Разве не было бы вполне достаточным просто цыкнуть на них, да и на того же Ленина, и все покатило бы само собой как по маслу. Если бы все было так просто... И вот тут нам придется вернуться к вояжу Дзержинского и уже в деталях показать его значение в «восстановлении нити контактов».

Дело в том, что едва только весть о предстоящем секретном вояже Дзержинского достигла ушей британской разведки, в первую очередь там окончательно утвердились во мнении, что, «когда война закончится,

германизованная Россия будет угрозой для всего мира», то есть для англосаксонского. Что, собственно говоря, и активизировало интервенции стран Антанты против России. Антанта и прежде всего Великобритания стремились не допустить такого развития событий, намереваясь, в том числе и за счет интервенций, развести Россию и Германию чисто в географическом смысле как можно дальше друг от друга.

Но именно поэтому-то в числе первых «двух русских государственных деятелей», якобы что-то «распознавших», тем более какую-то «линию», и оказались ближайшие подручные «вождя» — мастер тайных интриг Карл Радек и блестяще подготовленный как дипломат Георгий Васильевич Чичерин. Карл Хаусхофер не зря их назвал. Его «восстановление нити контактов» означало также и восстановление нити идеи летнего предложения Чичерина, сделанном им от имени Ленина. Но прежде всего это означало восстановление как дооктябрьских, так и постоктябрьских контактов с большевистской верхушкой. И даже не столько само восстановление самих этих контактов, поскольку они не были потеряны в прямом смысле слова, но при опоре на них восстановление нити высказывавшихся ранее мыслей о военно-геополитическом союзе, развитие и доведение их до практической реализации в ближайшем же будущем. Это была чистейшей воды переброска концептуального моста в будущее при наличии опоры в прошлом! И то, что именно Карл Хаусхофер, к тому времени уже известный геополитик, ученый, военный, разведчик, принял самое деятельное участие в «восстановлении нити контактов» — лучшая гарантия того, что оно происходило именно же на стезе уже принципиально оформившейся идеи о военно-геополитическом союзе!

Что же до практического «восстановления нити контактов», а на самом-то деле «нитей мыслей» о военно-геополитическом союзе Германии и России, то вот тут-то и сыграл свою роль тайный вояж Ф. Э. Держинского в Швейцарию. Потому как не в Швейцарию он ездил, хотя бы и за женой, а через Швейцарию в Германию! Соответственно вполне закономерен и вопрос: а почему именно Держинский, да еще и в сопровождении В. Аванесова, да еще и по категорическому настоянию самого Ленина, а также Свердлова?!

На выходе из чрезвычайно запутанного лабиринта сложнейше переплетенных личных и политических интриг и коллизий того времени получается следующая картина. Не без влияния кайзера Вильгельма II, лично руководившего всей подрывной деятельностью против России в период Первой мировой войны, в числе тех, кто на стыке тайной дипломатии, разведки и тайных обществ торил столь же тайные тропы для привода Ленина и К^о к власти, оказались и играли громадную роль два

теснейшим образом взаимосвязанных между собой тайных общества — «Германенорден» и «Балтикум». Членами этих обществ были чрезвычайно влиятельные как в Германии, так и в России представители древних аристократических родов из числа прогермански настроенных остзейских (прибалтийских) баронов. Именно они сыграли колоссальную роль в ширококомасштабных предфевральских, послефевральских и октябрьских интригах в России, которые, кстати говоря, всегда сопровождались и откровенным шпионажем в пользу Германии. Еще во время войны бароны доинтриговались в итоге до того, что глава русской военной контрразведки Северо-Западного фронта генерал М. Бонч-Бруевич (родной брат ближайшего помощника Ленина) едва ли не поголовно пересежал всю верхушку «Балтикума». Впоследствии немцы ему это припомнят, когда он возглавит войска Западной завесы уже при большевиках. Под нажимом германского генштаба Ленин вынужден будет его снять и назначить на этот пост старого германского агента — генерала Парского, у которого перед немцами были «несомненные заслуги»: именно он без боя сдал Ригу немцам 21 августа 1917 г.

В верхушке «Балтикума» особо влиятельное положение занимали родовитые аристократы — остзейские бароны Пилляр фон Пильхау, являвшиеся по совместительству родней... всесильного главы ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского. Жена Адольфа Пилляр фон Пильхау — Софья Игнатъевна Пилляр фон Пильхау — была родной сестрой матери «железного» Феликса — Елены Игнатъевны. Софья Игнатъевна Пилляр фон Пильхау была фрейлиной последней русской императрицы и пользовалась большим влиянием в Петербурге, что не раз выручало буйного в своих революционных увлечениях Феликса Эдмундовича. Сын Софьи Игнатъевны, то есть двоюродный брат самого Дзержинского, — Роман Александрович (в действительности Ромуальдас-Людвикас Адольфович) Пилляр фон Пильхау — стал одним из видных чекистов^[234].

[В начале он был заместителем начальника КРО ВЧК. Впоследствии стал заместителем председателя ГПУ Белоруссии, затем наркомом внутренних дел Белоруссии, далее работал на руководящих постах в органах госбезопасности РСФСР и Средней Азии, в 1937г., будучи начальником УНКВД по Саратовской области, был арестован и расстрелян. Одновременно Р. А. Пилляр фон Пильхау был одним из ближайших личных друзей и родственником известного руководящего деятеля ВЧК — ГПУ — ОГПУ — Артузова Артура Христиановича. Обратите внимание на последнюю должность Р. Пилляра фон Пильхау. В Саратовской области тогда проживало огромное количество немцев. Существовала даже республика немцев Поволжья. До середины 1933 г. там

же находились и некоторые объекты совместного пользования рейхсвера и РККА.

Его братец — барон Генрих Пилляр фон Пильхау, в прошлом офицер царской армии, — создал в Германии так называемое Русское объединенное народное движение: белые рубашки, красные нарукавные повязки, на них — белая свастика в синем квадрате. В силу присущей, очевидно, всем баронам «скромности», и этот тоже объявил себя ни много ни мало, но «фюрером русского народа», а чтобы заранее исключить язвительно-саркастические вопросы насчет его не вполне славянской фамилии, нарек себя Андреем Светозаровым. Наверное, чтобы и на Лубянке тоже не задавали лишних вопросов его братцу — видному чекисту. А то ведь какой «компот» получается — один в ЧК за «контрой» бегаёт, а другой в это же время в «фюреры русского народа» подался. Забавная картинка: двоюродный брат Дзержинского — «фюрер русского народа»! Правда, надо отдать «должное» нацистам — они быстренько разогнали это «движение» Светозарова/Пилляра фон Пильхау, потому как, будучи сами плагиаторами, физически не терпели вокруг себя никаких плагиаторов. Заодно вполне доступным для понимания немецким языком, но с применением хорошо известных и в русском языке непереводаемых идиоматических выражений объяснили «новоявленному фюреру», что в Германии может быть только один фюрер. И если Светозаров/Пилляр фон Пильхау не хочет провести остаток своих дней в инвалидной коляске, то должен немедленно прекратить это «безобразие». Барон все понял, вновь стал Пилляром фон Пильхау, но при этом его периодически начали обуревать собственные чувства» к оставшейся в «стране победившего пролетариата» баронской родне. Но каждому очередному приливу «нежности родственных чувств» почему-то предшествовать длительная встреча с представителями афганской военной разведки... И если уж откровенно, то при наличии таких данных любая, даже самая безалаберная контрразведка мира и то начнет задумываться — а что тут к чему? В 1937 г. на Лубянке наконец-то задумались и... расстреляли его.]

Главой же «Балтикума» в Берлине в то время являлся личный адъютант кайзера генерал граф Рюдигер фон дер Гольц, в руках которого были сосредоточены тайные нити связи с Россией. И когда возник вопрос о том, кто же конкретно должен выйти на тайный контакт с представителями «Балтикума» в Швейцарии, а затем и в Германии, то лучше кандидатуры «железного» Феликса не оказалось. По занимаемому положению в воцарившейся тогда в России иерархии власти — ровня самому фон дер Гольцу. К тому же, как известно из истории, секретные закулисные переговоры обычно осуществляют наиболее доверенные лица глав

государств, как правило, руководители спецслужб. Дзержинский в этом смысле был просто идеальной фигурой — мало того что глава ВЧК, так ведь еще и громадным авторитетом пользовался у самого Ленина. Несмотря на свое яростное несогласие с Брестским договором, в откровенно антигерманской деятельности еще не успел засветиться. Из провокационной затеи с убийством Мирбаха, о планировании которого он знал, как, впрочем, и об антигерманском, но проантантовском мятеже левых эсеров, «железный» Феликс вышел «сухим»: мудро пребывал в отсидке у тех же левых эсеров, а его подпись на мандате Блюмкина, как потом утверждалось, поддельная. Ну и, наконец, прямой родственник одного из руководителей тайного общества «Балтикум». Куда уж лучше. К тому же в лицо его еще мало знали, особенно за рубежом, тем более что за границу он выехал почти полностью обрившись — не было ни волос, ни знаменитой бородки клинышкам. А уж в цивильном костюме, в пальто да в шляпе — так и вовсе не узнать.

Формальный предлог тоже превосходный — бедную жену надо забрать из капиталистического рая. Предлог, кстати говоря, был очень важен в том смысле, что, если бы о предстоящем вояже Дзержинского в Германию, да еще и по каналам «Балтикума», узнал бы тот же М. Бонч-Бруевич, который в свое время и Пилляр фон Пильхау чуть было не упрятал за решетку, то непременно забил бы тревогу с непредсказуемыми последствиями. Аванесова же — секретаря самого Свердлова — «пристегнули» к Дзержинскому для контроля за его действиями. В этом был крайне заинтересован сам Яков Михайлович, еще с весны 1918 г. сконцентрировавший всю власть в стране в своих руках, а после ранения Ленина и вовсе единолично распорядившийся всем. К тому же и формальный предлог тоже был неплох — Аванесов прекрасно знал Швейцарию, где еще в 1913 г. окончил медицинский факультет Цюрихского университета и где в общении с другими эмигрантами всю войну контактировал с немцами. Сам-то Феликс, как известно, в это время все по острогам скитался и толком не ведал, с кем в Швейцарии надо иметь дело. Чтобы попасть в Германию, он должен был вступить в контакт с германским разведчиком — посланником в Берне — бароном Гисбертом Ромбергом. А для этого необходимо было войти в контакт с его агентами: главным редактором журнала швейцарских социалистов-интернационалистов «*Berner Tagmacht*» — Робертом Гриммом, либо с известным под псевдонимом Александр Штейн Александром Э. Кескюла (Кескюля)^[235] и другими персонажами, которых он в лицо не знал. Именно они, прежде всего сам Ромберг, реально могли вывести на «Балтикум» в лице личного тайного представителя общества уже упоминавшегося Хохен-Остена. Без

этих контактов Держинский не смог бы попасть в Германию, которая и была главной целью его тайного вояжа. Так начиналось практическое «восстановление нити контактов» — наведение мостов в послевоенное будущее. А попасть в Германию ему было крайне необходимо. То было особое задание Ильича.

«Вождь» прекрасно знал, кто фактически и почему пропустил его в Россию. То, что от него требовалось, он выполнил — тут ему не откажешь в «исполнительности». Ведь как и германское правительство, эмигрантская «шайка подонков низших слоев Европы» во главе с Лениным немало поспособствовала поражению России. Но именно в том более всего и была заинтересована Антанты, особенно **PERFIDIOUS ALBION**. Требовавшееся последнему, как, впрочем, и тевтонам тоже, общее ослабление послевоенной России — пожалуйста. Ставка на рост сепаратистских настроений, тенденций и движений в России как на явление, находившееся в прямой связи с их «революционным» движением, дала свои негативные результаты, и «парад суверенитетов» захлестнул Россию, в том числе даже и сугубо моноэтнические русские земли. Точь-в-точь с требованием об «обеспечении прав малых народов Европы», декларированным **PERFIDIOUS ALBION** еще 9 ноября 1914 г. Скорейшее заключение сепаратного мира — «вождь» и это гарантировал. Сначала лозунг о немедленном мире сделал основным пунктом своей программы, а затем и вовсе пошел на позор Брест-Литовского договора. Иначе реализация плана захвата Палестины **PERFIDIOUS ALBION** сорвалась бы, даже не начавшись. Надо было ликвидировать все требования России к послевоенному устройству мира, в чем более всего был заинтересован **PERFIDIOUS ALBION**, — пожалуйста. Под видом компрометации Антанты демонстративно были опубликованы якобы показывающие захватнический характер внешней политики царской России тайные договоры русской дипломатии. И столь же демонстративно «вождь» не только их дезавуировал, но и вовсе аннулировал. Надо было прервать легитимность **РУССКОЙ ВЛАСТИ** — тоже пожалуйста. Фактом незаконного захвата власти при помощи главного врага Антанты — Германии «шайка подонков низших слоев Европы» начисто прервала легитимность Русской Власти! Позволить экономический грабеж?! Пожалуйста. Уж такой грабеж устроили, что не приведи господь!.. Что еще-то было нужно?!

Как не самостоятельно мысливший человек, «вождь» то ли и впрямь не понял, то ли просто не желал понимать, что есть еще одно совпадение интересов, в котором нет места ни ему, ни его эмигрантской шайке. Потому что Германия рассматривала его и его шайку всего лишь как подходящий подрывной элемент, необходимый для разрушения России и вывода ее из

войны, и тот же **PERFIDIOUS ALBION**, в том числе и по тайному сговору с той же Германией аналогичным образом расценивал их. В их планы удержание этой шайки у власти после войны не входило! И тевтоны уже стали склоняться к такому варианту — на одном из документов германский кайзер так и написал в отношении Ленина: «избавиться после выполненной работы». Да и Антанта тоже время даром не теряла. Со слов Раковского, «Троцкий организовал при помощи своих друзей покушение Каплан на Ленина. По его приказу Блюмкин убил посла Мирбаха. Государственный переворот, подготавливавшийся Спиридоновой с ее социал-революционерами (т. е. эсерами; Мария Спиридонова — лидер эсеров. — А. М.), был согласован с Троцким».

[Троцкий согласовал с британским разведчиком Дж. Хиллом — он «содействовал» Льву Давидовичу в создании военной разведки — вопрос об операции прикрытия Я. Блюмкина французской ширмой. Капитан французской разведки Пьер Коран якобы завербовал Блюмкина для убийства Мирбаха — у французов был прекрасный повод для этого, так как у них давно чесались руки разделаться с Мирбахом из-за Мата Хари, которая нанесла Франции серьезный ущерб. Без такой комбинации уши Запада «а-ля Троцкий» вылезли бы мгновенно. Одновременно Троцкий осуществлял и операцию прикрытия самого левозэсеровского мятежа. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма — ныне Российский государственный архив социально-политической истории — в фонде 70, опись 3, единица хранения 769 хранился один любопытный документ, резолюция Троцкого на котором свидетельствовала о том, что Раковский говорил правду на допросе. На сообщении о начале левозэсеровского мятежа в Ярославле Троцкий письменно повелевал расстрелять весь ревком за что сообщение. Есть ревком — есть проблема реагирования на его сообщение, нет ревкома — нет ни сообщения, ни тем более проблемы реагирования на него. То есть не только вопрос о начале этого мятежа был согласован с «бесом революции», но и вопрос о его прикрытии путем наглой информационной блокады центральных властей вплоть до непосредственного упрятывания «концов в воду» — тоже.]

И вот после того как во имя наиподлейших интересов **PERFIDIOUS ALBION** «вождь» сознательно выполнил всю грязную работу, в том числе:

— за счет неслыханного позора и унижения России обеспечил проклятой Англии возможность решить палестинскую проблему;

— позволил Антанте грабить Россию;

— выполнил самую кровавую работу — физически уничтожил последнего русского царя и его семью, потому что тевтоны уже хотели его

вернуть, а Антанта, особенно Великобритания, — были категорически против;

— разжег еще и пламя Гражданской войны;

— создал все необходимые условия для «благопристойного» вторжения войск Антанты в Россию и т. д., а после всего этого еще и получить пулю от «благодарных» бриттов?! «Гениальный вождь мирового пролетариата» сильно уж обиделся на треклятый Запад, супостаты которого едва не прикончили его 30 августа 1918 г. «Вождь» был ужасно оскорблен и уязвлен. Вот и полез очертя голову в очередную смертельную схватку, чтобы всего лишь потом было бы видно. Вот почему он и решил по-настоящему «уесть» проклятых британских империалистов... русско-германским послевоенным союзом. Как и всегда, любитель наполеоновской заповеди ни в малейшей степени не отдавал себе отчета, в какую же смертельную схватку он влезает, а заодно и тянет за собой Россию. Он в буквальном смысле слова не в состоянии был воспринимать старинную мудрость Горация — «Что бы ни придумали короли, за все расплачиваются народы». «Вождь», однако...

Смысл же того, что он задумал и ради чего послал Дзержинского в Германию, состоял из трех взаимосвязанных глобальных элементов. Во-первых, еще со времен «первой русской революции» 1905 г. Ленину хорошо было известно, что финансирование подрывной антирусской деятельности «революционеров» в значительной степени осуществлялось американским капиталом. Главным образом еврейским. И что финансирование, которое он получал от тевтонов, в действительности было американским. Собственно говоря, именно поэтому к нему и приставили Троцкого — полномочного представителя американского капитала в «русской революции». Вот это и есть суть той самой реплики Раковского насчет того, почему Ленина вынудили взять в компанию Троцкого. Ему очень просто объяснили, что денежки-то не германские, а американские, и потому он просто обязан взять в «соратники» Льва Давидовича Бронштейна-Троцкого! Ну и куда было деваться «не самостоятельно мыслившему вождю»?! Во-вторых, не менее хорошо ему было известно также и о невероятном переплетении американского и германского капиталов, в том числе и по каналам личной, включая и этническую, унии. Секрета тут для него не было, потому что он знал, что финансирование его подрывной деятельности как в период Первой мировой войны, так и после переправки в Россию осуществлялось как раз по каналам финансово-личной унии некоторых еврейских банкирских кланов, которые стояли за спиной Троцкого. В частности, Уорбургов, часть клана которых действовала в Германии, а другая — в США. Зная это, нетрудно было вычислить, что эти

кланы, естественно, не допустят реального разорения послевоенной Германии, а следовательно, не допустят и того, чтобы в Лету канули те громадные даже по нынешним временам финансовые средства, которые они же и закачали в «октябрьский переворот». И не специалисту было понятно, что как только будет установлен мир, начнется восстановление Германии, которой потребуются рынки сырья и сбыта. «Вождь», однако, не понимал простой истины — тягаться в интриганстве с этими акулами империализма ему не по силам. Чуть позже, перед Генуэзской конференцией, он это поймет, но будет уже поздно. А пока он исправно перекачивал русское золото и иные материальные ценности на Запад, преимущественно в США, расплачиваясь им за оказанное содействие.

Наконец, в-третьих, более или менее точно понимал он и смысл участия Америки в Первой мировой войне — вышибить Великобританию с мирового пьедестала и завладеть ее колониями как источниками сырья и рынками сбыта. В воспаленном и уже стремительно приближавшемся к исчерпыванию своего потенциала мозгу «вождя» все три причины объединились, как ему показалось, весьма удачно, и он решил «ввязаться в бой, а там видно будет». То есть назло не столько даже Антанте, сколько именно же проклятой Англии учинить-таки русско-германский союз с помощью германского капитала, действующего под негласным прикрытием американского капитала. Вот для зондирования принципиальных возможностей реализации идеи о таком русско-германском послевоенном союзе и отправился в свой тайный вояж Дзержинский. Кстати говоря, очень даже не исключено, что немалую роль в подобном анализе, а затем и в синтезе уже в мозгу «вождя» сыграл именно Троцкий — этот-то не только прекрасно знал весь американо-германский расклад еврейского капитала, но и сам был невероятно виртуозный мастак на стратегические интриги. Во всяком случае, придумывать — точно мастак^[236].

Особый интерес представляет утверждение К. Хаусхофера о том, что он лично принимал участие в «восстановлении нити контактов». Это соответствует истине — руку к этому он приложил всерьез. Но все дело в том, что едва только он оказался причастен к этому, как процесс «восстановления нити контактов» вдрызг был засвечен британской разведкой сразу по двум каналам. Потом добавился и третий. Дело в том, что засвечивание этого процесса в самом его начале было неминуемо. И именно из-за того, что в нем были задействованы «Германенорден» и «Балтикум».

В структуре «Германенордена» был Баварский филиал со штаб-квартирой в Мюнхене. В число его членов, наряду с другими представителями различных кругов германской элиты, входил также и Карл

Хаусхофер — профессиональный военный разведчик, перешедший на работу в Мюнхенский университет, но не порвавший с разведкой. Близок он был и к руководству «Общества Туле».

Во главе Баварского филиала стоял известный по ранней истории нацизма в Германии барон Рудольф фон Зеботтендорф фон дер Роз. Этот «барон» долгое время жил в Османской империи, где был посвящен в ту-же масонскую ложу, откуда вышли все руководители младотурецкой революции 1908 г., пребывавшие у власти в стране вплоть до 30 октября 1918 г. Барон Рудольф фон Зеботтендорф фон дер Роз (подлинное имя Адам Альфред Рудольф Глауэр) — личность хорошо известная по исторической литературе. Поэтому нет особой нужды пересказывать основные вехи его биографии. Куда важней и интересней отметить некоторые особенности его биографии, которые практически никогда широко не освещались. Дело в том, что с момента посвящения в ту же масонскую ложу, из которой вышли все главари младотурков, Зеботтендорф оказался и под «колпаком» британской разведки. Выше это обстоятельство уже отмечалось, когда речь шла о Парвусе. Их личное знакомство под негласным контролем британской разведки было предрешено. *[Мало кому известно, что под псевдонимом барон ИНО Зеботтендорф в качестве личного информирующего агента стратегического влияния длительное время пребывал на связи у самого Канариса — главы Абвера. Они были чрезвычайно близки и в личном плане, поддерживали дружеские отношения. Вильгельм Канарис очень доверял информации барона ИНО, который добывал ее благодаря своим разветвленным конспиративным связям в различных странах (попутно это был один из самых таинственных каналов связи Канариса с могущественнейшими закулисными силами Запада). А эта связь буквально вынуждает внимательней посмотреть на одну деталь из биографии Тухачевского. Известно, что будущий маршал сидел в немецком плену в концлагере города Ингольштадт. Но мало кому известно, что именно Ингольштадт являлся основной первоначальной базой «Общества Туле». Благодаря целому ряду необычных историй, творившихся в нем в разные века, этот городок недалеко от Мюнхена вообще вошел в мировую историю, правда с черного входа. И в связи с этим, а также учитывая свободный режим выхода из концлагеря, благодаря чему Тухачевский в конце-то концов и сбежал из плена, есть немало оснований полагать, что именно в Ингольштадте-то он и был посвящен в «Общество Туле». В те времена к руководству этого общества был близок и Карл Хаусхофер. Его имя между тем неоднократно всплывало на процессах 1937 — 1938 гг. Это во-первых. Во-вторых, и в Германии, и за ее пределами реализация идей пангерманизма на «технологическом» уровне мыслилась лидерами общества*

за счет диктатур. Собственно говоря, само общество именно для этого и было создано и существовало до тех пор, пока реальный кандидат в диктаторы не появился — Гитлер. Но ведь и за Тухачевским со времен требования в плену вьется шлейф категорических убеждений в наличии у него диктаторских замашек, да еще и с антибританским уклоном (именно в этом-то его и обвиняла в 1937 г. вся западная пресса). К примеру, его солагерник — обычно выступавший под псевдонимом Пьер Ферварк француз реми Рур — еще в 1928 г. изложил эти факты в своей книге о Тухачевском. И если, например, исходить из того, что именно в Ингольштадте на Тухачевского обратили внимание — в данном случае не столь уж и важно, была ли то германская разведка, или же «Германенорден», «Балтикум» или «Общество Туле», — то знать об этом мог в первую очередь сам Зеботтендорф — барон ИНО. Потому что участвовавший с молчаливого согласия британской разведки в операции по «сливу» Сталину достоверной информации о заговоре Тухачевского через чехословацкую военную разведку и президента Чехословакии Бенеша Канарис сдал информацию и о посвящении Тухачевского в «Общество Туле».

После ликвидации заговора Тухачевского Канарис почему то убрал барона ИНО из Германии, пристроив своего приятеля в стамбульском отделении Абвера у Герберта Риттлингера. Почему именно в это время Канарису пришло в голову убрать барона из Германии? ведь в Европе тогда разворачивались колоссальные по своему значению события, и такой опытный, всегда составлявший очень важную и интересную информацию агент должен был находиться под рукой главы военной разведки! А он его в Турцию?! Да, там тоже было чем заниматься, но все же это не Европа. То есть получается, что барона ИНО убрали от греха подальше?! Так, что ли?! Очевидно. А какой грех за ним мог числиться в то время, если он был очень близким другом самого Канариса, который, в свою очередь, в то время был еще в фаворе у фюрера?! Надо полагать, ответ очевиден.]

Появление же в этой связке Парвуса не случайно. Именно с ним-то в подрывных антироссийских целях и работал с начала 1915 г. посланник Германии в Копенгагене граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау, координировавший всю свою деятельность на этом направлении и с высшим военно-политическим руководством кайзеровской империи и, естественно, с германской разведкой. К осени 1918 г. Парвус был уже очень солидным авторитетом по русским делам при руководстве Германии. А Карл Хаусхофер и Ульрих фон Брокдорф-Ранцау были близко знакомы. Вот так и замкнулся круг межличностно-разведывательно-агентурных и иных связей, и началась прямая регенерация как «нитей контактов», так и «нитей мыслей». Причем изначально под явным контролем... британской разведки.

Однако же сам процесс регенерации «нитей контактов и мыслей» о будущем союзе непосредственно зависел от решения нескольких вопросов. Дело в том, что к концу сентября 1918 г., а именно 27 сентября этого года, президент США Вудро Вильсон от имени всей Антанты впервые особо подчеркнул, что Германия не может рассчитывать не то чтобы на мир, но и даже на перемирие, пока у власти находится кайзер Вильгельм II. Таким образом был жестко поставлен вопрос о ликвидации монархии в Германии. В самой же Германии решение этого вопроса для элиты осложнялось тем, что она никак не могла взять под контроль саму «технологию» ликвидации монархии — то ли это будет совершено по «революционной, марксистской технологии», то ли в рамках так называемой буржуазной революции, то есть без особых потерь для самой элиты. И хотя последний вариант был наиболее приемлем для нее, однако он никак не получался. Потому как, с одной стороны, те, кто мог быть использован для этих целей, были скомпрометированы близостью к кайзеру и потому обвинялись странами Антанты в развязывании войны. С другой же — на тот момент дорогу этому варианту перекрывало совершенно неконтролируемое развертывание событий по «марксистской революционной технологии», что на фоне кровавой вакханалии террора и насилия в России и вовсе пугало германскую элиту. Одно дело спускать с цепи «борцов за народное счастье» в далекой России — как говаривал Бисмарк, «социализм в одной стране построить можно, только надо для этого найти страну, которую не жалко», — и совсем иное допустить их к власти в горячо любимом фатерланде.

Между тем во главе революционного движения в Германии тогда стоял Спартаковский союз, который возглавляла старая знакомая Ф. Э. Дзержинского — Роза Люксембург. 21 октября 1918 г. к ней присоединился выпущенный на свободу знаменитый Карл Либкнехт, находившийся в заключении с 3 мая 1916 г. К. Либкнехт был ярким противником Ленина и его кровавых методов, Брестского договора со всеми его последствиями. Не говоря уже о том, что по уровню интеллекта и особенно авторитетности в международных кругах революционной социал-демократии он откровенно претендовал на роль лидера международного рабочего движения. Короче говоря, только этого еще и не хватало германской элите именно в то время. И судя по тому, что произошло дальше, между Дзержинским и немцами состоялся не только зондажный обмен мнениями, но и были достигнуты некоторые предварительные договоренности. Во-первых, по вопросу о том, как умерить сильно пугавшую германскую элиту и раздражавшую германский генштаб «революционную» прыть К. Либкнехта и Р. Люксембург. Именно с этой целью прилично одетый «господин Доманский» и посещал многочисленные

митинги с их участием, о чем регулярно докладывал в Москву^[237]. Вторых, о том, что делать, если они не поймут словесных увещаний. То есть могут ли столь обязанные немцам «господа ленинцы» организовать ликвидацию этих деятелей при содействии германской разведки? Конечно же, услуга за услугу — взамен германская сторона закрывает дело об убийстве Мирбаха, хотя в Германии, несмотря на всю революционную анархию последних дней существования монархии, ширилось массовое движение за суровое наказание убийц германского посла. В-третьих, о том, что и как предпринять, чтобы сохранить на будущее если не букву, то хотя бы дух прошлого сотрудничества, в том числе и на договорной основе — ведь «господа ленинцы» столь многим обязаны Германии. Как сохранить то золото, которое Ленин обязался выплатить по второму Брестскому договору и часть которого уже была направлена в Германию, но так, чтобы оно стало залогом будущего сотрудничества?^[238]

Судя по всему, именно во время обсуждения этих тем и возникла идея направить в Германию с тайной миссией кого-либо из тех «ленинских гвардейцев», который обладал бы опытом самых грязных интриг в международных делах, свободно ориентировался бы в германской действительности и был бы понятен германской стороне. Более того, явно тогда же было оговорено, что присланное для организации «мокрого дела» лицо временно будет арестовано, а затем будет выпущено на свободу и в условиях конспирации с ним начнут тайные переговоры. А по достижении договоренностей оно будет отпущено назад в Россию.

В качестве «аванса» Ганс фон Сект потребовал срочной переправки в Россию «большого друга» германского генштаба, бывшего военного министра Турции Энвера-паши, которому, в случае его захвата странами Антанты на территории Германии, грозил расстрел как военному преступнику. Судя по всему, это была едва завуалированная попытка тевтонов легким шантажом ретроспективного типа проверить действительные намерения Ленина. Дело в том, что в сентябре 1915 г. через давнего германского агента — эстонца Александра Кескюла — Ленин представил германскому послу в Берне Ромбергу целевую программу своих действий в случае взятия им власти в России. Два последних пункта этой программы гласили: «6. Отказ России от Константинополя и пролива Дарданеллы. 7. Вступление русской армии в Индию»^[239]. Г. фон Сект не мог знать об этом. Он и близко не стоял тогда к работе тевтонов с кандидатом в «гении мирового пролетариата». Следовательно, подсказка могла быть только со стороны германской разведки и представителей МИДа, которые были в курсе подобных дел. Энвер-паша в то время всем морочил головы неким германо-советско-младотурецким союзом ради похода на Индию.

Хотя в принципе-то его главная истинная цель заключалась в том, чтобы при помощи германского оружия и согласия Ленина на провоз этого оружия через Россию в Турцию вернуться туда, дабы не допустить прихода к власти своего «собрата» по той же масонской ложе — Кемаля Ататюрка. Потребовав от Дзержинского принципиального согласия на переправку Энвера-паши в Россию, Г. фон Сект действовал по поручению МИДа и разведки, желая проверить дальнейшие внешнеполитические планы Ленина, в том числе и в аспекте его готовности к реальным антибританским действиям. Но это с одной стороны. С другой же — Ганс фон Сект предложил использовать Энвера-пашу как «нейтральное лицо» в советско-германских переговорах о военно-политическом союзе. Генерал, очевидно, тоже страдал известной формой некоего «отсутствия всякого присутствия»: как можно было не понимать и тем более не учитывать, что, несмотря на все взаимодействие с Германией, руководство младотурок поголовно было английской агентурой — как разведки, так и политического масонства. Ведь это же был «секрет Полишинеля» — вся Европа об этом знала. Что же до согласившегося предоставить Энверу-паше убежище Ленина, то даже через призму его «восточных интриг» чрезвычайно трудно представить себе резоны, которыми он руководствовался, связываясь с одним из крупнейших международных преступников того времени. Он же знал, что Энвер-паша несет личную ответственность за организацию геноцида армянского народа в Османской империи в 1915 г.^[240] Ему прекрасно было известно, что Энвер-паша является одним из ведущих идеологов и практиков панисламизма и пантюркизма, что для России было чрезвычайно опасно по геополитическим соображениям. Что практически незамедлительно и подтвердилось на практике. У «вождя» хватило ума отправить Энвера-пашу в Среднюю Азию для установления там советской власти, после чего огромные силы ВЧК и РККА длительное время гонялись за ним, чтобы прикончить его, в том числе и за организацию басмачества в Средней Азии. В чем он и проявил себя как 100%-ный британский агент^[241]. Вместо, естественно, совместного похода на Индию. Как бы там ни было, но просьба Ганса фон Секта не только была услышана, но и удовлетворена. При непосредственном участии Дзержинского и под его личным контролем в августе 1920 г. Энвер-паша тайно был переправлен в Советскую Россию, где его встретили с распростертыми объятиями.

[Вся эта история с переправкой Энвера-паши была сродни какой-то безумной игре в поддавки. Причем под негласным контролем британской разведки. Его переброску в Россию организовывали как Дзержинский и Коминтерн, так и лично Г. фон Сект, точнее, его адъютант Эрнст Кестринг — впоследствии военный атташе Германии в Москве. Летчиком

аэроплана был человек Секта — уполномоченный фирмы «Юнкерс» Х. Хессе. При нем находилось письмо руководства этого авиаконцерна на имя народного комиссара внешней торговли А. Б. Красина (издавна сотрудничавшего с немцами) с предложением построить под Москвой (в Кунцеве) авиазавод «Юнкерс» и создать авиалинию Москва — Берлин три обслуживании ее немецкими авиаспециалистами. Кроме того, у него на руках была и подготовленная штабистами рейхсвера военная карта с нанесенными на нее местами дислокации — по состоянию на 1 сентября 1919 г. — Поиск Антанты в Польше, Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии, населенных на Советскую Россию. С личной санкции Ленина, Троцкого и Чичерина 24 октября 1919 г. Энвер-паша вылетел в Россию, однако из-за выявившейся в воздухе неисправности самолета пилот вынужденно произвел посадку близ Ковно (ныне Каунас, Литва). Между тем там как раз и дислоцировался один из британских батальонов, обозначенный на упомянутой выше карте. «Естественно», англичане задержали летчика и пассажира, нашли письмо и карту и на основании этого арестовали их. Но «естественно» именно потому в кавычках, что англичане явно умышленно поручили их охрану отряду немецких «добровольцев» под командованием майора Чунке, который тоже был человеком Г. фон Секта. Те вызволили незадачливых авиапутешественников из тюрьмы, спрятали их на каком-то глухом хуторе, а затем переправили в Германию. Оттуда они снова, правда, почти через год, наконец-то — 11 августа 1920 года — добрались до Советской России («долгожданная встреча» произошла на аванпосту РККА вблизи польско-германской границы в Восточной Пруссии, то есть во время советско-польской войны). То есть очевидно, что бритты умышленно дали им возможность «бежать» — они были заинтересованы в том, чтобы Энвер-паша попал в Москву. Англичане действительно стремились изначально «оседлать» весь процесс налаживания основ военно-политического союза между Германией и Россией, причем оседлать именно на московском плацдарме, потому как на афганском — у них уже был агент в непосредственном окружении Г. фон Секта (об этом — чуть ниже). Они были крайне заинтересованы в том, чтобы дурачивший всех безумным проектом германо-советско-младотурецкого союза ради похода на Индию Энвер-паша оказался бы даже не столько в Москве, сколько именно же в Средней Азии, откуда этот поход якобы можно было бы осуществить. Но, естественно, не для этого, а для того, чтобы организовать — вот оно британское «обеспечение прав малых народов» — повстанческо-сепаратистское движение в целях отторжения этих территорий от российского государства и присоединения их к колониальной империи Великобритании.

Ведь из Индии англичанам гораздо легче было организовать поддержку басмачества, что они и сделали. Практически во всех организованных Энвером-пашой бандах басмачей были британские офицеры. Басмачество в СССР было подавлено только во второй половине 30-х гг. XX в.]

После предварительных переговоров Дзержинского произошло следующее. По прямому указанию Ленина в Германию направился К. Радек — тогда глава Иностранного отдела ЦК большевистской партии. Не в меру щедрый «вождь» направил «на помощь восставшему германскому пролетариату» целую шайку своих «гвардейцев»: Х. Раковского, Ю. Мархлевского, Н. Бухарина, А. Иоффе и К. Радека. Свято чтящие «орднунг» (порядок) и достигнутые договоренности немцы схватились за голову от такого размаха любителя наполеоновских заповедей и арестовали всю эту банду прямо в Ковно (Каунас, Литва). После нескольких дней ареста их выслали обратно в Минск, кроме, конечно, Радека. Этот проследовал по назначению. Прибыв в Германию, он, естественно, и не собирался оказывать помощь «восставшему германскому пролетариату». В прямой кооперации с германской разведкой и ее агентурой Радек начал охоту за головами лидеров германского пролетариата — К. Либкнехта и Р. Люксембург. В организации этого преступления ему помогали агенты германской разведки А. И. Гельфанд-Парвус, Карл Вайтел Моор («Байер») и Георг Скларц. Последний установил даже вознаграждение за поимку К. Либкнехта и Р. Люксембург. Незадолго до своей гибели К. Либкнехт раздобыл какие-то серьезные доказательства связей Радека и его компаньонов с германской разведкой. Более того, решил устроить «международный социалистический суд» по этому вопросу, в водоворот которого неминуемо и неизбежно был бы втянут и Ленин. Тем самым он ускорил свою гибель. К вечеру 15 января 1919 г. охота окончилась их убийством. И если бы у Радека была бы только одна эта задача, то уже 15 января он должен был покинуть Германию, но он оставался еще почти месяц, пока его с помпой не арестовали. Уже после того как начальник конвоя капитан Пфлугк-Гартунг лично застрелил К. Либкнехта и лейтенант Фогель застрелил Р. Люксембург, брат Либкнехта, известный берлинский адвокат Теодор Либкнехт, открыто обвинил Радека в выдаче брата и Р. Люксембург на расправу подавлявшим восстание спартаковцев властям. Кстати говоря, самое активное участие в подавлении этого восстания принимали и все структуры «Германенордена», «Общества Туле», «Балтикума». И как знать, не с тех ли пор у Радека завелись весьма тесные связи с ранними нацистами, которые он не терял до самого своего ареста в 1936 г.?! Кстати, участвовал в этой операции и будущий глава Абвера В. Канарис.

А дальше началось то, ради максимальной зашифровки чего личный биограф И. Д. Троцкого Исаак Дейчер пустил по миру легенду о «чудесах политической ловкости» Радека в Моабитской тюрьме, которая и поныне кочует из книги в книгу и опровержение которой потребовало столь значительных предварительных пояснений. На самом же деле Радек не сидел в Моабитской тюрьме ни часу. Во-первых, сразу же после ареста 12 февраля 1919 г. его поместили в Иертерскую тюрьму, что находилась неподалеку от Иертерского вокзала (ныне ни тюрьма, ни вокзал в Берлине не существуют). Во-вторых, из-за того, что спартаковцы практически сразу же организовали покушение на Радека прямо в тюрьме, его быстро перевели оттуда, где он не так уж и долго хлебал «арестантскую баланду» из... ближайшего ресторана, в частный дом с большим количеством комнат, который был арендован германской разведкой. Эту часть операции осуществлял агент германской разведки «Байер» — Карл Вайтел Моор. Сразу же предприняв меры по ликвидации Радека, спартаковцы, по сути дела, продемонстрировали, что они даже и на йоту-то не сомневались, что виновником убийства их вождей является именно он. Выше уже отмечалось, что у Радека были свои счета с Р. Люксембург, благодаря усилиям которой он с треском и со скандалом вылетел из рядов германской социал-демократии.

(Одновременно человек Троцкого готовил убийство лейтенанта Фогеля. Им был посланный заместителем народного комиссара Л. Караханом со специальным заданием в Нидерланды Исидор Вольфович Мильграм. Прямо на границе он был арестован голландскими властями, некоторые прекрасно знали его как «коммунистического функционера». В начале января 1919 г. он выехал в Голландию, а 11 января арестован. Восемь месяцев содержался в крепости Вирикерсханс. Туда же чуть позже поместили и арестованного за нелегальную попытку перейти голландскую границу, чтобы на время укрыться от германских властей, убийцу Р. Люксембург — лейтенанта Фогеля. И Мильграм тут же принялся за дело — стал разрабатывать план убийства Фогеля. Так вот и спрашивается, что это за специальное задание поручил И. В. Мильграму заместитель народного комиссара по иностранным делам Лев Карахан?! Не потому ли Мильграм был направлен в Голландию, что Радек заранее сообщил, что согласно плану Фогель будет скрываться в Голландии, для чего нелегально перейдет ее границу?! То есть планировалась операция по упрятыванию всех «концов в воду», так, что ли?! Очевидно. А с Мильграмом нам еще предстоит встретиться на страницах этой книги.]

В-третьих, именно «Байер» -Моор выдал Радеку 15 тыс. марок. Крадек выжал их из наивного Моора под предлогом необходимости оказания

помощи вдове расстрелянного главы Баварской Советской Республики — Е. Левине. При этом он заявил, что всего ему нужно 25 тыс. марок, из коих 10 тыс. он уже получил от прибывшего туда в начале 1919 г. представителя Советской России в Германии Виктора Коппа. Судя по всему, прибытие Коппа в Германию было согласовано между Дзержинским и фон Сектом. Копп прибыл в Германию для организации так называемого экономического прорыва в германо-советских отношениях — формально для закупки паровозов для Советов. На самом деле подлинной целью его пребывания в стране была организация «горячей линии» связи между вступившим в тайные переговоры с немцами Радеком и Лениным. Сам факт того, что Радек свободно общался с Коппом в условиях своего «ареста» и формального отсутствия дипломатических отношений между двумя государствами, более чем прекрасное доказательство того, что на самом-то деле он находился на свободе.

Вот каким образом Радек и проявлял «чудеса политической ловкости», «содержа свой политический салон», в котором принимал представителей высшей политической, экономической, финансовой и военной элиты Германии. О том, что это было именно так, и прежде всего на свободе, свидетельствует сам Карл Хаусхофер: «Тот, кто участвовал в этой игре, должен был смириться с обстановкой: ночами напролет находиться в помещениях, усеянных окурками сигарет и залитых чаем, вести изоощренные беседы в духе древних каверз, которыми изобиловала каждая такая беседа. Эта очередная цитата из его уже упоминавшегося труда «Континентальный блок...» четко и однозначно свидетельствует о том, что Радек находился не только на свободе, но и в частном доме^[242].

Вот так, в сложнейшие запутанных, многократно взаимопересекавшихся лабиринтах всевозможных интриг, различных разведывательных контактов, межличностных и агентурных связей, на стыке тайной дипломатии, разведки и тайных обществ, на руинах некогда процветавших двух сильнейших империй континентальной Европы зарождалось военно-политическое сотрудничество между Германией и СССР.

И было бы крайне удивительно, если в своем вечном стремлении взять под контроль даже тень намека на союз двух континентальных гигантов Европы — Германии и России, испокон веку злобно русофобствующая «старая, добрая» сволочь по имени **PERFIDIOUS ALBION** немедленно не сыграла бы на опережение. Соответственно нет ничего удивительного и в том, что некоего господина «Доманского» с нетерпением ожидал в Лугано господин Локкарт. В мире разведок ничего случайного не бывает, тем более когда речь идет о британской разведке, а вопрос касается Германии и

России. В этом случае британская разведка извернется ужом и не только все выследит и будет все знать в деталях, но и накрепко «оседлает» весь процесс прямо у его истоков. Не менее естественно, что британская разведка отслеживала и пребывание Радека в Берлине. Потому как не понимать, что означают все эти его тайные шашни, британская разведка не могла. Она уже летом 1919 г. самым «традиционным» для нее образом отреагировала на эту информацию. Легендарный британский геополитик XX в., но одновременно и сотрудник разведки, член Комитета 300 — Хэлфорд Маккиндер — представил правительству фактически план развода граничивших между собой до 1 августа 1914 г. Германии и России как можно дальше чисто в географическом смысле. А это означает, что британская разведка располагала едва ли не всей полнотой информации еще только об идее проектировавшегося союза двух изгоев. Более того. Она отреагировала не только таким образом, но и более естественным для любой разведки способом. По каналу репатриации военнопленных в Германию в срочном порядке был направлен агент Фил — Адольф Эрнст Хойзингер.

Он был завербован британской разведкой — как агент на перспективу, — еще находясь в плену, куда он угодил, будучи младшим лейтенантом пехоты во время битвы на Соме в 1916 г. в период Первой мировой войны. В плену находился вплоть до 1919 г. — срок вполне достаточный для вербовки и подготовки агента. По возвращении в Германию в кратчайшие сроки стал наиболее доверенным лицом и главным протеже генерала Г. фон Секта. Постоянно находясь в главном штабе рейхсвера, на протяжении всего периода советско-германского сотрудничества в военной сфере — вплоть до привода в 1933 г. Гитлера к власти, — А. Хойзингер снабжал британскую разведку подробной информацией обо всех аспектах и перипетиях этого сотрудничества, взаимоотношениях между генералитетами двух армий, состоянии рейхсвера и РККА и т. д. В середине 30-х гг. А. Хойзингер-Фил находился на связи у сотрудника британской разведки, помощника британского военно-воздушного атташе в Берлине, полковника Кристи. Именно Фил информировал британскую разведку об активизации ранее сложившегося военно-геополитического заговора германских и советских генералов в целях одновременного свержения Гитлера и Сталина, установления военных диктатур в Москве и Берлине и дальнейшем формировании трио военных диктатур по оси Берлин — Москва — Токио с подключением также и Рима Муссолини. Именно А. Хойзингер-Фил информировал англичан о разработанном и переданном Тухачевским германским генералам плане поражения СССР в случае войны с Германией, вследствие чего в Советском Союзе должен был произойти военный переворот. Информация свидетельствовала о колоссальной угрозе

безопасности Великобритании. Ведь заговорщики планировали территориальные и экономические уступки Германии и Японии, опираясь на которые те повели бы ожесточенную борьбу против англосаксонского Запада. И именно поэтому-то британская разведка чрезвычайно искусно, чужими руками, но едва ли не в прямом смысле «нейрохирургическими методами» завалила весь этот заговор, конвертировав его в... Мюнхенскую сделку с Гитлером. Впоследствии, став с середины октября 1940 г. генералом, Адольф Эрнст Хойзингер-Фил был назначен начальником Оперативного управления Генерального штаба сухопутных сил вермахта (ОКХ), заместителем начальника генштаба ОКХ. Являлся особо доверенным лицом А. Гитлера в высшем военном командовании Германии и отвечал за планирование военных операций. Судя по всему, при разработке окончательного варианта «Плана Барбаросса», Хойзингер-Фил использовал данные «Плана поражения СССР в войне с Германией», который был разработан Тухачевским и К^о и передан германским генералам Уборевичем осенью 1936 г. Он же выдал англичанам и точную дату нападения Германии на СССР. Благодаря своим британским покровителям, Адольф Эрнст Хойзингер-Фил, к сожалению, избежал после Второй мировой войны сурового приговора Нюрнбергского трибунала. Фактически именно он воссоздал современную германскую армию — бундесвер, кстати говоря, по методике Г. фон Секта, затем был на руководящих постах в военном командовании НАТО. Лишь настойчивые разоблачения Советского Союза, хотя и с опозданием, но положили конец его карьере. *[Не одни только бритты были столь мудры и дальновидны. При всей своей провинциальности, янки от них не отставали, хотя и пошли несколько иным путем. Эти сразу нацелились на едва только появившуюся Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП) во главе с Гитлером. И вскоре в качестве пресс-секретаря Гитлера и нацистской партии в ближайшем окружении фюрера появился американский агент Эрнст Ханфштенгель. Эта фигура очень любопытна. Он был всего на два года старше Гитлера, но прожил очень долго — скончался в возрасте 88 лет (1887 — 1975). История его жизни всего лишь внешне полна всяческих загадок. На самом же деле это был персонаж весьма талантливо задуманной и тем более осуществленной операции по внедрению в раннюю нацистскую среду сильного, влиятельного, с хорошими финансовыми возможностями информирующего агента стратегического влияния наиболее могущественных сил США, которая внешне была проведена по каналам американской военной разведки. Тем более утвердимся в таком мнении, если вспомним, что согласно разработанному еще в самом начале последней трети XIX в. плану установления «нового мирового порядка»,*

вторая мировая война XX в. должна была произойти между германскими националистами и Россией. Как видите, план жестко соблюдался — вплоть до проведения специальных агентурных операций по заблаговременному внедрению в среду афганских националистов своего агента. Двухметрового роста «Малыш» — «Путци», как его прозвали нацисты (по-немецки putzig означает «малыш», правда, еще и «забавный, смешной»), — он же Эрнст Франц Зедзвик -Ханфитенгель, родился в 1887 г. в Мюнхене, в семье состоятельного немецкого антиквара и натурализовавшийся в Германии американки (предки Путци по материнской линии весьма заметные в американской истории личности). Восемнадцать лет от роду отправился на учебу в США, в Гарвардский университет, издавна являющийся «кузницей» кадров для правящей элиты Америки. Формальное объяснение такому выбору места получения высшего образования состояло в том, что-де ему предстояло впоследствии возглавить американскую ветвь семейного бизнеса (кстати говоря, офис их американской фирмы располагался на 5-й авеню Нью-Йорка, что по тем временам особо говорит само за себя). Гарвардский университет Малыш закончил в 1909 г. Несмотря на то что в своих мемуарах («Гитлер: потерянные годы»; в 2006 г. издана в России под названием «Мой друг Адольф, мой враг Гитлер») Путци нахально уверял всех, что и тогда был горячим патриотом Германии и рвался «служить стране своих предков», тем не менее в годы очень бурного процветания Германии, предшествовавшие Первой мировой войне, на «родину предков» абсолютно не спешил. Как «истинный патриот» Германии, всю Первую мировую войну просидел в США, безудержно жиревших на мировой трагедии. Но едва только Германия была не только повержена, но еще и самым невероятным образом раздавлена, оскорблена и унижена Версальским договором 1919 г., которым не столько якобы завалилась Первая мировая война, сколько весьма плавно протекла в подготовку новой мировой войны, как вместе с красавицей женой Хеленой и годовалым сыном «блудный патриот» возвратился в 1921 г. в лежащую в развалинах и нищенствующую Германию! И, что самое интересное, возвратился именно тогда, когда царившая в те годы в Германии астрономическая инфляция полностью разорила отцовскую фирму! Тем не менее «Малыш» странным образом постоянно был при деньгах и немалых, да еще и наличных, что в те времена было большой редкостью, в Мюнхене имел гостеприимно открытый большой дом, а в Уффингене — богатую усадьбу. Но самое любопытное заключается в том, что странным образом далеко не бедствующий прагматичный выпускник Гарварда занялся, казалось бы, совершенно бессмысленным с точки зрения

бизнеса делом — исследованием биографии жившего за полвека до описываемого периода баварского короля-мецената Людвига II.

И вдруг его охватывает необъяснимая страсть к Гитлеру. Да такая, что на той стадии становления будущего фюрера — это можно смело говорить — Путци открыто покровительствовал ему: ввел в лучшие мюнхенские салоны, сквозь пальцы смотрел на смахивавшие на флирт поползновения Гитлера к своей жене и сестре Эрне (тоже красавица) и даже профинансировал покупку оборудования для печатного органа нацистской партии газеты «Фолькишер беобахтер», выделив на это тысячу долларов. Сказать просто тысячу долларов — значит ничего не сказать. Даже если и указать, что по забвению с нынешним, тот доллар был раз в двадцать сильнее. В условиях, подчеркиваю, царившей тогда в Германии астрономической инфляции такая щедрота в тысячу долларов безвозмездно означала примерно то же, что в наше время безвозмездная помощь в размере примерно миллиарда долларов! Конечно, полностью безвозмездно не вышло, поэтому как и не предполагалось по определению — Путци стал шефом пресс-службы Национал-социалистической рабочей партии Гитлера! Это было идеальнейшее место как для овладения всеми интересовавшими соответствующие закулисные силы США секретами нацистского движения, так и для их своевременной передачи кому следует, поскольку возможности для официальных контактов с представителями зарубежной прессы и дипломатических кругов у него на этом посту были просто неограниченные. А вот предавать-то следовало не кому-нибудь, а заместителю военного атташе посольства США в Германии, капитану Трумэну Смиту. Именно он с подачи личного друга Путци по Гарварду — советника того же посольства Р. Роббинса (того самого, что еще в 1917 г. «помогал» Троцкому и К^о) — в 1921 г. познакомил Малыша с нацистами!

Впоследствии Путци нес совершеннейшую околесицу насчет своего знакомства с Т. Смитом, уверяя всех, что-де он, Малыш, нужен был американскому военному разведчику для того, чтобы свести его с военными кругами Баварии! Хоть Путци и имел отношение к нацистской пропаганде, но врать, как колченогий Геббельс, явно не умел. Без году неделю назад возвратившийся после шестнадцатилетнего отсутствия в «страну предков», некогда «горячий патриот» Германии сам еще толком не знал не только, где какие круги имеются, но и даже названия улиц в ближайшем от дома квартале Мюнхена. И вот именно он должен был вводить заместителя военного атташе посольства США — страны — победительницы в Первой мировой войне — в военные круги Баварии?! Зачем, когда тот по своему положению и так официально был представлен этим кругам?! Такова обязанность военных атташе. Да и какое значение

могли иметь военные круги Баварии — одной из земель разгромленной и униженной Германии?! Если, конечно, не учитывать открыто проявивших себя «Германенорден» и «Общество Туле». Вплоть до марта 1937 г. Эрнст Ханфштенгль был рядом с Гитлером и вместе с ним прошел весь путь становления нацизма в Германии. В марте 1937 г. куда более влиятельный друг и однокурсник «Хэнфи» — так его прозвали еще в Гарварде — президент Соединенных Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт в срочном порядке отозвал его из Германии. По причине колоссальной угрозы провала в связи с предстоявшей, а это уже и за океаном было ясно как божий день, ликвидацией в СССР заговора Тухачевского! Потому как с Э. Ханфштенглем через подставных людей контактировали также Тухачевский и Уборевич (этот и вовсе лично контактировал). Дело в том, что именно через Путци советские заговорщики передали германскому генералитету разработанный ими по требованию Троцкого и самих тевтонов «План поражения СССР в войне с Германией». Уже после ликвидации руководящего ядра заговора Тухачевского общим однокурсником как Путци, так и Рузвельта, один из ближайших друзей последнего — посол США в СССР Джозеф Дэвис — направил в Белый дом сюжетную шифротелеграмму № 457 от 28 июня 1937 г., в которой говорилось: «...в то время как внешний мир благодаря печати верит, что процесс — это фабрикация... — мы знаем, что это не так. Что касается дела Тухачевского — то корсиканская опасность пока что ликвидирована»^[243]. Очень умный, проницательный и блестяще информированный посол прекрасно знал, что он пишет в телеграмме своему президенту.

Узнав от разведки о роли Э. Ханфштенгля в заговоре германских и советских генералов и что тот бежал из Германии, Сталин потребовал от разведчиков-нелегалов войти в контакт с Э. Ханфштенглем на территории третьей страны — Швейцарии — и получить от него более подробную информацию о подрывной деятельности Тухачевского и его подельников. К сожалению, исполнение этого указания Сталина было поручено участвовавшим в заговоре военным предателям И. Рейссу и В. Кривицкому, которые под необоснованными предложениями попросту похерили полученное из Москвы задание, а затем и вовсе перебежали на Запад.]

Как видите, британская разведка изначально оказалась на высоте (да и янки не отставали). С самого начала едва ли не под абсолютный контроль она взяла весь процесс зарождения, становления и развития германо-советского сотрудничества в военной сфере. В том числе, естественно, перспективы его перерождения в грозящий высшим имперским интересам Великобритании военно-геополитический заговор советских военных, причем в кооперации не только с германскими генералами, но и, как увидим

из дальнейшего расследования, в союзе с милитаристски настроенными японскими евразийцами.

Через 21 год Карл Хаусхофер не случайно особо подчеркнул, что «ухватывание нити контактов напрямую было связано с тем, что именно немцы должны были взять на себя миссию «сблизить политические интересы японцев и русских в поисках благоразумного пограничного урегулирования и через него обеспечить свободный тыл на других направлениях политической деятельности». По сути дела, в этих словах вся квинтэссенция будущего военно-геополитического заговора по оси Берлин — Москва — Токио, хотя сами эти слова были написаны спустя три года после ликвидации заговора Тухачевского. Однако британская разведка увидела эту мрачную для Великобритании перспективу уже в самом факте участия Хаусхофера в ночных бдениях с Радеком. И именно поэтому она и не успокоилась до тех пор, пока не довела дело до логической, с ее точки зрения, кровавой трагедии 1937 г., используя факт ликвидации заговора как непосредственный пролог к Мюнхенскому сговору с Гитлером.

По словам К. Хаусхофера, настоящая «игра» началась не позднее 8 мая 1919 г. Дело в том, что накануне, 7 мая, министру иностранных дел только что созданной Веймарской республики графу Ульриху фон Брокдорф-Ранцау был вручен полный текст Версальского «мирного» договора. По нему, как подчеркивал советский историк Е. В. Тарле, Германия превращалась из субъекта, могущего заявить и поддержать силой свою волю, в объект, в пассивное политическое существо... Суверенитет Германии ограничивался в самом важном пункте: Германия отныне в самом существовании своем не обеспечивалась своими силами, а только соглашениями и условиями, зависевшими от воли других держав». Это и был непосредственный пролог-импульс к резкой интенсификации тайных переговоров с Радеком. Именно с этого момента в интенсивный режим вошла работа «высоких умов», которых с германской стороны в первую очередь представляли:

1. Ульрих Карл Христиан фон Брокдорф-Ранцау (1869 — 1929), граф, профессиональный германский дипломат, специалист по тайной дипломатии — именно на него замыкались все основные связи интриги Германии с Лениным и К°. На дипломатической службе с 1894 г., в 1897 — 1901 гг. — секретарь германского посольства в Петербурге, затем в Вене, в 1901 — 1909 гг. — советник миссии в Гааге (Нидерланды), затем советник германского посольства в Вене. В 1909 — 1912 гг. — генеральный консул в Будапеште (Венгрия тогда входила в состав Австро-Венгерской империи). С 1912 по 1918 г. — германский посланник в Копенгагене (Дания), откуда руководил основной работой по использованию Ленина и К° в подрывных антироссийских целях. С конца декабря 1918 г. исполняющий обязанности

министра иностранных дел Германии, а с 12 февраля по 20 июня 1919 г. — министр иностранных дел Веймарской республики. В этом качестве Брокдорф-Ранцау возглавлял германскую делегацию на Парижской мирной конференции. Жесткий противник Версальского «мира», условия которого пытался оспорить как глава германской делегации.

В связи с этим и вследствие того, что все без исключения выдвинутые им в специальной записке контрпредложения по некоторому смягчению условий договора были с порога отклонены участниками конференции, за 8 дней до подписания текста договора Брокдорф-Ранцау демонстративно покинул конференцию и подал в отставку с поста министра. Тем самым он пытался затянуть подписание крайне невыгодного для Германии договора, но одновременно же развязать себе руки в переговорах с Радеком, с которым был знаком еще с военных времен. С 1922 по 1929 г. Брокдорф-Ранцау был первым послом Веймарской республики в СССР. Психически не вполне нормальный человек, отъявленный алкоголик, гомосексуалист — и тем и другим занимался на пару с наркомом иностранных дел СССР Г. В. Чичериным, в основном по ночам. На пару же ежегодно и лечились в Германии. Ни то, ни другое, ни третье (кстати говоря, и у Чичерина с головой тоже не все было в порядке) не было секретом ни для Ленина, ни для Сталина, ни для ОГПУ, ни для германской разведки, и вообще для кого бы то ни было^[244]. А уж о невероятном пьянстве Брокдорф-Ранцау и вовсе ходили фантастические легенды в дипломатическом корпусе Москвы. Совершенно неуместно считается, что Брокдорф-Ранцау был искренним сторонником советско-германского сотрудничества, чему якобы содействовал, находясь на посту посла. Реальность же такова, что вплоть до самой смерти от безудержного пьянства он никогда не был искренним сторонником такого сотрудничества. В одном из перехваченных советской разведкой секретных писем — от 8 июля 1926 г. — на имя президента Германии фельдмаршала Гинденбурга Брокдорф-Ранцау прямо указывал, что так называемые «хорошие отношения Германии с СССР изначально были браком по принуждению, а о браке по любви не может быть и речи», в связи с чем всякие чрезмерные надежды, связываемые с германо-советскими отношениями он откровенно считал «ошибочными и опасными». Более того, в этом же письме он указал, что «отношения с СССР должны были из тактических соображений до известной степени основываться на блефе, т. е. полезно создавать впечатление большей близости с Россией, чем есть на самом деле».

Не правда ли, интереснейшая персона активно занялась «восстановлением нитей контактов и мыслей» через Радека?! А ведь именно с таким «багажом» в голове закоренелый пьяница и гомосексуалист

Брокдорф-Ранцау и приступил к ночным бдениям в «политическом салоне» Радека, основанном на деньги германской разведки. Вместе с ним туда хаживали, естественно, и сам Ганс фон Сект, и один из крупнейших бизнесменов Германии и Запада, один из виднейших представителей, если по Раковскому, них», впоследствии министр иностранных дел Германии Вальтер Ратенау, Энвер-паша и многие другие.

2. Но, конечно же, особое значение имел второй участник германского «дуэта» — легендарный в мировой политике и геополитике первой половины XX в. Карл Хаусхофер (27.8.1869 — 15.03.1946).

Выдающийся германский геополитик, один из основоположников-классиков этой, почти весь XX в. не признававшейся в России науки, автор громадного количества трудов — научное наследие составляет 40 томов и свыше 400 эссе по различным вопросам истории, географии, культуры, политики, экономики и, естественно, самой геополитики. Нередко свои работы писал на стыке многих отраслей знаний. Профессиональный военный разведчик: с 1897 г. выполнял различные военно-дипломатические и разведывательные функции и поручения в Юго-Восточной Азии, Индии, Тибете, Монголии, Синьцзяне (Китай), Маньчжурии, Японии. С 1908 по 1910 г. являлся германским военным атташе в Японии и с тех пор располагал в этой стране колоссальными связями во всех кругах японского общества. По состоянию здоровья в 1911 г. вынужден был возвратиться в Германию и с того момента и вплоть до своего самоубийства накануне допроса в Нюрнбергском трибунале (был назначен на 16.3.1946) жил на родине, изредка выезжая за границу. С того же времени сначала научный сотрудник, затем доктор социологии, а с 1921 г. профессор Мюнхенского университета, основатель и бессменный руководитель знаменитого в те времена Института геополитики при том же университете^[245].

С 1924 г. Хаусхофер также основатель и бессменный издатель знаменитого в первой половине XX века, обладавшего громадным авторитетом в международных политических, дипломатических, деловых, военных и разведывательных кругах журнала «Das Geopolitik», — впоследствии переименованного в Zeitschrift für Geopolitik». Сотрудничать с этим журналом почитали за честь многие выдающиеся деятели политики, экономики, дипломатии, науки, военной разведки (например, Рихард Зорге), ведущие корреспонденты мировых изданий и информационных агентств. Все это обеспечивало беспрецедентно высочайший уровень именно же аналитической осведомленности Хаусхофера по всем проблемам мировой политики. Как незаурядный интеллект и профессиональный военный разведчик высокого уровня — имел звание генерал-майора — благодаря своим личным и деловым качествам, а также родственным связям (жена

Хаусхофера — Марта — являлась дочерью одного из видных германских предпринимателей, еврея по национальности) был вхож в высшие круги как Германии, так и ряда других стран, особенно же Великобритании и Японии, лично был знаком со многими носителями очень громких фамилий. Был одним из крупнейших в то время германских специалистов по Дальнему Востоку и Азии в целом. Еще до Первой мировой войны Хаусхофер являлся личным советником кайзера Вильгельма II по дальневосточным проблемам. Убежденный сторонник союза Германии и Японии при участии России, о чем свидетельствует еще в 1913 г. изданный в Мюнхене его первый капитальный труд «Дай Ниппон» («Великая Япония»). Участник Первой мировой войны — с 1 августа 1914 г. был восстановлен на военной службе, командовал дивизией, в том числе и на Восточном фронте. Как авторитетный специалист по Японии и проблемам Дальнего Востока, в период с 1916 по 1918 г. принимал активное участие в тайных сепаратных переговорах между Германией и воевавшей на стороне Антанты Японией с целью заключения с ней сепаратного мира^[246].

Карл Хаусхофер великолепно разбирался в вопросах астрологии, оккультных наук, конспирологии, истории и современности различных тайных обществ, в том числе масонских, сам являлся членом «Германенордена», а также созданного под его эгидой на манер масонской ложи «Общества Туле». В конце 20-х годов уже сам создал «Ложу Врил», в которую входили многие руководящие деятели нацистского рейха. Принял посвящение в буддизм в одном из монастырей под Лхасой, был посвящен в члены японского тайного общества «Зеленый Дракон», имел тесные связи с другими тайными японскими обществами националистического толка — «Обществом Реки Амур» (Кокурюкай), «Обществом Черного Дракона», «Обществом Черного Океана» (Гэнъеса), «Великим Обществом Национального Духа». Был хорошо знаком и также поддерживал тесные связи с их закулисным патроном — легендарным в японской конспирологии и геополитике тех времен Мицуро-Тоямой. Создал в Берлине и Мюнхене Тибетское Общество. Себя называл не иначе как «учеником Восточной Империи». И при всем при этом Хаусхофер был тесно связан, являясь фактически ее членом, с одной из самых могущественнейших масонских лож Великобритании и всего Запада — «Герметическим Орденом Золотой Зари». Владел немецким, английским, японским, а также санскритом.

[В его биографии и личности есть несколько моментов, о которых, невзирая на то, что они практически не поддаются серьезной проверке в научном смысле слова, все же есть резон упомянуть. во-первых, еще в период Первой мировой войны при планировании военных операций были подмечены неоднократные проявления Хаусхофером потрясающего дара

интуиции, граничившей, а нередко и просто переходившей в ясновидение. Так, он точно предвидел время и место атаки противника, места падения тяжелых снарядов, не раз абсолютно точно предсказывал погоду. Зафиксированы также и случаи политических предсказаний, например, о предстоящих политических изменениях в стане противников Германии. Во-вторых, на протяжении всей его жизни за ним тянулся шлейф граничивших с мистикой разговоров о том, что он якобы потомок германских королей. Пикантность этих слухов в том, что в Германии исторически всегда была верховная власть императора (по-немецки — кайзер), а титул «король» использовался всего лишь несколько недель перед восшествием на трон кайзера, то есть являлся как бы прединаугурационным. В истории Германии зафиксирован всего лишь один германский именно король, который так и остался королем — Конрадин Штауфен, правильней Конрадин Гогенштауфен, последний из раннесредневековых представителей гиббеллинов в Германии, погибший на эшафоте в 1268 г. Отсюда и, в-третьих, до конца жизни Карла Хаусхофера сопровождали столь же глухие разговоры о том, что он один из дальних потомков Гогенштауфенов, причем незаконный. За этими, особенно двумя последними, казалось бы, сугубо салонно-аристократическими сплетнями в действительности сокрыт серьезный оккультно-политико-геополитический смысл, корни которого уходят в раннесредневековую историю Священной Римской империи германской нации (последние два слова — с XII в.), а реальные последствия проявились в действиях Хаусхофера уже в XX в. В связи с этим есть необходимость хотя бы вкратце коснуться той истории... Созданная Карлом великим (768 — 814 гг.) Священная Римская империя даже в лучшие свои времена представляла собой политически рыхлое объединение германских и итальянских территорий (карликовых княжеств и королевств). Она являла собой своего рода конфедерацию, причем весьма слабую, Германии и Италии (поскольку большая часть французских территорий отпала от империи вскоре после смерти Карла Великого). Тем не менее с X в. по вторую половину XII столетия это было реальное государственное образование с централизованной политической властью и рядом общих органов управления. в X — XI вв. окончательно установилось господство германских императоров (впервые титул императора принял Карл Великий) над римскими папами. Священная Римская империя была агрессивным экспансионистским государственным образованием, а главным направлением ее внешнеполитической экспансии было восточное, причем по всем известным тогда азимутам. Главными же экономическими опорами этой экспансии являлись лебантийская торговля, т. е. торговля со странами Ближнего востока (ранее назывались «страны Леванта»),

крестовые походы, в том числе и в указанный регион и соответственно безудержный грабеж во время этих походов. Однако, несмотря на то что активная внешнеполитическая экспансия вроде бы и содействовала некоторому цементированию империи, тем не менее острейшая борьба внутри самой империи, ожесточенное противоборство с римскими папами, основанное на стремлении полностью подчинить их себе, а церковь в целом — императорской (светской) власти — не только привела к продолжительному конфликту между противоборствующими сторонами, но и систематически подтачивали саму власть. В итоге и в самой Германии, становясь все более эфемерной, империя уже в X — XI вв. из наследственно-выборной трансформировалась в выборную. Вопрос об императоре решался на специальном съезде князей-курфюрстов, власть которых в этом вопросе к концу XIII в. выродилась в олигархию курфюрстов, вершивших судьбы империи помимо императорской власти. Как и любой иной политической процесс подобного типа, и этот тоже незамедлительно привел к расколу правящей элиты на два лагеря: гвельфов и гиббеллинов. Гвельфы — название происходит от старинного княжеского рода Вельфов, к которому принадлежали ганноверские монархии (по-итальянски — гвельфы) — уже в IX — X вв. являлись «крупнейшими землевладельцами в Бургундии, Швабии, а затем и на северо-востоке Германии. Именно в таком сбоем качестве гвельфы в 1137 г. выставили сбою кандидатуру на престол императора Священной Римской империи германской нации, но натолкнулись на ожесточенное сопротивление могущественных соперников из числа гиббеллинов — в лице рода Гогенштауфенов, которым и досталась корона. Один из гвельфов — Отгон IV — все же прорвался на императорский престол, на котором сидел с 1208 по 1215 г. Его племянник, известный по истории как Отгон Дитя (умер в 1252 г.), стал родоначальником знаменитого Брауншвейгского дома, одна из ветвей которого в 1692 г. получила курфюрство в Ганновере. Один из курфюрстов этой ветви — Вильгельм Оранский^[247], приглашенный в конце XVII в. осуществить «славную революцию» в будущей Великобритании стал английским королем, однако же вследствие злостной педерастии не смог оставить потомства, хотя и был формально женат на дочери Якова II — Марии. Когда же она скончалась, проблема престолонаследия настолько обострилась, особенно после смерти единственного ребенка сестры Мафии — Анны, что уже в 1701 г. Вильгельм был вынужден подписать Акт о престолонаследии, согласно которому глава Ганноверской династии того времени, 71-летняя внучка короля Якова — София — стала наследницей Анны, которая уже в 1702 г. взошла на престол в связи со смертью Вильгельма-гомосексуалиста. А с 1714 г., в связи со смертью и Анны, и

Софии, Ганноверская династия стала поставлять на английский трон страдающих психическими отклонениями принцев. Начало этой «экспортной серии» положил Георг I, а самым полоумным, над которым издевались даже английские поэты, был Георг III. Последним прямым представителем этой династии в Англии была знаменитая королева Виктория, скончавшаяся в 1901 г. Ее внуком был последний император Германии — Вильгельм II, а двоюродный брат британского короля Георга V — российский император Николай II — приходился Вильгельму II кузеном. После присоединения Ганновера к Пруссии в 1866 г. гвельфы потеряли свой престол в Германии, но не смирились и продолжали настаивать на самостоятельности Ганновера и возвращении им владительных прав, опираясь на своих многочисленных сторонников, образовавших как бы партию, которая так и называлась — Гвельфской партией. У последней были ярко выраженные сепаратистские наклонности, с которыми ожесточенно боролся еще «железный канцлер» Германии Отто фон Бисмарк.

В свою очередь гиббелины (по некоторым данным, это название происходит от сильно искаженного названия имени Гогенштауфенов — Вайблинген), т. е. сторонники Гогенштауфенов, еще в те стародавние времена были партией тех сил феодальной знати Германии, которые поддерживали идею сильной централизованной власти, выступали за широкие права императорской власти в Священной Римской империи германской нации, считали своим долгом защиту империи от теократических притязаний римских пап, расценивая императора с сильной централизованной властью как защитника своих старинных вольностей от посягательств зарождавшейся тогда торгово-промышленной буржуазии, которая в абсолютном сбое большинстве, тем более в городах, была на стороне гвельфов. По сути дела, гиббелины отстаивали идею универсальной централизованной монархии, утверждающей свое господство, в том числе и на чужих землях. В начале XIII в. во главе гиббеллинов становится король Сицилии и властитель романский — Фридрих Гогенштауфен. Личность примечательная, и прежде всего тем, что геополитически он был ориентирован на восток. Будучи восторженным почитателем востока как такового, он в то же время являлся упорным противником феодальных порядков и сторонником сильного централизованного государства, без каких-либо свобод во главе со всемогущей бюрократией. Во внешней политике этот почитатель востока был не менее ярко выраженным антиевропейцем — свернул 6-й крестовый поход, причем на выгодных для египетского султана условиях, отказался от поддержки Польши и Моравии в отражении нашествия Батыея и даже

пригласил к себе на службу в качестве тайной полиции остатки разгромленных на востоке исмаилитов и секты ассасинов, активно вырождавшихся уже в то время в банду тайных убийц. Естественно, что это вызвало крайне ожесточенное сопротивление Ватикана. И если Фридрих Гогенштауфен в ответ на действия Ватикана, развернувшего бурную деятельность (в нее был втянут даже знаменитый Франциск Ассизский), объявил войну Святому Престолу, то глава последнего — папа Иннокентий IV, собрал Церковный собор и осудил Фридриха, объявил крестовый поход против него, использовав для этого французские войска. В разгар той войны от лихорадки умер Фридрих Гогенштауфен и на престол вошел его сын — Конрад Монфератский, который подозрительно быстро погиб от рук тех же ассасинов (эти служили всем, кто хорошо платил). Затем на престол вошел его сын — Конрадин. Он продолжил войну, но в 1268 г. попал в плен к французам, и те недолго думая отрубили ему голову. Династия Гогенштауфенов физически прервалась. Однако разговоры и слухи со сплетнями утверждали, что именно Карл Хаусхофер являлся единственным наследником незаконных потомков Конрадина Гогенштауфена.]

Вполне уместно задать вопрос: а к чему вся эта история? Какое отношение она имеет к главной теме нашего разведывательно-исторического расследования? Непосредственное. Потому как дает более глубокое представление о человеке и геополитике, который и был одним из подлинных авторов идеи о геополитическом альянсе Германии и России, в том числе и при участии Японии. Более того, о человеке и геополитике, который имел отношение если и не в прямом смысле к возвращению нацизма в Германии, то по меньшей мере, к формированию основ внешнеполитической доктрины нацистов. Его близость к германскому императору, почтительное отношение к институту монархии, вообще к авторитарному принципу жестко централизованной (диктаторской) власти закономерно привели его в орбиту «Германенордена» и «Общества Туле», а затем и к сотрудничеству с той же нацистской партией. Хаусхоферу импонировали планы Гитлера по созданию нового германского рейха.

Еще большую корреляцию между той давней раннесредневековой историей и прижизненными взглядами Карла Хаусхофера можно увидеть в его непреодолимой тяге и чрезвычайно почтительном отношении к Востоку, в страстной увлеченности оккультизмом и мистикой Востока, в посвященности во многие мистические учения Востока. Особо глубокое отражение все это нашло в его геополитических концепциях. Хаусхофер считал, что глубинное сочетание европейского продолжения Евразии, под которым он подразумевал Германию, с самой Евразией, то есть с Россией, и

со столь полюбившейся ему Японией, оформленное на высшем геополитическом уровне как континентальный блок Германии — России — Японии, — и есть та самая европейско-евразийская антибританская конструкция мироустройства! В такой конструкции, как он ее понимал, Германия, в случае установления в ней сильной централизованной власти, может занять подобающее ей, равное с Великобританией положение. Отсюда и его знаменитый «Ostorientierung» — то есть ориентация на Восток как возможность расширения «жизненного пространства» (Лебенсraum) за счет открытости Востоку, что у нас то ли умышленно, то ли просто от незнания путают с возрожденным нацистами старым тевтонским девизом «Дранг-нах-Остен». У Хаусхофера предостаточно иных антироссийских грехов, чтобы еще и это приписывать ему. В его понимании «открытость Востоку» не подразумевала оккупацию славянских земель. Обычно эта путаница в своей основе имеет тот факт, что Хаусхофер одно время общался с Гитлером. Однако даже в процессе общения с будущим фюрером Третьего рейха Хаусхофер не прививал ему кровавой славянофобии, хотя и русофилом тоже не был. Хаусхофер был геополитиком-прагматиком, преследовавшим интересы Германии. Он однозначно подразумевал совместный российско-германский цивилизационный проект установления «Нового Евразийского Порядка», дабы в первую очередь переструктурировать континентальные пространства Европы и Азии. То есть пространство Евразии — на языке геополитики «Мирового Острова» — и освободить ее от массивированного влияния так называемой «Морской Силы». То есть от массивированного влияния Атлантического Центра Силы, возглавлявшегося в те времена ведущей морской державой мира — Великобританией. Гитлер же иначе все воспринял и сам сделал свой выбор, полностью все извратив, и, соответственно, закономерно пришел к краху.

Генеральным изъяном идеи Хаусхофера было и есть следующее обстоятельство. По сути дела, он подразумевал не столько даже прямое, сколько едва ли не преднамеренное конфронтационное противопоставление еще даже не зачатого (на момент появления у него этих взглядов) в своих фундаментальных основах «Нового Евразийского Порядка» уже давно сложившемуся Атлантическому Центру Силы с его гегемонистскими амбициями и претензиями на абсолютное мировое господство. Даже только на уровне мыслей столкновение этих двух концепций в мировой геополитике автоматически высекает искры глобального вооруженного столкновения, избежать которого в действительности просто нереально. Только две мировые войны XX в. — уже ярчайшее трагическое тому доказательство. А еще «холодная война», в том числе и ее отдельные «Горячие всполохи». И в этом смысле нет ничего удивительного в том

основополагающем тезисе настоящей книги, который был указан еще в предисловии, — заговор Тухачевского, как ключевое звено трипаритетного военно-геополитического заговора по оси Берлин — Москва — Токио, изначально был обречен на провал так же, как и сам глобальный заговор, а весь мир — на Вторую мировую войну, которую последовательно готовила Великобритания. Потому, как отточенная лишь с точки зрения геополитики и потому завораживавшая своей актуальной новизной и масштабностью концепция Хаусхофера не была отшлифована сугубо в дипломатическом смысле. Подлинная дипломатия отличается не только ювелирно тщательной шлифовкой идей и их оформлением в соответствующие словесные формулы, но и прежде всего избирательным подходом к их сути, ибо не все элементы высказываемого годны для практического использования, а, как правило, лишь их крупницы. Не будучи отшлифована сугубо в дипломатическом смысле, концепция Хаусхофера изначально таила в себе серьезную угрозу как для Германии, так и для России (хотя бы и Советской). Ведь если заглянуть за кулисы знаменитой геополитической доктрины Хаусхофера — «континентального евразийского блока» — то увидим, почему она была смертельно опасна. В сущности-то, эта доктрина — обратная сторона стародавних страхов того же Пальмерстона, о чем говорилось еще в предыдущей главе. К тому же перенасыщенная всевозможными, зачастую пафосными рассуждениями и умозаключениями, а также явно небезынтересными фактами и аргументами. Но, подчеркиваю сие особо, это всего лишь авторская интерпретация Хаусхофером как представителем опоздавшей в начале эпохи империализма к основному разделу мира Германии, оборотной стороны стародавних страхов того же Пальмерстона! Потому и неудивительно, что созревшая в основных своих чертах и постулатах еще до Первой мировой войны, то есть в период наивысшего обострения англо-германских противоречий, эта же доктрина, но уже после столь беспрецедентно катастрофического поражения Германии в Первой мировой войне, представлялась ему едва ли не как единственная возможность возродить имперское величие Германии за счет фактически прямого, чуть ли не конфронтационного и в то же время шантажного геополитического противостояния, прежде всего с англосаксонским Западом, особенно с Великобританией, как едва ли не единственная возможность возродить имперское величие Германии. Смертельная опасность его доктрины заключалась еще и в том, что указанная выше ее подлинная суть, к глубокому сожалению, едва ли не намертво смыкалась с сугубо стратегическими взглядами германских генералов на грядущее сотрудничество с Россией, хотя бы и Советской. Помните: «Страна, численность населения которой втрое превосходит численность нашего,

потенциальные ресурсы которой беспредельны, страна, которая простирается от Балтики до Тихого океана и от Черного моря до Северного Ледовитого океана, будет играть в будущей мировой войне важнейшую роль. Тот, кто будет действовать против нее, натолкнется на труднопреодолимые препятствия. Кто будет с ней — до бесконечности расширит свое поле действий и свои возможности выступления во всех уязвимых пунктах земного шара. Все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы в будущих реваншистских войнах СССР был нашим союзником. Если он не будет нашим союзником, то, прежде чем свести счеты с Францией, мы должны победить его, что потребует длительных и дорогостоящих усилий».

И в этой связи разве может быть удивительной, как правило, превентивно и на повышенных же тонах высказывавшаяся англосаксами сильная тревога по поводу даже гипотетического намека на подобный альянс. Выше приводились соответствующие высказывания на этот счет, сделанные различными англосаксонскими представителями Атлантического Центра Силы, причем в разное время. Вот еще одно такое высказывание, примечательное не только сутью, но и временем произнесения — 12 февраля 1919 г., то есть в тот самый день, когда Радек «благополучно» был упрятан за решетку, чем было положено начало второму этапу упоминавшейся выше операции. Выступая в указанный день на заседании британского кабинета министров, Уинстон Черчилль, тогда военный министр, заявил: «Если союзники не помогут России (то есть Белому движению. — А. М.), Япония и Германия непременно сделают это, и через несколько лет мы увидим Германскую республику, объединившуюся с большевиками в России и с японцами на Дальнем Востоке в один из самых могущественных союзов, которые мир когда-либо видел»^[248].

Так что в ситуации, когда Германия была политически раздавлена Версальским «мирным» договором, доктрина Хаусхофера и не могла не нести в своем Чреве ничего, кроме смертельной угрозы как самой Германии, так и ее отношениям с Россией, хотя бы и Советской, как, впрочем, и самой России (в лице СССР). Потому как, превратившись из активного субъекта мировой политики в пассивный объект корыстной политики все той же Антанты, само существование которого обеспечивалось только соглашениями и условиями, зависевшими от воли других держав, Германия только и могла, что заняться тривиальным геополитическим шантажом Запада, прежде всего Великобритании. Цель — постепенное «выцыганивание» у последней как у лидера Запада уступки за уступкой по принципу: «мы с Востоком (с Россией) до тех пор, пока Запад не с нами»/«Германия с Востоком (с Россией) ровно настолько, насколько Запад

не с Германией)! Что, как говорится, и имело место быть в политике Веймарской Германии вплоть до привода Гитлера к власти, да так и осталось до 1 сентября 1939 г., если вспомнить, как Гитлер постоянно «выцыганивал» у Запада собственное «умиротворение», в том числе и экономическое. То есть, по сути-то дела, и со стороны Хаусхофера также изначально предполагался, а в дальнейшем и реализовывался все тот же блеф, о котором столь красочно написал его друг Брокдорф-Ранцау в письме президенту Гинденбургу. Точно такую же позицию занимали и В. Ратенау, и Г. фон Сект, которого от невежественного незнания с помпой величают «неизвестным другом» России (какой он был друг — выше уже говорилось), и все те, кто хаживал в «политический салон» Радека.

Открытое геополитическое противопоставление в рамках идеи «континентального блока» с использованием шантажа и козырной карты геополитического значения территории Советского Союза неминуемо и едва ли не автоматически вело к жесткому, не исключая жестокого, скорее всего упреждающему, в том числе и военному, ответу со стороны того же англосаксонского Запада, прежде всего самой Великобританией?! То есть опять к войне! Той самой войне, разменной монетой в которой опять станут исторические судьбы народов Германии и России как главных европейско-евразийских «коренников» этого континентального блока, особенно же России — самого крупного и мощного именно в геополитическом смысле «коренника»! Ему ли, генерал-майору германской военной разведки, профессионалу высочайшего класса и в политике, и в дипломатии, и в истории, и, естественно, в геополитике было не понимать или не осознавать, что Великобритания в лице ее сильно окрепшей в годы Первой мировой войны разведки будет особо тщательно отслеживать всю ситуацию вокруг любых, даже еще только призрачных намеков на попытки реализации подобных идей?! А поскольку она категорически не терпит какого бы то ни было нарушения столь свято веками чтимого ею пресловутого «баланса сил», в том числе и на подступах к «жемчужине» в короне Британской империи — Индии, то в любом случае не остановится ни перед чем, пока интригами глобального порядка или той же войной не исправит чертов «баланс сил» в свою же пользу. Да еще и подтянет под это дело весь Запад. На тот момент был еще очень свеж пример того, как британская разведка в опережение германских интриг по организации «дворцового переворота» в целях отстранения Николая II и последующего сепаратного вывода России из войны устроила февральскую революцию. Ему ли, Карлу Хаусхоферу, было не знать эту азбучную аксиому геополитики, которая уже со времен Крымской (Восточной) войны 1853 — 1856 гг. обрела бесконечную вереницу подтверждавших ее беспрецедентно «железных» фактов и

аргументов?! А ведь за каждым из них — осознанно подлые действия Великобритании против России, направленные только на ее уничтожение. Тем не менее Карл Хаусхофер совершенно сознательно пошел на участие в той, как он сам же и называл, «игре» с Радеком не только с абсолютно аналогичным Брокдорф-Ранцау «багажом» мыслей, но и, по сути-то, как главный геополитический идеолог этой тигры».

При всем при этом, сколь парадоксально ни прозвучало бы нижеследующее утверждение, все свои теории и концепции, особенно же рекомендации, К. Хаусхофер умудрялся разрабатывать с очевидной оглядкой на Великобританию, под политику которой зачастую корректировал свою «восточную ориентацию». Эта «ориентация» в итоге едва ли не автоматически вырождалась в искусно замаскированный, но тем не менее достаточно чувствительно воспринимавшийся в мире геополитический шантаж того же Запада, Великобритании особенно. И, что особенно характерно, чаще всего это увязывалось с Россией, пускай и носившей тогда название Советской. Но именно этот, «генетически» явно не случайный порок не мог избавить его от фактически неизбежной необходимости занимать сугубо западную, солидарную с той же Великобританией позицию. Этот фантастический парадокс Хаусхофера привел к тому, что вместе со своим сыном — Альбрехтом (сотрудник МИДа Германии, впоследствии казнен как соучастник антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г.) — он докорректировался до того, что в итоге стал непосредственным инициатором знаменитого полета Р. Гесса в Англию в мае 1941 г., целью которого было достижение договоренности с Великобританией о совместном походе на Восток! Удивительно даже не то, что в основе идеи полета Гесса лежала разработанная Хаусхоферами мысль о необходимости создания «федерации против Советской Евразии на базе англо-германского сотрудничества, вплоть до слияния армий и флотов» (своего рода предвосхищение идеи НАТО). Поразительно, что первые практические шаги к будущему полету Гесса Хаусхоферы сделали в 1936 г., буквально в канун Момента Истины в осознании смертельности близившегося к реализации глобального заговора, который наступил и у британской разведки, и у Сталина практически одновременно — осенью того же 1936 г. Именно в 1936 г., во время проходивших в Берлине летних Олимпийских игр, Хаусхоферы, особенно младший — Альбрехт, установили очень тесный контакт с маркизом Клайсделом, будущим герцогом Гамильтоном. В то время маркиз был не только очень известным летчиком, но и членом Англо-германского общества, а по совместительству — и агентом британской разведки.

Так много внимания геополитическим взглядам Хаусхофера с их вечным «двойным дном» уделено не случайно. Без этого трудно понять интеллектуальную беспомощность наших доморощенных интриганов. Ведь они совершенно не отдавали себе отчета, в какую смертельно опасную геополитическую интригу высшего мирового порядка ведут их безумные амбиции, их самих и все давшую им Родину! Ведь одно дело на Тамбовщине коровам на рога противогазы напяливать да травить газами безоружных баб с малыми детьми, в чем, как гласит устойчивая молва, будущий маршал изрядно преуспел, но совершенно иное дело — наступать на геополитические «мозоли» такой «старой, доброй» сволочи, как **PERFIDIOUS ALBION!**

Более того. Повышенное внимание геополитическим взглядам Хаусхофера с их вечным «двойным дном» должно быть оправдано еще и тем, что на стыке его доктрины и упоминавшейся выше позиции германского генералитета, превращавшем их едва ли не в монолит, произошло зарождение военно-геополитического заговора германских и советских генералов. В условиях ярко выраженной германофильской политики СССР и устойчивой просоветской ориентации политики Германии в 20-х гг., которая гарантировалась исключительной ролью рейхсвера во внутренней жизни Германии, не было ничего удивительного в том, что как германские, так и особенно советские генералы без особого страха пошли на сговор. На таком фоне это сложилось как само собой разумеющееся. Причем для германских генералов — более всего, потому как они занимали весьма логичную для них позицию, о которой выше уже много говорилось. О логике же наших интриганов приходится только догадываться, потому что надо было быть абсолютно слепым, глухим и интеллектуально полным дебилом, чтобы не заметить ярко выраженной склонности германского генералитета к реваншу за тотальное поражение в Первой мировой войне, но к реваншу с опорой на силы и ресурсы Советского Союза.

Тевтоны хотят воевать?! Их дело и право, если нет ума. Но при чем тут силы и ресурсы Советского Союза?! Однако такие вопросы и ответы самого простого патриотического характера никак не вмещались в прокрустово ложе «глобальной стратегии» бонапартствовавших поклонников концепции «мировой революции» Троцкого. Им казалось, что какими-то континентальными соглашениями, тем более на основе военных диктатур, с Германией, а также Японией, они «на горе всем буржуям мировой пожар раздуют»! Тевтоны-то изначально отводили им роль той самой лафонтеновской обезьяны, что должна была таскать каштаны из огня! Причем даже тогда, когда вроде бы от всего сердца, правда «тевтонского», помогали урегулировать отношения с той же Японией. Им-то всего лишь

тыл был нужен для того, чтобы Япония спокойно могла крушить Британскую империю на Востоке, в то время как сами тевтоны, также при спокойном восточном тыле, крушили бы ее в Европе и Атлантике!

Кстати говоря, практически никогда не привлекало к себе внимание то обстоятельство, что первые сведения о формирующейся в СССР так называемой военной партии, ориентированной на государственный переворот, стали поступать из-за границы (по каналам разведки) больно уж в примечательной ситуации. По всем данным, это относится к 1926 г. Но все дело-то в том, что в рамках очень короткого промежутка времени — с 1924 по 1926 г. — были нормализованы межгосударственные отношения между СССР и Китаем, СССР и Японией и СССР и Германией. И хотя ничего плохого в том не было, по сути-то, тогда произошло:

— с одной стороны, нечто вроде реализации идеи о континентальном блоке в духе концепции Хаусхофера. Это было воспринято в Англии как свершение давнего алармистского предвидения, которое тот же Черчилль 12 февраля 1919 г. свел к тому, что «через несколько лет Англия увидит Германскую республику, объединившуюся с большевиками в России и с японцами на Дальнем Востоке в один из самых могущественных союзов, которые мир когда-либо видел». Кстати, реакция Великобритании на это была немедленной;

— с другой, сложился как бы естественный фон для реализации замысла о тройственном заговоре. Ведь под прикрытием урегулированных межгосударственных отношений СССР с Китаем, Японией и Германией было куда как легче реализовывать замысел о тройственном заговоре. И тут же с 1926 г. из-за границы стали поступать первые сигналы о начавшей формироваться в СССР некоей «военной партии», ориентированной на государственный переворот! И кто бы теперь объяснил, почему должно было произойти такое поразительное совпадение?!

Особенно если учесть еще и ряд других, крайне настораживающих фактов, о которых речь еще впереди. Забегая вперед, следует указать, что Великобритания не стала ждать, пока издавна страшивший ее призрак некоего континентального соглашения материализуется окончательно. Уже в самом начале 1925 г. она предприняла первые шаги к достижению будущих Локарнских соглашений — предтечи Мюнхенского сговора. Кстати, на том отрезке времени это был уже не первый случай. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в самом конце 1922 г., когда, с одной стороны, был заключен Рапалльский договор, а с другой — провозглашено создание СССР. Великобритания уже тогда всполошилась. А чуть позже открыто провозгласила необходимость «построения политики европейской безопасности из-за России». Начались интенсивные интриги,

закончившиеся подписанием Локарнских соглашений. Смысл последних был в том, что ими Великобритания как бы уравновешивала выстроенную не без помощи Германии неподконтрольную Лондону геополитическую конструкцию в виде последовательных договоров СССР с Германией (1922 г.), Китаем (1924 г.) и с Японией (1925 г.). Причем за счет полной неурегулированности вопроса о восточных границах Германии при наличии фактически пактов о ненападении на Западе. Берлинский шантаж удался и на этот раз — уже в 1926 г. Германия за уши была втянута в Лигу Наций и тем самым получила как бы политическую реабилитацию, а в конце 1926 — начале 1927 г. с Германии и вовсе был снят военный контроль и удалена союзная контрольная комиссия.

[Камнем преткновения на пути к Локарно была позиция Франции, недавно установившей дипломатические отношения с СССР, но по-прежнему косо поглядывавшей на козни Берлина, который в те времена только и знал, что плясал под лондонскую дудку. Так вот, ради того, чтобы умерить упрямство Парижа, в Лондоне решили через свою агентуру в советской военной разведке попытаться соблазнить Кремль и Коминтерн идеей устройства очередной Революции. На этот Раз на Балканах с использованием панславянской идеи. Одновременно с основополагающим очагом Великобритании в предлокарнских интригах — знаменитым меморандумом Остина Чемберлена от 20 февраля 1925 г., в котором излагались основные идеи будущих соглашений, — агент британской разведки в советской военной разведке В. С. Нестерович (известен также и под фамилией Ярославский) в том же феврале подал в Политбюро и Президиум ЦИК СССР подробную записку под названием «Пути революции на Балканах». В ней он пытался обосновать целесообразность очередного революционного бандитизма за рубежом под видом панславянской идеи и с использованием всевозможных славянских организаций и комитетов. Особый упор делался на то, что предлагаемое им революционное бузотерство должно начаться в странах Малой Антанты, а именно там-то более всего и было сильно влияние Франции. Кроме того, в записке прямо указывалось, что главный противник СССР — Франция, что не соответствовало действительности, ибо хотя другом тот же Париж в те времена (как, впрочем, и сегодня) назвать было нельзя, но все же разведчику полагалось бы знать, что главным противником в то время была именно же Великобритания. Наряду с этим Нестерович-Ярославский особое внимание уделил использованию для этих целей военно-революционной организации Македонии, которая еще с конца XIX в. находилась под полным контролем итальянского масонства, в частности знаменитой ложи «Пропаганда-2», которая в свою очередь с давних пор контролировалась британским

политическим масонством и британской разведкой. Короче говоря, если бы этот план был реализован, разрыва дипломатических отношений со многими странами Европы, особенно с Францией, было бы не миновать, не говоря уже о более худших последствиях. Ведь под сильнейший ответный удар Запада подставлялось все славянство! Частично Коминтерн, правда, реализовал этот план; который, как и следовало ожидать, закончился грандиозным провалом и скандалом в Болгарии, потому как болгарская полиция, естественно, была заранее оповещена. Нестерович же подался в бег, но вскоре его выследили и отравили в одном из кафе германского городка Майнца. Ну а Франция после этого стала вполне сговорчивой, и предлокарнские интриги покатались к своему заранее запланированному финалу. Кстати говоря, этим же предложением Лондон явно пытался отвлечь резко возросшую активность Кремля и Коминтерна в Китае на более подконтрольные ей территории.]

На локарнские успехи Великобритании Кремль ответил подписанием советско-германского договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. Но одновременно каким-то не к месту «светлым умам» в Москве пришла в голову идея о военно-политическом союзе между СССР, Китаем и Японией. И двух месяцев после этого не прошло, как заместитель министра иностранных дел Великобритании по разведке Майлз Локкер-Лэмпсон в июне 1926 г. провел в Лондоне секретную конференцию с участием прозападно настроенных представителей германской военно-политической элиты с целью разработки плана объединенного военного похода Запада на СССР при активном участии Германии. А к весне 1927 г., крайне обеспокоенная неугомными попытками прорыва Москвы и Коминтерна в Китай и вообще в Азию, Великобритания начала яростно нагнетать обстановку везде, где только можно. В атмосфере Европы отчетливо запахло порохом. Однако за кулисами этих событий стояла иная крупномасштабная интрига лично Троцкого, к тому же обрамленная созвездием иных интриг и провокаций.

...Если коротко охарактеризовать последствия начавшихся в берлинском «политическом салоне» Радека интриг, то необходимо сказать следующее. Не прошло и десяти лет, как вместо реализации изначально провокационной по своей сути идеи континентального блока Берлин — Москва — Токио (а в какой-то момент даже и с участием Пекина), Москва получила вполне реальную угрозу войны на два фронта — на Западе и Востоке. Хороши же все эти «умнейшие и хитрейшие головы в большой политике»?! Что это за сотрудничество, если любая попытка его реализовать приводила к таким последствиям?! О каком же диктате всему миру могли мечтать заговорщики в 30-е гг., когда уже 20-е ясно показали, что

британская разведка сверхплотно сидит «на хвосте» еще только вынашивавшихся идей подобного типа, а британская дипломатия бурно, но превентивно противодействует им?!

§ 5. Упомянутую интригу Троцкий подтягивал под общий замысел Запада об устройении новой мировой войны против России, хотя бы и в лице СССР. Суть этой интриги в пресловутой бодяге вокруг «завещания» Ленина. Между тем на Западе прекрасно знали, что никакого завещания Ленина как такового, особенно как политического документа, не говоря уже о юридическом, в природе не существовало.

Западу хорошо было известно, что это очень искусно, при более чем деятельном соучастии Надежды Константиновны Крупской, причем не столько даже как жены Ленина, сколько прежде всего как состоящей в подобном статусе ярой, но хорошо скрывавшейся сторонницы Троцкого, состряпанная фальшивка пресловутого «беса мировой революции»! Ее цель в том и заключалась, чтобы в канун неизбежной, а в свое время это было очевидно всем, смерти Ленина заблаговременно обосновать на редкость амбициозные личные притязания самого Троцкого на ускользавшую из его рук власть и в партии, и в государстве в постленинский период!!! Этой же фальшивкой обосновывалась необходимость свержения Сталина и в 30-е гг.

Факт фальсификации был доказан уже тогда, сразу после смерти Ленина. В собственноручно изложенном объяснении на имя Сталина Крупская открыто признала, что участвовала в этой фальсификации по требованию Троцкого. Правда, как это очень часто происходит в отечественной Истории, впоследствии об этом не вспоминали, а после убийства Сталина Хрущевым, «высочайшим повелением» вообще было приказано не вспоминать об этом, а талдычить о том, что Сталин якобы утаил от партии это «завещание». Больше чем на тупую ложь лысый поддонок-убийца был не способен — у него самого в кабинете на книжных полках стояли труды Ленина издания 20-х, 30-х и 40-х гг., в которых так называемое завещание было опубликовано. То есть при жизни Сталина никто не утаивал это «творение» якобы Ленина, хотя и знали, что это фальшивка^[249]. Лишь после развала СССР объективные ученые смогли вернуться к этой проблеме, и уже на состоявшейся в 1993 г. международной конференции «Россия в XX веке» впервые прозвучало — как версия — предположение о том, что «Крупская подделала некоторые положения "завещания"». А в 2003 г. доцент МГУ В. А. Сахаров опубликовал мощнейшую семисотстраничную монографию под названием «"Политическое завещание" Ленина. Реальность истории и мифы политики», на страницах которой скрупулезно и более чем убедительно,

документально доказал, что никакого завещания как такового вообще не было, а само оно появилось как весьма тонкое обоснование Троцкого на власть! Если схематично, то сенсационный вывод ученого базируется, во-первых, на том факте, что никаких оригиналов «завещания» в природе не существует! Во-вторых, все, что известно под этим общим названием — якобы надиктовки третьим лицам. В-третьих, ни терминология, использованная в так называемом завещании, ни мнения, убеждения или тезисы, приведенные в нем, категорически не являются характерными для Ленина в сравнении с его устойчивыми многолетними взглядами. В-четвертых, напротив, все, что указано в предыдущем пункте, свойственно Троцкому, а не Ленину. В-пятых, нападки на Сталина едва ли не стопроцентно повторяют демагогию самого Троцкого. В-шестых, абсолютно никакими материалами из партархивов не подтверждается якобы ленинское заявление о якобы «грубости» Сталина. Подчеркиваю, в помине нет таких данных в архивах, а личное мнение Крупской — это личное мнение Крупской. Но при чем тут ее сошедший с ума, невнятно мычавший, то есть вообще не говоривший, супруг, который к тому же и писать-то из-за паралича не мог?! В-седьмых, якобы ленинские характеристики ближайших соратников никоим образом не согласуются с прежними, многолетними убеждениями и мнениями Ленина. В-восьмых, напротив, все фигурирующие в так называемом завещании нелепые характеристики острием своим направлены против всех тех, кто так или иначе мог бы составить конкурентную опасность для Троцкого в борьбе за власть. В-девятых, несоответствие подписей на ряде писем Ленина и Крупской, оригиналов которых в архивах тоже нет. Причем ситуация просто до смешного «уникальна»: в архиве Троцкого — копия с копии, а в архиве Ленина — копия копии с копии! Одно из писем Ленина к Сталину и вовсе не зарегистрировано в секретариате первого. В-десятых, уставная несуразица в письмах — дело в том, что Ленин сам настоял, чтобы назначение (отрешение) генсека осуществлялось именно ЦК, а не съездом партии, на что сделан упор в так называемом завещании, обычно и преподносимом как якобы «Письмо к съезду». Наконец, совсем уж смертельны для этой фальшивки признания самой Крупской еще тогда, в 20-х гг., — в главном тогда идейно-теоретическом журнале «Большевик» (№ 16, 1925 г.) она открыто расписалась в том, что представленные ею документы — вовсе никакое не завещание!

«Все члены съезда ознакомились, как хотел В. И., с письмами. Их неправильно называть "завещанием", так как завещание Ленина в подлинном смысле этого слова неизмеримо шире — оно заключается в последних статьях и касается основных вопросов партии и советской

работы», — написала Крупская. Ай да Надежда Константиновна, ай да вдова «вождя мирового пролетариата»! Ну надо же было так «обделаться»-то?! Выходит, что настоящее завещание в последних статьях, которые он якобы смог написать, будучи еще относительно в здравом уме и владея пером. А то, что бес ее знает, кто надиктовал и записал — это уже не завещание! Но тогда кто бы вразумительно объяснил, почему через год после смерти мужа, талдыча, что-де «завещание неизмеримо шире», ибо «оно заключается в последних статьях», порфиноносная вдова собственноручно обозвала — письменно же (!) — эти «последние статьи» всего лишь записями?! Ведь передавая 18 мая 1924 г. в ЦК набор якобы ленинских бумаг, она так и написала, что передает записи, которые, оказывается, Ленин надиктовал во время болезни! Сейчас уже ни для кого не секрет широко известная фотография полностью обезумевшего «вождя мирового пролетариата» — так вот и скажите, точнее, попробуйте-ка хотя бы самим себе ответить на элементарный вопрос: что мог надиктовать и могли вообще полностью обезумевший человек, вдребезги разбитый параличом, к тому же лишенный речи?!

Опираясь на результаты своего скрупулезнейшего исследования, Сахаров делает прямой вывод: «В результате мы имеем сравнение всех членов ленинской группы в Политбюро с Троцким, демонстрирующее бесспорное превосходство его над всеми остальными членами Политбюро...»^[250] То, что мы многие десятилетия не знали об этом, ближайшее окружение Ильича прекрасно знало и видело тогда, в том числе и полную деградацию «вождя» как личности. Естественно, что оно не поверило в этот бред — «завещание», и лишь, в немалой степени искусственно созданная политическая магия имени «вождя» спасла вдову и Троцкого в придачу, если не в первую очередь, от сокрушительного, тотального разоблачения, последствия которого были бы просто ужасны для всех без исключений. Естественно, что в ситуации тотального неверия в так называемое завещание Крупская закономерно — любой фальсификатор попадает в эту ситуацию, стоит только выразить категорическое недоверие его болтовне, — стала последовательно «отмачивать» такое, что окончательно всех убедила в том, что она умышленно лжет и виляет. Передавая непонятно откуда взявшиеся записи в ЦК, она письменно указала, что-де «Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись (речь идет о состряпанной Троцким писульке с характеристиками на членов ПБ. — А. М.) после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда». Обратите внимание на два выражения: «его запись» и «до сведения съезда». Если строго по нормам великого и могучего русского языка, то выражение «его запись» означает, что Ильич сам написал

это. Но ведь она же сама указала в сопроводительной записке в ЦК, что передает-то всего лишь записи того, что-де «вождь» надиктовал?! Как это понимать?! В сопроводительной записке говорилось фактически о 15 (пятнадцати) записях, однако Крупская утверждала, что-де Ленин «выражал твердое желание» довести до сведения очередного съезда только запись с характеристиками на членов Политбюро (от 4 января 1923 г.)! Если завещание неизмеримо шире, так как якобы оно в последних статьях, то почему такая феноменальная избирательность?! Что, по остальным вопросам записи для съезда были неинтересны?! Спустя некоторое время порфиросная лгунья круто изменила свою позицию, заявив, что-де записи надо было передать только ЦК. Потом опять, ляпнув, что это никакое не завещание, вернулась к старой позиции — надо было отдать съезду. Как и полагается всем фальсификаторам, в ситуации тотального недоверия их брехне в конце концов порфиросная лгунья с размаху плюхнулась «в лужу», заявив, что-де это она «считала, что форма зачитать на съезде наиболее подходящая»! Вот оно как?! Значит, не Ленин, ничего уже не соображавший, а только мычавший в полном безумии, так сказал, а она, видите ли, так сочла?! Значит, в сопроводительной записке она солгала, указав, что-де «Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта запись после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда»?! Вдова уже не просто виляла, не просто лгала — по сути дела, она уже открыто призналась, что вся эта история ложь от начала и до конца. Однако логика саморазоблачения фальсификаторов такова, что пока собственными руками они не затянут петлю на шее собственной лжи — не успокоятся. Не избежала этого финала и Крупская — в конце концов ляпнула следующее: «Прямого указания Владимира Ильича относительно формы не было»! Ну и как вам нравится эта наглая, многоликая ложь?! Кто, что, кому и для чего диктовал и записал, какие распоряжения оставил — из ее слов ни хрена не поймешь! «Неведома зверушка» какая-то, а не «завещание» вдрызг сбрендившего «вождя»! Естественно, что не избежал такого же финала и сам «бес мировой революции» — Лев Давидович Троцкий-Бронштейн. Под неудержимым напором неопровержимых улик и он тоже (а куда денешься-то?) вынужден был также письменно и на весь же мир признать, что никакого завещания Ленина не было и в помине! Более того, не было соответственно и никакого злоумышленного сокрытия этих якобы последних записей мычавшего в полном безумии «вождя». Этого и впрямь не было. Участники XIII съезда ВКП(б) не только ознакомились со всей этой «записной» грязью, но и, убедившись, что это и в самом-то деле откровенная грязь, построенная на лжи, в самых решительных, но, естественно, в «парламентских» выражениях отмели ее и оставили Сталина

генсеком! В итоге получилось, что оба фальсификатора — Троцкий и Крупская — на пару «обделались» сверх всякой меры!

Конечно, в наше время вся эта история не стоила бы и выеденного яйца, если бы, как, впрочем, и всегда в Истории, не одно «но»: собственно говоря, а на кой же черт им понадобилось стряпать эту фальшивку?! Несмотря на кажущуюся легкость ответа — чрезмерно амбициозные личные притязания Троцкого на власть в партии и стране, — не спешите. Потому как подлинный ответ на этот вопрос покрыт в глубине ответа на вопрос «зачем им понадобилось устраивать едва ли не вселенскую шумиху вокруг якобы сокрытия фальшивки?» Как известно, с помощью своего старого знакомого и ярого поклонника — американского журналиста-историка-политолога Макса Истмэна Троцкий опубликовал эти «записки» вконец обезумевшего «вождя» на Западе, причем огромным тиражом. Именно с этого-то и началась та бодяга. Но неужели ни Троцкий, ни Крупская не понимали, что неизбежно будут жестоко разоблачены, в том числе и за счет добровольно-принудительного саморазоблачения?! Как это ни парадоксально, но самый честный ответ на указанные выше вопросы дала другая вдова, правда, не порфиноносная — вдова самого Л. Д. Троцкого, Наталья Ивановна Седова-Троцкая. Да так, что одной рукой с размаху забила последний громадный гвоздь в гроб для этой фальшивки, а другой — напрочь снесла последний шлагбаум, перекрывавший доступ к пониманию истинных причин появления «записок сумасшедшего» и последовавшей за тем бодяги из-за них же, включая и дурно пахнущую историю с публикацией М. Истмэна. Почти через два десятилетия после того, как ее дражайшему супругу благополучно проломили череп альпенштоком, 18 мая 1959 г., она направила в основанный еще мужем так называемый «Социалистический вестник» письмо, в котором черным по белому указала, что Лев Давидович «добился... того, что завещание стало известно в Америке и Европе». Ай да вдова «невинно убиенного» «беса мировой революции», ай да «верная соратница»! Разве можно было столь открыто показывать истинные цели Троцкого?! Помалкивала бы уж лучше! А то ведь так доконала дражайшего супруга, что никакие усилия ОГПУ — НКВД по его ликвидации и в подметки-то не сгодятся! Ведь тут же встает вопрос: а на кой же черт Льву Давидовичу понадобилось, чтобы о завещании стало известно в Америке и в Европе?! Кстати, обратите внимание на то, что Н. И. Седова написала это слово с большой буквы, но более всего на очередность перечисления — сначала Америка, потом Европа. Неужто «бес мировой революции» настолько был идиотом, что не понимал той простой истины, что как один из главарей «шайки подонков больших городов Европы и Америки» он ни при каких обстоятельствах не встретит на Западе сочувствия. Да нет же, как

ни относишься к нему лично, однако уж кого-кого, но Льва Давидовича ни к идиотам, ни тем более к профанам в политике никак не отнесешь. Да и с головой у него было все в порядке, хотя и хаживал к психиатрам еще до 1917 г. Интеллект же — если и не могучий, то уж во всяком-то случае весьма мощный. В политике же «бес мировой революции» разбирался превосходно — такое мог закрутить, что и ЦРУ с Моссад не снилось, да и КГБ не раз чертыхалось, особенно во времена ОГПУ — НКВД. Тогда на что надеялся-то? Зачем предпринял эту акцию — сначала на пару с Крупской состряпал фальшивку, а затем еще и передал ее на Запад? Чтобы, ужом извиваясь, оправдываться, в том числе и едва ли не в самых унижительных формах?! Один из тех, кто еще при Горбачеве был «чином от ума освобожден»^[251], указал, что Троцкий, видите ли, «стремился привлечь внимание мировой революционной общественности к ненормальной обстановке, сложившейся в верхушке РКП(б), к дальновидным требованиям Ленина переместить Сталина с должности Генерального секретаря ЦК, напомнить... тщательно скрываемые симпатии Ленина к Троцкому». Написавший это прощельга от истории настолько был «чином от ума освобожден», что даже и не заметил, что за пару-тройку строк до этого пассажа процитировал следующие строки еще пребывавшего в здравом уме Ленина: «Вот так Троцкий! Всегда равен себе — виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым, пока можно...» (февраль 1917 г.). Не говоря уже о том, что пока «вождь» был в здравом уме, он так «тщательно скрывал свои симпатии к Троцкому», что прилюдно обозвал его «Иудушкой-Троцким»! Какие еще «симпатии» нужно?! Нечего сказать, уж так «вождь» симпатизировал Льву Давидовичу, что даже «формулу» его политической проституции вывел! Правда, из политической же ревности!

Естественно, что не освобожденные чином от ума нормальные люди лишены возможности принять этот бред сивой кобылы за истину, тем более в последней инстанции. Но тогда что остается?! Ведь фальшивку-то была запущена в международный оборот. Так зачем же «бесу мировой революции» понадобилось взывать к тому самому треклятому Западу, который он же и призывал «осчастливить» чертовщиной в виде так называемой мировой революции, принесенной бесовщиной в лице так называемой революционной войны, к которой он также неустанно призывал?! Прежде всего он пошел на это в силу своего статуса агента стратегического влияния тайно действующих на мировой арене секретных структур международного финансового капитала и наиболее мощных закулисных сил. Причем не просто как агент стратегического влияния указанных сил, а как их главный «управляющий» и «смотрящий» в «русской революции».

К концу первой половины 20-х гг. Троцкий окончательно уяснил себе, что он не столько потерпел сокрушительное поражение на всех мыслимых и немислимых направлениях, сколько попросту не выполнил своего основного задания, для чего он и был заслан в «русскую революцию» как агент стратегического влияния наиболее мощных закулисных сил мирового уровня. В этом плане очень характерна оценка Сергея Дмитриевского — бывшего советского дипломата, практически одновременно с изгнанием Троцкого из СССР добровольно оставшегося на Западе. За это он «удостоился» весьма нелестных эпитетов со стороны Сталина в его «Политическом отчете ЦК XVI съезду ВКП(б)» 27 июня 1930 г. В 1931 г. С. Дмитриевский издал книгу «Сталин», на страницах которой, переосмыслив пройденный им путь в революции, а также и самой русской революции, блестяще показал, что и как вынужден был осознать Троцкий.

«Партия Ленина, — писал С. Дмитриевский, — никогда не была вполне единой ни по своему человеческому материалу, ни по идеям и интересам, движущим ее людьми. Единство ее выступлений вовне ее "генеральной линии" охранялось сильной рукой и непререкаемым авторитетом ее создателя и вождя. В процессе революции партия выросла. Она вобрала в себя и почти все активные революционные элементы населения, вобрала в себя и многие тысячи случайных, пристраивавшихся к власти людей. Наличие в руках партии власти меняло подход к идейным разногласиям. Идеи получили в революции жизненное значение, за идеями стояла власть и возможность через эту власть многое осуществлять. Наметилась неизбежность жестокой борьбы... Троцкому на Россию как таковую было наплевать. Его бог на небе был Маркс, на земле — западный пролетариат, его священной целью была западная пролетарская революция. Троцкий был и есть западный империалист наизнанку. Взамен культурного западного капитализма, взорвав его, он хотел иметь культурный западный пролетарский социализм. Взамен гегемонии над миром западной буржуазии — гегемония западного пролетариата. Лицо мира должно было измениться только в том отношении, что у власти вместо буржуазии становился пролетариат. Прочая механика должна была остаться примерно прежней — то же угнетение крестьянства, та же эксплуатация колониальных народов. Словом, это была идеология западных социалистов, и разница была одна: те не имели мужества дерзнуть, Троцкий дерзал; те хотели только разделять власть над миром, Троцкий хотел иметь ее целиком в руках своих и избранного класса. Россия для Троцкого была отсталой страной с преобладанием «подлого» земледельческого населения, поэтому сама по себе на пролетарскую революцию она не была способна. Роль хвороста, разжигающего западный костер, роль пушечного мяса западной

пролетарской революции — вот роль России и ее народов. Гегемоном мирового революционного движения Россия не могла быть. Как только огонь революции перебросится на "передовые", "цивилизованные" страны, к ним перейдет и руководство. Россия вернется в свое прежнее положение отсталой страны, на задворки цивилизованной жизни, из полукolonии культурного капитала превратится в полукolonию культурного социализма, в поставщика сырья и пушечного мяса для него, в один из объектов западной пролетарской эксплуатации, которая неизбежно должна быть, ибо иначе нет возможности сохранить для западного рабочего его привилегированное положение. В самой России Троцкий стремился утвердить безраздельное господство рабочего класса, вернее привилегированных верхушек его. Только таким образом удастся погнать на чуждую им борьбу тупую массу деревенских рабов. Только таким образом организовав из русского рабочего класса касту надсмотрщиков-управителей, удастся в дальнейшем подчинить русскую деревню западному паразитическому пролетариату. Отсюда враждебное отношение Троцкого к идее "рабоче-крестьянского" государства и союза, ставка на "рабочее" государство, на полное порабощение — как политическое, так и экономическое — городом деревни. Отсюда же, в дальнейшем, идея "сверхиндустриализации" России: опять не в интересах России как таковой, но во имя быстрого создания в ней мощного рабочего класса-властителя. Жизнь разбивала все идеи и все планы Троцкого. Революции на Западе не происходило. Наоборот, капитализм на Западе все больше "стабилизировался". В то же самое время от русской революции все крепче начинало пахнуть мужицким, сермяжным духом. Под давлением разбившей их жизни Троцкий и его группа пришли, в конце концов, к ликвидаторству: русская революция потеряла для них смысл»^[252].

«Бес» был человеком сильного ума и просто физически не мог не осознать той простой истины, что за такой беспрецедентно негативный результат его многолетней деятельности он запросто может лишиться головы. К тому же пример «вождя», которого по приказу тех же сил он лично спроваживал на тот свет, был еще очень свеж, чтобы стереться в памяти. Да и внезапная смерть его близкого друга — Парвуса — в один год с «вождем» тем более не давала шанса не помнить об этом^[253]. Именно этим-то и была обусловлена первая причина появления фальшивки за рубежом. Это была весьма тривиальная, в силу шкурных соображений личной безопасности, причина: якобы от имени Ленина «бес» открытым текстом сообщил и без того встревоженному Западу, что-де, он не виноват, что так получилось и революция пошла не тем путем! Проще говоря, «бес мировой революции» попытался вчистую свалить с себя какую бы то ни было

личную ответственность за провал своей же «миссии» в «русской революции»! И при этом нахально, да и то чужим пером, обвинил в своем провале неких «узурпаторов и обманщиков», которые, видите ли, не исполнили «последнюю волю» почившего в полном безумии «вождя»! С подачи самого «беса» публикатор фальшивки в зарубежье, ближайший друг самого Троцкого — Макс Истмэн — именно такими словами печатно обозвал бывших соратников Льва Давидовича, прежде всего Сталина. Попытка выжать политический эффект из факта публикации фальшивки за рубежом кончилась для «беса» весьма плачевно — непосредственно «за жабры» ущученный едва ли не всей партией, «бес» вынужден был открыто и письменно каяться, вещая на весь мир, что никакого завещания не было, чем вдребезги подорвал свой и без того основательно подгнивший авторитет. Конечно, и об этом не стоило бы говорить — отчитался «бес» перед своими хозяевами за оглушительный провал своей же «миссии» в «русской революции» и, как говорится, черт бы с ним. Тем более за давностью-то лет. Однако, как и всегда в Истории, есть одно «но».

То был не столько отчет о собственном провале, сколько сигнал Западу о необходимости инициировать начало активной подготовки ко Второй мировой войне XX века! Дело в том, что к середине 20-х гг. «бес» осознал не только тотальность своего поражения, но и в силу этого занял позицию откровенного «ликвидаторства» революции, ставшей превращаться действительно в русскую — она потеряла для него и его соратников всякий смысл. И вся суть его позиции «ликвидаторства» состояла строго именно в том, что и было прописано в строках партийного гимна — «Интернационала»: разрушим все до основания, а затем... — а затем сделаем так, как им и было предписано. Ведь марксизм штука сугубо шаблонная, даже невзирая на вопли «вождя» о том, что-де «марксизм не догма, а руководство к действию». Не говоря уже о том, что он и был изобретен только для разрушения и только по одному шаблону: тандемом войны и «революции».

Как истинный «бес мировой революции», Троцкий в этом смысле абсолютно ничем не отличался от почившего в полном безумии «вождя», которого еще задолго до 1917 г. хорошо знавшие его соратники называли не иначе как «человеком грубых шаблонов». Особенно если учесть, что и саму-то идею о «перманентной мировой революции» в ситуации перманентной мировой войны, точнее одноименный шаблон, Троцкий не менее нагло спер у своего же «кореша» Парвуса. Так что все ставки Троцкого в вопросе о захвате власти всегда были ориентированы только на ситуацию войны, в ходе которой необходимо создать условия для военного поражения, и как только оно наступает, заранее подготовленными силами нанести удар

изнутри, то есть «совершить революцию», сиречь государственный переворот.

Именно поэтому тот факт, что «бес» преднамеренно сделал свою фальшивку достоянием всемирной гласности, и означает, что тем самым он совершенно четко дал Западу отмашку на начало предварительных политических и иных маневров в целях инициировать подготовку Второй мировой войны по второму, основному, сценарию, так как первый — в сценарии «с колес» еще Первой мировой — провалился!^[254] Для неутомимого в своих заговорах «беса» все было логично — русская революция потеряла для него всякий смысл, он пришел к «ликвидаторству», то есть опять «разрушим все до основания, а затем...». А как разрушить-то, если не войной? Как иначе-то, ежели в каждой из 14 млрд. серых клеток его мозга сидел один и тот же шаблон — война в тандеме с революцией?! Именно для того, чтобы представился новый случай, сиречь война, как он сам же и говорил, а Европа (ох, уж эта самая «...па»!) смогла бы, как и в Первой мировой войне, вновь почерпнуть смелости из уже грезившейся «бесу» слабости правительства СССР, наконец, чтобы получился бы тот самый, опять-таки грезившийся ему толчок к «революционному движению», то есть разгорелась бы война, как искомое внешнее событие, «бес» открытым текстом сообщил на Запад, что всякие надежды на так называемую мирную эксплуатацию итогов «русской революции» полностью исчерпаны и потому должны быть начисто отброшены. Ибо все получилось не так, как было запланировано — окаянные, видите ли, «узурпаторы и обманщики» обошли-таки «беса»! И чтобы все вернуть на круги своя, то есть по новой реализовать еще в начале XX в. намеченные планы Запада по уничтожению, расчленению и разграблению России, — вновь была нужна война. Мировая война. Как особо доверенный агент стратегического влияния Запада, Троцкий прекрасно знал, что на XX в. запланированы две мировые войны — этот план был опубликован еще в 1890 г. и неоднократно подтверждался впоследствии. Более того, за годы тесного общения с представителями секретных структур международного финансового капитала и иных закулисных сил мирового уровня, особенно же накануне засылки в Россию, он четко уяснил, что у Второй мировой есть два сценария. Первый — «с колес» Первой мировой — он сам же, невзирая ни на какие усилия, «доблестно» и провалил. Потому что неодолимой силой логики тех событий был напрочь обессилен в попытках проведения своей антироссийской деятельности. А потому и не смог ничего сделать.

Что касается этой неодолимой силы логики тех событий, то, очевидно, было бы вполне уместно процитировать мнение ярого монархиста Виталия Шульгина. В своей книге «1920 год» он указывал, что «сила событий

сильнее самой сильной воли, Ленин предполагает, а объективные условия, созданные Богом, как территория и душевный склад народа, "располагают"! Раскрывая свое видение «объективных условий, которые располагают», Шульгин сознательно акцентировал внимание на следующем: «Большевики: 1. Восстанавливают военное могущество России. 2. Восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов. 3. Подготавливают пришествие самодержца всероссийского», так как «взяли принцип единоличной власти». Но самое поразительное далее. Продолжая свой анализ, Шульгин отметил: «На этих господах (то есть на Ленине и Троцком. — А. М.) висят несбрасываемые гири, их багаж, их вериги — социализм, они не смогут отказаться от социализма, они ведь при помощи социализма перевернули старое и схватили власть. Они должны нести этот мешок на спине до конца, и он их раздавит. И тогда придет Некто, кто возьмет от них их "секретность", их решимость — принимать на свою ответственность, принимать невероятные решения... Но он не возьмет от них их мешка. Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям!» Шульгин явно подразумевал, что это будет именно «русский националист» — в смысле ярый сторонник идеи Великой России именно же как Великой Державы! Причем Шульгин явно сознательно не учитывал ставший крайне модным в то время этнический фактор, подчеркнув при этом, что кто сидит в Москве — безразлично! Не случайно, что без обиняков и оговорок Шульгин прямо указал также и на то, что «под оболочкой советской власти совершаются стихийные процессы огромной важности, ничего общего с ней не имеющие». В наибольшей степени таким «объективным условиям, которые располагают», отвечал именно Сталин, ибо сознательно придерживался той политики, суть которой столь красочно описал Шульгин. Именно поэтому-то Сталин очень органично, действительно сознательно, интегрировался в эту «силу событий» и одновременно был интегрирован той же «силой событий» как ее органически неотъемлемый компонент. Прежде всего потому, что уже тогда был очень сильным политиком и государственным деятелем. Но тем самым он до бескрайности увеличил свою политическую силу. Вот почему Сталин откровенно и отринул, скорее даже попросту похерил и ленинско-троцкистский курс на «мировую революцию», и НЭП, но провозгласил курс на строительство социализма в отдельно взятой стране. Это было единственным, что на тот момент в точности соответствовало как сущности России, так и ее коренным интересам после октябрьского катаклизма. Остается только добавить, что суть той неодолимой силы, суть тех «объективных условий, которые располагают», в том и состояла, что

вопреки всем намерениям и действиям Ленина, Троцкого и их эмигрантских шаек верх взяла исконная сущность и базовая ценность России — **БЕЗОПАСНОСТЬ!** Вот ее-то Сталин и исповедовал едва ли не в прямом смысле неистово! Потому и победил во всем и всех! Но потому-то на него и нападают даже спустя более полувека после его убийства! Потому что он стал органически неотъемлемой составной частью сущности и базовой ценности России — БЕЗОПАСНОСТИ! Одно его имя — Сталин — уже означало и, Слава Богу, поныне же означает — БЕЗОПАСНОСТЬ! Вот почему его и охаивают неистово!^[255]

Второй же сценарий был прописан как в упоминавшемся плане, так и, к тому же более четко, в... Версальском «мирном» договоре, который даже главные его творцы обозвали не миром, а перемирием всего на 20 лет^[256]. Так что колесо-то изобретать «бесу» не пришлось — он просто открыто сообщил на Запад, что настало время начать подготовку к новой войне с Россией, потому как на нее-то, Россию, «бесу» и впрямь было сколь абсолютно наплевать, столь же абсолютно и начхать. Тем более что от русской революции действительно стало все крепче пахнуть мужицким, сермяжным духом. А для «бесов» это хуже смерти. Как агент стратегического влияния Запада, прежде всего американского капитала, он знал, в частности, что, невзирая на то, что организатором Второй мировой войны во втором ее сценарии вновь должна была стать мерзкая «повивальная бабка» всех антироссийских войн и заговоров на протяжении последних столетий — проклятая Великобритания, — итогами второй всемирной бойни должна воспользоваться именно Америка, то есть США. Уже упоминавшаяся выше глобальная перегруппировка сил в мире в результате второй мировой бойни была запланирована именно США. Вот почему «бес» и добивался того, что его фальшивка стала известна в Америке и Европе — именно в такой очередности. Ну а явно рехнувшаяся к концу жизни супружница «беса» вдрызг проговорила, вогнав тем самым превосходный «осиновый коле в и так недобрую память о своем муженьке — преступнике международного уровня! Так что нельзя не воздать ей должное — уж так пригвоздила «беса» к позорному столбу Истории, что никакими клещами не отдерешь...

В том, что «сморозил» Лев Давидович, действительно все было логично — без дураков, логично. Кроме одного. «Бес» оказался не в состоянии понять одну простую вещь — в новой мировой войне его «номер» был даже не «шестнадцатый», а «сто шестнадцатый», если вообще был бы. На кой черт он был нужен той же Америке и вообще англосаксам со своей «священной целью — западной пролетарской революцией», которой он намеревался взорвать «культурный западный капитализм»?! Именно

потому, что всенепременно должна была состояться война, да еще и с указанными выше итогами, Запад, прежде всего Атлантический Центр Силы, особенно не устраивал генеральный лозунг вдохновлявшейся Троцким антисталинский оппозиции в СССР «Назад — к Ленину!», он же — «Завещание Ленина — в жизнь!».

Никакого парадокса тут нет. Загадки тем более. Соглашаясь с одной частью стратегических целей заговора Троцкого, в том числе и его военной составляющей, Запад физически не мог согласиться с другой их частью. Да, сердцу Запада было мило наглое и циничное стремление Троцкого к захвату власти в целях разрушения и уничтожения России. Да, Западу чрезвычайно импонировало стремление «беса мировой революции» свергнуть и ликвидировать не только самого Сталина, но и его курс на строительство социализма, полную демократизацию внутривнутриполитической жизни в СССР и проведение внутренней и внешней политики СССР только исходя из его, коренных национальных интересов. Но Запад не устраивал сам Троцкий, причем именно же как «бес мировой революции». Его неиссякаемый крайний радикализм в вопросе о так называемой мировой революции и роли России в ней как «вязанки хвороста» для костра на Западе откровенно пугал и мешал Западу. Естественно, что в такой позиции Запада не было даже тени намек на какое-либо русофильство и уж тем более советофильство. Просто как истинный «бес мировой революции» он действительно стал мешать Западу в достижении его новых «старых» глобальных целей. Запад же один раз уже изрядно обжегся на игре с «гением мирового пролетариата» — В. И. Лениным — и потому вовсе не собирался второй раз наступать на те же грабли. Как увидим из дальнейшего анализа, те же Штаты списали его со счетов уже в конце 20-х гг., хотя и позволяли ему активничать, играя на нервах Сталина. Но это была уже «лебединая песня» пресловутого «беса» — бегать ему оставалось совсем немного.

На Западе, естественно, все прекрасно слышали и поняли как надо. И едва только в конце января 1925 г. фальшивка Истмэна/Троцкого-Крупской вышла из печати, так тут же последовала и соответствующая реакция главного «смотрящего» за организацией второй по счету в XX столетии Второй мировой войны — Лондона. 20 февраля 1925 г. под грифом «секретно» появился печально знаменитый меморандум министра иностранных дел Великобритании Остина Чемберлена, имевший название «Британская политика в отношении европейской ситуации». Именно с этого меморандума и началось непосредственное движение к пресловутым Локарнским соглашениям 1925 г. — к этому «Мюнхену-1», потому что именно тогда на свободу был выпущен «дух войны», сиречь «дух» Второй мировой войны^[257]. Как и накануне Первой мировой войны, еще в проекте

Локарнские соглашения создавали видимость безопасности западных границ Германии — в тот момент буржуазно-демократической Веймарской республики, — но полностью оставляли нерешенным вопрос о ее восточных границах. Точно так же впоследствии будет проделано и во время «Мюнхена-2» образца 1938 г. Именно это обстоятельство и открывало дорогу войне Германии за пересмотр ее восточных границ, которые преднамеренно и злоумышленно были оскоплены еще Версальским «мирным» договором. В части, касающейся России, в меморандуме говорилось: «Россия. Европа теперь разделена на три главных элемента, а именно: победители, побежденные и Россия. Русская проблема, которая остается острейшей постоянной опасностью, может быть поставлена только как проблема; невозможно предвидеть, какие последствия для будущей стабилизации Европы будет иметь развал России. Верно, с одной стороны, что чувство неуверенности, которое испытывает организация новой Западной Европы, в немалой степени вызвано исчезновением России как державы, ответственной перед концертом европейских государств. С другой стороны, русская проблема является для настоящего момента скорее азиатской, чем европейской^[258], завтра Россия может снова решительно фигурировать как фактор в балансе континентальных сил, но сегодня она, как грозная туча на восточном горизонте Европы — угрожающая, непонятная, но теперь еще и обособленная. Россия не является поэтому фактором стабильности; она предстает в действительности наиболее опасной из всех неожиданностей, неизвестностей и независимо от России, а может быть, даже из-за России, должна создаваться "политика безопасности"^[259]. Короче говоря, именно из-за России и должна была создаваться новая «политика безопасности», что в переводе с английского дипломатического языка на нормальный человеческий язык означает — «дух войны» должен быть выпущен именно же против России! Но чем же СССР мог тогда угрожать тому же Западу, в том числе и Великобритании, если у него и армии-то в тот момент нормальной не было?! К моменту написания этого пассажа она была сокращена в 10 раз и составляла всего 500 с лишним тыс. человек. Не говоря уже об официальном отказе от курса на «мировую революцию». А только тем, что революция и впрямь пошла не запланированным Западом путем! Ведь в конечном-то счете ничего, кроме одномоментного финансово-экономического грабежа России, не получилось! Ни по «плану Марбурга», ни по «плану Уэллса — Рассела»! Получилось совсем иное, что многие десятилетия спустя патриарх «изящного русофобства» американской дипломатии — Генри Киссинджер назвал следующим образом: «Невзирая на революционную риторику, в конце концов, преобладающей целью советской внешней политики стал

вырисовываться национальный интерес...»^[260] И черт с ним, с Киссинджером, что этот вывод он завершил традиционным для западника антисоветским выпадом — «... поднятый до уровня социалистической прописной истины». Куда важней им же осуществленная констатация того факта, что уже в начале 20-х гг. «советская политика сделала окончательный шаг в сторону возврата к более традиционной политике в отношении Запада»^[261].

В тексте меморандума О. Чемберлена не был использован даже термин «большевизм». Будущий лауреат Нобелевской премии мира за разжигание первых искр Второй мировой войны, министр иностранных дел, Великобритании Остин Чемберлен, чья подпись «украшала» этот меморандум, оперировал даже не географическим по смыслу понятием Россия, а сугубо геополитическим, особенно же когда говорил о том, что это проблема не европейская, а азиатская — налицо былые сугубо геополитические соображения Великобритании. Выводы меморандума Остин Чемберлен завершал предложением о необходимости создания «новой Антанты между Британской империей и Францией», а также о том, что в своем расширенном составе — в лице Англии, Франции и Бельгии — «сердечное согласие» могло бы подразумевать и подключение к нему Германии. В секретном письме от 2 марта 1925 г. в адрес французского правительства О. Чемберлен прямо указал на необходимость включения Германии в англо-французскую группировку, ясно указав, что проектируемое соглашение предусматривает направление планируемой агрессии Германии против СССР^[262]. А вскоре и по разведывательным каналам было получено прямое подтверждение того, что Великобритания злоумышленно выпустила «дух войны» на волю. Один из лучших в то время агентов советской военной разведки в Германии — «Дипломат»^[263] — сообщил, в частности, «что поиск Великобританией базы в Польше и то, что британский империализм усиливает таковую в странах Балтики, является основанием, на котором он и намерен вести самую решительную борьбу против Москвы. В поисках союзника Англия привлечет и Германию к своей русской политике, взамен чего Германия будет компенсирована изменением существующего статус-кво на восточных границах рейха. А сама английская политика в отношении СССР является политикой подготовки будущего столкновения, но время такового определяется общим политическим положением Великобритании»^[264]. Стало окончательно ясно, что речь идет о подготовке Англией вооруженного нападения на Советский Союз при активном использовании в этих целях Германии. Такова и была в действительности суть Локарнских соглашений — за то и дали их творцам

Нобелевскую премию мира! Ну, как не дать премию таким негодьям — ведь так «бедолаги» старались разжечь первые искры Второй мировой во втором ее сценарии?!^[265]

И как только 16 октября 1925 г. Локарнские соглашения были подписаны, так тут же, всего-то через пару недель, усилиями Троцкого на тот свет был отправлен один из лучших советских военачальников той поры — Михаил Васильевич Фрунзе. А как же — Запад готовит новую войну, а во главе Вооруженных сил СССР будет стоять такой сильный военачальник, как Фрунзе, к тому же личный враг Троцкого?! Уж лучше, по мнению «беса», Вооруженные силы возглавит «серый», по его мнению, Клим Ворошилов, а при нем нехай будет заново завербованный сторонник «беса» — Тухачевский. Всяко поражение можно устроить «краше», чем в Первой мировой!

§ 5/1. Подоплека истории столь стремительного возвышения Тухачевского непроста. К концу осени 1923 г. у высшего руководства партии и страны скопилось предостаточное количество достоверной информации о ненадежности ряда видных представителей высшего командного состава РККА. Факты свидетельствовали об очень серьезном положении в военной сфере. К примеру, один из ближайших и ярых сторонников Троцкого — В. А. Антонов-Овсеенко — 27 декабря 1923 г. направил в ЦК партии письмо, в котором угрожал руководству партии и государства военным переворотом в поддержку Троцкого. Сами понимаете, что военный путч-переворот не вызревает в одночасье. Начальник Политуправления (ГлавПУР) РККА, ярый троцкист Антонов-Овсеенко прекрасно знал, что он пишет. И руководство страны и партии тоже прекрасно знало, что отнюдь не на пустом месте он угрожал военным переворотом в поддержку Троцкого. О том, что ситуация в военной сфере развивалась тогда в направлении заговора, свидетельствует и тот факт, что слухи о заговоре военных, в частности в Кавказской армии (кстати, ее командующим тогда был А. Егоров), докатились аж до Берлина. Троцкий с таким «искусством» официально опровергал эту информацию, что умудрился подтвердить при этом, что заговор все-таки был, но якобы среди младшего комсостава. Кстати, попробуйте понять: на кой же черт ему понадобилось давать официальное разъяснение полпредству СССР в Берлине? За границей усиленно циркулировали «слухи» о прямой причастности командующего Петроградским военным округом В. Гиттиса к антисоветскому заговору. Но о каких слухах можно вести речь, если В. Гиттиса и впрямь вскоре сняли с этого поста с резким понижением?! Да и, кстати говоря, очень даже любопытна дошедшая до ряда заинтересованных ушей в Берлине информация о мотивах и целях заговора Гиттиса. В ней

утверждалось, что этот заговор имеет целью поставить во главе России «интернационалистов-коммунистов», называлось даже их число — 12 человек, а то, видите ли, современная (тогда) советская власть слишком националистична, то есть прорусская?! Просто фантастически поразительное совпадение — прямо по оси выше описывавшегося противоборства «интернационалисты-коммунисты» — «большевики»!

Оно не просто фантастическое. Это верхушка «айсберга», которую Раковский определил словами «и даже были приняты меры для объявления смертного приговора Сталину». На созванном в августе 1923 г. по инициативе Зиновьева и Бухарина, а в действительности-то с подачи Троцкого так называемом пещерном совещании — проходило в одной из пещер близ Кисловодска, отсюда и такое название, — обсуждался вопрос якобы об ограничении власти Сталина, который всего-то без году неделя являлся генеральным секретарем партии. Такого поста в партии ранее не было. Сталин все начинал с нуля, в прямом смысле на голом месте. Какую власть он мог приобрести на этом посту, если, подчеркиваю это вновь, к августу месяцу 1923 г. он пребывал на этом посту без году неделя?! Тем не менее «ленинские гвардейцы» практически единогласно пришли к выводу о необходимости убийства Сталина «во имя ограничения его власти»?! Однако поскольку все они были патологические балаболки, то, кроме брызганья слюной, дело дальше не пошло. А вот Сталин узнал об этом и сделал свои выводы. Их нетрудно было сделать, так как и раньше подручные Троцкого пытались организовать убийство Сталина.

Более того. О каких слухах можно говорить, если сам глава ОГПУФ Э. Дзержинский — на заседании Политбюро 24 января 1924 г., то есть когда еще тело Ленина не втащили в Мавзолей, которого тоже еще не было, лично докладывал информацию о заговоре в военной сфере, в частности в Кавказской армии?! Главе органов госбезопасности делать, что ли, больше нечего было, чтобы именно в этот момент докладывать на Политбюро информацию о военном заговоре?! Информация была столь существенна, что Дзержинский вынужден был докладывать ее именно на Политбюро. И хотя она была, очевидно, недостаточной для того, чтобы разбираться с вояками при помощи Уголовного кодекса — иначе головы полетели бы уже тогда, ее оказалось вполне достаточно, чтобы в целях безопасности руководство партии и государства в срочном порядке перетасовало всю колоду военной элиты. Начались повальные замены командующих, в том числе и округами. Перетасовка осуществлялась на основе принципа «сдержек и противовесов», но с учетом личных неприязненных отношений между сменяемыми и сменяющими. А самого председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам И. Д. Троцкого в срочном

порядке «подперли» заместителем в лице командующего Украинским военным округом и Вооруженными силами Украины и Крыма... Михаила Васильевича Фрунзе, у которого еще со времен Гражданской войны были крайне неприязненные отношения с «бесом мировой революции». И в этом назначении было немало удивительного — даже вступив в новую должность, Фрунзе некоторое время сохранял за собой командование вышеуказанными силами на Украине и в Крыму. Понятно, что без прямого согласия Сталина подобное было бы невозможно — в военной иерархии все четко расписано: сдал — принял. А тут... а тут явно выходит, что центральное руководство опасалось насчет возможного выступления протроцкистски настроенных генералов. Вот и оставили за Фрунзе функции главкома вооруженными силами Украины и Крыма.

Впоследствии, всего-то через пару лет, впрочем, и того менее, крайне злопамятный, но уже давно снятый со всех военных постов, лишенный и лишившийся какой-либо серьезной силы «бес» свирепо отомстит М. В. Фрунзе. Сначала через своих людей организовал трехкратное попадание Фрунзе в автомобильные аварии! И это в Москве, где в 1925 г. автомобили можно было пересчитать по пальцам, скорость их не превышала, да и то по максимуму, 30 — 40 км в час, а в аварию легче всего было угодить, лишь преднамеренно врезавшись в столб или конный экипаж, которых тогда была тьма-тьмущая?! Однажды Фрунзе почему-то и вовсе выпал из машины на ходу и сильно ушибся! Это как же «умело» надо было возить министра обороны огромной страны, чтобы за короткий срок он трижды попал в автомобильные аварии, да к тому же еще и вывалился из машины?! Ну а когда ему и вовсе стало худо, то, предварительно навязав ему через своих сторонников-врачей необходимость операции в связи «с опасностью прободения язвы», через своих же людей Троцкий организовал его «заоперирование» прямо на операционном столе, и в 5.50 утра 31 октября 1925 г. Фрунзе не стало. Однако Троцкий не был бы самим собой, если одновременно с тщательно организованным убийством Фрунзе не осуществил бы куда более важную, с дальним прицелом интригу, в результате которой весьма успешно, но вторично и фактически намертво «повязал» Тухачевского неизбежной в случае чего совместной ответственностью. Речь вот о чем.

С момента окончания Гражданской войны, к концу 1923 г., Тухачевский вышел из-под контроля Троцкого, которому был обязан буквально всем. Разработанный Троцким план военного переворота в целях перехвата власти у предсмертного ложа «вождя» сорвался в конце 1923 г. из-за Тухачевского. И произошло это отнюдь не потому, что Тухачевский столь уж сильно обожал советскую власть или тех же большевиков в противовес, например,

тем же «интернационалистам-коммунистам». Как раз нет, ибо еще тогда, в начале 20-х гг., многие уже отмечали его поразительную готовность при малейшем удобном случае всадить топор в спину той власти, которая сделала его видным военным деятелем. Произошло это в силу весьма банальной причины — склонности к бонапартизму. Тухачевский уже тогда метил себя в «Красные Бонапарты», сколачивая, по сути дела, целую когорту единомышленников из числа военных, готовых пойти за ним. И сколь бы парадоксальным то ни показалось, но первым-то его политические позиции и настроения как бонапартистские квалифицировал именно Троцкий. Еще в 1921 г., когда нахватавшийся верхушек марксизма и в угоду царившей тогда моде на «полевую революцию» Тухачевский «изобрел» печально знаменитую «классовую стратегию». Опытнейшие царские генштабисты пришли в ужас от таких «стратегических» фортелей крайне амбициозного комфронта. Однако более проницательный Троцкий уже тогда вдребезги разнес концепцию Тухачевского. Это было, конечно же, комично, поскольку сам Троцкий в принципе-то занимал такую же позицию — одни его призывы к «революционной войне» с Францией в период Рурского кризиса чего стоят. Но вдвойне комично стало тогда, когда из этой брехологии Тухачевского он сделал вывод о том, что «бонапартизм вырос из революционной войны!» Знал «бес», что говорил. Ведь суть подоплеку такого его вывода в том и заключалась, что он сам явно и откровенно метил в Красные Бонапарты», а тут какой-то «салага от марксизма» вознамерился его обскакать. Два медведя, как известно, в одной берлоге не уживаются. Точно так же и обоим, втуне уже явно примерявшим на себя роль «Красного Бонапарта» и явно мечтавшим о захвате власти в стране, не могло не стать тесно на ниве «революционной войны», «полевой революции» и «классовой стратегии», ибо схема марксистской методики» прихода к власти была и есть шаблонная — война, затем революция. Следовательно, оба крайне амбициозных деятеля уже не могли не схлестнуться. Троцкий стал косо поглядывать на Тухачевского, чему в немалой степени способствовала доходившая до него всевозможная информация о какой-то заговорщической возне Тухачевского и его окружения в рамках структуры командования Западного фронта. Очевидно, в том числе и поэтому тоже, весь 1923 г. под разными предлогами он пытался оторвать его от командования войсками Западного фронта, выпроваживая его, в частности, в Германию — то на секретные переговоры с рейхсвером, то для подготовки так называемого германского октября, то вызывая обратно в Москву и т. д. Тухачевский же, почуяв грядущее ослабление Троцкого — весь 1923 г. шел процесс последовательного разгрома «беса» по партийно-государственной линии, — не нашел ничего умней, как занять юдофобствующую позицию, что на фоне

махровым цветом расцветшей в стране и в армии юдофобии вообще выдавалось чуть ли не за удалство. Ну а ради модного тогда партийного «политеса» все это прикрывалось некими антитроцкистскими настроениями самого Тухачевского и его окружения. Трудно сказать, понимал ли Тухачевский как командующий Западным фронтом, что планируемая Троцким как основной шаг к военному перевороту военная катастрофа при имитации операции вторжения на Запад («в помощь германскому пролетариату») обрушится в первую очередь именно на подчиненные ему войска?! Тем не менее факт остается фактом: в 1923 г. Тухачевский отказался поддержать А. Троцкого и взять на себя роль его «шпаги», реализующей «дворцовый переворот». Неблагодарности Троцкий не простил. Поняв, что его замысел с переворотом провалился, он нанес ответный удар. 1 ноября 1923 г. Троцкий представил в Политбюро новую «Схему командующих фронтами, начальников штабов и командармов». В соответствии с ней Тухачевский фактически лишился поста командующего фронтом. Кстати говоря, во время своего отсутствия, так как осенью 1923 г. Тухачевского направили в Германию в качестве «офицера связи между Красной Армией и "черным рейхсвером"». Узнав об этом, Тухачевский прервал свою «миссию» в Берлине и срочно возвратился в Смоленск, где дислоцировалось командование Западного фронта. Однако было уже поздно. Механизм его смещения с этого поста уже набрал обороты, и 1 апреля 1924 г. Тухачевский был назначен на должность помощника начальника Штаба РККА, причем предварительно, в форме чрезвычайной меры, он попросту был отстранен от должности комфронта и лишь через неделю был назначен на новый пост. После этого, формально оставаясь в верхнем эшелоне военной элиты, Тухачевский тем не менее явно терял свое бывшее реальное влияние на военно-политическую ситуацию в стране. Соответственно такие же последствия претерпевала и гуртовавшаяся вокруг него часть военной элиты. Троцкий весьма последовательно проучивал «кандидата в Бонапарты». Так продолжалось до июля 1924 г., когда Троцкий уже явно почувствовал скорый конец своей не только военной, но и даже политической карьеры. Ведь его затея с фальшивкой- «завещанием» также с треском провалилась на XIII съезде партии. Не говоря уже о том, что едва только был сооружен временный (деревянный) мавзолей Ленина, как Сталин окончательно отринул всякую болтологию о «мировой революции» и четко обозначил курс на «строительство социализма в отдельно взятой стране». Уяснив все это, Троцкий начал новый тур политического заигрывания с Тухачевским.

[Судя по всему, Троцкий прекрасно знал компромат на Тухачевского. Прежде всего, то, как он бежал из лагеря военнопленных в Ингольштадте

— в этом вопросе его явно «просветили» тевтоны. Обычно этот побег рассматривают как доказательство того, что он нарушил честное слово офицера, на основании чего немцы выпускали пленных погулять. Однако это сущая мелочь по сравнению с главным. Ведь он-то бежал через Швейцарию, где пробыл «фактически месяц — 18 сентября оказался на ее территории, но только 12 октября 1917 г. предстал перед военным агентом России в Париже А. А. Игнатьевым! Как правило, Тухачевский помалкивал о том, что он делал в Швейцарии почти месяц. Более того. Молчал он и о том, почему не явился к военному агенту в Швейцарии — Генерального штаба генерал-майору Сергею Александровичу Голованю, что было бы проще и естественное. И, само собой разумеется, Головань преспокойно выполнил бы свою прямую обязанность и отправил бы Тухачевского на Родину. Вместо этого он почти целый месяц болтался в Швейцарии и только затем явился к Игнатьеву. Почему?! Ответ прост. Германская разведка прекрасно знала, что Головань отличался весьма строгим подходом к подобным проблемам и на слово никому не верил. Напротив, он проверил бы все самым тщательным образом, тем более что под его началом находилась хотя и малочисленная, но очень эффективно работавшая агентурная сеть, наблюдавшая за всеми нелегальными связями немцев с Россией, в том числе и за эмигрантской общиной русских в Швейцарии.

Агентура Голованя доставляла немало беспокойства немецкой разведке. Именно поэтому-то Тухачевского тевтоны направили в Париж, где А. Игнатьеву, при его колоссальной занятости своими функциями представителя России при штабе союзного командования Антанты, явно было недосуг заниматься тщательной проверкой очередного сбежавшего из германского плена русского офицера. Расчет оказался точен — А. Игнатьев без проверки отправил его в Россию. Был здесь и еще один важный момент — А. Игнатьев пользовался колоссальным уважением в русской армии и быть возвращенным на Родину при его содействии было не только авторитетным, но и являлось своего рода индульгенцией. В 20-х числах октября 1917 г. Тухачевский уже был в России. К слову сказать, именно немцы сообщили Троцкому о том, что по возвращении в Россию Тухачевский неоднократно посылал в Германию письма для своих солагерников, что в практике спецслужб обычно расценивается как уведомление о благополучном положении дел. Письма эти до сих хранятся в германских архивах. Далее. У внимательных исследователей давно на сильном подозрении находится якобы факт чудесно резкого старта будущего «стратега» с помощью некоего Н. Н. Кулябко. Это обстоятельство не раз подвергалось очень справедливым сомнениям.

Однако из-за того, что длительное время их нечем было подкрепить, они так и оставались сомнениями. Сейчас появились некоторые документы, которые позволяют говорить вот о чем. Николай Николаевич Кулябко в тот момент, то есть в феврале 1918 г., когда произошла «чудесная» встреча Тухачевского с ним, состоял членом ВЦИК по работе с военными комиссарами и одновременно являлся военным комиссаром обороны Москвы. Но самое важное в этом факте то, что Кулябко, как и все члены ВЦИК, был избран после утверждения его кандидатуры представителями германской разведке при Ленине — майором Бауэром (в основном был занят уничтожением компрометирующих Ленина документов о его связи с германской разведкой), майором Любертсом («Агасфер») и его помощником лейтенантом Гартвигом («Генрих»). А они в свою очередь получили прямое указание на сей счет непосредственно из Генерального штаба Германии, куда, естественно, заблаговременно сообщили имена кандидатур в члены ВЦИК и, конечно же, свои соображения и характеристики, которые были составлены на основании данных самой германской разведки. Жаль, что именно характеристики-то не публикуются, а так, конечно, было бы очень интересно, как германская разведка характеризовала октябрьский костяк «ленинской гвардии». Сразу же оговорюсь, что Сталина в этом списке нет.

При содействии именно Кулябко Тухачевский оказался в военном отделе ВЦИК. Так что абсолютно правы те, кто давно заподозрил нечистое уже в самом старте будущего «стратега», и также те, кто давно указывает на то, что начальная ступенька в карьере будущего «полководца» была старательно высечена именно же немцами. Как известно, в апреле 1918 г. Тухачевский стал членом Коммунистической партии, а вот рекомендовал его туда старинный друг их семьи, старый «революционер» и... бывший подполковник Отдельного корпуса жандармов, бывший начальник Киевского охранного отделения — все тот же Николай Николаевич Кулябко! Это одно и то же лицо. И именно тот самый подполковник жандармерии Кулябко, который оказал максимальное содействие революционерам-террористам в организации убийства премьер-министра Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина, осуществленного безызвестный Дмитрием (Мордкой) Богровым. А по совместительству Н. Н. Кулябко являлся и хорошим старым знакомым Ленина. Во всех книгах о Кулябко пишут как о давнем революционере. В определенном смысле это правда. Связями в революционных кругах он располагал и по должности, и через своего дядю — Юрия Павловича Кулябко и его жену Прасковью Ивановну, которые состояли в РСДРП(б) еще до «революции» 1905 г. Они встречались с Лениным и в России, и в период его пребывания в эмиграции, Связующим звеном между

Н. Н. Кулябко и В. И. Лениным выступали Богровы — близкие и дальние родственники Дмитрия Богрова: Сергей (Вениамин) Евсеевич Богров (1879), в партийном подполье клички Фома и Валентпинов, а также очень близкая знакомая Ленина, Крупской, Горького Валентина Львовна Богрова (1882). С. Е. Богров после «октября» оказался на службе у Троцкого в Народном комиссариате иностранных дел, откуда, по протекции Ленина, навсегда уехал в Германию вместе со старшим братом Мордки Богрова — Владимиром. После столь удачно организованного руками Богрова убийства Столыпина Н. Н. Кулябко, естественно, вылетел из Отдельного корпуса жандармов, хотя постоянно протезировавший ему его шурин и однокашник, генерал-майор Отдельного корпуса жандармов Александр Иванович Спиридович продолжал оставаться начальником дворцовой охраны царя, а с августа 1916 г. являлся ялтинским градоначальником. После увольнения Кулябко работал в Киеве агентом по продаже швейных машин. Лучшего прикрытия для подпольщика не сыскать. Рынок швейных машин в дореволюционной России был стопроцентно монополизирован германской фирмой «Зингер». И если принять во внимание, что в те времена излюбленным прикрытием для германской разведки в России служили именно же германские фирмы и компании, то тогда на все 100 % станет понятно, почему объективные исследователи прямо указывают на то, что первая ступенька в карьере будущего маршала была старательно высечена немцами. И вот что еще очень важно. В момент, когда Троцкий начал новый тур заигрывания с Тухачевским, в партии стала разворачиваться малоизвестная, но ожесточенно свирепая борьба с соратниками, запятнавшими себя в прошлом сотрудничеством с царской полицией и жандармерией. Это был очень весомый аргумент для того, чтобы сломить Тухачевского, который, бравируя модной тогда юдофобией, старался дистанцироваться от Троцкого. Однако «бес» был очень сильным политическим бойцом и быстро выбил из Тухачевского склонность к юдофобии, во всяком случае к открытому ее проявлению. Проще говоря, скрутил его в бараний рог и заставил исполнять его, «беса», волю.]

Понимая, что уход с поста председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам неминуем в самом ближайшем будущем, Троцкий пошел на использование принципа «уходя — остаться». 18 июля 1924 г. М. Н. Тухачевский был назначен Троцким уже заместителем начальника Штаба РККА и в тот же день — исполняющим обязанности начальника Штаба! Тем самым Троцкий изъял у временно отсутствовавшего тогда Фрунзе руководство Штабом, что, в общем-то, не было мотивировано чем-либо серьезным, кроме как тайными расчетами самого Троцкого. А перед этим в ранее разогнанные структуры командования Западного фронта,

превращенного уже в Западный военный округ, были возвращены сторонники Тухачевского. За всем этим стояла еще одна очень серьезная интрига Троцкого. И когда 25 января 1925 г. Троцкий вылетел с поста председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам, то в наследство Фрунзе достался и. о. начальника Штаба РККА Тухачевский. Формально между ними не было неприязненных отношений. Но Лев Давидович был действительно дальновидным человеком и политическим деятелем, форменным «бесом», ибо в начале 1925 г. он начал уже новую, глобальную интригу, которой военная политика Фрунзе могла сильно помешать. В результате хладнокровно организованных убийств — сначала Котовского, которого сменивший Троцкого Фрунзе планировал назначить себе замом, а затем и самого Фрунзе — положение Тухачевского на посту и. о. начальника Штаба было закреплено настолько, что он уже как начальник Штаба, то есть без приставки «и. о.», достался сменившему Фрунзе К. Е. Ворошилову. И едва только это произошло, Троцкий через своих людей стал распускать один из самых подлых слухов о том, что-де Сталин якобы причастен к смерти Фрунзе! Как известно, слух появился в результате того, что Троцкий через К. Радека и других своих сторонников «подрядил» писаку Пильняка, слишком резво сварганившего «Повесть непогашенной луны». Впоследствии сын Пильняка-Вогау — Борис Андроникашвили — писал, что, «сопоставив повесть с воспоминаниями ближайших друзей и сподвижников Фрунзе... нашел в них много общего... обнаружил даже совпадение отдельных реплик», и это, мол, «укрепило... веру в то, что отец получал материал из ближайшего окружения полководца».

Трудно сказать, отдавал ли себе отчет Борис Андроникашвили в том, что он написал, однако то, что он написал — суть прямого свидетельства того, что его отец накатал эту повесть по заказу и, более того, этот заказ сохранял свою силу в течение многих десятилетий. Иначе что должно означать тотальное совпадение деталей и даже реплик в мемуарах, которые были изданы уже после смерти Сталина?! Конечно, сынок и не мог написать по-иному, иначе пришлось бы открыто признавать, что папаша был в услужении у злейшего врага России — Троцкого. Впрочем, не беда, что он сделал половинчатое признание. До уровня 100%-й исторической правды его признание довел крупный партийный работник, а затем редактор газеты «Известия» и журнала «Новый мир» Иван Михайлович Гронский, который на старости лет вспоминал: «Содержание "Повести непогашенной луны", по словам Пильняка, было ему подсказано троцкистами — А. К. Воронским, К. Б. Радеком и В. В. Полонским. Последний напечатал ее, не согласовав с двумя редакторами — И. И. Скворцовым-Степановым и А. В. Луначарским. Этой повестью троцкисты намеревались нанести удар по руководству

партии. Частично это удалось. По поводу этой повести я беседовал с Радеком и Воронским, ссылаясь на устное заявление Пильняка в разговоре со мной. Оба они подтвердили правильность заявления Пильняка. Я назвал повесть Пильняка идеологической диверсией»^[266].

[Кстати говоря, очевидно, в том числе и из-за этого признания тоже, на Пильняка впоследствии скоординированно «наехали» сам «буревестник революции» А. М. Горький и зарубежная сионистская пресса. Совершенно внезапно, 24 июня 1931 г., Пильняк-Вогау попал «под обстрел» самой «тяжелой артиллерии», что тогда имела в писательской среде СССР. В опубликованной в тот день на страницах «Известий» статье «Об антисемитизме» Горький лично «припечатал» Бориса Андреевича, обвинив его в «...пассивно-толерантном отношении к крайним проявлениям антисемитизма». История практически мгновенно приобрела всемирный масштаб — Пильняк-Вогау в то время находился в США. Существовавшее тогда в Москве отделение Еврейского телеграфного агентства мгновенно направило депешу в Нью-Йорк с соответствующей информацией. Уже на следующий день — 25 июня 1931 г. — эту «информацию для заграницы» перепечатала сама «Нью-Йорк таймс», что в те времена было большой редкостью. А 5 июля скандал приобрел такие масштабы, что Пильняк-Вогау был вынужден подать письменный протест против выдвигаемых в его адрес обвинений в антисемитизме, в котором он попутно выражал свое «восхищение еврейским народом» и сообщил, что его бабушка тоже была еврейкой. Тут он слегка приврал. В действительности он происходил из рода обрусевших немецких колонистов, поселившихся в России еще во времена Екатерины II. В том, что это была специально и блестяще проведенная пропагандистская акция влияния, — никаких сомнений нет. Внезапность мощнейшего пропагандистского залпа «из орудия главного калибра» — статья Горького в главной государственной газете, четкая координация во всемирном масштабе, бешеная скорость проведения операции, изумительно точная стыковка «технологических этапов» операции, в том числе и смысловых оттенков — все это достойный глубокого изучения «почерк» еврейских организаций при проведении пропагандистских акций. Но вот ведь в чем суть дела. Борис Андреевич Пильняк-Вогау (1894 — 1937) ничем особенным не прославился. И если бы не эта повесть 1926 г., никто бы даже и не вспоминал о том, что был такой писатель. Повод же, из-за которого появились обвинения Горького — между прочим, он подводил Пильняка под статью УК, ибо тогда в СССР была предусмотрена уголовная ответственность за антисемитизм, вообще вызывает недоумение. «Великий пролетарский писатель» придрался к написанному еще в 1924 г. рассказу «Ледоход», которого сам Горький

знать не мог, ибо в то время он превосходно чувствовал себя под крылышком у фашиста Муссолини. В 1924 г. никакой реакции из-за этого рассказа не было. В 1929 г., когда этот рассказ был опубликован в составе собрания сочинений Пильняка-Вогау, также никакой реакции ни с какой стороны не последовало. И вот спустя два года — тяжелые обвинения Горького, да еще и со скандалом во всемирном масштабе, приуроченным к посещению Пильняком-Вогау Америки. Что случилось? Почему Горький своим «Великим «пролетарским чутьем» объехал самое известное «произведение Пильняка, но столь крепко ударил по неизвестному «Ледоходу», да еще и два года спустя после повторного выхода в свет, и к тому же приурочил сдой «наезд» к «пребыванию Пильняка в США? Заказ? Похоже. Горький всю свою жизнь изрядно грешил этим, оттого и боялся привезти свои архивы в СССР. Поднятая в 1931 г. из-за «практически неизвестного произведения шумиха — суть факта, свидетельствующего о чем-то очень сильном желании не просто обвинить Пильняка-Вогау, а именно же «проучить». Но тогда вопрос: а за что? А не за то ли, что, там, в Америке или как минимум накануне выезда, он где-то ненароком доболтался, возможно, не впервые, об истинной подоплеке написанной им пасквильной повести?!]

Как уже указывалось выше, в январе 1925 г. Михаил Васильевич Фрунзе сменил Троцкого на посту председателя РВС и наркомвоенмора. Отношения же между ними были давно и безнадежно испорчены в период Гражданской войны. «Бес» еще в 1920 г. беспочвенно обвинил Фрунзе в массовых грабежах, бонапартизме и едва не арестовал его с помощью своих людей в ЧК. В 1920 г. с подачи увязшего в фантастической нефтяной афере «Алгемба» Ленина «бес» пытался лишить Фрунзе наиболее боеспособной 4-й армии, приказав от имени вождя направить ее целиком на бессмысленное строительство никому не нужной одноименной железной дороги. В данном случае Троцкий использовал то обстоятельство, что отношения Фрунзе с Лениным также были испорчены еще с 1918 г., когда Михаил Васильевич выступил против преступных ленинских уступок по Брестскому договору. «Смена караула» на посту председателя Реввоенсовета СССР не прошла незамеченной на Западе — в том числе и ее имел в виду британский МИД, в панике написав, что Сталин переходит к политике с использованием «национальных инструментов»; в чем был прав, ибо сумел уловить глубинный смысл произошедшего в СССР: Фрунзе не только ощущал себя русским по национальности, хотя и был наполовину молдаванином, но и прежде всего державником, хотя и не во всем примыкал к Сталину, с которым у него, впрочем, были весьма неплохие отношения и который назначил ему в качестве заместителя самого Ворошилова. Возглавив РВС,

Фрунзе первым делом приступил к давно назревшей военной реформе, начав ее с резкого сокращения численности вооруженных сил — практически в 10 раз, с более чем 5 млн. человек до 500 с небольшим тыс. Одновременно резкому сокращению подвергся неимоверно разбухший за годы правления Троцкого в основном за счет его сторонников из числа прежде всего его соплеменников центральный аппарат РВС, наркомата по военным и морским делам, а также Штаба (тогда термин «Генеральный штаб» не использовался, вместо него использовали слово «Штаб» с большой буквы), наспигованный троцкистами. В книге израильского автора Арона Абрамовича — «В решающей войне» (Тель-Авив, 1982)— с документальной точностью показано, что сформированный Троцким за годы Гражданской войны командный состав РККА едва ли не на все 100 % состоял из его соплеменников и идеологических сторонников. Стоит ли после этого удивляться тому, что уже летом — в начале осени 1925 г. Фрунзе «удалось» трижды попасть в автомобильные катастрофы, вследствие чего он получил ушибы рук, ног и головы. Причем в третий раз — так и вовсе выпал из машины, в результате чего у него вновь открылось кровотечение язвы желудка. Летом того же года Фрунзе стал настойчиво добиваться назначения себе еще одного заместителя — Григория Котовского, легендарного героя Гражданской войны. Котовский еще со времен советско-польской войны воевал бок о бок со Сталиным и Буденным^[267]. То есть отчетливо наметилось формирование совершенно иного, в корне противоположного Троцкому и его стилю правления, военного триумvirата в лице Фрунзе, Ворошилова и Котовского. Все трое были смелыми, решительными, волевыми командирами, не пасовавшими перед трудностями, способными находить оригинальные решения самых сложных задач. Все трое, хотя и в разной степени, но тем не менее были «на короткой ноге» со Сталиным. Конечно, все они были разного интеллектуального уровня. Фрунзе, к примеру, был на несколько голов выше и Клим Ворошилова, и того же Котовского. Однако 5 августа 1925 г. Григорий Котовский был злодейски убит наемным убийцей, имя которого стало широко известно только после развала СССР — Мейер Зайдер. Котовцы, надо сказать, потом его ликвидировали, так как М. Зайдер на редкость дешево отделался: за убийство героя Гражданской войны он получил 10 лет по суду, из которых отсидел всего два. И уже в 1928 г. гулял на свободе (не исключено, что его специально выпустили досрочно в расчете на то, что в гневе котовцы сделают то, что было крайне необходимо подлинным заказчикам убийства Котовского). Потрясенный нелепой смертью своего друга и еще более нелепым следствием, которое вел Особый отдел, а военная контрразведка, к слову сказать, вплоть до 1931 г. находилась в

ведении Реввоенсовета, и там тоже было полно сторонников Троцкого, Фрунзе всерьез заподозрил неладное и затребовал в Москву все документы по расследованию убийства Котовского. Особенно же на Мейера Зайдера. Но тут его самого «заоперировали», и 31 октября 1925 г. в 5 часов 50 минут Фрунзе не стало^[268]. А теперь посудите сами — разве в интересах Сталина было разрушать такой удачный для него триумvirат в военном руководстве страны — триумvirат из авторитетнейших военных того времени, которые, как на подбор, все державники?!

В ноябре 1925 г. начальником Штаба РККА стал только что вернувшийся из Германии Михаил Николаевич Тухачевский — самый что ни на есть «питомец» Троцкого. Кстати, не без содействия Троцкого он и выехал в Германию на стажировку. Очевидно, то был очередной своеобразный «крючок», на который Троцкий и подвесил Тухачевского. Впоследствии в своих собственноручных показаниях следствию Тухачевский писал, что именно в 1925 г. у него были установлены отношения с немцами, то есть когда он находился в официальной командировке в Германии в рамках военного сотрудничества между рейхсвером и РККА, что, конечно же, было ложью. Эти отношения у него были установлены еще в период пребывания в плену. В 1925 г. тевтоны просто определились наконец, как с ним работать — ведь он уже занимал немалый пост, а по возвращении и вовсе стал главой Штаба. Однако в Германию-то он уезжал с поста помощника М. В. Фрунзе, который с января 1925 г. был председателем РВС, наркомвоенмором и начальником Штаба РККА. А следовательно, имел доступ ко всей разведывательной информации, поступавшей на имя Фрунзе от военной разведки. Между тем еще до подписания Локарнских соглашений было очевидно, что речь идет о подготовке Англией вооруженного нападения на СССР при активном использовании Германии. В отношении его страны и государства, за создание которого он расстрелял стольких невинных людей, замышляется очень недоброе, фактически начался первый этап подготовки к будущей агрессии, в том числе и при активном использовании самой Германии, а Тухачевский «устанавливает отношения с немцами». Выходит, что «гениальный стратег» решил заблаговременно перевернуться на сторону будущего агрессора. А с чего бы это?! Не с того ли, что на этот раз прислушался к рекомендациям Троцкого, взметнувшего его на самый Олимп военной иерархии?! При указанных выше исходных данных оснований для иных выводов не остается. Ведь о том, что в рейхсвере все, начиная с самого «идеолога» содружества двух армий генерала Г. фон Секта, отчаянно ненавидели и коммунистов, и социалистов, и большевиков, и Советы, Тухачевскому было прекрасно известно, ибо информация на эту тему

проходила и по разведывательным каналам. Следовательно, пойдя на «установление отношений с немцами», он уже тогда не являлся «борцом за народное счастье». А ведь по возвращении из Германии он был назначен начальником Штаба. В итоге получилось, что едва только Запад выпустил «дух войны» на свободу, как планирование военных операций в СССР возглавил ставленник Троцкого.

§ 5/2. Когда же это было осуществлено, то уже для самого Троцкого прозвучал сигнал прибыть за границу для «консультаций». 5 января 1926 г. лондонская газета «Морнинг пост» опубликовала наглое письмо одного из самых могущественных людей Запада того времени, международного нефтяного «короля» и члена Комитета 300 — сэра Генри Детердинга. Открыто сообщив в нем, что уже идет активная подготовка к новой военной интервенции против Советской России — эх, как быстро-то, еще и чернила в тексте Локарнских соглашений не просохли, а лауреаты Нобелевской премии мира еще не пропили свои премии, — он писал: «Через несколько месяцев Россия вернется к цивилизации, но при новом и лучшем правительстве, нежели царское. С большевизмом в России будет покончено еще в текущем году; а как только это совершится, Россия вернет себе кредитоспособность в глазах всего мира, она откроет свои границы для всех, кто пожелает работать. Деньги, кредиты, а главное, труд в избытке придут на помощь России»^[269]. «Беса» тут же понесло в зарубежный вояж. На редкость «своевременно», да еще и в срочном порядке у него появилась, как он сам же впоследствии указывал в книге «Моя жизнь»^[270], «загадочная температура», происхождение которой «московские врачи никак не могли объяснить». Потому, «естественно», он решил выехать на лечение в частной берлинской клинике. В апреле 1926 г. — вот ведь какая «загадочная температура» была, продержалась до тех пор, пока не была получена «виза» — он выехал на лечение в Германию. Слово «виза» поставлено в кавычки не случайно. На самом-то деле в Германию он выехал почему-то нелегально, что было очень странно. Странно, во-первых, потому, что в то время Троцкий возглавлял Главконцеском, через который в СССР поступали «иностранные инвестиции» для еще существовавшей тогда политики НЭПа. Соответственно его хорошо знали за рубежом, не говоря уже о том, что по известности и узнаваемости он вообще был на одном уровне с Лениным еще со времен «революции». Во-вторых, потому, что он выехал в Германию нелегально, но... в сопровождении как жены, так и полностью расшифрованного перед зарубежными спецслужбами ответственного сотрудника советской разведки и Коминтерна — Исидора Вольфовича Мильграма^[271]. Между тем в недалеком тогда прошлом Мильграм был

ответственным работником разведки Западного фронта (во время наступления последнего на Польшу), которым командовал Тухачевский. В-третьих, в Германии он пребывал с апреля по октябрь — вот ведь какая «загадочная температура» была у «беса», что даже тевтоны и то не сразу распознали и вылечили «болезнь». В-четвертых, не менее странным было и появление Мильграма в Берлине. Туда он выехал сразу после освобождения из-под стражи в греческой контрразведке, куда угодил в декабре 1925 г. по обвинению в деятельности, несовместимой со статусом дипломата, хотя являлся сотрудником полпредства СССР (в Греции он работал под дипломатическим прикрытием), и где просидел целых три месяца. С кем конкретно встречался Троцкий в Германии — точно неизвестно, хотя кое-какие достаточно обоснованные предположения сделать можно: Известно только, что все его контакты осуществлялись через полпреда СССР Н. Н. Крестинского — ярого сторонника «беса». Крестинский же по долгу службы открыто контактировал со всеми наиболее заметными и влиятельными представителями различных кругов Германии. Между тем как до нелегального «визита» «беса» в Германию, так и особенно в период его пребывания там, а также всего год спустя, произошли чрезвычайно многозначительные события. Настолько многозначительные, что даже при самом беглом и поверхностном их анализе становится совершенно очевидным, как самостоятельно и автоматически они выстраиваются в единую цепь жестко логически увязанных между собой событий, замыкающихся непосредственно на указанную выше цель, ради которой Троцкий запустил фальшивку с «завещанием вождя» в международный оборот.

В декабре 1925 г. в парижском ресторане «Ля рюс» «за «рюмкой чая» состоялся первый слет международных негодяев, поставивших себе целью вновь устроить России (СССР) очередную кровавую баню из войны и «революции», в котором приняли участие:

— знаменитый своей крайней неразборчивостью в средствах британский нефтяной «король», глава знаменитого нефтяного концерна «Ройял Датч Шелл», международный финансист и авантюрист, член Комитета 300, голландец по происхождению, но подданный Их Британских Величеств (а заодно и нидерландских, потому как имел двойное подданство), «Наполеон по смелости и Кромвель по тщательности в проведении задуманных им планов» (характеристика британского Адмиралтейства) — сэр Генри Вильгельм Август Детердинг;

— владельцы крупных пакетов акций кавказских нефтепромыслов братья Нобели — Эмануэль, Людвиг и Роберт;

— германский генерал Макс Гофман — тот самый, что вел переговоры с делегацией Ленина о сепаратном мире;

— двойной — англо-германский — агент Георг Эмиль Белл (выполнял деликатные разведывательные поручения сэра Детердинга и британской разведки, а заодно и фашистского политического объединения «Флаг Рейха») и другие.

Рядом со столь солидными хотя бы внешне лицами на весьма почетных за столом местах сидела и откровенно уголовная падаль. Главари национально-демократической партии грузинского эмигрантского отребья в Европе Спиридон Кедиа и закоренелые уголовники с громадным стажем преступной деятельности (еще в царской России были приговорены соответственно к смертной казни и 12 годам строгого тюремного заключения за фальшивомонетничество, но, к сожалению, сбежавшие с этапа и поселившиеся во Франции), якобы «серьезно пострадавшие от советской власти» (когда «пострадать»то успели, если сбежали из царской России?!), Шалва Карумидзе и Василий Садатирашвили^[272]. С «пламенной» речью к собравшимся подонкам обратился давно свихнувшийся на «идею, что ничто в мире не сможет совершиться, пока силы Запада не объединятся и не повесят советское правительство», хорошенько побитый еще в Первой мировой войне генерал Макс Гофман (слава Богу, ему недолго оставалось бегать — уже летом 1927 г. скоропостижно «откинет ласты»): «Объединенные державы, Франция, Англия и Германия, должны своей совместной военной интервенцией свергнуть советское правительство и восстановить экономически Россию в интересах английских, французских и германских экономических сил. Ценным было бы участие, прежде всего экономическое и финансовое, Соединенных Штатов Америки. При этом были бы обеспечены и гарантированы особые экономические интересы Соединенных Штатов в русской экономической области». «Знаток», однако... как надо было материализовать «дух Локарно»/«дух войны». Затем аналогичной по смыслу речью разразился старший Нобель, суть которой была в следующем: использование германской армии для освобождения Грузии из-под «советского гнета»! Ну, а сэр Детердинг далее объяснил всем, на кой хрен нужно «освобождать от советского гнета» какую-то Грузию, которую он и на карте-то не мог отыскать — оказывается, ему не нравился «наглый захват Советами» главных нефтяных месторождений в Закавказье и на Кавказе. В итоге вся эта сволочь постановила, что необходимо создать специальный комитет по освобождению Грузии и разработать план по «освобождению Грузии от советского гнета». Основной идеей последнего должен был стать захват прилегающей к горам Кавказа территории, с плацдарма которой «очистить от Советов» уже весь СССР! То есть

«освобождение» Грузии от «советского гнета» задумывалось ими как захват необходимого плацдарма для последующей широкомасштабной военной интервенции против СССР!

Это была откровенная попытка умышленной «реинкарнации» еще в августе 1924 г. подавленного под руководством С. Могилевского и Л. Берия «восстания» в Грузии, которое было инспирировано непосредственно Троцким и его сторонниками — Мдивани, Окуджавой (отец Булата Окуджавы), Кабахидзе, Ломинадзе и т. п. предателями грузинского народа. А сама эта попытка «восстания» была прямым «наследием» так называемого грузинского инцидента. Истоки «грузинского инцидента» восходят к кануну XII съезда (апрель 1923 г.). Эксплуатировавший тогда в борьбе со Сталиным и партией тезис о борьбе с бюрократией Троцкий почувал, что на одной только этой критике далеко не уедешь. И одновременно с ней запустил в дело карту «грузинского инцидента». Его суть в следующем. Одно «горячее лицо кавказской национальности» — Серго Орджоникидзе — в силу присущего ему «великодержавного русского шовинизма» крепко заехало в ухо другому «горячему лицу кавказской национальности» — Акакию Кабахидзе. А тот, оказывается, был «верным ленинцем»?! А Серго, значит, нет?!

Историк, доцент МГУ В. А. Сахаров отыскал подлинные свидетельства двух очевидцев склоки: Рыкова (тогда члена Политбюро ЦК РКП(б) и члена Центральной Контрольной комиссии Компартии Грузии Ртвиладзе. Оказалось, что осенью 1922 г. в Тифлисе, на квартире Орджоникидзе, где все и разыгралось, шел поначалу самый безобидный разговор, в котором участвовали трое вышеназванных и Акакий Кабахидзе. В конце концов он стал горько сетовать, что материальное положение рядовых партийцев и сейчас не поправилось, зато товарищ Серго за казенный счет содержит лошадь, на которой и разъезжает по делам. То была обычная базарная склока: мы, мол, революцию делали, кандалами гремели, кровь проливали и вынуждены теперь шлепать пешком по грязи. А зажавшийся товарищ Серго на лошадке разъезжает как старорежимный князь. За что боролись?! И это все, из-за чего возник конфликт! Ни словечка о Сталине и его методах работы! Сыр-бор разгорелся из-за несчастной лошади, которая была не роскошью, а средством передвижения. С. Орджоникидзе занимал видные посты, у него было немало серьезных и важных дел, как тут без лошади? Серго сгоряча заехал товарищу Акакию в ухо, тот дал сдачи. Присутствующие, при поддержке жены Рыкова, кое-как их растащили, попросили Акакия уйти по-хорошему, а Серго долго успокаивали. Это все, что тогда произошло! Но Кабахидзе кинулся жаловаться: «Старого большевика до смерти убивают!» Хотя «инцидент» и яйца выеденного не

стоил. Хуже того. Кабахидзе стал кляузничать, а грузинское руководство раздуло этот мелкий инцидент до небес — у них тогда шла долгая и ожесточенная склока с Москвой, а тут уж всякое лыко было в строку. Комиссия из Москвы ездила в Тифлис. Но Сталина там и близко не было: послали Дзержинского, Мануильского и Мицкявичюса-Капсукаса. Они быстро разобрались, что имеют дело с форменной ерундой без малейшей политической подоплеки, — так и доложили, вернувшись.

[Сталина действительно и близко-то не было рядом с этим «инцидентом». Если исходить из существующего на эту тему мифа, то Дзержинский якобы докладывал Ленину итоги своего разбирательства 12 декабря 1922 г., после чего-де Ленин на 14 декабря запланировал продиктовать письмо по национальному вопросу — об образовании СССР, а 30 и 31 декабря продиктовал записки «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», в которых возложил политическую ответственность за «грузинский инцидент» на Сталина, имея в виду допущенные им серьезные ошибки великодержавного характера и отсутствие беспристрастия в расследовании дела. Однако ни того, ни другого «вождь» сделать не мог, действительно не делал и уж тем более не планировал делать! Потому что, во-первых, с 6 декабря 1922 г. его изолировали в Горках под предлогом необходимости покоя. Правда, и во-вторых, 12 декабря он попытался вернуться в Кремль и что-то искал в ящиках своего стола и сейфа. Внезапно примчавшись из Горок в Кремль, Ленин 12 декабря ни с кем не встречался и не беседовал, а напрямик проследовал в свой кабинет. Однако уже 13 декабря 1922 г., опять-таки под предлогом «предписания о полном покое», «вождя» вновь изолировали в Горках — в этот день у него опять случились обмороки — предвестники паралича, а 16 декабря его вновь разбил паралич — еще более сильный, чем первый. И вот абсолютная дурь миротворцев в том и состоит, что они увязали доклад Дзержинского Ленину именно с этой датой — 12 декабря 1922 г. Дурь потому, что эта дата — единственный шанс утверждать, что-де Ленин еще до паралича ознакомился с материалами расследования так называемого грузинского инцидента. Дурь также еще и потому, что «вождь», когда пребывал в относительном здравии, никогда не занимался планированием своей писанины — если ему что-то казалось особо актуальным, он просто садился и писал то, что считал нужным, а не диктовал. Однако же в самую первую очередь это дурь именно потому, что вырубленный из политической жизни и к тому же разбитый параличом «вождь» уже не мог противостоять плану Сталина об автономизации — ведь в декабре 1922 г. завершался процесс образования СССР. А Ленин, Троцкий и К° не оставляли своих намерений по расчленению России даже в

виде будущего союза республик за счет протаскивания в Конституцию «права наций на самом»отделение» и соответственно права республик на выход из состава Союза в противовес сталинскому плану создания унитарного государства с культурными автономиями. И Ленин, и Троцкий прекрасно понимали, что сила логики тогдашних событий объективно склоняется в пользу сталинского плана, и потому предпринимали отчаянные усилия не только для того, чтобы не допустить победы сталинской позиции, но и в надежде всего для того, чтобы оставить необходимые им лазейки для развала и расчленения уже неминуемо образующегося союза. Ведь, по сути-то дела, они так и не выполнили своего основного задания — расчленив бывшее имперское тело державы на множество мелких кусков, чтобы Запад мог бы их «экономически утилизировать». Сейчас мало кому известно, что Ленин еще с начала 20-х гг. открыто перешел к поддержке «национал-коммунистических» сепаратистов (тогда их еще называли «национал уклонистами»). И в этом смысле весьма примечательно обращение известного грузинского писателя-демократа Константина Гамсахурдия (отца первого президента Грузии после развала СССР — Звиада Гамсахурдия), который со страниц грузинской прессы еще в 1921 г. обратился с открытым письмом к Ленину, где, в частности, писал следующее: «... Политически между нами небольшое расстояние, если правда, что вы браните некоторых коммунистических "русонетов"^[273], которые под красным коммунистическим флагом делают великодержавную, собирательную политику России». То есть К. Гамсахурдия фактически открыто признал, что Ленин был настроен яростно против воссоздания единой России, демагогически прикрывая свою позицию обвинениями в несуществующем великодержавном шовинизме в адрес ближайших соратников! И при образовании СССР была протащена точка зрения Ленина. Сталин тогда еще не имел достаточных сил, чтобы открыто противостоять ей и проводить свою, куда более трезвую, построенную на объективном учете реалий национально-государственную политику.

Но даже этого Троцкому показалось мало, и атака на базе «грузинского инцидента» была продолжена опять-таки с помощью фальшивки. 5 марта 1923 г. «вождь» якобы обратился к Троцкому с записочкой, в которой говорилось: «Я просил бы вас очень взять на себя защиту грузинского дела в ЦК партии. Дело сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастия. Даже совсем напротив». Здесь все ложь — документально установлено, что Сталин не имел отношения к разбирательству этого дела, этим занимались Дзержинский, Мануильский

и Мицкявичюс-Капсукас. Если бы Ленин действительно встречался с Дзержинским, то тогда он точно знал бы, что Сталин в работе этой комиссии не участвовал. И обратите внимание на то, как ломали комедию: всякий раз, как только «вождя» разбивал паралич, он, как бы предчувствуя оный, «успевал надавать много ценных указаний» против Сталина! Ведь у этих «козлов» хватило ума датировать якобы имевшую место беседу Дзержинского с «вождем» 12 декабря 1922 г., то есть за несколько дней до того, как его хватанул второй сильный «кондратий», а записочку Троцкому — 5 марта 1923 г., т. е. за два дня до третьего сильного «кондратия». Ложь буквально во всем, и вина Крупской в этом не меньше, чем вина «беса». «Бес» же, в свою очередь, прекрасно понимал, что, даже располагая такими фальшивками, заранее их использовать нельзя, так как обман вскроется. И то, что это был обман, фальшивка — действительно заподозрили уже тогда. В решении Президиума XII съезда РКП(б) от 18 апреля 1923 г. четко указано, что «записки» Ленина были представлены лишь накануне съезда — 16 апреля, а затем, очевидно, всего лишь отдавая дань уважения статусу «вождя», но явно не ему самому, записали: «Президиум XII съезда РКП констатирует, что записка т. Ленина по национальному вопросу стала известной ЦК только накануне съезда, совершенно независимо от воли кого-либо из членов ЦК, а лишь в связи с отданным т. Лениным распоряжением и с ходом его болезни». За этой мутновато-невразумительной формулировкой скрыто отчетливое понимание Президиумом съезда того обстоятельства, что Троцкий и К^о умышленно пошли на провоцирование «эффекта внезапно разорвавшейся бомбы», и, как и следовало бы ожидать тому же «бесу», он весьма увесисто получил по сопатке. Единственное, чего не знал ни съезд, ни Президиум съезда, ни в том числе Сталин, так это того, что «бес» уже в это время начал активную игру другими «козырями» в целях подготовки условий для захвата власти. А эти «козыри» были:

— подготовка сепаратистского восстания в Грузии — впоследствии, когда он, видите ли, «ощущал всем своим существом свою историческую правоту» (слова самого Троцкого из его «Моя жизнь»), валяясь на каком-то балконе в Сухуми, его «правота» отливалась в различные формы провокации этого «восстания», которое и состоялось в августе 1924 г., но было сорвано решительными действиями Закавказского ОГПУ, прежде всего Грузинской ЧК;

— подготовка к политической ликвидации Сталина как генсека. «Бес» первым понял, что, вынужденно уступив якобы ленинской позиции в вопросе о национально-государственном устройстве Союза, Сталин сделает ставку на партию и ее аппарат как на главную в тот момент силу,

способную всерьез сцементировать только что созданный СССР. А если не удастся политическая ликвидация, то подготовить и физическое устранение Сталина. Именно этому и было посвящено «пещерное совещание» подельников Троцкого во главе с Зиновьевым и Бухариным.]

Что же до упомянутой выше склоки, из-за которой всякое лыко было в строку, то речь вот о чем. В то время в Грузии свирепствовал «национал-уклонизм» или, проще говоря, националистический сепаратизм. Его идеологами были Мдивани, Кавтарадзе, Цинцадзе, Окуджава (отец записного «демократа» Б. Окуджавы). Как могли, они оттягивали предоставление автономии Южной Осетии, Аджаристану и Абхазии. Мдивани, в частности, положил немало трудов, чтобы вывести Цхинвали из состава Осетии, поскольку, по его глубокому убеждению, это был исключительно грузинский город, а осетинам в качестве столицы подойдет и деревенька поплоче.

Они стремились создать на территории Грузии заповедник феодально-царских порядков и даже продолжали драть с крестьян царские налоги. Препятствовали любым социалистическим преобразованиям. На полном серьезе намеревались создать на территории Советского Союза, в который входили, свою собственную микросверхдержаву, изолированную от всей остальной страны. Закрыли границы, объявив, что отныне на территорию Грузии не допускаются «беженцы», то есть все, кто возымел желание туда переехать. Грузия предназначалась исключительно для грузин. В марте 1922 г. за подписью Махарадзе (как председателя ЦИК) и Окуджавы (зам. предсовнаркома) разослали всем примыкающим республикам и областям обширную телеграмму-манифест, подробно разъясняющую все правила введенной Грузией самоизоляции. Там же декларировалось, что отныне грузинское гражданство теряет всякая грузинка, рискнувшая выйти замуж за «иностранца». А затем и вовсе начали «разгрузку» Тифлиса — от «иногородцев», в первую очередь от армян (с которыми меньшевистское правительство Грузии в свое время развязало нелепую и бессмысленную войну), которых под конвоем вели на вокзал, сажали в вагоны для перевозки скота и вывозили за пределы Грузии. Они отказывались входить в состав так называемой Закавказской федерации и даже внесли проект ликвидации РСФСР! Точнее говоря, проект «немедленного перехода к системе разложения РСФСР на составные части, превращение составных частей в независимые республики». Все это им сильно припомнили на XII съезде партии. Но это всего лишь верхушка айсберга.

Подлинная подоплека всех этих закидонов заключалась в том, что они добивались денационализации и передачи в концессию американской «Стандарт Ойл» батумского нефтепровода. Благодаря ему еще до Первой

мировой Батуми стал основным портом, через который шло 88% экспорта бакинской нефти и керосина из России, то есть 80 млн. пудов, или 1,280 млн. т. С 1922 г. подставные компании знаменитой «Стандарт Ойл» начали поставки турбобуров в Баку для увеличения добычи нефти, а сама «Стандарт Ойл» нацелилась на захват батумского нефтепровода концессионным путем. До Первой мировой войны Баку давал свыше половины сырой нефти, добывавшейся во всем мире, а батумский нефтепровод являлся чуть ли не самым главным в поставках жидкого топлива на мировой рынок. После образования СССР на долю этих нефтяных слагаемых приходилось свыше 20 % крайне скудного тогда советского экспорта. Вот чем и был вызван грузинский сепаратизм в своей основе. К этому надо добавить еще и марганец, который царская Россия поставляла в объеме 52 % от всего мирового экспорта, причем примерно миллион тонн, или 76 % российского экспорта марганца, давало месторождение в Чиатуре (Грузия). К моменту советизации Грузии добыча марганца была нулевая — ну что еще можно ожидать от дерьмократов вне зависимости от их национальности?! Однако уже при большевиках, в 1923 г., добыча с нуля возросла до 320 тыс. т, так как в соответствии с политикой НЭПа концессия на разработку Чиатурского месторождения была отдана американской компании «У. А. Гарриман Компани».

Раздувая «грузинский инцидент», Троцкий и К° стояли на защите интересов американского капитала, перед которым у них, в частности, были большие долги — ведь они ничего толком не отработали для американцев. Отсюда и подготовка сепаратистского восстания, в проблему которого из-за острых конкурентных разногласий затем вмешался основной соперник-«союзник» рокфеллеровской «Стандарт Ойл» — британский нефтяной «король» Генри Детердинг, скупивший у бывших нефтевладельцев Манташевых, Нобелей, Лианозовых и других их акции нефтепромыслов. Таким образом, подоплека восстания, не говоря уже о подоплеке «национал-уклонизма» всех этих партай-генацвали, была англо-американской. Во всех случаях Троцкий и К° действовали в интересах именно этих группировок международного капитала. И в этой связи возникают следующие, даже ретроспективно крайне острые вопросы.

1. Почему, как свидетельствует У. Черчилль, именно в 1924 г. Каменев и Троцкий настойчиво предлагали главарю эсеровских бандитов — Борису Савинкову — вернуться в Россию, ставшую уже СССР?!

2. Почему Савинков и его эмиссары еще до того, как их арестовали чекисты, проявляли громадный интерес к так называемым кавказским партизанам?!

3. Почему понадобилось ломать комедию (и комедию ли вообще?) перед одним из савинковских эмиссаров — перед ним разыграли фарс с показом этих самых «партизан» (их роль исполняли переодетые чекисты Северного Кавказа)?!

4. Почему должно было произойти столь уникальное совпадение — нелегальный переход советской границы Савинков осуществил именно в ночь с 15 на 16 августа 1924 г., то есть в тот самый момент, на который первоначально и планировалось «грузинское восстание»?!

5. Почему именно на 1924 г. приходятся массированные сообщения о «заговоре в Кавказской армии», а в марте 1924 г. в полпредство СССР в Париже пришел впоследствии ставший очень ценным агентом советской внешней разведки бывший царский генерал П. П. Дьяконов, который с порога выложил информацию о военном заговоре против СССР?!

И при этом, хотя и забегая вперед, придется ставить и вопрос об операции «Трест», плавно перешедшей в «Синдикат-2»: почему должно было случиться именно так, что центр тяжести вышеупомянутых совпадений приходится на операцию «Трест»?! Какую же роль в действительности она играла, если иметь в виду вышеотмеченные совпадения?! Правда, при всех этих совпадениях, свидетельствующих о подготовке Троцким со товарищи восстания в Грузии и военного переворота в СССР, тогда вышла небольшая неувязочка. Явно не ведавший о подлинных замыслах московских коллег, но особенно Троцкого, молодой, энергичный и талантливый чекист, заместитель председателя Грузинской ЧК Лаврентий Павлович Берия аккуратно 15 августа 1924 г. прихватил нового (предыдущие уже сидели в кутузке и давали показания) командира «Народной гвардии» (военный центр Комитета по организации восстания) Велико Джакели. Берия заставил В. Джакели написать покаянное письмо к сторонникам с призывом отказаться от борьбы с советской властью ввиду ее полной бесперспективности. Совпадение дат арестов этих деятелей, к тому же с учетом того, что и Савинкова использовали в аналогичной пропагандистской акции, вновь побуждает обратиться с тем же вопросом к истории операций «Трест» и «Синдикат-2»: так чем же они и в самом-то деле были при таком раскладе фактов?! И прежде всего в том смысле, что не после ли получения информации Грузинской ЧК об аресте руководителя военной организации планировавшегося восстания под руководством меньшевиков у этих операций резко изменился характер — они стали чисто контрразведывательными?! А до этого — операции прикрытия по подготовке восстания в Грузии и военного переворота в СССР?! Так, что ли, должно выходить?! К постановке такого вопроса обязывает то обстоятельство, что коли Грузинская ЧК арестовала главаря военной части

восстания, о чем, естественно, немедленно сообщила в Москву, как, впрочем, и о том, что вот-вот прихлопнет также и само восстание, то у тех, кто руководил операциями «Трест» и Синдикат», явно мгновенно возникла потребность в немедленном изменении их характера! Иначе просто очень трудно объяснить это резкое изменение. Тут вот ведь в чем все дело-то. Судебный процесс по делу Савинкова состоялся через 11 дней после его перехода границы и ареста. 27 — 29 августа 1924 г. в Военной коллегии Верховного Суда СССР проходили судебные слушания по его делу. И 29-го его уже приговорили к расстрелу. Правда, в тот же день заменили высшую меру на 10 лет лишения свободы, что не менее странно. Между тем восстание в Грузии после ареста В. Дзакели было перенесено как раз на 29 августа! И тогда возникает еще более неприятный вопрос: а не поторопились ли славные чекисты устроить суд над Савинковым?! Ведь он же знал столь много, что его можно было непрерывно допрашивать в течение не менее года! Артузов же управился всего за 11 дней?! И тут же суд, а на суде — всего-то трехдневном — смертный приговор?! Уж больно это смахивает на попытку обрубить все концы. Но еще более странна замена высшей меры на 10-летнее тюремное заключение. Для каких еще целей он понадобился?! Что, нельзя было подробно допросить и лишь потом тащить в суд?! Или, быть может, имел место расчет на успех восстания?! Если говорить принципиально, то не выходит ли следующее. Поскольку волею случая, но, по сути-то, вследствие чекистского мастерства Берии и его начальника Кванталиани, а также Могилевского был обрублен «грузинский конец» как восстания, так и военного переворота, кое-кто в Москве тоже решил обрубить все концы того, что явно напрашивалось своей бросавшейся в глаза взаимосвязью. Но при этом оставил небольшую возможность, в случае необходимости, дать задний ход?! Кстати говоря, очень поразительное своей странностью совпадение — именно в 1924 г. неизвестно по чьему письменному указанию из операции «Трест» было выведено имя Тухачевского, которое ранее легендировалось, как имя руководителя военной части монархической организации! Наконец, почему географическим центром восстания был определен именно г. Чиатуры?! То есть тот самый центр марганцевого месторождения, о значении которого в мировой добыче марганца говорилось выше и на который, как, впрочем, и на другие богатства России американский капитал положил глаз, едва только свершился «октябрьский переворот». К 1924 г. концессией на разработку Чиатурского месторождения уже владела фирма Гарриманов! А ведь за интересы американского капитала в России (СССР) отвечал лично Троцкий!

Попытка «беса» в координации со своими западными покровителями «реинкарнировать» так называемый «грузинский инцидент» в виде «восстания» провалилась. Оно оказалось на редкость неподготовленным и трусливым — «повстанцы» не продержались и полдня со своим Временным правительством, которое должно было пригласить войска западных стран «на защиту» Грузии от Советов. К концу 29 августа 1924 г. Могилевский, Кванталиани и Берия уже широко распахнули двери «гостеприимных» камер Грузинской ЧК для «повстанцев», определив подавляющую их часть на казенный постой. Даже столь беглое перечисление фактов исключает какую-либо вероятность случайных совпадений — уж слишком явно, что это цепь взаимосвязанных событий, хотя и провалившихся в итоге.

Но не менее явно и то, что одним из звеньев в этой цепи было внезапное назначение Тухачевского заместителем начальника Штаба РККА и в тот же день еще и и. о. начальника Штаба! Без каких-либо видимых на то причин. Кратковременное отсутствие Фрунзе, на котором и лежало руководство Штабом, — не причина, из-за которой делаются такие назначения! Тем более что оно почему-то произошло менее чем за месяц до первоначального срока восстания меньшевиков в Грузии — 18 июля 1924 г., а само восстание сначала было назначено на 15 августа 1924 г.! После этого назначения Тухачевский зачем-то зачастил в Западный военный округ, куда опять были назначены его люди! То есть не должно ли выходить так, что в обмен на серьезное повышение Тухачевский летом 1924 г. дал «бесу» согласие стать, наконец, его «шпагой» для осуществления военного переворота, в том числе и с использованием верных ему командиров Западного округа и вверенных им частей в момент, когда вспыхнет восстание в Грузии?! От Смоленска-то, где тогда находился штаб Западного военного округа, до Москвы — рукой ведь подать. То есть выходит, что военный переворот при активном участии Тухачевского намечался уже тогда. И было бы весьма нелогично предполагать, что к 1937 г. Тухачевский остепенился... — не той он породы был. Такие наклонности с возрастом не исчезают...

Однако все попытки Троцкого весьма последовательно проваливались. Сила событий, но особенно же сила логики событий явно не без удовольствия демонстрировала, что она-то на стороне Сталина, даже невзирая на все его социалистические термины и речи. Таким образом, очевидно, что публикация упомянутого выше письма Детердинга не была вздорным экспромтом зарвавшегося нефтяного «короля» — он знал, что и почему делает. Как, впрочем, и «срочно заболевший загадочной температурой» Троцкий, который стал добиваться разрешения на выезд за границу. А пока он был занят этим, «комитетчики по освобождению

томящейся под советским гнетом» Грузии в расширенном составе собрались на берлинской квартире М. Гофмана в феврале 1926 г. На этот раз негодяев набралось уже 30 «человек», включая и некоторых представителей парламентской сволочи Германии. Появились в этой банде и связанные с нацистами лица: отставной капитан третьего ранга и уже матерый бандит-убийца Герман Эрхард — непосредственный организатор убийства Вальтера Ратенау, и некто д-р Ойген Вебер — якобы меценат, а на самом деле подставная фигура, через которую финансировалось связанное с нацистами Движение зарубежных немцев. Оба являлись единомышленниками М. Гофмана. С лихвой обмыв очередную встречу шнапсом, собравшиеся решили продолжать свои усилия по освобождению «несчастной» Грузии.

Следующая встреча этих тварей произошла уже в мае в Гааге и под руководством самого Детердинга. Тогда же было провозглашено, что-де «с большевизмом в России будет покончено еще до конца этого года (т. е. 1926 г. — А. М.); после этого Россия будет пользоваться доверием во всем мире. Для каждого, кто будет готов к сотрудничеству, она откроет свои границы. Деньги, кредиты и, что еще важнее, заказы рекой потекут в Россию». А уже в июне 1926 г., по данным советской разведки, в Иондоне состоялась секретная, формально англо-германская, а в действительности весьма представительная международная конференция, преследовавшая цель организации вооруженного нападения на СССР объединенными силами Запада, прежде всего Великобритании, Франции и Германии в целях его уничтожения, расчленения и возобновления грабежа его национальных богатств. В работе конференции приняли участие: от Великобритании — заместитель министра иностранных дел по разведке Майлз Локкер-Лэмпсон и нефтяной «король» Генри Детердинг, от Германии — ярый «западник» и отъявленный русофоб, ставленник наиболее реакционных кругов экономической элиты Веймарской Германии генерал Макс Гофман, германские политики прозападной ориентации — фон Клейст и фон Курсель. Кроме того, присутствовали также и некоторые влиятельные мерзавцы из Болгарии, Польши, Румынии, Чехословакии и даже Турции и Ирана, а также лимитрофная падаль в лице прибалтийских «баронов». Присутствовал даже какой-то потомок Наполеона — Георг фон Лейхтенберг. Этот и вовсе разразился посланием на имя конференции, в котором утверждал, что-де «будущий военный поход на Россию (СССР) имеет наиважнейшее значение для политического и экономического роста стран Западной Европы!» Пример незадачливого прародителя» ему, естественно, не впрок!

Конференция утвердила также и англо-германское соглашение. Его суть сводилась не только к призыву о всяческом как политическом, так и

финансовом содействии вторжению германской армии на Украину и Кавказ с тем, чтобы эти территории попали бы под свободный» гнет Англии и Германии, но и к планированию целого ряда соответствующих подрывных мероприятий. Согласно протоколу конференции, вся эта сволочь гуртом выразила большое желание принять участие в сборе средств для финансирования крупномасштабного военного нападения на Россию (СССР). Детердинг до того разошелся, что расщедрился, правда на словах, аж на целый миллиард марок для этих целей. Однако потом, судя по всему, передумал, так как ему — одному из крупнейших воротил мирового бизнеса того времени — очевидно, больше понравилась сравнительно дешевая затея грузинских уголовников напечатать фальшивые советские деньги (тогда еще в обороте находились обеспеченные золотом червонцы). «К несчастью» для всей этой падали, сэр Детердинг страдал словесным «энурезом». Он во всеуслышание ляпнул, что-де Россия «в данный момент стоит на пороге инфляции». В СССР это его заявление заметили. Расследовав все с помощью заграничной агентуры, ОГПУ вскоре подкинуло соответствующие материалы германской полиции, которая повязала всю эту шайку международных подонков именно на фальшивомонетничестве. Устроив затем вселенский скандал, совместными усилиями чекистов и дипломатов заставили германское буржуазное правосудие усадить мерзавцев на скамью подсудимых, а затем и за решетку.

Трудно однозначно сказать, «консультировал» ли Троцкий этих негодяев, но то, что не обошлось без его влияния, — это абсолютно точно. Потому что когда спустя несколько лет советская разведка предала гласности выработанный на этой конференции план нападения на СССР и его конечные цели, то его содержание четко свидетельствовало о том, что без «знаний» Троцкого дело не обошлось. Слишком уж резко выпирал из этого плана «кавказский акцент» — такую ярко выраженную ставку на подрывные элементы на Кавказе и в Грузии могли сделать только с подачи Троцкого^[274]. В Москве прекрасно поняли причину созыва этой конференции. Ведь за два месяца до нее — 24 апреля 1926 г. — был подписан договор о нейтралитете и ненападении между СССР и Германией, взбесивший тогда и официальный Лондон, и всех германских «западников», выразителем настроений крайних «ультра» среди которых и был генерал М. Гофман. Ставший звонкой ответной пощечиной Кремля Западу за подписание Локарнских соглашений 1925 г., договор явился результатом совместных усилий Москвы и наиболее трезво мыслящей части политической, экономической и особенно военной элиты Германии того периода, прежде всего генерала Г. фон Секта.

Кстати, хитроумного «беса» именно потому так одолела «загадочная температура», что это происходило накануне подписания этого договора. Ему надо было поспеть, во-первых, на «консультации» с западными партнерами — М. Гофмана он знал еще по переговорам в Брест-Литовске 1917 г., а во-вторых, чтобы успеть сорвать подписание упомянутого выше советско-германского договора. Потому что о какой интервенции в таком случае могла бы идти речь, если государство, на которое возлагается едва ли не основная военная задача, подписывает с Советским Союзом договор о нейтралитете и ненападении?^[275] Тем не менее подписание договора состоялось. Конечно, советская разведка, а соответственно и Кремль знали не только об этой конференции и принятых на ней решениях. Не менее хорошо Москве было известно, что 22 июля 1926 г. состоялось секретное заседание Комитета имперской обороны Англии. После заявления в то время канцлера казначейства У. Черчилля «о русской угрозе» члены комитета рассматривали возможные меры внутреннего и международного характера, в том числе и военные, и высказали соображения по поводу того, «как лучше отразить гигантскую угрозу цивилизации». Черчилль даже потребовал от начальников морского, сухопутного и военно-воздушного штабов рассмотреть военные аспекты «отражения гигантской угрозы», проще говоря, разработать план военного нападения на СССР^[276]. Одновременно руководящий сотрудник Форин Оффис Д. Грегори представил в указанный комитет меморандум, в котором рассматривались возможные последствия разрыва отношений с СССР. 26 июля 1926 г. Комитет имперской обороны направил в Форин Оффис свой меморандум. В нем указывалось, что Локарнские соглашения должны рассматриваться как фактор «наиболее эффективной защиты от опасности, идущей с Востока»^[277].

Но «бес» перестал бы быть самим собой, если бы не устроил чего-либо в отместку. В кооперации с британской разведкой были предприняты меры по нейтрализации прагматично просоветски настроенной верхушки германской военной элиты, без которой в Германии тогда ничего не решалось. Вся операция была персонифицирована на главном идеологе этой ориентации — генерале Г. фон Секте. Через свою агентуру влияния в Германии британская разведка инспирировала тройной скандал в отношении фон Секта. Ему было инкриминировано разрешение дуэлей между офицерами, приглашение принца Вильгельма на пост начальника военной подготовки вооруженных сил, на базе чего параллельно был раздут слух о якобы намечавшемся при содействии фон Секта монархическом перевороте. Более того, явно не без подсказки бриттов подсуетился и Гитлер — тогда всего лишь лидер нацистской партии. Он уже в то время находился

«под колпаком» британской разведки, так как его откровенно «пас» британский разведчик, «журналист» Сефтон Делмер. Фюрер нацистской партии выступил с личными оскорблениями в адрес генерала: мол, как можно доверять такому генералу, если он женат на еврейке. Жена генерала по имени Доротея и впрямь была еврейкой, но это, к слову сказать, было едва ли не повальным явлением среди германского офицерства того времени, ибо оно попросту не страдало никакой юдофобией. Короче говоря, целенаправленно организованными и осуществленными нападениями на генерала фон Секта его «ушли». Но кто мог наиболее точно знать какова роль этого генерала в советско-германском сотрудничестве, в том числе и в военной сфере?! Ответ только один — Троцкий! При нем начиналось это сотрудничество, и он все знал в деталях. Однако зачем же понадобилось «уходить» Секта?! В свете решений упоминавшейся выше конференции, на которой принципиально был одобрен план военного похода против СССР объединенными силами Запада, эти действия явно были рассчитаны на расчистку пути для выдвижения на командный пост в рейхсвере прозападного ставленника, который в нужный для Лондона момент отдал бы рейхсверу приказ выступить в «Дранг-нах-Остен». Не вызывает сомнения тот факт, что ставка была сделана на Макса Гофмана — место очищали для него. Но вот незадача-то — уже летом 1927 г., в самый апогей военной угрозы в Европе, «бешеный Макс» весьма своевременно «откинул ласты». Судя по всему, не без содействия сторонников «восточной» ориентации в рейхсвере и, очевидно, кого-то из советских спецслужб.

И вот еще о чем. Статья III договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. прямо гласила, что, «если будет образована между третьими державами коалиция с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон, другая договаривающаяся сторона к такой коалиции не примкнет». Это не случайно. С конца 1925 г., то есть фактически сразу же после подписания Локарнских соглашений, на Западе стала разворачиваться система мер по осуществлению так называемой золотой блокады СССР. Еще в ноябре 1925 г. Кремль точно знал, кто и как планирует осуществлять эту «блокаду»: «Бэнк оф Ингланд» как главный инициатор заключил специальные соглашения с германским Рейхсбанком, Голландским банком и «Банк де Франс» о проведении скоординированной финансово-кредитной блокады против СССР единым фронтом. Как глава Главконцескома, Троцкий по должности прекрасно знал уязвимые места кредитно-финансовой и внешнеторговой системы СССР, а также, естественно, и то, как нанести по ним чувствительный удар. Поразительно, но факт, что именно в период пребывания «беса» за границей У. Черчилль выступил с развернутой

программой экономической интервенции против СССР, которая явилась бы прелюдией к военной интервенции. Он даже выдвинул план финансового удушения Советского Союза путем организации международного антисоветского экономического фронта! Более того. После пребывания Троцкого в Германии Запад принял одно важное решение. О проведении наряду с упертой политикой «золотой блокады» — ничего Советам не продавать, кроме как за золото, которого, как это было известно Западу, у СССР чрезвычайно мало, — также и политики прямого провоцирования через ту же «золотую блокаду» крупномасштабного хлебного кризиса в стране. Зерно не только было приравнено к золоту, но и стало единственным средством оплаты внешнеторговых поставок^[278]. В качестве оплаты за поставки промышленного оборудования для еще только планировавшейся тогда первой пятилетки Запад стал требовать именно зерно, товарность производства которого в СССР была значительно ниже, чем в царской России. Это сейчас идиоты от истории слагают красивые мифы о НЭПе. А тогда он попросту провалился, особенно в части, касавшейся производства товарного зерна^[279]. Соответственно, едва прознав об этом, но подчиняясь волчьему инстинкту собственника, крестьяне немедленно взвинтили цены на зерно до небес. И в результате образовался замкнутый круг: нет золота — невозможно приобрести промышленное оборудование для запланированных к строительству заводов и обеспечить механизацию села, соответственно нет зерна. Следовательно, опять невозможно приобрести промышленное оборудование. Нет промышленного оборудования — невозможно удовлетворить спрос деревни на различные промышленные товары, особенно же на сельхозтехнику. Невозможно последнее, соответственно нет зерна — и снова тот же круг. Нажим же на крестьянина в такой на 90 % аграрной стране, как Россия, к тому же едва только начавшей остывать от страстей Гражданской войны, означал бы верную дорогу к ее возобновлению. Пойти на поводу у крестьянской алчности и увеличить закупочные цены на зерно — прямая дорога к крайне разрушительной инфляции, тем более что в стране был еще НЭП с его золотым червонцем. Как известно, золотой стандарт не предусматривает включение печатного станка по прихоти хотя бы и 90 % населения страны. Включи его большевики, и от страны уже тогда ни хрена не осталось бы. В свое время «гениальный вождь мирового пролетариата» именно это-то и сделал — только тогда окончательно рухнула бывшая Российская империя^[280].

Кто мог подсказать Западу столь верный ход с зерном?! Из тех, к чьему мнению он внимательно прислушался бы?! Обстоятельства складываются именно так, что вывод может быть только один — Троцкий! Конечно, у Запада были и свои «специалисты», но и без «рекомендаций» человека

«оттуда» в таких делах не обойтись. Из тех же, к чьему мнению Запад точно прислушался бы, в это время только «бес» находился за рубежом, и только его мнение могло быть учтено Западом. Как-никак, но ведь «казачок» -то он был посланный именно Западом, В созидательной экономике «бес» абсолютно ни хрена не смыслил.. Однажды, еще до выезда в Германию, он взялся за какой-то экономический эксперимент, и всего-то за полгода с невероятным треском провалил все, что было можно. Зато с молодых ногтей прекрасно знал финансово-экономические методы разрушения устойчивости государства. Даром, что ли, дружбу водил с Парвусом, который среди «русских революционеров» был самым сильным специалистом по части экономических методов разрушения.

Кроме того, именно после пребывания «беса» за рубежом Запад взял за моду «принцип» так называемых «джентльменских соглашений» по усилению ограбления России за счет невероятно задранных цен на промышленную продукцию, особенно на электрогенераторы и тяжелые электромоторы, без которых ни электростанций, ни заводов не построить. Кто из тех, кто тогда пребывал за границей, кроме главы Главконцескома, мог знать истинные масштабы потребности СССР именно в этой продукции, срыв поставок которой из-за высокой цены непосредственно означал бы провал всей политики индустриализации Советского Союза, против чего Троцкий выступал с особой яростью?! Между тем по упомянутым «джентльменским соглашениям» цены рекомендовалось завышать минимум на 60 — 70% а как правило, в 2 — 2,5 раза.

А Троцкий, к слову сказать, в то время обладал еще и правом первой подписи по внешнеторговым договорам, в том числе и по поставкам оборудования. Естественно, в рамках задранных до небес цен появлялась возможность и для столь хорошо знакомого всем «отката» в пользу все того же «беса»^[281]. Благодаря разведке были установлены даже перечни оборудования, на которые распространялся принцип «джентльменских соглашений». Но кто мог столь точно подсказать Западу эти перечни?!

Было установлено также, что в отношении части оборудования был введен прямой запрет на его экспорт в СССР. В первую очередь такого, которое могло бы способствовать росту объемов нефтедобычи, а соответственно и росту советского экспорта «черного золота», который в то время составлял 15 — 16 % объема мировой торговли нефтью. Между тем доходы от экспорта нефти и нефтепродуктов составляли тогда, пожалуй, наиважнейшую статью валютных поступлений в казну. Так вот, кто же мог столь точно сориентировать Запад на такие запреты?! Нет, не в технологическом плане — тут «бес» тоже ни хрена не смыслил, тем более в турбобурах. Имеется в виду ориентация на конечный экономический ущерб,

который нанесли бы такие запреты по советской нефтепромышленности. Вот тут знания Троцкого в сфере советской экономики как раз кстати. Да и всем нефтяным «королям» на пользу были его рекомендации, особенно Г. Детердингу, да и той же «Стандарт ойл», с которой он в тот момент находился в деловом альянсе. Однако при всем том, что подобные действия Троцкого вели к резкому ухудшению социально-экономического положения в СССР, все это еще «цветочки».

Настоящие «ягодки» пошли тогда, когда стало очевидным, к чему вели все его вышеописанные действия. Уже в 1927 г. даже далекий от социалистических экспериментов французский писатель Анри Барбюс и тот вынужден был обратить внимание на то, что «в 1927 г. оппозиционеры повели по всему фронту широкое наступление против руководства ВКП(б) и Коммунистического Интернационала. Оппозиция не раз выступала и прежде, активизируясь в различных обстоятельствах, и никогда не переставала существовать в состоянии скрытого брожения, — но теперь она развертывалась методически и агрессивно, по определенному боевому плану». А с чего бы это?! Так ведь загадки-то никакой нет! Едва только публикацией за рубежом фальшивого «завещания» Троцкий дал Западу отмашку на начало действий по инспирированию новой войны против России (хотя бы и Советской), Запад тут же приступил к «делу» — выпустил на свободу «дух войны», который очень быстро материализовался в резком нарастании угрозы вооруженного нападения на Советский Союз. Съездив же в Германию не столько для излечения «загадочной температуры», сколько для проведения «консультаций» со своими истинными хозяевами, обратно Троцкий привез угрозу вооруженного нападения Запада на Советский Союз в тандеме с очередной «революцией», которую он в очередной же раз «подрядился» осуществить! При возвращении в Советский Союз Троцкий прекрасно знал, что правящая элита Великобритании практически уже склонилась к тому, чтобы развязать новую войну против СССР. И это было действительно так. 24 января 1927 г. О. Чемберлен представил британскому правительству секретный меморандум, в заключительной части которого прямо так и говорилось: «Поскольку разрыв дипломатических отношений не ослабил бы существенно позиции Советского правительства, нельзя предполагать, что это повело бы к изменению советской политики. Что же должно последовать дальше? Куда направить наш удар? Нам больше ничего не остается делать, как внезапно объявить войну»!^[282] Оппозиция именно потому и перешла к широкому наступлению по всему фронту, разворачиваясь методически и агрессивно, что конкретно ожидала нападения Запада (под общим руководством Великобритании) на СССР —

ведь весь 1927 год прошел под знаком военной тревоги, а оппозиция даже попыталась под конец этого года устроить еще и государственный переворота!

Сталин прекрасно знал об истинной подоплеке такой активизации оппозиции. Требуя в июне 1927 г. исключения из ЦК Троцкого и Зиновьева, он прямо говорил: «Курс на террор, взятый агентами Лондона... есть открытая подготовка войны. В связи с этим центральная задача состоит в очищении и укреплении тыла, ибо без крепкого тыла невозможно организовать оборону... чтобы укрепить тыл, надо обуздать оппозицию теперь же, немедленно»^[283]. Понимая справедливость требований Сталина, «бес» в конце концов не выдержал и завопил, что нужно брать власть тогда, когда враг находится в 80 километрах от столицы!!! А как враг может оказаться в 80 километрах от столицы такого гигантского государства, если, несмотря на все перемены, в РККА еще было полным-полно сторонников Троцкого?! Только в результате злоумышленно организованного ими поражения советских войск! И разве удивительно на фоне всего вышесказанного, что после того «визита» Троцкого к тевтонам именно из Германии в Москву уже в том же 1926 г. впервые стали поступать агентурные сведения о некоей формирующейся в СССР «военной партии» во главе с Тухачевским, которая способна на переворот в стране. А ОГПУ и вовсе завело на него, пока еще начальника Штаба РККА, отдельное агентурно-наблюдательное дело! Через пару лет, когда Троцкий «поправлял» здоровье в алма-атинской ссылке, в одном из посланий своим единомышленникам — «Письме к друзьям» от 21 октября 1928 г. — он уже сам признал, что «в СССР может сложиться военный заговор и армия может положить конец большевистскому режиму»^[284]. Как и всегда, «бес» солгал — не «может сложиться военный заговор», а уже сложился в своей основе! Иначе уже в 1927 г. он не вопил бы о том, когда надо брать власть в условиях войны — злоумышленная организация поражения своих войск как единственный шанс для врага появиться в 80 км от столицы такого гигантского государства, как СССР, не может быть осуществлена без заговора! Попробуйте-ка хотя бы мысленно что-либо организовать на протяжении 4500 км западных границ СССР, не имея сообщников! Вот то-то и оно, что... Да и Тухачевский в та время — в 1928 г. — занялся разработкой вопроса о военной стороне организации городского восстания!^[285] Ну надо же столь «своевременно» озаботиться тем, что никак не входило в его служебные обязанности начальника Штаба РККА, а затем и командующего Ленинградским военным округом!

Угроза нападения на СССР консолидированными силами Запада стала резко нарастать с середины 20-х годов. А планы Запада по организации

вооруженного нападения на Советский Союз действительно базировались на идее коалиции вооруженных сил ряда государств. Не стали исключением и 30-е годы, причем как догитлеровский их период, так и после его привода к власти. Архивы как внешнеполитической, так и военной разведок СССР-России буквально ломятся от таких данных, в том числе и документальных. Угроза вооруженного нападения на СССР, прежде всего консолидированными силами Запада, в том числе и при участии Японии в самом конце 20-х — начале 30-х гг. была нешуточная. Резкое обострение обстановки в 1927 г., который даже в историю вошел как «год военной тревоги». Вооруженный конфликт на КВЖД, спровоцированный в 1929 г. не столько китайцами, сколько Японией и Великобританией. Ему наследовало сильное обострение обстановки в начале 30-х гг., что и было зафиксировано советской разведкой. Так, ссылаясь на свои источники в Париже, Берлине, Варшаве, внешняя разведка докладывала руководству страны в начале 1931 г., что французское правительство готово предоставить Германии заем в 2 — 3 миллиарда золотых франков с тем, чтобы оказать на нее давление в вопросах советско-германских отношений и пересмотре условий Рапалльского договора. Пересмотр условий означал бы готовность Германии выступить с оружием в руках против СССР^[286].

В архивах отечественной разведки есть, например, такое агентурное донесение: «Турецкий генштаб в Анкаре получил из Германии, Польши и Англии сведения, что война СССР с Польшей произойдет в начале 1930 г. Польша через шведское посольство в Берлине обращалась к немцам с просьбой в момент войны пропустить через территорию Германии все то, что потребует Польша из Франции в момент войны, включая войска... Немцы категорически отказали... Англичане предлагают туркам в момент войны или быть нейтральными, открыв свободный проход в Дарданеллы английскому флоту, или принять участие в войне против СССР»^[287]. По другим данным, тогдашний начальник польского генштаба Гонсяровский заявлял, что существует соглашение Польши с японцами — в случае, если японцы вторгнутся в СССР, поляки ударят с запада. Одновременно Гонсяровский вел и переговоры с английским и французским штабами. Самое поразительное заключается в том, что агент советской разведки получил эти сведения в личной беседе с Гонсяровским^[288]. В середине 1931 г. советская разведка докладывала о тяжелом экономическом положении Германии и о готовности канцлера Брюнинга прибыть в Париж и принять помощь на предлагаемых Францией условиях. Речь шла о принуждении Германии не только к отказу от Рапалло, но и особенно от пролонгации советско-германского договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 года, 5-летний срок которого как раз и истек весной 1931 г. По-

прежнему оставался на повестке дня и вопрос о создании объединенной панъевропейской армии по франко-германскому плану Фоша — Рехберга, ударная роль в которой отводилась именно рейхсверу. А рейхсвер в те годы был решающей политической силой Германии — как говорил в 1930 г. военный министр Германии Вильгельм Тренер, «в политической жизни Германии не должен быть сдвинут ни один камень без того, чтобы рейхсвер не сказал бы своего решающего слова».

«Естественно», что не отставала и белая эмиграция. Намертво связанная с ведущими центрами силы и спецслужбами Запада, белая эмиграция очень часто выбалтывала самые сокровенные планы русофобствующих сил Запада по организации очередного вооруженного нападения на СССР. Так, 7 июля 1930 г. эмигрантская газета «Возрождение» опубликовала статью в прошлом видного российского промышленника В. Рябушинского, в которой он призывал все западные страны напасть на Советский Союз, обещая западному капиталу огромные прибыли от эксплуатации захваченных природных богатств СССР. Рябушинский обосновывал необходимость нападения на Советский Союз... моралью (!) — поскольку война поможет покончить с мировым кризисом, «аморально», видите ли, отказываться далее от вооруженной интервенции против СССР! Разумеется, что немедленно выступило и руководство военной эмиграции. Глава РОВСа генерал Миллер уже в начале января 1931 г. сообщил, что он может немедля поставить сто тысяч обученных солдат и офицеров в качестве белогвардейского контингента интервенционистской армии. Эмигрантская пресса без устали вопила о необходимости и неизбежности срочной интервенции Запада против СССР, настаивая на огромной роли, которая должна была быть отведена эмигрантским войскам. Лидеры эмиграции призывали Запад принять участие в войне против СССР. Так, в номере от 1 февраля 1931 г. журнала «La Russie et le monde slave» Мережковский писал, что-де «новая война вот-вот должна вспыхнуть и весь мир должен принять в ней участие». То есть, по-прежнему пребывая в диком озверении, белая эмиграция откровенно призывала к развязыванию мировой войны против своей Родины — России, хотя бы и Советской.

Наконец, не следует забывать, что разработанный в начале 30-х гг. последний догитлеровский план вооруженного нападения на СССР консолидированными силами Запада с участием Германии советская разведка умыкнула в буквальном смысле со стола германского рейхсканцлера фон Папена. То есть вопрос о нападении решался уже на самом высшем уровне, что действительно могло привести к принятию решения о нападении! Если же учесть, что фон Папен был канцлером Германии лишь недолгое время в 1932 г., то ведь очевидно же, что такие

планы разрабатывались вплоть до умышленного привода Гитлера к власти в Германии. Кстате говоря, то же самое творилось и в период правления последнего догитлеровского канцлера — Курта фон Шлейхера. Этот тоже «засветился «на этой же стезе.

Данные разведки четко совпадали и с информацией контрразведки. Так, еще в 1930 г. во время допросов одного из главных обвиняемых по делу Промпартии — Рамзина — было установлено, что первоначально интервенция намечалась как раз на 1930 год. Однако вследствие того, что Великобритании не удавалось сбить в послушное стадо всех европейских шакалов, желавших напасть на СССР, ибо каждый из них выдвигал свои условия участия в этом бандитизме, сроки интервенции были перенесены. Сначала на 1931 г., а затем и на 1932 г.^[289] Правда, тут следует иметь в виду, что по указанию Сталина советская разведка и дипломатия чрезвычайно активно противодействовали всем этим попыткам, нанося точечные, но очень мощные удары по наиболее уязвимым звеньям. Немалую роль в этом сыграл и Коминтерн, который к концу 20-х — началу 30-х гг. плотно контролировался Сталиным и Молотовым.

Советское руководство заблаговременно знало об угрозах и совершенно правильно оценивало международную ситуацию. Так, еще в самом начале 1927 г. (29 января) задачи разведслужб СССР уже формулировались, отталкиваясь от следующего основополагающего тезиса: «Для оттяжки войны нашего Союза с капиталистическим миром и улучшения нашего. Военно-политического положения...»^[290] Обратите, внимание на дату такой формулировки. Ведь со дня подписания Локарнских соглашений прошло чуть более года. А угроза войны уже остро вырисовалась. Ровно через три года, 30 января 1930 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о новых приоритетных задачах разведки, пункт № 1 которого гласил: «1. Раскрытие интервенционистских планов, разрабатываемых в правительственных кругах великих держав Европы — Великобритании, Франции, Германии, сопредельных стран — вероятных противников СССР (Польши и Румынии, а на Дальнем Востоке — Японии)»^[291]. Как видите, угроза нападения настолько возросла, что Политбюро прямо поставило задачу раскрытия интервенционистских планов великих держав Европы.

Не осталась в стороне и внутренняя оппозиция. Прекрасно понимая, что означает нагнетание угрозы военного нападения на Советский Союз, оппозиция развертывалась не только методически и агрессивно, не только по определенному боевому плану, но и прежде всего по тому плану, который однозначно подразумевал организацию военного поражения СССР с целью перехвата в такой ситуации власти в государстве. Именно тогда, в 1927 г., надеясь на скорое нападение Запада, «бес мировой революции» не

выдержал и возопил о том, что нужно брать власть тогда, когда враг находится в 80 км от столицы! Но как враг может оказаться в 80 км от столицы такого гигантского государства, само территориальное пространство которого является естественным его защитником, в котором растворяется ударная мощь любого агрессора?! Только в результате злоумышленно организованного военного поражения советских войск! А кто может организовать поражение собственных войск?! Только собственный генералитет! Короче говоря, еще тогда «бес» сдуру полностью раскрыл ставку оппозиции на поражение в ходе войны для последующего совершения государственного переворота. Более того. Раскрыл ставку на своих сторонников в РККА, прежде всего в высшем командном звене, так как только они могли устроить быстрое военное поражение. В 1928 г., как уже отмечалось, он собственноручно письменно же подтвердил это в одном из своих писем сторонникам.

В принципе-то это не стало какой-то особенной новостью для занятого мирным созиданием советского руководства, особенно для Сталина. Он прекрасно знал политическую родословную оппозиции. И хотя в то время еще не был принят термин «генетика» — оперировали термином «наследственность», — однако чисто политически Сталин прекрасно осознавал, что наследственность — она и в политике наследственность. Как справедливо отмечают наиболее вдумчивые исследователи, советская военная элита тех времен выросла «...из революционного хаоса, из "революционной смуты", сохраняя многие годы спустя генетическую связь со стихией, ее породившей. "Ген" Русской революции был заложен и в ее структуру, и в ее плоть, и в ее дух»^[292]. А породившей ее стихией как раз и были война и умышленно организованная царским генералитетом серия непрерывных поражений русской армии еще в Первой мировой войне. Своими показаниями Раковский однозначно это подтвердил^[293]. Но Сталин-то знал об этом задолго до показаний Раковского. Еще с середины 20-х гг. он обратил внимание на одно явление, которое никак не привлекает к себе внимание исследователей. Уже в те годы стала вырисовываться одна «традиция», суть которой в следующем. Сопоставление времени поступления всех известных на сегодня данных советских спецслужб о заговоре антисталинский оппозиции (включая и заговор военных) с хронологией фактов обострения международной обстановки вокруг Советского Союза свидетельствует о безукоризненно закономерном совпадении: по мере нарастания угрозы вооруженного нападения извне одновременно нарастала и угроза внутреннего переворота на основе перманентного заговора оппозиции!

Тогда угрозу вооруженного нападения не смогли реализовать только потому, что Сталин постоянно предпринимал интенсивные меры для укрепления внешней безопасности государства, в том числе и прежде всего дипломатические. С их помощью он искусно вышивал мощный бронезилет безопасности СССР в виде всевозможных договоров о ненападении с государствами по периметру, особенно западных границ, а также с основными европейскими игроками. «Частокол» этих договоров был настолько мощным — к тому же он опирался на аналогичные договора между самими приграничными с СССР государствами и основными европейскими игроками, — что преодолеть его физически было невозможно. На Западе это прекрасно понимали. Так, за две недели до привода Гитлера к власти советская военная разведка агентурным путем добыла запись беседы между командующим рейхсвером генералом Гаммерштейном и венгерским посланником в Берлине Кания, состоявшейся еще 11 декабря 1932 г. В документе, в частности, говорилось:

«Какая: Россия добилась все-таки чрезвычайных успехов своими пактами о ненападении, и ее дипломатические позиции очень укрепились.

Гаммерштейн: Следует, конечно, отличать дипломатическую мощь от мощи действительной. Все же, по моему мнению, Россия неприступна ^[294].

Естественно, что в такой ситуации надеяться на вооруженное нападение на СССР было бессмысленно, как, впрочем, и на государственный переворот внутри Советского Союза. Необходимая по марксистскому шаблону ситуация военного поражения как предтечи для «революции» не складывалась. Необходим был совершенно иной, нетривиальный ход. Более того. Нужен был именно такой ход, который смог бы проломить указанный выше бронезилет безопасности СССР. Проще говоря, Запад увидел, что оппозиция не в состоянии собственными силами свергнуть Сталина, как, впрочем, и собственное бессилие в организации прежними методами вооруженного нападения на Советский Союз. Этим нетривиальным ходом и стал Адольф Гитлер!

Вот почему Раковский и заявил в своих показаниях: «"Они", в конце концов, увидели, что Сталин не может быть низвергнут путем государственного переворота, и их исторический опыт продиктовал им решение повторения со Сталиным того, что было сделано с царем. Имелось тут одно затруднение, казавшееся нам непреодолимым. Во всей Европе не было государства-агрессора. Ни одно из них не было расположено удобно в географическом отношении и не обладало армией, достаточной для того, чтобы атаковать Россию. Если такой страны не было, то "Они" должны были создать ее».

Они и создали ее — нацистский рейх. Однако предварительно Запад должен был резко ослабить влияние коммунистов в Германии. Троцкий и К° и в этом помогли Западу. Речь идет о так называемом деле Витторфа и Тельмана. Витторф — бывший руководитель гамбургских коммунистов — был обвинен в растрате партийной кассы и исключен из КПГ. Воспользовавшись дружескими связями Витторфа с Тельманом, который в преступлении первого никак замешан не был, оппортунистически настроенные деятели ЦК КПГ развязали травлю вождя немецких коммунистов. Это было в 1929 г., когда Компартия Германии находилась на «взлете» и представляла основную силу, противодействовавшую рвавшимся к власти нацистам. Без санкции Исполкома Коминтерна, что явилось грубейшим нарушением партийной дисциплины, они публично ошельмовали Тельмана. Авторитету Компартии был нанесен колоссальный урон. Избиратели во многих округах отвернулись от коммунистов. Огромное количество голосов этих избирателей перешло сторонникам Гитлера. Бухарин, которому по линии Коминтерна было поручено расследование инцидента, встал на сторону немецких оппортунистов. Он припомнил Тельману и критику его собственных, бухаринских, оппортунистических взглядов. Он потребовал от ЦК КПГ еще раз осудить Тельмана и голословно признать его виновным, прекрасно сознавая, что после подобного вторичного удара Компартия Германии не оправится уже никогда, а дорога Гитлеру будет окончательно расчищена. Игнорируя директивы VI конгресса Коминтерна о борьбе с оппортунистическим течением (известным под названием «примиренчество»), узурпируя в качестве руководителя Коминтерна исполнительскую власть, Бухарин взял под свою защиту правый уклон в КПГ, санкционировал отстранение Тельмана от руководства Компартией, фактически сыграв на руку махровой германской и международной реакции. В конечном счете правда восторжествовала. Однако до конца последствия этой неслыханной, предательской интриги так и не удалось преодолеть^[295]. После войны один из ближайших соратников Гитлера — Р. Лей — не без смеха поведал на одном из допросов о том, как Бухарин, нейтрализовав Эрнста Тельмана, помогал Гитлеру прийти к власти!^[296] Конечно, Сталин не оставил без ответа столь подлую выходку Бухарина. Эту действовавшую по указаниям Троцкого^[297] гниду, естественно, не только выкинули из Коминтерна, но и вдребезги раскритиковали на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б). Однако свое подлое, за двенадцать лет до трагедии 22 июня 1941 г. положившее ей начало дело он сделал: Гитлер быстро пошел «в гору» и вскоре стал рейхсканцлером на горе всему миру, а Германии и СССР — особенно.

Далее Раковский объяснил, каким же образом Гитлер пошел «в гору», явно не без умысла привлекая внимание следователя к тому, что в феврале 1929 г. из СССР был изгнан Троцкий, а уже в июне 1929 г. была достигнута договоренность о финансировании Гитлера американскими Уорбургами!

1. Действительно, в середине 1929 г. американский банкир Сидней Уорбург передал нацистской партии Гитлера 10 млн. долларов, в 1931 г. — еще 15 млн. долларов^[298]. Однако не одни только американские Уорбурги финансировали Гитлера. Как отмечает в своей книге «Запад против России. Россия и Германия: вместе или порознь» известный современный автор С. Кремлев, список банков и фирм, помогавших фюреру стать на ноги, «выглядит как справочник сионистского капитала... Банкир Лимен (очевидно, Лимэн. — А. М.), банкиры Лазары из США и Лазары из Лондона, Макс Варбург (немецкое звучание фамилии Уорбургов. — А. М.) из Гамбурга и его брат Феликс Варбург из Нью-Йорка...», а также Мендельсоны, Бляйхрёдеры и т. д. и т. п. Первая банковская проводка средств для Гитлера была осуществлена в 1929 г. через амстердамский банкирский дом «Мендельсон и К°» на счета берлинского банкирского дома «Мендельсон и К°». Любопытно, что именно в 1929 г. Гитлер приобрел для своей партии трехэтажный особняк в Мюнхене, прославившийся затем как штаб-квартира НСДАП, или просто «Коричневый дом». И в том же году, в сентябре, Гитлер впервые купил себе десятикомнатную квартиру в фешенебельном районе Мюнхена. Впоследствии финансовые каналы всех ветвей банкирского дома «Мендельсон и К°» неоднократно использовались для перевода гигантских по тем временам долларовых «инъекций» Гитлеру. Как правило, к этим операциям в Старом Свете подключались также и Роттердамский банковский консорциум и Римский коммерческий банк. Только в 30-х гг. Гитлер получил по этим каналам 126 миллионов долларов^[299]. Умножьте эту цифру на коэффициент 20, и вы поймете масштаб долларовых «инъекций» западного, в том числе и сионистского, капитала в нацизм ради войны^[300].

2. Тогда же, начиная с середины 1929 г., по всему свету поползли и слухи о том, что Гитлера финансируют Уорбурги. Но Уорбурги всегда стояли и за спиной Троцкого, который был связан с ними, в том числе и кровнородственными узами. И именно в это же самое время с только что изгнанным из СССР и пребывавшим еще в Турции Троцким встретился Эмиль Людвиг, получивший на свой вопрос о том, когда сторонники «перманентного революционера» смогут собраться вместе, весьма впечатляющий ответ «беса»: «Когда для этого представится какой-либо новый случай, например, война или новое вмешательство Европы, которая смогла почерпнуть смелость из слабости правительства». Э. Людвиг был

очень опытным политическим публицистом и потому прекрасно понимал, что означает протянувшаяся от Уорбургов связь к Гитлеру и Троцкому. Для него было очевидным, что началась фактически прямая подготовка к войне против СССР. И именно в этой же ситуации и прозвучал ставший фактически приговором Троцкому окончательный вывод Э. Людвиг: «Так отвечает Троцкий на вопрос о том, возможен ли договор между Троцким и фашистами!» Впоследствии вывод Э. Людвиг процитировал и Л. Фейхтвангер. Два выдающихся, мирового уровня представителя зарубежной еврейской интеллигенции пришли совершенно к одинаковому выводу! А в сущности-то выходит, что за девять лет до цитируемых показаний Раковского Троцкий полностью подтвердил их. Помните: «"Они", в конце концов, увидели, что Сталин не может быть низвергнут путем государственного переворота, и их исторический опыт продиктовал им решение повторения со Сталиным того, что было сделано с царем». Тогда же начинается и оживление притихшей было оппозиции. Проще говоря, как представители американского капитала, Уорбурги сделали двойную ставку — нацистов стали подкармливать «зелеными» чтобы нанести по СССР мощный удар извне, в то время как Троцкий должен был (и ведь начал же!) подготовить подъем же патронажем мощный взрыв изнутри.

Обратите особое внимание вот на что. История с Тельманом началась в самом конце 1928-го, а в начале 1929 г. на него «наехал» Бухарин. В середине 1929 г. Уорбург Договаривается с Гитлером о начале финансирования. С. Уорбург был очень опытным международным банкиром и просто так, тем более в зоологического юдофоба вкладываться не стал бы. Тем более в политического бомжа — в тот период времени Гитлер даже не был гражданином Германии. Такие, как С. Уорбург, сначала создают гарантии получения прибыли от запланированных инвестиций. Причем создают, не вкладывая ни одного цента. Более того, как правило, чужими, не имеющими прямого отношения к объекту инвестирования руками и методами. И лишь при наличии серьезных гарантий прибыльности начинают непосредственно сам процесс инвестирования. Ко всему прочему следует помнить, что, согласно данным в прошлом высокопоставленного сотрудника британской разведки — Джона Колемана, именно С. Уорбург в то время являлся членом Комитета 300. Учитывая все это, а также крайне негативные последствия бухаринского «наезда» на Тельмана и, естественно, заявление Р. Лея, едва ли не автоматически напрашивается следующий вывод. Оставшиеся в СССР сторонники Троцкого по каналам Коминтерна умышленно «разгуливали» внутривнутриполитическую ситуацию в Германии так, чтобы обеспечить максимально прибыльное грядущее вложение громадных финансовых средств Уорбургов, а по сути-то, членов Комитета 300, в

Гитлера и нацизм. Проще говоря, Бухарин заблаговременно и прекрасно же знал, что и зачем он делает, на чью мельницу воду льет. Но в таком случае немедленно возникает вопрос: откуда Бухарин и иные сторонники Троцкого могли знать в начале 1929 г., что необходимо поступить именно так, как они поступили?! Проще говоря, кто им приказал сделать именно так?!

Десятилетиями на этот вопрос ответа не находилось. Лишь в последнее время кое-что стало проясняться. Мало кому известно, что, прежде чем «беса» с треском выперли из Советского Союза, в начале 1929 г. в США с особо засекреченной до сих пор миссией побывала группа из пяти высокопоставленных большевиков. В США они выехали с ведома Сталина. В этом можно не сомневаться. В те времена с США не было дипломатических отношений, и каждый выезд в Америку был на особом контроле. Без санкции Сталина такое произойти не могло. Но что делала эта группа в Америке — вот в чем вопрос.

С одной стороны, очень похоже на то, что, не имея серьезных средств для финансирования первой пятилетки, Сталин решил с выгодой для СССР обменять шкуру уже ни на что не годного, но пока еще любезного американскому капиталу Троцкого на соответствующие Инвестиции американского (и вообще иностранного) капитала в советскую экономику. Как прямые, так и опосредствованные, Главным образом, через возможности германского капитала. Судя по всему, Сталин гарантировал соответствующим американским структурам не только, а возможно, даже и не столько безопасный выезд Троцкого из СССР в обмен на американские инвестиции. В первую очередь, судя по всему, было гарантировано непредание Троцкого советскому суду, на котором именно в гласном судебном порядке были бы установлены все шашни «беса» с американским капиталом в ходе так называемой русской революции со всеми вытекающими из этого крайне негативными последствиями для США^[301]. Проще говоря, то был весьма тонкий шантаж американского капитала по принципу: мы знаем, что вы внаглую ограбили Россию в ходе так называемой революции, знаем, на какие средства американская экономика бурно развивалась после окончания Первой мировой войны — здесь следует иметь в виду, что с 1913 г. и до «нового курса» Рузвельта ряд американских банков имел право самостоятельной эмиссии долларов исходя из своих запасов золота, которые до невероятия разбухли именно после «русской революции», — но в то же время мы понимаем, что репатриировать украденные средства, особенно золото, очень трудно, если вообще возможно, однако мы можем изрядно испортить вам жизнь, так что, во избежание глобального скандала, извольте раскошелиться на финансирование первой пятилетки. Скрипя зубами американские банкиры

вынуждены были пойти на это. Правда, в ряде случаев весьма своеобразно — например, приперли к стенке яро юдофобствовавшего в те времена Генри Форда и вынудили его построить в СССР гигантский автомобильный завод.

По всем признакам это была весьма выгодная сделка. С одной стороны, Троцкого действительно изгнали из СССР, причем даже разрешили взять с собой весь его громадный личный архив, за которым советской разведке потом пришлось гоняться по всей Европе, а с другой — на американские инвестиции вполне успешно была осуществлена первая пятилетка. На такой вариант решения проблемы Троцкого наводят следующие факты. Прежде всего, именно в 1929 г. началось крупномасштабное сотрудничество с известной американской фирмой «А. Кан и К°», построившей в СССР громадное количество крупных промышленных предприятий. Пакет советских заказов этой фирмы составлял 2 миллиарда долларов, что по тем временам было просто-таки архигромаднейшей суммой — по современным меркам это 200 млрд. долларов. Более того. Начиная с середины первой пятилетки, примерно с 1931 г., около одной трети мирового экспорта машин и оборудования направлялось в СССР. В завершавшем же первую пятилетку 1932 г. практически половина мирового экспорта указанной номенклатуры шла в Советский Союз. При этом в 1932 г. СССР поглощал уже $\frac{1}{3}$ всей германской машиностроительной продукции, в том числе почти весь объем производившихся там паровых и газовых турбин, прессов, локомотивов, 70 % станков, 60 % экскаваторов, динамомашин и металлических форм, половину никеля, сортового железа воздуходувок и промышленных вентиляторов и т. д. А германская машиностроительная промышленность была наглухо повязана американским капиталом по плану Дауэса. Следовательно, без определенного и весьма деятельного участия американского капитала тут не обошлось. Как ни крути, но для таких гигантских закупок у СССР не было столько средств. Никакое выкачивание средств из деревни, на что многие напевают, но которого не было, о чем уже говорилось выше, никакое затягивание поясов, о чем также много талдычат, и вообще никакие меры подобного характера, включая и часто муссируемые в литературе распродажи художественных ценностей, не могли гарантировать такие масштабы закупок. Чтобы половина мирового экспорта машин и оборудования попала в СССР — нужны были архигромадные средства, которых у СССР не было. Но они появились — как представляется, в результате хитроумной конвертации Сталиным «шкуры ни на что не годного беса мировой революции» на американские инвестиции! Вот тут есть резон согласиться с тем, что «марксизм не догма, а руководство к действию».

Однако это одна сторона медали. Другая же заключается в следующем. Во время пребывания этой группы из пяти высокопоставленных большевиков в Америке произошло нечто непредвиденное и явно не предполагавшееся Сталиным. Почему-то эта группа из пяти высокопоставленных большевиков выступила перед американским Советом по внешним сношениям. Совет по внешним сношениям в те времена являлся предпоследней инстанцией перед Комитетом 300 на американском плацдарме англосаксонского Запада. Он напрямую был связан с Королевским Институтом международных дел (исследований), что автоматически означало и прямую связь с британской разведкой. Как отмечал впоследствии исполнительный директор совета У. Мэллори, эти делегаты дали такие ответы, которые «удовлетворили аудиторию, состоящую из американских банкиров (кстати, член Комитета 300 — С. Уорбург — присутствовал там. — А. М.), но могли бы дискредитировать этих людей дома»^[302]. Так вот и спрашивается, что же такого они могли наговорить, что это могло дискредитировать их по возвращении в СССР?! По времени свершения всех перечисленных выше событий должно выходить так, что именно эта группа и убедила «Их» в том, о чем впоследствии говорил Раковский, что Сталин не может быть низвергнут путем государственного переворота» и что их исторический опыт должен продиктовать им решение повторения со Сталиным того, что было сделано с царем! То есть, по сути, «запросили прощения», что не выполнили задачи, поставленные перед ними еще в 1917 г. и в последующие годы. Но попросили в этой связи организовать новую войну против России, хотя бы и в лице Советского Союза, обещая, что на этот раз они «у-у-ух как разделяются» со Сталиным и с Россией. «Гитлер вторгнется в СССР, — говорил Раковский, — и подобно тому, как это было в 1917 году, когда поражение, которое потерпел в те времена царь, дало нам возможность его низвергнуть, поражения, нанесенные Сталину, послужат нам для его свержения... Опять пробьет час для мировой революции». Ничего другого быть не могло, что могло бы их дискредитировать по возвращении домой. Только это! И судя по всему, именно эта группа и привезла в СССР указание из «вашингтонского обкома партии» о том, что и как надо сделать, чтобы расчистить Гитлеру дорогу к власти в Германии путем нейтрализации германских коммунистов. Чем и занялись Бухарин и прочая шваль — к глубокому сожалению, весьма успешно^[303]. О тайных указаниях вашингтонского синклита олигархов Сталина, неестественно, не проинформировали.

Но вот ведь какое дело-то. Абсолютно точно известно, что одним из этих пятерых был Максим Максимович Литвинов, он же Мейер Валлах

(Финкельштейн; на самом же Деле — Анох Моисеевич Финкельштейн, он же Мейер Валлах), заместитель народного комиссара по иностранным делам, а с августа 1930 г. — народный комиссар (министр) иностранных дел СССР. Из-за продолжительной болезни официального наркома Г. В. Чичерина Литвинов на протяжении ряда лет фактически исполнял функции наркома, отчаянно, а нередко и в самых жестких формах конфликтуя с первым. Фигура Литвинова — крайне неоднозначная. Со времен эмиграции Литвинов имел широкие связи в англосаксонском мире, долгое время проживал в Англии, был женат на дочери английского историка, но внучке полковника британской армии, а по некоторым данным — сотрудника военной разведки Великобритании. Ярый сторонник выстраивания советской внешней политики в одну линию с внешней политикой западных стран, прежде всего англосаксонских плюс Франции. По сути дела, Литвинов в очень осторожных формах пытался навязать советской внешней политике подчиненную по отношению к Западу роль. Едва ли не на грани паранойи свирепый германофоб, причем задолго до привода зоологического юдофоба Гитлера к власти. Его непримиримая конфронтация с Чичериным базировалась на категорическом неприятии даже умеренного германофильства последнего, с которым Литвинов боролся фактически не на жизнь, а на смерть. Ругань между ними стояла невообразимая — каждый стремился «нашить» другому политический ярлык поувесистей, в соответствии с градацией знаменитой статьи 58 Уголовного кодекса тех времен. Доносы друг на друга сыпались как из рога изобилия. Кстати говоря, погром дипломатических кадров в 1937 — 1938 гг., в сущности-то, был организован непосредственно Литвиновым. Именно с его подачи все более или менее заметные сотрудники советского дипломатического ведомства на германском направлении были репрессированы. Это, конечно, не означает, что у тех вообще не было никакой вины — ни в коей мере, они предостаточно навредили Советскому Союзу и получили по заслугам. Но здесь важно иное, а именно роль Литвинова в этих репрессиях. Потому что в итоге, по мере исчезновения из аппарата НКВД специалистов-германистов, хотя бы и ангажированных в ряде вопросов вопреки всем интересам СССР, резко усиливалась англо и франкофильская составляющая советской внешней политики. В конце концов, это поставило, из-за действий Литвинова, всю советскую внешнюю политику в тупик Мюнхенской изоляции, выбираться из которого Советскому Союзу пришлось уже с помощью известного советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. Литвинов, как отмечают многие объективные исследователи, едва ли не в буквальном смысле слова носом рыл землю, дабы не допустить даже тени намека хоть

на какую-либо нормализацию отношений между Советским Союзом и Германией в 30-х гг. прошлого столетия. И если брать по аналогии с «наездом» Бухарина на Тельмана, то в сфере дипломатии Литвинов систематически «разгуливал» советско-германские отношения именно так, чтобы отношения между ними, в том числе и прежде всего торгово-экономические, только ухудшались. А именно в этом более всего и была заинтересована Великобритания — весь ее МИД в 30-х гг. работал именно на эту цель! Существует немало убедительных, уже опубликованных даже в официальных изданиях документальных свидетельств того, как Литвинов преднамеренно разглашал руководителям западных дипломатий, особенно Англии и Франции, секреты советской внешней политики, особенно в вопросах европейской безопасности, а также торгово-экономических отношений СССР с Германией. И вот в этой связи приобретает чрезвычайное значение одна деталь из истории британской разведки в первой половине XX века.

В ее анналах фигурирует некий агент под псевдонимом Д-57, поставлявший в 20 — 30-е гг. прошлого века англичанам исключительно важную информацию внешнеполитического характера. По оценкам самих же британских историков СИС, она должна была исходить, по меньшей мере, из ближайшего окружения наркоминдела М. Литвинова либо от него самого. А в этой связи придется вспомнить, что в свое время Литвинов не только женился на англичанке. Это, так сказать, любовь, к этому не придерешься. Он еще и сидел у англичан в тюрьме, обеспечивая оттуда, как отмечает один из лучших современных историков — Н. А. Нарочницкая — в РСДРП «англосаксонскую связь» в годы Первой мировой войны, а выйдя на свободу, немало потрудился в Лондоне и США, чтобы война вплоть до революции была успешной для Антанты и во всех аспектах разрушительной для России. Кстати, обеспечивал он не только «англосаксонскую связь», но и поддержание контактов с британскими и американскими сионистами, поскольку весь период своего пребывания на британских островах очень тесно общался с наиболее влиятельными представителями еврейской общины Англии^[304]. Впоследствии его обменяли на арестованного в Москве известного по истории британского шпиона Б. Локкарта. Со времен той отсидки у него сложились особо доверительные отношения с сотрудником Форин Оффиса Реджинальдом Липером, впоследствии возглавившим дипломатическую разведку МИДа Великобритании. Между тем, и это вновь следует особо подчеркнуть, именно специализирующиеся на изучении истории своей разведки британские историки отмечают чрезвычайно высокий уровень попадавшей в Лондон разведывательной информации из СССР. Конечно, с абсолютной уверенностью утверждать, тем более прямо

идентифицировать Д-57 с М. М. Литвиновым пока невозможно, но именно же пока. В основном из-за того, что СИС не рассекречивает архивные данные, по которым срок давности уже давно минул. Молчит и наша Служба внешней разведки, хотя в материалах великолепной «кембриджской пятерки», лучших агентов советской разведки, наверняка найдется нечто любопытное на сей счет. Да и не только там. Могу сказать лишь одно. По опубликованным ныне материалам Форин Оффиса и Комитета имперской обороны Англии виден поразительно высокий уровень точнейшего знания многих нюансов советской внешней политики 20-х — 30-х гг., причем именно на тех направлениях, которые более всего болезненно интересовали Великобританию. Какими бы проницательными ни были британские дипломаты и шпионы, но без хорошо информированной агентуры такой уровень точнейшего знания не обеспечить. А ведь, к слову сказать, на базе такого точного знания Великобритания совершенно уверенно действовала на четкое упреждение советских внешнеполитических шагов вне зависимости от того, предпринимались ли они по линии НКВД (МИД), Коминтерна или разведки. Она действовала именно так, как действуют лишь блестяще информированные о действиях противной стороны государства. Только одно это уже вынуждает более чем серьезно отнестись к мнению британских историков.

Так что можно представить, какую информацию сообщили Литвинов и К° членам совета. И разве удивительно, что именно после этих заседаний членами Совета по внешним сношениям в лице американских банкиров, перед которыми выступили Литвинов и К°, именно американские Уорбурги приняли решение о начале прямого финансирования Гитлера и его партии. Ведь Уорбурги присутствовали на том заседании, где выступали Литвинов и К°! Следовательно, вопреки инструкциям Сталина, они превысили свои полномочия, встав на путь прямого предательства интересов СССР. Потому что тем, что действительно могло их дискредитировать по возвращении в СССР, могло быть только одно. Они открыто подтвердили Западу, что просто так со Сталиным и СССР уже действительно невозможно справиться^[305] — никакие троцкисты или бухаринцы ничего не смогут сделать, сколько бы они ни старались! Нужна новая мировая война против России, хотя бы и Советской! Только это могло их дискредитировать по возвращении в СССР! Тем более что именно с 1929 г.: стала нарастать новая волна угрозы вооруженного нападения на СССР, консолидированными силами Запада, главным образом Германии и Франции под общим руководством Великобритании, при участии также и Японии! Хуже того — стала нарастать и угроза гитлеризации Германии!

Приходится лишь глубоко сожалеть о том, что в те времена Сталин еще не обладал мощной всепроникающей разведкой и соответственно не имел возможности своевременно получить такие данные. Располагай он такой информацией, возможно, а скорее всего наверняка удалось бы избежать столь опасного тупика, как Мюнхенская изоляция СССР, в который своими подлыми предательскими действиями загнал Советский Союз М. Валлах-Финкельштейн-Литвинов.

[К слову сказать, во время допроса в 1937 г. еще одной «невинной жертвы» сталинизма — одного из ближайших единомышленников Литвинова, известного журналиста Михаила Кольцова (Фридлянда), — последний прямо так и заявил, что «на троцкистов и бухаринцев рассчитывать не приходится, ибо все эти люди конченные и связь с ними гибельна». А для претворения того, «чего требуют иностранные державы» и с чем согласен Литвинов, ставка должна быть на новые кадры недовольных и жаждущих контактов с Западной Европой молодых интеллигентов!»! Что же до господствовавшим в среде сторонников Литвинова взглядов, тот же Кольцов показал следствию, что их «объединяла общность политических взглядов, которые заключались в том, что... внутренний режим в СССР нужно изменять в сторону капиталистического развития, внедрения буржуазно-демократических форм управления, приключения иностранных капиталов и прихода к власти правых». То есть то же самое, что и было осуществлено в 1991 г. в нашем многострадальном, но пока еще богоспасаемом Отечестве. Более того. Кольцов показал, что группа ответственных работников Наркоминдела (МИД) перебросила мосты между СССР и Европой и что в этой связи он, как литератор и журналист, должен помочь им. Его родной брат — знаменитый художник-карикатурист Борис Ефимов, — без устали клеветца на Сталина, забавлял публику своими побасенками о том, что-де он не знает, за что был расстрелян его брат.]

Судя по всему, в выступившую перед американским Советом по внешним сношениям группу входил и еще один засланный в «русскую революцию» из США «кристально честный ленинский гвардеец» — Марсель Израилевич Розенберг. Фигура более чем неоднозначная, очень сумрачная и к тому же малоизвестная. Но этот «засланный казачок» стоит того, чтобы рассказать о нем подробно. Ибо он подобие того же Э. Ханфштенгля при Гитлере. Родился в 1896 г. в семье мелкого еврейского торговца из Варшавы. До 10 лет владел только идиш и польским языком. Русский язык стал изучать только для поступления в реальное училище, однако, уехав с семьей в Кёнигсберг, поступил в местную гим

назию. Затем в 1913 г. переехал в Берлин к родственникам — выходцам из России. В начале 1914 г., будучи всего 18 лет от роду, каким-то образом познакомился со знаменитым деятелем германской социал-демократии Карлом Каутским, после чего весной того же года выехал в Англию «с целью, — как он указывал впоследствии, — изучения английского языка, что должно было послужить в дальнейшем подспорьем при получении работы».

Странная избирательность — ведь и в процветающей тогда Германии запросто можно было найти работу, тем более еврею, так как в германской экономике еврейский капитал тогда был представлен чрезвычайно широко. Похоже, что кто-то серьезно вправил ему мозги в преддверии неизбежной войны и отправил в Англию, будущую победительницу. А в начале 1915 г. по газетному объявлению Розенберг перебрался уже за океан, в США, где в Нью-Йорке устроился на работу переводчиком технических документов на фирму, которая занималась поставками для артиллерийского управления русской армии. Некоторые ангажированные современные авторы отмечают, что, «конечно, у придирчивого исследователя могут возникнуть вопросы — как юноша призывного возраста покинул Англию без проблем в разгар войны и просто "по объявлению" устроился на фирму, торгующую боеприпасами для фронта». И тут же дают не менее ангажированное объяснение — мне будем забывать, что по своему рождению Марсель Розенберг фактически был гражданином Российской империи...»?! Но кто бы объяснил, что это означает — «фактически»?! Ведь если на самом-то деле говорить о фактическом положении дел, то он с десятилетнего возраста находился на территории Германии и имел на руках германские, а не российские документы. И именно по германским документам выехал в Англию, где его никак не затронули превентивные меры британской контрразведки, хватавшей буквально всех, кто имел хоть какое-то отношение к Германии. А он к тому же и прибыл-то на острова буквально накануне Первой мировой войны, что не могло не вызвать подозрений у британской контрразведки. Тем не менее он преспокойно обитал в Англии, а затем не менее спокойно умотал за океан, чтобы уже там... перебиваться случайными заработками!? Но тут в России приключилась «заварушка» — «февральская революция». И что же?! «С Россией я был лично мало чем связан, и не будь революции, весьма возможно, застрял бы на Западе», — указывал впоследствии Марсель Розенберг. Но если мало чем был связан с Россией, то какого же черта надо было давать деру из благополучных, озолотившихся на войне Соединенных Штатов?! Уж как-нибудь через возможности мощной еврейской общины того же Нью-Йорка нашел бы себе работу, и неплохую. Тем не менее Розенберг обратился в русское

посольство. А его стараниями Керенского с лета 1917 г. возглавил русский инженер-гидравлик, профессор Колумбийского университета, бывший председатель военно-закупочной комиссии царской России в США, эксменшевик, но действующий кадет, а по совместительству еще и один из наиболее деятельных русских масонов, член ложи Великий Восток Франции — Борис Александрович Бахметьев. «Душевный» он был человек — незадолго до обращения Розенберга целой кофле Троцкого оптом выдал российские визы. Ну и этому тоже не пожалел. Короче говоря, летом 1917 г. на корабле «Доброфлота» Розенберг прибыл в Россию. Почему-то его потянуло сразу в Москву, хотя, если исходить из его официальных объяснений, он приехал для того, чтобы работать в сфере внешнеторговых отношений, а они-то тогда были сконцентрированы в Петрограде как столице. Но он, подчеркиваю, почему-то рванул в Златоглавую. Затем, что самое удивительное в его объяснениях, из-за того, что «внешнеторговые отношения к тому времени уже замирали и из поисков работы ничего не получилось», он поехал в Петроград, так как его сбережения были исчерпаны. И вот якобы только там, в Петрограде, уже 21-летний Марсель Розенберг знакомится с являвшимся официально заместителем начальника американской миссии Красного Креста, но полковником армии США, американским военным разведчиком Раймондом Робинсоном. Этот принимает его на работу в пресс-бюро — составлять письменные сводки по русским газетам. Но Р. Робинс был присланным Уоллстритом волчарой — все тридцать членов его миссии были сплошь представители финансово-промышленных кругов США, в том числе даже и директор Федерального банка Нью-Йорка У. В. Томпсон, которого 3 декабря 1917 г. принимал Троцкий. Главная задача этих волков в том и состояла, чтобы наложить свои лапы — в том числе и с помощью Троцкого и его банды — на все богатства России. Он этого не скрывал и открыто об этом говорил. Будущая «кристально невинная жертва» сталинизма не без удовольствия работала в этой стае прибывших грабить Россию волков и, что самое поразительное, нагло гордилась этим, письменно указав, что «своей работой у Робинса — как малозаметна она ни была... приносил в тот момент определенную пользу»! Кому?! Стае волков, прибывших грабить Россию и наложить лапу на все ее богатства во имя выгод Уоллстрита, чего даже сам Р. Робинс не скрывал?! И в самом-то деле «кристально невинная жертва» сталинизма! Потому как скрыл, что в Россию он прибыл непосредственно вместе с Р. Робинсом летом 1917 г. И вместе с ним же ездил и в Москву. И вообще по стране, входя в курс дела, точнее, помогая Р. Робинсу высматривать, на что выгоднее всего наложить лапы. Тот факт, что сии обстоятельства он умышленно скрывал — всего лишь «цветочки» в его послужном списке, ибо

«ягодки» пошли чуть позже. К концу 1917 г. будущая «кристально невинная жертва» сталинизма уже знакома с одним из сумасшедших в «русской революции» — Абрамом Иоффе, который, едва познакомившись с ним на каком-то митинге, сразу же выдал ему рекомендацию в партию. И тут же взял его с собой в Германию, куда был назначен послом. Так было положено начало дипломатической карьере будущей «невинной жертвы». До ноября 1918 г. М. И. Розенберг находился в составе советского посольства в Берлине. Но именно все это время американская разведка, да и в целом разведки стран Антанты особо остро нуждались в информации прямо из сердца Германии. Поразительно, что после оглушительного провала миссии Иоффе в Берлине Розенберг вскоре оказывается... в Афганистане — в 1921 г. он работает там вместе с известной «шлюхой революции» Ларисой Рейснер и ее психически ненормальным мужем, не менее знаменитым Федором Раскольниковым^[306]. Этот регион в то время крайне интересовал американский капитал. В 1923 г. Розенберг уже временный поверенный СССР в Турции — взлет феерический! Эта страна еще более интересует США. Затем — это уж и вовсе поразительно — Розенберг становится руководителем вспомогательного бюро Народного комиссариата иностранных дел, функции которого в секретном письме на имя Сталина Розенберг в 1937 г. описал так: «Это бюро было специально создано для разработки секретных иноматериалов ГПУ и Разведупра (то есть внешней и военной разведок. — А. М.), кроме того, по этой должности я имел доступ ко всей секретной переписке НКВД» (слово «всей» в тексте подчеркнуто, правда, кем — неизвестно).

Займись «своего человека» в таком месте, куда сходится вся секретная информация государства по внешнеполитическим вопросам, — это архимечта любой разведки. Американской тоже, хотя ЦРУ и даже его предтечи — Управления стратегических служб еще не было. США в то время официально не признавали СССР, а от европейских дел демонстративно отстранились, уйдя, подобно улитке, в раковину самоизоляции. Но кто сказал, что даже в таком случае никому за океаном не было интересно, что происходит в стране Советов?! Американский капитал неофициально продолжал свое сотрудничество с СССР. Его представителей в советской стране было хоть пруд пруди. Розенберг просидел в этом бюро до 1926 г. включительно — при таких покровителях, как ярый сторонник Троцкого А. Иоффе, заместитель наркома иностранных дел М. Литвинов, ничего в том нет удивительного. Но едва только Троцкий смотался в Германию в 1926 г., Розенберг покинул свой пост в этом бюро и перешел на работу в... Международный отдел ЦК ВКП(б). Еще более феерический, необъяснимый взлет какого-то эмигранта. Но вот настал 1929 г. Состоялась

упоминавшаяся выше, но до сих пор особо засекреченная миссия группы советских представителей в США, которые выступили с какими-то объяснениями перед американским Советом по внешним сношениям. М. Розенберг оказался в этой группе именно потому, что имел прямые выходы на Раймонда Робинса. А через того и на все еще могущественного «серого кардинала» американской политики «полковника» Э. Хауза, также являвшегося членом Комитета 300, а следовательно, и на высшее руководство Америки, не говоря уже о верховных иерархах американской и мировой закулисы из числа высших представителей финансовой олигархии США. И что же?! М. Розенберг вновь на передовой — уже в 1931 г. глава советского полпредства в Риме, затем посол во Франции, а чуть позже, в конце 1934 г., — заместитель Генерального секретаря Лиги Наций (предвоенная предтеча ООН) с местом пребывания в Женеве. Лучшей карьеры не придумаешь, даже если и специально стараться. А какие возможности для официальных встреч и передачи информации — и говорить не приходится^[307]. Именно через него Литвинов неоднократно передавал на Запад стратегическую информацию, открыто нарушая все мыслимые и немыслимые правила и инструкции. Эти двое в наибольшей степени ответственны за втягивание СССР в бессмысленные союзные отношения с Францией. Ведь знали же, что только ради того, чтобы иметь дополнительные козыри в диалоге с нацистским Берлином, но не более того, Франция согласилась подписать договор о взаимной помощи в отражении агрессии от 2 мая 1935 г. Но о какой взаимной помощи в отражении агрессии могла идти речь, если оба этих деятеля прекрасно знали, что, подписывая одной рукой договор с СССР, другой Франция подписала разрешение на отправку в Германию аж 400 танков «Рено»! Договор от 2 мая 1935 г. стал своего рода дипломатической ловушкой с дальним прицелом, выход из которой мог быть только в прямом столкновении СССР с Германией, что едва не получилось после Мюнхенского сговора. Ведь Франция открыто и нагло, в колоссальной степени под давлением Великобритании похерила все свои союзные обязательства, невзирая ни на какие призывы Москвы! «Славно» поработали Мейер Валлах-Финкельштейн и Марсель Розенберг! Ну и прежде чем завершить в расстрельном подвале НКВД свой долгий путь блестяще запущенного на советскую орбиту агента влияния США, Розенберг был направлен Литвиновым в Испанию в качестве посла. Вот там он дал такого шороху, что даже старый масон Андре Марти — генеральный комиссар интербригад — и то не выдержал и проинформировал Москву о творившихся им безобразиях. А. Марти лично проинформировал об этом Сталина, который принял его 16 марта 1937 г. После глубокого расследования на Лубянке,

материалы которого, к слову сказать, до сих пор не рассекречивают, в исполнение был приведен суровый приговор...

И наконец, небезынтересно отметить, как антисталинская оппозиция воспринимала Гитлера. Это не только уникальное явление, но и имевшее очень серьезные последствия во внутренней жизни СССР. На полном серьезе Раковский заявил, что почему же не может быть объективно коммунистом Гитлер, раз его цель — борьба с самодержавием царя Кобы Первого?! «Гитлер вторгнется в СССР, и подобно тому, как это было в 1917 году, когда поражение, которое потерпел в те времена царь, дало нам возможность его низвергнуть, поражения, нанесенные Сталину, послужат нам для его свержения... Опять пробьет час для мировой революции».

При всем том, что внешне это смахивает на откровенный бред, это далеко не так. Это идущая непосредственно от «классиков научно обоснованного» бандитизма, особенно от Энгельса, с позволения сказать, «логика». В отечественной историографии почему-то никакого внимания не обращается на одну, чрезвычайно важную для понимания событий 1937 — 1938 гг. работу Сталина от 19 июля 1934 г. — на письмо к членам Политбюро «0 статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма"». Между тем эта небольшая работа Сталина является фактически его упреждающим ударом по разрабатывавшейся главарями политической оппозиции еще в начале 30-х гг. политико-идеологической платформе для будущего поражения и переворота. Судя по всему, тут не обошлось без влияния и прямой подсказки лично Троцкого. Один из видных представителей «ленинской гвардии» из запломбированного вагона — являвшийся в то время директором Института Маркса — Энгельса — Ленина Владимир Викторович Адоратский внезапно предложил опубликовать в № 13 — 14 за 1934 г. теоретического органа партии журнала «Большевик» якобы ранее не переводившуюся на русский язык написанную в 1890 г. статью Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Сталину не составило никакого труда мгновенно установить, что это политически очень тонкая провокация с далеко идущими последствиями. Директору Института Маркса — Энгельса — Ленина по меньшей мере грешно было утверждать, тем более в письменной форме (в виде записки в Политбюро), что-де эту статью «классика» ранее не переводили на русский язык. Она вообще была написана Ф. Энгельсом по заказу одного из главарей подрывной организации «Освобождение труда» — хорошо известной по истории политического бандитизма и терроризма в России Веры Засулич. Статья была заказана «классику» для публикации в печатном органе этой организации — журнале «Социаль-Демократ»^[308]. Первая часть статьи была подготовлена Энгельсом не позднее января 1890 г., вторая — в

середине лета того же года. А опубликованы они были (соответственно) в февральском и августовском номерах этого журнала за указанный год^[309]. Перевод обеих частей статьи Энгельса осуществлен лично Верой Засулич, и в ее редакции она носила название «Иностранная политика русского царизма». Уж что-что, но недавнюю-то предысторию своей партии, как, впрочем, и историю рабочего движения в России директору Института Маркса — Энгельса — Ленина знать полагалось априори, дабы письменно не расписываться в очевидной глупости. А то, видите ли, ранее не переводилась на русский язык?! Со Сталиным этот номер не прошел — Иосиф Виссарионович знал историю досконально! И потому мгновенно понял, в чем глубинная суть этой далеко идущей провокации в тех конкретных условиях.

Генеральный лейтмотив этой яро антироссийской статьи Энгельса заключался в том, что коли внешняя политика России якобы является агрессивной по определению, чему «классик» дал совершенно ложное, но облеченное в псевдонаучную мантию объяснение, то, следовательно, грядущая война кайзеровской Германии против царской России есть война якобы справедливая, едва ли не освободительная, и чуть ли не единственный способ устранения якобы имеющей место быть «русской угрозы», в роли «источника» которой был выставлен русский царизм, причем именно на том основании, что-де он является «последней твердыней общеевропейской реакции»! Энгельс, как, впрочем, и Маркс, всю жизнь исповедовал не просто ярую русофобию и вообще славянофобию, но и задолго до нацистов с их человеконенавистнической идеологией и практикой сформулировал то, что впоследствии ублюдок Альфред Розенберг выдал за свои мысли: «Там, где речь идет о существовании, о свободном развитии всех ресурсов больших наций, там сентиментальная заботливость о некотором количестве... славян не играет никакой роли»! «Классик» «научно обоснованного» бандитизма утверждал, что русским (как, впрочем, и сербам) «обеспечены ненависть всей Европы и кровавая революционная война всего Запада против них»^[310]. Что, как говорится, мы и имеем по сию пору...

Попытка Адоратского и стоявших за ним оппозиционных сил вновь опубликовать эту статью Энгельса в ситуации 1934 г. действительно являла собой очень тонкую, с далеко идущими целями политическую провокацию. Она означала призыв к определенным действиям антигосударственного характера. Публикация неизбежно обозначила бы негативное в ретроспективе отношение к налаживавшемуся тогда с конца 1880-х — в 1890-х гг. франко-русскому союзу и лишение российской внешней политики «всякого доверия в глазах общественного мнения Европы». А за этим

скрывалось намерение оппозиции провести негативную параллель с событиями 1934 г.

Отчетливо понимая истинную цель привода Гитлера к власти в Германии — нападение на СССР, сразу же после того, как нацисты оказались у кормила власти, но в основном с конца 1933 — начала 1934 г. Сталин стал активно добиваться создания Восточного пакта в составе Франции, ее основных союзниц в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе (Польши, Чехословакии, Румынии и Югославии) и СССР. Конечно, не самое лучшее решение совместно с таким дерьмом, как тогдашние правящие круги Франции, пытаться создать Восточный пакт в целях европейской безопасности. Однако на тот момент ситуация была, как в известной русской поговорке — «за неимением гербовой, пишем на простой». Сталину пришлось иметь дело с тем дерьмом, которое тогда возглавляло Францию. Правда, в колоссальной степени тому способствовали далеко не самые объективные доклады М. Литвинова и М. Розенберга. Как бы там ни было, но в 1934 г. Сталин все еще всерьез смотрел на пакт с Францией. Сам же факт публикации такой статьи Энгельса, хотя и эзоповым языком, означал бы призыв к недопущению повторения такого союза, на этот раз против не кайзеровской, а гитлеровской Германии. Проще говоря, в случае публикации это был бы совершенно ясный выпад против политики создания Восточного пакта. Впрочем, дело даже не столько в Восточном пакте как таковом, сколько в том, что это был завуалированный призыв не мешать Гитлеру готовиться к войне против СССР. Более того. Одновременно она прозвучала бы и как призыв к совершению якобы «буржуазной революции», то есть государственного переворота силами внутренней оппозиции, как едва ли не единственной возможности предотвратить мировую войну, ликвидировав тем самым якобы имевшую место «русскую угрозу». В связи с этим необходимо особо подчеркнуть следующее. Патологический русофоб Энгельс утверждал в статье, что своими успехами на международной арене в XIX в. Россия якобы обязана некой всемогущей и талантливой шайке иностранных авантюристов! Что-де именно эта «шайка» основала какой-то «своего рода новый иезуитский орден»! Что-де именно она сделала Россию не только великой и могущественной, но и внушающей страх остальному миру! Что-де эта «шайка» якобы открыла России путь к мировому господству?! Отсюда и глобальный вывод этого «классика» русофобствующего бандитизма мирового масштаба. Раз внешняя политика России якобы по определению является не только агрессивной, но и направленной к завоеванию мирового господства, раз «генератором» такой внешней политики России является та самая, якобы основавшая «своего

рода новый иезуитский орден» шайка талантливых иностранных авантюристов, то, следовательно, для предотвращения «русской угрозы» необходимо свержение русского царизма «как последней твердыни общеевропейской реакции» в ходе якобы освободительной и потому справедливой войны Германии против России и в результате буржуазной революции!

Конечно, из-под пера «классика» вышел форменный бред, но для антисталинской оппозиции и это годилось, лишь бы только Сталина свергнуть. Потому что получалась якобы некая аналогия с внутренними процессами в СССР. Ведь вся оппозиция также считала, что Сталин незаконно захватил власть. В ситуации 1934 г. получалось, что это было направлено против Сталина и его сторонников, их курса на строительство социализма в одной стране и едва только наметившегося курса на всеобщую демократизацию внутренней жизни страны. Публикация такой статьи «классика» означала бы едва завуалированный ассоциативный призыв как к свержению Сталина и советской власти, так и к недопущению возобновления союза с Францией теперь уже СССР. В последнем была заинтересована прежде всего Великобритания. Не удивительно, но факт, что эта попытка Адоратского совпала также и с призывом Троцкого ко всем оппозиционным силам внутри СССР консолидировать свои ряды и усилия в целях свержения советской власти и Сталина в ходе войны. Там ведь прямо говорилось, что-де «победа Германии есть, стало быть, победа революции»!

Сталин не мог не взвиться в негодовании от подобных проделок оппозиции. Не мог хотя бы потому, что без мощного противодействия подобные попытки оппозиции нанесли бы колоссальный ущерб как внешней безопасности СССР, тем более перед лицом нараставшей угрозы войны, так и внутренней, тем более что сигналов на эту тему с конца 20-х гг. хватало выше всякой меры. Вследствие этого Сталин тем более не мог не отреагировать на подлинный, но «под дурака» скрывавшийся смысл попытки публикации статьи Энгельса. И суток-то не прошло^[311], как уже 19 июля 1934 г. Сталин обратился к членам Политбюро с письмом «О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма"», в котором буквально в ключья разнес «произведение классика», а 22 июля 1934 г. Сталину удалось провести через Политбюро решение о нецелесообразности печатания статьи Энгельса. Особое возмущение Сталина вызвали слова Энгельса из письма Бабелю — «если Россия начнет войну — вперед на русских...» И вот почему. Тот же Троцкий, к примеру, еще в 1930 г. призывал СССР напасть на Германию, чтобы не допустить прихода нацистов к власти! Как будто у Советского Союза других забот не было, как только и выступать в роли агрессора! Кстати, и Тухачевский тогда же отреагировал — вылез на самый

верх с очередной порцией своих не столько бредовых, сколько провокационных идей. А с 10 февраля 1934 г. «стратег» стал настойчиво продвигать тезис о некоей целесообразности нанесения превентивных ударов по противнику в целях срыва его мобилизации, но прикрытия своей. Что, кстати говоря, и составляло суть его концепции «пограничных сражений», на которой был построен его «план поражения». Проще говоря, стал настаивать на целесообразности для СССР выступить в роли агрессора, но с заведомо провальным результатом! Усилия Тухачевского по укоренению этой концепции в системе военно-стратегического планирования СССР хронологически совпали с подготовкой главари политической оппозиции политико-идеологической платформы для будущего поражения, а также переворота. По сути дела, выходит, что его «теоретические изыскания» были четко скоординированы не только с указаниями Троцкого, но и на их основании с еще только планировавшейся попыткой публикации упомянутой статьи Энгельса! И если в результате публикации такой статьи у оппозиции появилось бы «освященное авторитетом «классика» идеологическое обоснование для и так уже подготавливавшегося переворота в ходе войны, то стараниями уже Тухачевского у Запада на руках появились бы якобы неоспоримые доказательства якобы имеющей место быть некоей агрессивности СССР! Ну прямо по Энгельсу: «Если Россия начнет войну — вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были!»

В строгом соответствии с этой «логикой» антисталинская оппозиция и смотрела на Гитлера как на фактор войны не империалистической, не грабительской, не антинародной, а войны освободительной или почти освободительной, и, следовательно, победа гитлеровской Германии есть победа революции! И Раковский однозначно это подтвердил. А что погибнут миллионы, прежде всего славян, в том числе и русских, как государствообразующего народа, то, по «просвещенному мнению» таких подонков и негодяев, «сентиментальная заботливость о некотором количестве... славян не играет никакой роли» — главное, это их поганая «мировая революция»! За одно это оппозицию и следовало вырезать вплоть до «двадцать первого колена»! Слава Богу, что хоть частично, но это было сделано — худо-бедно, но Россия дотянула-таки до конца XX века и даже перешагнула в XXI столетие.

[Незадолго не только до своего ареста в 1934 г., но и до указанной попытки опубликовать статью Энгельса один из лидеров оппозиции — Л. Каменев — якобы по долгу службы в издательстве «Академия» готовил предисловие к сборнику, посвященному заговору Катилины в Древнем Риме. Откровенно говоря, этому издательству, очевидно, больше делать было нечего, кроме как именно в это время готовить к изданию такие труды. В

истории Древнего Рима не нашлось ничего иного достойного для издания, кроме истории заговора Катилины. Так что придется привести некоторые пояснения. В этой истории все позволяло оппозиции провести угодные ей аналогии с ситуацией 1934 г. Каменев, к примеру, писал, что это «революционное движение», «последняя попытка сопротивления республиканских элементов» наступлению цезаризма. Очевидно, что прочитавшим подобные высказывания представителям оппозиции не составило бы труда спроецировать подобные оценки древнего заговора на современность 1934 г. именно в том ракурсе, в котором ей это было выгодно. Профессиональный брехун и закоренелый оппозиционер Каменев умышленно лгал, что-де катилинарии и сам Катилина «не оставили истории никаких свидетельств о своей программе, своих планах и замыслах». А как же тогда книга Гая Транквилла Светония — Каменев не мог не знать о ней. А вот и то, зачем ему понадобилась такая ложь на пустом месте. Как бы предчувствуя фатально неизбежный провал антисталинской оппозиции, Каменев весьма «технологично» переложил всю ответственность за него на Сталина, загодя обвинив его в вынужденном применении положений Уголовного кодекса. Он отмечал, что «сохранились только свидетельства смертельных врагов движения... Обещание врага, сведение социально-политического движения к размерам уголовного поступления — такова цель обоих (то есть выразивших официальную точку зрения Цицерона и Саллюстия. — А. М.). Задача удалась... Катилина и его сообщники вошли в историю как устрашающий образец политических авантюристов, готовых ради низменных личных целей, опираясь на отребье человечества, предать на поток и разграбление основы человеческого общежития. Обычная участь разгромленного революционного движения». Зело хитер был Каменев! Ишь, как загнул! Но здорово обрисовал гнусную манеру всех подонков из числа «пятой колонны» и прочих изменников, в какой бы стране они ни жили. Едва только в полном соответствии с действующим в той или иной стране законодательством эту пададь хватают за самое чувствительное место, они тут же начинают вопить, что-де являются «политическими узниками или «узниками совести». Именно поэтому-то, еще даже не будучи ни арестованной, ни хоть как-то репрессированной, вся эта сволочь заранее начинает обвинять власти своей страны в том, что-де их обесчестили, что их низводят до уровня уголовников, преследующих низменные цели политических авантюристов и т. д. И при этом ни одной из этих сволочей даже в голову-то не приходит простенькая мысль о том, что обесчестить-то можно только того, у кого была честь. А какая честь есть у подонков, рвущихся к власти только ради власти и грабежа?! Тем

более у подонков, которые всю жизнь состояли на службе у злейших врагов России как в дореволюционный период, так и после?!

Сталин прекрасно видел и понимал суть всех действий оппозиции. Однако, не желая крови, он неоднократно пытался увещевать оппозицию. Например, 4 мая 1935 г. Сталин открыто предупредил генералов, что ему хорошо известно, как они «угрожали свергнуть нынешнее руководство, угрожали убить кое-кого из Высшего руководства. А ведь угрожали убить-то как раз его самого! Сталин не только дал понять, что если и не все, то очень многое об их заговоре ему известно, но и предоставил реальный шанс прекратить свою заговорщическую, подрывную деятельность.^[312] Более того. 15 мая 1935 г. Сталин открыто предупредил уже всю оппозицию, что если они ничего не поймут и не прекратят своей заговорщической деятельности, то их ожидает печальная участь «врагов народа»! Тогда, 15 мая 1935 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло очень важное постановление: «1. Создать Оборонную комиссию Политбюро для руководства подготовкой страны к возможной войне с враждебными СССР державами. 2. Создать Особую комиссию Политбюро по безопасности для ликвидации врагов народа. 3. Провести во всей партии две проверки — гласную и негласную. 4. Обратиться ко Всем членам и кандидатам партии с закрытым письмом о необходимости повышения большевистской бдительности, беспощадного разоблачения врагов народа и их ликвидации. Тем самым Сталин в последний раз предупредил всю внутреннюю оппозицию, что в связи с угрозой войны он более не намерен терпеть ее и ее подрывную деятельность. Решительный тон этого постановления как бы требовал от всей оппозиции превратить свою заговорщическую деятельность перед лицом надвигающейся угрозой войны, иначе ее, оппозиции, участь будет печальна. Главари оппозиции прекрасно знали об этом постановлении Политбюро ЦК ВКП(б). Но, как и всегда, похерили и это предупреждение.»]

Если теперь, после столь небольшого, но, надеюсь, достаточно емкого и информативного анализа показаний Раковского попытаться подвести итоги, то, полагаю, едва ли окажется столь уж затруднительным согласиться с тем, что на первое место безальтернативно должно быть поставлено признание им нижеследующего непреложного факта: Адольф Гитлер был приведен к власти в Германии как прямая и безоговорочная альтернатива всем неудавшимся в 20-х — начале 30-х гг. попыткам внутренней антисталинской оппозиции свергнуть Сталина и его курс на строительство социализма путем государственного переворота!!! Приведен к власти как персонифицированное олицетворение уже санкционированной Западом следующей войны против России-СССР!!! Оно уникально еще и тем, что за

кулисами этого признания четко просматривается непосредственная просьба внутренней оппозиции повторить со Сталиным и СССР то же самое, что однажды уже было проделано с царем и царской Россией. То есть пустить в ход против Советского Союза механизм тандема мировой войны и «революции»!!!

Однако еще более оно феноменально вот чем. Сам того явно не подозревая, Раковский параллельно показал, что ни он, ни тем более антисталинская оппозиция как таковая так и не поняли, что Гитлер был приведен к власти как безоговорочная альтернатива именно тем попыткам, которые осуществлялись ими под лозунгом «Назад, к Ленину!». Если попростому, то Раковский ясно показал, что Запад разуверился в возможностях оппозиции и более ей не доверяет ни своих глобальных замыслов, ни тем более их осуществления. И что именно в этой связи все их надежды на повтор 1917 г. — мол, «Гитлер вторгнется в СССР, и подобно тому, как это было в 1917 году, когда поражение, которое потерпел царь, дало нам возможность его низвергнуть, поражения, нанесенные Сталину, послужат нам для его свержения» — не стоят и ломаного гроша!!! Запад вовсе не намеревался наступать на те же самые грабли, на которые он однажды уже наступил из-за Ленина.

Проще говоря, оппозиция, включая и самого Троцкого, не смогла уразуметь, что Западу была нужна не просто война против Советского Союза. Западу было нужно абсолютно гарантированное уничтожение России, хотя бы и Советской, причем и как государства, и особенно как страны, как единственной в мире единой трансконтинентальной евразийской державы! Западу была нужна именно такое абсолютно гарантированное уничтожение России (СССР), которое начисто исключало бы даже тень намека даже на иллюзию какого-либо ее (тем более его) влияния на Восточную Европу, овладение контролем над которой Запад считал ключом к грезившемуся мировому господству. Иначе запланированной глобальной перегруппировки сил было бы не достичь. И что в этой связи какие-либо «сменщики» Сталина в России (СССР) Западу в то время совершенно не нужны были. И он сам, и тем более его СССР, но особенно же Россия как становой хребет советского государства, должны были быть начисто уничтожены вплоть до состояния **«РУССКОЙ ПУСТЫНИ»!** Какие уж тут могли быть нужны «сменщики»?! Запад сам намеревался осваивать несметные богатства **«РУССКОЙ ПУСТЫНИ»!** А преподнести эту **«РУССКУЮ ПУСТЫНЮ»** Западу должен был Адольф Гитлер — персонифицированное олицетворение войны типа «Дранг-нах-Остен»! Потому-то в него и вкладывали гигантские средства. Не говоря уже

о том, что Адольф должен был решить и некоторые другие, чрезвычайно важные вопросы, но о них потом.

Поразительно, что никто из лидеров оппозиции, включая и «беса мировой революции», ни в малейшей степени не обратили внимания на один маленький, но решающе ключевой нюанс в «Майн Кампф». Конечно, все они прекрасно знали постоянно цитируемый в любых исторических исследованиях пассаж из этой «библии» нацизма: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени (до Первой мировой войны XX в. — А. М.). Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет назад; Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и запад Европы и обращаем взор к землям на Востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего — к политике территориальных завоеваний. Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба как бы указывает нам путь...» Однако весь смысл этой кровавой мерзости не столько в процитированном, сколько в том, что обычно все исследователи не цитируют, а именно в подлинном начале этого пассажа. Перед этими словами Гитлер разглагольствовал о союзе с Англией и преимуществах этого союза, вследствие чего начало этой цитаты в действительности выглядит так: «Этим альянсом мы, национал-социалисты...» Принципиальная разница, как говорится, налицо. Но именно это-то и означало, что Гитлер всего лишь подрядчик, а заказчик — **PERFIDIOUS ALBION**. И что вследствие именно этого союза любые шашни внутренней антисталинской оппозиции с прогитлеровской немчурой вовсе не были нужны англосаксам. Они не намеревались один к одному повторять сценарий 1917 г., то есть пустить в ход против Сталина именно же механизм тандема войны и «революции». Им была нужна война в чистом виде, война на полное уничтожение России (СССР), без всяких подставок со стороны оппозиции, вследствие чего потом пришлось бы каким-то образом учитывать еще и ее интересы.

Не поняв этого — шакалы всегда надеются на то, что тигры без них никак не обойдутся, — оппозиция крайне сильно переоценила свое значение в политическом и особенно геополитическом пасьянсах Запада, начало чему положил лично Троцкий. В результате с его же подачи началась двойная игра оппозиции с различными силами на Западе — как с Германией, так и с англосаксами — и на Востоке. Но двурушников и Запад терпеть не может. Провал всех ветвей заговора, военного особенно, был неизбежен.

Раздел II. ЗАГОВОР ПРОТИВ ЗАГОВОРА

С трудом приходят на ум мысли о том, что события далекого прошлого некогда ожидались в будущем.

Ф. У. Мейтланд, английский философ и историк XIX в.

Глава 1. Я ИЗ ПРЕДЕЛОВ ЛЖИ РЕШИЛ СОКРЫТЬСЯ!^[313]

Привод Гитлера к власти был обусловлен не только геополитическими, политическими и идеологическими причинами. Колоссальнейшее значение имели и экономические причины. До 1932 г. в мире было четыре крупных промышленных района: Пенсильвания в США, Бирмингем в Великобритании, Рур в Германии и Донецкий (тогда находился в составе РСФСР) в Советском Союзе. В конце первой пятилетки к ним добавились Днепровский (на Украине) и Урало-Кузнецкий (в РСФСР). Сколько бы ни ругали за всякие перегибы первую пятилетку, но именно она стала причиной тектонического сдвига в расстановке глобальных экономических сил. А следовательно, обозначила и такой же по своей сути тектонический сдвиг в расстановке мировых геополитических сил. Ведь в мире стало не просто шесть промышленных районов. Просто шесть Запад как-нибудь да перенес. Ему стало невыносимо по иной причине. До 1932 г. три четверти промышленных районов мирового значения дислоцировались на Западе. С 1932 г. ровно половина индустриальных районов мирового уровня уже находилась на территории СССР! Казалось бы, до последней нитки ограбленная и едва ли не до потери пульса изнасилованная страна в течение всего-то пяти лет, преимущественно собственными силами не только свергла абсолютное и также вроде бы незыблемое превосходство Запада с пьедестала мирового экономического Олимпа, но и принципиально сравнялась с ним. А ведь не являлось секретом, что в ранее не освоенных регионах Советского Союза в ближайшем же будущем должны были появиться еще несколько крупных промышленных районов мирового уровня. Более чем одна треть самого крупного материка — Евразии — оказалась гигантской площадкой для создания, развития и успешной работы крупного индустриального производства. Ранее практически не тронутые богатства ее центральной части оказались не только доступны к разработке и использованию, но и попросту интенсивно вовлекались в активный хозяйственный оборот. Дотоле всего лишь географически, в основном через железнодорожный транспорт обязавшийся потенциал геополитической силы Советского Союза стал стремительно наполняться небывалой и неведомой Западу экономической мощью, трансформация которой также и во внушительную военную мощь была делом небольшого времени да, как говорится, техники.

Те, кого Раковский называл «Они», превосходно владели базисными принципами экономики. Потому прекрасно поняли, что такое столь быстро достигнутое фантастическое количество еще более быстрыми темпами трансформируется в такое же фантастическое качество, что Западу и впрямь придется выносить всех святых и сдаваться на милость создающего социализма. И ведь ни на йоту не ошиблись. Накануне Мюнхенского сговора по объему товарной продукции СССР вышел с пятого места в мире и четвертого в Европе на второе в мире и первое в Европе. В 1938 г. СССР уже производил 13,7 % мировой продукции, в то время как Германия — 11,6 %, Англия — 9,3 %, Франция — 5,7 %!!! Впереди были только США — 41,9 %. А ведь начиналось-то все с отрицательных величин!

Вот почему «Они» и свернули «Ими» же устроенный мировой кризис, названный «Великой депрессией». Дальнейшее его затягивание было уже опасно для самого Запада. Одновременно и Гитлера привели к власти на рубеже завершения первой — начала второй пятилетки. Потому как с конца 1932 г. «Они» окончательно уяснили себе, что теперь «Им» и впрямь необходимо абсолютно гарантированное уничтожение России, хотя бы и Советской, причем и как государства, и особенно как страны, как единственной в мире единой трансконтинентальной евразийской державы. Дабы начисто исключить возрождение России, в том числе и ее влияния в будущем на Восточную Европу, овладение контролем над которой Запад считал ключом к грезившемуся ему мировому господству. О Востоке уж и не говорю. Иначе запланированной глобальной перегруппировки сил было бы не достичь. А этого можно было добиться только путем тотального геополитического, прежде всего территориального, ограбления России. О повторном финансово-экономическом обворовывании при одновременном нанесении на этот раз невосполнимого демографического урона не говорю — и так должно быть понятно. Это автоматически входило в планы Запада. Перед Гитлером была поставлена не допускавшая двойного толкования задача: СССР (в том числе и лично Сталин), но особенно же Россия как становой хребет советского государства должны были быть начисто уничтожены вплоть до состояния **«РУССКОЙ ПУСТЫНИ»!** Принципиальный сговор между Западом и Гитлером накануне его привода к власти в том и заключался, что он был допущен к ее кормилу лишь только после того, как поклялся всеми коричневыми «святыми», что на блюде преподнесет Западу **«РУССКУЮ ПУСТЫНЮ»!**

В этой связи обращает на себя внимание заявление Раковского о том, что было бы хорошо, чтобы Гитлеру предоставили возможность действовать. Очень любопытное заявление. Выходит, что в течение длительного времени «Они» не могли позволить Гитлеру напасть?! Именно

так! Гитлер запаздывал в военно-экономических приготовлениях. Потому и не мог действовать. А «Они» не могли предоставить ему возможность действовать! Во-первых, потому, что до начала второй половины 30-х гг. сами еще не знали, когда лучше это осуществить. Во-вторых, даже у «Них» до указанного времени не было ни малейшего шанса предоставить Гитлеру возможность действовать на восточном азимуте. И вот этот единственный шанс «Им» дал заговор Тухачевского, о котором они знали.

Касаясь в своих мемуарах событий предвоенного периода, Черчилль отмечал: «В истории дипломатии западных держав, увлеченных западной демократией, легко проступает список сплошных преступлений, безумств и несчастий человечества...»^[314] Этот список сплошных преступлений Великобритании начала особо старательно прикрывать еще в самом конце Второй мировой войны. Доподлинно зная, что конкретно в своем безумно преступном стремлении разжечь Вторую мировую бойню и повернуть ее на Восток натворила Великобритания, самым последним — в мае 1945 г. — из правительств государств — лидеров антигитлеровской коалиции согласившаяся на проведение Международного суда над нацизмом и нацистскими военными преступниками, Правительство Их Британских Величеств самым первым выдвинуло жесткое требование о резких ограничениях на свободу слова для подсудимых Нюрнбергского трибунала! И знаете, чего оно опасалось больше всего?! «Обвинений против политики Великобритании вне зависимости от того, по какому разделу Обвинительного акта они возникают»! Но особенно британская сторона опасалась обвинений в адрес «так называемого британского империализма XIX века и в начале XX века»! Так оно и говорилось в английском правительственном меморандуме от 9 ноября 1945 г.^[315] Ну, так ведь знали же, супостаты окаянные, что и когда натворили — потому-то так и боялись этих обвинений! Уж очень не хотелось Великобритании сидеть на одной скамье подсудимых вместе с главными нацистскими преступниками, хотя именно там ей и было бы самое место!

Особенно по обвинению в натравливании нацистской Германии на Советский Союз, потому как если хорошенько «пошерстить» анналы «тайной истории, где видны подлинные причины событий», то без особого труда любой может убедиться в том, что войны в 1941 г. и в самом-то деле не должно было быть! Сколько бы при этом ни талдычили о том, что-де «без тридцать седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решил начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел...». Потому что выбор 1941 г. сроком нападения на СССР действительно никак не был связан с «оценкой той степени

разгрома военных кадров, который у нас произошел». Согласно декабрьскому 1933 г. решению Гитлера первоначальное утроение численности сухопутных войск должно было произойти в течение пяти лет. То есть эта его программа должна была завершиться в 1938 г., а сухопутные войска достичь уровня всего 300 тысяч человек, или 21 дивизии. Чтобы довести их общее число до 36, а это решение появилось 16 марта 1935 г., предстояло создать еще 15 новых дивизий. Полностью же комплектование армии по этим планам должно было быть завершено в 1943 г. Флота и укреплений — в 1945 г.^[316] Альфред Йодль — один из главных военных преступников — после войны признал, что в 1937 г. германский генералитет откровенно предупредил Гитлера, что лично он может делать все, что ему угодно, однако они, вояки, «не в состоянии воевать раньше, чем через семь-восемь лет». То есть и по этим данным выходит, что не ранее 1944 — 1945 гг.

Кстати, и советская разведка в 1937 г. установила, что «рейхсвер в течение 1937 и 1938 гг. на военные авантюры по причине неподготовленности не пойдет, не останавливаясь ни перед саботажем, ни перед переворотом». Эти сведения были получены из высших военных кругов Германии^[317].

Аналогичная ситуация имела место и в люфтваффе, в котором не было опытных офицеров, способных командовать эскадрильями и особенно более крупными авиасоединениями. Командовавший люфтваффе Г. Геринг на совещании в декабре 1936 г. прямо заявил, что для подготовки ВВС нацистской Германии к войне ему нужен срок не менее десяти лет. То есть и по этим данным опять-таки выходит, что война должна была состояться не ранее 1945 — 1946 гг.^[318]

Да и фюрер, хотя и болтал, что-де Германия является «острием западного мира, противостоящим большевизму и его атакам» и о необходимости победоносной войны против России, время начала такой войны именно против СССР указывать не рисковал. К примеру, в подписанном им меморандуме «Об экономической подготовке к войне» от 20 августа 1936 г. фюрер собственной рукой начертал: «Целью этого меморандума не является предсказание времени, когда нетерпимая ситуация в Европе перейдет в стадию открытой войны. Я хочу лишь выразить мое твердое убеждение, что этот кризис не преминет наступить»!^[319] То есть Гитлер и сам толком не знал, когда же можно будет начать войну.

Правда, тут следует сделать одно важное примечание. В тексте меморандума содержится такая постановка задачи: «через четыре года экономика Германии должна быть готова к войне». Прибавьте к 20 августа 1936 г. четыре года и получите конец 1940 — максимум начало 1941 г. Формально вроде бы все совпадает. Временной параметр потенциально возможного начала войны выполз на уровень 1941 г. Но только формально^[320]. Между принципиальной готовностью экономики к войне и принципиальной готовностью самого государства к войне — слишком принципиальная разница. Экономика-то может быть готова, но будут ли готовы вооруженные силы, будет ли готово само государство?! Так что с указанными в меморандуме четырьмя годами невозможно увязывать «оценку той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел». Но даже если вопреки элементарной логике и попытаться это сделать, то степень невозможности увязки с этой «оценкой» будет и вовсе оглушительной. Меморандум-то был подписан 20 августа 1936 г. Между тем то, что обычно именуют «разгромом военных кадров», началось только весной 1937 г., а завершилось в 1938 г. Как правило, Сталин достоверно знал, что планирует Гитлер, но вот фюрер никогда не знал, когда и в силу каких причин Сталин сделает то или иное.

Не просматривается подобная связь и в рамках того времени, которое последовало уже за периодом так называемого разгрома военных кадров. Так, из содержания сообщения от 4 мая 1939 г. одного из наиболее ценных в те времена агентов ГРУ — Арийца (Рудольф фон Шелия, советник посольства Германии в Польше) — четко видно, что после так называемого разгрома военных кадров в СССР Гитлер крайне опасался мощи Советского Союза. В его планы входило следующее: «после того, как с Польшей будет покончено, Германия обрушится всей своей мощью на западные демократии и одновременно определит Италии более скромную роль», и только после этого «будет осуществлено великое столкновение Германии с Россией, в результате которого окончательно будет обеспечено удовлетворение потребностей Германии в жизненном пространстве и сырье»^[321]. Как видите, и тогда Гитлеру вовсе не приходило в голову устраивать «оценки той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел». Напротив, он всерьез был озабочен совсем иным. Фюрер ясно отдавал себе отчет в том, что без концентрации в своих руках — хотя бы и вооруженным путем — всей мощи военно-экономического потенциала Западной Европы нечего и думать о том, чтобы соваться на Восток. Тем более не имея соответствующего удобного плацдарма для нападения на Советский Союз. Более того. Это прямое свидетельство того, что даже тогда фюрером владел

страх перед экономической и особенно военной мощью СССР (напоминаю, что от сотворения мира в понятие «военная мощь» неотъемлемой составной частью входят и качественные характеристики командного состава), и этот страх не давал ему покоя. Вот, собственно говоря, чем и была обусловлена такая поэтапность реализации его планов международного бандитизма.

До так называемого разгрома военных кадров в СССР Гитлер настолько не опасался его военной мощи, что открыто, едва ли не на всех углах брякал, что-де нацисты «готовы в любой момент напасть на Советский Союз»! Именно так он и заявил, к примеру, еще 18 сентября 1936 г. на очередном съезде нацистской партии! Вы только вдумайтесь в соотношение смысла сказанного с хронологией — ведь до начала так называемого разгрома военных кадров в СССР еще целых семь месяцев, а фюрер готов, видите ли, в любой момент напасть на Советский Союз! В то время Гитлер обладал плохо вооруженным и оснащенный всего-то 600-тысячным вермахтом, обремененным к тому же колоссальным количеством профессиональных проблем. Тем не менее ему, оказывается, наплевать на неразгромленные кадры наших «гениальных стратегов», под командованием которых в тот момент была по тем временам весьма прилично вооруженная и оснащенная РККА численностью в 1,2 млн. человек. Более того. Он не опасался их до такой степени, что той же осенью 1936 г. на командно-штабных стратегических играх уже «обкатывал» прототип будущего «Плана Барбаросса»!

Однако после так называемого разгрома военных кадров, особенно ликвидации верхушки заговора в лице «гениальных стратегов», настроение Гитлера резко изменилось. Обладавшего к тому моменту полуторамиллионным и по тем временам уже вполне сносно вооруженным и оснащенный вермахтом фюрера тем не менее вдруг почему-то охватил едва ли не до потери пульса доводивший его животный страх перед открыто проявлявшей готовность вмешаться в чехословацкий кризис 1938 г. Красной Армией?!

Спасибо послу Третьего рейха в СССР — Вернеру фон Шуленбургу, который оставил немало свидетельств о владевшем тогда Гитлером буквально животном страхе перед Красной Армией, в которой только что завершился так называемый разгром военных кадров — «блистательных», видите ли, «стратегов». Своими депешами из Москвы Шуленбург внес серьезный вклад в дело внушения Адольфу столь животного страха перед РККА. И их ценность беспрецедентна — потому как весь так называемый разгром военных кадров в СССР Шуленбург наблюдал глазами очень опытного и проницательного разведчика-дипломата^[322]. Именно он вдолбил

Гитлеру мысль о том, что «участие Европейской России в этой войне будет самым большим и самым решающим событием»^[323].

Британский МИД также считал, что Гитлер опасается России. Заместитель главы дипломатического ведомства Великобритании — Александр Кадоган — 5 апреля 1938 г. заявил послу Чехословакии в Лондоне Масарику (сыну первого президента Чехословакии): «Несмотря на весь пыл Гитлера, Германия боится России»^[324].

В итоге получается, что, обладая в сравнении с РККА слабым по состоянию на сентябрь 1936 г. вермахтом, Гитлер совершенно не опасался наших «гениальных стратегов» и вообще «неразгромленных военных кадров» и, как «храбрый портняжка», нагло изъяслял решимость в любой момент напасть на СССР. Ради чего в самом конце 1936 г. на командно-штабных стратегических играх «обкатал» даже прототип будущего «Плана Барбаросса»! Но как только «разгром» произошел, а вермахт достаточно окреп, хотя и не до такой степени, в состоянии каковой он ринулся в агрессию против СССР, то Гитлером овладел животный страх перед РККА?! Вот и попробуйте теперь хотя бы самим себе объяснить этот поразительный парадокс: почему, когда в РККА завершился «разгром военных кадров», Гитлером настолько овладел животный страх перед Красной Армией, что он самым отчаянным образом непрерывно шантажировал Запад, требуя отдать ему на «съедение» Чехословакию так называемым мирным путем?! Что те и сделали, якобы уступая его пожеланиям. Но, даже получив так называемым мирным путем Чехословакию, Гитлер тем не менее не отделался от этого страха перед РККА.

Дело доходило в прямом смысле до «смешного». Обозленные бандерлоги «западной демократии» открыто обвинили Гитлера в... «клятвопреступлении»: мол, обещал после получения Чехословакии напасть на «врага западной цивилизации» — СССР, но, «подлюга коричневая», слова своего не сдержал?! Причем эти обвинения бросал лорд Галифакс — не столько министр иностранных дел Великобритании, сколько прежде всего член Комитета 300, и именно та самая «святая лиса» британской дипломатии и внешней политики тех времен, которая лично обтяпывала все делишки, связанные с подготовкой к Мюнхенскому сговору, не говоря уже о его реализации^[325].

И что в итоге?! Беспрецедентный парадокс! До так называемого разгрома военных кадров в СССР Гитлеру было просто наплевать на то, есть ли в РККА «гениальные стратеги» и вообще «не разгромленные военные

кадры». Он, видите ли, готов в любой момент напасть на Советский Союз?! А после «разгрома» он и в мыслях-то не только не держал оценивать произошедшее — как заговор Тухачевского, так и его ликвидация вообще оказались для него неожиданными, — но и хоть как-то воспользоваться результатами этого «разгрома»! Напротив, ему, а также его генералам пришлось в голову совершенно иное. Как выяснилось только 24 февраля 1941 г. из данных Экстерна — проверенного агента берлинской резидентуры советской внешней разведки, вскоре после подписания советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. германский Генеральный штаб заказал известному белоэмигранту генералу П. Краснову аналитический обзор на тему «Поход Наполеона на Москву в 1812 году. Теоретический разбор вопроса о возможности такого похода в XX в. и возможные последствия подобной акции»!^[326] Им бы, супостатам окаянным, озаботиться «оценкой той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел», а их, вишь, куда понесло-то... — анализировать поход Наполеона на Москву, да еще и прикинуть возможные последствия такой акции в XX в.!

А все дело в том, что летом и осенью 1939 г. они увидели РККА не только в состоянии боевых действий на разных театрах военных действий, но и прежде всего после так называемого разгрома военных кадров. Причем в ходе Польской кампании вермахт в ряде случаев на своей шкуре испытал, что у «разгромленных военных кадров» «броня крепка и танки быстры», а артиллерия РККА даже в рамках договора о ненападении не без удовольствия может вести «убойно-дружественный» огонь по нацистам! Не менее впечатлял и разгром японцев на Халхин-Голе. Вот потому-то они и заказали П. Краснову такой аналитический разбор с акцентом на возможные последствия попытки повторения похода Наполеона на Москву в XX в. Ибо их интересовала не «та степень разгрома военных кадров, который у нас произошел», а взгляды пришедшего на смену «разгромленным военным кадрам» генералитета на оборону СССР.

Еще в начале 1934 г. Троцкий дал указание своим сторонникам готовить военное поражение Советского Союза в предстоящей войне с Германией. Как лидер военного крыла антисталинский оппозиции, Тухачевский с той поры стал разрабатывать и усиленно навязывать РККА так называемую концепцию «пограничных сражений», на которой впоследствии и был построен его «План поражения СССР в войне с Германией». Ее суть в следующем. В изложении автора книги «Маршал М.Н. Тухачевский» В. М. Иванова, выдвинутая М. Н. Тухачевским «новая концепция приграничного сражения исходила из идеи подготовленного ответного удара». Однако

Тухачевский не выдвигал «новую концепцию приграничных сражений» — он выдвинул «новую концепцию пограничных сражений в начальный период войны», к тому же исходившую не просто из идеи подготовленного ответного удара, а заблаговременно подготовленного немедленного встречно-лобового ответного удара. В опубликованных им трудах использован термин «пограничное сражение», в том числе и в структуре названий отдельных статей. «М. Н. Тухачевский, — как отмечает В. М. Иванов, — предлагал развертывать основные группировки армий прикрытия, с учетом расположения приграничных укрепленных районов, так, чтобы они занимали фланговое положение по отношению к тем направлениям, где наиболее вероятны удары противника. Конечной целью армий прикрытия он считал овладение выгодным стратегическим рубежом для развертывания главных сил и ведения дальнейших операций. По его предположению, приграничное (правильно: пограничное. — А. М.) сражение, в отличие от Первой мировой войны, должно принять затяжной характер и продолжаться несколько недель»^[327]. Суть вредоносности этой концепции состояла в следующем. Прикрытие методом немедленного встречно-лобового вторжения/контрблицкрига должно было реализовываться не только заранее созданными фланговыми группировками, но и прежде всего при ставке на статический фронт узкой лентой при сверхнизкой оперативной и линейной плотности сухопутных войск на остальной части границы. В таком случае войска находятся в состоянии крайней неустойчивости именно с точки зрения обороны и прикрытия границ. И малейший внезапный удар, тем более нанесенный концентрированными силами, автоматически приводит к невообразимо кровавой трагедии. Именно это-то и произошло 22 июня 1941 г. Почему «стратегу» взбрело в голову выдумать такое именно тогда?! В тот самый момент, когда Верховное командование наиболее вероятного тогда главного противника полностью перешло к тотальному исповедованию стратегии блицкрига?!^[328] О каком затяжном характере пограничных сражений было уместно, если вообще уместно, говорить в этом случае? Тем более «в отличие от Первой мировой войны»? Тем более ему, всю ту войну просидевшему в германском плену?

Тем более что и на фронт-то он попал только в 1915 г., когда война была уже в разгаре — что он мог видеть-то? Гитлерюги-то именно потому и взяли на вооружение стратегию блицкрига, что, во-первых, это молниеносный прорыв обороны противника на всю ее глубину в целях скорейшего захвата и оккупации территории намеченной жертвы всеми заранее отмобилизованными, сосредоточенными и развернутыми к нападению силами. Во-вторых, потому, что по тогдашним представлениям гитлеровских

стратегов это был единственный шанс для сильно ограниченной ресурсами Германии избежать крайне опасной для нее войны на истощение. Мрачные воспоминания о Первой мировой войне весьма подстегивали такие настроения.

Сам постулат о «молниеносности войны» бродит в военных умах еще со времен Шлиффена, если не того ранее. А начиная с 20-х гг. XX в. он обрел как бы «второе дыхание». Тезис о «молниеносности» был всерьез подкреплен результатами бурного научно-технического прогресса, вызвавшего к активной военной жизни не столько даже собственно новые, более мощные виды оружия и боевой техники — это и так понятно, — сколько прежде всего фактор их исключительной для того времени мобильности. Военные получили уникальный сплав мобильности и мощи оружия. Еще в протоэмбриональном состоянии будущая вторая по счету Вторая мировая война даже в теории становилась особо маневренной, мобильной и особо разрушительной. К этим вопросам непрерывно обращались лучшие военные умы ведущих стран мира, а полемика между ними не сходила со страниц как специализированных журналов, так и книг по военной тематике, о чем Тухачевский прекрасно знал с января 1926 г., что подтверждается 735 страницами документальных тому доказательств! [329] Когда в последний раз в рамках негласного сотрудничества между РККА и рейхсвером под псевдонимом генерал Тургуев и во главе советской военной делегации он побывал в Германии на осенних 1932 г. маневрах во Франкфурте-на-Одере, то встречался там со многими представителями германского генералитета. А те еще с весны того же года восторженно обсуждали между собой блестящие, как им тогда казалось, перспективы стратегии блицкрига, якобы способной вернуть Германии былую славу мировой державы. Разговор между ними на эту тему даже физически не мог не состояться, к примеру, по такой простой причине. Еще 20 июня 1932 г. Тухачевский опубликовал в «Красной Звезде» статью о стратегии и тактике молниеносной войны при комплексном использовании ВВС и ВДВ совместно с бронетанковыми войсками в операциях быстротечной войны [330].

За год до этого германский военный атташе в СССР Кёстринг указывал, что взгляды и методы германского генералитета проходят красной нитью через все военные положения РККА. Соответственно выходит, что обе стороны прекрасно знали направленность и ход мыслей друг друга. И при встречах у них было что обсуждать между собой, тем более что у Тухачевского, в отличие от еще страдавших от версальских ограничений германских генералов, было куда больше возможностей проверять «свои идеи» на маневрах. Но из Германии генерал Тургуев, он же Тухачевский,

возвратился с высокомерным мнением о том, что-де командованию рейхсвера не хватает, видите ли, понимания особенностей современной войны! Герры генералы ладошки уже поотбивали в восторженных аплодисментах стратегии блицкрига, ничем, к слову сказать, не отличавшейся, как увидим из дальнейшего, от взглядов и концепций Тухачевского и К°, а генерал Тургуев после столь сердечных приемов и банкетов, миль пардон, их мордой об стол?! Не хватает, видите ли, понимания современной войны?! Такое мнение Тухачевский письменно высказал в докладной на имя наркома обороны Ворошилова в октябре 1932 г. Кстати, после этой поездки в Германию буквально горохом посыпались сведения о подготавливаемом некоторыми советскими генералами военном заговоре против центральной власти, во главе которого стоит тот самый генерал Тургуев, мгновенно идентифицированный на Лубянке как Тухачевский. Почему все это должно было совпасть именно так, что практически не остается сомнений насчет того, что же на самом деле стояло за этим? К сожалению, ни Артузов, ни тем более Ягода — тогдашние руководители Лубянки — не сочли нужным выяснить это и «утопили» многочисленные сигналы о заговоре в недрах своего ведомства, хотя информация о формирующейся в СССР так называемой оппозиционно настроенной к центральной власти военной партии поступала с 1926 г.

А о том, что без заговора военное поражение точно не обошлось бы, свидетельствует, например, такой факт. С подачи подельника Тухачевского — командующего Белорусским военным округом Уборевича — весной 1936 г. в этом округе была создана небольшая и совершенно засекреченная штабная организация, прозванная почему-то инспекцией. Дело считалось настолько особо секретным, что инспекция не имела права писать кому-либо в войска или получать оттуда корреспонденцию. В случае войны эта структура должна была развернуться в штаб конно-механизированной армии^[331]. Но кто бы вразумительно объяснил следующее: кто дал право командующему всего лишь округом создавать особо секретную штабную структуру армейского уровня, если испокон веку абсолютная прерогатива в таких вопросах только у министра (тогда наркома) обороны и Генерального штаба?! К тому же только по решению правительства страны, так как за этим стоят вопросы материально-технического обеспечения, а они без него не решаются. Так вот и спрашивается, что за структуру создал Уборевич, если, обозвав ее инспекцией, запретил ей всякие сношения с внешним миром, но при этом поставил задачу в случае войны преобразоваться в штаб конно-механизированной армии?! «Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека», — говорил всемирно известное светило военной науки К. Клаузевиц. Однако же попробуйте здравым умом понять, что за

хреновину «изобрел» Уборевич?! Но если действительно здравым умом попытаться постичь смысл этого «изобретения», то никуда не деться от единственно возможного вывода: это была заблаговременно созданная заговорщиками подпольная структура управления войсками для мгновенного перехватывания командования ими в ситуации военного поражения! Потому что в ситуации ими же организовывавшегося военного поражения СССР в войне с Германией прежние структуры управления войсками стали бы непригодными! И не случайно, что в 1936 г. оба главных поделщика Тухачевского, командующие важнейшими приграничными военными округами — Белорусским и Украинским — соответственно Уборевич и Якир наотрез отказывались от, казалось бы, лестных предложений о переводе в Москву с повышением до уровня заместителя наркома обороны СССР! Они полагались на успех заговора — потому и отказывались!

То, что эта структура была создана именно весной 1936 г., говорит об очень многом. Это не только время начала последней активизации заговора военных, но и то самое время, когда на весенних 1936 г. стратегических командно-штабных играх на картах в Генеральном штабе заговорщики за народные деньги проверяли «эффективность» плана поражения, разработанного ими с учетом привезенных Тухачевским из-за границы «рекомендаций» тевтонов. Последние же прекрасно знали как о «новой концепции пограничных сражений» Тухачевского, так и о разработанном им совместно с поделщиками по заговору плане поражения.

Но германский генералитет знал и другое. Что в святцах российского Генерального штаба еще с 1812 г. лежат выдающиеся аналитические рекомендации стратегического характера, составленные по просьбе русской военной разведки одним из самых талантливейших аналитиков военной стратегии в начале XIX века, ближайшим советником Наполеона, а впоследствии генерал-майором русской армии, одним из основателей Военной академии Антуаном Жомини. Именно он разработал научные основы применения различных вариантов стратегической обороны в специфических условиях России. Именно там, в этих талантливых рекомендациях А. Жомини, содержалась замечательная мысль о том, что стратегическая оборона должна сопровождаться активными действиями сильных маневренных частей и соединений на растянутых коммуникациях противника, по которым осуществляется снабжение армии вторжения. И без того имеющая многовековое обоснование идея активной стратегической обороны настолько прочно вошла в плоть и в кровь российского оборонного мышления и планирования, что ее образ, дух и смысл запечатлен даже в поэзии:

А. С. Пушкин:

...Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

А. Блок:

Хрустнет Ваш скелет
В тяжелых, нежных,
наших лапах.

К началу 30-х гг. Сталину пришлось осознать глобальность политических, экономических и особенно геополитических масштабов неизбежно грядущего столкновения с Западом. Именно осознание совокупности этих обстоятельств навело Сталина на мысль о необходимости рационального использования для защиты СССР бесценного опыта войны 1812 г. Все началось по-сталински, то есть с внешне неприметного факта. В 1931 г. в СССР была переиздана на русском языке — в рамках советского периода впервые издана — книга выдающегося военного теоретика-аналитика, знаменитого в истории русской военной разведки друга России, одного из основателей Военной академии России, генерал-майора русской армии А. Жомини — «Очерки военного искусства в двух томах»^[332].

В начале 1934 г. Иосиф Виссарионович стал обозначать свое видение пространственных контуров будущей войны, в том числе и основного театра военных действий при нападении с Запада, намекая при этом и на наиболее целесообразный вариант обороны. В отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) Сталин впервые поставил вопрос о создании мощной базы для производства сельскохозяйственной продукции за Волгой, подчеркнув при этом, что сама постановка такой задачи обусловлена «всякими возможными осложнениями в области международных отношений». Тем самым он ясно дал понять, что руководство СССР вынужденно считает с тем, что европейская часть СССР, а западные границы Союза, к слову сказать, тогда были значительно восточнее, нежели в 1941 г., может стать театром активных военных действий. А в связи с этим, возможно, придется и отступить, но чтобы не было катастрофы, дублирующую базу по производству, в частности, продовольствия следует создавать уже сейчас и за Волгой. Точно такую же

позицию он занимал и в вопросе о создании дублирующей промышленной базы.

В то время как Гитлер и присягнувший ему на верность генералитет полностью перешли на стратегию блицкрига, фактом постановки задачи создания дублирующей производственной базы за Волгой Сталин тонко обозначил не только свое видение пространственных контуров будущей войны. Одновременно, хотя и очень осторожно, он намекнул военным, какую систему обороны следует выбрать, чтобы в случае неизбежного столкновения «растворить» ударную мощь агрессора в пространстве. Кстати, столь же явно не случайно, что именно в это же время Троцкий дал своим сторонникам в СССР директиву готовить поражение Советского Союза в войне с Германией, потребовав от них разработать соответствующий план.

Когда же в марте 1935 г. разведка представила документальные свидетельства того, что Великобритания впервые выдала Гитлеру карт-бланш на агрессию в восточном направлении, Сталин решительным образом поддержал выдающегося отечественного историка Е. В. Тарле в его намерении написать глубокое исследование о Наполеоне. Именно с его подачи с конца марта 1935 г. Е. В. Тарле приступил к этой работе и, что называется, на одном дыхании, в течение нескольких месяцев сотворил блестящий труд — книгу «Наполеон», которая и поныне считается одним из шедевров в мировом наполеоноведении. Книга Е. В. Тарле сразу же была издана^[333].

То есть когда стараниями Великобритании Гитлер превратился в угрожающий безопасности СССР фактор, то прямой поддержкой Е. В. Тарле в написании книги «Наполеон», а это обстоятельство, к слову сказать, специально не скрывалось, Сталин ясно показал, что в СССР прекрасно понимают глубинную суть геополитической подоплеки привода Гитлера к власти. И книга Тарле ясно напоминала, чем кончил Наполеон, напав на Россию. Она ясно показывала, что в Москве четко отдают себе отчет в исторических параллелях в вопросе о целях и методах действий Наполеона и Гитлера. Но одновременно то был намек и нашим военным — ведь «технология» нанесения поражения Наполеону не была секретом. Однако Сталин не был бы самим собой, если не развил бы ситуацию далее. В 1936 г. с его подачи было осуществлено очередное переиздание указанного выше труда А. Жомини. В связи с приближением (Мюнхенской) развязки чехословацкого кризиса Е. В. Тарле также в кратчайшие сроки написал и при содействии Сталина издал книгу «Нашествие Наполеона на Россию». По сути дела, это уже прямой ответ Москвы на Мюнхенскую сделку Запада с Гитлером. А в 1939 г. вновь были переизданы труды А. Жомини. Военному

командованию все более внятно намекали, какую конкретно систему обороны необходимо избрать. По большей части именно намекали, ибо вслух говорить о варианте 1812 г. политически было нецелесообразно — потому Сталин и говорил о необходимости для армии научиться отступать, чтобы не подвергнуться разгрому, но внешне никак не связывал это с вариантом 1812 г.

В конце концов германский генералитет сообразил, что означают эти перемежающиеся публикации исследований о Наполеоне и трудов А. Жомини. Эти фигуры в мировой военной истории столь знаковые, что не понять, что сие означает, — весьма затруднительно. Потому как публикация исследований о Наполеоне в сочетании с трудами А. Жомини означала, что советское военно-политическое руководство откровенно разворачивается к бесценному опыту прошлого. Оно так и было.

Гитлеровский генералитет действительно попытался оценить последствия «разгрома военных кадров» в СССР, но только в режиме усилившегося животного страха перед Советским Союзом и мощью его вооруженных сил, противостоять которым в длительной войне Германия не могла. Прямое свидетельство тому — тематика заказанного П. Краснову аналитического обзора. А причина такого заказа, как это уже очевидно, проистекала из настойчивых, но осторожных попыток Сталина переориентировать новое поколение советских генералов на использование активной, маневренной стратегической обороны (в сочетании, естественно, с классической стратегической обороной) в противовес концепции так называемых пограничных сражений. Уже в начале 1938 г. Сталин стал обращать внимание генералитета на то, что армия, которая умеет наступать, но не умеет отступать, потерпит поражение. Концепция же «пограничных сражений» являлась не чем иным, как доктриной немедленного встречно-лобового контр-блицкрига, преступной дурью о котором «разгромленные военные кадры», особенно Тухачевский при деятельном содействии Уборевича, весьма долго и откровенно «пудрили мозги» всей РККА и высшему советскому руководству^[334].

Вот истинная причина странного заказа германского Генштаба генералу Краснову — тевтонов интересовало изменение стратегических взглядов СССР на оборону!

Войны против СССР в 1941 г. не должно было быть — Гитлер действительно предполагал напасть на СССР в середине 40-х гг., не ранее 1942 — 1943 гг., причем с изначальным посылом вообще на 1943 — 1945 гг. и даже 1946 г. Правда, в какой-то момент он стал ориентироваться на 1200-летний юбилей со дня рождения наиболее почитаемого в Западной Европе

ее главного бандита-основателя и императора Священной Римской империи Карла Великого, заложившего не только геополитические основы современного Запада, но и «Дранг-нах-Остен». Юбилей приходился на 1942 г., и, к слову сказать, гитлеровцы отметили его с колоссальной помпой. Однако юбилейные даты юбилейными датами, но в действительности Гитлер и предположить-то толком не мог, когда же он сможет приступить к главному делу своей жизни — войне. В чем собственноручно и расписался — в меморандуме «Об экономической подготовке к войне». Он был предназначен для высшего руководства рейха и «капитанов» германского ВПК и потому являлся особо секретным, что, однако, не помешало ему своевременно попасть на стол Сталина. Так что ни перед собой, ни перед ближайшим окружением, ни тем более перед воротилами германского ВПК Адольфу не было резона юлить — он действительно этого не знал. При всем колоссальнейшем значении как самого меморандума, так и означенного выше его постулата о сроке завершения этой подготовки сие вовсе не означает, что уже тогда война была именно же запланирована как обязательная именно на указанный срок, тем более против СССР. По планам Гитлера, сначала должна была произойти война с Польшей не только ради уничтожения этого «версальского ублюдка», но и прежде всего ради обретения необходимого плацдарма в Восточной Польше (на Западной Украине и в Западной Белоруссии) для последующей организации нападения на СССР. Затем должны были быть сокрушены пресловутые «западные демократии» — опять-таки не столько ради того, чтобы уничтожить эти символы якобы столь ненавистной Гитлеру «плутократии», сколько прежде всего в целях захвата и использования в интересах Третьего рейха всей экономической и военной мощи Западной Европы. И только потом — «великое столкновение с Россией». Если же учесть сезонную зависимость действий армий того времени, особенно в наступательных операциях, как раз и выходит, что при такой очередности Адольфу нужно было — от момента завершения исполнения плана по экономической подготовке к войне — не менее двух-трех лет, чтобы рискнуть на «великое столкновение с Россией». То есть не ранее 1942 — 1943 гг. (с изначальным посылом вообще на 1943 — 1945 гг.).

600-тысячный вермахт образца 1936 г., который даже самую первую, так называемую мирную, агрессию — реокупацию Рейнской области — осуществлял в начале марта 1936 г. не то чтобы без боевых патронов, но и попросту с макетами винтовок, от 7,24-миллионного вермахта образца 1941 г. отделяла 12-кратная дистанция. Дистанция, которую прежде всего необходимо было осознать в принципе, затем не менее принципиально определить ее масштабы, потом разработать меры по ее преодолению и,

наконец, еще и преодолеть ее на самом деле. К тому же с невиданным не только для того времени, но и попросту за всю историю человечества военно-экономическим ростом — исходя из размеров дистанции как минимум втрое в год, чтобы успеть к 22 июня 1941 г. При всей авантюристичности своих геополитических замыслов Гитлер тем не менее был жестким прагматиком и столь убойных планов ни перед собой, ни перед германским ВПК не ставил. Милитаризация Германии осуществлялась бурными темпами, однако отнюдь не в разы и уж тем более не втрое в год. Из-за присущей Германии ограниченности в ресурсах экономическая подготовка рейха к войне стала буксовать едва ли не с самого начала. Даже невзирая на то, что в результате реокупации Рейнской области в состав рейха, точнее в экономический оборот рейха, вновь были вовлечены 80 — 85 % добычи германского каменного угля, 80 % производства железа и стали, ранее отобранных у Германии по условиям Версальского «мирного» договора 1919 г.

И вдруг к 1 октября 1938 г. численность вермахта достигла уже 2 млн. 200 тыс. человек, хотя за девять месяцев до этого, т. е. на 1 января того же года, всего было 800 тыс. человек. Почти трехкратный рост. Причем в 1937 г. его численность возросла по сравнению с 1936 г. всего на 200 тысяч: с 600 до 800 тыс. человек. И вдруг, подчеркиваю, такой взрывной рост при столь серьезнейших экономических трудностях. К 23 августа 1939 г. в вермахте числилось уже 4 млн. 233 тыс. человек, а в ноябре того же года и вовсе был преодолен 5-миллионный рубеж! О невероятно возросшей оснащенности оружием, боевой техникой, различной амуницией, боеприпасами уж и не говорю. Ну а достигшая к 22 июня 1941 г. рубежа в 7 млн. 240 тыс. человек численность вермахта означала, что Гитлер поставил под ружье фактически 10 % своего тогдашнего мобилизационного ресурса.

Так вот и спрашивается, что это за чудеса-то такие творились в Третьем рейхе при тогдашних серьезнейших экономических трудностях?! Особенно в начале этого мощного, взрывного рывка вперед. Ведь выходит-то, что всего-то за три года 1936 — 1939 гг. — вермахт возрос в 7 раз (?), причем только за два из них 1938 — 1939 гг. — в ПЯТЬ РАЗ?! А мощь военно-промышленного комплекса Германии при всех прикладывавшихся для этого усилиях всего лишь на несколько десятков процентов. Более того, уже весной 1938 г. на волоске от краха висела и финансовая программа милитаризации рейха, больше смахивавшая, правда, на глобальную финансовую аферу. Единственный, кто в рейхе по-настоящему соображал в экономике и финансах, выдающийся финансовый гроссмейстер XX в. — Яльмар Шахт — из-за острых разногласий с фюрером и вовсе вскоре оказался не у дел!

Как же так?! Что за этим стоит?! По мановению какой волшебной палочки это произошло при таких-то, подчеркиваю, экономических трудностях рейха?! В чьих руках она находилась и кто ею дирижировал?! Кто в конце-то концов оказался тем самым воистину гениально ловким кудесником, что сотворил это мерзкое чудо на горе всему миру?! Германский историк Г. А. Якобсен еще в конце 50-х гг. прошлого столетия указывал: «...Необходимо разрушить одну все еще распространенную легенду: германское нападение на Советский Союз в 1941 г. (как об этом свидетельствуют результаты изучения документальных источников) не являлось превентивной войной. Решение Гитлера осуществить его было порождено отнюдь не глубокой тревогой перед грозящим Германии предстоящим советским нападением, а явилось конечным выражением той агрессивной политики, которая с 1938 г. становилась все более неприкрытой»!^[335]

Почему именно с 1938 г. агрессивная политика коричневого шакала становилась все более неприкрытой?! Ведь он же никогда не скрывал своих планов насчет «Дранг-нах-Остен», еще в «Майн Кампф» их описал, однако только с 1938 г. его агрессивная политика стала превращаться во все более неприкрытую?! Кто и что стали тому причиной? Вот в чем вопрос-то.

Массированное нарастание агрессивности Гитлера с 1938 г. полностью подтверждается и данными советской военной разведки, своевременно добывшей сведения о состоявшемся в августе 1933 г. в Ютебоге секретном совещании военного руководства нацистской Германии. По данным ГРУ, речь шла о переводе всего хозяйства Германии на службу военной политике и полной военизации страны», а также о том, что «Германии нужны колонии, но не в Африке, а на востоке Европы», что «ей нужны территории зерновой Украины» и что основная цель фюрера сформулирована как «борьба с Советами»^[336].

До этого он рассуждал, например, о тех же «территориях зерновой Украины» всего лишь в сослагательном наклонении — ах, если бы у Германии были такие территории, то рейх утопал бы в изобилии. Так он говорил еще осенью 1936 г. на очередном съезде нацистской партии. И вдруг всего-то через два года тон его заявлений резко изменился — от сослагательного наклонения ни хрена не осталось, появились категорические формулировки задач. Почему? Что произошло? Что послужило основанием для столь решительного изменения тона? Почему, если накануне Мюнхенского сговора он до крайности опасался непосредственного вмешательства в разрешение чехословацкого кризиса РККА, где только что произошел якобы «разгром военных кадров»? А едва

только он начался в 1937 г., немецкая сторона стала зондировать возможности для «неожиданного улучшения» отношений между Германией и Советским Союзом, о чем, например, свидетельствовало заявление министра иностранных дел Константина фон Нейрата в беседе 7 июля 1937 г. с вновь назначенным в Берлин советским полпредом К. К. Юреневым?! [\[337\]](#)

Небезынтересен и такой факт. Передавлив после захвата власти наиболее ретивых астрологов и придавив более осторожных, нацисты вспомнили о них почему-то именно весной 1933 г. Под контролем СС 15 марта 1938 г. для них устроили секретную конференцию в старинном замке Вартбург, в ходе которой астрологи выработали свои прогнозы в отношении предполагаемых военных действий Германии, в том числе и в отношении СССР. Именно от астрологов Третьего рейха впервые прозвучал 1941 г. как наиболее удобный срок для нападения на Советский Союз. Причем было указано даже конкретное время — не позднее второй половины мая 1941 г.! [\[338\]](#) Почему именно в марте 1938 г. на

цисты задумались об этом?! Почему именно тогда они сформулировали перед астрологами вопрос о наиболее благоприятном, по их оккультному мнению, времени нападения на СССР?! Как убедимся из содержания дальнейшего расследования, нацистское руководство хотело сверить предлагавшиеся Западом в преддверии скорого Мюнхенского сговора соблазны с данными астрологов, которым издавна очень сильно доверяло. А все дело заключалось в том, что Гитлер, как предстоит убедиться, еще с февраля 1937 г. в общих чертах уже знал условия будущей (Мюнхенской) сделки.

От реальной возможности пойти на риск серьезной войны, и особенно против СССР, Третий рейх отделяла не только 12-кратная дистанция от необходимой для этого численности вермахта, не говоря уже о его вооружении и оснащении и вообще степени готовности германского ВПК к войне. От этого его отделял громадный территориальный буфер в лице как непосредственно граничивших с СССР государств, к примеру Польши и стран Прибалтики, так и близко примыкавших к советским границам — например, Чехословакии. К тому же надо было иметь дело еще и с Польшей, Румынией, Венгрией и Финляндией, также являвшими собой определенный буфер. И этот колоссальный по своей совокупной площади буфер еще надо было как-то преодолеть. Причем так, чтобы не только не растерять своих сил, но и ни в коем случае ни с кем не делиться грезившейся Адольфу жирной добычей на Востоке. Подчеркиваю, ни с кем, даже с союзной тогда

рейху Польшей, которую он называл «версальским ублюдком». Сколь неприятно то ни было бы, но невозможно не отдать должное Гитлеру и его генералам — к глубокому сожалению, они очень хорошо понимали негативное значение этого фактора для их агрессивных замыслов, но позитивное — для СССР.

Так, поздней осенью 1936 г. германский Генеральный штаб провел стратегические командно-штабные игры, во время которых «обкатывался» прототип будущего «Плана Барбаросса». Несмотря на фантастический по условиям того времени успех гитлеровских генералов в ходе этой, пока еще картографической, агрессии против СССР, к чему мы еще вернемся, вывод, который тогда сделали гитлерюги, был поразителен. Он гласил: «Никакого точного решения относительно "Восточной кампании" не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в самой Восточной Польше»^[339]. Речь шла о входивших тогда в состав польского государства территориях Западной Белоруссии и Западной Украины. То есть понимать-то они понимали, что грезившийся им успех при нападении на Советский Союз напрямую связан с этим непосредственно примыкавшим тогда к границам СССР плацдармом, но вот как до него добраться — не знали. Соответственно никакого точного решения в отношении «Восточной кампании» принять не могли. Но одно дело даже очень хорошо понимать, и совсем иное — преодолеть такие препятствия!

Решение столь глобальных задач в высшей мировой политике, которую испокон веку вершат считанные единицы из числа государств, наиболее могущественных сил в мире, а также лиц, к ним причастных либо их олицетворяющих, под силу также лишь тем же считанным единицам, но уже из числа только что указанных выше. Это чрезвычайно узкий круг государств, сил и лиц. Так было (и есть!) всегда, в каждом веке, в каждой эпохе — высшими законами мироздания, мироустройства и тем более его переустройства, особенно насильственного, владеют лишь считанные единицы!

Ни нацизм как таковой, ни сам Адольф Гитлер, ни его ближайшие соратники к числу этих считанных единиц не принадлежали. По табелю о мировых рангах того времени они были всего лишь ведомыми «шестерками», хотя в чем-то частично и информированными. Правда, фюрер не без характерного для него позерства нередко с апломбом утверждал, что-де «для того, кто знает грядущий ход событий, случайностей не бывает». На самом же деле Гитлер не только ни хрена толком не знал, ничего правильно спрогнозировать не мог, но и зачастую вовсе не слишком-то и понимал происходившее в высшей мировой политике. Как истинно ведомый, он знал лишь то, что его ведущие позволяли ему знать. Да и то

далеко не всегда они были склонны информировать его, тем более в деталях. Хотя и косвенно, но Гитлер тем не менее неоднократно это признавал, даже и не понимая, кстати сказать, что же на самом-то деле он говорит. Так, 19 января 1939 г., то есть уже после Мюнхенской сделки, в беседе с министром иностранных дел фашистовавшей тогда Венгрии Чаки фюрер ляпнул следующее: «Неслыханное достигнуто. Вы думаете, что я сам полгода назад считал возможным, что Чехословакия будет мне как бы преподнесена на блюдец ее друзьями?»

Я не верил, что Англия и Франция вступят в войну, но я был убежден, что Чехословакия должна быть уничтожена военным путем; то, что произошло, может произойти лишь раз в истории». Как видите, фюрер однозначно признал, что он так и не понял суть произошедшего — того, что привело к Мюнхенской сделке. Не понимал он и того, как Западу вообще удалось довести дело до Мюнхенской сделки. Все это оказалось для него «неслыханным»! Безукоризненно прав он был и в том, что за полгода до Мюнхена, как, впрочем, и за год, и за два, и даже того ранее, он действительно ничего толком не знал, не предполагал и, в сущности-то, даже вычислить и то не мог. Это действительно было именно так. Хотя бы, например, потому, что о готовящейся сделке за счет Чехословакии — как о принципиально принятом решении Запада (Великобритании) — было известно почти за год до ее совершения. У. Черчилль, например, открыто и явно не без умысла проболтался об этом советскому послу в Англии — И. Майскому — еще 16 ноября 1937 г. Причем, и это вдвойне важнее, проболтался за сутки до начала официального визита в Германию министра иностранных дел Великобритании лорда Галифакса. Но раз это знал не занимавший в то время никаких официальных постов в правительстве У. Черчилль, то многочисленные британские друзья фюрера, которые окружали лорда Галифакса и тогдашнего премьер-министра Великобритании — Невилла Чемберлена, — тем более знали. Ведь «святая лиса» собралась в Германию с официальным визитом, детали которого были оговорены заранее. К тому же еще в самом начале февраля 1937 г. Гитлеру открыто намекали, что он получит практически все, что хочет. И все равно — для него все оказалось «неслыханным».

Особенностью геополитического восприятия мира Гитлером была безудержная готовность всенепременно нарушить Высший Закон Высшей Мировой Геополитики и Политики. Причем явно даже не подозревая о его существовании или, по меньшей-то мере, не предполагая тех невероятно катастрофических последствий для Германии и всего мира, которые таились в его безумно преступной готовности нарушить этот Закон. И эта пожиравшая его готовность заслоняла от его сознания все остальное.

Собственно говоря, ведущие «овцеводы» англосаксонской политики потому и отобрали этого «барана» на роль «жертвенного козла», который должен был предварительно, нет, не увлечь за собой в Небытие десятки миллионов людей, а вымостить их костями магистральную дорогу к мировому господству англосаксов. Как у истинно ведомого, степень его посвящения не столько даже в суть этого Закона, сколько вообще в факт его существования, ограничивалась очень искусно инспирированными по итогам Первой мировой войны крайним национализмом и реваншизмом, едва ли не автоматически возобладавшими в Германии после вынужденного подписания ею Версальского так называемого мирного договора. Естественно, что извращенное подобными обстоятельствами сознание будущего фюрера было не в состоянии более или менее адекватно воспринимать те геополитические постулаты, которые через Р. Гесса, а также при личных встречах пытался ему вдолбить легендарный германский геополитик XX века Карл Хаусхофер. Рассуждая, к примеру, о последствиях Версальского «мирного» договора, К. Хаусхофер, имея в виду допущенные победителями крайне жестокие несправедливости в отношении Германии, указал, что «тому, кто помогает создавать и проводить противоречащие природе границы, должно быть ясно, что он тем самым развязывает шедшую на протяжении тысячелетий борьбу... Взрыв границ рано или поздно неотвратим».

Конечно, в определенном смысле он был прав — необъяснимое с точки зрения установления справедливости унизительно жестокое территориальное обрезание Германии в соответствии с решениями «версальских мудрецов» неминуемо привело бы к пересмотру ее послевоенных границ. Вопрос был лишь в том, каким образом должен был произойти этот пересмотр. А вот здесь необходимо отметить, что Карл Хаусхофер вовсе и не подразумевал «взрыв границ» именно и только в военном смысле, тем более на восточном азимуте. Он придерживался концепции «открытости Востоку», что означало не «оккупацию славянских земель», а установление совместными усилиями России и Германии «Нового Евразийского Порядка» и реструктурирование континентального пространства Евразии. При этом расширение немецкого жизненного пространства — *Lebensraum* — Хаусхофер видел не в форме, тем более кровавой, колонизации русских земель, а за счет в том числе и совместного освоения гигантских незаселенных азиатских пространств, а также реорганизации земель Восточной Европы. Что же до «взрыва границ», то более всего это относилось к фундаментальным основам европейского устройства. Дело в том, что по большей части Хаусхофер ориентировался, а заодно пытался сориентировать также и фюрера на ликвидацию

последствий Версальского договора как прямого «наследника» Вестфальского мира 1648 г., который, как известно, не только закрепил немецкую раздробленность, но и пресек притязания Священной Римской империи германской нации на значительную часть Западной Европы. Впрочем, хрен редьки не слаще.

Мысль о «взрыве границ» будущий фюрер воспринял в буквальном смысле, и, что самое главное, прежде всего на восточном азимуте. Это очень четко проявилось уже в «Майн Кампф». Анализ геополитических положений «библии нацизма» свидетельствует о серьезных расхождениях во взглядах между Гитлером и Хаусхофером. Однако именно ориентация на «взрыв границ», подобно «философскому камню» в руках средневековых алхимиков, превратила никому не известного демагога-ефрейтора из мюнхенской пивной в того самого Адольфа Гитлера, который стал проклятием всего мира. И не случайно, что именно представители тех самых, и на Западе тоже считанных единиц, коим реально под силу было влиять на будущее мироустройство, на вопрос о том, где родился Гитлер, невозмутимо отвечали: «В Версале!» Там были заложены все необходимые предпосылки не только для Второй мировой войны, но и прежде всего для зарождения и быстрого организационного оформления нацизма. Гитлер, к слову сказать, и этого тоже толком не понимал.

Однако же предпосылки предпосылками, но вот шанса-то предоставить Гитлеру возможность действовать, то есть пойти на «взрыв границ», и позволить ему развязать войну, тем более напасть на Советский Союз, все еще не было. А сам «жертвенный козел» Запада предполагал такую возможность не ранее середины 40-х гг. К осени 1936 г. подобное положение дел окончательно перестало устраивать Запад, прежде всего Великобританию. Естественно, и «Их» тем более. В провале заговора Тухачевского, точнее в энергичном, но негласном содействии ускорению провала этого заговора, «Они» усмотрели единственный шанс одним махом решить громадный комплекс вопросов и задач подготовки Гитлера к уничтожению СССР:

- резко ускорить военно-экономическую подготовку нацистской Германии к нападению на СССР;
- вывести вермахт на ближайший во второй половине 30-х гг. XX в. к советским границам удобный плацдарм для нападения на Советский Союз;
- предотвратить свержение Гитлера генеральской оппозицией в Германии, о чем в Лондоне и в целом на Западе хорошо знали;
- ликвидировать даже прообраз системы коллективной безопасности в Европе, главным образом за счет полного дезавуирования Францией и

Чехословакией ранее заключенных ими с СССР договоров о взаимопомощи в отражении агрессии;

— изолировать СССР в ситуации:

а) истечения даже пролонгированного срока действия советско-германского договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г.;

б) один на один с выведенной вплотную к советским границам нацистской Германией и интенсивно создававшейся угрозы двухфронтowego нападения на СССР, то есть с участием также и Японии;

в) причиненного его военной мощи ущерба;

— ликвидировать уже сложившийся к тому времени позитивный имидж Советского Союза в мире;

— не допустить проведения советским руководством ориентированной только на коренные интересы СССР (России) внешней политики;

— сформировать необходимые моральные и иные предпосылки для развязывания войны против СССР как якобы главной «империи зла» в мире и Европе.

Если еще проще, но с использованием основных констант британской внешнеполитической стратегии, то прежде всего суть сводилась к созданию контролируемого преимущественно Великобританией (а за кулисами этого процесса — и США тоже) превосходства консолидированных сил нацистской Германии и ее союзников для нападения на СССР. А в конечном-то счете — к контролируемому Великобританией (и США) конкретному акту агрессии против СССР, который первоначально как раз и планировался на 1938 г.!

Глава 2. ДЛЯ ТЕХ, КОМУ ПОЗНАНИЕ ТАЙН ДАНО!

В отличие от Гитлера Сталин, напротив, прекрасно понимал исторически неизменный смысл геополитических устремлений Запада, особенно в отношении России, а также отводившуюся Германии роль не столько даже в антисоветских, хотя это и было очевидно, сколько именно же в антироссийских планах Запада, — роль ударной пешки, торящей дорогу для реализации глобальных планов по установлению мирового господства англосаксонского Запада. В конце ноября 1934 г. он уже знал о решении британского Кабинета министров от 21 ноября 1934 г. создать специальный секретный комитет по проблемам перевооружений Германии в составе премьер-министра, министров обороны, иностранных дел и по делам Индии. Комитету поручалось изучить «вопрос о перевооружении Германии, в частности, суммировать все доступные факты и цифры, связанные с этим перевооружением, и сделать определенные рекомендации кабинету относительно будущей политики (Великобритании. — А. М.), касающейся легализации перевооружения Германии»^[340]. То есть вместо того, чтобы разработать эффективные меры по запрету перевооружения Германии, которое являлось прямым нарушением Версальского договора, британский Кабинет министров нацелился на его окончательную легализацию. И это при том, что 22 ноября 1934 г. правительство Великобритании получило подготовленный Адмиралтейством, военным министерством, имперским Генеральным штабом и британской разведкой специальный, особо секретный меморандум о масштабах и темпах перевооружения и милитаризации Германии^[341].

Еще в тексте Версальского «мирного» договора 1919 г. «версальские мудрецы» тиснули такую идейку, что-де разоружение Германии должно явиться предпосылкой для общего ограничения вооружений всеми странами. Вплоть до конца 1925 г. Запад делал вид, что у него память отшибло и он, видите ли, ни хрена не помнит, что было прописано в договоре. Однако сразу после подписания в октябре 1925 г. Локарнских соглашений уже в декабре 1925 г. к Западу вдруг вернулась память. В результате была создана уникальная контора типа «Рога и копыта» — Подготовительная комиссия Лиги Наций по подготовке и проведению международной конференции по разоружению. На протяжении шести лет

эта «контора» занималась неизвестно чем. Впрочем, будем объективны — комиссия откровенно прожирала громадные финансовые средства, отпускаясь Лигой Наций на ее существование. А в порядке «благородной отрыжки» с порога и начисто отметала любые предложения Советского Союза по разоружению и ограничению вооружений. Это и было ее основное занятие на протяжении этих шести лет. И вдруг на февраль 1932 г. эти «козлы» решили созвать международную конференцию по разоружению. При всей внешне безоговорочной целесообразности и полезности такого мероприятия подлинный его смысл заключался в обратном. Помните, как Раковский на допросе показал, что «Они» приняли решение повторить со Сталиным то, что уже было сделано с царем. То есть вновь ввергнуть Россию, пускай и в лице СССР, в войну. Однако, как он подчеркнул, «во всей Европе не было государства-агрессора. Ни одно из них не было расположено удобно в географическом отношении и не обладало армией, достаточной для того, чтобы атаковать Россию. Если такой страны не было, то "Они" должны были ее создать. Только одна Германия располагала соответствующим населением и позициями, удобными для нападения на СССР...». Вот «Они» и принялись создавать государство-агрессор — тернистый путь послевоенного восстановления Германии уже был пройден. Версаль, «гарантировавший» некое, как сказал французский маршал Ф. Фош, «перемирие на двадцать лет». План Дауэса (1923 г.), ставший «миной под Европой». Локарнские соглашения, выпустившие «дух войны» на свободу. Пакт Келлога-Бриана (1928 г.), из-под текста которого уже торчали пушки. План Юнга (1929 г.), резко снизивший размеры взимаемых с Германии репараций. Призывы римского папы к «просвещенному» Западу отправиться в крестовый поход против СССР. Мораторий Г. Гувера, фактически ликвидировавший само взимание репараций с Германии. В итоге к 1932 г. на повестке дня уже стоял вопрос о допуске Германии к вооружениям, а самая короткая на Западе дорога к вооружениям — через болтологию о разоружении^[342]. Вот и понадобилась международная конференция по разоружению. Открыть Германии дорогу к вооружениям необходимо было до привода тем же Западом Гитлера к власти. Иначе, при его людоедских планах, получилось бы, что эту дорогу открывают лично для него. Конференция-то проходила незадолго до очередных выборов в Германии. Расчет был прост: в тот момент Запад полагал, что нацистская партия: (она была на подъеме) легальным путем завоюет большинство в парламенте и соответственно легальным же путем сформирует свое правительство во главе с Гитлером либо он будет избран президентом. Гитлер, к слову сказать, сообразив это, соизволил, наконец, в феврале 1932 г. оформить германское гражданство. А на открывшейся

конференции германской делегации было дозволено потребовать предоставления «равенства прав» в области вооружений. Но как? А очень просто. С прямого согласия Запада германская делегация пригрозила также, что уйдет с конференции, если не будут сокращены вооружения других государств или не будут сняты ограничения на ее собственные вооружения. Было очевидно, что это неприкрытый шантаж. Но в то же время все стороны прекрасно знали, кто их подталкивает как к шантажу, так и к благосклонному восприятию этого шантажа. Ведущие западные компании по производству вооружений уже откровенно сгорали от нетерпения вступить в прибыльную гонку вооружений. А «Им», в свою очередь, не терпелось приступить к очередному переделу мира. И тут внезапно возникло два серьезных препятствия. С одной стороны, это позиция Франции, которую сильно напугало требование «равенства прав в области вооружений». Париж в этой связи выдвинул лозунг — «сначала безопасность, потом разоружение и равенство прав». Франция не поверила своим западным партнерам и на всякий случай начала переговоры с Советским Союзом насчет заключения договора о ненападении, который был подписан в самом конце 1932 г. А это уже не понравилось западным «друзьям» Франции. И президента Думерга пристрелили. С другой стороны, оставалась проблема германского рейхсвера, который при всем своем страстном желании получить, наконец, доступ к вооружениям, тем не менее сохранял достаточно ярко выраженную просоветскую ориентацию. Учитывая же громадную в те времена роль рейхсвера в политической жизни Германии, предоставление последней равенства прав в вооружениях запросто могло создать, по мнению Запада, весьма неприятную для него геополитическую ситуацию: никак не контролируемый Советский Союз в альянсе с Германией, реваншистски настроенные вооруженные силы которой получили бы еще и «равенство прав» в вооружениях. Запад потому и тормозил ратификацию Германией протокола о пролонгирования срока действия советско-германского договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. еще на пять лет. Ситуация с предоставлением Германии «равенства прав в вооружениях» грозила стать тупиковой.

В поисках выхода Великобритания активизировала своего давнего агента влияния в Италии... Бенито Муссолини, с которым британская разведка еще в 1917 г. установила доверительные отношения^[343]. Как выяснилось уже в 1933 г., премьер-министр Великобритании Р. Макдональд выдвинул идею создания небольшого по численности высшего совета из главных европейских держав, который взял бы на себя функции обычного Совета Лиги Наций и вершил бы европейскую, а значит, и мировую политику. Советскому Союзу, «естественно», там места не нашлось. Вот эту

идею Муссолини и озвучил во время своего выступления в Турине осенью 1932 г. А к началу весны 1933 г. Великобритания передала ему проект «Политического пакта согласия и сотрудничества между четырьмя западными державами», который Муссолини озвучил также от своего имени. В проекте говорилось: «1. Четыре западные державы — Италия, Франция, Германия и Великобритания — принимают на себя обязательство во взаимоотношениях друг с другом осуществлять политику эффективного сотрудничества с целью поддержания мира... В области европейских отношений они обязуются действовать таким образом, чтобы эта политика мира, в случае необходимости, была также принята другими государствами. 2. Четыре Державы подтверждают, в соответствии с положениями Устава Лиги Наций, принцип пересмотра мирных договоров... 3. Италия, Франция и Великобритания заявляют, что в случае, если Конференция по разоружению приведет лишь к частичным результатам, равенство прав, признанное за Германией, должно получить эффективное применение... 4. Четыре Державы берут на себя обязательство проводить в тех пределах, в которых это окажется возможным, согласованный курс во всех политических, европейских и внеевропейских вопросах, а также в области колониальных проблем...» В состоявшейся 15 марта 1933 г. конфиденциальной беседе с германским послом в Риме Хасселем дуче разъяснил огромную выгоду этого пакта для Германии, где к власти уже был приведен Гитлер: «Благодаря обеспеченному таким путем спокойному периоду в 8 — 10 лет Германия сможет вооружаться на основе принципа равенства прав, причем Франция будет лишена предлога предпринять что-либо против этого. В то же время возможность ревизии будет впервые официально признана и будет сохраняться на протяжении упомянутого периода... Система мирных договоров будет, таким образом, практически ликвидирована...»^[344] Великобритания изо всех сил старалась обеспечить Германии возможность не только ускоренных вооружений, но и пробиться к западным границам СССР за счет полной ликвидации всех мирных договоров, которыми завершилась первая всемирная бойня XX в. Без этого все ставки на Гитлера были бы биты. В ноябре же 1933 г. из уст тогда министра иностранных дел Чехословакии Эдуарда Бенеша последовало убойное разоблачение, опубликованное затем на страницах французской газеты «Жур»: «Когда г. Муссолини предпринял дипломатическую акцию, связанную с "Пактом четырех", он имел в виду определенную идею, план, проект. Мир, по его представлению, должен быть обеспечен путем раздела всего земного шара. Этот раздел предусматривал, что Европа и ее колонии образуют четыре зоны влияния: Англия обладала империей, размеры которой огромны; Франция сохраняла свои колониальные владения и

мандаты, Германия и Италия делили Восточную Европу на две большие зоны влияния — Германия устанавливала свое господство в Бельгии и России, а Италия получала сферу, включающую дунайские страны и Балканы. Италия и Германия полагали, что при этом большом разделе они легко договорятся с Польшей: она откажется от Коридора (имеется в виду Данцигский коридор. — А. М.) в обмен на часть Украины... Вы, наверное, помните в связи с этим заявление г. Гугенберга в Лондоне. Если вы теперь спросите меня, каковы были бы последствия этого широкого плана раздела мира, я вам сказал бы прямо, что этот широкий план, прежде чем он был бы осуществлен, вызвал бы ряд войн»^[345]. Вот что конкретно стояло за тем британским поручением, которое с осени 1932 г. стал выполнять Муссолини.

Что же касается рейхсвера, то эту задачу Великобритания решила еще проще. Гитлера привели к власти в качестве рейхсканцлера, и соответственно контроль над рейхсвером перешел к нацистам. Ведь военный министр входил в состав кабинета министров, который возглавил Гитлер. Не говоря уже о том, что и нацисты не были настроены сотрудничать с СССР, равно как и советские власти.

Но перед тем как это было сделано, Германии уже было гарантировано равенство прав в вооружениях. Сделано это было очень «оригинально» — чего только не выдумает «пытливая мысль» бандерлогов «западной дерьмократии»! В декабре 1932 г. США, Великобритания, Франция, Германия и Италия в порядке междусобойчика, но в рамках конференции по разоружению декларировали предоставление Германии равноправия «в рамках системы безопасности, одинаковой для всех стран». Выигрыш для равных к власти нацистов был очевиден — равноправие Германии было признано официально. Следовательно, рейхсвер может отказываться от сотрудничества с СССР и спокойно переходить под руководство Гитлера. Что же до «системы безопасности» — так ведь ее еще нужно создать. В итоге получалось, что если реально последовало бы всеобщее сокращение вооружений, то равенство прав Германии соответствовало бы провозглашенным целям. Но ведь никто этого и не собирался делать — вопрос открыто стоял о войне. Следовательно, откровенно намечалась гонка вооружений, в условиях которой «равноправие» означало вполне легитимное развертывание германских вооружений. Вот так Запад открывал магистральную дорогу для Второй мировой войны XX в.

Теперь вот о чем. По сию пору бродят легенды об отвергнутых Сталиным «гениальных» предложениях «стратега». Например, о производстве фантастически безумного количества танков и самолетов для РККА. Именно фантастически безумных, потому как предложения о

производстве в год 122 500 самолетов и 100 000 танков иначе не назовешь ^[346]. Тем более в период первой пятилетки. Особенно если учесть, что при таких масштабах военного производства Тухачевский предлагал иметь в строю в округленных цифрах всего от 35 до 40 тыс. самолетов и 50 000 танков! Однако фантастическое безумие этих предложений — лишь малая часть вершины айсберга. Подлинная же — в тех самых поисках шанса для предоставления Германии «равенства прав в вооружениях». Дело в том, что упоминавшаяся выше Подготовительная комиссия Лиги Наций по подготовке и проведению международной конференции по разоружению искала хоть какую-нибудь лазейку, чтобы обеспечить Германии, на которую уже была сделана ставка как на ударную силу Запада в следующей войне, дабы втащить ее на легитимных основаниях в мир гонки вооружений. Ведь версальские ограничения по-прежнему действовали — это был один «шлагбаум» на этом пути. Другой «шлагбаум» воздвигла советская дипломатия — договор о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. В то же время еще в Локарно Запад выпустил на свободу «дух войны», а с 1926 г. и вовсе существовал план нападения на СССР консолидированными силами Запада под общим руководством Великобритании. Главная роль в нем отводилась вооруженным силам Германии. Так вот в том-то все дело и заключалось, что гладко было на бумаге, да забыли бритты про овраги. Германия ни с какого боку не могла дотянуться до столь желанных для нее вооружений. В этом смысле даже негласное военно-техническое сотрудничество с СССР не давало желаемого результата, потому как выгодоприобретающей стороной в этой сфере со второй половины 20-х гг. стал Советский Союз, особенно с того момента, как Сталин взял его под плотный контроль. Единственный в то время шанс для Германии мог возникнуть лишь в том случае, если СССР, против которого Запад и выпустил в Локарно «дух войны», приступил бы к реализации какой-нибудь крупномасштабной программы милитаризации. Но СССР вовсе и не собирался этого делать, тем более в первой пятилетке. На тот период основная ставка в борьбе за безопасность Советского Союза была сделана не на военную силу, хотя армию, несмотря на ее 10-кратное сокращение, никто и не распускал, а на силы Коминтерна — за счет создания видимой угрозы тылу Запада, дабы отбить у него охоту к нападению на страну Советов. Отвечать же на коминтерновские угрозы предоставлением Германии «равенства право вооружениях» — это был бы нонсенс в абсолюте, потому как во многих странах коммунистические партии действовали не только легально, но и внешне никак не были связаны с Коминтерном (все проявления этой связи старательно скрывали по соображениям безопасности, хотя и не всегда удачно). Так что у Запада не было более или менее законных оснований

предоставить Германии «равенство прав» в сфере вооружений. Вот тут-то Тухачевский и вылез со своими лишь только внешне фантастически безумными предложениями — прямо в начале 1930 г. В ситуации очередного серьезного обострения международной обстановки вокруг СССР его предложения о производстве 122 500 самолетов и 100 000 танков в год откровенно провоцировали правительство страны на принятие крупномасштабной военной программы. И, не дай-то бог, прими его предложения правительство СССР, то у Запада мгновенно появился бы уникальный по своей пробивной силе аргумент на законных основаниях предоставить Германии «равенство прав» в вооружениях. Не говоря уже о том, что и сами ведущие страны Запада с превеликим удовольствием и на аналогичных законных основаниях — как же, резко обострилась «русская (советская) угроза», — влезли бы в гонку вооружений. Задачи такого уровня поручаются, как правило, агентам стратегического военно-политического влияния, кем, собственно говоря, и был Тухачевский^[347].

В этой связи очень характерно одно положение из опубликованного в газете «Правда» от 11 июня 1937 г. обвинительного заключения по делу о военно-троцкистском заговоре с целью свержения советского правительства и захвата власти, восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов и отрыва от СССР части территории в пользу Германии и Японии. Там, в частности, было указано, что «следствием установлено, что обвиняемый Тухачевский передал во время германских маневров 1932 г. немецкому генералу... секретные сведения о размерах вооружения Красной Армии»^[348]. Здесь самым важным является не фактор секретности переданных сведений, тем более о вооружении — это и так понятно и квалифицируется Уголовным кодексом только как шпионаж, — а фактор передачи секретных сведений именно же о размерах вооружений РККА. Именно осенью 1932 г. эти сведения и были крайне нужны Германии. Ведь после того как он побывал на военных маневрах в Германии осенью все того же 1932 г., резко активизировались попытки Германии, и Запада достичь желанного «равенства прав» в вооружениях! И что могло быть лучше, нежели сведения об истинных размерах вооружений РККА, если учесть все вышеуказанные дипломатические фокусы Запада, с помощью которых он пытался уравнивать Германию в этом важнейшем вопросе международной безопасности того времени?! Ведь испокон веку любую свою подлость, любое свое преступление против мира и человечества эта старинная скотина по имени Запад мотивирует так называемой русской угрозой! Как же, у Советов столько-то пушек, пулеметов, самолетов и т. д. и т. п. — надо срочно Германию уравнивать в правах на вооружение! Ну не твари ли?!

Совместными усилиями советских разведслужб в ноябре 1934 г. было отслежено содержание секретных переговоров министра иностранных дел Великобритании Саймона и лорда-хранителя печати Идена с прибывшим в Лондон представителем Гитлера — Риббентропом^[349]. Усиленно навязывая бриттам идею широкого англо-германского соглашения, взамен Риббентроп нахально требовал для Германии равенства в вооружениях. Выторговал-таки, сукин сын, — британское правительство дало, правда, неофициальное согласие на легализацию вооружений Германии^[350]. Британское правительство уже тогда прекрасно понимало, что открытое согласие на легализацию германских вооружений сильно повредит давно сгнившему имиджу «доброй, старой» сволочи по имени **PERFIDIOUS ALBION**. Пытаясь найти какой-либо приемлемый вариант, в январе 1935 г. в Берлин были отправлены личный друг тогдашнего премьера Макдональда — лорд Аллен Хартвуд, а также лорд Лотиан. Последний был известен своей пронацистской ориентацией и выступлениями в пользу сколачивания антисоветского блока, ядром которого должен был стать англо-германский союз. Советские разведслужбы отследили и этот визит. Было установлено, что Гитлер и Лотиан обсуждали проект Европейского пакта, в котором Германии отводилась роль «оплота, защитника Западной Европы от угрозы большевизма»^[351].

Информация же разведслужб о состоявшихся 1 — 3 февраля 1935 г. в Лондоне англо-французских переговорах на уровне премьер-министров и министров иностранных дел (Францию представляли Фланден и Лаваль, Англию — Макдональд и Саймон) зафиксировала интересный факт. Оказалось, что впервые с момента привода Гитлера к власти обе стороны стали видеть необходимость подписания региональных пактов в «непосредственном и эффективном сотрудничестве с Германией»^[352]. Как показало дальнейшее развитие событий, это и был зародыш будущей идеи о Мюнхенском сговоре. К началу следующего, 1936-го, года зародыш уже стал приобретать конкретные черты.

В начале февраля 1936 г. среди доложенных Сталину документов разведки появилась представленная британскому Кабинету министров постоянным заместителем министра иностранных дел Робертом Ванситтартом особо секретная докладная записка от 3 февраля 1936 г. С нее, в общем-то, и началась британская прелюдия Мюнхенского сговора. Проанализировав различные донесения британской разведки и дипломатов и оттолкнувшись от тезиса, что «ускоренно вооружающаяся Германия становится все более опасной и потому требующей удовлетворения своих претензий», Ванситтарт сделал характерный для любого британского политического деятеля и дипломата вывод — «англо-французское

урегулирование с Германией было бы наиболее эффективной гарантией против опасностей... русско-германского сотрудничества», и потому «было бы хорошо, если это возможно, договориться на определенных условиях с Германией», чтобы «сохранить ее в игре»!^[353] Судьбы мира высокопоставленный британский дипломат изволил именовать «игрой», для участия в которой сохранения был достоин именно Адольф Гитлер!

Через неделю эта идея получила не только дальнейшее развитие в особо секретном в то время меморандуме от 11 февраля 1936 г., подготовленном А. Иденом для МИДа Великобритании, но и определенную конкретизацию. В качестве едва ли не основной меры борьбы с возрастающей германской опасностью А. Иден предложил пойти на жертвы вплоть до серьезных уступок, в первую очередь территориальных, включая и возврат отобранных у Германии по итогам Первой мировой войны ряда земель и колоний. Именно это Иден и предложил рассматривать как залог облегчения «достижения соглашения с Германией»^[354].

Уяснив магистральный вектор развития англо-германских отношений в ближайшем будущем и прекрасно осознавая, что если кто на Западе и знает грядущий ход событий, так это в первую очередь Великобритания, Сталин потребовал от личной разведки сосредоточить максимум внимания на скрытых сторонах англо-германских отношений. И, как всегда, оказался прав. В начале мая 1936 г. был зафиксирован тайный визит в Берлин личного друга тогдашнего британского премьер-министра Стэн

ли Болдуина — Томаса Джонса. Как и любой иной британский премьер-министр, Стэнли Болдуин был известен своими зоологическими антисоветизмом и русофобией — отправляя Т. Джонса в Берлин, он напутствовал его следующими словами: «Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы это была драка между большевиками и нацистами». Во время состоявшихся между ним и Гитлером секретных переговоров формально обсуждался вопрос о необходимости дальнейшего сближения Великобритании и нацистской Германии, что, в сущности-то, и означало подготовку этой драки. Напоминаю, что еще в августе 1925 г. было известно, что английская политика в отношении СССР является политикой подготовки будущего столкновения руками Германии.

Вскоре стало ясно, каким образом **PERFIDIOUS ALBION** намерен подойти к решению этого вопроса. Свою роль сыграли агентурные данные об особо секретном отчетном докладе Томаса Джонса по итогам его тайного визита в Берлин и секретных переговорах с Гитлером и о содержании его же конфиденциального письма, коим он сопровождал свой отчет на имя премьер-министра. Эти данные были тщательно сверены со всеми

разведывательными и иными секретными сведениями, что скапливались в особой папке МИДа Великобритании — «Германская опасность». Одновременно была выяснена и реакция самого С. Болдуина на доклад Т. Джонса, который был заслушан в загородной резиденции первого — Чекерсе — 22 мая 1936 г. В итоге было установлено, что наиболее благожелательную реакцию у главы британского правительства вызвали следующие пассажи Томаса Джонса. Обратив в своем докладе внимание премьер-министра на то, что Великобритании «предстоит выбрать между Россией и Германией», Томас Джонс указал, что «Гитлер не в состоянии в одиночку противостоять России» и именно поэтому фюрер «просит о заключении союза» с Великобританией «для того, чтобы создать бастион против распространения коммунизма». Исходя из этого, Томас Джонс просил в сопроводительном письме к отчетному докладу довести изложенную точку зрения как консолидированную позицию правящей британской элиты до являвшегося не меньшим нацистом, чем сам Гитлер, короля Эдуарда VIII!^[355] Т. Джонса, естественно, совершенно не заботил тот факт, что даже в секретном отчетном докладе на имя премьер-министра страны он брехал, как шелудивый пес. Во-первых, потому, что Великобритания давным-давно сделала свой выбор, приведя коричневого шакала к власти. Во-вторых, потому, что Россия, хотя бы и Советская, в то время, как, впрочем, и всегда, ничем, абсолютно ничем и никому не угрожала, в том числе и Германии. В отношениях между двумя государствами тогда действовал уже Гитлером пролонгированный договор о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г., а между территориями двух государств и в помине не было общей границы.

Тем не менее именно как консолидированная позиция правящей британской элиты указанная выше точка зрения действительно была доведена до короля, в чем, конечно же, ничего удивительного не было. Великобритания — «альмамаатер» нацизма. Именно оттуда растут все корни нацизма.

Окончательное же оформление замысла будущего сговора с Гитлером произошло в самом начале февраля 1937 г. — в главном выводе составленного для руководящих членов британского Комитета имперской обороны документа высшей степени секретности. Тут уж совершенно отчетливо проглядывался сугубо антисоветский замысел. Потому как в нем указывалось, что именно СССР является важнейшим фактором «против вступления Германии в войну», поскольку, опираясь на свои громадные человеческие ресурсы и вооружения и при всей своей готовности к войне на два фронта — на Западе и на Востоке, Советский Союз выступает за мир, а «не за немедленную войну». Военная же готовность столь любезной сердцу

британских политиков нацистской Германии была еще недостаточна для развязывания войны!^[356] В итоге выкристаллизовалась триада двуединых задач:

1. Необходимо на определенных условиях договориться с гитлеровской Германией ради предотвращения возможного урегулирования резко ухудшившихся после привода Гитлера к власти советско-германских отношений (особенно их торгово-экономической составляющей), дабы сохранить Гитлера в игре против СССР! Попросту говоря, для нападения на СССР — вся британская «игра» того времени в том и заключалась.

Едва только Великобритания привела Гитлера к власти, как тут же, несмотря на пролонгированный Гитлером еще на пять лет договор о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. (в апреле — мае 1933 г. состоялся обмен нотами о ратификации протокола о продлении от 1931 г.); началось резкое ухудшение германо-советских отношений. За 11 месяцев только 1933 г. советское посольство в Берлине направило МИДУ Германии 217 нот протеста. Иные посольства за всю историю своего существования не представляли ни одной такой ноты, а тут — целых 217 всего за одиннадцать месяцев одного года. То есть по 20 нот ежемесячно, а за вычетом выходных и праздничных дней обоих государств — едва ли не каждый день. Очень сильно пострадали торгово-экономические отношения между двумя государствами. Только за первую половину 1933 г. советский экспорт в Германию сократился на 44 %. То же самое происходило и далее, причем в еще больших размерах. Одновременно резко сократился и германский экспорт в СССР. Торговое соглашение между Германией и СССР от 2 мая 1932 г. было объявлено гитлеровским правительством недействительным. А ведь торгово-экономические отношения СССР с Германией были едва ли не стержнем всей системы внешнеэкономических связей Советского Союза того времени. В то же самое время на проходившей в Лондоне в мае 1933 г. под патронажем Великобритании международной экономической конференции представители Англии и Германии совершенно открыто обсуждали вопрос о разделе странами Запада, в первую очередь первыми двумя, «обширного рынка на Востоке», то есть СССР. Кстати сказать, организовывали конференцию наши старые «знакомые» — У. Буллит и представитель клана Уорбургов — Дж. П. Уорбург.

[Под прикрытием этого слета экономических «коршунов» западного мира обсуждались и глобальные политические вопросы. Во время секретной встречи главы внешнеполитического отдела нацистской партии Альфреда Розенберга с министром иностранных дел Великобритании Дж. Салмоном

обе стороны увлеченно обсуждали «план избавления Европы от большевистского призрака», предусматривавший присоединение к Германии Австрии, Чехословакии, значительной части Польши, включая и пресловутый Данцигский коридор, Познани, Западной Украины, Западной Белоруссии, также Литвы, Латвии и Эстонии как плацдарма для германской экспансии на Восток. Обсуждение откровенно смахивало на нижайшее испрашивание вассалом разрешения на агрессию у своего сюзерена. Но каждая из сторон в качестве «камня» держала за пазухой так называемый русская козырь. Ведь обе стороны знали, что в СССР уже существует готовая на совершение государственного переворота «военная партия» во главе с Тухачевским, имеющая прогерманскую ориентацию и действующая под общим руководством Троцкого. ГРУ, к слову сказать, сообщало тогда, что, по мнению соответствующих германских кругов, «следует ожидать скорого изменения политического положения в России»^[357]. Так вот, дело в том, что за этими словами стоит следующее:

1. Это мнение соответствующих германских кругов основывалось, судя по всему, в том числе и на данных, полученных Розенбергом в результате одной операции, санкционированный впоследствии также «невинной жертвой» сталинизма — А. Х. Артузовым. Глава Внешней разведки ОГПУ инициировал и санкционировал ее еще в 1931 г. Даже краткое официальное описание этой операции, тем более в сочетании с иными двойственностями ее характера. То есть что лишь внешне эта операция проводилась в интересах разведки. На самом же деле под прикрытием идеи об агентурном проникновении в ближайшее окружение одного из руководителей нацистской партии, по сути дела, была предпринята попытка установить прямой контакт с одним из лидеров нацистов — Альфредом Розенбергом. И в то же время, в рамках одной и той же операции, одновременно преследовалась цель подставы одного и того же агента советской разведки еще и британской разведке^[358]. Мягко выражаясь, это не столько малопонятные, сколько более чем труднообъяснимые цели. Потому как именно из-за этого немедленно возникают очень нелицеприятные вопросы. Дело в том, что и без того всегда и всерьез чреватые крупными негативными последствиями разного характера операции по подставе агентуры от сотворения мира имеют моноориентацию на конкретный объект. Потому как за двумя зайцами гоняться — ни одного не поймать.

Изначальное же планирование подставы одного и того же агента одной и той же разведки с одной и той же «легендой» не только разным, но и разнородным по своей сути объектам, а именно так и обстояло дело, больше смахивает на попытку установления политических контактов с

указанными объектами. И тут же упираемся в вопросы: а от имени кого на самом деле устанавливались эти контакты, какая реально информация передавалась в обоих направлениях и, самое главное, какие цели преследовались? Впечатление о двойственности этой операции еще более усилится, если принять во внимание то обстоятельство, что о ее осуществлении не ставился в известность даже резидент ИНО ОГПУ в Берлине. Берлинская резидентура пребывала в неведении по этому вопросу. А ведь любые мероприятия по разработке одной из ведущих и тогда рвавшихся к власти политических партий Германии по определению должны были быть согласованы хотя бы с резидентом в Берлине. Но этого не было. Кстати говоря, ничего подобного не было предпринято и на английском направлении этой операции, хотя ее проводили через рижский плацдарм, где разворачивалась другая и столь же маловразумительная операция по подставе британской разведке советской агентуры — «Тарантелла»^[359].

Правда, благодаря своей агентуре в руководящих кругах нацистской партии берлинская резидентура не осталась в неведении относительно имевшей место попытки кого-то из «внутрисоветской оппозиции» выйти на А. Розенберга. И тут же последовал приказ Артузова прекратить проверку этих данных, а сама операция на немецком направлении немедленно была свернута (одновременно была свернута и работа на английском направлении). Хуже того. Сообщивший об этой попытке кого-то из «внутренних оппозиционеров» выйти на А. Розенберга агент почему-то очень быстро угодил под «колпак» нацистских спецслужб (тогда партийных), а вскоре и вовсе был ими ликвидирован. В сбою очередь, в следственном деле Артузоба содержатся глухие намеки на то, что этого агента нацистам «сдали» наши... Единственным серьезным следствием этих операций стало то, что британская разведка с того времени резко усилила свои усилия по добыванию информации об антисталинских оппозиции. И вот еще что. Во время следствия на Лубянке в 1937 г. бывший нарком внутренних дел Г. Г. Ягода, а также бывший глава разведки Лубянки А. Х. Артузов, не сговариваясь, однозначно подтвердили, что ими осуществлялись тайные переговоры как с Англией (а также с Францией), так и с Германией. То есть получается, что, во-первых, впечатление о двойственности этих операций отнюдь не беспочвенное. Парадоксально, но факт, что маловразумительная операция по внедрению агента в ближайшее окружение А. Розенберга с одновременной подставой под той же легендой этого же агента еще и британской разведке хронологически точно совпала с первой попыткой А. Розенберга установить контакт с британской разведкой. Среди его ближайших друзей в Берлине был барон

Уильям де Ропп. — выходец из аристократической прибалтийской семьи (насколько можно судить — из Литвы), который с 1910 г. проживал в Англии, где натурализовался, женился на англичанке и даже воевал в годы Первой мировой войны в составе Королевских военно-воздушных сил против кайзеровской Германии.

К удивлению многих знавших его по Англии, особенно бывших сослуживцев, барон де Ропп переехал на постоянное место жительства в разрушенную войной Германию. И в кратчайшие роки стал ближайшим другом уже проявившего себя ярким германским националистом А. Розенберга. Судя по всему, в Германию барон де Ропп переехал по настоянию британской разведки, потому как в 1920 г. уже было очевидно, что вокруг яра националистического «Общества Туле» гуртуются бывшие остзейские (прибалтийские) аристократы и просто выходцы из Прибалтики, как правило, немцы по происхождению. Ситуация более чем выгодная для внедрения своего агента в руководящие круги как «Общества Туле», так и быстро набиравшей силу отпочковавшейся от него Национал-социалистической партии Германии. Однако все дело было еще и в том, что барон сохранил очень тесные дружественные связи со своим бывшим командиром Уильямом Фредериком Уинтерботэмом, который в 1930 г. был назначен руководителем нового для МИ-6 Сектора воздушной разведки (впоследствии преобразован в Отдел авиационной разведки). Уинтерботэм являлся членом Генерального штаба Королевских ВВС, был вхож в высшие круги истеблишмента Великобритании, в том числе и его военного крыла. Был убежденным сторонником англо-германского сотрудничества в целях борьбы с большевизмом. С его помощью барону де Роппу удалось организовать первый визит А. Розенберга в Лондон еще в 1931 году, то есть именно тогда, когда Артузов начал упоминавшуюся выше операцию. В конечном счете барон де Ропп стал личным связником А. Розенберга в контактах с прогермански настроенными кругами Великобритании. Но одновременно он стал, точнее, окончательно превратился в такого же личного связника одного из руководителей британской разведки — У. Ф. Уинтерботэма — в контактах с высшим руководством нацистской партии. Собственно говоря, давно начатая британской разведкой операция, на внедрению своего агента в ближайшее окружение высшего руководства нацистской партии вошла в апогей. Так что и, во-вторых, нет ничего удивительного в том, что при обсуждении в Лондоне уже в мае 1933 г. «скорох изменений в политическом положении в России» у каждой из сторон бил свой «скелет в шкафу». Ведь информация о попытке «представителя» антисталинской оппозиции войти в контакт с А.

Розенбергом стала достоянием барона де Роппа, а следовательно, и британской разведки.

2. Именно так. Потому что и до лондонской конференции британская разведка располагала серьезными данными не только о заговоре Тухачевского, но и в целом о заговоре антисталинский оппозиции. В прошлом известный российский политический деятель, один из главных виновников так называемой февральской революции — Александр Иванович Гучков — с давних пор сотрудничал с британской разведкой и с ее же подачи в эмиграции стал сотрудничать также и с германской разведкой. Так вот, именно Гучков еще в 1932 г. сообщил бриттам, что германский Генштаб (формально его не существовало) располагает планом, суть которого «в необходимости переворота через колеблющиеся силы в ВКП(б), в правительственных кругах и высшем командном составе Красной Армии». Между прочим, как указывалось выше, осенью 1932 г. в Германии на осенних маневрах рейхсвера побывал Тухачевский, после чего оттуда едва ли не горохом посыпались сообщения о заговоре военных во главе с неким «генералом Тургуевым»/Тухачевским, который ориентирован на свержение центрального правительства. В конце весны 1933 г. Гучков подтвердил бриттам, что немцы по-прежнему осуществляют упомянутый выше план. Естественно, что бритты располагали и иной информацией, в частности, от упоминавшегося выше своего агента «Фила» — Адольфа Эрнста Хойзингера. А на информацию последнего легла и информация от барона де Роппа]

Образовавшийся вакуум в торгово-экономических отношениях Германии с СССР стремительно и целенаправленно заполняли Англия и США. В апреле 1933 г., а также 10 августа и 1 ноября 1934 г. были подписаны новые англо-германские соглашения — об угле, валютное, торговое и платежное. Последнее соглашение, кстати говоря, очень любопытно. Дело в том, что по нему Англия взяла на себя обязательство в ответ на каждые 55 фунтов стерлингов, затраченных Германией на покупку товаров Англии, покупать в Германии товаров на 100 фунтов стерлингов и оплачивать их валютой. Проще говоря, Англия стала усиленно накачивать гитлеровскую Германию, чтобы направить ее вооруженную экспансию на Восток, против СССР. А вскоре начались и массивные поставки продукции двойного назначения, в том числе вооружений^[360]. Однако все это «цветочки». «Ягодки» пошли чуть позже. Первым делом и в срочном же порядке из Германии, точнее с ее топливного рынка, вышибли СССР. На Западе уже давно поняли, что будущая война — «война моторов», а моторам требуются нефть и нефтепродукты. Так вот, если советско-германские смешанные общества «Дерунафт» (поставки нефти) и «Дероп» (поставки

бензина и керосина) практически полностью покрывали потребности Германии в нефти и нефтепродуктах, то в какую сторону могли полететь германские самолеты, пусть даже и сделанные в Англии и США, и куда могли двинуть сделанные во Франции «германские» танки?! Причем без какого-либо влияния Кремля. До умопомрачения устрояя себя однозначным в ее понимании ответом на этот вопрос, Великобритания предприняла отчаянную акцию по вышибанию СССР с германского топливного рынка.

3 марта 1933 г. из советского посольства в Берлине в Москву поступила срочная телеграмма, в которой говорилось: Получены сведения об инспирации поджога рейхстага Детердингом, надеющимся в результате обострения борьбы с коммунизмом и СССР в Германии добиться изгнания "Дероп" и осуществления нефтяной монополии. Предполагаются участниками его агенты. Детердинг действовал совместно с Герингом. Это сообщение, по нашим сведениям, появится во французской и американской прессе»^[361]. Итак, опять Детердинг. Но Детердинг, не просто сам по себе стремящийся к монополизации нефтяного рынка Германии. Это тот самый Детердинг — всемирно известный нефтяной «король», глава международного нефтяного концерна «Ройял Дач Шелл», который еще в 1926 г. пытался организовать вооруженное нападение на Советский Союз консолидированными силами Запада и всевозможной уголовной падали из числа эмигрантов. Это именно тот самый Генри Детердинг — член Комитета 300. Именно этот-то Детердинг и оказался настолько «способен взять на себя осуществление британской нефтяной политики», что устроил поджог рейхстага как прелюдию к антикоммунистическому погрому в Германии. Потому как это был единственный способ вышибить СССР с топливного рынка Германии. Ибо из-за неумных, мягко говоря, действий Коминтерна и советской бюрократии едва ли не на каждой бензоколонке Германии сидели дармоеды — постоянно вмешивавшиеся во внутренние дела Германии и сильно раздражавшие местную полицию агенты Коминтерна, не говоря уже о членах Компартии Германии. Спровоцировав в результате поджога рейхстага антикоммунистическую истерию в Германии, Детердинг добился того, что руками штурмовиков в кратчайшие сроки были разгромлены как «Дерунафт», так и «Дероп». Германский нефтяной рынок перешел под контроль западных монополистов, прежде всего «Ройял Дач Шелл». Чуть позже с третьих плацдармов подтянулись и американские «акулы» нефтяного бизнеса. В сущности-то, всеми сторонами выполнялся приказ Комитета 300. В результате проведенной Детердингом (Великобританией) крупномасштабной блицоперации по вышибанию СССР с нефтяного рынка Германии, **PERFIDIOUS ALBION** удалось решить

глобальные задачи по предотвращению скорого выравнивания Советским Союзом своего платежного дисбаланса и перехода на положительное сальдо во внешнеторговом обороте с Германией.

Но самое главное, что тогда удалось сделать **PERFIDIOUS ALBION**, так это предотвратить дальнейшее тесное переплетение германской и советской экономик за счет практически полного подрыва нефтяной политики СССР в Германии, а тем самым и лишить Советы возможностей какого бы то ни было влияния на фюрера по торгово-экономическим каналам. Экономический союз СССР и Германии пугал Великобританию куда больше, чем и без того полностью иллюзорный призрак стратегического союза между двумя государствами. По настоянию Экономического отдела МИДа во главу угла была поставлена задача категорического недопущения опасного для Великобритании сближения Германии с Россией на почве торгово-экономического сотрудничества. В обычно именовавшихся «Экономический аспект внешней политики» докладах упомянутого отдела британского МИДа из года в год эта задача фигурировала не просто как приоритетная, а как основополагающая, что подчеркивалось в каждом документе. На языке МИДа Великобритании это называлось «экономическим умиротворением» Гитлера.

На передовые позиции в торгово-экономических отношениях Германии с внешним миром вышли Великобритания и США. Цель — в срочном порядке подготовить нацистскую Германию к вооруженной экспансии на Восток, против СССР. Сталин прекрасно это видел и понимал. И когда после успешных англо-германских переговоров в марте месяце 1935 г. в Москву пожаловал участвовавший в них лорд-хранитель печати Антони Иден, а Сталин, к слову сказать, документально точно знал, что там наобещала Гитлеру Великобритания^[362], то, встретившись с ним, Иосиф Виссарионович достаточно резко «отстегал» бриттов. В ответ на ёрническое заявление Идена о том, что-де Англия совсем маленький остров, а соответственно от него мало что зависит, Сталин ответил следующее: «Да, маленький остров, но от него многое зависит. Вот если бы этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла — мир в Европе был бы обеспечен»^[363]. В ответ Иден как воды набрал в рот. А что ему оставалось делать, — ведь Сталин был абсолютно прав. Иден это прекрасно понимал.

С описанной выше ситуацией в советско-германских торгово-экономических отношениях связано направление в Берлин на важный пост торгового представителя СССР старого приятеля Сталина — Давида Владимировича Канделаки. Как правило, банальной служебной командировке Канделаки навязывают таинственный смысл некой миссии в

целях достижения некоего тайного сговора с Гитлером. Однако это полнейшая чушь. Если уж и усматривать в чем-то миссию, то реальный, без подделок и фальсификаций смысл лежит на поверхности — положить-таки начало нормализации торгово-экономических отношений между двумя государствами, ранее вполне неплохо сотрудничавшими на этой стезе. Потому-то Сталин и выбрал своего земляка и старого знакомого, чтобы в Берлине быстрее сообразили, что если торгпредом приехал человек Сталина, то, следовательно, все вопросы нормализации торгово-экономических отношений будут решаться по-сталински, в ударном темпе. В таком смысле Канделаки можно считать порт-паролем Сталина, то есть его неофициальным посредником в официальном статусе. Но в Берлине, к сожалению, этому дали совсем иную трактовку. Хуже того. Стали использовать это обстоятельство не только в антисоветских целях, но и даже в ущерб собственным же интересам. Более того. До сих пор с «миссией» Канделаки увязывают предысторию договора о ненападении от 23 августа 1939 г., выставляя ее как пролог к нему, а также как предтечу якобы незаконной расправы с Тухачевским.

«Секрет» же превращения командировки Канделаки в некую «тайную миссию» состоит в следующем. Во-первых, дело в том, что еще до того, как Берлин положительно ответил на агреман Москвы о назначении Канделаки новым торгпредом, все, что надо и не надо было, сообразила узкая каста советских дипломатов-германофилов, которая с давних времен занимала руководящие позиции в Наркомате иностранных дел. Причем эта каста была разделена на два лагеря: на ярых сторонников Троцкого — эту группу возглавлял заместитель наркома иностранных дел Н. Н. Крестинский, и просто сторонников безоглядного германофильства без какой-либо политической ангажированности. Во-вторых, еще одну трактовку задач Канделаки «на-гора» выдала каста западников англофильской ориентации, хотя тут нечего было соображать. Сталин специально направил новым торгпредом своего земляка и давнего знакомого. Он должен был свежим, не замыленным старинным германофильством взглядом посмотреть на ситуацию. И, отмечая как германофильство, так и характерное для англофильствовавшего наркома иностранных дел М. М. Литвинова злобное германофобство, по мере возможности определить, что и как можно сделать для улучшения торгово-экономических отношений между двумя странами. Ведь Канделаки был свободен от игравших тогда колоссальную роль этноидеологических наслоений. Как известно из истории, с первых дней советской власти и практически до начала мая 1939 г. в советских дипломатическом и внешнеторговом ведомствах работало большое количество евреев. Конечно, нет ничего плохого в том, что евреи были

массово задействованы в этой сфере. Если уж начистоту, то у них действительно немалые таланты по этой части. Плохо было то, что их этнические соображения, к тому же нередко навеваемые извне, зачастую брали безальтернативный верх над государственными интересами. Прикрытые же еще и туфтой социалистической брехологии того времени, они практически не поддавались какой-либо нейтрализации, хотя, как известно, во внешней политике и внешней торговле нет и быть не может места этническим эмоциям. Иначе это не дипломатия и не внешняя торговля, а примитивный базар с беспрерывной руганью и оскорблениями.

Но каста есть каста. Потому и неудивительно, что при выработке политики СССР в отношении Германии, а ее стержнем в то время были торгово-экономические отношения, ибо в политическом плане сотрудничать с нацистами Сталин и так не собирался, в формально именовавшемся Максимом Максимовичем Литвинове практически всегда безальтернативно брал верх смотревший на эти проблемы с узкоместечковых позиций Мейер Баллах-Финкельштейн. А если учесть еще и его дореволюционные связи с англосаксонским Западом, в том числе и с некоторыми тайными структурами последнего, то нередко получалось, что он исполняет функции информирующего агента стратегического влияния Запада. Литвинов практически постоянно «сливал» на Запад всю информацию, касавшуюся советско-германских политических и особенно торгово-экономических отношений, причем зачастую не только конфиденциальную, но и секретную.

Это-то и дает больше всего оснований склоняться к выводу о том, что упоминавшегося выше ценнейшего агента британской разведки в СССР — Д-57 — следует идентифицировать именно с М. М. Литвиновым.

Немалую роль в превращении командировки Канделаки в некую тайную миссию сыграла и особая специфика поведения отечественных дипломатов. Она вообще не зависит от политического режима. Это сугубо профессиональная специфика. Речь идет о том, что нет причин удивляться немедленной реакции отторжения со стороны дипломатического состава советского полпредства и сотрудников торгпредства в Берлине. По указанию Сталина Канделаки опекали резидентуры НКВД и ГРУ, что было оправданно, ибо в противном случае он долго входил бы в курс дела. Кто хоть раз бывал в долгосрочной загранкомандировке хоть при Советах, хоть после, прекрасно знает, что за «любовь» царит между обычным персоналом загранучреждений и теми, кто находится под опекой разведывательных резидентур. А тут на это накладывался еще и факт того, что это человек Сталина. Поэтому неудивительно, что одним из «первоисточников» мифа о «тайной миссии» Канделаки стали сплетни в самом полпредстве СССР в Берлине. А уж как они дошли до ушей соответствующих инстанций того же

нацистского руководства, и вовсе не секрет: в любом государстве мира контрразведка внимательно слушает, что болтают в посольствах и торгпредствах других стран, а уж гестапо-то тем более слушало. Правда, все эти отчеты о прослушивании своевременно попадали в руки советской разведки, так как ценный агент советской разведки Брайтенбах с давних пор аккуратно отслеживал всю ситуацию вокруг советской колонии в Берлине^[364]. Но за этим же внимательно следили и резидентуры британской и французской разведок.

Своим рождением миф о «тайной миссии» Канделаки в немалой степени обязан и не в меру длинному языку Н. И. Бухарина. Этот безмозглый и трусливый «ленинский гвардеец» решил, очевидно, «тряхнуть стариной» и встал на скользкий путь тривиального инициативного шпионажа. По свидетельству помощника американского посла в Москве (тогда им. был У. Буллит, вскоре переведенный в Париж) — Оффи — именно Коля Балаболкин (так Троцкий презрительно называл Бухарина) в 1935 г. сообщил американцам, что Сталин якобы ведет секретные переговоры с немцами и «тянет в сторону союза с Германией». Балаболкин в то время был лишен доступа к секретной информации и сам знал только с чьих-то третьих слов. Но он был настолько пустобрех, что попросту не понимал, что не надо было «изобретать велосипед». В наличии имелся пролонгированный до середины 1938 г. советско-германский договор о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. Но ведь это же был широко известный факт, а этому «козлу» Балаболкину надо было сделать перед американцами вид, что-де он хорошо информированный человек. Вот и набрехал «козел» с три короба. Даже не понимая простой истины, что, пока два государства ведут переговоры по каким-либо вопросам, информация о переговорах по определению закрыта. Это не обусловлено особенностями политических режимов в ведущих переговоры государствах. Это обычная, испокон веку существующая практика. И обусловлена она лишь одним — слишком много в мире желающих стать «третьим, вставляющим палки в колеса». Вот и все. Но разве «козлам» это может быть понятно?! Нет, естественно. Соответственно в следующем, 1936-м году Балаболкин вновь настучал американцам, а при выезде в Париж за архивом Маркса разболтался еще и в кругах русской эмиграции. А уж эта-то была нашпигована не только агентурой НКВД, но и всех основных разведок Европы, особенно английской, французской и германской. Трезвон пошел по всем разведывательным каналам. Ну не идиот ли?!

Однако наибольшее значение имеет то, что в-третьих. В этом третьем факторе в мгновение ока в единое целое слилось такое, что и вовсе не приходится удивляться появлению мифа о некой тайной миссии Канделаки.

С одной стороны, в этом повинен непосредственно сам Генри Детердинг. Потирая руки в связи с практически полным изгнанием СССР с нефтяного рынка Германии, Детердинг в начале 1935 г. договорился с Гитлером о поставке нефтепродуктов производства «Ройял Дач Шелл» в объеме годового рейхспотребления! Вы только вдумайтесь, что он предложил и о чем договорился с фюрером! Вся и без того крайне резко ускоренными темпами милитаризировавшаяся экономика Германии, все ее вооруженные силы, в том числе даже еще и не созданные как таковые соединения и рода войск, сажались на британскую нефтяную «иглу»! Не надо быть ни политиком, ни экономистом, чтобы понять, что за этим последовало бы. Особенно для СССР. Управление всей агрессией Германии в эпоху «войны моторов» было бы сосредоточено в руках даже не самого **PERFIDIOUS ALBION**, что само по себе было бы уже очень плохо, а в руках именно же изрядно свихнувшегося на зоологическом антисоветизме и русофобии члена Комитета 300 — Генри Детердинга! Немалую лепту внес и Английский банк — этот взялся гарантировать обеспечение нацистскому рейху кредитов на закупки стратегических материалов, в частности, меди, алюминия, никеля, хрома и марганца.

Это уже поставки сугубо стратегического сырья. Между тем глава Английского банка того времени — Норман Монтегю — также являлся членом Комитета 300.

Именно в этот момент масла в огонь подлили лично Гитлер и глава Рейхсбанка Яльмар Шахт. Да так, что вся Европа встревоженно загудела. Достаточно быстро Гитлер вынужден был осознать, что в такой ситуации вся его антиверсальская политика уже даже и не трещит по швам, а попросту лопнула. Ну, о какой антиверсальской политике он мог говорить, если экономика Германии держалась только на крупномасштабных экономических «инъекциях» версальского недруга Германии?! И сугубо по конъюнктурным соображениям Гитлер сделал вывод о том, что в своем антикоммунизме и антисоветизме он не только сильно перегнул палку. Односторонняя торгово-экономическая ориентация на версальских недругов ставила его в остро зависимое от унизивших Германию бывших победителей в Первой мировой войне положение. Гитлер протрубил конъюнктурный отбой. Уже 20 марта 1935 г. торговое представительство СССР и Рурский комитет германской экономики подписали соглашение об общих условиях поставок товаров из Германии в Советский Союз, 9 апреля было подписано и соглашение о кредите в 200 миллионов марок сроком на пять лет. Кредит предоставлялся на приобретение «оборудования фабрик, всевозможных машин, аппаратов, оборудования для нефтепромышленности и химической промышленности, продуктов электротехнической

промышленности, судов, средств передвижения, транспортных средств, измерительных приборов, лабораторного оборудования, запасных частей». В обмен — поставки советского сырья, в том числе железной руды, нефти, марганца, некоторых цветных металлов и т. п.^[365] Едва только это кредитное соглашение было подписано и вступило в действие, Гитлер, судя по всему, решил пойти дальше и еще более сбалансировать торгово-экономические отношения Германии с внешним миром по географическому признаку. По поручению фюрера, во время одной из весенних (1935 г.) встреч с Д. Канделаки Я. Шахт предложил, а чуть позже подтвердил свое предложение о готовности Германии предоставить СССР кредит в размере уже **ОДНОГО МИЛЛИАРДА МАРОК!!!**^[366] По тем временам просто неслыханный объем кредита, и в сравнении с нашими временами это, по своему принципиальному значению, примерно то же самое, что и кредит в 100 миллиардов марок! А если учесть, что кредит в таком объеме предлагался сроком на 10 (ДЕСЯТЬ) лет, то, очевидно, нет необходимости специально пояснять, что до 1945 г. войны точно не было бы! Но разве Запад, особенно **PERFIDIOUS ALBION**, был заинтересован в этом?!

Едва только предложение о **МИЛЛИАРДНОМ КРЕДИТЕ** поступило, Литвинов и К° немедленно перешли в контратаку и без преувеличения всеми силами стремились помешать его практической реализации. Литвинов устроил форменный разнос торгпреду СССР в Германии Канделаки и советскому послу в Берлине Якову Сурицу. В категорической форме потребовал прекратить всякую активность в этом направлении — в его инструкции по данному вопросу прямо говорилось: «От дальнейших разговоров на тему о кредитах уклониться и письменного подтверждения не добиваться!» Более того. Литвинов поступил как истинный информирующий агент стратегического влияния Запада. Во-первых, тут же «слил» информацию о предложении Шахта насчет миллиардного кредита французскому послу в Москве Альфану! А ведь это была секретная информация! И касалась она внешнеэкономических интересов СССР! Во-вторых, хуже того. В письме от 27 июня 1935 г. послу СССР в Чехословакии Александровскому Литвинов очень вежливо, но, по сути-то, приказал первому сообщить об этом президенту Чехословакии Э. Бенешу. Так и написал: «...Было бы полезно официально сообщить Бенешу о предложении германского правительства касательно предоставления нам финансового кредита в миллиард марок сроком на десять лет с тем, чтобы мы расплачивались рудой, нефтью и марганцем. К этому нужно добавить, что, заподозрив в этом предложении германский маневр и не нуждаясь в предлагаемом кредите, мы это предложение отклонили...»^[367] То есть Литвинов вторично разгласил секретную информацию и потребовал от

посла в Чехословакии передать ее президенту этой страны. Да еще и попутно подчеркнуть, что-де СССР заподозрил что-то и отклонил это предложение. Однако нет никаких данных, что руководство СССР что-либо заподозрило. Нарком иностранных дел СССР Мейер Баллах-Финкельштейн, он же Максим Максимович Литвинов взял на себя слишком много. Ни в ЦК, ни в Политбюро этот вопрос не обсуждался. Следовательно, отказ от такого предложения — это сугубо его, узкоместечковая реакция агента стратегического влияния англосаксонского Запада. Ко всему прочему следует иметь в виду, что 5 мая 1935 г. Канделаки было передано одобренное Сталиным указание, как далее развивать тему об этом кредите. С учетом данного факта получается, что Литвинов противопоставлял себя не только трезвой политике Сталина, но и интересам СССР. Без санкции советского правительства сообщить такую, секретную информацию главам Франции и Чехословакии — значит сознательно разгласить ее перед всем Западом, а следовательно, преднамеренно нанести серьезный ущерб внешнеполитической и внешнеэкономической безопасности СССР! Ведь советский посол в Берлине — Яков Суриц — прямо писал ему, что «единственным средством смягчения антисоветского курса является заинтересованность Германии в установлении нормальных экономических отношений с нами.

Нам, по-видимому, ничего другого действительно не остается, как терпеливо выждать и продолжать усиливать и развивать нашу экономическую работу. Усиление ее на базе последних предложений Шахта выгодно обеим сторонам. Этим и только этим объясняется благословение, данное Шахту Гитлером...»^[368] Как и Литвинов, Яков Суриц был евреем, но ведь совершенно же очевидно, что он мыслил и действовал как действительно компетентный и сознающий свою высокую ответственность посла человек и советский гражданин, озабоченный обеспечением интересов своей Родины. Литвинов же, напротив, действовал именно так, как будто постоянно получал зарплату и соответствующие инструкции по меньшей мере из Экономического отдела МИДа Великобритании. В таких условиях достичь своего «миттельшпиля» ситуация с Канделаки была не просто обязана, а именно же в кратчайшие сроки. Так оно и случилось.

Вот тут-то как раз и получилось, что факт недавнего вступления в должность нового советского торгпреда и сыграл свою роль, в чем непосредственно повинен уже Шахт. Намереваясь узнать, наконец, от Канделаки реакцию советского правительства на предложение о миллиардном кредите, Шахт, по сути дела, лично сгенерировал первый импульс, который мгновенно привел к возникновению мифа о некой тайной миссии Канделаки. Во время беседы с Канделаки на одном из приемов

Шахт заявил, что он будет и впредь твердо держаться курса на углубление хозяйственных отношений с СССР, создав тем самым полностью ложное впечатление, что речь якобы идет о продолжении какого-то курса, хотя речь-то шла только о реакции на предложение об этом кредите, что было понятно обоим. Но не тем, кто это слышал. А раз непонятно, но речь идет о чем-то очень значительном, то, естественно, пойдут слухи. Вот как раз это-то и надо было Шахту.

Потому что он решил сыграть на сильных опасениях Великобритании, слегка пошантажировав ее возможным возобновлением экономического сотрудничества Германии и СССР и сбалансировать одностороннюю зависимость Германии от финансово-экономических инъекций Запада. Вполне естественно, что заявления Шахта не остались незамеченными, в том числе и со стороны британской разведки. Представленная тогда в Берлине лучшими своими асами, она зафиксировала как сам факт такой встречи и беседы, так и факт удивительных высказываний Шахта. Ну а после того, как с подачи Литвинова по Европе пошел трезвон насчет миллиардного кредита, бритты и вовсе стояли едва ли не в прямом смысле на ушах. Вот так и было положено начало мифу о якобы тайной миссии Канделаки.

Реакция со стороны Великобритании последовала незамедлительно — в мае 1935 г. в деловой прессе Великобритании прозвучал следующий мотив: «Без Англии в качестве платежного учреждения и без возможности продлить сроки кредитов Германия не смогла бы осуществить свои планы... Снова и снова Германия отказывается от своих обязательств, публичных и частных, но она продолжала покупать шерсть, хлопок, никель, каучук, нефть, пока ее потребности не были удовлетворены, а финансирование закупок проводилось прямо или косвенно через Лондон». Проще говоря, Берлину откровенно погрозили пальцем — мол, не дури, коричневая собака, коли столько имеешь от нас! Более того. Зафиксированный британской разведкой диалог между Шахтом и Канделаки произошел на фоне только что состоявшегося — 2 мая 1935 г. — подписания договора о взаимопомощи с Францией. В сочетании с пролонгированным два года назад советско-германским договором о нейтралитете и ненападении сложившаяся ситуация не могла не вызвать у Лондона подозрений в том, что происходит некая реанимация событий почти полуторадесятилетней давности. Рапалльскому договору 1922 г. предшествовало, к слову сказать, франко-германское Висбаденское соглашение, подписанное в октябре 1921 г. Тогда по факту все выглядело как создание некой не подконтрольной Великобритании геополитической конструкции, не укладывавшейся в рамки британских интересов. Тогда Ратенау из-за этого убили, а Ленина на

редкость своевременно»хватила кондрашка. Аналогичная ситуация создалась и в мае 1935 г. — Великобритания всерьез заподозрила то же самое. Тем более что развитие этой ситуации дополнялось еще и подписанием сопряженного с франко-советским договором советско-чехословацкого договора от 16 мая 1935 г. Тут уж всякое лыко было в строку. Великобритания всерьез стала подозревать конструирование некоего трансевропейского геополитического альянса с участием ведущих стран Западной, Центральной и Восточной Европы, в котором Великобритания уже не сможет играть привычной для нее роли суперарбитра в европейских делах.

В этот же момент подсуетился и Гитлер. 21 мая 1935 г. фюрер произнес свою пресловутую знаменитую речь о миролюбии, в которой предложил всем странам заключить с нацистской Германией договоры о ненападении. В той конкретной ситуации это могло способствовать только укреплению британских подозрений о том, что речь действительно идет о конструировании некоего трансевропейского геополитического альянса с участием стран Западной, Центральной и Восточной Европы, в котором Великобритания не сможет играть привычной для нее роли суперарбитра в европейских делах. Как само собой разумеющееся, из подобных подозрений вытекал вывод о бесперспективности ее потуг по устроению Второй мировой войны! В результате и без того, в представлении Лондона, якобы небеспочвенные слухи о какой-то тайной миссии Канделаки сами собой стали приобретать некое якобы убеждающее-зловещее значение. Ну, а дальше произошло то, что и должно было произойти — при содействии британской разведки и дипломатии по всей Европе покатился тайфун различных домыслов, слухов, сплетен, догадок и т. п., которыми до беспредела были забиты все информационные каналы разведок и посольств. Короче говоря, все получилось прямо по Шекспиру: «Развесьте уши. К вам пришла Молва. А кто из вас не ловит жадно слухов?..»

Вот так родился и зажил собственной жизнью совершенно беспочвенный миф о некой тайной миссии Канделаки, на базе которого слепить миф о некоем тайном сговоре, при его же содействии, между Сталиным и Гитлером оказалось проще пареной репы. Британская разведка невероятный мастак на подобные штучки. А тогда она совместно с британским МИДом всю психовала, пытаясь предотвратить нормализацию советско-германских торгово-экономических отношений.

2. Необходимо пожертвовать какими-то территориями ради облегчения достижения соглашения с гитлеровской Германией и тем самым якобы предотвратить фашистскую агрессию на западном азимуте! Проще говоря,

кинуть коричневому шакалу кость, которой он мог бы, по мнению лондонских «мудрецов», удовлетвориться.

3. Главное — безальтернативно исключить Советский Союз как предотвращающий «вступление Германии в войну» важнейший фактор не только европейского, но и мирового значения, но при этом обеспечить нацистской Германии возможность быстро достичь необходимого уровня военной и военно-экономической готовности для немедленного развязывания войны на восточном азимуте, для чего вывести его на ближайший во второй половине 30-х гг. к советским границам и удобный для нападения на СССР плацдарм!

Проще говоря, суть сводилась к тому, чтобы попросту подставить СССР под удар нацистской Германии, а самим остаться в стороне.

Глава 3. О НЕБО, ТЫ ДУШИ НЕ ЧАЕШЬ В ПОДЛЕЦАХ!

Однако подставить было невозможно. «Частокол» договоров о нейтралитете и ненападении, которыми Сталин огородил Советский Союз по периметру, особенно западных, границ, в сочетании с «частоколом» симметричных двусторонних и многосторонних договоров других европейских государств, в том числе и граничивших с ним, не позволяли даже на шаг приблизиться к советским границам.

В этом смысле очень характерно поведение предвоенной Польши. «Органически» сочетавшиеся в менталитете высшего польского руководства того времени зоологическая германофобия и круто замешанная на зверином антисоветизме такая же зоологическая русофобия, как это ни парадоксально, играли исключительно положительную роль. Особенно когда этих двух предвоенных шакалов Европы связал пакт о ненападении от 1934 г., поскольку он наложился на советско-польский пакт о ненападении от 1932 г., продленный в 1935 г. еще на три года, то есть до 1938 г. включительно. Именно благодаря совокупности этих обстоятельств Польша парадоксальным образом являла собой очень серьезный буфер, реально препятствовавший продвижению гитлеровской агрессии к западным границам Советского Союза.

Колоссальную роль в этом играла и трусливо-двойственная позиция Франции. Центральным объектом агрессивного реваншизма Гитлера была донельзя унизившая Германию по итогам Первой мировой войны Франция. И первым, кто особенно сильно вздрогнул в Европе после привода к власти Гитлера, была именно Франция. Но, сильно вздрогнув, Франция пошла по проторенной исторической дорожке — использования «русской карты» в диалоге с Германией. Всего через год после привода Гитлера к власти, весной 1934 г., на стол Сталина легла агентурная информация от источника, близкого к Министерству иностранных дел Франции. В ней говорилось, что «задачей Барту (министр иностранных дел Франции. — А. М.) является в настоящее время создание своего рода континентального блока держав из Франции, Бельгии, СССР, Малой Антанты^[369], возможно, Болгарии, стоящих на французской точке зрения»^[370]. В этой информации в первую очередь важно следующее — намерение Барту сконструировать новый

континентальный блок при участии СССР, что являлось ключевым звеном в его замысле.

Импульс к сплачиванию против угрозы нацизма охватил многих в Европе. Даже в том же британском Министерстве иностранных дел у многих здравомыслящих сотрудников реакция на привод Гитлера к власти была не только крайне негативной, но и даже выходящей за рамки как дипломатического этикета, так и традиционной британской сдержанности. Британский делегат на женевских переговорах по разоружению весной 1933 г. — А. С. Темперли, — не выбирая выражений, заявил: «За границей снова завелся бешеный пес. И мы должны решительно сплотиться, чтобы или безоговорочно уничтожить его, или добиться, по крайней мере, его изоляции, пока болезнь не будет вылечена»^[371].

Все верно. Одни разводят за границей «бешеных псов», другие пытаются сплотиться ради того, чтобы безоговорочно их уничтожить, ну, а третьи, как свидетельствует вся история, мешают вторым, но поощряют первых. Вот так человечество и живет тысячелетиями — «героически» преодолевая последствия селекции бешеных псов».

Однако лишь частично хорошая идея мгновенно взбесила Великобританию. Ну не терпит эта сволочь — **PERFIDIOUS ALBION** — никаких континентальных блоков в Европе, исключая даже тень намека на какое бы то ни было участие Великобритании. Хоть тресни, но не терпит. Даже сейчас, когда Великобритания превратилась всего лишь в послушного «пуделя» США. Взбесила еще и потому, что не для того Великобритания приложила столь много усилий для привода Гитлера к власти, чтобы какая-то там Франция, тем более в союзе с СССР и другими государствами, создала континентальный блок против Германии. И даже не столько против Германии во главе с «бешеным псом», сколько против планов англосаксонского Запада по установлению контроля над Восточной Европой. По непреклонным убеждениям верхушки британской правящей элиты, выразителем взглядов которой был легендарный британский геополитик Маккиндер: «Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым Островом; кто правит Мировым Островом, господствует над миром».

Именно поэтому-то даже гипотетически мысль о фактически полном контроле над Восточной Европой какой-то Францией, тем более в союзе с СССР, была в прямом смысле слова физически невыносима для Великобритании. За такие фокусы **PERFIDIOUS ALBION** в те времена удавил бы кого угодно! Ведь Гитлера-то приводили к власти, чтобы этот

австрийский «баран» во главе тевтонов проторил дорогу к этому самому контролю над Восточной Европой. Чтобы уже **PERFIDIOUS ALBION** в союзе с США, а по сути-то, «Они» правили бы там ради господства не только над Хартлендом, но и над Мировым Островом и далее во всемирном масштабе! А тут, видите ли, союзная Великобритании Франция начинает мешать. Лично с Барту «разобрались» быстро — 9 октября 1934 г. министр иностранных дел Франции Луи Барту был убит в Марселе.

Всего за два года до убийства Л. Барту, в 1932 г., был убит также и президент Франции — Думерг, при котором велись переговоры о заключении советско-французского договора о ненападении. Тут следует иметь в виду то обстоятельство, что именно этот договор имел все шансы стать той самой скобой, что намертво скрепила бы «бронезилет» безопасности СССР, который методично ковал Сталин еще с середины 20-х гг. Потому как по условиям тех времен в континентальной Европе было всего два по-настоящему крупных игрока — СССР и Франция. И оба игрока имели разветвленную систему договоров о ненападении и о взаимопомощи, которые во многом перекрещивались, фактически делая невозможной любую агрессию в Европе. В целом контроль над Восточной Европой находился в руках Франции, что явилось итогом Первой мировой войны. Именно Франция стала главным военно-стратегическим партнером для Польши, Чехословакии и других стран Малой Антанты. Даже на Балканах Франция составляла громадную конкуренцию Великобритании.

Однако если с самим Барту «разобрались» быстро, то с высказанной им идеей Великобритании пришлось изрядно повозиться, чтобы уничтожить ее в корне. Дело в том, что договор о ненападении от 1932 г. был усилен еще и подписанием 2 мая 1935 г. франко-советского договора о взаимопомощи в отражении агрессии, в орбиту действия которого вошли также и аналогичные франко-чехословацкий бессрочный договор от 1924 г. и симметричный или советско-чехословацкий договор от 16 мая 1935 г. При наличии же советско-польского договора о ненападении от 1932 г. и с 20-х гг. действовавшего франко-польского договора о взаимопомощи в отражении агрессии, а также ряда иных аналогичных договоров Советского Союза с государствами по периметру его европейских границ ситуация сложилась тупиковая. Для **PERFIDIOUS ALBION**, естественно. В этой ситуации ни о каком установлении англосаксонского господства в Восточной Европе мечтать не приходилось, а Гитлер оставался всего лишь ничего не могущим сделать «бешеным псом», сидящим на цепи в своей тевтонской будке.

Великобритания предвидела такую ситуацию задолго до ее возникновения. Ее лидеры были твердо убеждены, что «никакие обязательства, французские или иные, не должны привести нас к войне на стороне русских». Исходя из этого, Великобритания мешала, как только могла, — на Францию был оказан беспрецедентный нажим, дабы не допустить заключения нового франко-советского договора. Давление Великобритании было столь сильным, что 17 февраля 1935 г. правительство СССР вынуждено было поручить своему послу в Англии — И. Майскому — сделать официальное представление британскому МИДу, в котором говорилось, что «советская общественность склонна считать Англию ответственной за упорное сопротивление Германии установлению системы безопасности на востоке Европы». Но Великобритания не была бы сама собой, если бы параллельно дипломатическим средствам давления не использовала и тайные. Она не только крайне резко протестовала против намерения Франции подписать с СССР такой договор, да еще и с такими довесками, но и пыталась всерьез напугать Париж, дабы воспрепятствовать его подписанию.

Как было установлено советской разведкой в 1935 г., британская разведка умышленно пустила по Европе слух о том, что-де якобы Тухачевский и Геринг тайно встретились в январе (1935 с.), чтобы совместно выработать план нападения на Францию!^[372] **PERFIDIOUS ALBION** было наплевать не только на то, что это была чистейшей воды фальшивка, которую в Париже запросто разоблачили, но и даже на то, что сие было форменным идиотизмом! Но чего только не сделает эта сволочь по имени **PERFIDIOUS ALBION** ради того, чтобы развязать руки Гитлеру и устроить-таки в Европе войну. Ведь нацистское руководство, к слову сказать, тоже мечтало помешать заключению этого договора. Геринг, например, в том же 1935 г. втолковывал Муссолини, что «если бы германской политике удалось разрубить узел, связывающий Париж и Москву, то это было бы, несомненно, большим успехом». И Лондон проявлял исключительно «нежную» заботу о реализации сокровенных мечтаний нацистов.

За два дня до подписания франко-советского договора, 30 апреля 1935 г., Великобритания открыто пригрозила войной... Франции — своему союзнику и партнеру! Причем в качестве мотивировки было избрано следующее: Англия «будет обязана, согласно Локарнскому соглашению, прийти на помощь Германии, если бы Франция совершила на нее нападение»^[373]. И вот ведь что характерно — этот демарш Великобритания устроила не перед Францией, а перед Советским Союзом, вручив

соответствующее письмо советскому полпредству в Лондоне. Ну не гнусь ли англосаксонская?! Ведь Франция вовсе и не собиралась нападать на Германию. Наоборот, она искала взаимопомощи в отражении германской агрессии. Хотя уже и тогда было видно, что Париж преследует также и подловатые цели. Во время встречи с Г. Герингом через две недели после заключения договора с СССР французский министр П. Лаваль заявил наци № 2, что «этот договор является ничего не значащим в международных делах документом, а его появление на свет было вызвано лишь внутренней необходимостью», то есть для обмана собственного населения. Уж что-что, но это-то в Лондоне понимали. Соответственно эта угроза означала, что в рамках своих полномочий по Локарнским соглашениям Великобритания готова к нападению на Францию, если та, в соответствии с уже подготовленным к подписанию франко-советским договором о взаимопомощи в отражении агрессии, посмеет прийти на помощь Советскому Союзу в случае, если Германия нападет на него?!^[374] Вот сколь «нежно» «добрая, старая» сволочь по имени **PERFIDIOUS ALBION** «заботилась» о том, чтобы гитлеровская Германия спокойно напала на Советский Союз!

Более того. Сугубо по географическим причинам реализация положений франко-советского договора напрямую зависела от позиции Польши, участие которой в «Восточном пакте» также предполагалось. Чтобы прийти на помощь Франции, советские войска по условиям тех времен должны были пройти через территорию Польши. Иного короткого сухопутного пути не было. Прекрасно понимая это, высшее руководство Великобритании приказало разведке провести провокационную акцию в отношении Польши и СССР. По признанию известного польского разведчика того времени — начальника Русского отдела 2-го Бюро польского Генштаба Ричарда (Рышарда) Враги, польской разведке были подкинута якобы особо секретные советские документы (протоколы Политбюро), будто свидетельствующие о намечаемом Советским Союзом и Германией «четвертом разделе» этой страны! Р. Врага лично занимался этим вопросом. И надо отдать ему должное — несмотря на то, что как истинный поляк, к тому же сотрудник спецслужбы, он неизлечимо страдал круто замешанной на зоологическом антисоветизме патологической русофобией, тем не менее даже у него хватило ума и проницательности, дабы тогда же сообразить, что это грязные фальшивки.

Сталин знал об этих далеко не безобидных фокусах британской разведки. Об одном из них — о якобы имевшей место встрече Тухачевского

с Герингом по поводу выработки плана совместного нападения на Францию — он умышленно упомянул во время встречи с лордом-хранителем печати Антони Иденом в конце марта 1935 г. Причем столь же умышленно сделал вид, что верует в то, что в распускании таких слухов повинны немцы, которых обвинил в проведении мелкотравчатой политики, хотя докладывавшиеся ему данные разведки четко свидетельствовали о том, что авторами этих слухов являются именно англичане^[375]. Иден прекрасно понял, кому адресовались это и другие обвинения Сталина. Обращаю особое внимание на этот факт, потому как он свидетельствует о том, что Сталин не только был прекрасно осведомлен обо всех или, по крайней мере, о многих порочивших СССР и его видных деятелей слухах, что циркулировали по Европе, но и относился к ним как к слухам. Тем более что в ряде случаев он точно знал, откуда дует ветер». В отечественной историографии широко распространена беспочвенная точка зрения о том, что-де на судьбу Тухачевского в немалой степени повлияли распространявшиеся в зарубежной прессе сплетни и слухи, что-де Сталин черпал компромат на маршала именно из таких источников. Как «черпал» — выше уже показано. Кто был источником такого «компромата» — тоже. Как Сталин относился к таким компрометирующим слухам — тем более очевидно^[376].

Едва ли не в первую очередь Великобритании было необходимо в корне уничтожить хотя и хрупкий, но уже созданный вопреки ее массивированному противодействию фундамент системы коллективной безопасности в Европе в виде заключенных между СССР, Францией и Чехословакией в мае 1935 года договоров о взаимопомощи в отражении агрессии^[377]. Потому что в орбиту их действия — при возникновении реальной угрозы войны — автоматически втягивалась и Великобритания, прежде всего как особо союзная Франции держава. В то время формально продолжали действовать подписанные в Локарно в конце 1925 г. одноименные соглашения. И рискни Германия на какую-нибудь самостоятельную, не санкционированную самим Западом (Великобританией) агрессию, то, в соответствии с положениями этих соглашений, она должна была бы нарваться на вооруженный ответ со стороны основных европейских игроков того времени, особенно Англии^[378].

А триада договоров между СССР, Францией и Чехословакией о взаимопомощи в отражении любой агрессии (Германии в первую очередь) прямым выводом выводила на уровень последствий применения указанных положений Локарнских соглашений. В таком случае должна была бы вмешаться и Польша, еще с 20-х гг. также имевшая договор о взаимопомощи

с Францией. Ликвидировать или хотя бы полностью дезавуировать такие препятствия, прежде всего Локарнские соглашения, было очень сложной задачей, тем более юридически не отрекаясь от них и не аннулируя их, поскольку на тот момент они еще являлись как бы краеугольным камнем западной системы коллективной безопасности в Европе. Решение столь сложных международно-правовых вопросов было не под силу бараньим мозгам фюрера — в таких делах надо обладать чисто британским коварством, а у Адольфа ума хватало в основном на грубый плагиат, да и то безрезультатный. К тому же он был ведомый, а следовательно, не знал, что и как планирует и намеревается сделать его ведущий, то есть Великобритания. По-любому выходило, что без Великобритании (и в целом Запада) Адольфу было «и не туды, и не сюды». Причем прежде всего в вопросах вооружения и стратегически удобного плацдарма для нападения на Советский Союз. Дело в том, что к 1935 г. Великобритания еле-еле смогла добиться для нацистской Германии всего лишь равенства в правах на вооружение.

Но от равенства прав до реальной вооруженности, тем более до уровня, достаточного для реализации идеи «Дранг-нах-Остен», особенно в форме блицкрига, — слишком большая дистанция. И преодолеть эту дистанцию Германия могла только при помощи Великобритании. Иного варианта в те времена просто не существовало. В марте 1935 г. личная разведка Сталина перехватила доклад германского посла в Лондоне, суть которого была сконцентрирована в следующих строках: «Сейчас достигнуто фактическое равенство прав Германии в вооружениях на суше, задача германского государственного руководства состоит в том, чтобы завершить это огромное достижение... Ключ к положительному решению находится в руках Англии»^[379]. Германский посол был прав — ключ к положительному решению интересовавших Германию проблем находился в руках Англии. Но в том-то и была вся печаль Великобритании, что если она и далее продолжила бы политику открытой поддержки Гитлера во всех его агрессивных замыслах, особенно в гонке вооружений, то вскоре сама бы угодила на скамью подсудимых Нюрнбергского трибунала, где, собственно говоря, ей и было бы самое место. Однако не в практике **PERFIDIOUS ALBION** стремиться на скамью подсудимых и уж тем более в поте лица трудиться ради кого-то — в его практике на чужом горбу в рай въезжать, даже если и дорога туда будет вымощена костями миллионов людей, сцементированными океанами их спекшейся крови.

В середине 30-х гг. особую сложность представляло решение задачи предоставления Гитлеру именно территориального «кредита» для нападения на СССР. Наиболее целесообразным с военной точки зрения было бы нападение через западные границы СССР. Западные же границы СССР в то

время являли собой советско-польскую границу. Но, во-первых, Польша не раз и не два открыто и категорически заявляла, что ни при каких обстоятельствах не допустит пребывания иностранных войск на своей территории, даже кратковременного, в том числе и германских. Даже в том случае, если их цель будет заключаться в нападении на СССР. В этом Польша проявляла редкостную для себя принципиальность. Во-вторых, между Германией и Польшей в 1934 г. был заключен пакт о ненападении сроком на десять лет. Соответственно, вопрос о проходе германских войск через польскую территорию к советским границам подниматься не мог. Даже при гипотетических рассмотрениях, вариантов совместного германо-польского нападения на СССР Польша тем не менее и теоретически начисто исключала любую возможность вступления германских войск на свою территорию. Даже ради столь благодной для Польши тех лет цели, как совместное нападение на Советский Союз.

Аналогичный пакт у Польши был и с Советским Союзом. А у последнего — пролонгированный, вплоть до лета 1938 г., советско-германский договор о нейтралитете и ненападении от 1926 г. В связи с истечением в 1935 г. срока действия советско-польского договора о ненападении от 1932 г. СССР удалось «дожать» официальную Варшаву и вынудить ее пролонгировать этот договор еще на 3 года. То есть получился треугольник, ни с какого угла которого к советским границам подобраться было невозможно. Хотя, подчеркиваю это вновь, стратегически нападение через польскую территорию — наиболее оптимальный вариант для любого западного агрессора, тем более что он исторически является «традиционным». В-третьих, в пределах непосредственно восточноевропейского театра военных действий для Германии оставались практически только два варианта:

1. Либо через Прибалтику, что также было сложно, поскольку у этих лимитрофов тоже имелись договора о ненападении с СССР. Но в этом случае возникли бы еще более серьезные трудности, в частности с воинскими перевозками на большие расстояния, в том числе и через территорию Польши, а это упиралось в проблему «Данцигского коридора». А позиция Польши была известна. К тому же в военно-экономическом смысле Прибалтика не могла представлять для Германии хоть какой-либо интерес. Разве что по части снабжения вермахта беконом, из-за чего прибалтийских лимитрофов в Европе так и называли — «беконными республиками».

2. Либо через Чехословакию, с которой Германия граничила, но к которой, правда, имела серьезнейшие территориальные притязания из-за населенной немцами Судетской области. Но у Чехословакии, в свою

очередь, с 25 января 1924 г. был действующий бессрочный франко-чехословацкий договор о взаимопомощи в отражении агрессии, усиленный в мае 1935 г. дуэтом советско-французского и советско-чехословацкого договоров также о взаимопомощи в отражении агрессии, которые с 8 марта 1936 г. полностью вошли в силу. К тому же Чехословакия непосредственно не граничила с СССР. В сущности, получался все тот же треугольник неразрешимых проблем, ни с какого угла которого к советским границам невозможно было подобраться.

Сложив оба треугольника, Великобритания разглядела уникальную возможность извлечь из черной бездны, казалось бы, неразрешимых проблем феноменальный вариант их решения. Оказалось, что наиболее выгодно «сдать» Чехословакию. Во-первых, потому, что из всех международных договоров того времени только договора с Францией и Чехословакией превращали Советский Союз в важнейший фактор не только европейского, но и мирового уровня, который запросто мог предотвратить вступление Германии в войну. Дезавуировав же эти договора, а затем еще и негласно аннулировав их, можно было, выражаясь языком упоминавшегося выше меморандума британского Комитета имперской обороны, добиться полного исключения Советского Союза как предотвращающий «вступление Германии в войну» важнейший фактор. Во-вторых, потому, что, «сдав» Чехословакию, можно было осуществить фактически мгновенную и мощную военно-экономическую, в том числе и военно-техническую, накачку милитаристских мускулов нацистской Германии. Причем без прямого или, по меньшей мере, без прямого видимого участия британского (и вообще западного) капитала. Обратное во второй половине 30-х гг. было уже чрезвычайно опасно для международного имиджа «доброй, старой» сволочи по имени **PERFIDIOUS ATH ION**.

А сделать это Великобритания считала необходимым, так как любезный ее сердцу Гитлер опаздывал со своей милитаризацией. СССР же стремительно двигался вперед в своем экономическом и военном развитии. Великобритания прекрасно знала, что Чехословакия обладает одним из самых мощных и высокоразвитых ВПК во всей Европе и является одним из крупнейших в мире экспортеров оружия — на ее долю приходилось тогда свыше 40 % мирового экспорта оружия! Лондону было известно, что мощная (45 — 50 дивизий) для такой небольшой страны чехословацкая армия не только хорошо вооружена и технически оснащена, но и располагает громадными арсеналами. И если позволявшие вооружить до двух миллионов человек чехословацкие военные арсеналы, а британская разведка прекрасно это знала, «мирно сдать» Гитлеру, то, не напрягая собственную экономику, Адольф смог бы в кратчайшие сроки резко

увеличить и численность вермахта, и его оснащенность, и пополнить собственные арсеналы и т. д. Более того, мощный военно-промышленный комплекс Чехословакии мог оказать фюреру неоценимую помощь в ускорении всех военных приготовлений. К слову сказать, оно так и вышло — только заводы знаменитого концерна «Шкода» к 1 сентября 1939 г. произвели оружия больше, чем вся военная промышленность Великобритании.

В-третьих, потому, что на тот момент это был единственный шанс прорубить Гитлеру проход непосредственно к границам СССР, чтобы фюрер начал столь желанный для Лондона «Дранг-нах-Остен». Проще говоря, это был единственный в то время шанс предоставить Гитлеру плацдарм для нападения на СССР в непосредственной близости от его границ.

Сталин предвидел принципиальный вариант такой сделки еще по состоянию на начало весны 1936 г. В состоявшейся 1 марта 1936 г. беседе с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» Роем Говардом, отвечая на вопросы последнего *«Как в СССР представляют себе нападение со стороны Германии? С каких позиций, в каком направлении могут действовать германские войска?»*, Сталин заявил следующее: *«История говорит, что когда какое-либо государство хочет воевать с другим государством, даже не соседним, то оно начинает искать границы, через которые оно могло бы добраться до границ государства, на которое оно хочет напасть. Обычно агрессивное государство находит такие границы. Оно их находит либо при помощи силы, как это имело место в 1914 г., когда Германия вторглась в Бельгию, чтобы ударить по Франции, либо оно берет такую границу "в кредит", как это сделала Германия в отношении Латвии, скажем, в 1918 году, пытаясь через нее прорваться к Ленинграду. Я не знаю, какие именно границы может приспособить для своих целей Германия, но думаю, что охотники дать ей границу "в кредит" могут найтись»*^[380].

В-четвертых, потому, что это был не просто единственный в тот момент шанс предоставить Гитлеру плацдарм для нападения на СССР, а именно же подконтрольный Западу плацдарм. К тому же с возможностью нанесения сокрушительных фланговых ударов по Германии. Блиц «Дранг-нах-Остен»-криг с чехословацкого плацдарма и частично из Восточной Пруссии оставлял оголенными как правые, так и левые фланги обоих направлений удара (в то время германские стратеги исходили из стратегии «клещей», то есть зажатия войск противника с двух сторон, о чем было известно британской разведке). Оголенным оставался и их тыл. Соответственно и

Польша, и прибалтийские лимитрофы могли по сигналу из Лондона нанести соответствующие удары по вермахту, особенно по его растянутым коммуникациям, и перерезать их, в то время как Франция и Великобритания объединенными силами нанесли бы удар по самой Германии. К сожалению, приходится отдать должное сообразительности Адольфа. То ли до Мюнхена, то ли, что скорее всего, после Мюнхена, но он смекнул, чем может кончиться «любезность» англо-французских «друзей» — поделщиков по мюнхенской сделке. Упоминавшаяся выше поэтапность военных операций вермахта — сначала Польша, затем поворот на Запад и только потом нападение на СССР — проистекала именно из этого.

В-пятых, в отношении Чехословакии имелся сильный рычаг давления — проблема Судетской области, прогермански ориентированный сепаратизм немцев которой с момента привода Гитлера к власти в Германии расцвел махровым цветом.

Эта ситуация была запрограммирована Великобританией еще во время Версальской конференции 1919 г. У британской дипломатии есть одна филигранно отточенная за многие века подлая «традиция», суть которой в следующем. Если на крутых поворотах истории тоном Кассандры британская дипломатия начинает вещать о причинах будущих войн и в эти же переломные времена подписывает важные международные документы, закрепляющие эти причины как константу международных отношений лет на 20 — 25 вперед, то это означает, что **PERFIDIOUS ALSION** уже спланировал новую войну! И потому заранее готовит себе алиби, прежде всего за счет интернационализации текущей и грядущей ответственности за будущую войну. То есть растворяя личную ответственность в «интернациональной». Ни одно государство мира не умеет так делать, причем до сих пор. США, например, единственное, что могут, так это требовать международной резолюции, дающей право на бомбардировки — Ирака или Югославии. На большее у Белого дома ума просто не хватает. Но ведь только по факту, а не на перспективу. А Великобритания умеет это делать на дальнюю перспективу. Сознательно следуя этой «традиции», в основе которой старый принцип Ф. Бэкона — «всегда надо иметь поводы для того, чтобы начать войну», — еще 25 марта 1919 г. премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж направил участникам Версальской «мирной» конференции меморандум под названием «Некоторые соображения для сведения участников конференции перед тем, как будут выработаны окончательные условия». В нем, в частности, говорилось: «Вы можете лишить Германию ее колоний, превратить ее вооруженные силы в простую полицию, низвести ее военно-морской флот на уровень

пятиступенной державы, однако, если в конце концов Германия почувствует, что с ней несправедливо обошлись при заключении мирного договора 1919 г., она найдет средства, чтобы добиться у своих победителей возмещения... Несправедливость и высокомерие, проявленные в час триумфа, никогда не будут забыты и прощены. По этим соображениям я решительно выступаю против передачи большого количества немцев из Германии под власть других государств, и нужно воспрепятствовать этому, насколько это практически возможно. Я не могу не усмотреть причину будущей войны в том, что германский народ, который проявил себя как одна из самых энергичных и сильных наций мира, будет окружен рядом небольших государств. Народы многих из них никогда раньше не могли создать стабильных правительств для самих себя, а теперь в каждое из этих государств попадет масса немцев, требующих воссоединения со своей родиной». Это, между прочим, напрямую относилось к Чехословакии и Польше. Меморандум завершался категоричным выводом — такая политика должна «рано или поздно привести к новой войне на востоке Европы»!

Из тезисов его меморандума со временем получились аргументы для будущей программы будущей нацистской партии, условия для возникновения которой были подготовлены Великобританией также задолго до начала даже Первой мировой войны. Естественно, что Гитлер воспользовался великолепно сформулированными самим британским премьер-министром тезисами. За все время своего существования в качестве фюрера сначала нацистской партии, а затем и Германии Гитлер так и не смог выдумать ничего лучше. Великобритания периодически подсказывала Гитлеру «новые повороты» в старых тезисах в поисках «немедленного исправления самых вопиющих несправедливостей». В целом Лондон вполне цинично наплевал на Чехословакию задолго до привода Гитлера к власти и с тех же давних пор имел виды на Прагу как на разменную монету в своих интригах. Еще 24 сентября 1930 г. знаменитый «король» британской прессы, тесно связанный как с правящей верхушкой страны, так и с британской разведкой, член Комитета 300 — лорд Ротемир — в своей газете «Дейли мейл» писал: «Более вероятно, что с приходом к власти национал-социалистского правительства под энергичным руководством этой партии Германия сама найдет способ немедленного исправления самых вопиющих несправедливостей... В результате таких событий Чехословакия, которая систематически нарушала мирный договор как угнетением расовых меньшинств, так и уклонением от сокращения своих вооружений, может в одну ночь прекратить свое существование». За восемь лет до Мюнхена столь беспрецедентная прозорливость, когда даже Гитлер, не являясь гражданином Германии, был всего лишь главарем одной из политических

партий Веймарской республики?! Категорически нет! Это преднамеренное разглашение незавидной судьбы Праги в корыстных комбинациях Лондона на мировой арене! Хуже того. Это умышленно заблаговременное наведение Гитлера на стезю так называемого решения чехословацкого вопроса через его Судетский аспект как на вариант прорубания одного из магистральных коридоров прохода к границам СССР. И Гитлер с тех же пор все отлично понял — вся его «аргументация» по этому вопросу чуть ли не слово в слово повторяла британские «изыски» на эту же тему.

О том, что высшее руководство Великобритании нацелилось на использование проблемы судетских немцев как на наиболее оптимальный вариант решения вышеуказанных проблем, свидетельствует и такой факт. Несмотря на то что сепаратизм судетских немцев давно оформился в мощное политическое движение, которое с приводом Гитлера к власти едва ли не буквально по часам набирало особую силу, британская разведка установила прямой контакт с лидером этого движения — Конрадом Генлейном — лишь в 1935 г. Причем контакт был установлен под прикрытием МИДа Великобритании, по линии которого К. Генлейна и пригласили в Лондон, где он подробно обрисовал ситуацию. Но самое интересное заключалось в его втором визите в Лондон — в 1937 г. Именно тогда ему выработали такую линию поведения в судетской проблеме, которая, по уже имевшемуся лондонскому сценарию, должна был завершиться (Мюнхенским) сговором с Гитлером.

Не менее интересна и позиция президента Чехословакии Бенеша. Убедившись в неизбежности трагической роли, которую движение судетских немцев сыграет в судьбе возглавлявшегося им государства, а произошло это еще в 1932 г., Бенеш отдал своим военным очень любопытный приказ — через четыре года быть готовыми к войне...

Таким образом, очевидно, что все упиралось в так называемое ненасильственное вынуждение Франции и Чехословакии к собственноручному, добровольному же дезавуированию подписанных ими в мае 1935 г. с Советским Союзом и вступивших в законную силу договоров о взаимопомощи в отражении агрессии. Потому как, намертво скрепив советский «бронезилет» безопасности, одновременно они трансформировали роль Советского Союза в обеспечении европейской безопасности в ключевую. Впервые после Первой мировой войны.

В добровольном (но без одностороннего аннулирования) дезавуировании этих договоров Францией и Чехословакией до крайности была заинтересована Великобритания! Потому что, к глубокому сожалению, эти же договора символизировали собой и центральный расшивной узел,

позволявший одним ударом расковать не только «бронезилет» безопасности Советского Союза, но и, лишив его таким образом ключевой роли в решении вопросов европейской безопасности, изолировать Москву на мировой сцене. «Благодарить» за это надо, конечно, двух агентов стратегического влияния Запада — М. Литвинова и М. Розенберга. Действительно, трудно понять, чем они руководствовались, когда тихо согласились с поправкой президента Чехословакии, вследствие которой в тексте советско-чехословацкого договора о взаимопомощи появилась оговорка о том, что военная помощь Советского Союза Чехословакии может быть оказана лишь в том случае, если, в упреждение таковой; первой помощь Праге окажет Франция. Ведь эта оговорка создавала реальный шанс для полного дезавуирования франко-советского и советско-чехословацкого договоров одним лишь росчерком пера Генерального штаба Франции, что, собственно говоря, впоследствии и произошло!

«Стараниями» именно Литвинова и Розенберга внешнеполитическая безопасность СССР была поставлена в чреватую для державы односторонней зависимостью от прихоти даже не правительства, а Генерального штаба Франции^[381]. Достаточно было представить Советский Союз (крайне) ненадежным партнером — и столь желанные для Великобритании цели оказались достигнуты! А сделать это, как ни странно, было легко. Договора-то в значительной мере были завязаны на военную силу СССР. Соответственно, подвергнув массированной и всесторонней дискредитации международный имидж советской военной мощи, можно было полностью опорочить и международный авторитет Советского Союза в целом, а следовательно, полностью дезавуировать и сами договора ввиду несостоятельности и ненадежности партнера в организации отпора агрессии. А уж что-что, но очернять других Великобритания умеет как никто другой в мире.

В том числе и при полном отсутствии даже внешних признаков своей причастности к этому. Да и Париж большой «умелец» сваливать ответственность с большой головы на здоровую.

У Франции и Чехословакии особым «пунктиком» параноидального характера был неподдельный страх перед агрессивным позиционировавшим себя германским реваншизмом. С приходом Гитлера к власти этот страх резко усилился. И единственный шанс спровоцировать у них дальнейшее его резкое обострение и вызвать полное недоверие к военной силе СССР, на которую они вначале и рассчитывали, состоял в следующем. Необходимо было до смерти напугать их не контролируемым Кремлем развитием событий. А «нитью Ариадны», что позволила бы Великобритании вытянуть выгодное для нее решение всех ранее перечисленных задач, являлась

проблема Судетской области Чехословакии, населенной немцами, из-за которой Гитлер предъявлял Праге серьезные территориальные претензии. Из всех формально на то способных сюжетов для таких серьезных интриг той поры реально на это была способна только указанная выше совокупность. Даже миф о «большевистской угрозе» не смог бы сыграть такой роли, потому как всем бандерлогам Запада прекрасно было известно, что это всего лишь миф. Это тем более был единственный комплексный сюжет и одновременно шанс — как говорится, «два в одном флаконе», — поскольку Западной Европе прекрасно было известно как о тесном политическом и торгово-экономическом, так и о тайном военном советско-германском сотрудничестве в догитлеровский период.

Причем пугать было необходимо только чем-то особенно конкретным, в немалой степени как бы очевидным, легко проверяемым всеми сторонами, на которые будет рассчитана соответствующая информация. Соответственно то, чем предполагалось пугать; должно было реально существовать в природе. Французская и чехословацкая военные разведки того времени очень высоко котировались в табели о рангах мира спецслужб. Этим туфту впарить было невозможно.

Тем более нельзя было показывать крайнюю заинтересованность Великобритании. Дикий испуг должны были спровоцировать не ее прямые действия как стороны, откровенно стремящейся к разрушению этой триады договоров. На это надо было подтолкнуть ту сторону, которая абсолютно не была заинтересована в их разрушении. Соответственно действия этой стороны должны были быть добровольными, предпринятыми по собственной инициативе. Они просто обязаны были быть именно такими. То, чем возможно было до смерти напугать Францию и Чехословакию, должно было не только всерьез, но именно же в первую очередь беспокоить саму не заинтересованную в разрушении триады договоров сторону. Причем настолько, чтобы это беспокойство начисто перевесило бы любые опасения по поводу явно негативных международных последствий ликвидации источника такого беспокойства. Проще говоря, безальтернативно продиктовать средство для ликвидации источника такого беспокойства. Хуже того. Избранное средство для ликвидации источника беспокойства, в свою очередь, как бы исподволь, само по себе должно было спровоцировать возникновение ни от кого не зависящей собственной инерции развития.

Наконец, прежде чем пугать, необходимо было не только достоверно, в деталях знать то действительно реально существующее в природе, чем намеревались пугать, но и точно выбрать момент для начала такой операции с условным названием «Испуг». То есть необходим был еще и особый

Момент Истины, когда достоверное знание реально существующего в природе начинает в резкой форме интенсифицировать потребность в реализации такого знания. Причем Момент Истины должен был быть осознан всеми практически одновременно. Так оно и случилось в действительности. Вошедший со второй половины 1936 г. в апогей заговор Тухачевского не только предоставил Великобритании (а также Франции и Чехословакии) все необходимые козыри, но и вынудил Сталина от словесных увещаний перейти к ликвидации заговора. Чем и воспользовались Великобритания и Франция.

Глава 4. В НАШ ПОДЛЫЙ ВЕК НЕ ВЕРЕН ДРУГ ЛЮБОЙ!

Британская разведка внимательно следила за всеми шапнями германского и советского генералитетов и была полностью в курсе всех их перипетий, в том числе, естественно, и развития «двойного заговора». Однако, как использовать этот заговор в своих целях, британскую разведку и дипломатию по-настоящему осенило не ранее лета 1935 г. Толчком к этому послужило одно обстоятельство. К сожалению, оно известно только по советским данным. Однако, учитывая давнее сотрудничество британской и французской военных разведок, в том числе и обмен информацией между ними, можно абсолютно не сомневаться в том, что сведения, о которых ниже пойдет речь, попали также и в Лондон.

В декабре 1935 г. на стол Сталина лег доклад ГРУ под названием «Коалиция против СССР»^[382]. Доклад был подготовлен на основе добытых военной разведкой преимущественно агентурным путем различных разведывательных данных, в том числе и документальных. Стержневой основой доклада являлся составленный по заказу Генерального штаба Франции меморандум, автором которого был один из бывших белогвардейских офицеров.

2-е Бюро Генерального штаба Франции направило копию этого меморандума руководству чехословацкой военной разведки как союзной спецслужбе. А та, в свою очередь, в рамках уже действовавшего тогда соглашения о сотрудничестве с военной разведкой СССР — оно было подписано как секретное приложение к договору о взаимопомощи в отражении агрессии — ознакомила с его содержанием советских коллег. Цитируя в том числе и польские источники, свидетельствовавшие о попытках создания антисоветского блока в составе Германии, Польши, Японии и Финляндии, автор меморандума указывал, что Германией вынашиваются планы колонизации русской территории ради овладения ее природными ресурсами. Кроме того, в меморандуме подчеркивалось, что у германских и польских военных аналитиков сложилось очень невысокое мнение о советской оборонной промышленности и железнодорожном транспорте^[383]. В принципе эти положения меморандума, особенно в части, касавшейся агрессивных планов нацистской Германии, не являлись новостью для советского руководства. Куда более важным было иное.

Автор меморандума предрекал, что в грядущей войне коалиции в составе Германии, Японии, Польши и Финляндии против СССР — планы вооруженного нападения на Советский Союз действительно разрабатывались тогда на базе такого варианта, — первое в мире государство рабочих и крестьян непременно потерпит военное поражение, в результате чего в стране произойдет государственный переворот. Поражение предрекалось сразу же после начала войны — «с открытием военных действий, — на первых же порах Красная Армия потерпит серьезные неудачи, которые скоро приведут к полному военному разгрому и развалу армии», — говорилось и в меморандуме и в докладе ГРУ. Особо подчеркивалось, что это приведет к военному бунту и «дворцовому перевороту» силами военных. В отношении целей последнего указывался захват власти в стране в результате военного переворота «дворцового типа»), установление военной диктатуры и расчленение страны в пользу Германии и Японии в порядке компенсации за оказанное содействие. Были упомянуты также и «тайные связи», которые, несмотря на резкое охлаждение советско-германских отношений после привода Гитлера к власти, продолжали существовать между военными кругами нацистской Германии и Советского Союза. Назвал автор меморандума и главного закулисного «режиссера» грядущего переворота — Верховное командование Германии. И далее подчеркнул следующее. Благодаря «глубоко запрятанным нитям», связывавшим верхушку рейхсвера с политическими и военными кругами СССР, она, «дергая за нужные из них в нужное же время, вызовет внутренний взрыв в стране, который сметет существующий в Советском Союзе режим, в результате чего к власти должны прийти политические и военные деятели, с которыми антисоветская коалиция, и в особенности Германия, смогут легко прийти к соглашению».

Внимательно наблюдая за действиями антисталинской оппозиции, в том числе и ее военного крыла, а также, естественно, и за действиями находившегося за рубежом Троцкого, британская разведка давно обратила внимание, что заговор развивается именно в этом направлении. С момента привода Гитлера к власти она резко усилила сбор информации о военной оппозиции Сталину. Немалую лепту в ее осведомленность о заговоре и характере его развития внес и ее давний агент — упоминавшийся выше А. И. Гучков. По данным последнего, ей было известно, что заговорщики уже находятся в ближайшем окружении Сталина, о чем известно крайне узкому кругу лиц в руководстве нацистской партии. Не отставал, естественно, и агент британской разведки — Фил, он же Адольф Эрнст Хойзингер. Немалую роль, надо полагать, сыграл и давно

англофильствовавший «деятель» — нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов. Если он «сливал» на Запад совершенно секретную информацию по вопросам внешней политики и внешнеэкономических связей СССР, особенно с Германией, то что ему стоило настучать и об этом. Тем более что сам он обладал отличным опытом подпольной конспиративной деятельности и располагал обширной информацией обо всем, что творилось оппозицией как за рубежом, так и тем более в СССР. Кроме того, в начале 30-х гг. у британской разведки появился еще один очень ценный агент в высшем эшелоне советского руководства. Это был сотрудник секретариата члена Политбюро ЦК ВКП(б) — Анастаса Микояна. Кстати говоря, в 1936 г. благодаря информации одного из блистательных агентов «кембриджской пятерки» — Дональда Маклина — органы госбезопасности СССР практически вышли на него, однако нарком внутренних дел Г. Г. Ягода «утопил» этот сигнал в недрах своего ведомства. Лишь в 1940 г. на этого агента повторно вышли — опять-таки благодаря «кембриджской пятерке», точнее Энтони Бланту — и только тогда агент наконец-то был разоблачен и поставлен к стенке.

Громадную роль сыграл и агент британской разведки, проходивший по ее ведомству под кодовым обозначением «№ 2 178» — тесно связанный с М. Литвиновым Дмитрий Сергеевич Навашин^[384]. В прошлом Навашин был высокопоставленным сотрудником советских внешне-экономических организаций во Франции, где и остался на постоянное жительство с ведома начальника советской разведки Артузова. С дореволюционных времен был влиятельным масоном, имел какие-то малопонятные контакты с британской разведкой. Оставшись во Франции, Навашин стал преуспевающим банкиром, вхожим во многие влиятельные круги Франции и ряда европейских стран, сохранив при этом и масонские связи и контакты. С 1930 г. стал финансовым агентом Троцкого — поступающие в распоряжение «беса мировой революции» финансовые средства приходили в Париж на имя Навашина. Одновременно он поддерживал постоянную конспиративную связь как с советской разведкой, так и с оппозицией внутри страны. Не исключено, что значительную долю информации о заговоре оппозиции и особенно ее ориентации на Германию он получил именно от Литвинова (возможно, и опосредствованно — через М. Розенберга, который некоторое время был полпредом во Франции, а затем заместителем Генерального секретаря Лиги Наций в Женеве). Судя по всему, часть двойной игры оппозиции, о которой поведали на допросах Артузов и Ягода, то есть конфиденциальные контакты и переговоры с представителями Англии и Франции, в ходе которых обсуждались вопросы государственного переворота в СССР и его будущего, осуществлялись через него. Очевидно,

он настолько был вовлечен в операции британской разведки по ликвидации заговора Тухачевского и вообще антисталинской оппозиции, что буквально накануне апогея в действиях британской разведки по его заваливанию — 25 января 1937 г. — Навашин был убит. Причем, и это очень характерно, его родственники начисто отметали все версии о причастности к убийству Навашина как гестапо и троцкистов, так и НКВД, заявляя в отношении последнего, что даже орудие убийства — «стилет — чисто европейское орудие убийства». На что они намекали — осталось загадкой. Кстати говоря, и завербовавший его сотрудник британской разведки Виктор Лич незадолго до убийства Навашина сам был убит в Монте-Карло. То есть, в сущности-то, все «концы в воду».

Немалую лепту в высочайший уровень осведомленности британской разведки о заговоре военных внесли и эмигранты, формально не числившиеся в списках ее агентуры. Таким, в частности, был один из блестящих политических умов русской эмиграции Евгений Васильевич Саблин, первый секретарь российского посольства в Лондоне в годы Первой мировой войны. Не приняв «октябрьского переворота», Саблин остался в Лондоне, и практически до самой смерти, последовавшей уже после Второй мировой, он являлся внештатным консультантом по российской политике и русской проблематике при МИДе Великобритании. В марте (6 и 27 числа) 1935 г. Е. В. Саблин передал в британский МИД аналитические записки, в которых прямо указывал, что «единственной реальной силой, которая может совершить переворот, является армия», что «в установлении военной диктатуры с помощью недовольных в армии лежит возможность быстрого и радикального переворота»^[385]. Более того, акцентировал внимание адресата на фигуре Тухачевского. Конечно, Саблин не был в курсе, что его переписка контролируется советской разведкой. Так что эта информация ложилась на стол не только соответствующим лицам в британском МИДе, но и на Лубянке, а затем и в Кремле.

Что же касается степени информированности советских органов госбезопасности о заговоре, необходимо сказать, что приведенные в упомянутом выше меморандуме данные французской разведки, как говорится, с точностью до миллиметра совпали с данными Лубянки. Посудите сами:

— из показаний Тухачевского: «В 1933 — 1934 гг. ко мне зашел Ромм^[386] и передал, что он должен сообщить мне новое задание Троцкого. Троцкий указывал, что нельзя ограничиваться только вербовкой и организацией кадров, что нужна более действенная программа, что германский фашизм окажет троцкистам помощь в борьбе с руководством Сталина и что поэтому военный заговор должен снабжать данными

германский Генеральный штаб, а также работающий с ним рука об руку японский Генеральный штаб, проводить вредительство в армии, готовить диверсии и террористические акты против членов правительства»^[387],

— по агентурным данным советской разведки: «В июне — июле 1933 г. тот же агент («А-256». — А. М.) сообщил, что германское правительство не только связано, но и совместно работает со сформированным уже будущим русским правительством, что это правительство в ближайшее время произведет переворот в СССР... Агент сообщил, что Геббельс поддерживает "национал-большевистскую" группировку в русском контрреволюционном лагере. Она имеет значительное количество своих сторонников в крестьянстве, в Красной Армии и связана с видными работниками Кремля — оппозиционерами, которые добиваются экономических реформ (то есть реставрации капитализма. — А. М.) и падения Сталина»^[388];

— по информации агента гестапо К. Виттига, которую он в 1934 г. сообщил своим кураторам в этой организации со ссылкой на генерала Людендорфа: после 1933 г. сотрудничество рейхсвера и Красной Армии продолжилось, причем «приобрело политический характер и было направлено против государств, подписавших Версальский договор»^[389]; Людендорф в это время занимал уникально тупую позицию. С одной стороны, стал ярким противником Гитлера и входил в круг антигитлеровски настроенных генералов, с другой — разработал для Гитлера концепцию тотальной войны в варианте блицкрига; имя Людендорфа всплывало в информации Лубянки в связи с контактами военного крыла антисталинский оппозиции с военными кругами Германии;

— из письма от 16 января 1937 г. советского разведчика в Берлине А. Климова, работавшего под «крышей» корреспондента газеты «Правда» (письмо адресовано главному редактору «Правды» А. Мехлису): «Мне стало известно, что среди высших офицерских кругов здесь довольно упорно говорят о связях и работе германских фашистов в верхушке командного состава Красной Армии. Этим делом по личному поручению Гитлера (тут неточность, Гитлер ничего не знал и потому ничего поручать не мог, в чем еще убедимся. — А. М.) занимается будто бы Розенберг. Речь идет о кружках в Кр. Ар., объединяющих антисемитски и религиозно настроенных людей. В этой связи называлось даже имя Тухачевского... Источник, на который сослался мой информатор: полковник воздушного министерства Линднер. Он монархически настроенный человек, не симпатизирует нац.-соц., был близок к Секту и принадлежит к тем кругам военных, которые стояли и стоят за соглашение с СССР»^[390]; во-первых, Линднер был сотрудником разведки ВВС Германии; во-вторых, судя по всему, он входил в антигитлеровски настроенную оппозиционную группу монархистов,

возглавлявшуюся Р. Вулле (о нем см. ниже), который весной 1936 г. вышел на прямой контакт с советской разведкой с просьбой о поддержке антигитлеровского переворота в Германии; в-третьих, он контактировал и с агентом британской разведки Уильямом де Роппом, который был также и личным агентом А. Розенберга, а основные связи де Роппа в военных кругах Германии как раз и приходились на ВВС, так как он сам был известным летчиком;

— из выступления наркома обороны К.Е. Ворошилова на открывшемся 23 февраля 1937 г. Пленуме ЦК ВКП(б): «Что собой представляют вскрытые НКВД в армии враги, представители фашистских японо-немецких, троцкистских банд (не обращайтесь внимания на идеологические штампы того времени. — А. М.)? Это в своем большинстве высший начсостав, это лица, занимающие высокие командные посты. Кроме этой сравнительно небольшой группы вредителей, вскрыты также отдельные, небольшие группы вредителей из среды старшего и низшего начсостава в разных звеньях военного аппарата... Какие цели и задачи ставила перед собой эта японо-немецкая, троцкистско-шпионская банда в отношении Красной Армии? Как военные люди, они ставили и стратегические, и тактические задачи. Стратегия их заключалась в том, чтобы, формируя троцкистские ячейки, вербуя отдельных лиц, консолидируя силы бывших троцкистов и всякие оппозиционные и недовольные элементы в армии, создавать свои кадры, сидеть до времени смирно и быть готовыми в случае войны действовать так, чтобы Красная Армия потерпела поражение, чтобы можно было повернуть оружие против своего правительства». Со ссылкой на показания Пятакова, Ворошилов далее говорит: «Пятаков... в своих показаниях по поводу планов Троцкого в отношении Красной Армии заявляет следующее: "Особенно важно, — подчеркивал Троцкий, — иметь связи в Красной Армии. Военное столкновение с капиталистическими государствами неизбежно. Я не сомневаюсь, что исход такого столкновения будет неблагоприятен для сталинского государства. Мы должны быть готовы в этот момент взять власть в свои руки. Затем Ворошилов перешел к цитированию показаний других арестованных: «А вот как о том же говорит расстрелянный террорист Пикель, бывший в свое время секретарем Зиновьева. "На допросе от 4 июля 1936 года вы показали о существовании военной организации, в которой принимали участие связанные с Дрейцером Путна и Шмидт. В чем должна была заключаться их работа?" — спрашивает Пикеля следователь. Пикель отвечает: "Все мероприятия троцкистско-зиновьевского центра сводились к организации крупного противогосударственного заговора. На военную организацию возлагалась задача путем глубокой нелегальной работы в армии подготовить к моменту

успешного осуществления планов Зиновьева и Каменева немедленный переход части руководящего командного состава армии на сторону Троцкого, Зиновьева и Каменева и требования командного состава армии отстранить Ворошилова от руководства Красной Армией. Это предполагалось в том случае, если Дмитрию Шмидту до убийства Сталина не удастся убить Ворошилова". В своих показаниях Д. Шмидт... говорит примерно то же, что и Пикель: "Развивая передо мною задачи организации военных троцкистских ячеек в армии, Дрейцер информировал меня о наличии двух вариантов захвата власти: 1) предполагалось, что после совершения нескольких основных террористических актов над руководством партии и правительства удастся вызвать замешательство оставшегося руководства, благодаря чему троцкисты и зиновьевцы придут к власти; 2) в случае неудачи предполагалось, что троцкистско-зиновьевская организация прибегнет к помощи военной силы, организованной троцкистскими ячейками в армии"». И, наконец, подводя итог, Ворошилов заявил: «...Деятельности троцкистов в рядах Красной Армии Троцкий и центр блока придавали особо серьезное значение, исходя опять-таки из установок на пораженчество в грядущей войне СССР с фашистскими государствами. Как первый, так и второй центры троцкистско-зиновьевского блока прекрасно понимали, что троцкисты — командиры Красной Армии в мирных условиях ничего реального в смысле широкого или сколько-нибудь значительного выступления против правительства сделать не могут... Однако в случае поражения СССР в войне, из чего они главным образом исходили и на что рассчитывали, троцкисты — командиры Красной Армии могли бы даже отдельные проигранные бои использовать как доказательство якобы неправильной политики ЦК ВКП(б) вообще, бессмысленности и губительности данной войны. Они также могли бы, пользуясь такими неудачами и усталостью красноармейцев, призвать их бросить фронт и обратить оружие против правительства. Это дало бы возможность немецкой армии без боев занять оголенные участки и создать реальную угрозу разгрома всего фронта. В этих условиях наступающих немецких войск блок, опираясь уже на части, возглавляемые троцкистами-командирами, делает ставку на захват власти в свои руки, для того, чтобы после этого стать оборонцами»^[391],

— из заявления И. Э. Якира на имя наркома ВД СССР Н. И. Ежова от 31 мая 1937 г.: «Еще осенью 1935 года при встрече моей и Уборевича с Тухачевским у него на квартире он развил перед нами вопрос о так называемом "дворцовом перевороте". Он указал на то, что рассчитывает на совместные действия по организации как чекистов, участвующих в охране Кремля, так и военной охраны, в первую очередь — на Кремлевскую школу

(позднее — Московское высшее общевойсковое командное училище. — А. М.). По времени переворот и захват руководящих работников партии и правительства происходит тогда, когда в основном будет закончена подготовка Гитлера к войне. Ориентировочно это должен быть 1936 год. Как на непосредственных организаторов этого дела, он указывал на Енукидзе, Егорова — начальника Кремлевской школы и чекистов, фамилии которых не помню. Кажется, речь шла о Паукере. "Дворцовый переворот" должен был быть поддержан рядом выступлений организации в других крупных городах Советского Союза. Мною в Киеве для выполнения задачи была подготовлена бригада Шмидта, которая, будучи поднята по тревоге якобы с целью защиты украинского правительства в связи с восстанием в Москве, должна была обеспечить захват партийного и советского руководства Украины...»^[392]

— из показаний Тухачевского на допросе 9 июня 1937 г. у прокурора Союза ССР А. Я. Вышинского и помощника главного военного прокурора Субоцкого: «Свои показания, данные на предварительном следствии о своем руководящем участии в военно-троцкистском заговоре, о своих связях с немцами, о своем участии в прошлом в различных антисоветских группировках, я полностью подтверждаю. Я признаю себя виновным в том, что я сообщил германской разведке секретные сведения, касающиеся обороны СССР. Я подтверждаю также свои связи с Троцким и Домбалем. Задачи военного заговора состояли в проведении указаний троцкистов и правых, направленных к свержению советской власти. Я виновен также в подготовке поражения Красной Армии и СССР в войне, т. е. в совершении государственной измены. Мною был разработан план организации поражения в войне... Я признаю себя виновным в том, что я фактически после 1932 г. был агентом германской разведки. Также я виновен в контрреволюционных связях с Енукидзе в составе военно-троцкистского заговора. Кроме меня, были Якир, Уборевич, Эйдеман, Фельдман, С. С. Каменев и Гамарник. Близок к нему был и Примаков. Никаких претензий к следствию не имею. Тухачевский»^[393];

— из заявления И. П. Уборевича от 9 июня 1937 г. на имя наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова: «Тухачевский начал разговор с темы о предстоящей войне, обрисовав мне внутреннее и внешнее положение Советского Союза как совершенно неустойчивое. Подчеркнул, что между тем германский фашизм изо дня в день крепнет и усиливается. Особый упор он делал на развертывание в Германии могущественной армии, на то, что на решающем Западном фронте немецкие войска будут превосходить Красную Армию в полуторном размере, поэтому разгром Красной Армии, по его мнению, неизбежен. Тогда же Тухачевский мне заявил, что мы не только

должны ожидать поражения, но и готовиться к нему для организации государственного переворота и захвата власти в свои руки для реставрации капитализма. Прямо на карте Германии, Польши, Литвы и СССР Тухачевский рисовал варианты возможного развертывания германских армий... при этом он указал, что развертывание Красной Армии во время войны надо будет строить так, чтобы облегчить задачу ее поражения»^[394]. По словам Уборевича, Тухачевский прекрасно отдавал себе отчет в том, что решающим станет именно Западный фронт (полоса компетенции Белорусского военного округа в то время), и, очевидно, знал по донесениям разведки, что именно Белорусское направление удара вермахта будет решающим, главным из главных. Тем не менее в «Плане поражения СССР в войне с Германией» Тухачевский собственной рукой написал, что Белорусское направление удара для планов Гитлера является фантастическим, потому как у фюрера, видите ли, нет намерений разгромить СССР! Попросту говоря, даже находясь под следствием, Тухачевский не говорил всей правды и, по мере возможности, стремился нанести ущерб обороноспособности СССР;

— из показаний А. Розенгольца на суде: «В отношении войны линия у Троцкого была на поражение. Стоял вопрос о желательности и необходимости осуществления военного переворота применительно к срокам возможного начала войны (в отношении сроков войны Розенголец указал 1935 — 1936 гг. — А.М.)... Уже после суда над Пятаковым пришло письмо от Троцкого, в котором ставился вопрос о необходимости максимального форсирования военного переворота Тухачевского. В связи с этим было совещание у меня на квартире... Это было в конце марта 1937 года... На этом совещании Тухачевский сообщил, что он твердо рассчитывает на возможность переворота, и указывал срок, полагая, что до 15 мая, в первой половине мая, ему удастся этот военный переворот осуществить»^[395];

— из показаний Н. Крестинского на суде: «В феврале 1934 года я виделся и с Тухачевским, и с Рудзутаком... получил от обоих принципиальное подтверждение, признание линии на соглашение с иностранными государствами, на их военную помощь, на пораженческую установку, на создание внутренней объединенной организации... Переворот увязывался с нашей пораженческой ориентацией и приурочивался к началу войны, к нападению Германии на Советский Союз»^[396];

— из показаний П. Буланова на суде: «Вооруженный переворот, по определению Ягоды, они приурочивали обязательно к войне... Ягода мне прямо сказал, что я — наивный человек, если думаю, что они, большие политики, пойдут на переворот, не сговорившись с вероятными и

неизбежными противниками СССР в войне. Противниками назывались немцы и японцы. Он прямо говорил, что у них существует прямая договоренность, что в случае удачи переворота новое правительство, которое будет сконструировано, будет признано, и военные действия будут прекращены»^[397].

Когда в мае 1937 г. был разоблачен и ликвидирован заговор военных во главе с Тухачевским, преследовавший именно те цели, которые и были указаны в упомянутом выше меморандуме, то реакция Сталина была просто поразительна, особенно в следующем. Во-первых, при анализе текста подлинной, направленной стенограммы речи Сталина на посвященном разоблачению заговора Тухачевского заседании Военного совета при наркомате обороны 2 июня 1937 г. немедленно бросается в глаза следующее обстоятельство. Сталин упорно использовал всего три термина, особо выделяя прежде всего термин «германский рейхсвер» (или просто «рейхсвер»), правда, в увязке с термином «германские фашисты», иногда разбавляя свою речь также и термином «немецкий Генштаб». С формальной стороны такая связка объективна и справедлива — в Германии установлен нацистский режим, и вооруженные силы присягнули на верность Гитлеру, так как формально-то Гитлер был приведен к власти предусмотренными Конституцией Веймарской республики процедурами, а после смерти президента Гинденбурга присвоил себе также и функции президента. По конституции он стал главнокомандующим, хотя до 4 февраля 1938 г. и не бравировал этим.

Фанатичная приверженность Сталина к точности формулировок и используемых в них терминов вынуждает внимательней присмотреться к вызывающему легкую оторопь его упорству в использовании указанных выше терминов. Ведь с 15 марта 1935 г. Сталину прекрасно было известно как о реорганизации рейхсвера, так и его трансформации в вермахт. С какой такой стати до последнего дня своей жизни отличавшийся особой точностью формулировок Сталин упрямо настаивал на термине, который и в самой-то Германии был снят «с вооружения» два с лишним года назад?! Почему прекрасно знавший о тесном переплетении вооруженных сил и нацистских структур Германии Сталин тем не менее упрямо произносил термин «рейхсвер»? Конечно, и Сталин мог быть подвержен влиянию инерции традиций. И все же это беспрецедентное для него упорствование на термине «германский рейхсвер» (или просто «рейхсвер») лишает возможности однозначно все списать только на «инерцию традиций». В поисках ответа на помощь приходит сам Сталин. Дело в том, что из насчитывающихся в тексте стенограммы 22 случаев использования термина «германский рейхсвер» или просто «рейхсвер» 11 фигурируют именно в

абзаце, который объясняет суть заговора, а б — на подступах к нему. Это свидетельство того, что Сталин четко показывал, что он прекрасно знал, что именно «рейхсверовские» германские генералы являются партнерами заговора Тухачевского! Более того, он четко показывал, что отлично понимает то обстоятельство, что это давняя, корнями уходящая еще в догитлеровский период история!

[Любопытная деталь. 11 ноября 1935 г. новый германский военный атташе в Москве — Эрнст Кёстринг — отправил в Берлин депешу, в которой сообщил, что во время состоявшейся у него в тот день беседы с заместителем наркома обороны М. Н. Тухачевским последний «либо интересовался судьбой знакомых ему по прежним контактам немецких офицеров» и, по мнению атташе, «проявил интерес и симпатию к рейхсверу». Казалось бы, ну что тут такого? ! Ну, отписал он о встрече с Тухачевским, ну и что из этого? ! Военному атташе и так положено делать это. Э нет, не скажите. Эта деталь любопытна вот чем. Кёстринг прибыл в Москву представлять не рейхсвер, а вермахт Германии, ибо с середины марта 1935 г. вооруженные силы этой страны были переименованы. Как военный атташе, он просто физически не мог не знать об этом, а потому в его изложении эта деталь приобретает то же значение, каковое двумя годами позже вкладывал Сталин, чрезмерно упорствуя на терминах «германский рейхсвер» и «рейхсвер». К слову сказать, и выбор его кандидатуры на должность военного атташе Германии в СССР тоже весьма многозначителен. Высшее военное руководство Германии прекрасно знало, что оно делает и кого направляет в Советский Союз. ведь Э. Кёстринг был ближайшим помощником Г. фон Секта и стоял у истоков сотрудничества рейхсвера и РККА. Он в деталях знал все, что связано с этим сотрудничеством. Следовательно, Кёстринг умышленно использовал этот термин, дабы адресату было понятнее, о чем идет речь.]

Кроме того, Сталин с порога употребил термин «военно-политический заговор», намертво увязав его с «германским рейхсвером». Открыто назвал и его геополитическую суть — через поражение и блокирование с Германией и Японией. Что и было на самом деле. В тот момент Сталин располагал едва ли не всей полнотой сведений о заговоре, включая и информацию о его целях. И по сути-то, воспроизвел формулировки из доклада ГРУ от декабря 1935г.!

Во-вторых, в собственноручно изложенных показаниях (143 страницы!) следствию Тухачевский подробно изложил все известные ему данные о заговоре, а также план военного поражения СССР в грядущей войне на начальной ее стадии. По всем основным параметрам и последствиям

показания Тухачевского и его подельников совпадали с разведывательной информацией 1935 г., как, впрочем, и до 1935 г., а также последующего времени вплоть до их ареста. Тухачевский добровольно, по собственной инициативе согласился изложить все в письменной форме. Особо подчеркиваю, что все 143 страницы его собственноручных письменных показаний написаны ровным, четким почерком, с использованием всех знаков препинания и содержат такие подробности, которые ни один из следователей выдумать не смог бы даже при всем желании. Даже ярые антисталинисты не могут игнорировать эти показания Тухачевского, хотя и пытаются дезавуировать их, правда безуспешно.

Упомянутый выше доклад ГРУ тоже пытаются дезавуировать, представляя его неким «предвестником» тех сфабрикованных нацистами документов, которые якобы послужили предлогом для ареста в 1937 г. Тухачевского и других военачальников, обвиненных в подготовке военного заговора с целью захвата власти, установления военной диктатуры и расчленения страны в пользу нацистской Германии и милитаристской Японии!

Первыми начали это делать зарубежные «доброхоты» — несть числа этой, к глубокому сожалению, допущенной к секретным ранее архивам сволочи, только и способной, что активизировать в памяти одну из максим знаменитого Франсуа де Ларошфуко — «Можно вылечить от безрассудства, но нельзя выпрямить кривой ум»! Впрочем, не будем даже и пытаться делать ни того, ни другого — просто назовем факты. Во-первых, упомянутый выше меморандум был составлен для Генерального штаба Франции, 2-е Бюро которого и глава которого в период составления этого меморандума (в июле 1935 г.) — полковник Луи Риве — обладали исключительной на тот момент информированностью об агрессивных планах нацистов и их военных приготовлениях. В одном только абвере — военной разведке нацистской Германии — французская военная разведка имела к середине 30-х гг. примерно с десятков хорошо информированных агентов^[398]. При наличии столь информированной агентуры 2-е Бюро ни при каких обстоятельствах не позволило бы, тем более какому-то офицеру-белоземгранту, «впаривать» себе туфту да еще и передавать ее союзной разведслужбе — чехословацкой разведке. Последняя, к слову сказать, тоже не лыком была шита, поскольку сама располагала превосходной агентурной сетью, в том числе и очень ценным агентом в абвере, который, как убедимся, сыграл одну из ключевых ролей в провале заговора Тухачевского. Несмотря на свою малочисленность, чехословацкая военная разведка считалась в те времена одной из сильнейших военных разведок в Европе, по крайней мере

в Центральной; Восточной и Юго-Восточной Европе — точно. Во-вторых, лично у Луи Риве еще с начала 20-х гг. сложились прекрасные отношения с «фюрером» Польши — маршалом Пилсудским и. находившейся в его подчинении польской военной разведкой (2-е Бюро Генерального штаба Польшы). С 20-х гг. между двумя этими военными разведками существовала практика широкого обмена разведывательными данными (особенно об СССР), так как Франция и Польша были связаны соответствующими договорами о взаимопомощи. Так что в том, что автор меморандума цитировал польские источники, нет ничего удивительного. В-третьих, ничего удивительного в этом тем более не сыщется, если принять в расчет еще и то обстоятельство, что сконцентрировавшая максимум своего внимания на Германии польская военная разведка также считалась в те времена одной из лучших разведок в Европе.

Меморандум был подготовлен в июле 1935 г., а доклад ГРУ — в начале декабря того же года, однако едва ли французы так долго тянули с его передачей чехословацкой военной разведке, а та — советской. Обмен информацией произошел, скорее всего, не позднее осени 1935 г., и в оставшееся до декабря время ГРУ было занято проверкой и перепроверкой содержащихся в этом меморандуме данных, при этом были задействованы возможности как самого ГРУ, так и разведки Лубянки.

ГРУ, к примеру, в тот период обладало сильной нелегальной агентурной группой в германском посольстве в Варшаве, которая могла успешно проверить цитировавшиеся в меморандуме польские источники. Тем более что к концу 1935 г. у этой группы появился и свой агент в германской разведке — капитан «К.», получивший в документации ГРУ цифровой псевдоним «18»^[399]. Не говоря уже об иных агентурных возможностях двух советских разведок в самой Германии.

Что касается самой идеи о такой коалиции, то это действительно не было новостью для советского руководства. Начиная с середины 20-х гг. антисоветские планы Запада все время базировались на ней. Не стали исключением и 30е годы, причем как догитлеровский их период, так и после его привода к власти; Архивы как внешнеполитической, так и военной разведок СССР-России в буквальном смысле слова ломаются от таких данных, в том числе и документальных. Не являлись чем-то принципиально новым и указанные в меморандуме данные о возможности военного переворота в СССР, особенно в связке с нападением извне и нанесением Советскому Союзу военного поражения.

Упомянутый меморандум 2-го Бюро Генерального штаба Франции был передан также и британской разведке. Кстати говоря, аналог французской военной разведки — 2-е Бюро польского Генштаба — также вело аналогичный обмен с МИ-6. И чехословацкая военная разведка вела такой же обмен с британскими коллегами. В британской разведке данные этого меморандума органично слились как с собственной информацией, так и с данными дипломатической разведки МИДа Великобритании. Но едва только это произошло, случилось главное во всей этой истории — как своего рода «Архимедов рычаг», совокупность этих данных сдвинула с места всю лавину информации о заговоре. И она понесла постоянно сверявшиеся с позицией МИДа и указаниями высшего руководства Великобритании мысли британской разведки в традиционном направлении — в направлении составления «Заговора против Заговора». Осенью 1936 г. британский заговор против заговора Тухачевского окончательно созрел и перешел в стадию реализации.

Это точно совпало и с позицией Политбюро ЦК ВКП(б). 29 сентября 1936 г. Политбюро приняло решение: «Утвердить следующую директиву "Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам": а) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз, и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей — наемников фашистской буржуазии в Европе. В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных, вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не завершены, но и тех, которые были раньше высланы»^[400]. Учитывая, что деятельность по негласному содействию ускорению провала заговора Тухачевского была инициирована британской разведкой осенью 1936 г., очень даже похоже, что об этой директиве она узнала при помощи своего агента в секретариате члена Политбюро А. И. Микояна. По-другому очень сложно объяснить такое хронологическое совпадение.

Нечто более всего удивительно, так это то, что «до ума» заговор против заговора довели лично... Адольф Гитлер и... «невинная жертва» сталинизма — Михаил Тухачевский. Главным образом, собственной глупостью и глубоким непониманием происходящего в мире. К тому же и проделали это на редкость незатейливо.

Глава 5. ЛИЦЕМЕРЫ, ЧТО ЖИЗНЬЮ КИЧАТСЯ СВЯТОЙ!

Гитлер, например, по осени 1936 г. влез в секретные переговоры консультативно-зондажного характера на предмет возможного решения особо острой проблемы в отношениях между Германией и Чехословакией — проблемы населенной немцами Судетской области. «Гвоздем программы» было его предложение о том, что он, видите ли, готов уважать территориальную целостность Чехословакии в обмен на ее гарантии в том, что она останется нейтральной в случае германо-французской войны. Гитлер еще год назад пускал пробные шары на эту тему, но тогда Чехословакия сделала вид, что не слышит. Тогда у нее еще «преобладало» желание в союзе с Францией и СССР защититься от агрессивных притязаний гитлеровской Германии.

Объяснялось это вполне прозаично. Чехословацкая военная разведка знала, что на основании секретной директивы № WA 1186/35д K11 от 4 апреля 1935 г. военного министра Бломберга германский Генеральный штаб приступил к разработке плана нападения на Чехословакию. В Праге прекрасно отдавали себе отчет в том, что эта директива есть прямое следствие англо-германских переговоров, состоявшихся в конце марта 1935 г. Потому как тогда Великобритания впервые выдала Гитлеру карт-бланш на агрессию в восточном направлении.

Трудно сказать, что конкретно послужило причиной изменения позиции официальной Праги. То ли начавшиеся в СССР аресты оппозиционеров, в том числе и высокопоставленных военных, то ли традиционная протитуированность Праги в вопросах внешней политики, то ли еще что-то. Однако, как свидетельствуют факты, скорее всего за этим определенная осведомленность высшего руководства Чехословакии о серьезном изменении позиции военного руководства Франции в вопросе о значимости военной мощи СССР.

Осенью 1936 г. французская военная делегация во главе с заместителем начальника Генштаба Виктором-Анри Швайсгутом (иногда пишут — Швейсгут) совместно с военными делегациями Чехословакии и Англии побывала на военных маневрах Белорусского военного округа, которыми

командовал Уборевич. Все три делегации положительно оценили маневры. В том числе и генерал В. А. Швайсгут. Однако по возвращении в Париж генерал представил доклад, который разительно отличался и от его оценок на месте, и особенно от доклада его коллеги генерала Луазо, еще год назад побывавшего на аналогичных маневрах. Ссылаясь на увиденное и на беседы с наркомом обороны СССР К. Е. Ворошиловым, а также с его первым заместителем М. Н. Тухачевским, генерал В. А. Швайсгут весьма нелестно охарактеризовал Красную Армию. Назвал ее «кажущейся сильной, но недостаточно подготовленной к войне с крупной европейской державой», сделав акцент на то, что РККА не под силу осуществить длительное наступление^[401]. Вдобавок, дав извращенную оценку целям внешней политики Советского Союза, генерал сделал еще один неллицеприятный вывод. Что-де СССР делает ставку на войну между Францией и Германией, предпочитая, чтобы «гроза разразилась над Францией».

По его мнению, война между двумя европейскими державами была бы выгодна Советскому Союзу, так как якобы позволила ему, как и Америке в 1918 г., стать арбитром в истощенной Европе^[402]. На основании этого Швайсгут высказался против переговоров генеральных штабов^[403], которые были запланированы еще год назад — в момент подписания франко-советского договора о взаимопомощи в отражении агрессии — и начать которые Советский Союз вновь предложил в сентябре 1936 г.^[404] Его точку зрения полностью поддержал резко отрицательно настроенный к идее военного сотрудничества с Советским Союзом военный министр Франции Эдуард Даладьё — будущий поделщик Гитлера по Мюнхенскому сговору. Именно его сопроводительная записка к отчету генерала Швайсгута явила собой поворотный пункт во франко-советских отношениях^[405]. Высшая военная бюрократия Франции фактически перешла в глухую оппозицию любым попыткам премьер-министра Франции Леона Блюма как-то наладить хотя бы подобие сотрудничества. Вплоть до того, что оказала серьезное сопротивление попыткам премьера открыть в ноябре 1936 г. под завесой строгой секретности переговоры с советским военным атташе в Париже, заполучить доклад Луазо для сравнения с отчетом Швайсгута и даже заблокировала выполнение советских заказов на военное оборудование, особенно военно-морского назначения. В результате Л. Блюм прекратил всякое давление на министерство обороны и Генеральный штаб, которое он ранее оказывал, стремясь придать франко-советскому союзу характер военной солидарности^[406]. Литвиновская политика коллективной безопасности со ставкой на Францию потерпела серьезное поражение. Это нашло свое выражение не только в оценках французских политических и

военных деятелей. К примеру, известный политический деятель Франции Эдуард Эррио оценивал франко-советские отношения как «отравленные», коллеги Швайсгута, генералы А. Ж. Жорже, П. Э. Жеродиас и М. Е. Дебени считали франко-советский пакт утешением для простофиль и настаивали на том, чтобы отказаться от него^[407]. Это выливалось и в нелюбезные для Литвинова оценки со стороны советских полпредов. Так, советский полпред в Берлине Я. Суриц открыто писал Литвинову, что «франко-советский пакт дышит на ладан. Тем более что и в самой Франции все меньше и меньше его сторонников, даже и среди партий Народного фронта (в частности, и в радикал-социалистической, и даже социалистической). В таком положении остается задача не укреплять и углублять его (об этом не может быть и речи), но просто лишь бы сохранить его хотя бы на бумаге»^[408]. Даже министр иностранных дел Норвегии профессор Кут открыто предупреждал Литвинова о том, что «нельзя доверять французской политике военных союзов, порождающей напряженное состояние во всех странах мира. Французы просто не способны ни к чему другому из-за своей ограниченности и узости национального духа»^[409].

Обстоятельства резкого изменения позиции руководства ГШ Франции заслуживают особого внимания: Разгадка этого находится в событиях, произошедших непосредственно накануне смерти известного советского писателя Горького. Вице-президент российского ПЕН-клуба, известный писатель и публицист, свирепый антисталинист Аркадий Иосифович Ваксберг в 1999 г. издал книгу под названием «ГИБЕЛЬ БУРЕВЕСТНИКА. А. М. Горький: последние двадцать лет». Под конец этой почти 400-страничной книги Ваксберг всерьез озадачился странным поведением известного французского писателя Луи Арагона накануне смерти М. Горького. Незадолго до своей смерти Горький настоятельно просил своих приятелей — Луи Арагона и Андре Жида — прибыть в Москву и посетить его. Причем не вместе, а порознь. Что он хотел им сказать — теперь уже никогда не узнаем. Да и не в том суть. Она в том, как Луи Арагон впоследствии описал свой визит к умирающему Горькому. Телеграмма журналиста Михаила Кольцова^[410] с просьбой Горького ускорить приезд в Москву застала Луи Арагона в Лондоне. Поразительно, что, откликнувшись на эту просьбу, Л. Арагон избрал самый медленный для такого случая транспорт — пароход (с очень «подходящим» для данного случая названием — «Феликс Дзержинский»). Однако, прибыв в СССР 8 июня — 1936 г., Луи Арагон вовсе и не собирался поспешать к умирающему Горькому, а застрял в Ленинграде, где со своим мужем проживала родная сестра его жены — Эльзы Триоле. Но вот ведь вся квинтэссенция случившегося в том, что родная сестра его жены была не кем иным, как знаменитой Лилей Брик

(урожденная Коган), а ее мужем — поделщик Тухачевского по заговору, командующий Ленинградским военным округом комкор Виталий Примаков. По «странному» стечению обстоятельств именно в это время туда прибыл и Тухачевский. И вместо того, чтобы поспешать к Горькому — ведь с 6 июня 1936 г. публиковались бюллетени о его здоровье, один тревожнее другого, — восемь или десять дней кряду Луи Арагон провел в длительных, как правило, политических беседах с этими вояками.

[Впоследствии Луи Арагон утверждал, что-де он вел с Тухачевским беседы аж на английском, что, конечно же, бессмыслица. Тухачевский прекрасно знал французский, и заморскому писателю вовсе не было нужды напрягать свои знания в английском языке. Французы его не терпят. Кроме того, по его же утверждениям, в беседах затрагивались политические события в мифе, в процессе чего Тухачевский резко критиковал даже французскую Компартию, а Л. Арагон защищал ее.]

В книге «Ненаписанные романы» ныне покойный Юлиан Семенов рассказывал о своем разговоре с Л. Брик, которая вспоминала о том времени следующими словами: «Весь тридцать шестой год я прожила в Ленинграде... И все это время я — чем дальше, тем больше — замечала, что по вечерам к Примакову приходили военные, запирались в его кабинете и сидели там допоздна. Может быть, они действительно хотели свалить тирана»^[411]. Конечно, Л. Брик не рассказала охочему до сенсаций Ю. Семенову, что обо всем, что происходило в доме Примакова, она исправно докладывала органам госбезопасности. В те времена она и не могла этого сделать. Именно в такой ситуации к моменту прибытия Л. Арагона в Ленинград там появился и Тухачевский. То есть Луи Арагон был свидетелем всех этих вечерних посиделок высокопоставленных вояк-заговорщиков и, вполне возможно, принимал в них участие. Но, скорее всего, в первую очередь чутко улавливал то, что ему переводили его жена и ее сестра из разговоров вояк между собой. О Горьком никто даже и не вспоминал, хотя формально-то Арагон прибыл по просьбе умиравшего «буревестника революции». Дальнейшее поведение Л. Арагона А. И. Ваксберг описывает с явным недоумением — что-де, по словам самого Арагона, опубликованным в 1965 г., он вместе с женой прибыл в Москву то ли 16, то ли 17 июня 1936 г., когда уже было поздно. Еще большее недоумение у Ваксберга вызвали слова Арагона от 1977 г., которыми он обрисовал ситуацию так — что-де прибыл он в Москву только 18 июня и в полдень уже был в Горках. Ваксберг четко показывает, что это 100-процентная ложь, так как советские газеты сообщили о его прибытии в Москву 15 июня. То есть он и эти три дня был занят неизвестно чем и вовсе не собирался навещать находившегося на смертном одре Горького. Ваксберг задает вполне справедливый вопрос:

«Кто, кому и зачем все-таки лгал?» Естественно, что ответа на этот вопрос у него и не могло быть. Его можно найти на стр. 374 интересной книги авторитетного специалиста по истории разведки и масонства Лоллия Замойского «Масонство и глобализм. Невидимая империя». С прямой ссылкой на офицера госбезопасности Л. Замойский сообщил в своей книге, что в числе уничтоженных по приказу Хрущева дел на Лубянке были и дела на масонов, среди которых фигурировало и досье на Луи Арагона и его жену Эльзу Триоле^[412], в котором содержались сведения и в отношении Л. Брик.

Как у британской, так и у французской разведки издавна наблюдается склонность в особо щекотливых случаях прибегать к услугам не вызывающих подозрений известных писателей, масонов, в том числе и писателей-масонов, включая и прогрессивных. Более того, высшая иерархия французских военных и спецслужб издавна насквозь пронизана масонами. Если, приняв все это во внимание, проанализировать изложенное выше, то у нас появятся вполне серьезные основания усмотреть в «странном» визите Луи Арагона серьезную разведывательную миссию. Именно ту разведывательную миссию, целью которой было дотошное выяснение истинного положения дел в высшей советской военной иерархии, особенно в части, касавшейся подготавливавшегося ею в координации с германскими генералами заговора с целью переворота в СССР и захвата власти в стране. Это тем более не удивительно, если учесть еще и следующее. После подписания франко-советского договора о взаимопомощи в отражении агрессии у 2-го Бюро Генштаба Франции появился упоминавшийся выше меморандум со сведениями о готовящемся советскими генералами в координации с германскими «коллегами» заговоре против центральной власти. И вся суть его сводилась к тому, что именно в координации с германскими «коллегами» -заговорщиками советские генералы-заговорщики организуют военное поражение своей армии в войне с Германией, а затем на пораженческой волне устроят государственный переворот, захватят власть и заключат соглашение с Германией. Заполучив такие данные в ситуации, когда уже подписан договор о взаимопомощи в отражении агрессии с государством, высшие представители военной иерархии которого замышляют подобное против своей центральной власти, руководство любого государства и тем более руководство любой разведслужбы, исходя из соображений собственной безопасности, увы, априори обязаны досконально проверить такую информацию. Собственно говоря, именно этим-то, очевидно, и была вызвана почти годовая затяжка с ратификацией этого договора Францией, а также устроенная французскими военными руководителями волынка с переговорами на уровне генеральных штабов, которые были предусмотрены еще в момент подписания договора. Но ведь

надо было знать еще глубже, еще точнее — речь-то шла о безопасности государства, в данном случае Франции. И вот Луи Арагона приглашают к предсмертному ложу Горького. Ну, куда более чем удобный случай в деталях все разведать. Луи Арагон хорошо был известен в СССР как якобы прогрессивный писатель и «друг» Советского Союза — кто его заподозрит. Предлог побывать в Ленинграде — вообще отменный: родная сестра жены там проживает со своим мужем, командующим Ленинградским военным округом. Просто идеальнейшая для любой разведки ситуация (советская, к слову сказать, поступила бы точно так же). И Луи Арагон, судя по всему, оправдал возлагавшиеся на его разведывательную миссию надежды. Потому что именно после его визита в СССР французский генералитет стал демонстративно воротить нос при одном только упоминании идеи о франко-советских переговорах на уровне генеральных штабов, а далее и вовсе о военном сотрудничестве с РККА! Вот почему уже по осени 1936 г. вся эта дурацкая затея Литвинова с договором о взаимопомощи в отражении агрессии лопнула как мыльный пузырь. Конечно, сразу французский генералитет не мог показать свое знание истинного положения дел — потому и стал брехать о «кажущейся сильной, но недостаточно подготовленной к войне с крупной европейской державой» РККА. Причем с акцентом на то, что-де РККА не под силу осуществить длительное наступление. Потому как оказание помощи Франции (и Чехословакии) в отражении агрессии Германии явилось бы для Красной Армии длительной наступательной операцией! Попутно генералы еще и поугали высшее руководство Франции тем, что-де СССР делает ставку на войну между Францией и Германией, предпочитая, чтобы «гроза разразилась над Францией». А чуть позже, уже в начале 1937 г., французский генералитет вообще отбросил всякие стратегические выверты и открытым текстом заговорил о том, что политически не доверяет советскому генералитету! Вот во что обходятся безумные интриги заговорщиков! Что же до Луи Арагона, то он прекрасно знал, зачем он ездил тогда в СССР, потому и лгал в своих последующих публикациях. Не мог же он открыто признать, что ездил туда по поручению французской военной разведки и руководства французского масонства. Вот и вся разгадка не только его визита в СССР, но и интересующих нас событий.

Упомянутые выше переговоры с германской стороны вели: Альбрехт Хаусхофер (старший сын Карла Хаусхофера) и граф Траутмансдорф — оба высокопоставленные сотрудники германского МИДа. С чехословацкой — сам президент Чехословацкой Республики Эдуард Бенеш, который вел их незаконно и подло. В соответствии с вышеупомянутыми

договорами, уже только о самом факте предложения Германии начать такие переговоры он обязан был проинформировать Париж и Москву и предварительно проконсультироваться с ними, что было прямо предусмотрено статьей 1 советско-чехословацкого договора. Обсуждать же за спиной официального Парижа, пусть и не столь порядочного и верного, как, возможно, тогда и хотелось бы Праге союзника, такой «гвоздь» программы — прямое нарушение договора. За спиной Москвы, на помощь которой надеялась Прага, — тем более.

Об этих переговорах между Германией и Чехословакией знали: в Лондоне — благодаря активной деятельности регионального резидента СИС, настоящего волчары британской разведки со специализацией по СССР — майора Гибсона (шутливое прозвище — Гибби; кстати, именно он и завербовал агента в секретариате Микояна), в Париже — благодаря деятельности резидента 2-го Бюро Генштаба Франции, майора Анри Гаю, а в Москве — благодаря агентам внешнеполитической разведки в ближайшем окружении Бенеша: Людмиле Каспариковой и Яромиру Смутному.

Естественно, что все три стороны сделали свои выводы. Однако на данном этапе нашего расследования более всего нам важна реакция британской стороны. Официальный Лондон в буквальном смысле слова взбесился, едва только узнал об этих переговорах. Потому как старый агент влияния британской разведки, прожженный интриган-масон — президент Чехословакии Эдуард Бенеш — по-хамски обошелся с интересами Великобритании, обсуждая за ее спиной вопрос о ее будущей вовлеченности в вооруженное столкновение на европейском континенте из-за Франции. На этот счет позиция у Лондона была принципиальная — не дать себя втянуть в войну даже из-за союзной Англии Франции. Главное, чтобы в смертельной схватке сцепились гитлеровская Германия и сталинский СССР. А тут какой-то Бенеш нагло обсуждает такие вопросы и официально не ставит в известность об этом даже Париж, не говоря уже о Лондоне.

Не меньше взбесило Лондон и поведение фюрера, потому как выходило, что, с одной стороны, коричневый шакал все время просил об англо-германском союзе, а с другой-то — нагло действовал вопреки самой идее этого союза. И это несмотря на всю помощь, которую Великобритания оказывала Берлину. Более того. Поддайся Бенеш медовым речам гитлеровских посланников, то получилось бы, что контроль над Прагой перешел в руки Берлина. Со времен Бисмарка всей Европе хорошо известна формула «железного канцлера»: «Кто контролирует Прагу — тот контролирует Центральную Европу. Кто контролирует Центральную Европу — тот контролирует Восточную Европу». А ведь именно последний пункт и являлся опорной точкой (англосаксонских) британских, а также «Их»

планов по установлению мирового господства, ибо «Кто контролирует Восточную Европу — тот господствует над Хартлендом. Кто господствует над Хартлендом — тот господствует над Мировым Островом. Кто господствует над Мировым Островом — тот господствует над миром». Вот тут-то терпение Лондона (скорее, даже «Их») окончательно лопнуло.

Оно и не могло не лопнуть. Глубокой осенью 1936 г. германский Генеральный штаб провел уже упоминавшиеся выше стратегические командно-штабные учения на картах, во время которых «обкатывался» прототип будущего «Плана Барбаросса». Тогда он назывался весьма просто — «Восточная кампания». В процессе этих игр на картах герры генералы умудрились взять столицу Советской Белоруссии — Минск — на 5-й день пока еще картографической агрессии. Да еще и при полном отсутствии какого-либо территориального соприкосновения с СССР, но при наличии громадного, отличавшегося непримиримой герmanoфобией территориального буфера в лице «версальского ублюдка» — Польши. Не говоря уже о Чехословакии.

Подробная информация о невероятном «успехе» герров генералов в процессе пока еще картографической агрессии поступила в Лондон от разных агентов, двое из которых в настоящее время точно известны. Прежде всего, это упоминавшийся выше агент Фил — Адольф Эрнст Хойзингер, который участвовал в них как начальник оперативного отдела штаба 11-й пехотной дивизии вермахта, дислоцировавшейся в Алленштейне (Восточная Пруссия). Вторым был бывший царский офицер, штабс-капитан Александр Сергеевич Нелидов — двойной, англо-германский, агент^[413], попавший в руки советских органов госбезопасности только в сентябре 1939 г. Вошедшие в Западную Украину советские войска обнаружили его в тюрьме г. Львова (тогда Лемберг). В кутузку он угодил по приговору польского суда за шпионаж в пользу Германии, так как перед нападением последней на Польшу был заслан в эту страну по личному распоряжению главы германского абвера — адмирала Канариса. Нелидов также лично участвовал в тех играх 1936 г. как представитель абвера и консультант по русскому театру военных действий. Пройдя через разные «сита» и «фильтры» советской контрразведки, в конце концов он оказался в руках самых выдающихся асов советской разведки того времени, и те вполне интеллигентно выпотрошили из него все, что он знал. И даже набросал картографический сценарий прототипа «Плана Барбаросса». Нелидов клятвенно уверял, что автором той невероятной прыти герров генералов был Вильгельм Кейтель, впоследствии начальник штаба Верховного главнокомандования Вооруженных сил Германии. А в момент проведения

тех игр он был всего лишь начальником Управления вермахта, куда попал по протекции своего старого друга — военного министра Вернера фон Бломберга. Кейтель был вышколенной, исключительно исполнительской, но именно же штабной «крысой» вермахта. За что впоследствии и был прозван Лакейтелем. К касте военных стратегов Третьего рейха он никогда не принадлежал — его и поныне в различных мемуарах и исследованиях именуют не иначе как «кабинетный генерал».

К тому же он был лишен независимости суждений как в вопросах политики, так и стратегии. Образно говоря, «звезд с неба» не хватало — его невозможно поставить в один ряд с такими асами стратегического и оперативно-тактического искусства вермахта, как Э. фон Манштейн, Г. Гудериан, В. фон Лееб и другие. Даже по состоянию на то время, когда они были еще полковниками, а он уже генералом. Все это хорошо было известно британской разведке. Так что грешить на «гениальность» Кейтеля в СИС не стали. Там мгновенно поняли, откуда «ноги растут» у этой внешне никак не объяснимой стратегической «гениальности». В немалой степени высокий уровень информированности СИС об этих учениях следует отнести также и на счет барона Уильяма де Роппа. Непосредственно в этих играх он не участвовал, но как очень близкое к высшему руководству вермахта и особенно люфтваффе лицо, он достаточно был осведомлен о том, что и как произошло на этих играх. Потому как основное его задание от британской разведки сводилось прежде всего к сбору подробной разведывательной информации о состоянии и перспективах развития германских ВВС. А на этих играх прототип «Плана Барбаросса» «обкатывался» в режиме именно блицкрига, что автоматически подразумевает массированное использование авиации при нанесении первого удара.

Подробной информацией об этих играх располагали и советские разведслужбы. Они были добыты одним из руководителей советской разведки (НКВД) — Сергеем Михайловичем Шпигельгласом. Судя по всему, аналогичной информацией обладала и советская военная разведка. И вот что характерно. Добытые Шпигельгласом данные поступили в Москву в начале 1937 г. Судя по всему, они были практически аналогичны данным британской разведки. И едва только они поступили в Москву, как на февральско-мартовском 1937 г. Пленуме ЦК ВКП(б) речь открыто зашла о врагах народа непосредственно в армии.

При ознакомлении с такими данными и далекому-то от военных дел человеку было понятно, что столь невероятная, хотя бы и на картах, прыть герров генералов была неспроста. За этим однозначно просматривались какие-то очень серьезные тайные договоренности между геррами и

товарищами генералами. По меньшей мере, о наличии заговора, целью которого является военное поражение СССР в войне с Германией с последующим военным переворотом в Советском Союзе, захватом власти в гигантской стране прогермански ориентированной частью советского генералитета и установлением военной диктатуры. Естественно, что немедленно «всплыл» упоминавшийся выше меморандум 2-го Бюро Генерального штаба Франции. Вслед за ним — информация о результатах разведывательной миссии Луи Арагона, а также иные данные о заговоре и планирующемся военном перевороте в СССР в условиях организованного заговорщиками военного поражения в войне с Германией, которых у британской разведки было предостаточно. В такой ситуации уже всякое было в строку. Их тоже было предостаточно, в связи с чем придется ограничиться наиболее важными из них.

1. Обстоятельства посещения командующим Белорусским военным округом, командармом 1-го ранга (генерал армии, если по-современному) Иеронимом Петровичем Уборевичем сентябрьских (1936 г.) маневров вермахта в Бад-Киссингене. Их необходимо разложить на три составные части — предшествовавшие, сопутствовавшие и следовавшие обстоятельства и события.

1.1. Предшествовавшие обстоятельства и события. В январе 1936 г. Уборевич был направлен в служебную командировку в Прагу и Париж. При выезде за рубеж во время кратковременной остановки в Варшаве, вопреки правилам военно-дипломатического этикета, почему-то встретился с помощником военного атташе, майором Эберхардом Кинцелем и в беседе с ним выразил настойчивое желание встретиться с кем-нибудь из высшего германского генералитета, в частности с военным министром Вернером фон Бломбергом. Тут же упираемся в ряд весьма неприятных вопросов:

— С какой стати командующий одним из важнейших в западной части тогдашнего СССР военных округов выбрал столь странный маршрут — в Прагу через Варшаву?! И в те времена можно было спокойно доехать до Праги прямо из Москвы.

— Почему на Варшавском вокзале его встречал помощник германского военного атташе?! Если не принимать в расчет ничего другого, то естественными для такого случая могли быть только встречи с польскими официальными военными представителями. Чай, не официальный же визит был, а всего лишь проездом. По протоколу только представители польского военного ведомства, да и то не очень высокого ранга, должны были присутствовать на вокзале. С какой стати, в нарушение военно-дипломатического протокола, там оказался помощник германского военного атташе?!

— Почему, в нарушение всех правил военно-дипломатического протокола, командующий одним из важнейших в западной части тогдашнего СССР военных округов стал напрашиваться на встречу с генералами государства, где уже три года господствует крайне недружественный СССР нацистский режим, да еще и для того, чтобы обсудить некие важные политические и военные вопросы?! Его ли это уровень — лезть с такими инициативами?!^[414] Испокон веку в любом государстве это прерогатива только высшего военного руководства, но никак не командующих округами.

В последние годы по поводу этой очень подозрительной инициативы Уборевича появились более чем странные объяснения весьма солидных авторов, пытающихся утверждать, что-де это не его рук дело, а инициатива Кремля (то есть Сталина), пытавшегося наращивать усилия для улучшения отношений с Германией, чтобы обезопасить западные рубежи. Несостоятельность этих утверждений очевидна даже и для невооруженного глаза. Во-первых, в начале 1936 г. Гитлер был еще весьма далек от советских границ и даже не знал, как к ним подступиться. К тому же продолжал действовать «частокол» различных договоров о нейтралитете и ненападении, в том числе и пролонгированный советско-германский договор. Именно поэтому-то Гитлер и не знал, как перешагнуть через этот «частокол». Во-вторых, если бы это были на самом деле усилия Кремля, то, извините, не надо держать Сталина за ничего не ведающего дурака — подобные вопросы куда легче было решить с благожелательно относившимся к Советскому Союзу германским послом в Москве Вернером фон Шуленбургом. Тем более что и решаются такие вопросы только так — официально обращаются к послу конкретной державы с просьбой посодействовать приему такого-то имярека такими-то высшими руководителями представляемой этим послом державы. Причем, и это абсолютно незыблемое правило, по своему служебному положению имярек должен соответствовать аналогичному статусу представителя иностранной державы, у которого испрашивается возможность аудиенции. Ни того, ни другого в данном случае не было. Уборевич нахально пытался получить аудиенцию аж у военного министра Германии — Бломберга?! Командующий всего лишь округом просит об аудиенции у военного министра иностранной державы?! Зачем?! На каком основании?! Неужели стоит опускаться до мысли о том, что Сталин не знал элементарных правил дипломатического, в том числе и военно-дипломатического, протокола?! Естественно, что нет.

Попытки этих же авторов объяснить данную ситуацию ссылкой на заявление В. М. Молотова в интервью французскому журналисту, в ходе

которого он сказал, что правительство СССР считает возможным улучшение советско-германских отношений, тем более несостоятельны. Это обычное политическое заявление, без какого-либо двойного дна» и подвоха. Любить нацистский режим в Кремле никто не собирался, но значимость хотя бы просто нормальных межгосударственных отношений с одной из крупнейших держав в Европе, с которой, кстати говоря, нормальные дипломатические отношения в то время поддерживал весь мир, прекрасно понимали. Потому и делались такие заявления. Увы, они были безответны. К тому же заявление Молотова, на которое ссылаются эти авторы, имело место 19 марта 1936 г.^[415], а Уборевич вылез со своей инициативой в январе. Где же логика?! Хотя бы в хронологии. Кстати говоря, французский журналист, а им был известный в те времена корреспондент влиятельной газеты «Тан» Шастене, задал вопрос, что-де имеются сведения о том, что в рейхсвере есть группы, которые по чисто политическим соображениям стоят за сближение с Советским Союзом, а вот в СССР есть ли аналогичные встречные тенденции?!^[416] Отвечая именно на этот вопрос, Молотов и заявил вышеизложенное.

— Наконец, почему Уборевич был столь уверен в том, что Кинцель обязательно доведет до сведения соответствующих военных инстанций Германии его настойчивую просьбу?!

В результате столь странным и подозрительным образом проявленной Уборевичем инициативы он был приглашен главнокомандующим сухопутными войсками вермахта генералом Вернером Фричем на осенние (1936 г.) маневры в Бад-Киссингене. И опять упираемся в неприятные вопросы. Получается-то, что он напрашивался, к тому же неофициально?! Ведь так же?!

А пригласили-то его официально. Если же учесть, что начальник Управления внешних связей наркомата обороны — Анатолий Ильич Геккер (немец по национальности) — «загремел» по одному с Тухачевским и Уборевичем делу, то выходит, что это была заранее просчитанная операция. То есть в ответ на неофициальную просьбу Уборевича о встрече с кем-нибудь из высшего военного руководства Германии немцы направили официальное приглашение советским военным посетить осенние маневры вермахта, а Управление внешних связей НКО уже своей властью определило заранее запланированную кандидатуру — Уборевича. На маневрах-то в полуофициальной и даже неофициальной обстановке, в том числе и за «рюмкой чая», а именно этим-то сопровождаются и кончаются все маневры, переговорить легче всего.

Если все это суммировать, то выходит, что Э. Кинцель являлся своего рода «хотлайном» для экстренных случаев в целях передачи срочной информации и связи. Небеспочвенность такого предположения еще и удивительно пикантна. Дело в том, что посольство гитлеровской Германии в Польше находилось фактически «под колпаком» ГРУ. Там действовали ценные агенты советской военной разведки — Рудольф фон Шелия (Ариец), Ильзе Штёбе (Альта), Рудольф Гернштадт (Арбин), Герхард Кегель (тогда Курт, впоследствии ХВЦ; с начала 1935 г. работал непосредственно в посольстве), капитан «К» (в ГРУ числился под цифровым псевдонимом 18; сотрудник германской военной разведки в Польше). И при наличии такой агентуры — никаких данных о подозрительной встрече Уборевича с помощником атташе! Уж больно это смахивает на то, как в свое время Артузов и Ягода «утопили» в недрах лубянского ведомства сигналы о заговорщической деятельности Тухачевского. Между прочим, в указанное время Артузов являлся первым заместителем начальника военной разведки. А ведь за месяц до этого военная разведка докладывала Сталину о содержании упоминавшегося выше меморандума 2-го Бюро Генерального штаба Франции. Более того. Никаких данных не поступило и по линии контрразведки. А ведь по правилам тех времен Уборевич выехал за рубеж в сопровождении «соответствующих лиц в штатском», представлявших Лубянку, где еще командовал Ягода. Что, Ягода и в этом случае «утопил» сигналы своих же людей?! Так что же теперь прикажете думать в связи со всем вышеизложенным?!

Что же до британской разведки, то едва ли она не обратила внимания на столь подозрительное поведение Уборевича перед посещением Парижа. Тем более что польская разведка всегда, охотно делилась с британскими коллегами всем, что добывала о Советском Союзе. Впрочем, тут даже и добывать-то не надо было — в каждой стране военно-дипломатический корпус достаточно узок. А в узком кругу, как известно, новости очень быстро расходятся, тем более неординарные...

1.2. Сопутствовавшие события. Именно из-за присутствия Уборевича на этих маневрах Гитлер до такого остервенения разорался на своих генералов на сентябрьском 1936 г. съезде нацистской партии в Нюрнберге, что прилюдно обвинил их в том, что они за его спиной якшаются с красными и пьянствуют с ними. Более того, закатил истерику с крайне резкими антисоветскими заявлениями, которые повергли в шок германских генералов и офицеров, особенно тех, что вышли из рейхсвера и с симпатией помнили о годах сотрудничества. Уже 10 октября 1936 г. британская разведка получила от своего агента Филя подробный доклад, в котором описывались эти события, в том числе визит Уборевича, шок германского

генералитета по поводу резких антисоветских заявлений Гитлера и, что, очевидно, особенно встревожило бриттов, — заметный всплеск открытых симпатий к РККА в вермахте.

Сразу же заметим, что упомянутая истерика Гитлера — одно из красноречиво убойных свидетельств того, что в реальности-то фюрер не был в курсе того, какие шашни с «товарищами генералами» за его спиной крутят его же «герры генералы». Тем более что они всегда с презрением относились к выскочке-ефрейтору и давно «точили зубы» на него.

Фил также сообщил, что между главнокомандующим сухопутными войсками вермахта генерал-полковником, бароном Вернером фон Фричем и советским военным атташе, комдивом А. Г. Орловым во время официального приема в Берлине состоялся обмен тостами, во время которого последний заявил, что «армия СССР готова хоть завтра сотрудничать с Гитлером, пусть лишь Гитлер, партия и германская внешняя политика совершат поворот на 180°, а союз с Францией отпадет. Это могло бы случиться, если бы, например, Сталин умер, а... Тухачевский и армия установили военную диктатуру»^[417].

1.3. Последовавшие события. По всем параметрам выходило, что «герры генералы» в своей невероятной прыти опирались на прямую подставу советских войск под разгром. Иначе это невозможно было объяснить. Потому что в сравнении с РККА именно в то время вермахт вообще был ничто. Как раз в августе 1936 г. главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-полковник Вернер фон Фрич распорядился о начале осуществления нового плана строительства германских вооруженных сил, подготовленного Генеральным штабом. Согласно этому плану армия должна была составить всего 36 дивизий, в том числе 4 моторизованные, 3 танковые, 3 легкие дивизии (уменьшенного состава), одну горнострелковую дивизию и одну кавалерийскую бригаду. Общая численность сухопутных войск согласно этому плану, включая и невооруженный персонал, должна была составить всего 793 410 человек, в том числе и 33 943 офицера. И вот этими-то, всего лишь только запланированными к формированию, вооруженными силами^[418] в мгновение ока преодолев столь трудный для него по тем временам польский буфер, немощный вермахт нанес бы сокрушительное поражение уже в то время могучей и солидно для того времени оснащенной, практически полуторамиллионной РККА?!

И непосвященному было понятно, что таких успехов можно было достичь только в результате прямой подставы советских войск под разгром

слабым вермахтом! Это высчитывалось как дважды два — четыре. Ведь незадолго до этих игр в гостях у «герров генералов» побывал командующий Белорусским военным округом Советского Союза И. П. Уборевич, все обстоятельства визита которого в Германию и так были на редкость подозрительны. Бритты мгновенно просчитали, что Уборевич-то и привез, а затем и согласовал план поражения СССР в возможной войне с Германией. А то, что из-за его присутствия на этих маневрах Гитлер разорался как сумасшедший, только укрепило британскую разведку во мнении, что и «герры генералы» за спиной фюрера водят остро противоречащие глобальным интересам **PERFIDIOUS ALBION** шашни с красными генералами. Тем более что СИС немедленно зафиксировала еще и сильный всплеск просоветских симпатий в вермахте, особенно в офицерском корпусе, прежде всего в той его части, которая помнила о нем еще со времен рейхсвера.

Агентура британской разведки сообщила и о том, что в рамках «двойного заговора» германские генералы получили от советских «коллег» разработанный ими «План поражения СССР в войне с Германией!» Это полностью совпало и с иной, собственной информацией британской разведки, а также с информацией военной разведки Генерального штаба Франции и многими другими сведениями. Одновременно британская разведка получила от своих агентов и сообщения о том, что по итогам этих учений высшее военное командование Германии сделало вывод о том, что «никакого точного решения в Восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в Восточной Польше». Автоматически, это означало, что Германия намерена самостоятельно решать этот вопрос, то есть не согласуя его с Великобританией. Хуже того. Как только в Лондоне стало известно еще и подробное содержание Плана поражения СССР в войне с Германией», там, очевидно, схватились за голову. Как минимум по двум причинам. В первую очередь из-за информации о пребывании Уборевича на сентябрьских (1936 г.) маневрах вермахта в Бад-Киссингене, о чем уже говорилось выше. За исключением одной существенной детали — эти маневры имели весьма подходящее для такого случая название: «Маневры Гинденбурга». Обращаю на это внимание, поскольку с рубежа 1917 — 1918 гг. за германским фельдмаршалом П. фон Гинденбургом числилась одна идея, которая, судя по всему, явно не без содействия Тухачевского не только была выведена на орбиту стратегического планирования военного командования СССР тех времен, но и стала активно витать там. Более того, она пронизала весь «фланговый синдром» Тухачевского, затем легла в его план поражения,

который он собственноручно изложил на Лубянке^[419]. Дело в следующем. В самом конце 1917 г., когда начались обещанные Лениным брест-литовские переговоры с кайзеровской Германией, возглавлявший германскую делегацию генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург разработал и представил довольно широкую, по словам статс-секретаря иностранных дел империи Рихарда Кюльмана, программу территориальных аннексий у России, значительная часть которых приходилась на Северо-Запад бывшей Российской империи. На естественный вопрос Р. Кюльмана — все-таки дипломат-то он был профессиональный и потому прекрасно понимал, что если много потребовать, то ведь и подавиться-то недолго... — зачем это ему нужно, будущий президент вскоре поверженной Германии за одиннадцать месяцев до неминуемого краха еще в Первой мировой войне, с фельдмаршальской прямоотой рубанул реваншистскую правду-матку: «Я хочу обеспечить пространство для передвижения германского левого крыла в следующей войне с Россией!»^[420] Не обращая внимания на то, что на пороге неминуемой катастрофы в одной войне Гинденбург заговорил о предпосылках для успеха в следующей, и даже на то, что с солдафонской прямоотой он ляпнул именно о следующей, а не просто о будущей войне^[421], отметим вот что. Вся суть того, что он ляпнул тогда, состояла в том, что операционно-то левое крыло германской армии при любом нападении на Россию по определению могло находиться только на прибалтийском, сиречь на северо-западном, направлении с охватом значительной части (прежде всего, севернее Бреста, а в целом севернее Припятских болот, разделяющих западный ТВД) белорусского, то есть западного, направления! «Обеспечить пространство для левого крыла германской армии в следующей войне с Россией» означало заблаговременный захват вышеуказанного плацдарма, с которого и должно было, по тогдашним представлениям германского Генштаба, развернуться стремительное наступление вглубь России по указанным выше направлениям.

Напрашивался вывод — германские генералы не случайно именно так назвали свои маневры в сентябре 1936 г. И как бы в подтверждение возникшей в штаб-квартире британской разведки догадки вскоре начинают поступать агентурные и иные данные о невероятном, пока еще картографическом успехе германских генералов во время стратегических командно-штабных игр на картах. И ведь невероятная прыть-то ими была продемонстрирована именно на этом направлении! Вывод мог быть только один — это заранее согласованная подстава! Напоминаю, что в «Плане поражения...» Тухачевский назвал Белорусское направление главного удара вермахта фантастическим для «миролюбивых» по отношению к СССР

планов Гитлера, а Прибалтийское — максимум второстепенным по значению для тех же «миролюбивых» планов фюрера!

А вскоре пришли еще и известие о смерти в начале 1937 г. генерала Г. фон Секта, а также о его завещании, которое привело в сильное возбуждение все основные европейские разведки. Более всего всех взбудоражил генеральный вывод Г. фон Секта в этом завещании. Он был выдержан в духе самого Бисмарка — «на Востоке врага нет», и, следовательно, Германия должна держаться за Россию, хотя бы и Советскую. То есть то, чего пронизательные британские дипломаты опасались еще в 1935 г.

Из донесения 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР: «...VII Отделом ГУГБ НКВД получено от агента, связанного с германскими правительственными кругами, следующее агентурное сообщение: политическое и военное завещание генерала фон Секта было передано Гитлеру Бломбергом, причем в день похорон Секта. По условию Гитлер передал один экземпляр завещания Фричу^[422]. Завещание Секта держится якобы приблизительно в рамках его брошюр 1933 г. «Германия между Востоком и Западом». Сект заклинает в своем завещании Гитлера не относиться с предубеждением к русским вопросам и русским политическим и военным деятелям^[423]. Тогда, по твердому убеждению Секта, можно будет легко прийти к соглашению с Советским Союзом. Свою уверенность Сект обосновывает, между прочим, следующими тезисами:

1. У Германии нет общей границы с СССР;
2. СССР не имел ничего общего с Версальским мирным договором;
3. СССР не возражал против вооружения Германии, т. к. СССР в течение нескольких лет активно поддерживал германское вооружение;
4. СССР не требует от Германии никаких репараций;
5. СССР не является противником Германии в колон... (несмотря на то, что далее в документе пропуск, явно безошибочным будет вывод о том, что речь идет о колониях, то есть в том смысле, что СССР не является противником Германии в колониальной сфере. — А. М.);
6. Германия с внутривосточной точки зрения в данный момент меньше чем когда-либо опасается большевизма;
7. И Германия и СССР авторитарны, поэтому у них больше общего друг с другом, чем с демократией;
8. Взаимоотношения Турции с СССР доказывают возможность самых интимных и наилучших отношений между Германией и СССР;

9. В течение долгих лет СССР находится в дружественных отношениях с Италией.

Сект требует, чтобы немцы, как можно скорее, улучшили отношения с СССР с тем, чтобы освободить Германию не только, от опасности войны на два фронта, но и от опасности многофронтной войны.

Эта опасность для Германии в данный момент неизмеримо актуальней, чем во времена Бисмарка и Шлиффена. Сект настойчиво предостерегает против союза с Японией, учитывая ее ненадежность, а также потому, что это повредит соглашению с Англией и Америкой и не даст завязать интимные отношения с Китаем. В кругах военного министерства содержание этого завещания встречено якобы почти с неограниченным одобрением»^[424].

Так уж объективно случилось, эти данные и у британской, и советской разведок появились не только на фоне резкого всплеска просоветских симпатий в вермахте. Одновременно поступила и информация (явно не первая) о том, что ряд германских генералов — Гаммерштейн-Экворт, Фрич, Рейхенау, Бек, Бломберг и другие принадлежат к той группе высокопоставленных германских военных, которые хотели бы «по-хорошему договориться с Красной Армией»^[425].

Судя по всему, за этим стояли не только, а возможно, и не столько якобы прежние симпатии к РККА, сколько сугубо прагматические соображения. Во всяком случае, у германского генералитета точно. Начальник Общевоинского управления генерал-майор Фромм 4 июня 1936 г. представил главнокомандующему сухопутными войсками генерал-полковнику Фричу доклад, в котором указывалось, что планы увеличения сухопутных войск встретят «серьезные трудности в области бронированных автомобилей и поставок боеприпасов, а при покрытии мобилизационной потребности в грузовых автомобилях и при непредвиденных обстоятельствах — в области сырья, машин и обученных рабочих». По расчетам Фромма получалось, что по сравнению с пока еще действовавшим планом настоятельно необходимо было увеличение военных расходов на гигантскую по тем временам сумму — почти на 22 млрд. марок. Особенно интересен вывод Фромма. Признав, что «формирование и снабжение требуемых сухопутных войск в мирное и военное время чисто теоретически можно обеспечить, если в распоряжение армии "своевременно" поступят требуемые денежные средства и валюта», Фромм — обращая внимание на то, что свой вывод он сделал до подписания Гитлером меморандума «Об экономической подготовке к войне», — указал: «Вскоре после окончания периода вооружения (то есть в 1940 г. — А. М.) должен последовать ввод

вермахта в действие. В противном случае надо добиваться улучшения ситуации, снизив требования к уровню боеготовности». В начале 1937 г. вновь зримо обозначилось серьезное отставание от запланированного темпа строительства вермахта. Как и прежде, оно было обусловлено не просто экономическими причинами, а конкретно острейшим дефицитом экономического потенциала Германии. В этой ситуации уже Фрич открыто предупредил военного министра Бломберга, что армия мирного времени может быть создана не ранее 1 октября 1940 г., армия же военного времени — лишь к 1 апреля 1943 г. А с фортификационным строительством и вовсе складывалась в прямом смысле катастрофическая ситуация — сроки окончания строительства укреплений были перенесены с 1942-го на 1948-й, а затем вообще на 1959 год! По всем данным — от первоначальных наметок и первых планов до принятия новых планов и поправок к ним — все сводилось к тому, что создание армии военного времени было возможно не ранее середины сороковых годов, а укреплений и того значительно позднее! По различным каналам советские разведслужбы добывали подобные данные, о чем частично уже говорилось выше. И по всем этим данным было четко видно, что у Гитлера нет шанса развязать войну раньше указанного срока. Да и создание армии военного времени еще не есть непосредственное начало войны. Прежде всего само создание должно стать свершившимся и не оспариваемым генералитетом фактом. Во-вторых, первоначально армию военного времени обкатывают на относительно слабом противнике, не исключено, что даже на двух-трех, и только потом рискуют развязывать войну против главного противника.

То есть у германского генералитета подобная ситуация реально могла стимулировать не просто всплеск почти угасших симпатий если и не к СССР как таковому, то по крайней мере к РККА, с которой долгое время сотрудничали в период «версальских заморозков». Она могла и явно стимулировала именно такой всплеск и именно таких симпатий, суть которых генерал Ганс фон Сект и его ближайшие помощники еще в начале 20-х гг. охарактеризовали следующими словами: «...Военная мощь измеряется не только числом, качеством, силой и вооружением воинских частей. Она складывается из географических, стратегических и экономических факторов в единое целое, которое зависит также от численности населения и обширности территории. Страна, численность населения которой втрое превосходит численность нашего, потенциальные ресурсы которой беспредельны, страна, которая простирается от Балтики до Тихого океана и от Черного моря до Северного Ледовитого океана, будет играть в будущей мировой войне важнейшую роль. Тот, кто будет действовать против нее, натолкнется на трудно преодолимые препятствия.

Кто будет с ней — до бесконечности расширит свое поле действий и свои возможности выступления во всех уязвимых пунктах земного шара. Все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы в будущих реваншистских войнах СССР был нашим союзником. Если он не будет нашим союзником, то, прежде чем свести счеты с Францией, мы должны победить его, что потребует длительных и дорогостоящих усилий». Это было неувидительно, потому как внешнеполитическая концепция офицерского корпуса вермахта, особенно же рейхсверовского генералитета, была основана на принципах Бисмарка и Секта, подразумевала дружбу с СССР и Китаем, бдительный нейтралитет в отношении Великобритании и Франции на период перевооружения с последующим переходом к реализации реваншистских планов по мере усиления военной мощи. И поскольку вопрос о последней откровенно увяз в остром дефиците экономического потенциала Германии, всплеск симпатий к РККА преследовал именно же экономические цели — в расчете на то, что если в СССР произойдет военный переворот и заговорщики смогут захватить власть, то помимо сугубо военно-геополитического альянса реальным окажется и создание военно-экономического союза. Так оно и было в реальности. С подачи Троцкого заговорщики обещали тевтонам не только серьезные территориальные уступки, но и, прежде всего, экономические уступки. Если, например, обратиться к содержанию протокола допроса № 7 (от 26 мая 1937 г.) бывшего наркома внутренних дел Генриха Григорьевича Ягоды, то убедимся, что все обстояло именно так.

К примеру, говоря о двух вариантах соглашений оппозиции с тевтонами — «если центр заговора приходит к власти самостоятельно без помощи немцев; второй, если заговорщикам в их приходе к власти помогут немецкие штыки во время войны», — Ягода заявил следующее: «При первом варианте речь шла о следующих условиях: 1) разрыв СССР договоров о союзе с Францией и Чехословакией; 2) заключение военного и экономического союзов с Германией; 3) ликвидация Коминтерна; 4) предоставление Германии [права] на многолетние концессии источников химического сырья СССР (Кольского полуострова^[426], нефтяных источников и прочее); 5) установление в СССР такого политического и экономического строя, который гарантирует германским фирмам полную возможность развития своей частной инициативы на территории СССР. При втором варианте, т. е. при приходе к власти в военное время при помощи немцев, оставались в силе те же условия, плюс... территориальные уступки...»^[427] То же самое на допросах показал и Артузов. Небольшое уточнение о «химическом сырье», То ли косноязычие тех времен, то ли просто неграмотность Ягоды сыграла, однако же под его термином «химическое сырье» следует

однозначно понимать полезные ископаемые. Собственно говоря, это-то и вытекает из его слов. Более того. Именно в этом-то и была вся загвоздка в реализации планов военного строительства в Германии. Ее экономика, особенно же промышленность, прежде всего тяжелая, в первую очередь металлургия, не могли обеспечить потребности растущего вермахта ни сталью различных сортов, ни цветными металлами, ни иными материалами. Дефицит был столь острый, что генералы вынуждены были немедленно корректировать только что принятые планы строительства вермахта. Так что проявить симпатию к РККА именно по этой причине — для «герров генералов» было вполне естественно. Для западных военных вообще характерно экономическое мышление, и в этом смысле они не чета нашему генералитету, ни в какие времена не отдающему себе отчета в экономических возможностях страны.

То, что за этим всплеском симпатий к РККА, как, впрочем, и за всем заговором отчетливо проглядывались в том числе и экономические мотивы (наряду, «естественно», с военно-геополитическими), однозначно свидетельствует и политика Великобритании. Выше уже указывалось, что к середине 30-х гг. МИД Великобритании осью всей своей континентальной, в том числе и германской, политики сделал именно же недопущение возобновления прежде всего какого бы то ни было широкомасштабного экономического сотрудничества Германии с СССР. Как по линии официально урегулированных межгосударственных торгово-экономических отношений, так и в результате реализации заговора по свержению Сталина и советской власти. Как передовой отряд по реализации предписаний Комитета 300, высшее британское руководство прекрасно понимало, что если к Рурскому промышленному центру Германии любым образом добавить хотя бы уже имевшиеся к началу второй половины 30-х гг. промышленные центры в СССР, то абсолютный экономический перевес будет на стороне Германии. И в таком случае уже неважно, каким образом это будет достигнуто. Более того. Неважным окажется и то, с Гитлером ли Германия или без него. Особенно же бриттов страшил вариант захвата власти в Германии реваншистски настроенными генералами с прагматичной просоветской ориентацией. Тем более если они будут опираться еще и на военно-геополитический и военно-экономический альянсы с захватившими власть в пост-СССР военными. В таком случае «последний день англосаксов» настал бы точно.

Самые выдающиеся, высшего мирового уровня «гроссмейстеры финансово-экономических шахмат» вовсе и не собирались играть в подобные игры. В финансовых кругах Запада давно и полностью возобладало мнение о том, что «война между Советским Союзом и

Германией лишь соответствовала бы их (то есть этих кругов. — А. М.) собственным интересам». Более того, они были просто фанатически убеждены в том, что «Россия неминуемо должна потерпеть поражение и это повлекло бы за собой крах большевизма». Для того и привели Гитлера к власти. Естественно, что никакие всплески просоветских симпатий в вермахте, тем более с такой их экономической подоплекой, не могли их обрадовать. Расправа с заговорщиками по обе стороны баррикад стала фатально неминуемой — все дело было только во времени и очередности. Первым «под раздачу» должен был попасть заговор советских генералов. Так оно и случилось.

Взбесил бриттов и основной вывод по итогам этих игр. Он гласил: «Никакого точного решения в восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в Восточной Польше». Вывод свидетельствовал о том, что германский генералитет отдает себе отчет в возможности такого успеха. Но только при наличии плацдарма для нападения на Советский Союз непосредственно на территории Восточной Польши. То есть, если по-нашему, в Западной Белоруссии и Западной Украине. Без этого самая идея блиц- «Дранг-нах-Остен» -крига — всего лишь мыльный пузырь. Просто так отдать такой плацдарм Гитлеру не входило в планы Великобритании. В ее планах Польша значилась не просто как особая «козырная карта», а как главный «архимедов рычаг» в решении вопроса о предоставлении Гитлеру возможности действовать.

Поразительно, но сразу после этих игр и такого вывода по их итогам германский посол в Лондоне — пресловутый И. фон Риббентроп — стал настойчиво вдалбливать наиболее влиятельным представителям британского истеблишмента, что «важнее, чтобы Англия предоставила Германии свободу рук на востоке Европы. Германии нужен лебенсраум... Поэтому она вынуждена поглотить Польшу и Данцигский коридор. Что касается Белоруссии и Украины, то эти территории абсолютно необходимы для обеспечения будущего существования германского рейха, насчитывающего свыше 70 миллионов душ. На меньшее согласиться нельзя»^[428].

Сообщая об этом в своих мемуарах, У. Черчилль особо подчеркнул, что его ответ на такие заявления Риббентропа базировался на утверждении, что Великобритания никогда не утратила бы интереса к судьбе континента настолько, чтобы позволить Германии установить свое господство над Центральной и Восточной Европой. Черчилль, естественно, не объяснил, что речь идет не о миролюбии Великобритании, что ей вообще наплевать на

всех и вся, но ей отнюдь не наплевать на саму себя. Еще в статье «STOP IT NOW» («Остановить это сейчас») от 3 апреля 1936 г. он указывал, что «тот, кто готов ограничиться концепцией "западной безопасности", тот развязывает Германии руки не против большевизма (ибо СССР сейчас достаточно силен для того, чтобы отстоять себя от атаки со стороны Германии), а для создания "Серединной Европы" от Северного и Балтийского морей до Средиземного. "Серединная Европа" означала бы смерть для Британской империи»^[429].

Хотя ненависть Гитлера и германских генералов к Польше не была секретом для Запада, в том числе и для Великобритании, тем не менее их попытки самостоятельно, то есть за спиной Лондона, разобраться с ней взбесили **PERFIDIOUS ALBION**. Неожиданный удар Германии по Польше запросто мог вызвать и войну с Францией, а следовательно, автоматически пришлось бы втягиваться и Великобритании на стороне Франции, вслед за которой последовало бы и вступление в войну Чехословакии, а затем и СССР. И в таком случае война против СССР уже не получилась бы. Не говоря о том, что британская разведка в то время уже располагала вполне достоверными сведениями, гласившими, что Франция вообще не решится на войну и будет склоняться к миру, принуждая к этому и поляков. Чуть позже, когда бриттам стало известно и содержание привезенного Уборевичем плана поражения, они схватились за голову. Было от чего.

Во-первых, согласно этому плану не исключалось двухфронтное нападение на Польшу — со стороны Германии и СССР. В таком случае участь Польши была предрешена — ее раздавили бы, как орех. Но самое главное было в том, что Франции пришлось бы все-таки выступить на защиту своего союзника в Восточной Европе, а следовательно, и Великобритании пришлось бы также втягиваться в войну. Причем при наличии безутешного выбора — или на стороне традиционно союзной Франции, или же против Франции, то есть на стороне Германии, как и угрожала Великобритания еще накануне подписания франко-советского договора о взаимной помощи в отражении агрессии. Ни то, ни другое никак не устраивало Великобританию. Ее устраивало лишь одно — чтобы Германия Гитлера сцепилась в смертельной схватке с Советским Союзом Сталина. А это было возможно лишь в том случае, если польский вопрос был бы решен по британскому сценарию. Мы еще вернемся к этому.

Никак не мог устроить Великобританию и такой, чисто реваншистский вариант начала войны, как удар Германии по Франции. Потому что в этом случае Гитлеру автоматически пришлось бы вступить в войну как с Польшей, так и с Чехословакией как непосредственными союзниками

Франции. Великобритания понимала, что при таком сценарии развития событий Польше пришлось бы уступить настоятельным требованиям Франции и пропустить через свою территорию советские войска, как союзные для Франции. Не говоря уже о том, что советские войска, прежде всего ударные авиачасти СССР, оказались бы и на территории Чехословакии, которая также обязана была бы пропустить их в соответствии с многократно упоминавшимися выше договорами о взаимопомощи. И при таком развитии событий Великобритания не осталась бы в стороне — ей полюбому пришлось бы влезать в войну на стороне Франции, Чехословакии, Польши и, что более всего ее коробило, на стороне Советского Союза. Войны Германии против СССР и в этом случае не получилось бы. Зато было очевидно, что шансы на то, что Гитлера удавят едва ли не в колыбели, — огромны, если не вообще абсолютны.

Во-вторых, по этому же плану советских заговорщиков предусматривалась также и операция вторжения для уничтожения Чехословакии и прибалтийских государств в целях создания условий для прямого, географического блокирования германских и советских вооруженных сил, возглавляемых заговорщиками. Кстати говоря, уже в январе 1937 г. британская разведка получила достоверные сведения о том, что главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-полковник Вернер фон Фрич отдал распоряжение о разработке нового, детального плана нападения на Чехословакию в целях ее уничтожения. То есть получалось, что «герры» и «товарищи» генералы действительно вознамерились силовым путем реализовать идею геополитического альянса Берлин — Москва за счет встречных наступлений. И в таком случае Великобритании опять-таки было не избежать прямого участия в войне на стороне Франции. Потому как под угрозой оказались бы ее союзники — Польша и Чехословакия. И в случае их уничтожения мог реализоваться один из наиболее вождеденных для германского генералитета вариантов — вариант «Серединной Европы». В геополитическом смысле наиболее худший для самой Великобритании. Ведь «кто контролирует Прагу — контролирует Центральную Европу. Кто контролирует Центральную Европу — контролирует Восточную Европу. Кто господствует в Восточной Европе — господствует в Хартленде. Кто господствует в Хартленде — господствует над Мировым Островом. Кто господствует над Мировым Островом — господствует над миром».

Тщательно проанализировав все данные в контексте международной ситуации того времени, британская разведка пришла к выводу о необходимости немедленно начинать операцию по заваливанию заговора Тухачевского, а вместе с ним и всего заговора антисталинской оппозиции.

1. Прежде всего, потому, что с весны 1936 г. в политических кругах Западной и Центральной Европы уже широко были распространены небеспочвенные, а нередко и вполне аргументированные слухи об антисоветском «военном заговоре» в СССР. Европа откровенно жужжала о скором (военном) перевороте в СССР. А агентурные данные самой британской разведки свидетельствовали об очевидной небеспочвенности таких слухов. Поведение же Уборевича и особенно самого Тухачевского при выездах за рубеж безальтернативно убеждало бриттов в этой мысли. Так, известная в то время французская журналистка Женестьева Табуи, сотрудничавшая с советской разведкой (НКВД), впоследствии вспоминала: «В последний раз я видела Тухачевского на следующий день после похорон короля Георга V (то есть 28 января 1936 г.). На обеде в советском посольстве русский маршал много разговаривал с Политисом, Титулеску, Эррио и Бонкурором... Он только что побывал в Германии и рассыпался в пламенных похвалах нацистам. Сидя у меня и говоря о воздушном пакте между великими державами и Гитлером, он, не переставая, повторял: «Они уже непобедимы, мадам Табуи!»... Так или иначе, в тот вечер не я одна была встревожена его откровенным энтузиазмом. Один из гостей, крупный дипломат, проворчал мне на ухо, когда мы покидали посольство: "Надеюсь, что не все русские думают так"»^[430]. То же самое повторилось и в Париже, где он находился проездом. Так, в беседе с румынским министром иностранных дел Н. Титулеску Тухачевский заметил: «Напрасно вы, господин министр, связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых, конченных государств, как Великобритания и Франция. Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на Европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает спасение для нас всех»^[431].

Тухачевский откровенно лгал. Уж кому-кому, но ему-то по донесениям разведки прекрасно было известно обо всех трудностях Германии в сфере военного строительства. Более того. Он знал, что говорить о какой бы то ни было «непобедимости» тевтонов в тот момент не было даже иллюзорной тени оснований. Германия была слаба. Вермахт тоже. Военных действий германский вермахт не вел. Боевого опыта никакого. Тем не менее он откровенно пугал Запад. Зачем? В последние годы появилась малоубедительная версия о том, что-де он выполнял какое-то секретное поручение Сталина, преследовавшее цель «обострить отношения между Францией и Германией, подтолкнуть Францию к сближению и союзу с СССР и стимулировать интерес и активность Франции в создании системы

коллективной безопасности. Во всяком случае, стабилизировать ситуацию на западных границах СССР в ожидании близкой войны на Дальнем Востоке»^[432]. «В огороде бузина, да в Киеве дядька». Даже из самых благих побуждений не следует пытаться выставить Сталина едва ли не полным идиотом во внешнеполитической сфере. Как такой опытный политик, как Сталин, мог пойти на такой шаг — пугать ту же Францию и преследовать цель обострения отношений Франции с Германией, если ему прекрасно было известно, каких невероятных трудов стоило достичь соглашения с той же Францией о взаимопомощи в отражении агрессии?! Если такая цель действительно была бы у Сталина, то в таком случае он пошел бы на то, чтобы поделиться с той же Францией какими-либо секретными сведениями о реально вынашивавшихся нацистским Берлином планах в отношении Франции. Но никак не пугать прилюдно, к тому же устами первого заместителя наркома (министра) обороны своего государства весь мир яро пронацистскими взглядами! С какой стати Сталин должен был санкционировать Тухачевскому право на такие высказывания?! Тем более такое, как, например, «Гитлер означает спасение для нас всех»?! Для кого спасение-то?! Для Сталина?! Для Советского Союза?! Который, не скрывая, Гитлер планировал уничтожить?! Что, Сталин не знал, что главной целью Гитлера является нападение на Советский Союз ради полного его уничтожения?! Право же, надо знать и меру! Какие основания могли быть у уважаемого коллеги в подтверждение такой, с позволения сказать, «версии» о якобы имевшем место секретном поручении Сталина Тухачевскому, чтобы ссылаться на тот факт, что-де после таких заявлений маршалу ничего не было?! Это бессмысленный аргумент. Во-первых, не следовало забывать, что в начале 1936 г. на посту наркома внутренних дел находился участвовавший в заговоре Г. Г. Ягода, который придерживал и не давал хода любой негативной информации о Тухачевском. Во-вторых, даже если та и появилась бы в западной прессе, Сталин все равно не поверил бы — потому, что он никогда не доверял сообщениям западной прессы. Выше уже говорилось об этом. Да и Тухачевский запросто отбрехался бы ссылками на то, что это козни западных журналистов. К слову сказать, не успев сойти с поезда в Париже, маршал на французском процитировал известный афоризм Альфреда Мюссе — «Владыка журнализм! Глупец, которому дано при помощи столбцов дурачить по утрам три тысячи глупцов!». Вот это и было его истинное отношение не столько даже к самой журналистской братии, сколько к тому, что она пишет.

Куда весомей иной аргумент. Тот, который впоследствии был зафиксирован британской разведкой в пьяном тосте военного атташе в

Берлине А. Г. Орлова, а советскими органами госбезопасности — во время допросов Ягоды и Артузова. Ведь антисталинская оппозиция была крайне резко настроена против договоров о взаимопомощи с Францией и Чехословакией и планировала их разорвать. А Орлов — так и вовсе по пьянке ляпнул, что-де было бы хорошо, если бы эти договора отпали. Откровенно демонстрируя даже не германофильские, а именно пронацистские взгляды, Тухачевский, по сути дела, цинично подталкивал Францию к добровольному и одностороннему дезавуированию к тому времени уже парафированного договора. Этой же цели служило и его откровенное заявление начальнику Генерального штаба М. Гамелену, что он «поддерживает отношения с руководящими личностями немецкой армии»^[433]. Разве такими заявлениями из уст Тухачевского Сталин мог преследовать цель укрепления союза перед лицом растущей агрессивности нацистской Германии?! Бросаю на весы решающий аргумент. В момент, когда Тухачевский «забавлялся» такими заявлениями, франко-советский договор о взаимопомощи в отражении агрессии от 2 мая 1935 г. еще не был ратифицирован французской стороной. Это произойдет лишь 27 февраля 1936 г., а в силу он вступит лишь 8 марта того же года. И разве можно было рассчитывать на то, что такими заявлениями столь высокопоставленного представителя советских вооруженных сил, на мощь которых и были завязаны как договор с Францией, так и симметричный договор с Чехословакией, удастся укрепить едва только наметившийся союз?! Разве можно было такими действиями добиться скорейшей ратификации этого договора той же Францией?! Напротив, этим можно было добиться сугубо обратного, негативного эффекта. Право же, не следует полагать, что Сталин вообще ничего не соображал во внешней политике и дипломатии в частности!

Тем не менее происходит какое-то упорное протаскивание, мягко говоря, более чем странной версии о некоем специальном секретном поручении Сталина, которое-де и выполнял Тухачевский в процессе той поездки за рубеж. Дело в том, что по пути в Лондон и обратно Тухачевский сделал кратковременные остановки в Берлине. Первый раз это произошло еще 26 января 1936 г. Согласно данным некоторых британских авторов, во время этой кратковременной остановки Тухачевский пытался встретиться с Гитлером, а также с военным министром Бломбергом, которого он знал и который весьма благосклонно относился к маршалу. Выше уже рассматривался практически аналогичный случай с Уборевичем. То, же самое и те же самые аргументы применимы и здесь. Только ранг этих аргументов будет выше. Если в такой встрече был бы заинтересован лично

Сталин, то он это проделал бы куда проще — использовал бы естественные для такого случая дипломатические каналы, в частности, того же германского посла в Москве Шуленбурга. Тот отписал бы в Берлин просьбу Сталина принять Тухачевского, и все было бы не только по протоколу, а он в таких случаях всегда строго соблюдается, но и, если уж исходить из неких, якобы имевших место тайных намерений Сталина, все было бы также шито-крыто. Хотя бы Бломберг, но принял бы Тухачевского. В конце-то концов, нельзя забывать, что Бломберг был военным министром, официальным государственным лицом. И потому даже со своим старым знакомым, тем более неофициально находящимся в Германии — официальным лицом Тухачевский был только для Великобритании на период похоронных мероприятий, а в Берлине остановился проездом, — он ни при каких обстоятельствах не стал бы встречаться, исходя лишь из только на вокзале высказанной просьбы прибывшего. Тем более нельзя того же забывать и в отношении Гитлера. Кто бы и как бы к нему ни относился, но по состоянию на 26 января 1936 г. Адольф Гитлер был не только и даже не столько фюрером нацистской партии, сколько прежде всего рейхсканцлером и президентом Германии. И даже сама всего лишь на перроне берлинского вокзала высказанная просьба встретиться с главой одновременно государства и правительства — уже оскорбительна. На языке дипломатического протокола это называется, по меньшей мере, грубым проявлением неуважения к высшим государственным лицам страны пребывания, пускай даже и кратковременного. Но сколь бы плохи ни были советско-германские отношения того времени, даже такой ярый германофоб, как Литвинов, и то не посмел бы действовать подобным образом. Держался бы в рамках дипломатического политеса. Так вот, до какой же степени должен был прийти скрытый антисталинизм высказавшего упомянутую выше версию автора, что он даже не смог заметить столь элементарных вещей, однако не без удовольствия бросил бессмысленную, но жирную тень на Сталина?! Не понимаю, неужели так трудно сначала подумать, а потом писать?! Кому нужны такие «версии», только и способные, что окончательно запутать и без того крайне запутанную и донельзя сложнейшую подоплеку дела Тухачевского?! Кстати, и в отношении Тухачевского — это тоже оскорбление, как к нему лично ни относись. Что же, выходит, если он согласился пойти на такой шаг, то и вовсе не соображал, что это просто неприлично, едва сойдя со ступенек вагона, прямо на перроне просить аудиенции, подчеркиваю, одновременно у главы государства и правительства?! Право же, и в «версиях» меру-то пора бы знать...

Однако совсем иной поворот у этого же факта появился бы, если вместо очевидного своей неуместностью намека на некое тайное поручение Сталина тот же автор высказал бы иное, более реальное предположение. Что Тухачевский действительно предпринял такую попытку, исходя из соображений, которыми он руководствовался или, по меньшей мере, мог руководствоваться как лидер военного заговора. Особенно, как знавший от Троцкого о договоренностях последнего с нацистским руководством в отношении оказания помощи заговорщикам. Тогда странное поведение Тухачевского — имея в виду высказанные им просьбы о встрече с Гитлером и Бломбергом — обрело бы хоть какой-то смысл. В том плане, что он рассчитывал на аудиенцию, исходя из того, что предполагал осведомленность лиц, у которых просил встречи, что они знают о его высокой роли в заговоре. Учитывая, что во время августовского 1936 г. визита Германа Геринга в Польшу наци № 2 пришлось оправдываться по поводу остановки Тухачевского в Берлине и слухов о его встрече с Гитлером и Бломбергом, похоже, что не увенчавшаяся желаемым результатом попытка со стороны Тухачевского действительно имела указанный смысл. Однако самый ее факт тут же раздули в пропагандистских целях. А кому это могло быть выгодно в то время, особенно если учесть крайне нервную реакцию поляков на эти слухи?! Ответ один — Великобритании. К тому времени британская разведка уже сколько раз провоцировала поляков по схожим вопросам. Но это же будет означать и то, что британская разведка не только засекала попытку Тухачевского выпросить аудиенцию у Гитлера и Бломберга, но и всерьез всполошилась. И не зря.

И вот еще что. По словам Г. Геринга, Гитлер не только не принял Тухачевского лично, но и не позволил кому-либо из военных установить с ним какой-нибудь контакт. В свою очередь, это означает, что Гитлер ничего не знал о тех договоренностях Троцкого, которых «бес мировой революции» сумел достичь с кем-то из руководящих нацистских деятелей (на московских процессах всплывали имена Р. Гесса и А. Розенберга). Ибо если бы знал, то принял бы Тухачевского, чем вдребезги его скомпрометировал бы самым элементарным образом, не прибегая к различным сложным приемам, о которых вещает, к примеру, тупая «версия» бывшего шефа внешнеполитической разведки Третьего рейха В. Шелленберга, составленная через четыре года после его смерти. В этой связи стоило бы напомнить о следующем. Еще июне 1933 г. в ОГПУ поступили сообщения от агента А/256, как подчеркивалось, источника проверенного и осведомленного, о том, что в СССР существует подпольная организация, которая в контакте с немцами готовит правительственный переворот, что

заговорщики существуют даже в окружении Сталина. В последующих донесениях от него же говорилось о том, что «в ближайшее время в СССР должен произойти переворот и провозглашение военной диктатуры...». Со ссылкой на членов германской делегации на сессии Лиги Наций — Хезельмайра, Вебершtedта и фон Твардовски — от этого же агента в июле 1933 г. были получены данные о том, что в СССР с легкостью удалось завербовать нужных людей. Что эта связь доходит до Кремля, что это держится в строгой тайне, что очень немногие и абсолютно надежные лица из Национал-социалистической партии посвящены в эти дела. В конце концов, и НСДАП, как и партия Ленина при его жизни, о чем уже говорилось выше, была отнюдь не монолитной. Там тоже были всякие фракции, течения, «правый», «левый» и прочие уклоны. Правда, иначе называвшиеся — германская специфика обязана была проявиться. Естественно, что о многих своих действиях представители этих «уклонов» в НСДАП не ставили в известность «горячо обожаемого» фюрера.

Еще более интересна трактовка тем же автором факта второй остановки Тухачевского в Берлине — на обратном пути в Москву. Это произошло 18 — 19 февраля 1936 г. Опять со ссылкой на одного и того же британского автора уважаемый коллега сообщил, что в июле 1936 г. появились зарубежные агентурные данные о том, что М. Тухачевскому удалось наладить контакты с А. Розенбергом. Ну и что прикажете думать по этому поводу?! Выше уже говорилось, как в процессе весьма странной операции по подставе одного и того же агента с одной и той же легендой А. Розенбергу и британской разведке, по сути дела, в интересах именно оппозиции была установлена конфиденциальная связь с обеими сторонами. В таком случае получается, что если Тухачевскому и впрямь удалось наладить контакт с А. Розенбергом, следовательно, он шел по проторенной еще тем агентом дорожке. А ведь того агента направлял Артузов, который также «загрел» по делу о заговоре. Далее. Поскольку британский автор сам ссылался на «зарубежные агентурные данные», то, следовательно, сие означает, что эти сведения были добыты непосредственно британской разведкой. Когда он писал свою книгу, никакими иными данными он располагать не мог, тем более в 1962 г. Однако выше уже указывалось, что лично у Розенберга был прямой канал связи с британской разведкой в лице его близкого друга — барона Уильяма де Роппа. И если Тухачевский действительно вышел на Розенберга, то тот вполне мог затем по-дружески проговориться перед Роппом, ну, а последний, естественно, сообщить в Лондон. Однако история с контактом с Розенбергом этим не исчерпывается. Впоследствии было установлено, что конфиденциальную связь с Розенбергом поддерживал сам Карл Радек —

контакты с нацистами он установил еще в 1923 г. и с тех пор не прерывал их.

А главным его конфидентом в поддержании тайной связи с Розенбергом был молодой профессор Кёнигсбергского университета, сотрудник внешнеполитического Бюро Розенберга при НСДАП — выражаясь по-современному, советолог Теодор Оберлендер, специализировавшийся на «восточном вопросе», особенно на межнациональных вопросах внутри СССР, в первую очередь в Закавказье. Т. Оберлендер часто приезжал в Советский Союз в первой половине 30-х гг., встречался с Радеком и Бухариным, в том числе и на территории германского посольства в СССР. При выездах же Радека за рубеж Т. Оберлендер всякий раз успевал встретиться с ним. Именно Радек вел до сих пор малоизвестные тайные переговоры с Розенбергом через Т. Оберлендера. В том числе, судя по всему, и об ускорении нападения Германии на СССР, об условиях организации поражения СССР в войне с Германией, снабжал его эксклюзивной информацией об осведомленности советского руководства в международных делах — Радек возглавлял Отдел международной информации в ЦК ВКП(б), а также о внутреннем положении в СССР. С 1935 г. Теодор Оберлендер уже официально работал в военной разведке Германии — Абвере, хотя и до этого неоднократно выполнял ее поручения^[434].

Но и это еще далеко не все. По предположениям уважаемого коллеги, в Берлине Тухачевский тайно встретился с кем-то из представителей Российского общевойскового союза (РОВС), рассчитывая использовать их связи для установления контактов с германским политическим и военным руководством. Уже одно только это насмерть бьет вышеизложенную версию о некоем секретном сталинском поручении Тухачевскому. РОВС был не тем визави в столь интимных делах, чтобы Сталин хотя бы просто подумал об использовании его возможностей для установления контактов с германскими политическими и военными кругами. Но пойдём дальше. Коллега убежденно полагает, и, похоже, он прав в том, что наиболее вероятен контакт Тухачевского с известным в эмиграции бывшим офицером лейбгвардии Кавалергардского полка, генералом В. В. Бискупским (1878 — 1945 гг.). Бискупский действительно был очень близок с верхушкой руководства нацистской партии еще с первых лет ее существования, в том числе и с А. Розенбергом, оказывал нацистам немало услуг и даже прятал на своей квартире раненого Гитлера после провала «пивного путча». Похоже, что все было именно так — иначе британская разведка не получила бы сведений от своей зарубежной агентуры. Так что, во-первых, говорить о том, что Тухачевский тайно встретился с представителем РОВСа — нет

никаких оснований. Его встреча была зафиксирована также и британской разведкой.

Тухачевский и в принципе-то не мог с кем-либо встретиться тайно, потому как находился за рубежом официально, а фигура его была настолько известна за рубежом и настолько привлекала к себе внимание всех и вся, что любая секретность встреч и контактов для него физически была недоступна. Не говоря уже о том, что и германская контрразведка зафиксировала все его контакты в Берлине. Это, как говорится, априори. *[Кстати говоря, в тот период в Берлине активно работал один из самых выдающихся асов советской нелегальной разведки — легендарный Василий Михайлович Зарубин, у которого на связи был ценный сотрудник гестапо, который как раз тем и был занят по службе, что контрразведывательно обеспечивал германское военное ведомство и военно-промышленный комплекс, в связи с чем поддерживал также и тесные деловые контакты с коллегами из военной контрразведки абвера. Так что все, что делал Тухачевский в Берлине, было известно и советской разведке — через Брейтенбаха. И тот факт, что в любых трудах о Брайтенбахе самым тщательным образом обходится его причастность к освещению добывания Тухачевского в Берлине, — лучшее тому доказательство. Потому как признание обратного — донельзя неудобно для созданного вокруг имени Тухачевского имиджа «невинной жертвы» сталинизма. Между тем Брайтенбах был исключительно высококлассным, проверенным, очень авторитетным агентом, всегда представлявшим только первоклассную информацию. Более того, будучи прекрасным профессионалом в области разведки и контрразведки, он без особых указаний со стороны своих кураторов всегда сообщал только самую актуальную и проверенную информацию, ибо прекрасно знал толк в этом деле и понимал, что интересует его кураторов из советской разведки.]* Во-вторых, В. В. Бискупский был связан с советской разведкой (НКВД) — с ним поддерживали прямую связь сотрудники резидентуры по работе с белой эмиграцией.

Но одновременно Бискупский пребывал и под негласным агентурным «колпаком» советской разведки — одной из ближайших его связей был агент советской разведки А/1 (он же Александр Дмитриевич Хомутов, бывший полковник лейбгвардии Измайловского полка, ставший в эмиграции правой рукой представителя великого князя Кирилла Владимировича в Германии — проживавшего в Мюнхене генерала Бискупского). Так что не только бритты узнали об этой встрече Тухачевского, но и советская разведка. К слову сказать, последняя узнала об этой встрече также и через германского коммуниста некоего Блимеля, который присутствовал на этой встрече. Разумеется, Блимель находился там не в качестве коммуниста и тем

более агента советской разведки, а, по меньшей мере, в качестве старого и прорусски настроенного члена НСДАП из числа так называемых левых нацистов, идеологически близких к «национал-большевикам». Блимель немедленно сообщил о «конспиративных» контактах Тухачевского в советское посольство, резиденту советской разведки. Однако, судя по всему, Блимель одновременно был еще и агентом абвера, так как информация об этой встрече немедленно поступила и туда.

Общение Тухачевского с Бискупским привело к неожиданному повороту. Весной 1936 г. через того же А/1 на контакт с представителем советской разведки напросился один из наиболее оппозиционно настроенных и влиятельных политических деятелей Германии — лидер Народной национальной партии (ННП) Райнгольд Вулле. Во время встречи с резидентом советской разведки в Вене — В. П. Роциным (за год до этого он работал в Берлине и был знаком с А/1) — Р. Вулле обратился с просьбой об оказании помощи со стороны Советского Союза представляемым им антигитлеровски настроенным силам Германии в целях свержения Гитлера. Для чего попросил даже финансовой помощи в размере 750 тыс. марок. Все бы ничего — в конце-то концов, не только же немцам устраивать перевороты в России, — если бы, как и всегда, не одно «но». Убедительно нарисовав картину антигитлеровской оппозиции в различных, в том числе и военных, кругах Германии и даже серьезно обосновав необходимость финансирования из-за границы действий по свержению нацистского режима, Р. Вулле заявил, что, желая заранее обеспечить поддержку со стороны великих держав, он уже зондировал почву также и в английских кругах^[435].

Роцину не удалось выяснить, с какими конкретно английскими кругами контактировал Р. Вулле. Однако, исходя из тех данных, которые известны о нем, можно с уверенностью утверждать, что это могло произойти главным образом по двум направлениям. Вулле был пруссаком бисмарковского толка, ярким монархистом, поддерживал очень тесные связи с проживавшим в Голландии, в местечке Доорн, бывшим германским кайзером Вильгельмом II и его сыном — кронпринцем Фридрихом-Вильгельмом. Экс-венценосные особы в свою очередь действительно поддерживали тесную связь с соответствующими влиятельными, в том числе и монархическими, кругами Великобритании. Монарх, как известно, даже экс-монарху глаз не выключает, если, конечно, оба они — люди Запада... Даже несмотря на то, что экс-венценосные германские особы одновременно держали связь и с промонархически настроенной военной оппозицией Гитлеру, которого, как им хорошо было известно, к власти в Германии привела именно Великобритания, монархи которой, в свою очередь,

особенно Эдуард VIII, были не только германофилами, но и пронацистски настроенными. Между тем именно на Доорне замыкались многие линии связи антигитлеровски настроенных генералов. И в эту же среду оказался вхож также и резидент советской разведки, впоследствии беглый предатель Вальтер Германович Кривицкий, который вошел в контакт с представителями германской генеральской оппозиции и оказывал им помощь, на что не имел никакого права. Однако и, в свою очередь, вполне естественно, что этот маленький пятачок больших интриг с давних пор находился «под колпаком» британской разведки — экс-венценосных германских особ с давних пор «пас» не столько даже один из лучших британских разведчиков того времени, сколько прежде всего член Комитета 300 — уже упоминавшийся Роберт Брюс Локкарт. Соответственно даже тень намека на возможное объединение усилий антисталинской и антигитлеровской оппозиций в целях установления военных диктатур в Берлине и Москве с последующим созданием военно-геополитического альянса по оси Берлин — Москва никак не могла обрадовать **PERFIDIOUS ALBION**. Естественно, что на таком фоне бритты очень холодно восприняли попытку зондажа Р. Вулле. Более того. Сделали очень далеко идущие выводы. Ведь им же нужно было довести дело до смертельной драки между Германией и Советским Союзом. Что же до второго направления, то оно связано с ближайшим помощником Р. Вулле — Гансом Церратом, крупным помещиком в Восточной Пруссии, обладавшим имением также и в Литве, прямо на границе с СССР. Г. Церрат, в свою очередь, хорошо знал Уильяма де Роппа — как-никак земляки. Естественно, что Церрату было ведомо о связях У. де Роппа с Великобританией. И если зондаж проводился и по этой линии тоже, то, что называется, на ловца и зверь бежит — британская разведка и в этом случае все узнала. Нельзя не упомянуть и о третьем, наиболее доступном для обеих сторон канале. В интересующие нас годы в Германии активно работал если и не штатный сотрудник британской разведки, то, по меньшей мере, очень тесно связанный с ней британский журналист Иан Колвин, являвшийся берлинским корреспондентом британской «Ньюс кроникл». Так вот, по словам У. Черчилля, Иан Колвин «глубоко проник в политическую жизнь Германии и завязал совершенно секретные связи с некоторыми видными германскими генералами, а также с несколькими независимыми представителями высших классов Германии...»^[436]. На представителей именно таких кругов и ссылался Вулле, говоря о членах представляемой им оппозиции.

Более того. Горько об этом говорить, но «зверь» прибежал и с советской стороны. Во время следствия на Лубянке «загремевший», что называется, в

«родные пенаты» по делу о заговоре бывший начальник советской внешней разведки и он же бывший первый заместитель начальника военной разведки — Артур Христианович Артузов — показал, что «переговоры были двоякими. С одной стороны, с Англией и Францией. Цель — восстановление военной группировки трех держав (Антанты). Задача — поставить Германию в положение довоенного окруженного государства и тем самым заставить ее отказаться от агрессивных планов. Цена соглашения — предоставление Англии и Франции исключительных привилегий в СССР: концессий в области сбыта товаров, вывоза сырья из СССР, а также отказ советского правительства от поддержки Коминтерна, вплоть до выдворения членов его организации за пределы СССР. С другой стороны, говорилось о соглашении с самим агрессором — Германией. Задача — удовлетворить германские потребности на Востоке в такой степени, чтобы Гитлер сам отказался от военных устремлений против СССР как не вызывавшихся необходимостью. (Речь шла о территориальных уступках.) Цена соглашения — предоставление немцам разных привилегий, а также отказ от поддержки Коминтерна»^[437]. Приплыли! Начальник разведки и его подельники, выходит, даже на йоту не понимали, что ни на кой черт они не нужны со своими предложениями ни Англии, ни Франции, ни Германии, ни лично Гитлеру! Неужели так уж трудно было понять, что новая Антанта была не нужна, прежде всего Великобритании. Ведь если Антанта, то ей, Англии-то, пришлось бы влезать в мировую драку на стороне не столько Франции, сколько СССР! Ведь каждый день резидентуры сообщали информацию о том, как Великобритания противилась заключению франко-советского договора, а затем и как пыталась его дезавуировать! Как такое могло быть непонятно руководителю разведки?! Толчков одном случае. Если эта информация умышленно не воспринималась всерьез. Потому что только таким образом можно было «не понимать» того простого обстоятельства, что Гитлер был приведен к власти для того, чтобы развязать войну против Советского Союза. И что в этой связи Запад ни на какие превентивные сепаратные переговоры с заговорщиками не пойдет. Западу было нужно гарантированное уничтожение Советского Союза, причем не как Советской державы, а, в первую очередь, как единственной в мире единой трансконтинентальной евразийской державы. И что идеологический аспект в данном случае играл всего лишь роль ширмы. Но тогда спрашивается, а на кой же черт он все время пытался проводить какие-то операции по подставе советской агентуры то британской, то французской, то германской разведкам, то эмигрантским организациям?! Ведь эффекта-то от них не было — напротив, в колоссальном выигрыше почему-то оказывались именно эти разведки и эмигрантские организации, ибо их осведомленность

о том, что творится в СССР, в том числе и прежде всего в высших сферах — просто ужасает. Даже отрывочные сведения на этот счет вгоняют не то чтобы в оторопь, а прямиком в кому.

Наконец, необходимо сказать и о попытках Тухачевского установить контакты с представителями РОВСа в Париже. Произошло это на обратном пути в Москву, когда маршал находился в Париже с 10 по 16 февраля 1936 г. Более или менее достоверно известно, что Тухачевский искал контакта именно с генералом Николаем Скоблиным — руководителем разведки и контрразведки РОВСа, которого шапочно знал еще с 1917 г. Встреча между ними состоялась в одном из домов на улице Сегюр в Париже. Есть немало убедительных доказательств, что эту встречу организовал бывший военный агент при Верховном Совете Антанты, знаменитый военный разведчик, генерал-майор царской армии, граф А. А. Игнатъев, работавший в то время в советском торгпредстве. А. А. Игнатъев был знаком с Тухачевским — в свое время именно он отправлял бежавшего из германского плена подпоручика Тухачевского обратно в Россию. Еще в 1924 г. граф перешел на сторону советской власти, передав Советскому Союзу как банковские счета, так и хранившиеся на них громадные денежные средства, которые находились в его ведении с царских времен, а также свою агентуру. *[Игнатъев возвратился в СССР весной 1937 г. Несмотря на пенсионный возраст — 60 лет, — был зачислен на действительную военную службу, став инспектором по иностранным языкам Управления военно-учебных заведений наркомата обороны. Впоследствии, уже в 1943 г., то есть будучи в 60-летнем возрасте, был произведен в генерал-лейтенанты Советской Армии. В 2002 г. выяснилось, что после возражения в СССР был очень близок к Сталину.]*

Однако «персонажем персонажей» в этой парижской истории был, конечно же, сам генерал Н. Скоблин — один из наиболее ценных агентов советской внешней разведки в кругах русской эмиграции, ранее числившийся под псевдонимом ЕЖ-13, впоследствии — Фермер. Именно он в подробностях сообщил советским органам госбезопасности о встречах с Тухачевским как в Лондоне (во время пребывания Тухачевского на похоронах английского короля Георга V в Лондоне находился и Скоблин), так и в Париже. Естественно, и о его попытке использовать возможности агента для выхода на германские политические и военные круги. Более того. Перед тем как между ними произошла парижская встреча, Тухачевский побывал на устроенном в его честь начальником Генерального штаба Франции генералом М. Гамеленом приеме. На нем присутствовал начальник французской контрразведки полковник Робьен, сидевший вместе с Тухачевским в одном лагере Ингольштадт в германском плену. Не

исключено, что на этом же приеме присутствовал и упоминавшийся выше агент советской разведки в Генеральном штабе Франции, или, по меньшей мере, он затем узнал об этом приеме и проинформировал своего куратора из советской разведки. Робьен впоследствии вспоминал, что в разговоре между ним и Тухачевским (а маршал знал, что Робьен возглавляет французскую контрразведку) «было упомянуто и имя генерала Скоблина в связи с его контактами с германской разведкой». Судя по тексту воспоминаний Робьена, инициатива разговора о Скоблине принадлежала Тухачевскому. Однако же зачем ему понадобилось в беседе именно с начальником французской контрразведки упоминать Скоблина в такой связи?! Какую бы цель Тухачевский ни преследовал, в любом случае выходит, во-первых, что Сталин ко всему этому не имел ровным счетом никакого отношения. То была сугубо его, Тухачевского, инициатива. Потому как Скоблин — не уровень Сталина, чтобы через него пытаться выйти на германские политические и военные круги^[438]. Во-вторых, даже если Тухачевский всего лишь пытался удостовериться с помощью Робьена в том, что французская контрразведка располагает сведениями о контактах Скоблина с германскими спецслужбами, то по-любому выходит, что добился он всего лишь противоположного эффекта. Проще говоря, открыто спровоцировал у руководителя контрразведки государства, которое вот-вот должно будет ратифицировать договор с СССР о взаимопомощи в отражении (германской) агрессии, сильные подозрения. Прежде всего, в том, что высшая военная бюрократия Советского Союза недовольна наличием такого договора и потому ищет какие-то контакты с немцами ради не очень-то понятных, но грозящих Франции негативными последствиями целей. В любом случае это негативно отразилось на отношении французского военного руководства к идее военного сотрудничества с СССР, в частности, в вопросе о начале штабных переговоров — французы по-прежнему тянули волынку и так и не согласились начать эти переговоры.

Если вкратце подвести итог, особенно в свете ранее приводившегося мнения Молотова о том, что до 1935 г. Тухачевский тянул, а с 1936 г., главным образом со второй его половины, стал торопить с переворотом, в осуществлении которого ему не на кого было опереться, кроме как на немцев, то получится следующее. Тухачевский использовал свой выезд за рубеж в следующих целях:

1. Провоцирование Франции на отказ от ратификации франко-советского договора от 2 мая 1935 г. о взаимопомощи в отражении агрессии, заключением которого была недовольна вся антисталинская оппозиция. *[Напоминаю, что оппозиция была крайне недовольна не только заключением этого договора. Она вообще была настроена крайне против самой идеи*

такого договора. Арестованный в рамках дела о заговоре бывший советский военный атташе во Франции С. И. Венцав-Кранц на допросе в НКВД показал, что перед выездом в Париж, наряду с иными подрывными задачами, Тухачевский лично поручил ему добиваться «принятия всех мер к торможению намечавшегося франко-советского сближения» и в обход высшего советского военно-политического руководства лично его «информировать о ходе франко-советских переговоров», «установить контакт с германским военным атташе в Париже и информировать его о ходе советско-французских переговоров»^[439]. Такую же негативную позицию по отношению даже к идее такого договора занимали и так называемые гражданские участники антисталинской оппозиции. Так, еще до заключения договора главный редактор ведущей парижской газеты того времени — «Тан» — Шастенэ 16 марта 1935 г. взял интервью у заместителя наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинского, в ходе которого задал прямой вопрос: «Каким образом Советский Союз окажет Франции военную помощь в случае нападения на нее Германии?» в ответ услышал уклончивое и маловразумительное: «Вопрос конкретно между генеральными штабами обеих стран еще не обсуждался, и, очевидно, при обсуждении они должны будут по этому поводу договориться. Конечно, для оказания помощи Франции нам пришлось бы согласовать свои действия с другими союзниками Франции в Европе. Мне кажется, однако, что на помощь Польши рассчитывать трудно». Шастенэ возразил Крестинскому, что тот «не учитывает того, что Польша, которую он недавно посетил и которая продолжает считать себя союзником Франции, в случае нападения Германии на Францию выступит против Германии». А потому его, журналиста, очень интересует, «как Советский Союз в этом случае сможет поддержать Польшу». Конечно, Шастенэ изрядно заблуждался — в предвоенной восточной Европе не было большей сволочи и проститутки, чем «Версальский ублюдок» в лице Польши (разве что Румыния еще?!). Но даже притом что вопрос-то был поставлен весьма уважительно по отношению к Варшаве, он опять ничего определенного от Крестинского не услышал. И в таком случае, хотя бы и ретроспективно, но резонно спросить: а на кой же черт Литвинобу и Розенбергу надо было прилагать усилия для заключения такого договора, если не решены и даже теоретически не проработаны вопросы исполнения обязательств такого договора?!]

Обратите внимание вот на что. По возвращении в СССР Тухачевский стал с особым упорством доказывать не столько неизбежность — она и так была понятна всем, — сколько именно же скорую близость войны с Германией и Польшей. Между тем никаких оснований для нагнетания

истерии насчет скорой близости войны с Германией в тот момент не было. Подчеркиваю, что по донесениям разведки Тухачевский прекрасно знал, что германский вермахт еще очень слаб, что там тысячи разных проблем — начиная с кадров и кончая материально-техническим обеспечением и финансированием. Столь же прекрасно ему было известно и о том, что по-прежнему действуют договора о ненападении между СССР и Польшей — от 1932 г., пролонгированный до 1938 г., СССР и Германией — от 1926 г., пролонгированный до 1938 г., Германией и Польшей — от 1934 г., срок действия которого истекал аж в середине сороковых годов. Уже только одна эта триада договоров исключала возможность болтовни о скорой близости войны. На тот момент у Гитлера не было ни малейшего шанса хоть как-то подобраться к советским границам. Даже зоологический ненавидевшая СССР и Россию Польша ни при каких обстоятельствах не пропустила бы германские войска на свою территорию, даже для совместного нападения на Советский Союз. А что касается неизбежности как политико-исторической категории, так это, подчеркиваю вновь, и без Тухачевского всем было понятно. Тем не менее очень быстро от общих разговоров о скорой близости войны в том же 1936 г. Тухачевский вообще заговорил о войне уже в 1937 г. К слову сказать, впоследствии это точно совпало с выявившимися на судебном процессе по делу правотроцкистского центра (март 1938 г.) данными. Оказалось, что из-за резко усложнившейся с середины 1936 г. обстановки в СССР лидеры троцкистского подполья довели до сведения Троцкого просьбу: «соглашение, достигнутое троцкистами с германской Национал-социалистической партией по вопросу о возможности ускорения войны, облегчающей приход троцкистов к власти, должно быть форсировано во что бы то ни стало!» Дело в том, что с середины 1936 г. начались аресты видных деятелей антисоветского подполья, в том числе и причастных к военному заговору, а также из числа видных троцкистов. Крайне обеспокоенные тем, что органы госбезопасности начали серьезную охоту за ними, заговорщики и обратились к Троцкому с такой просьбой. А помочь в этом вопросе могли только военные. И не потому ли Тухачевский еще в начале 1936 г. столь упорно искал контактов с руководящими военными деятелями нацистской Германии — в том числе и для того, чтобы заранее договориться об ускорении войны?! Не потому ли по возвращении из зарубежного вояжа он совершенно на пустом месте заговорил о близости войны с Германией (и Польшей) — уже в 1937 г.?! Основные фигуранты процесса о правотроцкистском блоке прямо заявили, что; по данным Бухарина, принимались меры, «чтобы обязательно побудить в 1937 году к выступлению фашистские страны!» И Бухарин это подтвердил!

Кстати сказать, с 19 августа по 2 сентября 1936 г. во Франции с визитом находился еще и командующий Украинским военным округом И. Якир. По итогам его поездки тоже предостаточно и очень странного, и очень подозрительного. К примеру, Якир «привез» из Франции крайне пессимистическое мнение о французских вооруженных силах и, как следствие, аналогичный вывод о нецелесообразности военного сотрудничества с ними. Получается какая-то синхронность действий основных заговорщиков — хотя и по-разному, но они методично били в одну точку: мол, нецелесообразно военное сотрудничество с Францией, в том числе и потому, что-де слишком консервативно военное искусство французского Генштаба!

2. Установление (восстановление?!) контактов с влиятельными представителями германских политических и военных кругов, вплоть до попытки выйти на Гитлера и Бломберга, о чем уже говорилось выше. Обратите внимание также и на синхронность действий Тухачевского и Уборевича. Выехав в одно и то же время в зарубежные командировки, они действовали одинаково. Оба нахально напрашивались на аудиенции к Бломбергу, а Тухачевский — еще и к Гитлеру. А когда начались аресты видных заговорщиков, то на основании заблаговременно выбитого приглашения Уборевич умотал на маневры вермахта с планом поражения на руках. Вот, собственно говоря, откуда у германских генералов такая фантастическая прыть проявилась. Ведь их же просили ускорить войну, а они-то, в свою очередь, при том слабом состоянии вермахта могли ускорить ее только при опоре на составленный «стратегами» план поражения! Иначе даже подставленная под разгром РККА раздолбала бы слабый вермахт в пыль!

Упоминавшимся выше стратегическим командно-штабным играм на картах германского командования предшествовали... советские стратегические командно-штабные игры на картах, проведенные в Генеральном штабе нашей армии весной 1936 г. В свою очередь, последним предшествовали не только выезды за рубеж Тухачевского и Уборевича, но и, как выяснилось впоследствии в ходе судебного процесса по делу антисоветского троцкистского центра (23 — 30 января 1937 г.), повторная (письменная) директива Троцкого о необходимости организации поражения СССР в войне с Германией. В процессе судебного допроса на вечернем заседании суда 23 января подсудимый Пятаков показал: «Примерно к концу 1935 года Радек получил обстоятельное письмо-инструкцию от Троцкого. Троцкий в этой директиве поставил два варианта о возможности нашего прихода к власти. Первый вариант — это возможность прихода до войны, и второй вариант — во время войны. Первый вариант Троцкий представлял в

результате, как он говорил, концентрированного террористического удара. Он имел в виду одновременное совершение террористических актов против ряда руководителей ВКП(б) и Советского государства и, конечно, в первую очередь против Сталина и ближайших помощников.

Второй вариант, который был, с точки зрения Троцкого, более вероятным, — это военное поражение. Так как война, по его словам, неизбежна, и притом в самое ближайшее время, война прежде всего с Германией, а возможно, с Японией, следовательно, речь идет о том, чтобы путем соответствующего соглашения с правительствами этих стран добиться благоприятного отношения к приходу блока к власти, а значит, рядом уступок этим странам на заранее договоренных условиях получить соответствующую поддержку, чтобы удержаться у власти. Троцкий не сомневается, что война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, писал он, создает реальную обстановку для прихода к власти блока, и из этого он делает вывод, что блок заинтересован в обострении столкновений». В ходе немедленно проведенных в процессе судебного следствия как перекрестного, так и отдельного допросов К. Радек полностью подтвердил эти показания Пятакова: «Одно письмо — в апреле 1934 г., второе — в декабре 1935 г.»^[440]

И вот кто бы теперь объяснил, почему должно было так уникально точно совпасть с этими данными поведение Тухачевского, который именно в декабре 1935 г. «предложил провести в Генеральном штабе большую стратегическую военную игру. Игра ставила своей задачей проработать меры и способы активного отражения нападения фашистской Германии на Советский Союз. Мысль эта не сразу встретила поддержку, и только в начале 1936 г. последовало решение о проведении такой игры на базе наших реальных оперативных предположений»^[441]. Кто бы объяснил, почему принципиально здравая и нормальная, если полностью абстрагироваться от личности Тухачевского, идея по времени своего появления должна была столь жестко точно совпасть с директивой Троцкого?! Почему эта идея появилась точно в упреждение не скрывавшегося намерения советского руководства добиться-таки советско-французской конвенции, которая превратила бы отношения СССР с Францией в полноценный и надежный, как тогда представлялось (согласно навязывавшимся Литвиновым представлениям), военно-политический союз, в новую Антанту?! Ведь оппозиция-то была настроена крайне резко против советско-французского договора о взаимопомощи в отражении (германской) агрессии и также на упреждение, в момент, когда идея о таком договоре еще только витала в высоких сферах, попыталась изящно провокационно выступить против с применением тяжелой артиллерии марксизма» — использовав

упоминавшуюся выше статью Энгельса?! Предложение же Тухачевского о проведении такой игры в точности копировало «логику» еще той попытки оппозиции — тоже в упреждение возможного заключения советско-французской военной конвенции. Кстати, высказанная им идея о проведении таких игр поначалу как раз и была отклонена в связи с тем, что советское руководство рассчитывало заключить эту конвенцию. Еще более того. Кто бы объяснил, почему эта игра ставила своей задачей проработать меры и способы именно активного отражения нападения фашистской Германии на Советский Союз?) Кто бы объяснил, почему такая формулировка задач игры должна была столь точно совпасть и с навязанной Тухачевским и Уборевичем «концепцией пограничных сражений»?! Дело в том, что именно она, как указывалось выше, предусматривала отражение агрессии активными операциями вторжения [на современном языке военных — стратегическими (фронтowymi) наступательными операциями], вплоть до инициативного развязывания войны непосредственно Советским Союзом! Почему именно такой вариант?! Ведь они же прекрасно знали об особой уязвимости операций вторжения! Сами же, правда, якобы предупреждали об этом Ворошилова. В начале февраля 1934 г. они написали в докладной записке на имя Ворошилова, что «опыт показывает... Та сторона, которая не будет готова к разгрому авиационных баз противника, к дезорганизации систематическими воздушными нападениями его железнодорожного транспорта, к нарушению его мобилизации и сосредоточения многочисленными авиадесантами, к уничтожению его складов горючего и боеприпасов, к разгрому неприятельских гарнизонов и эшелонов быстрыми действиями межсоединений... сама рискует подвергнуться поражению»^[442]. Ведь суть вредности «концепции пограничных сражений» состояла в следующем. Прикрытие собственных границ методом немедленного встречно-лобового вторжения/контрблицкрига должно было реализовываться не только заранее созданными фланговыми группировками. Прежде всего оно должно было реализовываться при ставке на статический фронт узкой лентой при сверхнизкой оперативной и линейной плотности сухопутных войск на остальной, и ведь большей же, части границы! В таком случае большая часть войск находится, в прямом смысле слова, в состоянии крайней неустойчивости именно с точки зрения обороны и прикрытия границ. И малейший внезапный удар, тем более нанесенный концентрированными силами, автоматически привел бы к невообразимо кровавой трагедии. Содержание упомянутой записки не оставляет ни малейшего сомнения в том, что Тухачевский и Уборевич не только прекрасно понимали ущербность своей концепции, но и навязывали высшему военному руководству СССР идею инициативного начала войны,

то есть чтобы СССР выступил в ипостаси агрессора?! То есть навязывали вариант не только немедленного встречно-лобового вторжения/контрблицкрига, сиречь по факту уже свершившегося нападения, но и превентивного вторжения на чужую территорию ради якобы упреждения мобилизации и последующего разгрома противника. При практически абсолютной аналогичности систем подготовки, что к превентивному вторжению/блицкригу, что к немедленному встречно-лобовому вторжению/контрблицкригу по факту уже свершившегося нападения, войска двух готовящихся к вооруженному столкновению государств находятся, еще раз особо подчеркиваю это, в состоянии крайней неустойчивости именно с точки зрения обороны. Потому как у обоих, при заранее созданных фланговых группировках, ярко выражена ставка на статический фронт узкой лентой, в том числе и при сверхнизкой оперативной и линейной плотности войск на большей части линии грядущего вооруженного столкновения. И в этом случае все зависит от того, кто первым нанесет удар. Но нанесший первым удар немедленно получает фактически тотальное стратегическое преимущество и имеет практически все шансы вдребезги раздолбать приграничную группировку противника, на которого напал (что и произошло у нас 22 июня 1941 г.). Вот и попробуйте теперь понять следующее. Почему «стратегу» взбрело в голову выдумать такое именно тогда?! И почему по времени это должно было точно совпасть не только с принятием Верховным командованием стратегии блицкрига, но и с первым директивным письмом Троцкого, которое, по характеристике того же К. Радека, «надо рассматривать как толчок для пораженческой тактики»?! Более того. Почему это должно было уложиться в канву письма, в котором, по словам все того же Радека, «по существу речь шла об ускорении войны, как желательном условии прихода к власти троцкистов»?! И, наконец, кто бы объяснил причину поразительно «нежной заботы» германского военного ведомства о советском маршале М. Н. Тухачевском?! 29 июня 1936 г. Министерство пропаганды Геббельса почему-то запросило у военного ведомства Третьего рейха материалы досье на бывшего военнопленного Первой мировой войны подпоручика Тухачевского. Судя по всему, Геббельс вознамерился провести какую-то пропагандистскую акцию по компрометации Тухачевского — в тот период времени высшее нацистское руководство билось в тисках неразрешимой задачи, «как бы разрушить едва только ратифицированный франко-советский договор о взаимопомощи в отражении агрессии, увязанный с симметричным советско-чехословацким договором». Военное министерство прекрасно поняло смысл запроса и 8 июля 1936 г. ответило следующее: «В связи со вновь вскрывшимися обстоятельствами штрафная карта лейтенанта Тухачевского выдана быть не

может, поскольку персональные нападки на Тухачевского сейчас неуместны»!^[443] Что это за «вновь вскрывшиеся обстоятельства», почему «персональные нападки на Тухачевского», по мнению военного министерства, «сейчас неуместны»?! При этом следует иметь в виду, что военный министр Бломберг, санкционировавший такой ответ, во-первых, сам был настроен против Гитлера и входил в круг германских заговорщиков из числа генералов, а во-вторых, он еще с 1928 г. точно знал, что Тухачевского уже тогда «подозревали в руководстве движением по гос. перевороту»^[444]. Надо полагать, что едва ли возникнут какие-либо препятствия для формулирования истинного ответа на поставленные вопросы.

Но это всего лишь прелюдия к тому, что произошло на весенних 1936 г. (19 — 25 апреля) стратегических играх в нашем Генеральном штабе. Отрабатывался якобы вариант отражения совместной германо-польской агрессии против Советского Союза. «Германской стороной» командовал Тухачевский, «армией буржуазной Польши» — Якир, а Уборевич — советским Западным фронтом. Как сами игры, так и поведение сторон — крайне странные, если не сказать, что вообще подозрительные. Почему-то Генеральный штаб исходил из того, что в тот момент Германия могла отмотилизовать до 100 дивизий! В то время в вермахте не было еще даже 36 дивизий, а информация о колоссальных трудностях в германском военном строительстве потоком шла от раз

ведки! С какой стати имели место столь беспрецедентно завышенные оценки противника на текущий тогда момент?! Хорошо, допустим, что они имели право на жизнь. В конце концов, игры для того и проводятся, чтобы рассмотреть даже и виртуальные варианты. Однако еще перед началом игр Тухачевский непонятно почему «выразил пожелание, чтобы еще до начала оперативного времени по игре он мог эти силы (германские) развернуть соответственно принятому им оперативному плану, дабы опередить "красную сторону" в сосредоточении и первым открыть военные действия. Он добивался, следовательно, такой обстановки, которая обеспечила бы противной стороне внезапность наступления»?! Непонятно вот что. Ему же хорошо было известно, что германскому вермахту попросту негде было разворачиваться в тот момент, не говоря уже о том, что нечего было разворачивать. Вермахта как такового, как армии, способной осуществить победоносное нападение, еще не было в наличии. Сама гитлеровская Германия территориально была отделена от Советского Союза буферами. Главный из них — Польша. Она и мысли-то о вхождении на свою территорию германских войск не допускала. Даже ради совместного

нападения на Советский Союз. К тому же Гитлер, не стесняясь, предъявлял серьезные территориальные претензии, не говоря уже о том, что ставил под сомнение даже право на существование независимого польского государства. О каком же совместном нападении даже по условиям игры могла идти речь?! Но тогда спрашивается, какого же, миль пардон.... Тухачевский требовал себе таких приоритетных условий перед началом игры?! Чтобы проверить, что произойдет, если Германия внезапно нападет уже развернутыми силами с польского плацдарма, не задаваясь при этом вопросом, как она овладеет этим плацдармом?! Так, что ли?! Да, именно так! Особенно если вспомнить итоговый вывод «герров генералов» по итогам своей игры — «никакого точного решения относительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в самой Восточной Польше».

Своими требованиями Тухачевский предрешил не только указанный вывод «герров генералов». В сущности-то, он точно смоделировал неизбежность трагедии 22 июня 1941 г. и ее основные черты! Потому как лишь внезапный удар с этого плацдарма всеми заранее развернутыми силами реально мог принести успех! Хуже того. Перед этими играми Тухачевский упорно настаивал на том, что наиболее предпочтительное для германского военного командования направление главного удара — Украинское, начисто отрицая исторически сложившийся «основной маршрут» всех агрессоров с Запада — Белорусское. Вплоть до того, что впоследствии, в собственноручных показаниях следствию указал, что Белорусское направление как направление главного удара — вообще фантастика для Гитлера, ибо такое возможно лишь в том случае, если он «поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву»?! Неужели никогда не слышал и не читал о том, что Гитлер спит и видит, когда он, наконец, сможет уничтожить СССР?! Почему это его упорство в выборе перед играми именно Украинского направления как якобы наиболее предпочтительного для вермахта ровно через год абсолютно точно совпало с его же собственноручными показаниями?! Ведь он же сам прямо так и указал, что во время встречи на похоронах английского короля с германским генералом Рундштедтом (входил в состав германской делегации) последний прямо сказал ему, что «главным театром военных действий, где надлежит готовить поражение красных армий, является Украина»! Почему именно такая переакцентировка в вопросе об определении направления главного удара вермахта? Ведь она же точно совпадает с главным выводом гитлеровских генералов — «никакого точного решения относительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет

разрешен вопрос о создании базы для операций в самой Восточной Польше»!

Такие совпадения не могли быть случайными. Ведь и за год до этого, будучи еще на свободе и даже еще в почете, Тухачевский проповедовал то же самое. То есть апрельские стратегические игры на картах он проводил, уже зная требования германских генералов по организации поражения. В частности, что необходимо сконцентрировать советские войска на Украинском направлении в ущерб обороне белорусского. Собственно говоря, именно поэтому-то во время игр Уборевич и получил мощный удар главными силами противника в свой левый фланг — аккурат на минском направлении. А ведь за «германскую сторону» во время этих игр командовал именно Тухачевский. Кстати говоря, не отсюда ли родом идея гитлеровских генштабистов раздвоить силы группы армий «Центр» — ведь в июне 1941 г. ГА «Центр» наступала по двум направлениям: севернее и южнее Бреста. Причем войскам ее левого фланга помогали соединения правого фланга ГА «Север», а частям правого — левофланговые подразделения ГА «Юг». Именно такой вариант и привел к тому, что Западный фронт СССР в июне 1941 г. рухнул уже на четвертые сутки, а Минск действительно был взят к исходу пятых — началу шестых суток агрессии. А пограничное сражение в принципе было проиграно Красной Армией в течение первых нескольких дней войны.

Если вкратце подвести итог тому, что они на самом-то деле осуществляли во время этих игр, то вывод будет такой. Призванные и поклявшиеся защищать свою Родину — Советский Союз, — они, высшие советские военачальники того времени, в действительности проверяли во время этих игр, как лучше подставить советские войска под скорый разгром германским вермахтом! Для чего четко определили и формулу поражения — чем круче переакцентировка усилий по направлениям (в смысле — кривозеркальном по отношению к истинным направлениям грядущего удара гитлеровцев, особенно главного направления), чем выше уровень задач и исполнителей безумно преступной идеи немедленного встречно-лобового вторжения/контрблицкрига, тем выше, шире и катастрофичней масштабы поражения и разгрома войск Первого стратегического эшелона именно в начальный период войны! Потому что в ходе различных игр они неоднократно убеждались в том, что в любом варианте исполнения «группы вторжения не в состоянии выполнить тех задач, которые на них возлагались на первом стратегическом этапе борьбы»!^[445]

На еще большие подозрения откровенно провоцирует у всех «адвокатов» Тухачевского вызывающая «телячий восторг» якобы проявленная им гениальность в подсчете необходимого гитлеровцам

количества дивизий для успешного нападения на Советский Союз. Что-де он, оказывается, предвидел, какими силами Гитлер нападет на СССР в 1941 г.! В 1936 г. Тухачевский действительно выдвинул идею о том, что-де немцы смогут выставить до 200 дивизий. И это в то время, когда даже по скорректированным планам германского командования армия военного времени должна была насчитывать примерно 102 дивизии! Да и то не ранее начала сороковых годов. С какого потолка он взял цифру в 200 дивизий — даже трудно предположить. Но возможно иное — опереться на некоторые, испокон веку действующие в военном деле аксиомы. Едва ли не от сотворения мира хорошо известно, что максимальный мобилизационный ресурс любого государства ограничивается 10 % от численности его населения, естественно, мужского. Данные о численности населения в СССР в 1936 г. специально возьмем из вышедшей в 1980 г. в Нью-Йорке под названием «Портрет тирана» (С. 253 — 257) книги зоологического антисталиниста — «невинной жертвы» сталинизма и сына «невинной жертвы» сталинизма А. В. Антонова-Овсеенко. Так вот, убедительно демонстрирующий глубинные медицинские последствия зоологического антисталинизма, наследник «невинной жертвы» сталинизма указал, что в то время численность населения СССР была на уровне 156 млн.. человек (по официальным данным — 163,77 млн.. человек на 1 января 1937 г.). Допустим, хотя это и считается неправильным в демографических исследованиях, что ровно половина — мужское население. Допустим лишь для удобства иллюстративного подсчета. Следовательно, 10% — 7,8 млн.. человек мужского пола, которых может выставить СССР по мобилизации, хотя и это грубый подсчет, так как считать надо после вычета численности лиц мужского пола допризывного и непризывного возрастов. Но пусть будет так — всего лишь для облегчения восприятия цифровых данных. Что из этого вытекает?! А то, что для того, чтобы Германия хотя бы на равных вступила в войну с Советским Союзом, ей необходимо было поставить под ружье примерно такое же количество мужиков. Что, кстати говоря, она и сделала — непосредственно перед нападением на СССР германский вермахт, по немецким же данным, насчитывал свыше 7,24 млн.. человек. Так вот в том-то и был весь вопрос — откуда Германия смогла бы взять такое количество искренне желающих бесславно сложить свои дурные головы в борьбе с большевизмом, если численность населения самой Германии в тот период не превышала — даже если по максимуму — 65 млн.. человек?! Опять-таки, вернемся к аксиоме о 10% в специально упрощенном виде. Мужское население Германии — 32,5 млн. человек. Следовательно, 10% — 3,25 млн.. человек. Но ведь прокормить, обмундировать и вооружить (в том числе и всевозможной боевой техникой, а также боеприпасами) такую

армию в середине 30-х гг. Германия не могла. Именно из-за этого-то «герры генералы» непрерывно корректировали свои же только что принятые планы военного строительства. А чтобы сравняться с возможностями СССР, Германии необходимо было, наряду с финансово-экономическими и материально-техническими проблемами, как-то решить и проблему демографических ресурсов.

Тухачевский и эту задачку умудрился решить за них. Во время этих игр рассматривался вариант нападения объединенными германо-польскими силами — примерно 160 германских дивизий, 30 — польских. Откровенно говоря, автору неизвестно, кто и как в германском генералитете воспринял эту подсказку Тухачевского. Однако в 1941 г. в ход был пущена принципиальная схема именно этого варианта, правда, без польских дивизий, которые вермахт вдребезги разнес еще в первой половине сентября 1939 г. Были использованы дивизии фашиствовавших холуев-союзничков Германии. Но в 1936 г. до 1941 г. было еще далеко — целых пять лет. И необходимые для срочного укрепления вермахта глобальные выводы за Гитлера сделали... на Западе, но опираясь на выводы Тухачевского.

Как только в британской разведке проанализировали все данные об осенних 1936 г. стратегических командно-штабных играх «герров генералов», «рыцари плаща и кинжала» **PERFIDIOUS ALBION** сделали глобальное дополнение к своим уже вынашивавшимся на концептуальном уровне планам стратегического и военно-экономического «умиротворения» Гитлера. В них был включен еще и демографический аспект. Это окончательно предрешило начальный азимут Западом же «направлявшейся» так называемой мирной агрессии Гитлера — сначала Австрия, затем Чехословакия. Только там был действительно германский демографический ресурс, радостно изъявлявший желание бесславно сложить свои дурные головы за Третий рейх. Вот тут-то окончательно все сложилось и появилась долгожданная возможность одномоментно решить все, подчеркиваю, все без исключения проблемы, возникшие перед Гитлером и его генералами в подготовке новой войны. От сугубо экономических и финансовых до сырьевых, от территориальных до демографических. Очень скоро Великобритания их и решила в действительности.

3. Установление (восстановление?!) контактов с руководящими кругами русской антисоветской эмиграции, дабы заранее заручиться их поддержкой. После того как Тухачевский проделал первоначальную работу, на этом поприще его опять сменил советский военный атташе в Лондоне — комкор В. Путьна. Пользуясь своим служебным положением, он вплоть до своего ареста в конце лета 1936 г. постоянно встречался с представителями белой эмиграции в Лондоне (в кафе «Ройяль»), пытаясь наладить с ними

взаимопонимание и информируя их о скором военном перевороте в СССР и установлении военной диктатуры^[446]. *[Кстати говоря, не только с ними, но и с германским военным атташе Лео Гейром фон Швенненбургом, с которым обсуждал полученные Тухачевским вопросы.]* В середине июля 1936 г. Путна имел ставшую роковой для него встречу с Н. Скоблиным в доме графини Аттольской. Упомянувшийся выше бывший царский дипломат — Е. В. Саблин — впоследствии письменно подтвердил, что такая встреча действительно имела место, хотя графиня Аттольская наотрез отказывалась признать этот факт, заявляя, что-де она вообще не помнит Скоблина. Между тем генерал появился там как муж своей знаменитой жены — известной в эмиграции певицы Надежды Плевицкой, которая в это время выступила в Лондоне с двумя концертами. О содержании беседы Тухачевского со Скоблиным ничего не известно. Однако учитывая, что всего лишь через месяц — 20 августа 1936 г. — Путна был арестован уже в Москве, едва ли возможно отрицать, что за этим стоит очень серьезная информация, которую не смог «утопить» в недрах своего ведомства даже пока еще на тот момент — нарком внутренних дел Ягода. Кроме того, следует иметь в виду, что встречи Путны со Скоблиным не остались незамеченными британской разведкой. Прежде всего, потому, что как военный атташе СССР, Путна и так находился под неусыпным наблюдением британских спецслужб. Профессиональным разведчиком он не был, в связи с чем мог «засветиться» в мгновение ока. С другой стороны, британская аристократия издавна славится своей склонностью сотрудничать с разведкой. Это как бы норма поведения для британской аристократии. Ну и, наконец, сам Скоблин едва ли был обойден пристальным вниманием со стороны британских спецслужб — его фигура всегда привлекала внимание ведущих европейских разведок, и британская в этом смысле ничем не отличалась от других. Особенно, если учесть ее неподдельный интерес к делам русской эмиграции, в кругах которой Скоблин был очень заметной и влиятельной фигурой.

В данном контексте необходимо учитывать также и следующее. Ряд активных заговорщиков из числа гражданских лиц, используя свое служебное положение в системе Народного комиссариата иностранных дел, поддерживали конспиративные контакты с Троцким и представителями различных кругов Германии. Как правило, большей частью эти контакты осуществлялись почему-то через Чехословакию. Вследствие этого они оказывались под пристальным наблюдением сразу нескольких разведок. Интерес к ним проявляли обе советских, британская, французская, две германских, а также чехословацкая военная разведки и, кроме того, малоизвестная, но очень мощная эмигрантская разведывательная

организация, базировавшаяся в чешском монастыре Святого Яна. Причем следует иметь в виду, что последняя активно сотрудничала со всеми указанными разведками, за исключением, естественно, советских. И пикантность этого характерного для любой эмигрантской организации явления состояла в том, что в любом случае советская разведка точно знала о той информации, которую разведывательная «монастырская братия» передавала своим патронам. К примеру, миновать чехословацкую разведку они не могли, так как статус этой «братии» напрямую зависел от высшего, в том числе и военного руководства Чехословакии. Любая же попытка обойти это обстоятельство, например сотрудничеством с абвером Канариса, автоматически завершалась тем, что вся информация попадала обратно чехословацкой разведке, а та делилась с советской. Потому что, с одной стороны, чехословацкая разведка имела ценнейшего агента в абвере, который сообщал едва ли не все, что касалось безопасности этого маленького государства, с другой — между разведками СССР и Чехословакии официально осуществлялись сотрудничество и информационный обмен по актуальным вопросам. В то время существовал объединенный советско-чехословацкий разведывательный центр ВОНАПО, впоследствии — ВОНАПО-2, который действовал достаточно автономно. Через эти же каналы чехословацкая разведка передавала также и информацию, полученную от британских и французских коллег, а нередко просто негласно ее добывала у них же. Под пристальное наблюдение сразу нескольких разведывательных «микроскопов» попал, в частности, поверенный в делах СССР в Германии Сергей Александрович Бессонов, который поддерживал связь с Трудовой крестьянской партией, с эмиссарами Троцкого и даже — с главой движения судетских немцев — К. Генлейном, которого, кстати говоря, в Германии курировал лично глава абвера адмирал Канарис. Между тем возглавлявший SUDETEN DEUTSCHE PARTEI — НЕМЕЦКУЮ ПАРТИЮ СУДЕТ — Конрад Генлейн одновременно являлся старым приятелем Карла Хаусхофера и доверенным лицом заместителя фюрера по партии — Рудольфа Гесса, также очень близкого Хаусхоферу. Именно Гесс осуществлял прямое финансирование движения судетских немцев. Имена Хаусхофера и Гесса всплывали на московских процессах. Так вот, подавляющую часть сведений о поездках Бессонова в Чехословакию, о его связях и контактах, содержании бесед с различными лицами советская разведка получила непосредственно от чехословацкой разведки, которая очень внимательно приглядывала, в частности, за судетскими сепаратистами. Как на следствии, так и в ходе судебного разбирательства Бессонов полностью подтвердил всю полученную по разведывательным каналам информацию. Кстати, как свидетельствовали

старые чекисты, после смерти Сталина из дела на Тухачевского лично Хрущевым были вырваны многие документы, в том числе и приобщенные к материалам дела документы разведки об этих контактах Бессонова. Недобитый мерзавец-троцкист почему-то очень точно знал, что конкретно надо выдирать из этого дела... Ведь вырваны-то были материалы о поездках Бессонова именно в период, когда доверенное лицо Р. Гесса — Альбрехт Хаусхофер — вел переговоры в Праге. То есть выходит, что Бессонов контактировал с А. Хаусхофером. Более того. Бессонов контактировал и с лидером Трудовой крестьянской партии, бывшим эсером Масловым, которому обеспечил связь с Троцким. Маслов же в свою очередь был связан с лидером судетских сепаратистов Генлейном и проявил серьезную заинтересованность в консолидации всех оппозиционных сил, действующих в СССР, но ориентирующихся на соответствующие круги в Германии.

Под эти же «микроскопы» угодил и ближайший поделщик Тухачевского — Иона Якир. Прежде чем отправиться в упоминавшийся выше вояж во Францию, Якир находился якобы на лечении в Чехословакии. А там, между прочим, чехословацкое руководство уже с апреля 1936 г., если не того ранее, получало информацию из белоэмигрантских кругов о заговоре «товарищей генералов». И не только оттуда.

Поразительно также и другое. Практически все, что говорилось на московских процессах, откровенно муссировалось в зарубежной, в том числе и в эмигрантской, прессе. В частности, преследовавшиеся ими политические и экономические цели, в том числе территориальное расчленение СССР, сдача природных ресурсов Советского Союза в концессию западным державам, реставрация капитализма, возврат к частному землевладению, военный переворот и т. п. Причем, и это самое главное, задолго до того, как заговор был разоблачен, задолго даже до первого московского процесса. Особенно характерны апрельские 1936 г. публикации в эмигрантской печати. Например, в журналах «Знамя России» (печатный орган Трудовой крестьянской партии), «Новая Россия», в «Возрождении». Списать на некую прозорливость зарубежных журналистов, в том числе и из числа эмигрантов, — не получится. Даже принимая в расчет то обстоятельство, что среди них действительно были прозорливые и обладавшие серьезными аналитическими способностями лица. Потому что они демонстрировали не столько свой ум и таланты, сколько точное знание, в том числе и полученное негласным путем. А ум и таланты использовали в основном для того, чтобы скрыть источники своей информации. Пресловутый А. Ф. Керенский, например, опубликовал практически все о программе заговорщиков, но их фамилии, а также автора их программы письменно назвал только после того, как были получены

сведения об их расстреле. То есть выходит, что заговорщики реально имели сильные конспиративные связи с эмиграцией, с представителями различных кругов которой и обсуждали программные цели, планы заговора и свержения Сталина.

Наиболее вдумчивые и объективные исследователи уже давно обратили внимание на то, что «у зарубежных антикоммунистических организаций существовала какая-то своя агентура в СССР, и, судя по некоторым данным, агентура не слабая. Например, 23 — 29.6.37 г. в Кремле прошел пленум ЦК ВКП(б), и поскольку на нем решались вопросы репрессий против большой группы видных партийцев, то даже в архивах ЦК документы о нем оказались представлены в урезанном виде, а единственный экземпляр несокращенной стенограммы потом был найден в «особой папке» Сталина. Но в пражских архивах «Крестьянской России» (речь идет о Трудовой крестьянской партии. — А. М.) обнаружилось полные данные о пленуме, где были перечислены и выступающие, и содержание выступлений. И даже кулуарные разговоры советских вождей, происходившие во время сверхзакрытого пленума! Аналогичные материалы имелись и в РОВСе (возможно, через «Крестьянскую Россию», которая в данный период с ним сотрудничала). В белогвардейские круги поступала исчерпывающая информация о терроре против коммунистических руководителей, — фамилии репрессированных, даты арестов, в чем обвиняются, расклады внутренних взаимоотношений в советской верхушке. В архиве В. И. Бурцева (известный еще с дореволюционных времен разоблачитель полицейской агентуры в рядах революционеров. — А. М.) оказался отражен и ход следствия над некоторыми высокопоставленными большевиками, вплоть до того, кто ведет дело, кто на кого дал показания, ссыла на номера документов. То есть белая разведка имела одного или нескольких агентов в самой верхушке советского руководства. Но кто это был, так и осталось тайной»^[447]. Возьмем еще более острый, имеющий многоаспектное отношение к предмету нашего исследования пример. Со второй половины 20-х гг. под руководством Артузова была начата маловразумительная — по отношению к истинно государственным целям — операция «Тарантелла». Основной ее объект — некто Виктор Васильевич Богомолец^[448], резидент агентурной группы (агент-групповод) британской разведки, сотрудничавший также и со спецслужбами Франции. В. Богомолец занимался сбором и анализом информации о внутренней и внешней политике СССР. Так вот, после всех чисток 1937 — 1938 гг. 4 мая 1939 г. В. В. Богомолец представил своим британским хозяевам очередную информационно-аналитическую записку, посвященную отставке Литвинова и перспективам советской внешней политики. Содержание этой записки

повергает в шок. Богомолец, в частности, писал: «Окончательный и непоправимый удар положению Литвинова нанесло Мюнхенское соглашение... ИНО ГУГОБЕЗА, продолжающее питать Политбюро информацией о международном положении так же, как и Разведупр, наравне с нормальными советскими дипломатическими органами, сообщило через свою агентуру в Женеве, что Мюнхенское соглашение сопровождалось якобы "джентльмен агримент" между Гитлером и Чемберленом, согласно которому... Лондон давал Германии за себя и за Париж гарантию свободы рук на востоке Европы в отношении ее возможных планов, направленных против СССР. Это сообщение ИНО ГУГОБЕЗА (Разведупр вскоре прислал аналогичное сообщение) вызвало особое заседание Политбюро... На этом заседании Сталин резко и определенно заявил, что "вся информация нашего НКВД была попросту дезинформацией" и что "надо сменить головку этого органа, не оправдавшего наших надежд"»!^[449]

Какими же надо было обладать источниками информации, чтобы после всех чисток 1937 — 1938 гг. получить такую информацию непосредственно из Москвы?! Ведь здесь совершенно точно воспроизведено даже выражение Сталина — насчет «головки НКВД»! Советские граждане узнали об этом только из «Ста сорока бесед с Молотовым» Ф. Чуева в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого столетия. Так вот, кто бы теперь объяснил, что же сделал Артузов и его ближайшие помощники в разведке, если, замышляя операцию «Гарантелла», они исходили из того, что «надо попытаться имитировать создание агентурной сети Богомольца в СССР, по каналам которой можно было продвигать нужную нам информацию в Лондон», прекрасно понимая при этом, что «речь пойдет о серьезной политической и экономической информации», а кончилось это тем, что у Богомольца на связи были такие источники информации, что он даже после чисток 1937 — 1938 гг. мог спокойно воспроизводить даже выражения Сталина, сказанные на секретном заседании Политбюро?!

И в заключение следует отметить, что в конце 1936 г. советская внешнеполитическая разведка в очередной раз представила Сталину добытые материалы РОВСа (очевидно, через Н. Скоблина), в которых говорилось, что «в СССР группой высших командиров готовится государственный переворот, а во главе заговора стоит маршал Тухачевский»^[450].

К глубокому сожалению, информация из РОВСа уходила не только в Москву, но и, в частности, в Лондон... И уже 27 января 1937 г. тесно связанный с британской разведкой Черчилль в своем парижском заявлении прямо указал, что троцкисты действуют в тесной координации с германскими фашистами и даже финансируются ими. 28 января 1937 г. это

выступление ярого недруга Советского Союза было опубликовано в центральных советских газетах.

[Для сведения. К указанному Времени У. Черчилль «создал соперничающую с правительственной личную разведывательную сеть», центральной фигурой которой был майор Десмонд Мортон, глава нового отдела МИ-6 — Центра промышленной разведки (Industrial Intelligence Center). Снабжавшие Черчилля мощным потоком секретных данных «кроты» работали как в разведке, так и во многих правительственных департаментах, а также в вооруженных силах^[451]. К тому же за его спиной стояла очень мощная еврейская организация, имевшая странноватое название — «Фокус», в число членов которой входили резко антигермански настроенные видные и влиятельные деятели Великобритании, евреи по происхождению. Любопытно, что эта организация по своей инициативе предложила сотрудничество Черчиллю, и что более всего обращает на себя внимание, весной 1936 года (подробней об этом — чуть ниже)^[452]. Черчилль знал, что говорил.]

1.1. Говоря о причинах, приведших британскую разведку к мысли о необходимости срочно завалить заговор Тухачевского, нельзя не упомянуть и об общей ее осведомленности о положении в СССР, в том числе и в руководящих кругах. С момента привода Гитлера к власти британская разведка крайне резко активизировала свою и без того весьма бурную деятельность против СССР. Круг ее интересов резко расширился. Теперь ее интересовало буквально все. От расстановки сил в высшем политическом руководстве СССР, состояния партийных дел (вплоть до фиксации приездов в Москву из провинции ответственных работников) до взаимоотношений Сталина с ближайшими соратниками. От оппозиционных течений и отношения к ним в партийных низах до сведений о возможных преемниках генсека ЦК ВКП(б). От информации о межнациональных отношениях в стране (с собым выделением украинского вопроса), позиции партийных работников по этому вопросу, в том числе и сепаратистски настроенных лидеров компартий союзных республик, до надежности органов госбезопасности и РККА. В заданиях агентуре на этот счет подчеркивалось, что «это очень важно». Вовсе неудивительно поэтому, что британская разведка едва ли не сразу проведала о том, что в СССР закручивается так называемое кремлевское дело^[453].

Естественно, что в центре внимания были и вопросы внешней политики Советского Союза. Особенно британскую разведку интересовали различные аспекты американо-советских отношений, вопросы европейской политики США и отношение к ней Советского Союза — прошу особо это запомнить, так как впоследствии именно точное знание состояния советско-

американских отношений и позволило Великобритании вырвать у США фактически санкцию на конвертацию провала заговора Тухачевского в сговор с Гитлером. В центре внимания британской разведки была и позиция СССР по всему кругу вопросов, связанных с Германией, в том числе и о предпринимаемых Советским Союзом мерах по предотвращению нагнетания угрозы войны в Европе. Особым приоритетом пользовались вопросы дальневосточной политики СССР. Задания по этой тематике передавались агентуре, как правило, с пометкой «это самое важное» и «нужны абсолютно все мелочи». Более всего интересовали данные о политике Советского Союза в китайском вопросе, прежде всего СИС почему-то была заинтересована в информации по проблемам Китайского Туркестана.

2. Колоссальную роль в принятии окончательного принципиального решения о необходимости срочного заваливания заговора Тухачевского сыграли испанские события, прежде всего тесно взаимосвязанные с ними и предпринятые на их же фоне, согласованные и санкционированные, судя по всему, лично Гитлером действия Ялмара Шахта. Огромное значение имела и оценка роли Советского Союза в испанских событиях на их начальном этапе, главным образом очевидного для Запада двойственного положения, в котором оказалось высшее советское руководство из-за этих событий.

2.1. Осенью 1936 г. Ялмар Шахт сделал удивительный «ход конем». Предложил Великобритании и Франции заключить с Германией широкое соглашение. А за основу взять колониальные и экономические уступки Франции в пользу Германии.

Момент для постановки такого вопроса был выбран на редкость удачно. На фоне «исполнения Германией долга перед западной цивилизацией», выразившегося в прямом пособничестве мятежу Франко в Испании вплоть до направления ему в помощь воинских контингентов и оружия. Разгоревшаяся при активном содействии Англии, Франции, Германии, Италии и других западных стран гражданская война в Испании с невероятной остротой обозначила целый комплекс глобальных проблем. Прежде всего, сам факт гражданской войны в Испании и тем более победа в ней Франко означали бы, что впервые с 1659 г. Франция может потерять всякие гарантии безопасности тыла, то есть со стороны Пиренейского полуострова. Автоматически это означало бы и начало утраты Францией как колониальной метрополией своих связей с колониями, а следовательно, и начало ее же извне ускоряемого падения и как великой державы, удерживающей в Европе «баланс сил» по-британски. Реальность угрозы такого развития событий в еще большей степени затрагивала и саму

Великобританию, которая с 1704 г. привыкла господствовать на Гибралтаре. А одержи поддерживаемый Гитлером и Муссолини Франко победу, то сие означало бы, что под прямую угрозу будет поставлена свобода мореплавания для британского флота. Перспектива и впрямь мрачная, особенно если учесть, что в этом случае свобода прохода через важнейший в системе общемировых морских коммуникаций Гибралтарский пролив будет прямо зависеть от находящегося под влиянием Берлина Франко. Хуже того, это означало бы и катастрофическую угрозу для свободы мореплавания в Атлантике, так как именно атлантическое побережье Пиренейского полуострова в буквальном смысле слова идеальное место для базирования оперирующих в акватории этого океана военно-морских сил и авиации.

Небезынтересно в этой связи отметить, что приведенная выше позиция британского МИДа абсолютно точно совпадала и с мнением МИДа Германии, который именно так и рассуждал: «Заполнение военного и политического вакуума на Пиренейском полуострове означает коренное изменение в положении Франции. Связь Франции с ее колониальной империей станет проблематичной. Гибралтар потеряет свою цену, свобода прохода английского флота через пролив будет зависеть от Испании, не говоря уже о возможностях использовать Пиренейский полуостров для операций подводных лодок, легких морских сил, а также авиации. Европейский конфликт, в котором ось Берлин — Рим будет противостоять Англии и Франции, приобретет совершенно иной вид, если сильная Испания присоединится к оси Берлин — Рим»^[454].

Однако в Лондоне учитывали и возможные негативные последствия также и в случае победы республиканцев. В этом случае, при наличии в Испании правительства Народного фронта, поддерживаемого Москвой, получится, что фактически СССР контролирует этот важнейший в британском внешнеполитическом пасьянсе регион. Хуже того, «баланс сил» резко изменится, и ведущую роль в европейских делах будет играть Франция, которая поддерживается Москвой. Следовательно, это означает не только топор, приставленный к спине любимого Лондоном Гитлера, но и прощание с любыми надеждами на то, что выпестованный Лондоном фюрер когда-нибудь нападет на СССР. Но разве Гитлера привели к власти для того, чтобы потерять такие надежды?

Любой вариант исхода не на шутку разгоревшейся в Испании гражданской войны, если учитывать все задействованные в ней силы, сулил Великобритании преимущественно негативные, в том числе и очень

серьезные последствия. В Лондоне прикинули все варианты и поняли, что ни от одного односторонней для него выгоды не будет. Потому как в случае победы франкистов при поддержке Гитлера и Муссолини каудильо вынужден будет плясать под их дудку, и тогда действительно получится ось Мадрид — Берлин — Рим, против которой Великобритании будет очень трудно устоять. Особенно в Средиземноморье, где проходили основные морские коммуникации, связывавшие Великобританию с ее основными же колониями. Влезать же в гражданскую войну на стороне красных — такое даже в кошмарном сне не снилось британцам. Отдать же красным на откуп события в Испании — тоже нельзя. Выше уже были показаны британские страхи на этот счет.

В направленной Сталину и Ворошилову информации от 31 июля 1936 г. ГРУ указывало: «По сведениям, полученным из Лондона, британское правительство крайне озабочено событиями в Испании. Англичане одинаково опасаются и успеха сил единого фронта (возможность создания советской Испании), и сил фашистов, связанных с Римом — Берлином»^[455].

Более того. Опасаясь активной реанимации торгово-экономического сотрудничества между СССР и Германией, как якобы некоего фактора, который может повернуть Гитлера против Запада, Великобритания активно мешала любым попыткам хоть как-то нормализовать советско-германские торгово-экономические отношения и вернуть их к прежнему, догитлеровскому уровню. Но и Шахт прекрасно понимал, что, лишившись не только традиционного партнера, но и одного из важнейших каналов получения сырья и материалов, Германия буквально задохнется, в том числе и в области военного строительства.

Был и еще один аспект британских страхов, о котором Шахт в то время, возможно, и не знал в полном объеме, но очень скоро, в самом начале 1937 г., оценил в полной мере. Как указывалось выше, руководство Великобритании по донесениям своей разведки прекрасно знало, что в СССР готовится военный переворот в целях установления военной диктатуры. Более того, ему прекрасно было известно; что переворот готовится в рамках двойного заговора — то есть в тесной координации с антигитлеровски настроенными генералами. Хуже того. Было известно, что этот заговор имеет и японскую ветвь, что вообще ужасало бриттов. Причем наличие японской ветви ужасало в любом варианте — что в красном или посткрасном, что при сохранении Гитлера и Муссолини. Дело в том, что в это же время между Берлином и Токио шли интенсивные переговоры о

заклучении Антикоминтерновского пакта, о чем в Лондоне знали. Руководство Великобритании ужасалось при одной только мысли о любом из этих вариантов. В самом деле, ну что хорошего мог сулить **PERFIDIOUS ALBION** вариант оси, например, по извилистой дуге Мадрид — Париж — Берлин — Рим — Москва — Токио?! Причем в любом исполнении — что в красном, что в посткрасном, что коричнево-красном, что черно-коричнево-красном/ посткрасном, что с добавлением японской специфики, короче говоря, действительно в любой вариации. По-любому выходило, что Великобританию отправят на помойку истории, потому как в любом из этих вариантов ей, как «владычице морей» и якобы арбитру в европейских делах, места нет.

Шахт блестяще учел весь этот «пасьянс» британских страхов и пустился во все тяжкие со своим предложением, которое было поддержано Гитлером. В тот период времени Шахт считал самым важным получить доступ к источникам стратегического сырья, ибо как специалист он видел, что ВПК Германии задыхается без этого — даже реокупация Рейнской зоны (операция «Винтерюбинг») в этом смысле мало что дала.

В результате этой «смирной» агрессии Германии Гитлер смог вернуть в хозяйственный оборот германского государства производство 2,67 млн. т чугуна, 3,23 млн. т стали, 20,2 млн. т каменного угля. Кроме того, этот регион отличался высокоразвитым сельским хозяйством. К этому шагу Гитлера подтолкнула непосредственно Великобритания — французская разведка уже тогда точно установила, что именно Великобритания порекомендовала Гитлеру срочно пойти на реокупацию Рейнской зоны. Дело в том, что 8 марта 1936 г. в законную силу должны были войти многократно упоминавшиеся выше франко-советский и советско-чехословацкий договора о взаимопомощи в отражении агрессии. При условии, что еще действовали Локарнские соглашения, то в случае любой попытки Германии влезть в Рейнскую зону, по совокупности своих международных обязательств Великобритания, как главнейший гарант соблюдения Локарнских соглашений и союзник Франции, неизбежно оказывалась обязанной предпринять прямые, в том числе и военные, контрмеры против Германии. Нотой от 3 марта 1936 г. Франция официально известила Великобританию, что в случае попытки Германии реокупировать Рейнскую зону Франция ответит серьезными военными мерами. Официальный Лондон, прекрасно знавший о том, как и чему он «научил» Гитлера, проинформировал Францию, что ответ даст не ранее 9 марта. А «научил» он фюрера следующему: сначала в одностороннем порядке

аннулировать германские обязательства по Локарнским соглашениям, желательно непосредственно накануне вхождения в силу тех договоров, и в тот же день ввести свои войска в Рейнскую зону. То есть поставить мир перед свершившимся фактом. Что Гитлер и сделал 7 марта 1936 г. Франция же, в ожидании ответа Лондона, не привела свои войска в боевую готовность. Соответственно по факту все стороны развели руками и стали «мириться» со сложившейся обстановкой. Тем более что Великобритании хорошо было известно, что Франция в принципе не желает даже и думать о войне с Германией. Уведомление же Гитлера о полностью безнаказанной возможности осуществления такого агрессивного акта тогда произошло по линии: британский король Эдуард VIII — его германские кузены Филипп Гессенский и Карл Эдуард герцог Саксен-Кобург-Готский — Гитлер, а также по линии связи Уинтерботэм — де Ропп — Розенберг — Гитлер^[456] (был и еще один канал, о котором скажем чуть ниже).

Почти весь день 7 марта Гитлер пребывал в трансе, опасаясь тяжелых последствий операции «Винтерюбинг». Во второй половине дня ему доставили срочную телеграмму за подписью германского посла в Лондоне Леопольда фон Гоша, прочтя которую фюрер с облегчением выдохнул: «Наконец-то! Король Англии не будет вмешиваться. Он держит свое слово»^[457]. Вы только вдумайтесь, что же на самом-то деле ляпнул Гитлер! Не Англия не будет вмешиваться, а король Англии не будет вмешиваться! Он, видите ли, держит свое слово! «Джентльмен», мать его... Значит, все договоренности насчет этой первой «мирной» агрессии Гитлера были достигнуты именно с королем Эдуардом VIII! Даже не с правительством, а именно же с королем! Он лично дал слово Гитлеру, что никаких, тем более военных, санкций в отношении Германии не последует! И сдержал свое слово! А Гитлер с потрохами его выдал!

Надо отдать должное профессионалам из британского МИДа — они всерьез призадумались над тем, почему и зачем Шахт вышел с таким предложением. Причина настороженности проистекала из того обстоятельства, что в Форин Оффисе прекрасно помнили, что, когда Гитлера приводили к власти, он заявлял: «Дайте мне четыре года, и я буду готов к войне». Но прошло почти четыре года, и коричневый шакал принимает новую программу экономической подготовки к войне, рассчитанную также на четыре года. Естественно, встал вопрос не только о том, что задумал Гитлер, но и более принципиальный для Запада, в том числе и для Великобритании, — когда же этот коричневый шакал будет готов к нападению на СССР?! Ведь Запад видел, что он не успевает, в то время как Советский Союз на всех парах стремится вперед и вверх.

Все это в совокупности составило одну из решающе ключевых мотиваций, приведших руководство Великобритании к окончательному выводу о необходимости срочного заваливания заговора Тухачевского как фактически единственного шанса избавиться от мучивших официальный Лондон страхов. А параллельно решить и весь комплекс вопросов и проблем, связанных с подготовкой Германии к войне против Советского Союза. Более того. Это же явилось главным импульсом к тому, что провал заговора Тухачевского был конвертирован в Мюнхенский сговор с Гитлером чисто экономическим образом. Об этом свидетельствует суть и поныне малоизвестного предмюнхенского сговора с Гитлером, о чем речь еще впереди. Фактически Шахт этим предложением подтолкнул Великобританию действовать именно в этом направлении. И вовсе не случайно, что, пока профессиональные дипломаты настороженно молчали, неожиданно восторженный интерес к этому предложению Шахта проявил формально далекий в тот момент от внешнеполитических дел канцлер казначейства, то есть министр финансов, а в скором будущем еще и премьер-министр Великобритании, и главный виновник Мюнхенского сговора — Невилл Чемберлен. А его активно поддержал главный в тот момент специалист по «экономическому умиротворению» — глава экономического отдела МИДа Великобритании Ф. Лейт-Росс.

Оба настояли не просто на встрече с Шахтом, а именно на неофициальной встрече для обсуждения его предложения. Восторженный интерес к этому предложению Шахта неожиданно проявил также и военный министр Франции, а в недалеком будущем также премьер-министр и соучастник Мюнхенской сделки с Гитлером — Эдуард Даладье. Даладье даже стал напрашиваться на эту встречу.

Самое интересное состоит в том, что в указанный момент Даладье уже знал о заговоре советских военных и готовящемся военном перевороте и потому вместе с французским Генштабом отчаянно противился даже тени намека на попытку инициировать переговоры между Генштабами СССР и Франции. Кстати, знал он не только от французской разведки. Как еще убедимся, именно в декабре 1936 г. президент Чехословакии Бенеш проинформировал об этом сына премьер-министра Франции Леона Блюма, а тот — отца, который соответственно проинформировал Даладье как военного министра, коль скоро речь шла о заговоре военных в государстве, с которым у Франции был заключен договор о взаимопомощи в отражении агрессии. И этот же Даладье 17 декабря 1936 г. на заседании Комиссии по военным делам сената Франции как военный министр высказал слишком уж многозначительное замечание. Приняв участие в обсуждении вопроса о

новой военной доктрине стран, в том числе и о роли нового тогда рода войск — танковых, будущий мюнхенский поделщик Н. Чемберлена и Гитлера заявил следующее: «...Никто никогда не видел, как действуют в боевых условиях пресловутые германские бронированные дивизии... Я допускаю, что этот вид оружия создан для ведения подвижной войны в равнинной местности. Возможно, при этом имелись в виду Украина, Польша, Чехословакия...» Комментарии, надо полагать, излишни.

2.2. Что касается роли Советского Союза в испанских событиях на их начальном этапе и главным образом очевидного для Запада двойственного положения, в котором оказалось высшее советское руководство из-за этих событий, то речь вот о чем.

В течение августа 1936 г. «выяснилось, что положение республиканского правительства действительно катастрофическое. Испания нуждалась буквально во всем: в продуктах питания, нефти, медикаментах, товарах широкого потребления. Армии, если ее еще можно было называть армией, требовались оружие, боеприпасы, самолеты, танки, даже летчики и танкисты. Поэтому в самом начале сентября перед советским руководством встала острейшая необходимость принять очень сложное, но крайне нужное решение, не терпящее ни малейшего отлагательства. Следует ли отказаться от невмешательства и срочно оказывать помощь республиканцам всем тем, в чем они испытывали нужду, или же остаться, как Франция и Великобритания, на принципах декларации 23 августа (о невмешательстве в испанские события. — А. М.).

Сущность дилеммы, вернее — задачи, казалось, не имевшей решения, заключалась в следующем. Придерживаться взятых ранее обязательств однозначно означало предать народный фронт в самую трудную для того минуту и обречь его на неминуемое и близкое поражение. Тем самым заодно дискредитировать ту самую идею народного фронта, выработать и отстаивать которую как принципиально новую стратегию Коминтерна ВКП(б) и СССР стоило группе Сталина немалых усилий. Отстранившись от республиканского правительства Испании, узкое руководство лишь подтвердило бы правоту своих оппонентов — тех, кто решительно выступал против создания «внеклассовых» народных фронтов, настойчиво утверждал с конца 1934 г., что лишь пролетарская революция сможет остановить наступление фашизма, предотвратить новую мировую войну. Следовательно, оставшись на позиции невмешательства, Сталину, Молотову, Литвинову пришлось бы очень скоро открыто признать: ошибались они, а их идеологические противники — Троцкий, Зиновьев, Каменев — оказались

правы. После вполне предсказуемого поражения испанских республиканцев группе Сталина пришлось бы признать и то, что именно она, несмотря на критику, выработала и провела в жизнь в корне неверный, даже преступный курс: и во внешней политике — борьбу за создание народных фронтов, заключение союзных договоров с Францией и Чехословакией, и во внутренней — прежде всего разработку проекта новой конституции. Предавая Испанскую республику, группа Сталина совершила бы политическое самоубийство. Но то же для нее означало и поступать, следуя примеру Италии, Германии, Португалии. В таком случае узкому руководству пришлось бы открыто вернуться на позиции пролетарского интернационализма, революционной солидарности, признать, опять же перед всем миром и собственной оппозицией, что прежняя политика Кремля фактически была обманом, всего лишь тактическим маневром, призванным ввести в заблуждение «доверчивые» демократические страны. И официально дезавуировать все прежние заявления... Любое из двух возможных решений не предвещало ничего хорошего и грозило неизбежной — пусть далеко не сразу — полной сменой руководства. Разумеется, узкого. И все же либо Сталину одному, либо вместе с кем-либо (может быть, с проводящим вместе с ним отпуск Ждановым) удалось найти единственно приемлемое в данном случае решение... при котором оказывалась возможной помощь республиканской Испании и одновременно сохранение властных полномочий узкого руководства. Мало того, найденное решение позволяло продолжить дальнейшую борьбу за политические реформы»^[458]. 29 сентября 1936 г. было принято сверхсекретное решение Политбюро ЦК ВКП(б) — об оказании всесторонней помощи Испанской республике через третьи страны, в том числе и о реэкспорте через третьи страны оружия, боеприпасов и боевой техники без советской маркировки, а также о направлении в Испанию добровольцев^[459].

Беда заключалась в том, что об этом решении достаточно быстро узнала британская разведка. Как уже указывалось выше, в секретариате члена Политбюро А. И. Микояна действовал ценный агент британской разведки, который, к слову сказать, передавал в основном информацию мобилизационного характера. Не говоря уже о том, что и по каналам белоэмигрантских разведок информация также «уплыла» за границу. Хуже того. По сию пору многие из так называемых демократических историков без устали ёрничают по поводу того, что бывшему начальнику знаменитого на Лубянке Спецотдела Глебу Бокию при аресте в 1937 г. предъявили необоснованное обвинение, в том числе и о выдаче британской разведке секретных кодов НКВД и ГШ РККА. Однако ёрничать надо над самими этими бандерлогами тупого, зоологического антисталинизма. Потому как в

анналах истории мирового радиоэлектронного шпионажа сохранился смертельный для их идиотских сказок факт: начиная с 1937 г. британская разведка не без удовольствия читала едва ли не всю шифропереписку между Москвой и республиканским правительством Испании. Получить же доступ к шифропереписке такого уровня можно было, только предварительно заполучив агентурным путем шифры, которыми обслуживалась переписка центрального руководства. Прямой доступ к этим шифрам имел только Бокий — именно в его руках находилась вся эта система. И именно ему, Бокию, подчеркиваю, было предъявлено обвинение в выдаче секретных кодов НКВД и ГШ РККА британскому разведчику Ярдли. Так что свою плюю он получил вполне заслуженно. И нечего тут ёрничать.

Для Великобритании настал своего рода Момент Истины. Любой из вариантов решения советским руководством упомянутой выше дилеммы автоматически означал реализацию на практике тех негативных прогнозов, которые и так родились у британских аналитиков. Хуже того. Появился еще и третий вариант этих негативных прогнозов, поскольку в Лондоне были хорошо осведомлены о действиях антисталинской оппозиции. В представлении Лондона это был наихудший сценарий развития событий. Если внутренняя антисталинская оппозиция, прежде всего ее военное крыло в лице заговора Тухачевского и К°, осуществила бы в такой ситуации военный переворот и захватила бы власть в СССР, то, учитывая, что вся оппозиция действовала под идейным руководством и по директивам Троцкого, сторонники которого с невероятным «революционным энтузиазмом» стали бузить и в Испании, то получился бы одновременный захват власти троцкистами и в СССР, и в Испании^[460]. Соответственно оценки западных экспертов свидетельствовали, что такой сценарий развития событий грозит еще большими негативными геополитическими последствиями для Запада, прежде всего для Великобритании. Проще говоря, в таком случае угроза подобных негативных последствий возросла бы на порядки. В итоге выходило, что и по этим соображениям завалить заговор Тухачевского представлялось для Лондона делом первоочередной важности.

3. Роль своеобразного хлыста, сильно подстегнувшего принятие окончательного принципиального решения о необходимости срочного заваливания заговора Тухачевского, сыграли некоторые события и в целом ситуация на Дальнем Востоке, прежде всего на японском азимуте.

Особое значение в этой связи приобрел подписанный 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией Антикоминтерновский пакт. Официальной целью этого пакта объявлялось сотрудничество в борьбе против

Коминтерна. Пакт состоял из трех статей, «Протокола подписания» и секретного приложения. Стороны обязывались информировать друг друга о деятельности Коминтерна, вести борьбу против него и приглашали третьи государства «принять оборонительные меры в духе этого соглашения или присоединиться к настоящему пакту». «Протокол подписания», в свою очередь, обязывал стороны принимать суровые меры... против тех, кто внутри или вне страны прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического Интернационала. Казалось бы, все однозначно — соглашение направлено против Коминтерна, под чьим именем все однозначно должны понимать СССР. В целом оно так и было понято в мире, в том числе и в СССР. Во всяком случае, внешне все мировые силы демонстрировали именно такое понимание. Тем более что все знали о конкретной антисоветской направленности секретного приложения.

Однако слишком явное «в этом мире бушующем», как правило, несущественно, ибо тайная сущность вещей действительно не видна. Так оно и было в действительности. Под вывеской антикоминтерновской направленности скрывалась истинная, англосаксонская ориентированность. Это не стало секретом ни для Лондона, ни для Вашингтона. Тем более это не было секретом для Москвы. О Берлине и Токио уж и говорить не стоит — эти и так знали, что и против кого делают.

При обмене нотами, в связи с парафированием Антикоминтерновского пакта, как германская, так и японская стороны начисто дезавуировали якобы очевидный антисоветский смысл только что подписанного документа. В представленной за подписью И. Риббентропа японскому послу германской ноте, например, говорилось: «В связи с подписанием Дополнительного секретного соглашения к Соглашению против Коммунистического Интернационала я имею честь сообщить Вам, Ваше превосходительство, что германское правительство рассматривает договора, существующие между германским рейхом и Союзом Советских Социалистических Республик, в частности, Рапалльский договор 1922 г. и Пакт о нейтралитете 1926 г., как не утратившие силу и не противоречащие духу этого соглашения и вытекающих из него обязательств». Японской же нотой, врученной Риббентропу послом Японии в Берлине, германское правительство было поставлено в известность о сохранении в силе ранее подписанных японо-советских договоров и соглашений.

То есть этими нотами обе стороны фактически де-юре дезавуировали антисоветский характер и самого пакта, и секретного приложения к нему. Но одновременно не только четко обозначили и так уже выпирающую антианглосаксонскую направленность пакта, но и, походя, бросили жирную

ть на Москву. Потому как такие реверансы в ее сторону, сделанные к тому же в дипломатической переписке не с ней, а между собой, давали обильные основания для серьезных подозрений. В том числе и в том, что подобное было осуществлено чуть ли не с ведома либо самой Москвы, либо лидеров антисталинский оппозиции, попросивших учесть их готовность ликвидировать Коминтерн. Естественно, что в Лондоне и Вашингтоне быстро узнали как о самом факте обмена такими нотами, так и об их содержании. Заключение Антикоминтерновского пакта было воспринято руководством британской дипломатии с явным неудовольствием.

Оформленный как Антикоминтерновский пакт, геополитический альянс между Германией и Японией действительно не был неожиданностью для Великобритании. Сознавая огромную роль идей Карла Хаусхофера в геополитическом пасьянсе Гитлера, официальный Лондон в принципе давно ожидал подобного поворота событий. Более того. В какой-то мере Лондон даже подталкивал такое развертывание событий. Потому как в планы Великобритании входило уничтожение Советского Союза в рамках сценария двухфронтowego нападения — то есть руками Германии и Японии. Ибо ни Германия, ни Япония в одиночку не справились бы с гигантом на Востоке. Именно поэтому-то один из высокопоставленных британских подонков — лорд Ллойд, — совершенно не стесняясь в выражениях, заявил: «Мы предоставим Японии свободу действий против СССР. Пусть она расширит корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири. Мы откроем Германии дорогу на Восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии на Восток»^[461]. Не скрывая, он подчеркнул, что такая стратегия призвана отвлечь Японию и Германию от Великобритании, но держать СССР под постоянной угрозой вооруженного нападения.

Однако все это британских планов «громатье» вдруг наткнулось на вдохновляемый Троцким военно-геополитический заговор антисталинский оппозиции, лидеры которого уже сговорились со своими конфидентами в Германии и Японии о территориально-экономических уступках в пользу последних в обмен на поддержку усилий заговорщиков по захвату власти в Советском Союзе. В том числе и в ситуации ими же организованного военного поражения. Бешенству Великобритании просто не было предела. Выходило, что вдохновляемая вконец «сошедшим со всяких катушек» от зоологического антисталинизма Троцким оппозиция в СССР откровенно угрожала глобальным интересам **PERFIDIOUS ALBION!** Прежде всего, по сраиванию СССР и Германии (при поддержке Японии) в смертельной схватке на взаимное уничтожение! Да еще и пыталась вести двойную игру,

заигрывая одновременно и с западными «демократиями», и со своими конфидентами в Германии и Японии! Причем и там, и там подсовывая одну и ту же программу, в которой непременно фигурировал и пункт о ликвидации Коминтерна! Можно только догадываться о том, что предполагали аналитики британской разведки, обратив внимание на такое совпадение. Ведь Троцкий тоже на всех углах вопил о необходимости роспуска Коминтерна. Ведь он же создал свой, IV, Интернационал.

Своим заговором оппозиция подрывала саму идею укрепления и расширения британского (англосаксонского) мирового господства. Ведь лорды-то планировали впоследствии раздавить Германию и Японию после того, как они измотают и ослабят себя в борьбе с СССР, чтобы нахапанное ими, особенно территориальные «приобретения», присвоить себе в порядке «законного трофея» и тем самым укрепить и расширить свое мировое господство. Но о чем можно было мечтать, если оппозиция столь лихо раздает территориально-экономические уступки британским «шестеркам»?! Деля при этом шкуру не столько даже неубитого медведя, сколько то, на что уже давно положил свой алчный глаз Запад. Запад никому не прощает такого.

В негодование Великобританию и в целом англосаксонский Запад свергли еще и такие, как предшествовавшие заключению Антикоминтерновского пакта, так и сразу последовавшие за ним, события.

Под конец 1936 г. в Японии резко активизировались евразийские силы, группировавшиеся вокруг принца Фумимаро Коноэ — ярого противника англосаксов, но убежденного сторонника проповедовавшей Карлом Хаусхофером идеи «континентального блока», сиречь геополитического альянса Берлин — Москва — Токио. Отличительной особенностью евразийских взглядов Коноэ было то, что он ориентировался на союз с СССР не как со «страной Коминтерна», а как с ориентированной против Великобритании и США континентальной данностью евразийства. Именно такой подход он считал одним из наиважнейших залогов успеха в создании «единой сферы сопроцветания Великой Восточной Азии» — главной тогда геополитической цели японской империи. Во внутренней же политике Коноэ был сторонником гомогенизации (приведения в однородное состояние) политической структуры Японии вокруг одной вертикали, фактически на грани известного по европейской ситуации того времени принципа «один народ — один рейх — один фюрер». И вот для интеллектуального обслуживания действий по прорыву во власть такого политического деятеля Японии в том же самом ноябре 1936 г. было создано «Общество Сёва Кэнкюкай» (Исследовательская ассоциация Сёва). Своего

рода «мозговой трест» группировавшихся вокруг Коноэ японских евразийцев. Только один этот факт уже вызывал серьезные подозрения. Ведь несколькими месяцами ранее, после подавления в Японии февральского (1936 г.) мятежа молодых офицеров, уже тогда всеми оценивавшегося как очевидно способный консолидировать все политические силы страны, Коноэ наотрез отказался возглавить правительство Японии, осмелев пренебречь пожеланием самого императора, что в Стране восходящего солнца вообще не принято. Естественно, что эксперты британской разведки задались вопросом: почему за несколько месяцев до этого Коноэ отказался от лестного предложения императора, но как только был подписан Антикоминтерновский пакт, вдруг стал столь интенсивно готовиться к броску во власть, что даже создал при себе специальную Исследовательскую ассоциацию?! Британские эксперты обратили внимание также и на такие обстоятельства. Во-первых, на то, что это совпало и с резкой активизацией внутри СССР антисталинского заговора, лидеры которого при пособничестве Троцкого вступили в конфиденциальные отношения как с представителями Германии, так и Японии, обещая им ряд желанных уступок. Для англосаксов это было принципиально. Коноэ был убежденным сторонником южного направления японской экспансии. А это означало удар по британским позициям в Азии. В условиях международной ситуации второй половины 1936 г. это не предвещало ничего хорошего. Возьмите, к примеру, географически далекие от Японии испанские события во всей многоаспектности их негативных последствий, о чем говорилось выше. Приплюсуйте к ним оформленную в виде Антикоминтерновского пакта антианглосаксонского характера ось Берлин — Токио, за месяц до которой была создана еще и ось Берлин — Рим. Затем приплюсуйте реальную угрозу превращения последней в трио — Берлин — Мадрид — Рим. Добавьте вытекающую из этого серьезную угрозу столкнуться с целой группой осей. От дуэта Берлин — Рим и Берлин — Токио и трио Берлин — Мадрид — Рим до реальной угрозы скорой трансформации в расширенный континентальный блок по дуге Мадрид — Берлин — Рим — Москва — Токио. Складывавшееся таким образом геополитическое уравнение было не просто сложным для Великобритании. Оно отчетливо грозило испокон веку страшившим Великобританию итогом — превращением в третьестепенный островок где-то на задворках Европы. Когда подобная ситуация случилась в первый раз, то Великобритания психанула, что называется, по полной программе. Тогда психоз вызвала последовательно складывавшаяся ситуация с заключением франко-германского (Висбаденского) соглашения 1921 г., советско-германского (Рапалльского) договора 1922 г., советско-китайского (Пекинского) договора 1924 г., советско-японского договора 1925

г. В конце концов, она стала смахивать на некую неподконтрольную Великобритании геополитическую конструкцию. Уже тогда Великобритания устрашала себя призраком будущего сговора Берлина, Москвы и Токио, чему очень способствовало издание книги британского журналиста Э. Гаррисона «Красная камарилья». Естественно, что она занялась проблемой глобального противодействия складывавшемуся, как ей не к месту грезилось, континентальному блоку Германии, СССР и Японии. Так появились выпустившие на свободу «дух войны» Локарнские соглашения. В ответ Советский Союз заключил с Германией договор о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г.

Парируя действия СССР, Великобритания уже тогда стала подталкивать наиболее горячие головы в Европе к вооруженному нападению на СССР консолидированными под британской эгидой силами, пытаясь завлечь в реализацию таких планов в том числе и недружественно настроенные по отношению к Советам силы внутри Германии. Наивысшей тогда точки психоз Великобритании стал достигать в тот момент, когда, начиная с весны 1926 г., поползли слухи о возможном заключении некоего континентального блока между Германией, СССР, Китаем и Японией. А окончательно в апогей психоз выскочил, когда с такой же идеей в 1927 г. вышел и влиятельнейший политический деятель Японии того времени мэр Токио, виконт Гото Симпей^[462].

Очередной ответ Великобритании был внушителен. Это и резкое обострение обстановки вокруг СССР — 1927 г. так и вошел в историю советского государства как год военной тревоги (при одновременной резкой активизации внутренней оппозиции, вплоть до попытки государственного переворота). Это и не без содействия британской разведки устроенная в Китае руками Чан Кайши резня коммунистов. А предварительно был устроен налет китайской полиции на советское консульство в Харбине. И это еще и так называемый меморандум Танаки, в котором якобы четко были обозначены агрессивные планы Японии в отношении СССР. Только в наши дни специалистам по истории Японии удалось, наконец, достоверно доказать, что этот документ — фальшивка. Конечно, с абсолютной уверенностью утверждать, что это дело рук британской разведки, — пока еще затруднительно. «Старая лиса» настолько изворотлива, что крайне редко оставляет даже косвенные следы. Тем не менее следует отметить, что именно в то время — начиная с конца 1926 г. — послом Великобритании по особым поручениям в Китае был уже упоминавшийся ранее заместитель британского министра иностранных дел по разведке Майлз Локкер-Лэмпсон. И уж если он приложил руки к провоцированию Чан Кайши на резню коммунистов, то что ему стоило пойти на документальную

провокацию ради столь желанного для Лондона резкого обострения отношений между Москвой и Токио?! Дабы более не возникала столь страшившая **PERFIDIOUS ALBION** идея континентального блока Германии, России (хоть советской, хоть не советской) и Японии?! А чтобы не возникал и китайский аспект этой идеи, в 1929 г. был спровоцирован еще и вооруженный конфликт Китая с СССР (на КВЖД).

События конца 1936 г. убеждали бриттов, что происходит нечто аналогичное, но требующее еще более массивного ответа.

Во-вторых, внимание привлекло и то, что изложенное выше произошло на фоне резкого всплеска просоветских симпатий в вермахте, тем более что они последовали после упоминавшегося выше пребывания Уборевича на военных маневрах в Бад-Киссингене. Не обошли вниманием британские аналитики разведки и тот факт, что вскоре после тех маневров в германском Генеральном штабе состоялись уже упоминавшиеся выше стратегические командно-штабные игры на картах. Естественно, что их внимание привлек и тот факт, что для участия в маневрах и играх в Германию был вызван ее военный атташе в Японии — полковник Ойген Отт, наблюдение за которым в Токио показало, что он тесно связан с хорошо известным британской разведке Рихардом Зорге. И вот тут мы сталкиваемся с одной из крупнейших загадок XX в. — ролью Зорге в мировом раскладе сил, в том числе и тройственном заговоре. Говорить об этом очень сложно, но необходимо. Потому что именно его неоднозначная во всем фигура, с одной стороны, в немалой степени вызывала приступы психоза Великобритании насчет континентального блока; а с другой — провоцировала серьезное недоверие Москвы к результатам его деятельности как разведчика. Увы, но оснований для этого предостаточно. И все они в основном кроются в контрразведывательной составляющей разведывательной миссии Р. Зорге в Японии. Обычно такие детали не учитывают. Куда приятней рассуждать о непонятом и незаслуженно игнорировавшемся легендарном разведчике, геополитике, выдающемся ученом-японисте (кстати, и синологе тоже). Никто и не собирается покушаться на выдающиеся таланты этого незаурядного человека. Однако спустя шестьдесят с лишним лет со дня его гибели в японских застенках, очевидно, пора уже трезво посмотреть и на теневые стороны его разведывательной деятельности. А они, к глубокому сожалению, таковы, что, еще не придя в советскую военную разведку, Р. Зорге уже был на примете... в британской разведке. Впервые с британскими спецслужбами он «познакомился» еще в 1929 г. во время пребывания в Англии по линии Коминтерна, где контактировал с представителями Англо-

русского комитета профсоюзов, который, как известно, весной 1929 г. провел всеобщую забастовку протеста против политики правительства. Зорге был задержан британской полицией^[463]. «Это сыграло решающую роль, и после двукратного откладывания решения о том, где ему надлежит работать, 16 августа 1929 г. его исключили из списка работников Западно-Европейского бюро Коминтерна и откомандировали в распоряжение ЦК ВКП(б)^[464]. Именно в это время он оказывается в советской военной разведке. Свыше сорока лет считалось, что в том заслуга тогдашнего шефа ГРУ — Я. Берзина. Сейчас с документальной точностью установлено, наконец, что в советскую военную разведку Зорге напросился сам, причем с конкретной программой деятельности... по Китаю! Причем будучи еще в Англии, где при помощи своей первой жены — Кристины — познакомился с резидентом ГРУ в Германии Константином Михайловичем Басовым^[465]. Письмами от 9 и 16 сентября 1929 г. Басов сообщил в Центр не только о необходимости привлечения Зорге к разведывательной работе, но и изложил целую программу его использования в Китае, автором которой был сам Р. Зорге. Предложение было принято, и вскоре Зорге уже в Китае. И едва ли не с порога опять попал если и не полностью «под колпак» британской разведки, то, по крайней мере, под пристальное ее наблюдение. Среди его ближайших друзей в Китае была знаменитая в те годы левая по своим взглядам американская журналистка — Агнесс Смедли. Именно она в немалой степени способствовала разведывательным успехам Зорге в Китае. Причем, и это надо прямо указать, на знакомство и установление с ней дружественных отношений Зорге был ориентирован непосредственно руководством ГРУ.

Агнесс Смедли давно находилась под очень пристальным вниманием британской разведки — как центрального аппарата, так и регионального подразделения в лице ее Индийского бюро. Потому что она была сильно замешана в левых интригах с индийскими националистами в Германии, где многие из них искали не только сочувствия, но и поддержки. А Смедли, наряду с сотрудничеством с американскими печатными СМИ, работала и наряд германских газет. Под конец 20-х гг. интересы А. Смедли сместились на Китай, где она также установила серьезные связи с антиколониальным подпольем, в том числе и в зоне британского влияния. И опять угодила под пристальное внимание резидентуры британской разведки. В одной из своих первых корреспонденций из Китая она описала ситуацию вокруг нее, как ей четко объяснили ее же коллеги-журналисты: «На юге (Китая. — А.М.) особенно сильна британская разведка. Можете быть уверены, что ей точно известно, когда вы прибыли в Китай, и все остальное о вас тоже, вплоть до того, как часто вы меняете нижнее белье»^[466]. У британской разведки в

Китае действительно были колоссальные возможности, и все, что было связано с А. Смедли, плотным потоком оседало в досье на нее. Зорге же быстро установил тесные отношения с А. Смедли в Китае и, абсолютно не скрываясь, контактировал с ней. Британская разведка имела все основания усматривать за этим не только творческим союзом двух талантливых журналистов некое проявление германо-американского содействия Советам в антибританской деятельности на китайском плацдарме. В данном случае следует иметь в виду, что и А. Смедли, и Р. Зорге уже тогда активно сотрудничали со знаменитым журналом «Zeitschrift for Geopolitik» К. Хаусхофера. К тому же Зорге работал под своим настоящим именем, и, следовательно, установить, что ранее задерживавшийся в Англии известный функционер Коминтерна и активист германской компартии Рихард Зорге и германский журналист в Китае Рихард Зорге — одно и то же лицо, не представляло особого труда. В Германии у британской разведки также была нехилая агентура, особенно в полицейских органах, тем более что из-за своей деятельности в Коминтерне Зорге стал объектом особого внимания и полиции Веймарской Германии. В силу этих обстоятельств уже в период китайской командировки Зорге находился под пристальным наблюдением британской разведки. Между тем Великобритания крайне нервозно воспринимала любые шаги СССР, Коминтерна и США на китайском направлении и вообще на азиатском азимуте. А Зорге, кстати сказать, несмотря на то, что дистанцировался от Коминтерна, один раз в Китае все же был вовлечен в деятельность бывших соратников по партийному подполью в связи с делом Ноуленса (Рудника), что поставило его на грань провала, тем более что даже руководство службы безопасности компартии Китая и то проведало о его разведывательной миссии и даже о статусе резидента!? Более того. Бросалось в глаза британской разведке и такое обстоятельство. Ее данные свидетельствовали, что на китайском плацдарме сосредотачиваются как громадные силы Коминтерна, советской разведки и дипломатии, так и просоветски настроенные представители Германии. Особую тревогу вызывали данные о том, что это представители ее военных кругов во главе с генералом Гансом фон Сектом, который в то время являлся германским военным советником у Чан Кайши.

В свете упоминавшихся геополитических страхов Великобритании насчет континентального блока, в том числе и с участием Китая, нетрудно представить себе те далеко идущие выводы, которые, очевидно, и сделала британская разведка из этих фактов. Она тем более не могла не сделать далеко идущих выводов, если учесть, что в Китае Зорге появился под руководством лица, издавна хорошо знакомого как британским спецслужбам, так и впоследствии контрразведкам многих стран, в том числе

и нанкинского правительства, — Улановского Александра Петровича (настоящие Ф. И. О. — Хаскелевич Израиль). Бывший анархист Хаскелевич еще до революции бежал из ссылки в Туруханском крае за границу и более двух лет провел в Англии, Франции и Германии. В начале 20-х гг. работал разведчиком-нелегалом в Германии. Затем вплоть до 1928 г. в Профинтерне, в качестве представителя которого побывал в командировках в Германии и Китае, и везде «засветился». С 1928 г. вновь в военной разведке. При выезде в Китай в качестве резидента и куратора Зорге очень быстро в очередной раз провалился и вынужден был покинуть страну уже в 1930 г. В том же году был направлен резидентом в Германию, где также быстро провалился. Хаскелевич очень хорошо был известен британским спецслужбам. И в период работы Зорге в Японии, куда он уезжал, обреченно зная, что бритты «сидят» у него «на хвосте», Хаскелевич в очередной раз, но на этот раз уже по-крупному «засветил» Зорге во время своего очередного провала в Дании, вошедшего в историю ГРУ как копенгагенский.

Когда Зорге в срочном порядке был отозван из Китая, он выдвинул новую идею — направить его в Японию в качестве журналиста и опять под своим же именем. Почему?! Почему эта его идея должна была совпасть с началом попыток Троцкого установить контакты как с приведенными к власти в Германии нацистами, так и с представителями Японии?! Почему эта идея должна была совпасть с первыми попытками отца и сына Хаусхоферов установить союзнические отношения между Германией и Японией теперь уже на государственном уровне?! Ведь дорогу к будущей оси «Берлин — Токио» еще в 1933 г. стал торить именно сын Хаусхофера Альбрехт, с которым Зорге был знаком. Но вот ведь какое дело: с одной стороны, А. Хаусхофер был доверенным лицом самого Рудольфа Гесса. С другой же — Альбрехт Хаусхофер был активистом оппозиционной Гитлеру группировки *Mittwochgesellschaft*, в которую входили многие высшие правительственные чиновники, дипломаты, генералы (в частности, генерал Бек), представители научной интеллигенции и клерикальных, преимущественно католических, кругов. [*Кроме того, британская разведка, которая держала Хаусхоферов, особенно Альбрехта, под плотным наблюдением, знала также, что, например, последний находился в постоянном контакте и с левой антигитлеровской оппозицией, вошедшей в историю под обобщенным названием «Красная Капелла».*] Именно на эти силы, в том числе и на Р. Гесса, и пыталась выйти вдохновляемая Троцким антисталинская оппозиция.

К слову сказать, еще с коминтерновских времен Зорге был весьма близок с некоторыми ее лидерами, в частности с Бухариным и Радеком. Почему при таких обстоятельствах при выезде в Японию Зорге был остро

сориентирован на установление отношений с формально малоизвестным помощником военного атташе Германии Ойгеном Оттом?! Ведь в тот период Отт мог представлять интерес не столько в указанной выше ипостаси, сколько как ближайший помощник последнего догитлеровского рейхсканцлера генерала К. фон Шлейхера, выполнявший в недавнем тогда прошлом функции особо доверенного связника между Шлейхером и Гитлером. Более того. В свое время Ойген Отт был одним из ближайших помощников генерала Ганса фон Секта, при котором и начиналось сотрудничество двух армий. Почему Зорге добивался получения рекомендательного письма именно к нему, в чем ему помог друг Отта — ведущий автор германской газеты «Englische Rundschau» д-р У. Зеллер, о чем и о ком еще надо было знать, чтобы обратиться с такой просьбой?! Прежде всего, откуда это знание?! Более того, после того как Шлейхер вынужден был уйти в отставку с поста рейхсканцлера, Отта попросту сослали в Японию на очень незавидную должность, и в таком случае спрашивается, зачем он мог понадобиться до такой степени, что Зорге добивался у д-ра Зеллера рекомендательного письма лично к Отту?!

Прибыв в Японию под своим именем, Зорге опять оказался под пристальным вниманием британской разведки, тем более что одним из его близких друзей стал британский военный атташе в Японии, генерал-майор британской армии Фрэнсис Стюарт Пигготт. Кроме того, Зорге продолжил интенсивное сотрудничество со знаменитым и влиятельным в международных кругах журналом «Zeitschrift für Geopolitik», где публиковал свои статьи о Японии, вызывавшие серьезный интерес во всем мире. Как корреспондент самого К. Хаусхофера и его журнала «Zeitschrift für Geopolitik», Зорге тем более привлек внимание к своей персоне. Самым главным агентом Зорге в Японии стал Ходзуми Одзаки, который ранее также «засветился» перед британской разведкой своей близостью с Агнесс Смедли еще в Китае (не исключено, что не без содействия бриттов Одзаки еще в Китае арестовывался японскими спецслужбами). В Японии Ходзуми Одзаки достаточно быстро сблизился с принцем Коноэ, как авторитетный специалист по Китаю. А когда было создано Общество Сёва — стал одним из его членов. В 1935 г. в Копенгагене в очередной раз с колоссальным треском провалился Хаскелевич-Улановский. Датской контрразведке он, естественно, и даром был не нужен — арестовали, промурыжили, выгнали и все. Однако все дело в том, что Дания — это старинная, еще со времен Первой мировой войны «вотчина» британской разведки. И уж она-то на этом провале поживилась, тем более что попался ее старый знакомый — Хаскелевич. Естественно, в силу жестких законов разведки Центр принял решение об отзыве Зорге из Японии. Обычно его приезд в СССР в 1935 г.

представляют как вызов для отчета о проделанной на первом этапе легализации работе, а также для знакомства с новым шефом военной разведки — Соломоном Урицким. Внешне все оно так и выглядело, но действительная причина его отзыва — это очередной грандиозный провал хорошо знавшего Зорге Хаскелевича. Он провалился 19 февраля 1935 г., а к лету Р. Зорге окружным путем прибыл в Москву. Однако вызов Зорге в Москву после провала Хаскелевича стал фактическим подтверждением того, что старый знакомый британской разведки — Р. Зорге — находится в Японии по заданию советской разведки. При всем том, что его отъезд, естественно, был соответствующе легендирован, тем не менее совпадение по времени да при условии, что бритты его знали, автоматически давало серьезные основания для убежденности в том, что он отозван по указанию из Москвы из-за провала Улановского-Хаскелевича. И точно так же возвращение Зорге в Японию вызвало у британской разведки очередной прилив подозрений, что советская военная разведка далеко не проста и не только ради разведывательных целей вертится в Японии вокруг германского посольства (кстати, в это время послом Германии в Японии был Дирксен, занимавший перед этим назначением аналогичный пост в Москве), военного атташе Германии и советника самого принца Коноэ. Именно неспроста, потому как в это время британская разведка по нарастающей получала агентурную и иную информацию о шашнях внутренней антисталинской оппозиции как с представителями Германии, так и Японии. Естественно, что ход мыслей в ее выводах был предрешен — она откровенно усмотрела в этом попытку под вывеской разведывательной деятельности реализовать основной замысел военно-геополитического тройственного заговора. К этому британскую разведку обязывала и информация, которая поступала из Голландии, где под ее «колпаком» оказался резидент советской разведки — уже упоминавшийся выше Кривицкий, который вошел в тесный контакт с германскими заговорщиками в кругу приближенных к бывшему германскому кайзеру. Ни одна разведка не рассматривает такие данные как случайность тем более британская. Потому как получалось, что на плечевых концах тройственного заговора, грозившего трансформироваться в страшивший Великобританию континентальный блок, плотно висела советская военная разведка. Если вкратце резюмировать вышеизложенное, то выходит, что фигура хорошо известного британской разведке Рихарда Зорге стала чем-то вроде «меченого атома»^[467]. Особенно это стало характерно, когда и британская разведка пронюхала о ведущихся между Берлином и Токио секретных переговорах насчет заключения Антикоминтерновского пакта.

В этой связи есть немалый резон обратиться к следующему факту. 10 августа 1937 г. Сталину, Молотову, Ворошилову и Ежову было доложено редко упоминаемое в литературе сообщение военной разведки. В нем сообщалось о наличии в Германии антигитлеровской просоветской офицерской группы, часть которой, в количестве 60 человек, во главе с полковником ВВС фон Бентхаймом была арестована гестапо. По их заданию работавший в Москве германский журналист Клаус Менерт вел переговоры с Тухачевским и комкором Эйдеманом^[468]. Но вот ведь какое дело. К. Менерт с детства был хорошо знаком и даже дружен с упоминавшимся выше военным атташе, а затем и послом Германии в Токио Ойгеном Оттом, который, в свою очередь, был ближайшим другом Р. Зорге в Японии. При этом еще раз хочу обратить внимание на то обстоятельство, что перед выездом в Японию Зорге целенаправленно искал выход на О. Отта. Согласно утверждениям К. Менерта, впервые он пересекся с Р. Зорге только в начале 1936 г.^[469] Но куда тогда деть те несколько лет, которые К. Менерт проработал в Советском Союзе в качестве корреспондента ряда германских изданий? Ведь и Зорге находился в СССР в самом конце 1932 — начале 1933 г., а затем еще и летом 1935 г.

Предположим, что К. Менерт написал правду в своих мемуарах. Но кто бы в таком случае объяснил, желательного вразумительно, какого черта корреспондента ряда германских изданий в СССР понесло в начале 1936 г. в Японию?! Что ему, корреспонденту ряда германских изданий в Советском Союзе, было делать в Японии в краткосрочной командировке?! Для составления репортажей об СССР ему и всей жизни не хватило бы, а он, видите ли, в Японию махнул?! И ведь не просто в начале 1936 г., а фактически после известного в истории Японии февральского 1936 г. мятежа молодых офицеров. Как корреспондент ряда германских изданий, он там был нужен ровно настолько, насколько рыбе нужен зонтик, а телеге пятое колесо. Один Р. Зорге практически полностью удовлетворял все потребности германской и даже части западноевропейской прессы в информации о Японии.

Несколько слов об этом мятеже. Наиболее точный и всесторонний анализ этого мятежа, его причин, движущих сил и последствий в обрамлении японской специфики первым во всем мире дал именно Рихард Зорге — и как журналист, и как разведчик. Им было опубликовано несколько статей на эту тему в различных печатных изданиях Германии, с которыми он по прикытию имел соответствующие контракты. Подписанная инициалами «R. S.» статья «Армейский мятеж в Токио» была опубликована в марте 1936 г. в журнале Хаусхофера «Цайтшрифт фюр геополитик» — это была наиболее подробная статья. В берлинской «Борзен

Цайтунг», а также во «Франкфуртер Цайтунг» в апреле 1936 г. были опубликованы примерно аналогичные статьи. С подачи К. Радека публикация в журнале Хаусхофера в начале апреля 1936 г. оказалась частично воспроизведенной на страницах «Правды», а 15 апреля того же года «Известия» (главный редактор Н. И. Бухарин) перепечатали статью из «Борзен Цайтунг». Казалось бы, совершенно невинное дело, наподобие того, что в свое время делал очень популярный еженедельник «За рубежом». Однако ни Бухарин, ни тем более Радек — отнюдь не те персонажи, чтобы просто так, в порядке ознакомления читателей с событиями за рубежом, что-то опубликовать. В то время оба были в активной оппозиции Сталину. К тому же, как руководящие в прошлом деятели Коминтерна, они прекрасно знали Р. Зорге, особенно Радек. В том числе, естественно, и о факте перехода Зорге на работу в военную разведку — Радек, в частности, принимал некоторое участие в общей одготовке Зорге к выезду в Японию. Но это одна сторона медали. Вторая же заключается в том, что и мировая пресса, и сообщения дипломатов, да и сам Зорге не обошли вниманием японскую специфику этого мятежа, в числе главных элементов которой были следующие:

— «явление "гекокийо"», то есть свержение старших младшими, высших низшими» — ведь мятеж осуществили «молодые офицеры»;

— погодные обстоятельства февральского мятежа (26 февраля), вызвавшие в Японии, а соответственно и в мировых СМИ, сообщения дипломатов и разведчиков широкую ассоциацию с легендарным в японской истории актом мести в Уэдо (старое название Токио) в XVII веке. Суть этой истории такова: сорок семь ронинов одного, подло убитого господина в течение длительного времени притворялись пассивными, выслеживая убийцу своего господина, а затем, во время снегопада, напали на него и отсеченную голову убийцы принесли на надгробье своего господина, после чего сдались властям (те приговорили их к самоубийству). Так вот, мятеж 26 февраля проходил в условиях обильного снегопада, что у чувствительных к подобным вещам японцев не могло не вызвать соответствующих аналогий ассоциативного порядка.

Если теперь все сопоставить, то получится следующее. В это время оппозиция Сталину резко активизировалась. Уже шли разговоры о том, когда же найдется тот, кто выстрелит в него, чтобы якобы вернуться к Ленину, а на самом деле к привычному разбою под лозунгом «Даешь мировую революцию!». Активно готовился государственный переворот. Генералы плели свой заговор, не гнушаясь союзом не только с Троцким и его сторонниками внутри СССР, но и с германскими и даже японскими коллегами. В апреле прошли стратегические игры в Генштабе, где военные

обговорили детали заговора и вредительско-пораженческие действия, и тут на тебе — перепечатка о токийском мятеже. Да еще и с такой подоплекой, как «геокийо» и история о мести ронинов. «Гениальный авантюрист» Радек действительно обладал «хитрейшей головой», ориентированной на феноменально провокационные подстрекательства. Ведь, по существу, эти перепечатки были не чем иным, как тонко завуалированным призывом к умышленно притихшей на некоторое время оппозиции начать-таки активные действия.

Перепечатки статей Р. Зорге на страницах центральной советской прессы, тем более перепечатка из журнала Хаусхофера, не могли остаться без внимания Менерта — впоследствии он признал, что читал практически все статьи Зорге, опубликованные в «Цайтшрифт фюр геополитик». А ведь Менерт прекрасно знал и русский язык. И вот на фоне всего этого К. Менерт — человека, который вел переговоры с лидерами военного заговора в СССР, понесло в Японию прямо из СССР?! Ну, что же, наверное, самое время вспомнить, что, по данным известного в прошлом и специализировавшегося на раскрытии тайн Третьего рейха ныне покойного германского историка-публициста Юлиуса Мадера, Клаус Менерт являлся сотрудником абвера, что соответствует сведениям разоблачившей его контрразведки ВМФ США ^[470].

Так вот и спрашивается, во-первых, а не понесло ли Менерта в Токио по заданию абвера?! Вплоть до того, что даже по личному заданию Канариса?! Во-вторых, и не по заданию ли абвера он позиционировал себя в Москве в качестве представителя некой, но вполне реальной группы оппозиционно настроенных германских офицеров?! Ведь Канарис хорошо знал оппозиционные настроения в германском офицерском корпусе, особенно среди генералов, со многими был близко знаком и, уж если говорить принципиально, негласно, с помощью своего абвера контролировал внутригерманской заговор. Это рутинная практика деятельности любой спецслужбы, тем более что в структуре контрразведки абвера функционировал специальный отдел по контролю за офицерским корпусом вермахта (что также является рутинной практикой спецслужб). Завалить их Канарис не мог. Ему это было не с руки — как-никак, но как бывший фронтовик и военно-морской офицер, он недолюбливал Гитлера, нацистов, особенно СС, терпеть не мог, но сдать своих же на расправу гестапо не мог. Однако с помощью этих же связей выяснить характер взаимоотношений германских генералов с их советскими коллегами, а затем окружным путем, к примеру через ту же британскую разведку, нанести удар по последним — это вполне во вкусе адмирала. Он обожал подобные, круто закрученные комбинации. Тем более что это удар по Герингу, которого он

тоже не жаловал. Да и результат предвиделся неплохой — Геринг-то взъелся на Гиммлера.

Что же до Менерта, то уж больно странно выходит. От имени антигитлеровские настроенной группы офицеров он вел переговоры с Тухачевским и Эйдеманом, гестапо сцапало 60 человек из этой группы, а сам Менерт, знай себе, разъезжает по белу свету. В 1941 г. он вновь оказался в Токио, где опять встречался с Зорге. В общем, до чертиков запутанная история, явно не с одним «дном». Одно только ясно — прикрыть Менерта мог только Канарис.

4. Практически аналогичную роль сыграла и полученная под конец 1936 г. британской разведкой информация о новом раунде попыток Д. Канделаки прозондировать в Берлине возможности улучшения советско-германских отношений.

На этот раз Канделаки зондировал возможность улучшения именно межгосударственных отношений. Потому как в конце 1936 г. уже было не за горами истечение срока действия пролонгированного до лета 1938 г. советско-германского договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. В соответствии же с протоколом о пролонгации дальнейшую судьбу договора стороны должны были определить за год до истечения срока его действия. Естественно, что советское руководство (Сталин) взяло курс на дальнейшее продление этого договора. А то, что эти попытки предпринимал именно Канделаки, свидетельствовало о том, что, не доверяя закоренелым германофилам и их противникам в Наркомате иностранных дел, Сталин дал ему четкое указание и поручил увязать попытку нормализации межгосударственных отношений с нормализацией торгово-экономических связей. Однако, как уже неоднократно указывалось выше, именно этого-то и не нужно было Великобритании. Она последовательно добивалась дальнейшего ухудшения советско-германских отношений по всем азимутам.

5. Немалую роль сыграл и «еврейский фактор», на который практически никогда не обращают внимания.

Еще в начале книги говорилось о программе установления «нового мирового порядка». Напомним, что она состояла из трех разделов, каждый из которых предусматривал мировую войну. В ходе Первой мировой предусматривалось тотальное уничтожение царской России. В результате второй в Палестине должно было появиться еврейское государство — Израиль. Так вот — уже только двойной заговор (не говоря о трипартитном) категорически мешал достижению этой цели. А она-то относилась к разряду высших, так как жестко соответствовала принципам Высшей Мировой Геополитики и Политики. Контроль над одним из ключевых регионов мира,

где переплетаются практически все коммуникации по всем азимутам — над Ближним Востоком, — в сочетании с уже тогда имевшим колоссальное значение нефтяным фактором и есть самая что ни на есть Высшая Мировая Геополитика и Политика. И тут уже действовал испокон веку не знающий ни малейшей жалости Высший Закон Высшей Мировой Геополитики и Политики. Заговорщики; прежде всего советские, и на этом азимуте незаметно для себя оказались жертвами его молоха. Главным образом из-за того, что некоторые из них были тесно связаны как с лидерами мирового сионизма, так и с высшими иерархами мирового масонства, в том числе этнородственными узами. И в первую очередь здесь следует назвать (Янкеля) Яна Гамарника, который был женат на сестре (по имени Блюма) не столько основоположника современной израильской поэзии Хаима Бялика, сколько одного из лидеров могущественной всемирной еврейской масонской ложи «Бнай-Брит» — «Сыны Завета». Я. Гамарник являлся не только заместителем председателя РВС, а затем и заместителем наркома обороны (который, напоминая, курировал также и военную разведку), членом ЦК ВКП(б), но и прежде всего одним из главных подельников Тухачевского. В свою очередь одна из сестер Троцкого была замужем за видным деятелем мирового сионистского движения Владимиром (Зеевом) Жаботинским. Сестра одного из видных оппозиционеров в Коминтерне — Бела Куна (еврей по национальности)— была замужем за одним из «некоронованных королей» США — Ф. Ла Гуардией. Этот же был не столько вице-мэром, а затем еще и мэром Нью-Йорка, сколько масоном очень высокой степени посвящения и входил в круг особо избранных в США^[471]. В этом же ряду следует учитывать и зарубежные связи Раковского, Радека, Бухарина; Каменева, Зиновьева и многих других. А чего, например, стоит визит Луи Арагона с Эльзой Триоле (урожденной Коган) якобы к смертному ложу Горького, а в действительности непосредственно в самое логово заговорщиков, жена одного из которых — Примакова — была не столько Лилей Брик, сколько родной сестрой Э. Триоле. Выше об этом уже говорилось. Так что информация о заговоре утекала за рубеж едва ли не «полноводной рекой». В том числе и в руководящие сионистские и масонские круги зарубежья. И совершенно не случайно вся Европа откровенно жужжала насчет заговора.

«Трагедия» же заговорщиков как еврейской, так и нееврейской национальности состояла в том, что точно так же, как и их патрон Троцкий, они даже и на йоту не предполагали существования того особого плана по созданию еврейского государства в результате Второй мировой войны и действовали вопреки не только коренным интересам безопасности Советского Союза и планам Запада, но и мирового сионистского движения,

лидер которого — Хаим Вейцман — уже тогда являлся членом **Комитета 300**. Между тем с конца двадцатых годов хорошо было известно, какие громадные средства вбухивались еврейскими банкирами в нацизм и Гитлера. В 30-х же годах сионистские организации вообще одарили Гитлера 126 млн. долларов, что по современным меркам значительно больше миллиарда тех же зеленых. И трудно понять, почему заговорщикам не пришла в голову мысль о том, что просто так такие колоссальные средства в зоологического юдофоба не вкладываются?! Скорее всего, это произошло из-за того, что, будучи контролируемым американским финансовым капиталом, в том числе и в лице его еврейского отряда, Троцкий по привычке сориентировался именно на его интересы. И, полагая, что грядет нечто аналогичное 1917 году, радостно активизировал свою заговорщическую деятельность, втягивая в нее всех своих явных и неявных сторонников в Советском Союзе. При всей мощи своего интеллекта, «бес мировой революции» оказался не способен разглядеть подводные рифы тайной мировой политики. Хотя не так уж и трудно было сообразить, что лидеры мирового сионизма преследуют какую-то свою, отличную от общезападных, цель. В конце концов наиболее влиятельные круги мирового еврейства даже и не скрывали, в чем суть дела. Еще в 20-х гг. знаменитая лондонская еврейская газета «Jewish Chronicle» в № 2950 опубликовала статью, в которой описывался следующий страх лондонских евреев: «Цель американских финансистов в настоящее время — разрушить Британскую империю». Нетрудно догадаться, о каких конкретно — по этническому признаку — американских финансистах писала газета английских евреев. Однако к середине 30-х гг. сложилась совсем иная ситуация, суть которой в том, что ни одна из дислоцировавшихся на англосаксонском Западе сил мирового еврейства, тем более сионизма, не могла игнорировать глобальные интересы англосаксонского Запада, преследовавшего цель физического уничтожения России в лице СССР до состояния «Русской пустыни». И они были вынуждены подкорректировать свою тактику под общезападные цели. Им также оказался нужен Гитлер, которого сионизм рассматривал как мессию.

Небезынтересно отметить, что предложение о сотрудничестве упоминавшаяся выше группа «Фокус» выдвинула У. Черчиллю аккурат весной 1936 г. То есть тогда, когда началось нарастание потока информации об активизации заговора антисталинский оппозиции. Прежде всего ее военного крыла в лице заговора Тухачевского и К^о, после всех «странностей» зарубежных поездок Тухачевского и Уборевича в начале 1936 г. и фактически после весенних (1936 г.) стратегических игр; проведенных в

советском Генштабе. Именно с тех пор и по нарастающей Черчилль стал крыть Троцкого за сотрудничество с нацистами и высказываться в пользу укрепления военной мощи СССР. Если исходить из современного уровня знаний, то за изрыгавшимися Черчиллем проклятиями в адрес Троцкого четко проглядывалось как знание о готовящемся военном перевороте в СССР, так и откровенное желание без помех стравить Германию и СССР в очередной смертельной схватке на уничтожение. Таким Черчилль и остался до конца Второй мировой войны!

И в то же время лидеры мирового сионизма не могли игнорировать свои собственные интересы по созданию государства Израиль. Хотя бы и вопреки интересам той же Великобритании, которая вовсе и не намеревалась выдавать санкцию не только на создание государства Израиль, но и даже на значительное расширение масштабов миграции евреев из Германии в Палестину. И единственный их шанс заключался в Гитлере, которого они рассматривали как своего рода мессию, зоологическая юдофобия которого всерьез облегчит им достижение поставленных целей. В этом плане их интересы принципиально полностью совпадали с глобальными интересами, например, той же Великобритании — в том смысле, что обеим сторонам был нужен Гитлер, хотя и для достижения разных целей.

6. Не меньшую роль в заваливании вдохновлявшегося Троцким заговора сыграло и мировое масонство.

Основываясь на глубоком знании, О. Ф. Соловьев прямо указал, что «... в глазах мондеалистских организаций их ставленник (то есть Троцкий. — А. М.), видимо, уже выполнил поставленные задания и не представлял былой ценности, поскольку по большому счету активность его на новом этапе лишь мешала осуществлению стратегических целей по стравливанию Германии и СССР»^[472]. Именно вследствие этого, считает О. Ф. Соловьев, они попросту «сдали» Троцкого. При этом Соловьев обращает внимание на фигуру одного из секретарей Троцкого — масона Фреда Целлера^[473], на которого, как он считает, была возложена миссия следить за деятельностью Троцкого для доклада своим неведомым шефам. Фред Целлер работал секретарем у Троцкого еще в Европе и вместе с ним последовал в Мексику. Впоследствии он явно не случайно занял в 1971 — 1973 гг. пост великого мастера «Великого Востока Франции».

7. Большую роль сыграли и политические события в Советском Союзе.

На конец 1936 г. в СССР было назначено принятие новой Конституции Союза Советских Социалистических Республик. Между тем еще только от ее проекта Запад вдрызг рассвирепел потому, что это была лучшая в то

время демократическая конституция в мире — в ней закреплялись беспрецедентные даже для западных демократий свободы для всех без каких-либо исключений граждан СССР. Более того, новая Конституция СССР полностью и безоговорочно дезавуировала один крайне досадный, принятый, в безумии «революционного» экстаза пассаж из Декларации об образовании СССР — о создании «Всемирной Советской Социалистической Республики». Новая Конституция жестко сосредоточилась на интересах только самого Союза Советских Социалистических Республик. Казалось бы, весьма приятный для уставшего отбиваться от Коминтерна Запада момент. Так-то оно так, но не тут-то было — Запад же, миль пардон...

Ведь в сочетании с колоссальными экономическими успехами новая конституция превращала Советский Союз в реально главенствующий над всем миром центр такой неодолимой и авторитетной силы, перед которым, прежде всего перед экономической и политической мощью которого, Запад безальтернативно вынужден был бы склонить голову! И если такая конституция будет принята и войдет в силу, то пропадет главное обоснование необходимости устройства войны против Советского Союза. Конституция-то юридически снимала вопрос о коммунистической экспансии в мировом масштабе! И как тогда подставить Советский Союз под вооруженное нападение гитлеровской Германии, ополоумевший фюрер которой бил копытами в стойле, требуя предоставления возможности для нападения на СССР?! Ведь он же должен был на блюдечке преподнести Западу «РУССКУЮ ПУСТЫНЮ», чтобы Западу не пришлось склонять голову перед СССР.

Едва ли нужно пояснять, что на безопасность СССР Великобритании (как, впрочем, и всему Западу) было наплевать — даже накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз она, не стесняясь, заявляла, что абсолютно не заинтересована в сохранении Советского Союза даже номинально, причем даже в официальных дипломатических документах, представлявшихся Правительству СССР. Однако Великобритания не могла наплевать на то обстоятельство, что заговор антисталинский оппозиции, в том числе и заговор Тухачевского и К^о — прежде всего как ключевое звено глобального (тройственного) заговора, — представлял колоссальную угрозу ее собственным геополитическим интересам и имперской безопасности. Ведь в ставшие известными Великобритании планы антисталинской оппозиции (включая и ее военное крыло) входили не только полная реставрация капитализма и расчленение постсоветской территории. Планировалось превращение пост-СССР в богатую неисчерпаемыми природными и иными ресурсами «дойную корову», опираясь на возможности которой и используя территорию которой для военного

маневрирования силами, антизападно (антианглосаксонски) настроенные оппозиционные силы Германии и Японии намеревались повести свою борьбу за мировое господство. Такова была заранее оговоренная, истинная плата заговорщиков за поддержку их антигосударственного бандитизма со стороны соответствующих сил Германии и Японии.

И потому должно быть вполне понятно, что как Великобритании, так и в целом Атлантическому центру силы, особенно его англосаксонскому ядру, совершенно не улыбалось столкнуться, тем более в открытом противоборстве, с решительно настроенными к глобальным мировым разборкам военными диктатурами Германии и Японии, опирающимися к тому же на бесконечные ресурсы постсоветской России. Ведь в таком случае превосходство сил было бы на их стороне. Однако же именно этого-то как раз и не допускает (категорически) без малого пять веков кряду исповедуемый Великобританией принцип «баланса сил» («равновесия сил»). Иначе Англия не будет Англией. Весь *raison d'être* «баланса сил» в требовании превосходства, означающего акт агрессии. Исходя из этого заговор антисталинский оппозиции, в том числе и прежде всего заговор Тухачевского, был фатально, безальтернативно обречен.

О том, как происходило выкорчевывание заговора антисталинский оппозиции, в том числе и заговора Тухачевского, безупречно аргументированно написано в блестящей книге Е. А. Прудниковой и А. И. Колпакиди «Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий» (М., 2006). Со своей стороны осмелюсь дополнить их труд уникальными данными.

1. О конкретной попытке Тухачевского действительно устроить государственный переворот силами военных. Реальная попытка государственного переворота силами военных Тухачевским все-таки была предпринята. 10 мая 1937 г. он обратился к начальнику военной разведки комдиву А. Г. Орлову — тому самому, который, будучи военным атташе в Берлине, в пьяном виде наболтал лишку генералу Фричу, — и приказал срочно прислать к нему ответственного работника, занимающегося германским направлением. К маршалу немедленно был направлен капитан Николай Григорьевич Ляхтерев^[474], которому Тухачевский заявил, что готовится большая стратегическая игра и потому к 11.00 11 мая ему нужны последние данные о состоянии вооруженных сил Германии. По плану игры, со слов Тухачевского, предусматривалось, что немцы могут включить в свою группировку до 16 танковых и моторизированных дивизий СС. И не посвященному в тайны военных игр человеку ясно, что за один день игры с участием высшего военного руководства не готовятся. Тем более они не

готовятся по указанию заместителя наркома (министра) обороны. Испокон веку прерогатива в этом у министра (тогда наркома) обороны либо у начальника Генерального штаба, но, как правило, они совместно принимают такое решение. Тем не менее ровно в 11.00 11 мая 1937 г. капитан Ляхтерев прибыл в приемную Тухачевского со всеми материалами на руках. И там, в приемной, узнал, что маршал только что получил назначение на пост командующего Приволжским военным округом и немедленно отбыл к месту новой службы в Горький (на самом деле это не совсем так, ибо 13 мая Сталин принял Тухачевского в Кремле)! Что следует сказать по поводу этих фактов? Во-первых, различные источники, в том числе и данные судебных процессов 1937 — 1938 гг., прямо сходятся именно на этой дате (иногда упоминается еще и 15 мая, но, как правило, в таком сочетании — «переворот должен был состояться до 15 мая»). Это уже очень серьезно. Чуть ранее Тухачевский уже показал, что он готов, ни на кого не оглядываясь, устроить-таки военный переворот. Произошло это после отвода его кандидатуры от поездки в Англию. Когда это случилось, то 4 мая 1937 г. на квартире наркома внешней торговли А. Розенгольца (активного троцкиста и не менее активного заговорщика) Тухачевский, стуча кулаком по столу, орал: «Вы, что, ждете, когда нас к стенке поставят, как Зиновьева, я пятого начинаю переворот!» Естественно, что запись этого разговора немедленно попала на стол Сталина. И надо отдать должное его нечеловеческой выдержке в условиях смертельной опасности — никаких репрессивных мер в отношении Тухачевского он тогда не предпринял, отлично понимая разницу между словами и конкретными преступными действиями.

8 мая пришло досье от Бенеша, и опять ничего в отношении Тухачевского не было предпринято. Судя по всему, Сталин до последней секунды тянул с его арестом. И только тогда, когда стало известно, что Тухачевский в срочном порядке объявил военные маневры на 12 мая 1937 г., только тогда Сталин окончательно убедился, что заговор — смертельная реальность. Более медлить было нельзя. 11 мая Тухачевский был снят с поста замнаркома обороны и назначен командующим Приволжским военным округом с приказом немедленно отбыть к месту новой службы. И опять Сталин пошел на смертельный для себя риск — 13 мая он дал-таки 45-минутную (с 17.05 до 17.50) аудиенцию Тухачевскому. А ведь кандидат в «бонапарты» запросто мог пронести маленький пистолет, ибо его, как маршала, даже охрана Сталина не могла обыскать.

До 24 мая шла еще одна проверка — на этот раз материалов досье Бенеша. Лишь после того как все точки над «i» были расставлены, когда наступила абсолютная ясность, только тогда из Кремля последовал приказ

об аресте Тухачевского. 25 мая он был арестован. Во-вторых, комдив Орлов А. Г. был одним из участников заговора. В-третьих, особое недоумение вызывает формулировка сил противника в задаче стратегической игры. Речь идет об SS Verfügungstruppe — эсэсовских формированиях особого назначения. Однако по состоянию на май 1937 г. они не располагали такими силами, чтобы выводить в авангард наступления до 16 танковых и моторизованных дивизий. В 1937 г. в составе SS Verfiigungstruppe насчитывалось всего три штандарта (полка), саперный штурмбанн и штурмбанн связи. Моторизованные дивизии появились в СС только перед нападением на СССР, и то их было всего четыре. Говорить же о предвидении Тухачевского не приходится. Ему хорошо была известно, что, как главнокомандующий сухопутными войсками вермахта, генерал-полковник Фрич был категорическим противником этих подразделений SS Verfiigungstruppe и не считал нужным даже планировать их участие в боевых действиях вермахта, тем более в авангарде наступления. Так с какой такой стати Тухачевский выдумал такую формулировку для определения характера сил противника в стратегической игре?! С военной точки зрения это трудно понять. А вот с политической, заговорщической — вполне объяснимо. Раз такие отборные войска, да еще и танковые и механизированные дивизии СС, то, естественно, и противопоставить им надо равнозначные войска. То есть такие же отборные танковые и механизированные соединения РККА, причем как минимум в том же количестве. А вот это и есть то самое, что надо для успешного переворота, — уж с 16 как минимум, если по «логике задачи игры», танковыми и механизированными дивизиями власть точно можно захватить, тем более что их командиры — все его ставленники. Ленин и вовсе с одной дивизией латышских бандитов удержался у власти, а тут — целых 16. Танковый сценарий государственного переворота почему-то прижился и впоследствии неоднократно применялся. В 1953 г. — маршалом Жуковым и Хрущевым. В 1991 г. — печальной памяти ГКЧП. В октябре 1993 г. — ярим врагом России — Ельциным.

2. Об агентах и сотрудниках разведки, которые внесли весомый вклад в разгром заговора военных. 2.1. Австрийская графиня и коммунистка Рут фон Майенбург из военной разведки. В период с 1934 по 1938 г. выполнила серию ответственных заданий ГРУ в Европе. К 1938 г. уже была полковником РККА (всего за четыре года!). Рут фон Майенбург сумела внедриться в оппозиционно настроенные круги вермахта, прежде всего благодаря близкой дружбе с генералом фон Гаммерштейн-Эквордом. Ценность добывавшейся «красной графиней» информации была настолько велика, что она удостоилась личной благодарности наркома обороны

Ворошилова. Да и сам факт того, что за четыре года она «доросла» до звания полковника, — тоже о многом говорит. Запросто так в разведке звания не присваивают, тем более тогда! 2.2. Дочери самого генерала фон Гаммерштейн-Экворда: Хельга и Мария Луиза. Вначале были информаторами разведывательного аппарата компартии Германии, а затем стали сотрудничать и с советской разведкой. 2.3. Информатор разведаппарата КПП — саксонский аристократ, бывший офицер, сохранивший связи в военных кругах Арнольд Фит фон Гольсенау (впоследствии стал известен как писатель Людвиг Ренн). 2.4. Агент ГРУ под псевдонимом Эльза, работавший в Германии и Австрии. Идентифицировать ее имя по литературе не представилось возможным. Известно, что добывавшаяся ею ценнейшая информация наверх «почему-то» не докладывалась. Самый последний доклад Эльзы, представленный буквально накануне разгрома и ареста руководителей заговора, не был доложен ни Ворошилову, ни Сталину, а с самой Эльзой почти на год «потеряли» связь, хотя она находилась в Москве. 2.5. Дочь американского посла в Берлине — Марта Додд, агентурный псевдоним Лиза. Ценность Лизы с точки зрения разоблачения заговора была двоякой. С одной стороны, она имела очень широкие, в том числе и интимные, связи среди политической, промышленной и военной верхушки нацистской Германии, многие представители которой были ее любовниками (одним из них был знаменитый германский летчик, генерал Эрнст Удет, заместитель Г. Геринга в министерстве авиации). С другой стороны, ее отец — посол США в нацистской Германии Уильям Додд, к бумагам которого (а также к документации посольства) она имела прямой доступ, — поддерживал близкие личные отношения с ближайшим соратником Гитлера Эрнстом Ханфштенглем по кличке Путци, впоследствии эмигрировавшим в США и ставшим советником президента Рузвельта. Кстати говоря, эмигрировал он именно же после начала провала заговора военных. Как выяснилось из зарубежных материалов, обвинение, которое бросил Сталин в адрес Тухачевского в связи с тем, что тот передал немцам мобилизационный план, было связано именно с Ханфштенглем. Надо обратить внимание на следующее обстоятельство. Сталин заявил об этом 2 июня 1937 г. на расширенном заседании Военного совета при наркомате обороны. А о том, что именно через Ханфштенгля заговорщики передали советский мобилизационный план, за рубежом широко стало известно только из опубликованной в газете «Эко де Пари» 30 августа 1937 г. статьи «Что же происходит в России?». Между тем ушедшему на Запад 17 июля 1937 г. предателю И. Рейссу еще тогда, когда он вроде был еще на посту, уже давалось задание изыскать возможность для вступления в контакт с

Ханфштенглем на территории третьей страны. Значит, у Сталина были данные о том, что факт передачи советского мобилизационного плана немцам имел место. Более того, *njn afn*, что сам Сталин имени Ханфштенгля в своем выступлении не назвал и к тому же все списал на рейхсвер, фактически свидетельствует в пользу того, что у него действительно были серьезные агентурные данные, которые он вынужден был зашифровывать. Кроме того, если учесть, что Рейссу давалось поручение изыскать возможность для вступления в контакт с Ханфштенглем, то, помимо возможности для вполне обоснованного утверждения о том, что источником первоначальной информации на эту тему была именно же Марта Додд, это еще и основание для такого вывода. Во-первых, одновременно с «Планом поражения СССР в войне с Германией» был выдан и мобилизационный план на 1936/37 г. Во-вторых, именно с фактом наличия у германских генералов этих документов и связаны те самые «удивительные» по своей «результативности» командно-штабные учения вермахта. А с августа 1937 г. новый начальник Генштаба Б. М. Шапошников вынужден был немедленно заняться разработкой нового мобилизационного плана.

2.6. Ныне широко известный «наш человек в гестапо» — блестящий агент Брайтенбах, он же Вилли Леман, и выдающийся ас советской нелегальной разведки, впоследствии генерал-майор Василий Михайлович Зарубин, у которого Брайтенбах был на связи. Этот аспект их совместной деятельности никак, даже вполслова? не упоминается ни в одной из публикаций. Брайтенбах был одним из ценнейших агентов советской разведки в Германии того времени. Его информация всегда охватывала столь широчайший круг вопросов — от проблем внешней политики, милитаризации, новых видов вооружений до чисто разведывательных и контрразведывательных вопросов, — что такое явное умолчание вклада этого агента в разгром заговора наводит на серьезные размышления. И вот почему. Когда в марте 1935 г. по разведывательным каналам промелькнул слух о возможном возвращении знаменитого Вальтера Николаи в абвер, то едва только принявший Брайтенбаха на связь Зарубин первым делом поставил ему задачу срочной проверки реальности этого слуха. Не надо быть профессионалом разведки, чтобы уяснить простую истину, что при всей своей важности этот слух по сравнению со слухами и просто данными о назревающем заговоре не более чем мелочь. И что же, Брайтенбаха никак не использовали в проверке данных о заговоре, тем более если учесть его высокое положение именно в том отделе IV управления РСХА, которое отвечало за контрразведывательное обеспечение ВПК и военного руководства Германии,

не говоря уже о его широких дружеских связях в Абвере?! Это исключено, потому что таких агентов как раз и используют в подобных делах.

Не говоря уже о том, что сам Брайтенбах был великолепным асом, чтобы понимать, что интересует Москву. Более того, В. М. Зарубин выехал из Германии в конце марта 1937 г., а уже в мае того же года был награжден орденом Красного Знамени, не так уж и часто в те годы выдававшимся, тем более разведчикам. Нет никаких сомнений, что легендарный разведчик, патриот своей Родины — Василий Михайлович Зарубин — заслуженно получил эту высокую награду. Но исходя из широко известных фактов — его работы в Германии с марта 1935 по март 1937 г., кураторства над агентом Брайтенбах, отъезда из Германии в марте 1937 г., его награждения высокой правительственной наградой в мае 1937 г., — получается, что реляция к награде в значительной мере была обусловлена его (вместе с Брайтенбахом) вкладом в разгром заговора военных! 2.7. Злостно опороченный генерал Николай Скоблин, он же Фермер (ранее ЕЖ-13) — руководитель разведки и контрразведки Российского общевойскового союза (РОВС). 2.8. Агент А-270 — австрийский барон Курт фон Позаннер, профессиональный разведчик, руководящий сотрудник разведки НСДАП, одним из первых сообщивший о заговоре. 2.9. Агент Сюрприз — австрийский военный разведчик Адольф Хайровски, которого курировал А-270. 2.10. Винцент Антонович Илинич, также одним из первых сообщивший о заговоре. 2.11. Генерал П. П. Дьяконов, имевший прямые выходы на высшее руководство вооруженных сил и спецслужб Франции, особенно 2-го Бюро Генштаба, а также располагавший широкими связями в русской эмиграции в Европе, особенно среди бывших военнослужащих царской армии. 2.12. Агенты советской разведки в ближайшем окружении президента Чехословакии Э. Бенеша — Людмила Каспарикова и Яромир Смутный. 2.13. Доблестный представитель «кембриджской пятерки» — Дональд Маклин, имевший прямой допуск ко многим материалам британского МИДа, в том числе и по германской тематике. 2.14. И многие другие агенты и сотрудники советской разведки, своевременно добывавшие и передававшие в Москву сведения о заговоре. 2.15. Агентура контрразведывательных органов госбезопасности СССР, о которой в принципе достаточно известно из ряда публикаций. Конечно, как бы ни хотелось рассказать обо всех, но в рамках одной книги сделать это нереально. Однако на фигуре одного из тех, чье имя вообще никогда не увязывалось с разоблачением заговора военных, хотелось бы задержать внимание. Речь идет о выдающемся патриоте России, знаменитом военном разведчике еще с царских времен, Генерального штаба генерал-майоре (с 15.07.1916), генерал-лейтенанте Советской Армии — графе Алексее Алексеевиче Игнатъеве, до октября 1917 г. являвшемся военным

агентом (атташе) России во Франции. Алексей Алексеевич и его младший брат, также профессиональный разведчик Павел Алексеевич, по личному приказу Николая II с 1915 г. занимались тщательным расследованием обстоятельств активно инспирировавшихся за рубежом слухов о сепаратных переговорах между Германией и Россией, о готовящемся «дворцовом перевороте» прогерманского толка, о грядущей революции под германским патронажем и т. п. Как истинные патриоты России, братья Игнатьевы проделали тогда огромную работу и очень многое смогли установить достоверно. И не их вина, что добытая ими информация не пошла на пользу России, которая, к слову сказать, могла быть немалая. Ведь они, особенно Павел Алексеевич, первыми в русской разведке еще в 1916 г. смогли достоверно установить факт прямой причастности германской разведки и ее агентуры к работе с Лениным и К°. У Павла Алексеевича была компактная, но очень эффективная нелегальная резидентура с отличным агентурным аппаратом, действовавшая на территории Швейцарии. К сожалению, подлый удар по его резидентуре и агентурному аппарату нанес предатель интересов России П. Милюков в своей на редкость провокационной речи с трибуны Госдумы 1 ноября 1916 г., после чего о некоторых агентах П. А. Игнатьева стало широко известно. Однако в целом его резидентура сумела выдержать удар и сохранить основные позиции, и как знать, не этой ли резидентуры в том числе, наряду с резидентурой, возглавлявшейся официальным военным агентом генерал-майором С. А. Голованем, опасались германские хозяева Тухачевского и он сам. Ведь проболтавшись почти месяц в Швейцарии, он так и не удосужился появиться перед официальным военным агентом России, отправившись прямиком в Париж к А. А. Игнатьеву, у которого из-за перегруженности делами по координации военных и разведывательных действий России и Франции просто не было времени на проверку сбежавшего из плена подпоручика Тухачевского. Но что интересно — после октябрьского переворота Алексей Алексеевич перешел на сторону большевиков. В 1924 г. — обратите внимание, после смерти Ленина — передал в распоряжение СССР все банковские счета и лежавшие на них немалые валютные средства, а сам остался работать в советском торгпредстве в Париже. Павел Алексеевич и вовсе остался жить в эмиграции (умер в 1930 г.). Однако в руках у братьев остались практически все нити агентурных и иных оперативных контактов и связей для негласного наблюдения за действиями германской разведки и тайных обществ, а также их агентуры против России. В 1937 г. Алексей Алексеевич возвратился в СССР и, несмотря на 60-летний возраст, из сотрудников торгпредства был зачислен на действительную военную службу инспектором по иностранным языкам Управления военно-учебных заведений РККА. Почему именно в

1937 г. он возвратился в СССР? Не боясь, хотя за рубежом уже в массовом порядке гуляли всевозможные слухи и сплетни об арестах в Москве? Почему, за какие конкретно заслуги его, уже достигшего 60-летнего возраста, зачислили на действительную военную службу, в то время когда из РККА увольняли молодых? Из одной радиопередачи от 9 мая 2002 г. по случаю Дня Победы выяснилось, что А. А. Игнатъев был очень близок к Сталину и мог обращаться к нему напрямую. Так что же столько лет после революции делали высокопрофессиональные русские разведчики Алексей и Павел Игнатъевы, особенно Алексей? Судя по всему, они по-прежнему занимались разведывательной деятельностью, причем явно минуя все разведслужбы СССР, выходя прямиком на Сталина. Об обоих братьях длительное время сохранялся своеобразный заговор молчания. В лучшем случае о них, в основном об Алексее Алексеевиче, вспоминали только в связи с передачей им всех банковских счетов. Но именно факт умолчания — один из самых верных признаков, что они сыграли значительную роль в разоблачении заговора военных. Потому как подобный прием — негласное использование бывших сотрудников бывших спецслужб бывшего государства — вообще очень характерен для мира разведок, а для личной разведки Сталина — особенно. И вот еще что. Архив А. А. Игнатъева до сих пор находится в Париже, на хранении у французского государства. Почему? Почему его хотя бы сейчас не заберут в Россию? Ведь Россия в порядке реституции отдала Франции десятки тонн архивных материалов масонских лож и 2-го Бюро Генштаба. Неужели нельзя поставить вопрос о возврате архива выдающегося патриота России? Ведь не глядя, кто и чем достоин, тащим в Россию всякие, отнюдь не святые мощи всевозможных почивших в бозе в эмиграции деятелей! А может, все дело в том, что эти архивы крайне нежелательны для «демократии»? Похоже на то, потому что если посмотреть, как «оригинально» в России переиздается знаменитая книга А. А. Игнатъева «50 лет в строю», то поневоле придешь к такому выводу. При Сталине это было невозможно, так как не было соответствующей правовой базы для осуществления такого возврата. Но сейчас-то это возможно!]

Едва только все компоненты сложились, тут же последовала реакция не только со стороны Сталина, но и в чем-то даже на его опережение со стороны Великобритании в лице ее разведки и иных заинтересованных структур. И как вы думаете, что же сделала Великобритания?! Не поверите! Первым делом Великобритания вышибла из Европы... «беса мировой революции» — Льва Давидовича Троцкого-Бронштейна!

По сию пору и, как правило, в экстазе начисто отупляющего зоологического антисталинизма авторство в деле вышибания Троцкого из Европы приписывают Сталину. Мол, он инспирировал в Норвегии, где проживал Троцкий, соответствующую кампанию давления на норвежские власти, и те вынудили «беса» умотать за океан... в Мексику?! Между тем правда такова. Решение о высылке Троцкого из Норвегии принималось под давлением ее короля. Воздействовать на него Сталин не мог. На него мог воздействовать только английский король. Ибо оба они являлись членами Комитета 300. И английский король Эдуард VIII до своего отречения в декабре 1936 г. успел-таки повлиять на норвежского «коллегу». Кроме того, по каналам Комитета 300 было оказано массивное давление на подконтрольного американским масонам президента Мексики Ласаро Карденаса, который был масоном высокой степени посвящения, и эта страна, прославившаяся такой же разнузданно-кровавой масонской революцией, согласилась «гостеприимно» принять Троцкого. В декабре 1936 г. без какого-либо почета «бес» был «отгружен» и месяц кряду «пил» на каком-то тихоходном грузовом судне в Мексику, куда прибыл в январе 1937 г. Еще раз обращаю внимание на то обстоятельство, что еще в ноябре 1936 г. в руководящих кругах РОВСа в Париже циркулировала информация о скором свершении государственного переворота в СССР силами военных во главе с маршалом Тухачевским. То есть Троцкого вышибли из Европы, откуда легче было поддерживать связь со своими сторонниками в Советском Союзе, буквально в канун грядущей в самом ближайшем будущем попытки государственного переворота.

Второе, что сделала Великобритания — в лице своей разведки, — еще интересней. Британская разведка дала ясную «отмашку» на начало операции по негласному «сливу» информации о заговоре через Чехословакию Сталину. Замечая впоследствии следы прямой причастности Великобритании к этой операции, У. Черчилль описал ее в своих мемуарах следующим образом.

Сославшись на беседу с экс-президентом Чехословакии Э. Бенешом в 1944 г. в Марракеше (Марокко), Черчилль указал, что «осенью 1936 г. Бенешу из высокопоставленного военного источника в Германии передали, что если он хочет воспользоваться предложением Гитлера, то должен спешить, потому что в скором времени в России произойдут события, которые сделают несущественной его возможную помощь Германии».

Речь шла о том, что фюрер выразил готовность уважать целостность Чехословакии в обмен на гарантии, что она останется нейтральной в случае германо-французской войны, однако в действительности это была весьма

неуклюжая попытка Адольфа хоть как-то нейтрализовать неоднократно упоминавшиеся выше договора между СССР, Чехословакией и Францией о взаимопомощи в отражении агрессии.

Этим «высокопоставленным военным источником в Германии» был самый ценный агент чехословацкой военной разведки А-54, он же Пауль Тюммель, майор (впоследствии полковник), глава дрезденского отдела абвера. Именно через него был осуществлен «слив» полностью достоверного и легко проверяемого компромата на Тухачевского и иных заговорщиков. Причем сначала президенту Чехословакии Бенешу, который, убедившись в том, что доложенная ему информация подлинная и легко проверяемая, сообщил ее Сталину в виде часто упоминаемого в литературе так называемого досье Бенеша!

Пауль Тюммель — член НСДАП с 1928 г. С 1933 г. сотрудник штаба абвера в Берлине. В 1934 г. был переведен в отдел абвера в Дрездене, который занимался Чехословакией. Под псевдонимом «доктор Хольм» возглавлял разведывательные сети абвера НЕТЦ-1 и НЕТЦ-2. 10 февраля 1936 г. под псевдонимом Карл инициативно подставился чехословацкой военной разведке и фактически с первой же встречи с ее главой — полковником Ф. Моравцем — пошел на вербовку. Вплоть до провала передавал стратегически важную достоверную информацию о военных и военно-политических планах Гитлера и его окружения, а также о деятельности германской военной разведки. Информация автоматически становилась достоянием не только чехословацкого, но и британского правительства. С первых же дней о факте его сотрудничества стало известно также и британской разведке, региональный резидент которой в Праге майор Гарольд Гибсон был ознакомлен с материалами Тюммеля. Вплоть до начала реализации Мюнхенского сговора, то есть до 1 октября 1938 г., А-54 являлся фактически ключевым агентом, на информации которого большей частью и основывалась система мер военной безопасности Чехословакии. С 1939 г. А-54 фактически стал агентом также и британской разведки под псевдонимами Франта, Рене, Евы, хотя оперативное руководство по-прежнему осуществлялось по нелегальным каналам чехословацкой военной разведки. До своего провала в 1942 г. Пауль Тюммель являлся одним из ключевых агентов МИ-6 в Центральной и Юго-Восточной Европе. Провал произошел в результате целенаправленных поисков гестапо, которое внедрило свою агентуру в чешское движение Сопротивления.

К информации А-54, поступающей в Лондон в годы войны, прямой доступ имели и выдающиеся агенты советской внешней разведки Энтони

Блант и Ким Филби^[475]. Однако советская военная разведка знала о Пауле Тюммеле — как об агенте А-54 (без раскрытия имени) — еще в начале второй половины 30-х годов. Как указывалось выше, параллельно с советско-чехословацким договором о взаимопомощи в отражении агрессии, в том же 1935 г. было подписано и соглашение о сотрудничестве между военными разведками СССР и Чехословакии. А с 27 мая 1936 г. в Праге начал действовать совместный разведывательный центр ВОНАПО, переименованный впоследствии в ВОНАПО-2. Центр занимался различными видами разведывательной деятельности и постоянным обменом разведывательной информацией. Чехословацкая военная разведка неоднократно представляла советским коллегам информацию, в том числе и от А-54 — о германском шпионаже против Советского Союза с территории сопредельных с ним государств, которая неизменно подтверждалась. К глубокому сожалению, как о самом факте сотрудничества между чехословацкой и советской военными разведками, так и тем более о налаженном между ними обмене разведывательной информацией по Германии хорошо было известно британской разведке. В том числе и о том, что советской стороне часто передается информация А-54. В смысле политической проституции глава чехословацкой военной разведки Франтишек Моравец ничем не отличался от президента своей страны — Эдуарда Бенеша.

Уинстон Черчилль не только прекрасно знал о существовании А-54, но и не раз читал его информацию. После начала Второй мировой войны Тюммель активно сотрудничал также и с британской разведкой, сообщая в Лондон подробные планы различных операций («Морской лев» — против Англии, «Барбаросса» — против СССР, «Марита» — против Греции) и многое другое. Поэтому, приведя слова Бенеша в своих, еще в 1951 г. изданных мемуарах, Черчилль отдавал себе отчет, о каком конкретно «высокопоставленном военном источнике в Германии» он пишет. Однако он не назвал ни имени, ни даже псевдонима этого агента.

«Отмычкой» к разгадке этой тайны является история убийства шефа Главного управления имперской безопасности (РСХА) Третьего рейха — Райнхарда Гейдриха. Гейдрих был убит по жесточайшему настоянию именно британской разведки. Операцию «Антропоид» — убийство Гейдриха в Чехословакии в 1942 г. — боевики нелегальной резидентуры чехословацкой военной разведки осуществили под очень сильным нажимом Лондона. Получив задание подготовить убийство Гейдриха и трезво оценив негативные последствия для мирного населения, они — как граждане и сотрудники союзной Великобритании страны и разведки, — обратились к находившемуся в Лондоне своему начальству, а через него и к главе

британской разведки — Стюарту Мензису — с просьбой отменить его. Свою просьбу они обосновали тем, что выполнение задания неизбежно повлечет неминуемое развязывание кровавого террора против мирного населения Чехословакии. Однако в самой грубой и недвусмысленной форме Лондон категорически ответил, что операция «Антропоид» должна быть проведена во что бы то ни стало.

Несмотря на ряд препятствий, в том числе и предательство, операцию «Антропоид» чехословацкие разведчики-боевики все-таки провели, однако она не достигла цели. Хотя Гейдрих и был тяжело ранен, но не смертельно, а испустил дух лишь в результате сепсиса. Оккупационные власти в долгу, «естественно», не остались. Однако всемирно известная трагедия сожженной вместе со всем населением чешской деревушки Лидице на совести не только нацистов, но и лично тогдашнего главы британской разведки Стюарта Мензиса. Не говоря уже о Бенеше, который был крайне заинтересован в осуществлении этой операции, дабы показать всему миру, что Чехословакия сопротивляется Гитлеру, чего в действительности не было. «Братский» чехословацкий народ исправно клепал военную технику для вермахта и взбрыкивал лишь изредка, когда урезали пивную пайку. Так во имя чего (или кого) столь беспрецедентно жестким требованием безусловного уничтожения Гейдриха Стюарт Мензис сознательно подставил под неминуемую зверскую расправу не только ни в чем не повинных людей, но ведь и не имевших к этому делу никакого отношения граждан хотя и союзного, но тем не менее иностранного государства?!

Ответ на этот вопрос, причем из уст самого Стюарта Мензиса, еще в 1942 г. сумел получить выдающийся советский разведчик Ким Филби. Дело в том, что Мензис поддерживал личную связь с главой абвера — адмиралом Канарисом и даже периодически встречался с ним в Швейцарии и Швеции (кстати говоря, за связной Канариса в Швейцарии — женой погибшего польского военного атташе в Германии Галиной Шимански, — судя по всему, «присматривала» и советская разведка). После одной из таких встреч Мензис и отдал приказ о подготовке убийства Гейдриха руками боевиков чехословацкой военной разведки^[476]. формально приказ о ликвидации Гейдриха в первую очередь был увязан с тем, что он лично разработал и провел через утверждение Гитлера план «окончательного решения еврейского вопроса» в оккупированной Европе, обсуждавшийся на Ванзейской конференции в конце января 1942 г. Ким Филби был среди тех, кого приказ об уничтожении Р. Гейдриха касался в первую очередь. Он предложил ликвидировать заодно и самого Канариса — мысль вполне уместная во время такой войны. Однако в ответ услышал жесткие слова С. Мензиса: «Я не хочу, чтобы против адмирала предпринимались какие-либо

действия». В итоге Мензис фактически признал наличие негласной связи между ним и Канарисом и, более того, что вопрос об уничтожении Гейдриха именно в Чехии возник явно по инициативе самого Канариса, а он, Стюарт Мензис, глава британской разведки, гарантировал ему удовлетворение его необычной просьбы. Конечно, из этого не следует спешить с выводом о том, что Канарис был тривиальным агентом МИ-6. Не тот случай и не тот ранг, да и сами англичане искусные профессионалы, чтобы не требовать с адмирала подписку о сотрудничестве. Исходя из того, что написано в зарубежной и нашей литературе, статус Канариса в спарке с Мензисом можно с полной уверенностью охарактеризовать, как «инициативно информирующего в порядке консультирования инициативного агента инициативного же влияния», разумеется, прозападного, точнее, в формате прозападного антинацизма. Немного длинно, зато соответствует действительности.

Побудившая Канариса обратиться к Мензису с просьбой о такой услуге причина заключалась в том, что старинный враг адмирала — глава РСХА Райнхард Гейдрих — буквально «висел» у него на «хвосте», совершенно обоснованно, едва ли не с первых же дней пребывания Канариса на посту главы абвера, подозревая его в связях с британской разведкой. Отличный контрразведчик Р. Гейдрих издавна ненавидел Канариса^[477] и потому быстро собрал объемистое досье компромата на «хитроумного левантинца»^[478]. В нем были сконцентрированы многочисленные данные, свидетельствовавшие о том, что Канарис едва ли не с января 1935 года, когда был назначен на пост главы абвера, состоял в оперативном контакте с британской разведкой.

Собранные Гейдрихом материалы убедительно свидетельствовали о том, что как сам лично, так и через сеть специально подставленных СИС сотрудников и агентов абвера Канарис передает англичанам важнейшую информацию. Прекрасно зная не только правила нацистского «политеса», но и волчьи законы спецслужб Третьего рейха, Канарис не менее быстро собрал объемистое досье на самого Гейдриха, Оно якобы уличало главу РСХА в неарийском происхождении — якобы среди его предков были евреи (что не соответствовало действительности). Это означало не только автоматический вылет Гейдриха из нацистской партии и со всех постов в СС, но и неминуемое его водворение в концлагерь, если не вообще тайный расстрел.

К началу 40-х гг. обоюдная вражда достигла невиданного размаха — Гейдрих как настоящая гончая шел по следу Канариса. И когда Гейдрих отправился в Прагу, Канарис понял, что это конец. Гейдрих именно потому направился в Прагу, что совершенно обоснованно искал там абсолютно

неопровержимое доказательство связи Канариса с британской разведкой. Потому что именно в Чехии находился и активно действовал через каналы чехословацкой военной разведки к тому времени весьма высокопоставленный сотрудник абвера — Пауль Тюммель, он же А-54. Провал произошел в результате целенаправленных поисков гестапо, которое внедрило свою агентуру в не отличавшееся активностью чешское движение Сопротивления. Как только «выплыла» фамилия А-54 — Пауль Тюммель, — в РСХА случился своего рода переполох. Дело в том, что он с давних пор являлся личным другом рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера и, в частности, на работу в отдел абвера в Дрездене был направлен именно по его распоряжению. Учитывая это обстоятельство, контрразведывательную разработку П. Тюммеля по обвинению в шпионаже возглавил лично Р. Гейдрих. Конечно, личная близость с Гиммлером даже для не посвященного в тайны специфики разведдеятельности — момент чрезвычайно настораживающий. Однако он быстро нейтрализуется тем, что с первого и до последнего дня работы на чехословацкую, а затем еще и на британскую разведку П. Тюммель всегда поставлял беспрецедентно достоверную, секретную, а потому и наивысшую информацию. Специально подставленный в дезинформационных целях агент рано или поздно, но обязательно начинает передавать дезинформацию — его для того и подставляют. А этого у А-54 за все время сотрудничества ни разу не было отмечено. Именно из-за него, П. Тюммеля, Канарис и попросил Стюарта Мензиса срочно организовать убийство Р. Гейдриха. Если бы глава РСХА схватил Тюммеля, то уж он-то выпотрошил бы его полностью, и висеть бы Канарису на том же железном крюке за ребро в подвале гестапо еще в 1942 г.

Судя по всему, П. Тюммель был личным, особо доверенным представителем Канариса, и именно по его указанию он подставился чехам. В пользу такого вывода говорит «почерк» работы самого Канариса: во-первых, абсолютное отсутствие материальной основы сотрудничества А-54 с британской разведкой — Канарис был чрезвычайно щепетилен в этих вопросах в работе на Запад. Во-вторых, исключительная достоверность секретнейшей информации, поставлявшейся А-54 на протяжении всего периода его сотрудничества и с чехами, и с англичанами, причем без единого подозрения на дезинформацию, что также чрезвычайно характерно для «почерка» работы Канариса на Запад. В-третьих, изощренное коварство самого адмирала в выборе кандидата на такую роль. Очевиден прямой расчет Канариса на то, что в случае угрозы провала он сможет «умыть руки», свалив все на Гиммлера как на друга и покровителя Тюммеля. Это обыденная в мире спецслужб практика — подставлять друг друга, особенно

перед высшим руководством своего государства, тем более с помощью знаковых фигур или событий^[479]. В-четвертых, точный расчет Канариса на то, что британская разведка, тем более в условиях войны, не будет копаться в причинах сотрудничества Тюммеля с «врагом». Вполне достаточно будет как бы само собой подразумевавшегося неприятия нацистского режима. И, наконец, в-пятых: несмотря на то что РСХА шло буквально по «горячим следам», довольно долгое время П. Тюммелю удавалось ускользать из лап гестапо. В первую очередь это следует объяснять не только и не столько его личным профессионализмом, хотя он и налицо, а прямым покровительством Канариса — ведь в руках адмирала была и военная контрразведка, которая не только очень часто переходила дорогу гестапо, но и очень искусно подставляла гестаповцев под критику его же начальства. Канарис был профессионалом очень высокого класса и свои ходы рассчитывал очень точно.

В принципе сама эта история вряд ли является новостью. Как под собственным именем, так и под псевдонимом А-54 Пауль Тюммель достаточно широко представлен в различных трудах по истории Второй мировой войны. Но никто никогда не обращал внимания на то, что именно через этого агента и была осуществлена передача достоверной и полностью проверяемой информации о заговоре советских военных чехословацкой военной разведке, которая, естественно, доложила об этом своему президенту — Бенешу, а тот, убедившись в том, что это правда, — Сталину.

И все дело тут заключалось в том, что П. Тюммель (А-54) являлся одной из двух ключевых фигур в созданной Канарисом двухканальной системе круговорота самой секретной информации и заочных секретных консультаций. Она была остро целенаправленно сориентирована на высшее руководство британской разведки — лично на Стюарта Мензиса, который практически одновременно с назначением адмирала на пост главы абвера стал первым заместителем руководителя СИС, а чуть позже и шефом британской разведки. Одновременно с Тюммелем, даже чуть раньше, Канарис ввел в поле зрения Мензиса другого своего агента — Роберта фон Треека вместе с супругой Виолеттой фон Шредер (немкой чилийского происхождения). Фон Треек открыто был подведен к Мензису — стал его соседом по загородному поместью в местечке Лакингтон (графство Уилшир), что к западу от Лондона. Осуществляя эту операцию, Канарис прекрасно отдавал себе отчет в том, что на фон Треека есть достаточно пухлое досье в британской разведке — на том, собственно говоря, и строился весь расчет адмирала. Ибо главная задача Роберта фон Треека в том и заключалась, чтобы выйти, в том числе и с помощью того же Мензиса, на высшие круги британской элиты, причем так, чтобы та изначально знала

и понимала, с кем имеет дело. Мензис, надо отметить, мгновенно установил, что за сосед у него появился, и вполне лояльно отнесся к этому факту, причем настолько, что систематически подтрунивал над фон Треском, выкрикивая при его виде слова из песни «Германия» — «Дойчланд, Дойчланд юбер алес». Знаток истории британских спецслужб Алан Браун прямо указывал, что фон Треек был направлен в Англию «для установления контактов с британской ветвью "Синего Интернационала" — небольшой, тесно связанной между собой группой политической и торговой аристократии, в руках которой находилась подлинная власть в Европе». Свою задачу Роберт фон Треек выполнил блестяще — даже стал постоянным участником знаменитой «охоты Бофора», проходившей под руководством шталмейстера Букингемского дворца герцога Бофора, охоты для британской высшей знати. Именно об этих, собиравших сливки высшей британской элиты, охотничьих забавах герцога Бофора Алан Браун с тончайшим знанием сути дела написал, что вся эта «охота Бофора представляла собой в такой же степени политический заговор, как и спорт». Сутью же отношений Роберта фон Треека с Мензисом было как поддержание непосредственного личного контакта с ним, так и, как отмечал тот же Браун, «обсуждение в таких вопросах, которые будут представлять интерес для нас обоих» — именно так представитель Канариса и заявил своему визави по охоте. Как для Мензиса, особенно для стоявших за ним могущественнейших сил Британской империи, с одной стороны, так и для Канариса и тех оппозиционных Гитлеру, но прозападно настроенных сил, которые с беспрецедентной осторожностью адмирал пытался представлять. К тому моменту, когда фон Треек как бы раскрыл свое истинное лицо перед Мензисом, а также суть и цели своей миссии в Англии, тот уже прекрасно знал, кто перед ним. Он располагал достоверной информацией как о фон Трееке, так и о том, что Канарис фактически перешел в оппозицию к нацизму. В оппозицию сугубо прозападного толка, то есть полностью разделял геополитическую русофобию Запада, а также мнение последнего о необходимости уничтожения Советского Союза. Более того, Мензису было известно и о том, что адмирал начал готовить почву для создания широкой заграничной антигитлеровской сети.

Созданная Канарисом двухканальная система негласной связи с руководством британской разведки просуществовала до начала Второй мировой войны (при первых же ее залпах фон Треек скрылся из Англии в неизвестном направлении). В 30-х гг. XX века каждая более или менее заметная фигура Третьего рейха почитала делом особой чести иметь собственный канал нелегальной связи с представителями различных кругов правящей элиты Великобритании. Гитлер, Геринг, Гиммлер, Розенберг,

Риббентроп, Гейдрих и другие располагали собственными каналами выхода на руководящие круги **PERFIDIOUS ALBION**^[480]. Канарис действовал как высококлассный профессионал — свою систему он создал, четко сориентировавшись не просто на высший уровень, а именно на высший уровень закулисья Британской империи. Одновременно эта система функционировала для передачи информации и получения консультаций, не создавая в то же время угрозы провала для самого адмирала, если бы, конечно, не «висевший на хвосте» у Канариса Гейдрих. По каналу А-54 Канарис запускал информацию, в том числе и зондажного типа, а по каналу фон Треека получал реакцию руководства британской разведки и адекватно ей координировал свои действия как внутри рейха; так и за его пределами. Чисто с профессиональной точки зрения Канарису нельзя не отдать должное — в создании такой системы очевиден колоссальный, оправдавший себя расчет. Адмирал прекрасно понимал, что в 30-х гг. самой британской разведке такой агент, как Пауль Тюммель, еще не был нужен, во всяком случае так остро, как во время войны. В 30-х гг. передаваемая А-54 достоверная информация могла не только привести к провалу, но и просто вывести на самого Канариса, действуй он прямолинейно на британскую разведку. Кстати говоря, с того момента, как А-54 стал действовать на англичан, оно так и случилось — Гейдрих именно тогда-то плотно и «сел на хвост» Канарису.

А вот чехам такой агент, как А-54, был нужен. В Европе, прежде всего в самой Праге, мало кто сомневался, что первой жертвой Гитлера будет именно Чехословакия. При создании этого канала Канарис исходил из того, что, во-первых, сам Бенеш, на которого как на главу государства и главнокомандующего замыкалась чехословацкая военная разведка, был давним, еще со времен Первой мировой войны агентом влияния британской разведки, который так или иначе, но обладал определенным авторитетом у своих хозяев в Лондоне. Не случайно в его окружении постоянно находились лучшие британские разведчики в Центральной Европе — Локкарт, Никольсон, Гибсон и другие. Расчет Канариса строился на том, что Бенеш, либо шеф чехословацкой военной разведки, либо они оба, но обязательно будут постоянно сообщать своим британским коллегам получаемую от А-54 информацию, особенно по стратегическим вопросам. Адмирал прекрасно понимал, что Бенешу жизненно важно повлиять на британские представления о нацистской Германии, убедить Лондон в том, что Германия представляет серьезную опасность, а заодно нейтрализовать то благоприятное впечатление, которое лидер судетских немцев Генлейн произвел в Англии. Конечно, это не означает превращение Канариса «из Савла в Павла». Все значительно проще. В судетском вопросе в

непримиримой схватке адмирал схлестнулся с Гейдрихом. Канарис поддерживал Генлейна, выступал за самоопределение судетских немцев и их вступление в рейх, но не ценой войны. Что, к слову сказать, точно соответствовало и планам Великобритании. Гейдрих же поддерживал ультрарадикальное крыло судетских сепаратистов во главе с Карлом Германом Франком, цель которого состояла не только в достижении самоопределения судетских немцев, но и в полном физическом уничтожении чехов как народа, что автоматически привело бы к войне Германии на два фронта. Причем с заведомо понятным и плачевным для нее итогом. В своей поддержке Гейдрих пошел настолько далеко, что во всеуслышание объявил Генлейна агентом британской разведки. Судетский же вопрос был одним из решающе ключевых вопросов европейской безопасности того времени. И адмирал решил создать специальный агентурный канал для доведения до сведения Лондона, но руками Бенеша и чехословацкой военной разведки, достоверной информации о политике поддерживаемого Гейдрихом руководства ультрарадикального крыла судетских сепаратистов. Принципиальная цель адмирала в данном случае практически на все 100 % совпадала с британскими чаяниями. Ибо он стремился избавить Германию от такого сценария войны, в котором против Германии на двух фронтах выступят одновременно Великобритания и Франция в тесном сотрудничестве с Советским Союзом и Чехословакией. С абсолютной точностью это совпадало и с подлинными намерениями Великобритании. Проще говоря, как и Лондон, адмирал предпочитал вариант войны непосредственно против СССР, но никак не с Западом. При этом и, во-вторых, адмирал исходил из того, что чехословацкая военная разведка находится под полным контролем британской, региональный резидент которой, майор Гарольд Гибсон, был близким другом главы первой — Франтишека Моравца. И вовсе не случайно, что к осуществлению операции по подставе П. Тюммеля Канарис приступил именно в начале 1936 г. К этому времени он уже точно знал, что между Г. Гибсоном и Ф. Моравцом установилась прочная рабочая связь. Адмирал бил прямо в точку. Расчет Канариса был также и на то, что со временем эти обстоятельства приведут к безоговорочному доверию британской разведки к А-54 и поставляемой им информации в случае возникновения войны. В-третьих, расчетливо учел Канарис и то обстоятельство, что Бенеш был еще и опытным, обладавшим колоссальными связями в мире масонского закулисья высокопоставленным масоном — он являлся мастером пражской ложи «PRAVDA VIYEZI», входившей в систему «Великого Востока Франции». С этим обстоятельством связана одна тонкость в расчетах Канариса. Как опытный разведчик, адмирал прекрасно понимал, какое непреодолимое для

Германии препятствие представляют многократно упоминавшиеся договора СССР с Францией и Чехословакией. Естественно, что, так же как и высшее нацистское руководство, он тоже стремился разрушить это опасное для Германии трио, понимая, что оно может обернуться войной на два фронта. В этом его намерения полностью соответствовали планам Великобритании. Однако иметь дело с французской разведкой Канарис не желал, даже негласно^[481]. Хотя знал, что в той же Праге находится резидент 2-го Бюро французского Генштаба — майор Анри Гаю, а глава чехословацкой военной разведки регулярно встречается с шефом последнего. Знал он и об обмене разведанными по Германии между французской и чехословацкой разведками. Тем не менее Канарис пошел на то, чтобы исподволь задействовать именно масонский статус Бенеша для передачи информации А-54 в Париж. Адмирал прекрасно знал силу и возможности французских масонов в плане оказания влияния на политику Франции. Вовсе не случайно, что операцию с подставой П. Тюммеля адмирал начал именно тогда, когда правительство Франции возглавил не столько левый социалист, сколько тайный «брат» ложи «L'action socialiste», входившей в систему «Великого Востока Франции», — Леон Блюм. Передавая через А-54 достоверную информацию о вооружениях и планах Германии, адмирал прекрасно осознавал, что она будет доведена до сведения французского руководства в основном по масонским каналам, что придаст ей большую весомость и сильнее повлияет на формирование у руководства Франции нежелания продолжать сотрудничество с СССР и Чехословакией. «Удивительным» образом и в этом совпавший с самыми сокровенными чаяниями Великобритании расчет Канариса в итоге также оправдался. В четвертых, при создании канала А-54 адмирал четко ориентировался на главу чехословацкой военной контрразведки майора Бартика как на гарантию от провала на первом же этапе операции — что-что, но агентурные возможности своего же абвера в Чехословакии Канарис знал блестяще, не говоря уже о возможностях Гейдриха. Потому-то первый сигнал от П. Тюммеля о его готовности сотрудничать с чехами и поступил на имя Бартика, а Ф. Моравец подключился чуть позже.. В-пятых, Канарис учел и фактор наличия соглашения о сотрудничестве между советской и чехословацкой военными разведками. Совершенно не случайно организация канала А-54 началась именно с 10 февраля 1936 г., то есть фактически за месяц до вступления в силу этого договора. И с этим тоже связана очередная тонкость. Дело в том, что в прямом подчинении Канариса находилась также и военная контрразведка, в структуре которой функционировал специальный отдел по наблюдению за офицерским корпусом Германии, в том числе и за генералитетом, о просоветских симпатиях которого он

прекрасно знал. Как, впрочем, и о тайных шашнях ряда германских генералов с советскими коллегами. Не исключено, что адмиралу не все было известно о двойном заговоре, хотя, если честно, едва ли. Потому как он не только хорошо знал настроения генеральской оппозиции, но и был достаточно близок (но осторожен) с некоторыми из ее представителей. Более того. Едва только в Испании разгорелась гражданская война, стало известно и о сотрудничестве руководящего троцкистского отребья за рубежом с абвером. Так что Канарис и по этому каналу мог знать о действиях троцкистского подполья в СССР. В то же время нельзя не отдать должное, по меньшей мере, его сильной интуиции высококлассного профессионального разведчика — ведь операцию по подставе П. Тиммеля он начал осуществлять как раз после тех самых, во всем более чем подозрительных зарубежных вояжей Тухачевского и Уборевича, о чем много говорилось выше.

А при таком количестве совпадений и при условии, что речь идет об очень сильном профессиональном разведчике мирового уровня, в части, касающейся главного предмета нашего расследования, вывод может быть только один. Глава абвера — адмирал Канарис — пошел на создание канала А-54 также и для того, чтобы предотвратить возможное сближение Германии и СССР, в том числе и за счет одновременного военного переворота в двух государствах. Ему же хорошо были известны настроения германских генералов, открыто угрожавших переворотом в случае, если Гитлер будет настаивать на скором развязывании войны при полной неготовности вермахта. И в этой связи тем более не случайно, что начало операции по «сливу» достоверной, но откровенно направленной на испуг Праги (а также Парижа) информации о действиях советских заговорщиков Канарис начал именно тогда, когда, во-первых, в вермахте произошел зафиксированный британской разведкой сильный всплеск просоветских симпатий. А во-вторых, после тех самых стратегических командно-штабных учений, в ходе которых «герры генералы» без подсказок абвера показали невероятную прыть в картографической агрессии. И тот факт, что первым делом в упоминавшейся выше информации от А-54 прозвучал именно глухой намек на грядущие в скором будущем изменения в Советском Союзе, означает, что Канарис не только, знал о заговоре советских генералов и их поддержке со стороны германских коллег, но и согласовал свои действия с британской разведкой. Потому как начало операции по «сливу» угрожающей безопасности Чехословакии информации о заговоре советских генералов на редкость точно совпало также и с действиями британской разведки и дипломатии. Как раз именно в это время Великобритания была занята не только тем, что в европейском масштабе усиленно разжигала

ажитоаж подозрений о якобы грядущем альянсе между Гитлером и Сталиным, которого в ходе своей якобы «тайной миссии» добивается Давид Канделаки, но и разворачивала свои негласные действия по безусловному заваливанию заговора. Адмирал прекрасно понимал, что информация «А-54» автоматически расползется по многим адресатам как на Западе, так и на Востоке. Так оно и вышло в действительности. Получив эту информацию, Бенеш передал ее суть в Париж, где уже к концу 1936 г. точно знали о заговоре Тухачевского и под этим предлогом отказались от военного сотрудничества с Советским Союзом. В свою очередь глава чехословацкой военной разведки Ф. Моравец передал ее резиденту британской разведки Г. Гибсону, а тот, естественно, в Лондон, где всю информацию по германскому направлению курировал лично С. Мензис. А вскоре по каналу Роберта фон Треека Канарис получил от бриттов и дополнительную отмашку — а передачу чехословацкой военной разведке документальных данных о заговоре советских и германских генералов в таком виде и такой ужасающей, но легко проверяемой достоверности, чтобы связанный соглашением о сотрудничестве разведок Э. Бенеш вынужден был передать полученные материалы Сталину.

Однако самым важным шагом на пути к безусловному заваливанию заговора Тухачевского как обязательному прологу к уже запланированному сговору с Гитлером за счет Чехословакии стал третий шаг Великобритании, занявший «достойное» место в списке сплошных преступлений западных «демократий» перед человечеством. По инициативе Лондона произошел малоизвестный англо-американский предмюнхенский сговор. Уже в середине 30-х гг. высшее руководство Великобритании прекрасно понимало, что мировое лидерство постепенно переходит к непрерывно набирающим невиданную экономическую мощь Соединенным Штатам Америки, без участия которых запланированная Вторая мировая война не обойдется.

В процессе этого малоизвестного сговора лидеры англосаксонского Запада договорились между собой о том, по какой конкретно «технологии» они безальтернативно исключат Советский Союз как предотвращающий «вступление Германии в войну» важнейший фактор не только европейского, но и мирового значения! Причем при одновременном обеспечении нацистской Германии возможности быстрого достижения необходимого уровня военной и военно-экономической готовности, а также стратегического плацдарма для немедленного развязывания войны на восточном азимуте! Свидетельствует добытая нелегальной резидентурой советской разведки в США агентурная информация о состоявшемся 29 января 1937 г. обмене мнениями между президентом США Ф. Д. Рузвельтом

и специальным представителем британского Кабинета министров С. Болдуина — Рэнсименом.

От имени США Рузвельт заявил на этих переговорах следующую позицию: «Если произойдет вооруженный конфликт между демократией и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции, и по настоянию Рузвельта Америка сохранит свой нейтралитет. Но если СССР окажется под угрозой германских, чисто империалистических, т. е. территориальных, стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их сторону»!

В ответ на это Рузвельт услышал от Рэнсимена пассаж о том, что-де «в основе каждого нападения фашистов или их вассалов на СССР будут лежать империалистические мотивы»!^[482]

Однако по состоянию на начало 1937 г. непосредственной, прямой угрозы для СССР со стороны гитлеровской Германии не было. Гитлер не только был еще весьма далек от советских границ и даже не знал, как к ним подобраться, но и слаб в военно-экономическом отношении. В то же время была очевидная серьезная общая угроза миру и безопасности в Европе в связи с воцарившимся в Германии нацистским режимом. Естественно, что такого же характера угроза существовала и для СССР. Отсюда и вопрос — а что же тогда на самом-то деле обсуждали Рузвельт и Рэнсимен? !

Под прикрытием внешне красивых рассуждений о «демократии» в тот момент обсуждалась стержневая, краеугольная часть уже существовавшего у Великобритании преступного замысла по сговору с Гитлером! Потому что, как тогда же документально точно было установлено советской разведкой, накануне их встречи британский посол в США Линдсей через госсекретаря Хэлла официально проинформировал высшее американское руководство о том, что между Лондоном и Парижем достигнуто соглашение о «совместном общем плане действий (так в документе. — А. М.) Англии и Франции». Первый пункт составленного, кстати говоря, А. Иденом и министром иностранных дел Франции Дельбосом плана, по словам Линдсея, гласил: «1. Будет сделана новая попытка достигнуть соглашения с Берлином»!^[483]

В беседе с госсекретарем Хэллом Линдсей затронул и вопрос о неготовности Гитлера к войне, обратив при этом особое внимание, что Гитлер испытывает более острый дефицит сырья, нежели о том известно. За признанием этого факта отчетливо проглядывается подлинный страх Великобритании по поводу возможного комплексного урегулирования советско-германских отношений, стержнем чего, в силу исторически

сложившейся традиции, станет урегулирование торгово-экономических отношений между СССР и Германией. Потому что Лондон до белого каления был взбешен:

— официальными контактами Д. Канделаки в попытках хоть как-то нормализовать советско-германские отношения — как торгово-экономические, так и межгосударственные;

— интенсивными попытками Советского Союза предотвратить нарастание угрозы гитлеровской агрессии не только в Европе, но и прежде всего против самого себя.

Проще говоря, Рузвельт и Рэнсимен обсуждали вопрос о том, как наиболее эффективно подставить СССР под «угрозу германских, чисто империалистических, то есть территориальных, стремлений», дабы змеиное «предвидение» Лондоном войны не позднее 1938 г. свершилось! Да так, чтобы у англосаксов появился законный повод вмешаться в ход событий и «на плечах» реализующей якобы свои экспансионистские планы нацистской Германии ворваться в Восточную Европу и особенно на оккупированную в таком случае территорию СССР, сыграть, точнее, симитировать роль (непрошеного!) «освободителя» и в итоге утвердить там свое господство! Вот что на самом-то деле тогда обсуждалось! А если еще проще сказать, то Великобритания попросту спрашивала у экономически более сильных Соединенных Штатов согласие на будущий (Мюнхенский) сговор с Гитлером, включая и отдельный предварительный сговор с фюрером!

Вот это и была «технология» безальтернативного исключения Советского Союза как предотвращающего «вступление Германии в войну» важнейшего фактора не только европейского, но и мирового значения. При одновременном обеспечении нацистской Германии возможности быстрого достижения необходимого уровня военной и военно-экономической готовности, а также стратегического плацдарма для немедленного развязывания войны на восточном азимуте. Потому что главным камнем преткновения в устройении новой мировой войны действительно было именно это обстоятельство! После этого у советских заговорщиков не осталось даже гипотетического шанса на выживание, ибо описанная выше ситуация означала, что в абсолютно плотное соприкосновение между собой вступили испокон веку не ведающие ни малейшей жалости жернова Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики.

Сговор между США и Великобританией, а также между последней и Францией — насчет новой попытки достигнуть нового соглашения с Германией — произошел на фоне первого московского процесса, в ходе которого К. Радек впервые упомянул имя Тухачевского, а значительная часть

подельников Тухачевского уже была арестована. К тому же это произошло в канун февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б), о котором было объявлено заранее. То есть Запад четко ориентировался на действия Сталина по выкорчевыванию заговора оппозиции, в том числе и ее военного крыла.

Едва только сговор между США и Великобританией произошел, как уже в начале февраля 1937 г. в Баденвейлере состоялась встреча тет-а-тет между Шахтом и Лейт-Россом. И именно после этого Гитлер:

— полностью отмел представленные Канделаки через того же Шахта предложения советского правительства о комплексной нормализации советско-германских отношений!^[484]

29 января 1937 г. Канделаки передал Шахту официальные предложения советского правительства приступить к широкому обсуждению всех актуальных вопросов нормализации германо-советских межгосударственных отношений. Значение Шахта в деловом и финансовом мире Германии в МИДе и разведке Великобритании понимали очень хорошо. И если нормализацией межгосударственных отношений СССР и Германии займется Шахт, то это будет означать прежде всего серьезное усиление торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами. А политическое оформление такого сотрудничества тем более будет крепко на государственном уровне Германии, что его будут подпирать капитаны германского делового мира, мнение которых Гитлер был обязан и слушать, и слышать.

— стал заявлять, что-де получил из России вести о грядущем перевороте!

— внезапно прервал германо-чехословацкие зондажные переговоры и более к ним не возвращался.

Более того. Именно после этой встречи Шахта с Лейт-Россом, письменно сообщая первому о сделанном Гитлеру докладе по итогам этой встречи, министр иностранных дел Германии Константин фон Нейрат написал: «Если делам суждено развиваться к установлению абсолютного деспотизма, опирающегося на военных, то в этом случае мы, конечно, не должны упустить нужный момент, чтобы снова занять сторонников в России»!^[485]

В другом варианте перевода того же самого текста это звучит так — «совсем другое дело, если ситуация в России будет развиваться дальше в

направлении абсолютного деспотизма на военной основе... в этом случае мы, конечно, не упустим случая снова вступить в контакт с Россией!»!

Все это свидетельствует о том, что до встречи Лейт-Росса с Шахтом высшее нацистское руководство ничего не ведало о заговоре советских генералов и уж тем более не знало о причастности к нему некоторых германских генералов. Иначе Гитлер не стал бы заявлять о том, что он получил вести из России о грядущем перевороте! В свою очередь министр иностранных дел Германии К. фон Нейрат ни при каких обстоятельствах не написал бы того, что он написал Шахту в личном письме. Цитата из его письма убедительно свидетельствует о том, что он обратился к Шахту как к лицу, не только знающему о факте возможного и скорого военного переворота в СССР, а прежде всего как первому проинформировавшему об этом факте того же Нейрата лицу. А тот соответственно Гитлера. Потому-то, как само собой разумеющееся в личной переписке с человеком, который первым сообщил об этой сногшибательной новости, Нейрат и позволил себе такие обороты, как «если делам суждено развиваться к установлению абсолютного деспотизма, опирающегося на военных» («совсем другое дело, если ситуация в России будет развиваться в направлении абсолютного деспотизма военных»). Так можно было писать только лицу, которое действительно не только знает, что к чему, но и с которым уже имелся предварительный разговор на эту же тему. А ведь Шахт отчитывался перед Нейратом за все свои встречи — хоть с Канделаки, хоть с Лейт-Россом. Это абсолютно точно. То обстоятельство, что нацистская верхушка действительно ничего не знала об этом заговоре, особо оттеняет концовка письма Нейрата: «...то в этом случае мы, конечно, не должны упустить нужный момент, чтобы снова занять сторонников в России» («в этом случае мы, конечно, не упустим случая снова вступить в контакт с Россией»). Переписка личная, конфиденциальная, ни Нейрату, ни Шахту опасаться некого и нечего. Нейрат употребляет местоимение «мы» — это означает, что в момент написания письма он мыслил от имени всего тогдашнего руководства Германии, в первую очередь, естественно, и от имени самого Гитлера, не зная, правда, тайных помыслов некоторых оппозиционно настроенных германских генералов. Используемые им выражения четко свидетельствуют о том, что это было суперновостью для нацистского руководства.

И это была сущая правда. Отвечая на недоуменные вопросы посла Чехословакии в Берлине В. Мастны о причинах внезапного прекращения переговоров, член германской делегации граф Траутмансдорф ответил, что фюрер получил известие из Советского Союза о плане устранения Сталина и установления военной диктатуры. Он подчеркнул, что в случае

претворения этого плана в жизнь фюрер полностью изменит свое отношение к России и одновременно будет готов уладить все разногласия как в Восточной, так и в Западной Европе. Все логично стыкуется — и содержание письма Нейрата Шахту, и точка зрения фюрера на «известие из Советского Союза». Сходится все и по времени: письмо (точнее, меморандум) Нейрата датирован 6 февраля, заявление Траутмансдорфа (изложенное в срочном донесении Мастны в Прагу) — 9 февраля 1937 г. Все произошло сразу после того, как Лейт-Росс тет-а-тет встретился Шахтом.

Сутью же «новой попытки достигнуть полного соглашения с Берлином» являлся санкционированный США сознательно злоумышленный предварительный сговор Лондона с Гитлером против мира и безопасности в Европе! Потому как, реконструировав по «результатам» встречи Шахта с Лейт-Россом общий ход торга, можно констатировать следующее:

1. От имени правительства Великобритании Лейт-Росс ясно дал понять (Гитлеру), что нет никакой необходимости требовать решения вопроса о колониальных и экономических уступках, чем в то время был занят фюрер. Если, конечно, он согласится с британским предложением о том, что в порядке компенсации Великобритания (при участии Франции) поможет Берлину выгодным для него образом урегулировать проблему Судет и получить прямой доступ к развитой индустриальной базе ВПК Чехословакии, ее богатейшим арсеналам вооружений, мощной военно-инженерной инфраструктуре в непосредственной близости от границ СССР. Проще говоря, Гитлеру предлагалось снять все колониальные и экономические претензии, взамен чего, через некоторое время, он обязательно получит Чехословакию со всем ее демографическим, экономическим, военно-экономическим, военно-техническим и иным «приданным» в качестве плацдарма для нападения на СССР. Поскольку торг шел между опытнейшими специалистами в области экономики и финансов, то и главный лейтмотив торга был чисто финансово-экономический, чего, как правило, при анализе предыстории Мюнхенского сговора не учитывают.

2. Аналогичным образом фюреру дали понять, что западные демократии — Лондон и Париж — ожидают от него серьезного аванса в знак согласия с «дельным» предложением. А в качестве аванса западные демократии готовы зачесть ему немедленное прекращение даже зондажных контактов:

— с СССР — в формате Шахт — Канделаки;

Лондон всерьез опасался, что в преддверии истечения срока действия советско-германского Договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля

1926 г. зондажные контакты в формате Шахт — Канделаки к чему-нибудь крайне нежелательному для него да приведут.

— с Чехословакией — в формате А. Хаусхофер — Траутмансдорф — Э. Бенеш..

Гитлеру дали понять, что такой аванс не так уж и труден для него, особенно если он:

а) примет во внимание, что, по данным, которыми располагает Великобритания, в СССР вот-вот произойдет военный переворот и Сталина свергнут, а следовательно, нет никакого резона разыгрывать переговорный фарс с представителем Сталина — Канделаки!

б) учтет, во-первых, что в любом случае — удастся ли переворот или нет — у Чехословакии не останется ни малейшего шанса на получение какой-либо помощи со стороны Москвы. Во-вторых, что основной гарант безопасности Чехословакии — Франция и вовсе не намерена затевать военное сотрудничество с большевиками в условиях надвигающейся непредсказуемой политической ситуации в СССР!

Опираясь на данные агента А-54, а также иные сведения, президент Чехословакии Э. Бенеш еще в декабре 1936 г. проинформировал о заговоре советских военных сына Леона Блюма — премьер-министра Франции. Не самого А. Блюма, а почему-то именно его сына. Как президент, Бенеш должен был обратиться лично к премьеру союзной Праге Франции, а не к его отпрыску. С точки зрения протокола это более чем странно. Но факт остается фактом, что и подтвердили агенты советской разведки в окружении Бенеша — Яромир Смутный и Людмила Каспарикова, а затем и агент в секретариате президента Франции. А в январе 1937 г. Генеральный штаб Франции по указанию будущего соавтора Мюнхенской сделки, а тогда военного министра Франции — Эдуарда Даладье — вдруг запросил Советский Союз о его возможной помощи Франции, в случае если на нее нападет Германия. Именно вдруг, потому как почти два года ГШ Франции, невзирая на майское 1935 г. согласие французского руководства уже тогда начать переговоры между генштабами двух стран, даже и не вспоминал об этом. Не вспоминал даже после того, как советско-французский договор о взаимопомощи в отражении агрессии был ратифицирован. И вдруг — здрасьте, а чем изволите помочь?! Запрос был странным и, откровенно говоря, беспричинным. Дело в том, что в тот момент видимых для него причин формально не было. Советская разведка документально точно знала, что официальный Париж не менее точно знает, что Гитлер к войне пока не

готов, о чем, кстати говоря, Париж на пару с Лондоном и докладывали президенту США Ф. Д. Рузвельту в том же январе 1937 г.

Разгадка этого «вдруг» заключалась именно в тех словах Бенеша, которые впоследствии Черчилль воспроизвел в своих мемуарах. В сущности-то, они означали, что через А-54 и Канариса британская разведка фактически подталкивала Бенеша к собственноручному дезавуированию всей триады франко-советско-чехословацких договоров о взаимопомощи в отражении агрессии. Намек был более чем прозрачен — мол, нечего надеяться на Россию, так как перемены, которые там грядут, и так аннулируют эти договора. Бенеш не был дураком, а всего лишь очень опытным, прожженным политиканом-интриганом, который сразу же понял, что единственное событие, которое может аннулировать советско-чехословацкий договор («сделать несущественной помощь Чехословакии Германии»), — это свержение Сталина. Тем более что он и так еще с весны 1936 г. получал все более тревожную информацию на этот счет^[486]. Именно эту-то информацию А-54 Бенеш и сообщил премьер-министру Франции А. Блюму.

Вот одна из первопричин появления внезапного запроса ГШ Франции. Вторая же проистекала из «совместного общего плана действий Англии и Франции», в котором говорилось, что «будет сделана новая попытка достигнуть полного соглашения с Берлином». Проще говоря, по согласованию с Великобританией Франция, прежде чем окончательно отвергнуть идею военного сотрудничества с СССР, решила сделать хорошую мину при плохой игре. Ведь самому-то Генштабу Франции прекрасно было понятно, что оказание прямой военной помощи СССР связано с большими географическими и политическими трудностями, особенно при сухопутном варианте. Между Советским Союзом и Германией находился злобно враждебный обоим «версальский ублюдок — Польша, которая ни при каких обстоятельствах не пропустила бы советские войска на помощь даже своей союзнице Франции. Более того, прикрылась бы тем, что-де у нее есть пакт о ненападении с Германией. Так что запрашивать надо было не Москву, а Варшаву, и даже не запрашивать, а, поскольку позиция Польши хорошо была известна, требовать, чтобы она пропустила советские войска в помощь Франции.

Вместо этого Лондон, Париж и даже Вашингтон предприняли бешеную атаку на Варшаву, от которой требовали объяснений насчет того, есть ли у нее какие-либо соглашения с СССР, позволяющие ей в случае возникновения войны на Западе пропустить советские войска и авиацию на помощь Франции. Причем, как это было документально установлено, все запросы Варшаве подспудно носили угрожающий ей смысл — мол, смотри,

Варшава, не приведи господь, если есть хоть малейший шанс для этого. Но у Варшавы в то время не было ничего, кроме договора о ненападении с СССР и плана нападения на СССР совместно с Германией. И хотя она слегка и обалдела от натиска западных союзников, но ответила быстро — нет, не имеется. Это был единственный случай в предвоенной истории «версальского ублюдка», когда он честно ответил.

Сталин знал об этом, и тем не менее в советский ответ польский вариант был включен нарочно — посмотреть, как отреагируют на Западе. 17 февраля Советский Союз дал официальный ответ на запрос ГШ Франции, указав в нем те силы, которые он смог бы выставить, а также варианты маршрутов оказания этой помощи: 1. Через территорию Польши и Румынии (как союзных Франции государств. — А. М.); 2. Морским путем. Дело в том, что в запросе французского Генштаба содержалась просьба пояснить, каким конкретно путем Москва планирует оказать помощь Парижу в случае необходимости^[487]. В советском ответе содержались и иные предложения Франции, главным из которых было начать все-таки переговоры между генштабами. Кстати говоря, запрос ГШ Франции был согласован с Генштабом Чехословакии, где вся военная верхушка в то время находилась под полным контролем самого Бенеша как Верховного главнокомандующего.

В течение целого месяца — с 17 февраля по 17 марта 1937 г. — французский Генеральный штаб был нем как рыба. Лишь 17 марта начальник Генштаба Франции генерал М. Гамелен изволил сообщить, что-де «альянс с Россией в трудно предсказуемых условиях представляется нежелательным!» Так вот и ляпнул! Однако еще накануне смысл этих «трудно предсказуемых условий», из-за которых, видите ли, «нежелателен альянс с Россией», прояснился как никогда. Сталину была доложена телеграмма советского полпреда во Франции Потемкина от 16 марта 1937 г., содержание которой гласило: «Даладье, пригласивший меня к себе, сообщил следующее: 1) Из якобы серьезного французского источника он недавно узнал о расчетах германских кругов подготовить в СССР государственный переворот при содействии враждебных нынешнему советскому строю элементов из командного состава Красной Армии. После смены режима в СССР Германия заключит с Россией военный союз против Франции. Об этих планах знает будто бы и Муссолини, сочувственно относящийся к такому замыслу, сулящему поражение Франции и возможность расширения владений итальянской империи за счет бывших французских земель. Даладье добавил, что те же сведения о замыслах Германии получены военным министерством из русских эмигрантских кругов, в которых имеются по данному вопросу две позиции. Непримиримые белогвардейцы

готовы поддержать германский план, оборонцы же резко высказываются против. Даладье пояснил, что более конкретными сведениями он пока не располагает, но он считает "долгом дружбы" передать нам свою информацию, которая, быть может, для нас небесполезна... Если получит более точные данные, он немедленно мне их сообщит. Он-де все же не исключает возможности, что в Красной Армии имеются остатки троцкистов»^[488]. Поразительно, что «враждебные нынешнему советскому строю элементы из командного состава Красной Армии» Даладье лично идентифицировал как троцкистов. Какое, собственно говоря, ему-то могло быть дело, есть ли в РККА остатки троцкистов или нет?! По большому-то счету ему и вовсе незачем было знать, есть ли такие силы, как троцкисты, или нет, и вообще, что это такое. Любопытно, что он произнес эти слова уже после того, как прошел первый московский процесс, и было очевидно, что борьба со сторонниками Троцкого в СССР резко набирает обороты. Более того, он фактически развил мысль Черчилля, который почти за два месяца до Даладье стал прилюдно чихвостить тех же троцкистов. То есть Даладье вполне сознательно перстом указал на то, что заговор военных вдохновляется Троцким. Хотя это и было сущей правдой, тем не менее «не царское это дело» для столь высокопоставленного государственного деятеля перстом тыкать во врагов Сталина. Чай, в Кремле и без него соображали, что к чему. Тем более что Даладье, по его же словам, не располагал более подробной информацией. Но ведь ему же надо было, чтобы Сталин всенепременно круто обошелся с заговорщиками. Потому что только в этом случае подталкиваемая Великобританией Франция смогла дезавуировать свои обязательства по упоминавшемуся выше договору с СССР и вообще наотрез отказаться от идеи военного сотрудничества с Советским Союзом. Оно так и вышло — во второй половине июня 1937 г. тот же Генштаб Франции вообще поставил точку в этом вопросе: «Всякое новое сближение Франции с Москвой привело бы с точки зрения безопасности к нулевому или даже отрицательному результату». 12 июня 1937 г. было опубликовано сообщение о состоявшемся суде над Тухачевским и К°, вынесенном приговоре и о немедленном приведении его в исполнение.

Лейт-Росс ясно дал понять: если Гитлер воспримет эти предложения, то Великобритания вполне реально может поспособствовать «мирному» получению Берлином столь прекрасного для нападения на СССР плацдарма с богатейшими арсеналами вооружений и прекрасной военно-инженерной инфраструктурой! Естественно, что Гитлер «понял», и в итоге круг замкнулся именно там, где и должен был, по расчетам Лондона, замкнуться — все на той же стезе военно-экономического умиротворения!

Вот как в действительности и был высечен подлинный пролог к мюнхенской подлости, которым, в свою очередь, как топором, была прорублена прямая магистраль ко Второй мировой войне XX века!

А прямым прологом к Мюнхену стало негласное содействие Лондона и Бенеша провалу заговора советских военных, ибо только так можно было обвалить систему перекрещивавшихся советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи.

Согласно показаниям Раковского, требовалось одно — предоставить Гитлеру возможность действовать, для чего не было ни малейшего шанса. И вот надо же было такому случиться, что этот проклятый шанс «Им» дал заговор Тухачевского. Всерьез, но негласно посодействовав его провалу, «Они» автоматически получили уникальную свободу маневра, вследствие чего обеспечили Гитлеру как едва ли не мгновенную военно-экономическую накачку милитаристских мускулов нацистской Германии; так и возможность действовать на восточном азимуте! Проще говоря, за счет конвертации неизбежного провала заговора Тухачевского в сговор с Гитлером Великобритания решила практически все поставленные задачи:

— резкого ускорения военно-экономической подготовки нацистской Германии к нападению на СССР;

— выведения гитлеровского вермахта на ближайший во второй половине 30-х гг. XX века к советским границам удобный плацдарм для нападения на Советский Союз;

— предотвращения свержения Гитлера генеральской оппозицией в Германии, о чем в Лондоне и в целом на Западе хорошо знали;

— ликвидации и без того хрупкой системы коллективной безопасности в Европе, главным образом, за счет полного дезавуирования Францией и Чехословакией ранее заключенных ими с СССР договоров о взаимопомощи в отражении агрессии;

— изоляции СССР в ситуации:

а) истечения даже пролонгированного срока действия советско-германского договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г.;

б) один на один с выведенной вплотную к советским границам нацистской Германией и интенсивно создававшейся угрозы двухфронтowego нападения на СССР, то есть с участием также и Японии;

в) причиненного ущерба его военной мощи;

— ликвидации уже сложившегося к тому времени позитивного имиджа Советского Союза в мире;

— недопущения проведения советским руководством ориентированной только на коренные интересы СССР (России) внешней политики;

— формирования необходимых моральных и иных предпосылок для развязывания войны против СССР как якобы главной «империи зла» в мире и Европе.

В конечном счете это и означало контролируемый Великобританией (и США) конкретный акт агрессии против СССР, который первоначально как раз и планировался на 1938 г.!

За предшествовавшие Мюнхенской сделке и оккупации гитлеровцами Судетской области Чехословакии полгода Советский Союз ДЕСЯТЬ РАЗ на весь мир заявлял, что он выполнит свои обязанности по договору о взаимопомощи в отражении агрессии от 16 мая 1935 г. Советский Союз ЧЕТЫРЕЖДЫ конфиденциально сообщил об этом Франции, ЧЕТЫРЕЖДЫ — Чехословакии, ТРИЖДЫ — Великобритании. Советский Союз прямо заявил, что готов выполнить свои обязательства по договору с Чехословакией, даже если Франция откажется от своих обязательств. Советский Союз и вовсе пошел на неординарный шаг — открыто заявил о своей готовности вступить в войну с Германией, Польшей и Румынией, даже если воевать придется в союзе с одной только Чехословакией^[489]. В военном отношении Чехословакия по состоянию на осень 1938 г. была одним из сильнейших государств в Центральной Европе и потому даже в одиночку могла раздавить еще только формировавшийся тогда гитлеровский вермахт. Но все оказалось тщетно! И именно же из-за заговора Тухачевского. Несмотря на его ликвидацию, правительства Великобритании, Франции и Чехословакии, а также их генеральные штабы демонстративно наотрез отказались иметь дело с СССР под тем предлогом, что-де невозможно доверять его вооруженным силам, высшее командование которых устраивает заговоры против центральной власти, да еще и в пользу Германии! Кстати, воротить носы они стали еще за несколько месяцев до ликвидации заговора!

Глава 6. ВСМОТРИСЬ-КА ЛУЧШЕ — ВРАГ. ПЕРЕД ТОБОЙ!

Прежде чем окончательно поставить все точки над «і», вновь пройдемся по всей интересующей нас теме.

Итак, кто же ждал войны не позднее 1938 г.?

Великобритания (с санкции США).

Почему Великобритания ждала и жаждала войны не позднее этого года?

Во-первых, потому что дальнейшее промедление с войной против Советского Союза при условии системного запаздывания Гитлера с военно-экономической подготовкой к «Дранг-нах-Остен» даже саму идею об уничтожении СССР военным путем привело бы к полному краху. На глазах у всего Запада Советский Союз в буквальном смысле слова скоростными темпами превращался в едва ли не абсолютно неприступную крепость, напасть на которую не осмелился бы даже самый последний сумасшедший.

Во-вторых, потому что существовала нешуточная угроза осуществления двойного (тройственного) заговора германских и советских генералов (в рамках которого существовала серьезная угроза свержения Гитлера оппозиционно настроенными генералами) при активном участии милитаристски настроенных японских евразийцев.

В-третьих, в начале 1938 г. в Третьем рейхе состоялась коренная реорганизация системы военного управления — произошло изгнание из вермахта военного министра, фельдмаршала Вернера фон Бломберга — под предлогом того, что-де он женился на проститутке, и главнокомандующего сухопутными войсками генерала Вернера фон Фрича — по обвинению в гомосексуализме. В принципе все это давно и хорошо известно. Правда, за исключением самого главного в этой истории. Изгнание оппозиционно настроенных военных состоялось после того, как в Германии с визитами побывали экс-король Эдуард VIII и министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс. Никто не хочет обращать внимание на то, что, в сущности, это произошло по сценарию британского принципа «баланса сил» — сначала жестко был завален заговор Тухачевского, а потом «бархатным образом» была ликвидирована верхушка генеральской оппозиции в Германии. По данным американского биографа Гитлера Д. Толанда, вместе с Бломбергом и Фричем из вермахта были уволены также и 16 поддерживавших их генералов, а 44 — сняты со своих должностей. По

другим сведениям, «бархатные разборки» Гитлера с вермахтом привели к увольнению до тысячи офицеров!

В-четвертых, потому что в начале лета 1938 г. истекал даже пролонгированный срок действия договора о нейтралитете и ненападении между СССР и Германией от 24 апреля 1926 г. В первую очередь именно это и позволяло Великобритании толкать Гитлера на Восток, для чего она и привела коричневого шакала к власти в Германии.

Что должно было стать той самой «искрой», из которой по расчетам Лондона должно было возгореться пожарище именно Великобританией ожидавшейся не позднее 1938 г. войны?

Агрессивные территориальные притязания гитлеровской Германии на Судетскую область Чехословакии, которую сами же Великобритания и Франция еще на Версальской «мирной» конференции едва ли не насильно впили в состав вновь образованного по итогам Первой мировой войны государства под названием Чехословакия.

Почему именно из этой «искры» должно было возгореться пожарище именно Великобританией ожидавшейся не позднее 1938 г. войны?

Да потому, что, во-первых, в ответ на наглое требование Гитлера «ликвидировать договор между Россией и Чехословакией» премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен открыто гарантировал фюреру, что «Чехословакия будет освобождена от своих обязанностей по отношению к России»!^[490] Проще говоря, гарантировал Гитлеру, что как Чехословакия, так и Франция будут освобождены от своих обязанностей по договорам 1935 года! А Германия, в свою очередь и во-вторых, естественным путем освободится от своих обязательств по договору о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. Ведь даже в пролонгированном виде его срок как раз и истекал к лету 1938 г. В конечном счете это означало полную международную изоляцию Советского Союза на европейской сцене. Так что нападай на него все кому не лень!

Спустя много лет после войны в исторической литературе появилась брехня начальника военной разведки Франции генерала Гоше насчет посуточного графика гитлеровской агрессии в Европе. Формально 2-му Бюро Генштаба Франции удалось агентурным путем добыть очень важный документ — копию «Директивы о единой подготовке вермахта к войне», подписанной военным министром фон Бломбергом 24 июня 1937 г. В ней рассматривались пять вариантов войны:

1. «Операция Рот» — «война на два фронта с центром тяжести на Западе». То есть против Франции.

2. «Операция Грюн» — «война на два фронта с центром тяжести на Востоке». Из текста директивы вытекает, что речь шла о Чехословакии и, возможно, СССР.

3. «Особая операция Отто» — «вооруженная интервенция против Австрии». Аншлюс Австрии Германией предусматривался Великобританией еще в 1916 г.!

4. «Особая операция Рихард» — «военные операции в Красной Испании». Подразумевалось использование контингента германских сухопутных войск в этой стране.

5. «Особая операция Рот — Грюн с дополнением» — «Англия, Польша и Литва участвуют в войне против нас». То есть против Германии; в этом пункте речь шла о войне на два фронта — против Франции и Чехословакии.

На тот момент все варианты носили всего лишь концептуальный характер (хотя и это уже было опасно) и соответственно никакого посуточного, помесячного, поквартального или даже погодного и вообще никакого графика военных действий в директиве не было и быть не могло. К тому же директива была подписана 24 июня 1937 г., и у генерала Гоше не было никаких оснований намекать в своих мемуарах на этот документ. Он получил его лишь осенью 1937 г.! На рубеже же 1936 — 1937 гг. и даже в начале 1937 г. французская военная разведка не могла им располагать, ибо его еще попросту не существовало. Максимум, что она могла узнать, так это о том, что главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал Фрич дал указание о разработке нового плана нападения на Чехословакию. Впрочем, оставим Гоше. Ну, наврал он в мемуарах — что из этого?! Кто не врет в мемуарах, тем более когда речь заходит о событиях всемирно-исторического значения, например, о войне?!

Настоящая «изюминка» этой директивы в ее пункте «б», гласившем: «Быть в состоянии использовать для войны создающиеся благоприятные политические возможности. Это должно быть учтено при подготовке вермахта к возможной войне в мобилизационный период 1937/38 г.». А, в свою очередь, центр тяжести самой этой «изюминки» был сосредоточен в следующем пассаже: «Война на Востоке может начаться путем неожиданных немецких операций против Чехословакии. Предварительно для этого должны быть созданы политические и международно-правовые предпосылки»!

Именно это и означает, что сговор британского правительства с Гитлером, осуществленный в рамках конфиденциальной встречи Лейт-Росса с Шахтом, действительно состоялся на основе именно британского предложения и что Гитлер принял все условия Великобритании, а также то,

что обе стороны начали реализовывать достигнутые конфиденциальные договоренности!

Иначе откуда бы взяться таким словам в тексте директивы, как, например, «создающиеся благоприятные политические возможности»?! Дело в том, что при сопоставлении всех деталей этой директивы формально получается, что военный министр нес чушь — сначала прямо говорит об агрессии (то есть что война может начаться путем неожиданных немецких действий против Чехословакии), но тут же добавляет, что для этого еще «должны быть созданы политические и международно-правовые предпосылки». Но где вы видели откровенно склонного к внезапному и вероломному нападению агрессора, который нуждался бы в создании именно «международно-правовых предпосылок»? Тем более чтобы этим был озабочен непосредственно военный министр?! В пропагандистском обосновании — да, с этого начинаются все войны, но при чем тут «международно-правовые предпосылки», тем более, подчеркиваю, в трактовке военного министра?! Такое могло произойти только под влиянием Гитлера, который, очевидно, довел до сведения своего военного министра и командующего сухопутными войсками суть достигнутых между Шахтом и Лейт-Россом конфиденциальных договоренностей. Причем без указания на факт конфиденциальной встречи Шахта с представителем Великобритании. Просто приказал разработать новую директиву, и все.

И в этой связи необходимо обратить внимание на то, как Великобритания прикрывала этот факт уже во время Нюрнбергского процесса. Речь пойдет о хорошо знакомом всем историкам «протоколе Хосбаха», ссылками на который обычно и расписывают кровожадные планы Гитлера. Протокол описывает содержание совещания высшего военно-политического руководства Германии 5 ноября 1937 г., во время которого Гитлер выступил с пространной речью о своих планах мировой войны. В тексте этого протокола есть один примечательный факт. В ответ на реплику министра иностранных дел К. фон Нейрата о том, что в ближайшем будущем в Европе вроде бы не предвидится никаких военных конфликтов, Гитлер с невероятным апломбом безапелляционно заявил: «Такая ситуация возникнет летом 1938 года!»

В меморандуме «Об экономической подготовке к войне» от 20 августа 1936 г. он четко показал, что и сам-то не знает, когда можно будет начать войну! До этого так и вовсе умолял Великобританию подсобить! А 5 ноября 1937 г. с таким воинственным апломбом заявил, что-де подобная ситуация точно сложится летом 1938 г.?! Экий «прозорливый», не в меру, однако... Чего там было предвидеть, если бритты откровенно ткнули его мордой в тот факт, что в июне 1938 г. истекает пролонгированный срок действия

советско-германского договора о нейтралитете и ненападении от 1926 г.?! Сам-то он последствий этого обстоятельства для своих планов даже и не понимал.

Но если мы сопоставим суть «изюминки» директивы Бломберга от 24 июня 1937 г. с этим заявлением фюрера, то тут же приходим к следующему выводу. Именно о таком развертывании событий Гитлер знал еще в первой половине 1937 г.! Иначе не появились бы в тексте директивы те пассажи, которые пришлось детально разбирать. Хуже того, для бриттов, естественно. Сопоставим еще и такие факты. Британский представитель Рэнсимен на переговорах с Рузвельтом еще в январе 1937 г. заявил о неизбежности войны именно в 1938 г. И в директиве от 24 июня 1937 г. Бломберг с одобрения Гитлера удостоверил возможность войны в период 1937/38 г.

Проще говоря, проанализированный пассаж из текста директивы означает, что Гитлер уже в первой половине 1937 г. знал, что возможно войну придется начинать в мобилизационный период 1937 — 1938 гг. Потому как сговор между Лейт-Россом и Шахтом уже состоялся, и он полностью одобрил его результаты. Потому что в тексте директивы речь шла именно о тех предпосылках политического и международно-правового характера, которые в период 1937 — 1938 гг. должны были быть созданы, главным образом, самой Великобританией. Прежде всего, за счет негласного содействия ускорению провала заговора военных во главе с Тухачевским. Впоследствии все это оказалось подтвержденным и данными шефа абвера Канариса, который, как выяснилось, располагал безупречной информацией о том, что самое позднее к лету 1937 г. у Гитлера уже сложилось убеждение, что нет оснований опасаться противодействия «походу на Восток со стороны западных держав, что он может идти на любой риск^[491].

А ведь после не в меру «прозорливого», по состоянию на лето 1937 г., «предвидения» одобренной коричневым шакалом директивы состоялся еще и частный визит в октябре 1937 г. экс-короля Великобритании Эдуарда VIII — герцога Виндзорского. Как стало известно только в наше время, экс-король, по свидетельству ознакомившихся со сверхсекретными британскими документами американских разведчиков, подтвердил свои прежние заверения Гитлеру. Это не только воодушевило Гитлера на дальнейшее продвижение к (Мюнхенскому) сговору, но и прежде всего означало, что сменивший Эдуарда VIII король Георг VI и тогдашнее правительство Н. Чемберлена однозначно продолжили его курс на сговор с фюрером. Потому как подтверждать прежние заверения в качестве частного лица он мог только в одном случае — если имел на то прямое указание и разрешение со стороны нового короля и нового правительства, что и было в действительности. А ведь Эдуард VIII подтвердил не просто какие-то там

заверения в дружбе, а, как уже отмечалось выше со ссылкой на американского профессора Джона Лофтуса, обещания фюреру, что британское правительство закроет глаза на аннексию Германией Австрии и Чехословакии! А заодно и на германское продвижение на Балканы в ущерб интересам Франции!^[492]

В свою очередь, подтверждение прежних заверений экс-короля оказалось подкреплено еще и министром иностранных дел Великобритании лордом Галифаксом в ходе его ноябрьского 1937 г. визита в Берлин. Проще говоря, подкреплены официальным лицом от имени правительства Великобритании и нового короля — Георга VI.

Обо всем этом в Москве знали как по итогам частного визита экс-короля, так и еще до самого визита Галифакса в Берлин. Об этом позаботился сам Уинстон Черчилль. Накануне визита Галифакса в Берлин он с потрохами выдал цель его вояжа. Прекрасно зная, зачем ездил в Берлин экс-король, а Галифакс вот-вот поедет, прямо во время большого дворцового приема в Букингемском дворце 16 ноября 1937 г. — то есть за три дня до начала визита Галифакса — У. Черчилль открыто «слил» советскому послу информацию об основной цели визита британского министра иностранных дел в Германию! Так прямо и сказал, что речь идет о предательстве Чехословакии и развязывании Гитлеру рук на Востоке!!!. Чтобы не было сомнений, приведу выдержку из телеграммы И. Майского в НКВД СССР от 16 ноября 1937 г. «Я спросил Черчилля, что он думает о предстоящей поездке Галифакса в Берлин? Черчилль скрючил гримасу и ответил, что считает эту поездку ошибкой. Толку никакого не получится, а немцы только еще больше задерут нос и расценят визит как признак слабости Англии. Это невыгодно ни для самой Англии, ни для дела мира. Хорошо еще что Галифакс честный человек и не пойдет ни на какие "бесчестные" комбинации вроде предательства ЧС или предоставления Германии свободы рук на Востоке»^[493].

Черчилль был опытейшим волчарой в политике. И потому умышленно избрал оригинальную масонскую формулу утверждения правды от противного. По-другому просто нельзя было. В высшей мировой политике только так и «сливают» информацию. Тут расчет на то, что «имеющий уши — да услышит»! И если бы Его Величество король Георг VI не помешал, то Черчилль еще чего-нибудь интересного рассказал. Увы, король буквально оттащил словоохотливого сэра от советского посла. Тоже, кстати сказать, многозначительный факт^[494].

Так что бритты не зря состряпали фальшивку, получившую название «Протокол Хосбаха», в которой воинственный апломб Гитлера умышленно был перенесен на 5 ноября 1937 г. То есть на две недели раньше визита

Галифакса. Только так можно было последовательно скрыть сначала сговор между США и Великобританией, факт и суть сговора Лейт-Росса с Шахтом, а также мюнхенские договоренности с Гитлером, которых достигли экс-король и лорд Галифакс. Только так можно было скрыть или, по меньшей мере, не привлекать внимания к частному визиту экс-короля к Гитлеру. И, самое главное, скрыть суть договоренностей между Галифаксом и Гитлером. Ведь сам факт его визита в Берлин скрыть было невозможно.

Потому-то «Протокол Хосбаха» и выплыл» на Нюрнбергском процессе в виде «микрофильма с копии». Копия же, кстати говоря, не была подписана. Ни оригинала этого протокола, ни более или менее внушающей доверие копии с оригинала в природе не существует. Во всяком случае, за минувшие с тех пор шесть десятилетий никто ничего не предъявил. А то, что встречается в литературе не внушает доверия. Несмотря на это, тогда эту фальшивку почему-то восприняли всерьез, а среди историков, специализирующихся на истории Второй мировой войны, и сегодня особым шиком почитается ссылка на этот якобы документ, который, к несчастью, с 1950 г. официально фигурирует даже в германских архивах^[495]. Не будь состряпана эта фальшивка — «Протокол Хосбаха», — британские уши в организации и провоцировании Второй мировой войны уж так повылезали бы изо всех щелей непосредственно во время Нюрнбергского процесса, что не приведи их англиканский бог! Да еще и с королевской короной! И сидеть бы Великобритании на одной с главными нацистскими преступниками скамье подсудимых, где, собственно говоря, ей и было бы самое место.

Потому что за полтора месяца до Мюнхенского сговора Великобритания завалила последнюю, судорожную попытку оппозиционно настроенных германских генералов переломить ситуацию и предотвратить гибельную для Германии войну. 17 августа 1938 г. они направили в Англию представителя прусских староконсерваторов и главу германских монархистов Эвальда фон Клейст-Шменцина. От имени антигитлеровской оппозиции он должен был добиться от руководящих деятелей Великобритании открытого заявления о том, что в случае вторжения германских войск в Чехословакию Англия совместно с Францией выступит войной против Германии. Отправляя Клейста в Англию, генерал Бек напутствовал его словами: «Если вы достанете мне в Лондоне позитивное доказательство того, что англичане объявят войну в случае вторжения в Чехословакию, я покончу с этим режимом». На вопрос Клейста, какое доказательство он хотел бы иметь, Бек ответил: «Публичное обещание оказать помощь Чехословакии в случае войны»^[496]. Впоследствии этот факт подтвердил и Аллен Даллес: «Бек проинформировал англичан о гитлеровских планах и настаивал на том, чтобы Англия выступила с твердой

декларацией, что любое нарушение чешского нейтралитета будет означать войну»^[497]. В Лондоне Клейст встретился с постоянным заместителем министра иностранных дел Великобритании Ванситтартом (который, кстати говоря, курировал британскую разведку) и с Черчиллем, которые передали содержание своих бесед Чемберлену и Галифаксу. Естественно, что предложение антигитлеровской оппозиции были встречены холодно. Ни оппозиция, ни, особенно, германский генералитет, судя по всему, даже и не понимали того простого обстоятельства, что Великобритании была нужна война. Война, развязанная руками Германии. Война прежде всего против Советского Союза. Они не понимали, почему произошел провал заговора Тухачевского как ключевого звена их двойного/трипартийного заговора. Но особенно они не понимали того, кто за этим стоит и какие цели преследует. А ведь все было очевидно. Великобритании была нужна война Германии именно против Советского Союза. Именно ради этого она негласно содействовала Сталину в ликвидации заговора Тухачевского. Потому что только таким образом можно было, обвалив всю систему европейской безопасности, сдать Чехословакию «в аренду» Гитлеру и тем самым резко ускорить военно-экономическую подготовку Германии к войне, вплоть до вывода на наиболее выгодный в то время плацдарм для нападения на Советский Союз! И чтобы после всех усилий на этом поприще поддаться каким-то мольбам ни хрена не соображавших что к чему германских генералов?! Да ни в жисть! Великобритания не зря без малого три века носит «почетную» кликуху **PERFIDIOUS ALBION!**

После этого в действие был введен пресловутый «План Z», который заблаговременно был разработан для безусловного обеспечения уже официального сговора с Гитлером за счет Чехословакии. Когда в 1968 г. в связи с истечением срока давности был рассекречен архив премьер-министра Н. Чемберлена, то в его досье был обнаружен документ от 30 августа 1938 г., из содержания которого четко видно, что «План X» был разработан именно же заблаговременно. Судя по всему, он существовал уже в 1937 г. и был известен только премьер-министру, министру финансов, министру иностранных дел, сэру Невиллю Гендерсону (посол Великобритании в Германии. — А. М.) и доверенному лицу Н. Чемберлена Х. Вильсону.

В нем, в частности, говорилось: «Вышеупомянутый план должен вступить в силу только при определенных обстоятельствах... Успех плана, если он будет выполняться, зависит от полной его неожиданности, и поэтому исключительно важно, чтобы о нем ничего не говорилось (вот это и есть конкретное проявление одного из ключевых принципов британской политики — решающего удара в ключевой момент. — А. М.). Суть плана

сводилась к следующему: воспользовавшись острой ситуацией, под видом «спасения мира» в последнюю минуту лично отправиться на переговоры к Гитлеру. И выдав ему Чехословакию, наконец, достигнуть столь желанного в Лондоне сближения» с Германией»^[498].

Обратите внимание на то обстоятельство, что этот документ был извлечен фактически сразу после того, как в Англии побывал представитель, напутствованный германскими генералами и антигитлеровской оппозицией Эвальд фон Клейст-Шменцин. Из переданных им мольб антигитлеровской оппозиции британское руководство сделало всего лишь один вывод — генеральская антигитлеровская оппозиция находится буквально на грани свержения Гитлера, и потому надо торопиться. То есть отдать, наконец, Чехословакию под гарантии фюрера о скором нападении на Советский Союз. Если этого не сделать, то фюреру явно свернут шею. И тогда — прощай все планы по устройению очередной кровавой бани России, хотя бы и Советской.

Проще говоря, «План Z» был извлечен именно в тот момент, чтобы завершить ту самую сделку, предварительный сговор о которой состоялся еще во время конфиденциальной встречи тет-а-тет Лейт-Росса с Шахтом. Причем завершить именно же на глазах и под контролем общественного мнения на Западе. То есть откровенно втянуть мир и прежде всего Советский Союз в мировую войну, начисто «интернационализировав», то есть «растворив», ответственность Великобритании за это преступление перед миром и человечеством не столько даже в широком кругу участников сговора, сколько в расплывчатом понятии «под контролем общественного мнения Запада». Об этой специфически подлой особенности британской дипломатии выше уже говорилось. Остается добавить лишь следующее. По данным председателя Британской Королевской коллегии врачей барона Чарльза Мак-Морана Вильсона (он же лорд Моран), который лично наблюдал главу британского правительства, тогдашний премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен был попросту сошедшим с ума человеком! Более того, ко всему прочему он был еще и дуб дубом в вопросах внешней политики, причем настолько, что когда его назначили премьер-министром, то его старший сводный брат — уже упоминавшийся выше лауреат Нобелевской премии мира 1925 г. за разжигание первых искр будущей Второй мировой войны в ее укоренившемся в истории сценарии Остин Чемберлен «поздравил» его телеграммой следующего содержания: «Невилл, ты должен помнить, что ничего не понимаешь в делах внешней политики!» Собственно говоря, прежде всего именно из-за этих двух качеств этого старого идиота и назначили 10 мая 1937 г. премьер-министром великой державы — Великобритании (кстати говоря, обратите внимание,

что назначили прямо в канун завершения операции советской контрразведки по ликвидации заговора Тухачевского^[499]. Однако было еще и третье обстоятельство, в силу которого он и «залетел» в премьерское кресло. Н. Чемберлен принадлежал к упоминавшейся еще в первой главе британской ветви «Синего Интернационала», или, по-другому, британской ветви «Европейской Черной Аристократии», то есть к наиболее могущественной ветви Комитета 300. На политической сцене Великобритании того времени она находила внешнее выражение в так называемой Кливлендской группировке во главе с представителем Комитета 300 — Нэнси Астор. «Кливлендцы» тем и отличались, что придерживались не просто прогерманской, а именно пронацистской ориентации, в основе которой лежал «прагматический» взгляд на нацизм как на «инструмент», предназначенный для того, чтобы во имя британских интересов «задушить Россию», в чем и была особенно заинтересована верхушка правящей элиты **PERFIDIOUS ALBION**. «Кливлендцы» и Комитет 300 именно потому и протаскивали этого старого, натурального идиота на пост премьер-министра, дабы он, не умничая, но на основе их предписаний, одним из которых и был пресловутый «План Х», предоставил бы Гитлеру возможность действовать. Он так и сделал, ввергнув в пучину очередной всемирной бойни не только Великобританию. Если все ограничилось бы только этим, так и черт бы с ней, пускай расхлебывала бы свое же дерьмо. Трагедия была в том, что в силу обширности своей империи, а также громадного значения самой Великобритании как великой державы в пучину новой кровавой бойни был ввергнут практически весь мир. В первую очередь Советский Союз. Американский исследователь истории британской разведки Ч. Уайтинг прямо указывал, что «СИС преднамеренно вмешивалась в дела Чехословакии накануне войны, с тем чтобы расколоть страну и втянуть Германию, в конечном счете, в конфликт с Советской Россией»^[500].

Теперь обратимся к вопросу о том, почему в своих показаниях Раковский сам же особо подчеркивал, что было бы хорошо, чтобы Гитлеру «позволили» напасть на Сталина, и что от «Них» якобы ничего не требуется за исключением одного — предоставить Гитлеру возможность действовать. Вся хитрость этого «предоставления Гитлеру возможности действовать» заключалась в следующем феномене европейской политики.

Европейское равновесие исторически сложилось так, что вслед за любыми договорами о дружбе и сотрудничестве или ненападении и нейтралитете какого бы то ни было государства с Германией в самые же кратчайшие сроки со стороны посчитавшего себя ущемленным государства

последует адекватная реакция в виде аналогичных же договоров все с той же Германией! Это не было секретом и в те времена.

За примерами далеко ходить не надо — взять хотя бы только начало XX столетия. Россия сепаратно вышла из Первой мировой войны по Брест-Литовскому договору от 3 марта 1918 г. — по факту своей победы в этой войне Запад силой принудил Германию подписать унижительный Версальский мир в 1919 г., согласно которому Германия не просто территориально урезалась, а урезалась с одной целью — развести ее и Россию как можно дальше географически. В 1922 г. Советская Россия и Веймарская Германия подписали знаменитый Рапалльский договор. И тогда же Запад начал первые предлокарнские маневры. И в конце концов ответил подписанием в октябре 1925 г. пресловутых Локарнских соглашений, суть которых сводилась к Пакту о ненападении между Западом и Германией. В ответ 24 апреля 1926 г. СССР заключил с Германией двухсторонний договор о нейтралитете и ненападении. Запад, в свою очередь, с 1926 по 1932 г. последовательно осуществлял целую серию мероприятий по максимальной нейтрализации просоветской ориентации Германии. Втащил ее в Лигу Наций. Полностью снял военный контроль. Привлек ее к участию в пресловутом Пакте Кэллога — Бриана (своего рода глобальное подобие Локарнских соглашений). В соответствии с принятым «планом Юнга» резко ослабил бремя репарационных платежей для Германии. Одновременно попытался втянуть Германию в организацию нового антисоветского похода на Восток. В ответ весной 1931 г. СССР добился пролонгации договора от 1926 г. еще на пять лет. Запад, в свою очередь, предпринял максимум усилий, чтобы не допустить ратификации протокола о пролонгации (как указывалось выше, он был ратифицирован только в мае 1933 г., то есть уже после привода Гитлера к власти). СССР избрал тактику подписания двухсторонних договоров о ненападении со всеми странами, граничащими с ним, дабы перекрыть любые лазейки для организации агрессии против себя с Запада, и добился очень значительных успехов на этом направлении. В ответ Запад привел к власти в Германии Гитлера, который немедленно начал рвать всю ткань международных отношений в Европе, в том числе и систему двухсторонних договоров о ненападении, пытаясь прорваться к границам СССР. Советский Союз в свою очередь, начав с идеи Восточного пакта, довел дело до подписания в 1935 г. с Францией и Чехословакией перекрещивающихся договоров о взаимопомощи в отражении агрессии. Запад тут же перешел к тактике целенаправленного их дезавуирования и одновременно к политике «экономического умиротворения» Гитлера. Цель — в кратчайшие сроки экономически поднакачать Германию и толкнуть ее

на Восток. СССР попытался реанимировать резко ухудшившиеся с приходом Гитлера межгосударственные отношения Германии и СССР, в основном за счет активизации торгово-экономических связей — Запад активно противодействовал этому всеми силами, и в конце концов в повестку дня выдвинулся принцип будущей Мюнхенской сделки.

Потому что «предоставить Гитлеру возможность действовать» в переводе на язык геополитических реалий того времени означало предоставить ему территориальный «кредит» для нападения на СССР. Причем именно такой, который обеспечил бы возникновение ситуации непосредственного территориального соприкосновения между Германией и Советским Союзом!

Так вот, вся хитрость заявления Раковского состояла в том, что он за восемь месяцев до Мюнхена заговорил о якобы настоящей необходимости для Советского Союза заключить с Германией новый договор о ненападении и разделить если не Чехословакию, то уж обязательно Польшу! Даже находясь под следствием, Раковский по-прежнему выполнял задания от «Них»!

Потому что это предложение означало, что, приняв его еще тогда, до Мюнхена, Советский Союз по собственной инициативе и собственной же рукой вывел бы Германию на свою же границу, пускай и новую. Не говоря уже о том, что непосредственно Советским Союзом была бы спровоцирована война и, совместно с той же Германией, весь Запад дружно накинулся бы на СССР. Помните, как британская разведка насторожилась, когда получила сведения об итогах стратегических командно-штабных игр на картах, главный вывод из которых звучал так: «никакого точного решения относительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы в самой Восточной Польше»?!

Так в том-то все и дело, что предоставить Гитлеру такую базу в Восточной Польше Запад собственноручно не мог. Это было за пределами его возможности — преодолеть иррационально бешеное упрямство поляков не под силу даже Западу. Даже в тех случаях, когда речь идет об организации нападения на Россию (СССР). Поэтому первоначально была сделана попытка спровоцировать Сталина на такой шаг еще до Мюнхена. Когда же он не поддался на эту провокацию, то уже Мюнхенская сделка стала провоцирующим неизбежность заключения нового договора о ненападении между СССР и Германией фактором. Потому что и до Мюнхенского сговора — еще в 1937 г. — Великобритания прекрасно знала, что Гитлер при любых обстоятельствах нападет на Польшу (к слову сказать, Сталин знал об этом еще с 1935 г.). Однако поскольку последняя

непосредственно граничила с Советским Союзом, то Москва вынуждена будет пойти на новое соглашение с Берлином, дабы обезопасить свои западные границы. А поскольку со времен спровоцированной все той же Великобританией советско-польской войны 1920 г. СССР был территориально ущемлен аннексией исконно русских земель Западной Украины и Западной Белоруссии в пользу Польши, то новое соглашение между Москвой и Берлином всенепременно затронет и эти проблемы. Это высчитывалось, как дважды два — четыре. И тогда ответственными за начало войны станут как Гитлер, так и Сталин. И при этом не Запад, а именно Сталин станет виноватым в том, что Гитлер окажется непосредственно у него на границе! Ведь самым главным «искусством» в британской дипломатии является не сотворение подлости — на это внимания там не обращают, ибо она и так вся построена на подлости, — а сотворение подлости чужими руками, то есть при полном отсутствии каких бы то ни было следов британской дипломатии! Причем высшим пилотажем в этом «искусстве» британской дипломатии считается сотворение подлости для противника Великобритании руками самого же этого противника Великобритании! Проще говоря, когда противник ставится в столь безвыходную ситуацию, что единственный выход из нее становится наиболее желанным для Великобритании! Вот почему до поры до времени Польшу не использовали в торге между Гитлером и Западом. Хотя еще с 1925 г. было прекрасно известно, что в своей политике подготовки будущего столкновения Германии с СССР Великобритания изыскивает базу в Польше. Но ведь не для себя же, а для того, чтобы выгодно сдать эту базу агрессору, то есть Германии.

Гитлер не сразу понял, какую аферу затеял Запад. И в какой-то момент после Мюнхена стал готовиться к нападению на западные страны. Британская разведка практически мгновенно зафиксировала эти его намерения, и уже в самом конце 1938 — начале 1939 г. лорд Галифакс проинформировал об этом правительство Великобритании. Уже 25 января 1939 г. Галифакс сообщил Кабинету министров информацию британской разведки, в которой говорилось, что «до конца 1938 г. Гитлер, как можно было судить, намеревался двинуться на Восток. К сожалению, в конце прошлого года и в текущем месяце мы начали получать сведения, что мысли руководителей Германии обращены теперь в другую, опасную для нас сторону». Агентура британской разведки сообщала, что фюрер планирует на январь — февраль 1939 г. новый кризис. В информации фигурировали Голландия, Бельгия и Франция. Нападение Германии на эти страны означало бы войну Великобритании с Германией, не говоря уже о возможности возникновения серьезной угрозы воздушных налетов на Британские

острова^[501]. И вот тут-то было решено реанимировать «польский вариант» провоцирования войны. Великобритания, а вслед за ней и Франция полезли со своими непрошенными гарантиями безопасности Польше и Румынии, заведомо зная, что эти гарантии только спровоцируют взрыв на восточном азимуте. Уж кого-кого, но Гитлера они знали хорошо — свой ведь «сукин сын» был.

Известный современный ученый-историк — Наталья Алексеевна Нарочницкая — в недавно изданных книгах «За что и с кем мы воевали» и «Россия и русские в современном мире» отмечает: «Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но подтолкнуть его к дальнейшей экспансии, и в принципе англосаксонский расчет на необузданность амбиций и дурман нацистской идеологии был точным. Но Британии нужно было направить агрессию только на Восток, что дало бы повод вмешаться и войти в Восточную Европу для ее защиты и довершить геополитические проекты, то есть изъять Восточную Европу из-под контроля как Германии, так и СССР». «Вряд ли Британия и западноевропейские страны рассчитывали вообще избежать войны, но для них наименьшие издержки сулило вступление в войну по собственному решению уже после того, как Гитлер пошел бы на СССР, на Украину через Прибалтику, которая имела в то время в их глазах куда меньшую ценность по сравнению с антисоветской Польшей, на которую с Версаля поставила Антанта. Вряд ли Британия предполагала, что Гитлер обойдет Польшу, и она готовилась к тому, чтобы выступить в ее защиту, что и сделала в 1939 году. Но она явно рассчитывала, что Германия нападет на нее в одном походе на Восток, ввязавшись в обреченную на взаимное истощение войну с СССР, что обещало сохранение Западной Европы относительно малой кровью, а также сулило вход в Восточную Европу для ее защиты»^[502].

Действительно, так называемые гарантии безопасности Польше были выданы Великобританией лишь с одной целью — «гарантии были наиболее верным способом ускорить взрыв и мировую войну... подстрекали Гитлера», отмечал известный английский историк Б. Лиддел-Гарт^[503]. К слову сказать, это четко подтверждается и добытыми личной разведкой Сталина документальными данными, которые однозначно свидетельствуют, что ни Великобритания, ни Франция вовсе и не собирались хоть как-то защищать ту же Польшу. Свидетельствуют уникальные документы.

1. Секретный меморандум британского МИДа от 22 мая 1939 г., направленный правительству Франции. В меморандуме открыто признавалась нецелесообразность заключения тройственного пакта о помощи между Великобританией, Францией и СССР, зато совершенно четко

было прописано, что «в случае войны важно попытаться вовлечь в нее Советский Союз»^[504].

2. Секретный доклад британского министра по координации обороны лорда Чэтфилда от 27 мая 1939 г. об итогах проходивших в апреле — мае 1939 г. секретных англо-французских штабных переговорах (на уровне Генштабов). В этом докладе черным по белому и с невероятной же циничностью англо-французские генштабовские ублюдки откровенно показали, как они намерены похерить свои же гарантии безопасности Польши: «Если Германия предпримет нападение на Польшу, то французские вооруженные силы займут оборону по линии Мажино и будут сосредотачивать силы для наступления на... Италию». Что же касается Англии, то она, видите ли, «сможет осуществить эффективное воздушное наступление, в случае... если в войну вступит Бельгия»^[505]. То есть совершенно открыто расписались, что выданные ранее гарантии безопасности Польше являлись преднамеренным обманом последней! Зато «в случае войны важно попытаться вовлечь в нее Советский Союз»! Они, значит, будут отсиживаться и сосредотачиваться хрен знает для чего, а СССР — иди и отдувайся за этих подонков!

3. Запись секретной беседы от 29 июля 1939 г. политического деятеля Великобритании Родена Бакстона с влиятельным германским дипломатом — сотрудником службы дипломатической разведки германского МИДа Т. Кордтом. Содержание этой беседы свидетельствовало о том, что Англия намеревалась осуществить польский вариант Мюнхенской сделки с Гитлером. То есть сдать ему «в аренду» территорию Польши для нападения на СССР в обмен на очередной пакт о ненападении с Германией, ради чего Р. Бакстон от имени правительства Англии наобещал прекратить ведшиеся в то время переговоры о заключении пакта о взаимопомощи с СССР, начатые под давлением Москвы^[506]. Проще говоря, Великобритания намеревалась по аналогии с Мюнхенской сделкой отдать Гитлеру Восточную Польшу, дабы тот заимел наконец столь желанный для него плацдарм для нападения на СССР — плацдарм, с которым фюрер и его генералы еще на рубеже 1936 — 1937 гг. открыто увязывали грезившийся им успех в блиц«Дранг-нах-Остен» -криге. Одновременно такой же вариант готовился и для прибалтийских лимитрофов.

Кому же наиболее выгодно было сохранение живой германофильствующей высокопоставленной агентуры в высшей советской военной иерархии?

Только Германии, потому что германский вермахт даже после захвата Чехословакии еще не был тем самым мобильным, вышколенным, прекрасно

обученным и оснащенным вермахтом, который известен по истории Второй мировой войны. Тогда его могла раздавить даже чехословацкая армия, имевшая 42 — 45 дивизий, а уж при поддержке СССР от гитлеровской Германии не осталось бы даже и мокрого места. И чтобы этого не произошло, Германии и нужно было, чтобы германофильствовавшая высокопоставленная агентура влияния в высшей советской военной иерархии осталась бы живой.

Кому же в таком случае особенно мешала германофильствующая высокопоставленная агентура в высшей советской военной иерархии?

Только Великобритании (у СССР были совершенно иные резоны ликвидировать этот заговор). Потому что германофильствующая военная верхушка СССР (да еще и с потугами на «мировую революцию») плюс русофильствовавшая военная верхушка Германии стремились к военно-геополитическому альянсу Берлин — Москва на основе военных диктатур с немедленным подсоединением к нему Рима и особенно Токио. И тогда верная смерть как для самой Великобритании, так и для ее империи, и вообще для всего англосаксонского Запада. А если, как предполагали в Лондоне, к этому «квартету» подсоединяется еще Мадрид и Лиссабон (то есть Франко и Салазар), то тогда практически мгновенная смерть. Потому как в сферу деятельности этого секстета диктатур попало бы практически 100 % основных морских и железнодорожных коммуникаций, связывавших метрополию с ее колониями, особенно в Азии, без которых Англия — всего лишь туманный Альбион. И вовсе не случайно, что во время англо-германских переговоров в ноябре 1937 г. лорд Галифакс выразил готовность присоединиться к разросшейся к тому моменту до тройственного союза Берлин — Рим — Токио оси. Ибо это однозначно свидетельствует, что лорд использовал зеркальную копию основополагающего замысла двойного/трипартитного заговора! То есть Лондон был полностью в курсе истинных замыслов заговорщиков, иначе использование зеркальной копии было бы невозможно!

В послевоенный период в ответ на откровенно хамские выпады Великобритании и США в адрес СССР с обвинениями в том, что-де именно СССР виноват в разжигании Второй мировой войны, МИД СССР по прямому указанию Сталина подготовил и опубликовал в 1951 г. историческую справку под названием «Фальсификаторы истории», в которой со ссылкой на захваченные архивы германского МИДа были опубликованы разведывательные данные 1937 г. о визите Галифакса в Берлин. Они свидетельствовали о том, что план, о котором говорил Рузвельту Линдсей и в силу которого Рэнсимен уверял главу Белого дома,

что Лондон ждет войны не позднее 1938 г., заключался также и в следующем: Англия, а под ее нажимом и Франция тоже присоединятся к оси Берлин — Рим (которая к тому времени разрослась до треугольника Берлин — Рим — Токио) с целью создания единого фронта против СССР, участвовать в котором приглашали и США! Высказать такое мнение Галифакс мог только в одном случае — при наличии заваленного в своей основе двойного/трипартийного заговора по цепи Берлин — Москва — Токио и при точном знании его геополитической сути. Потому что вместо континентального германо-советского соглашения, ориентированного против Великобритании и вообще англосаксов, в намерении достижения которого западноевропейская, особенно британская, пресса обвиняла Тухачевского, и даже вместо трансконтинентального тройственного соглашения антианглосаксонской направленности, лорд открытым текстом высказал намерение соучаствовать в создании также трансконтинентального, но сугубо русофобского, антисоветского характера альянса! Подчеркиваю, что высказать такое намерение о присоединении к оси Берлин — Рим, а по факту-то к оси Берлин — Рим — Токио, Галифакс мог только в том случае, если он твердо знал, что до смерти пугавший Лондон военно-геополитический тройственный заговор завален полностью!

И в то же время это обстоятельство означает, что именно в тот момент, как, впрочем, и до этого, сам Гитлер даже и не помышлял о заключении с Советским Союзом нового договора о ненападении. Во-первых, потому что еще действовал прежний договор от 1926 г. Во-вторых, он сильно опасался вмешательства СССР в чехословацкий кризис. А старый договор от 1926 г. являл собой некую гарантию того, что Советский Союз не вмешается в этот кризис. Или, по крайней мере, для Советского Союза окажется весьма затруднительным вмешаться в этот кризис, ибо для обратного пришлось бы пойти на нарушение этого договора. И соответственно, в-третьих, это означает, что фюреру не было никакого смысла, имей, а точнее, знай он о такой германофильствовавшей агентуре, как расстрелянные военные, сдавать ее на расправу Сталину. Ведь Тухачевский и К^о были против договоров СССР с Францией и Чехословакией. И, оставаясь живыми, они принесли бы куда больше пользы, потому как могли бы сыграть роль сдерживающего вмешательства СССР в чехословацкий кризис фактора. Тесно связанная с британской разведкой влиятельная газета «Ньюс хроникл» отнюдь не случайно обвинила Тухачевского в организации втягивания Германии в войну с одним из европейских государств при сохранении со стороны СССР строгого нейтралитета.

«Доброй, старой» сволочи по имени **PERFIDIOUS ALBION** была нужна война — война на Востоке Европы, война между Германией и СССР. Но вот влезать в нее Великобритания не намеревалась. Именно поэтому-то Галифакс и выразил готовность Великобритании и Франции подсоединиться ко всем этим агрессивным осям. Потому что планировалось создание превосходства сил на стороне Запада, что в конечном счете и означало контролируемый Великобританией (и США) конкретный акт агрессии против СССР, который первоначально как раз и планировался на 1938 г.!

И тот факт, что в числе готовых присоединиться к этим агрессивным осям лорд назвал также и Францию, означало фактический отказ Парижа даже от видимости соблюдения договоров 1935 г. А это, в свою очередь, могло быть достигнуто только путем ликвидации смертельно опасного для Великобритании заговора за счет нанесения упреждающего удара по ключевому его звену — советской части. Что в результате и обеспечивало Лондону простор для глобального маневра. Потому что:

— Вооруженные силы СССР в таком случае неминуемо неизбежно ослабнут, ибо даже вынужденный и справедливый удар по высшему командному звену равносителен едва ли не тотальной деморализации личного состава, что немедленно скажется на уровне боеспособности и боеготовности Вооруженных сил^[507];

— у Чехословакии пропадет последний шанс надеяться на помощь Москвы, так как Париж немедленно проигнорирует свои обязательства по договору 1935 г. под предлогом того, что нет оснований доверять Вооруженным силам СССР;

— следовательно, Великобритания полностью свободна от необходимости оказывать помощь Франции и соответственно влезать в разжигавшуюся Лондоном общеевропейскую войну, а следовательно, может сосредоточиться на обеспечении безопасности Британской империи.

Все произошло в соответствии с этим сценарием. В мае 1938 г. британская пресса кричала: «Нам нет дела до чехов!», а британский ас психологической войны — лорд Ротермир — разыграл свою «партию» строго по определенным нотам. Статья с таким хамским названием вышла 6 мая 1938 г., однако накануне лорд Ротермир показал гранки этой статьи германскому послу в Лондоне Дирксену, который немедленно отбил соответствующую депешу в Берлин. И было из-за чего — Лондон открыто говорил Берлину, что не намерен конфликтовать из-за Чехословакии. Французы, к слову сказать, не отставали.

Только объявленная в Чехословакии всеобщая мобилизация и предупреждение СССР о готовности оказать Праге помощь даже в

одностороннем порядке сорвали не столько реализацию «Операции Грюн», сколько возникновение европейской войны уже в мае 1938 г.! Вот тогда-то Лондон и ввел в действие пресловутый «План Z», который и привел к Мюнхенской сделке.

Если за счет негласного содействия по каналам чехословацкой военной разведки и лично через Бенеша ускорить (законную) ликвидацию заговора германофильствовавших советских военных как ключевого звена двойного/тройственного заговора, то в выигрыше останется «добрая, старая» сволочь по имени **PERFIDIOUS ALBION**, а «на бобах» — Сталин и СССР!

Ведь договор о нейтралитете и ненападении от 1926 г. истек окончательно, а высший командный состав перерезан. Авторитет в мире подорван. Доверие к советской военной мощи — тоже. Франция полностью дезавуировала свои обязательства по договору 1935 г., Чехословакия сдана Гитлеру «в аренду». Следовательно, путь к войне против ослабленного СССР в условиях его полной международной изоляции открыт!

Все именно так и должно было произойти. Уезжая из Мюнхена навсегда обещанным невиданным даже в грязной истории британской дипломатии позором сделки с Гитлером, премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, стоя у трапа самолета, прямо призвал Гитлера к нападению на СССР: «Для нападения на СССР у вас достаточно самолетов, тем более что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах». В тот же день об этом знал Сталин.

А чуть позже — 6 декабря 1938 г; — не столько министр иностранных дел Франции, сколько «верная собака бошей» Боннэ откровенно заявит нацистским главарям: «Оставьте нам нашу колониальную империю, и тогда Украина будет вашей».

Потому что обе державы — Великобритания и Франция — прикрылись фактически пактами о ненападении: Лондон — с 30 сентября 1938 г., Париж — с 6 декабря 1938 г. У них есть, у Москвы — нет. Война тогда не началась лишь по той простой причине, что даже у Гитлера хватило ума сообразить, что между 170 советскими и 42 германскими дивизиями есть разница. За что, кстати говоря, тот же Галифакс чуть позже обозвал его клятвопреступником — обещал, мол, получив Чехословакию, напасть на СССР, но слова не сдержал! Да еще и косо стал посматривать в сторону Запада!

Срочным розыгрышем «польской карты» **PERFIDIOUS ALBION** вновь развернул коричневого шакала на восточный азимут. Ибо только так

возможно было «предоставить Гитлеру возможность действовать», то есть начать-таки войну против СССР. И в той ситуации Сталину уже физически не оставалось никакой иной возможности, кроме как пойти на подписание договора о ненападении, прекрасно понимая, что в результате получится факт возникновения общей советско-германской границы, с рубежа которой Гитлер и начнет свою атаку. Руководствуясь высшими интересами национальной безопасности Советского Союза, Сталин и принял решение о том, что поскольку война и так неизбежна — об этом, подчеркиваю, он прекрасно знал еще с конца 1925 г., — то уж пусть она начнется с дальнего рубежа. В итоге незаконно отторгнутые еще в 1920 г. исконно русские территории Западной Украины и Западной Белоруссия были возвращены в состав Российского государства, пускай и называвшегося тогда СССР. А чуть позже были возвращены Бессарабия и прибалтийские территории. Советская логика заключения договора о ненападении от 23 августа 1939 г. была очень простой, но в высшей степени справедливой:

СССР с Германией ровно настолько, насколько западные демократии не столько не с СССР, сколько против него, но не более того, чтобы тем самым как минимум на какое-то время оттянуть фатально неминуемое столкновение с Германией, неизбежность которого предreshало постоянное и целенаправленное провоцирование Западом Германии к нападению на Советский Союз! Это понимал и открыто признавал даже такой отъявленный враг СССР и России, как У. Черчилль.

Так что договор о ненападении от 23 августа 1939 г. совершенно не случайно демонизируется с особым бешенством. Прежде всего потому, что он являет собой исторически беспрецедентный символ всей глубины провала не только британской, но и всей политики и дипломатии Запада за весь XX век.

Вновь обращаю внимание на то, что логика европейского равновесия такова, а в то время особенно, что 23 августа 1939 г. было абсолютно предсказуемым шагом Кремля. Вслед за Мюнхенской сделкой, целью которой было открыть магистральную дорогу Гитлеру на Восток, должен был последовать и адекватный угрозе оборонительный шаг со стороны Москвы. Из истории тех лет хорошо известно, что еще до Мюнхена послы и разведки практически всех европейских государств, а также США забрасывали свои правительства телеграммами, в которых указывали, что (Мюнхенский) сговор Запада с Гитлером в очень короткое время приведет к неизбежному заключению соответствующего договора о ненападении между СССР и Германией. Более того. Открыто предупреждали, что любая попытка изолировать СССР на международной арене, особенно в Европе, в

той ситуации также неминуемо приведет к заключению нового соглашения между Берлином и Москвой.

Демонизация этого договора осуществляется с целью сокрытия главного преступления Великобритании и всего Запада в XX веке — Мюнхенского сговора с Гитлером. Прежде всего того, каким образом Великобритании удалось организовать эту позорную и подлую сделку. Именно поэтому-то в упреждающем по отношению к самому факту подписания договора режиме особо рьяно демонизируется факт ликвидации заговора Тухачевского! В том смысле, что-де ликвидация «гениальных стратегов» понадобилась Сталину как основополагающий шаг на пути подготавливавшегося им сговора с Гитлером, в качестве которого и выставляется договор о ненападении. Это единственный способ отвести от Великобритании справедливые обвинения в злостно злоумышленном, но негласном содействии закономерному провалу заговора Тухачевского ради последующей конвертации его неизбежных международных последствий негативного характера в сговор с Гитлером.

Вновь особо подчеркиваю, что успех заговора Тухачевского ни при каких обстоятельствах не явился бы благом для Советского Союза. Потому как означал бы все ту же мировую войну, но войну со всем Западом во главе с Атлантическим центром силы (прежде всего, с Великобританией и США во главе), роль СССР (России) в которой была наподобие «шестнадцатого номера». Потому что Германия и Япония намеревались, опираясь на необозримые экономические, главным образом ресурсные, возможности СССР (России) и его уникальную по своему стратегическому значению территорию, обеспечивающую полную свободу континентального маневра, повести свою ожесточенно свирепую борьбу за мировое господство.

Вся подлость этого заговора в том, что он предоставил Западу уникальнейший шанс одновременно решить практически все глобальные задачи, без положительного разрешения которых невозможно было спровоцировать войну Германии против Советского Союза. А для этого необходимо было прежде всего взломать мощнейший «бронезилет» безопасности, которым Сталин старательно «укутывал» Советский Союз по периметру его границ, особенно на западном направлении. Не будь этого проклятого, инспирированного «бесом мировой революции» заговора, не было бы у Запада ни малейшего шанса на устройство Мюнхенского сговора! Не было бы даже гипотетического шанса для едва ли не мгновенной военно-экономической накачки нацистской Германии и выведения вермахта на ближайший к советским границам в конце 30-х гг. XX в. плацдарм — Чехословакию. И уж тем более не было бы ни малейшего шанса на

провоцирование мировой войны против Советского Союза ранее тех сроков, которые Гитлер сам же и планировал.

Ведь войны в 1941 г. и в самом-то деле не должно было быть! Гитлер-то планировал ее на середину 40-х гг.! И лишь заговор Тухачевского дал Западу уникальный шанс резко ускорить этот процесс. Потому что резкая активизация заговора Тухачевского как ударной военизированной силы общего заговора оппозиции в связи с принятием новой конституции СССР вынудила Сталина перейти от словесных увещаний к адекватным и решительным действиям. Более медлить он не мог — на кону стояла не только безопасность Советского Союза и его народов. На кону стояло будущее Великой Державы и ее великих народов.

Неизбежные негативные последствия ликвидации заговора военных, мириться с которым Сталин более не мог, Запад мгновенно трансформировал в положительные для себя. Он давно уже был готов к этому. Сговор между США и Великобританией о том, как лучше подставить Советский Союз под «угрозу германских, чисто империалистических территориальных стремлений», а также сговор между Лейт-Россом и Шахтом уже были в наличии. Запад использовал единственный шанс обрушить и без того хрупкую в своей основе систему коллективной безопасности в Европе, которую символизировали собой заключенные между СССР, Францией и Чехословакией в 1935 г. договора о взаимопомощи в отражении агрессии. А этот единственный шанс и дал заговор Тухачевского.

Та страшная война разбойно украла у нашего народа 27 миллионов полных сил и светлых помыслов наших сограждан в основном выросших уже при советской власти. Это была беспрецедентно разбойная кража самого бесценнейшего Золотого Фонда Союза Советских Социалистических Республик — возвращенных советской властью Созидателей Нового, Счастливого Будущего! После войны Сталин с горечью произнес: «В этой войне мы потеряли самых лучших. И это еще непременно скажется!» Оно и сказалось, едва только Сталин был убит бандитской кликой Хрущева и К°!..

Павшие смертью храбрых в боях за нашу Великую Родину самые лучшие не знали и даже не догадывались, какую наиподлейшую роль в их гибели сыграл инспирированный проклятым «бесом перманентной революции» заговор Тухачевского. Из-за которого Западу удалось-таки привести войну непосредственно к порогу Советского Союза в укороченные даже против гитлеровских планов сроки!

notes

Примечания

1

О. Бальзак. «Утраченные иллюзии».

Бицилли П. М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях утверждения евразийской цивилизации. Кн. 2. Берлин, 1922 (цит. по: Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: Антология. М., 1993. С. 24).

Участник советско-германских переговоров в августе 1939 г., начальник юридического департамента МИД Германии Фридрих Гаус, зафиксировал в своем дневнике, что при встрече с советскими руководителями Риббентроп хотел начать с заранее подготовленной выпендренной речи о том, что «дух братства, который связывает русский и немецкие народы...». Однако Молотов тут же его оборвал словами: «Между нами не может быть братства. Если хотите, поговорим о деле». В свою очередь Риббентроп в представленном Гитлеру докладе о переговорах отмечал, что, отвечая на один из его вопросов, Сталин заявил: «Не может быть нейтралитета с нашей стороны, пока вы сами не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР. Мы не забываем, что вашей конечной целью является нападение на нас» (*Розанов Г.А. Сталин — Гитлер. 1939 — 1941. М. 1991. С. 95*).

Но весьма схожие прототипы есть. Например, Уайтхоллский договор 1755 г. между Англией и Пруссией, ставший «детонатором» Семилетней войны в Европе (1756 — 1763 гг.), в которую оказалась втянута и Россия, и пресловутые Локарнские соглашения 1925 г., приведшие к резкому обострению обстановки вокруг СССР во второй половине 20-х — начале 30-х гг. прошлого столетия.

Редъярд Киплинг.

Омар Хайям.

Мало кому известно, что именно Тухачевский более всех был причастен к запрету этой важной науки в СССР.

Бонт Ф. Дорога чести. Пер. с фр. — М., 1949. — С. 189. Любопытно, что уже в 1922 г. немцы — а уж кто-кто, но они-то толк в военном деле знают как никто другой в мире — пришли к выводу, что в СССР армии как таковой нет! Между тем у нас до сих пор существуют «историки», пытающиеся убедить, что-де Троцкий — «творец» Красной Армии?! Что он сотворил, если немцы уже тогда пришли к такому выводу?! А в начале 1924 г. и Политбюро ВКП(б) пришло к аналогичному выводу. Троцкий был изгнан из военной сферы, а в самих Вооруженных силах того времени началась глубокая реформа.

Сутуловатая фигура будущего фюрера нарисовалась в дверном проеме одной из мюнхенских пивных лишь 12 сентября 1919 г., когда уже вовсю шли тайные советско-германские переговоры зондажного характера, второе «дно» которых и привело к формированию заговора.

Foreign Relations of the United States (FRUS). 1918. Vol. II. P. 35 — 36.
Цитата из текста меморандума посольства Великобритании в США
Госдепартаменту Соединенных Штатов Америки.

Вуматер Н. Strange Intelligence. Constable, 1931. В дневнике руководителя английской разведки в начале XX в. Мэнсфилда Камминга есть записи от 2 марта и 28 июня 1910 г. о вербовке Байуотера английской разведкой.

Джилберт Джифорд, 1561 г. р., к моменту начала операции ему было всего 24 года, был тесно связан с иезуитскими кругами Франции, однако с осени 1585 г. уже состоял в агентурной сети британской секретной службы, а с декабря 1585 г. работал на английскую разведку под личным контролем Уолсингема, по указанию которого был ликвидирован в 1589 г. (то есть через два года после казни Марии Стюарт. — А. М.). Четко вписывающийся в рамки одного из наиважнейших принципов британской внешней политики — принципа выигрыша последнего сражения».

Качановский Ю. На откосе// Советская Россия. 1996. 3 августа, № 89.
Подробнее см.: *Черняк Е. Б.* Секретная дипломатия Великобритании. Из истории тайной войны. М., 1975. С. 104 — 118.

Свои цели в той войне Англия объявила только тогда, когда вынудила всех членов Антанты, включая и Россию, подписать Лондонскую конвенцию от 5 сентября 1914 г. о недопустимости сепаратного перемирия или мира с кайзеровской Германией. 9 ноября 1914 г. Премьер-министр Великобритании Г. Асквит огласил эти цели. В том, что он тогда заявил, не было даже и тени намека на какие бы то ни было интересы России как союзницы по Антанте: «восстановление Бельгии, обеспечение Франции от угрозы нападения в будущем и уничтожение прусского милитаризма!» Зато содержалась прямая угроза суверенитету, независимости и территориальной целостности Российской империи, ибо было заявлено, что Великобритания преследует в той войне цель — «обеспечение прав малых народов в Европе!». Царю бы затребовать у союзников разъяснения, что имеется в виду, так как в этой формулировке подобная цель распространялась и на Россию, где проживало без малого две сотни народов! Затребовать не только объяснений, но и гарантий, что эта цель не распространяется на Россию, а в случае отказа дать такие гарантии — послать по известному всей России адресу союзников, тем более что сам Николай II никогда не питал особого уважения к бриттам. Но, увы... См.: *A History of the Peace Conference of Paris*. Ed. G. Temperley. V. I — VI. London (Royal Institute of International Affairs). 1921 — 1924. V. I. P. 169.

Lensen G.A. The Damned Inheritance. The Soviet Union and the Manchurian crisis, 1924 — 1935. Tallahassee, 1974. P. 447; цит. по: *Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М., 2004. С. 188.

В скобках, потому как на момент организации провала заговора еще никто не знал и тем более не предполагал, что сговор произойдет именно в Мюнхене.

Здесь следует иметь в виду, что перед самой оккупацией чехи успели угнать на территории Венгрии, Румынии, Польши и даже СССР свыше тысячи военных самолетов. И если этого не произошло бы, то ВВС Германии смогли бы увеличить свой самолетный парк одновременно более, чем в два раза.

Накануне, 1931 — 1939. Как мир был ввергнут в войну: Краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях/ Сост. Н. Н. Яковлев и др. М., 1991. С. 179.

В принципе это старинная позиция чешской элиты. Еще в первой половине XIX в. она уже исповедовала следующую концепцию: «Русские... вовсе не наши братья, как мы их называем, а намного более опасные враги нашего народа, чем мадьяры или немцы». *Сегну V. Vyvoj a zlociny panslavismu, Praha, 1995. S. 28.*

Э. ТакерДжонс. Великий танковый грабеж. М., 2008. С. 20 — 21.

Именно это и произошло под конец XX века, когда подлейшим образом Горбачев сдал кровью миллионов простых советских солдат и офицеров завоеванные геополитические позиции Великой Державы, а его наследник — вечно пьяный Е. Б. Н. — еще и юридически закрепил сдачу этих позиций. Великое Горе Великой Державе, если к кормилу власти в ней при помощи извне прорываются политические подонки и предатели!

Омар Хайям.

Цвейг С. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского // Собр. соч. Т. 9, М., 1993. С. 102.

Козьма Прутков.

Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Wash. DC, 1996. P. 186 (впервые этот труд был опубликован еще в 1919 г.). N.B. В связи с тем, что здесь использованы специфические термины, применяемые в геополитике, необходимо небольшое пояснение: «Хартленд» (Heartland) — «Сердцевинная Земля» («ЗемляСердце») — есть подавляющая часть территории России. «Мировой Остров» (World Island)— это Евразия, на большей части которой сосредоточена Россия.

Автором выражения является Уинстон Черчилль. Столь резко и нелюбезно он обозначал эмигрантские шайки Ленина и Троцкого. Цит. по Illustrated Sunday Herald от 8 февраля 1920 г.

Цит. по: *Назаров М.* Тайна России. М., 1999. С. 519.

Древнеримская пословица.

Омар Хайям.

В основном уголовников. Именно вследствие этого в государственной политике США, Австралии и т. д. нередки сугубо уголовные действия.

С XII в. добавились слова «германской нации».

На века «ославились» и многие представители Азии.

Выражение принадлежит И. Л. Солоневичу.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 780 — 781.

Например, прусский посланник в Петербурге Сольмс писал своему королю Фридриху II: «Все Екатерининские войны ведутся русским умом». Вести же войны русским умом испокон веку означало действовать, как говаривал еще Петр Великий, елико возможно, «лаской, а не жесточью». Так, после завоевания Крыма Екатерина II решила осмотреть новые владения. И вот там, в Крыму, произошло уникальное. На одной из дорог лошади внезапно понесли и быть бы трагедии неминуемо, если бы крымские татары, которые сопровождали ее в качестве охраны, не легли на пути взбесившихся лошадей и мужеством своей бесстрашной отваги не предотвратили бы, казалось, уже неизбежное несчастье. Вы только вдумайтесь в суть случившегося! После кровопролитной войны за Крым свою личную охрану Екатерина II доверила вооруженным представителям только что завоеванного народа, к тому же совершенно иной веры! И именно они предотвратили гибель своей новой владычицы! Это стало возможным не только в силу традиционно и справедливо превозносимой дальновидной мудрости Екатерины II, но и прежде всего потому, что ее войны действительно велись русским умом, в которых даже применение оружия не означало захвата как такового. Применение оружия всегда сопровождалось, а нередко и упреждалось действиями «лаской, а не жесточью». Но даже после применения оружия действовать русским умом означало прежде всего проявление искреннего уважения к незыблемости монополии заселения народа завоеванной территории. Только так возможно было гарантированно ожидать взаимного уважения такого народа к России, что, собственно говоря, крымские татары и продемонстрировали в описанном выше случае. Искренне жаль, что сложившееся было взаимное уважение оказалось нарушено во время Великой Отечественной войны, когда многие представители крымских татар, поддавшись гитлеровской пропаганде, стали сотрудничать с оккупантами и действовать против Красной Армии. Естественно, что государство незамедлительно ответило в соответствии с суровыми законами военного времени, которые не зависят от всякого рода «измов». Потому как действительно никому не дано безнаказанно нарушать Высший Закон, тем более в тяжелое военное время. Но еще более жаль, что такое наказание не было снято с целого народа вовремя.

Герцен А. М. Сочинения. М., 1956. Т. 3. С. 403 — 404.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М., 1991 (репринт 1923 г.). С. 145, 146.

Едва ли кто-либо задумывался над тем, что выбор стратегических целей по гитлеровскому «Плану Барбаросса» был предопределен именно этим. Все три стратегических направления имели не просто цель — определенные города. Каждый из них являл собой определенный символ в истории развития цивилизации и государственности Руси. Ленинград, то есть Санкт-Петербург, находится в непосредственной близости от праматери Русской цивилизации — Ладожской, Москва — символ Русского централизованного государства и соответствующей ему цивилизации Руси, Киев — символ цивилизации и государственности Киевской Руси! Эти цели символизировали собой кровавое геополитическое противоборство религиозно-цивилизационного характера. Главари нацистского режима во главу угла всех целей своего нападения на Советский Союз ставили продвижение далеко на Восток «сущности Европы». А какова она, эта самая «сущность Европы», мы уже знаем — **АГРЕССИЯ!**

Речь идет об экранопланах, эпоху которых открыл именно Советский Союз. Воплощенный в них сплав высших достижений отечественной науки давал СССР неоспоримые преимущества как в военной сфере, поскольку на многие порядки повышал уровень мобильности едва ли не всех родов войск, так и в гражданской. Особенно в сфере экономически очень эффективного транспорта. Ведь в современном мире колоссальнейшую роль играет даже не столько сам торговый оборот, сколько его скорость. А экранопланы, в частности транспортные, с блеском решали эту задачу, да так, что во многие порядки могли повысить скорость оборота мировой торговли. Не говоря уже о сугубо транспортных выгодах и многом другом.

Тойнби А. Постигение истории. М., 1991. С. 156 — 157.

Тойнби А. Постигение истории. М., 1991. С. 156 — 157.

Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 107.

Цит. по: *Овсяный И. Д.* 1939: последние недели мира. М., 1981. С. 34.

Цит. по: *Овсяный И. Д.* 1939: последние недели мира. М., 1981. С. 34 — 35.

Небезынтересно так же отметить, что Россия и Англия сталкивались между собой в том числе и из-за пиратства. Россия требовала уничтожения всех его видов, особенно каперства, Англия же вплоть до начала второй половины XIX века отчаянно противилась этому. Еще бы — ведь в этом бандитизме и был сосредоточен источник ее процветания! См. *Татищев С.* Император Александр Второй. М., 1996. Т. 1. С. 225.

Речь идет о Тордесильясском договоре 1494 г. между Испанией в лице Кастильи и Португалией, по которому между ними было разделено Западное полушарие. Впоследствии — в 1529 г. — он был дополнен Сарагосским договором, по которому те же «подписанты» поделили между собой уже Восточное полушарие. После двух с половиной веков ожесточенной борьбы, в 1777 г., Великобритания вынудила Испанию и Португалию подписать договор Сан-Ильденфонсо, по которому вышеуказанные два договора были признаны утратившими силу.

Джон Ди (1527 — 1608) — математик, астроном, страстный библиофил, географ, владелец лучшей в те времена во всей Европе научной библиотеки, придворный астролог английской королевы Елизаветы I, один из лучших, если не самый лучший, шпион-универсал, состоявший на связи лично у главы елизаветинской разведки сэра Френсиса Уолсингэма. Специализировался на добывании секретной информации из высших монархических кругов Европы, а также на осуществлении особо крупных стратегических акций влияния. Одной из самых выдающихся его операций является распространение так называемых предсказаний бурь на 1588 г., которыми он преследовал цель помешать ре-крутированию матросов и солдат в «Непобедимую армаду» Испании, сведения о чем он лично же сам и добыл, получив с помощью своей агентуры доступ к переписке между римским папой и испанским королем Филиппом II.

Внешняя же торговля с Англией велась через беломорские порты России еще с XII в.

Подобный персонаж — «сумасшедший шляпник» — очевидно, известен читателям по знаменитой сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

Любопытно в этой связи заметить, что мать Ульянова-Ленина была дочерью выкреста Израиля (Александра) Бланка — потомка шведских потомственных **шляпников** Гроссшопф. Исходя из современного уровня генетики, можно с уверенностью говорить о следующем. Постоянно мучившие «вождя мирового пролетариата» страшные головные боли, необъяснимые на первый взгляд припадки бешенства, его полное безумие под конец кровавой жизни — вспомните знаменитую фотографию полностью сошедшего с ума «вождя» в коляске, — половая импотенция и т. д. есть результат генетических последствий ртутного отравления его далеких предков по материнской линии. Генетика вовсе не склонна обходить своим вниманием даже «вождей». В период эмиграции «вождь» подхватил еще и сифилис, который в начале XX в. лечили в основном ртутьсодержащими препаратами, что, очевидно, резко активизировало до поры до времени дремавшее генетическое «наследство» Ильича. Тем, кто остановил свой выбор на Ленине как на пригодной на роль «вождя русской революции» кандидатуре, очевидно, хорошо были известны самые интимные подробности его рода. Его явно избрали именно из-за того, что генетически он был крайне предрасположен к буйному бешенству, что как раз и нужно было для главаря «революции» в ненавистной Западу России. Более того, прекрасно знали и то, что с такой наследственностью он долго не протянет, а чтобы и в самом деле долго не протянул, еще и «подсобили» покушениями и «соответствующим» лечением... Кстати говоря, небезынтересно отметить еще одну любопытную деталь. «Лидеры» так называемых «оранжевых революций» на постсоветском пространстве тоже отличаются, как бы это помягче сказать, ярко выраженной психической неустойчивостью и неадекватностью. Судя по всему, у Запада это «традиция» — делать ставку на буйнопомешанных...

За Иваном Ивановичем и его способностями управлять государством «приглядывал» другой шпион английской короны — посол-резидент Джером Горсей. Кстати, почему-то именно он находился непосредственно при Иване Грозном в момент его смерти. Убедиться в том, что цель достигнута?! С тех времен сложилась еще одна наиподлейшая «традиция» Англии. Начиная со смерти Ивана IV почти все смерти российских государей либо же судьбоносные события в истории России, к которым была причастна Англия, почему-то происходили в начале марта месяца...

Правда, впоследствии, в результате множества просьб, часть этих льгот была восстановлена, но о монополии речь уже никогда не шла.

В той же Германии, например, при подавлении крестьянского восстания 1525 г. только казнено было свыше 100 тысяч человек. А сколько убитых — вообще неизвестно. Известно только одно. В процессе так называемого германского «раскрестьянивания», последовавшего за этим восстанием и вследствие чудовищной бойни — Тридцатилетней войны — демографический потенциал Германии был настолько сильно подорван — погибло 85 % всех германских мужчин, а «излишек» женщин спалили в кострах инквизиции, — что специальной буллой римского папы немцам-католикам было разрешено многоженство сроком на 15 лет! В Нидерландах герцог Альба только при взятии Антверпена и Гарлема уничтожил (соответственно) 8 и 20 тысяч человек, а всего в этой стране испанцы уничтожили примерно 100 тысяч человек. Французская революция конца XVIII в. обошлась французскому народу в 4 млн человек (одна Вандея — 1 млн чел.) и в итоге напрочь подорвала демографический потенциал Франции. С тех самых пор она никак не может оправиться. Зато какие все «борцы за демократию, права человека» — пробу негде ставить!..

Существует и располагающая немалым количеством убедительных доказательств версия о том, что слово «империя» в названии государства проистекало не от латинского «империа», то есть «господствовать», а из греческого «эмпирия», то есть «знание». Если это так, то название государства должно быть таким — «Знания Ромеев». В таком случае зоологическая ненависть Запада к Византии становится более понятной. Более понятна тогда и автоматически перенесенная Западом на Россию звериная ненависть к Византии.

Это вообще «традиция» британской разведки.

Вспомните, как уничтожали Советский Союз, и вам все станет понятно.

Однако в реальной жизни Ильин не всегда следовал своим же заповедям. Иначе не обмарался бы дружеским рукопожатием с Гитлером и восторженным восприятием его звериной русофобии и зоологической юдофобии. За что его крайне жестко критиковал даже такой противник советской власти, как Роман Гуль. Наверное, тогда в Ильине верх взяла германская кровь — ведь он же наполовину немец! Но как бы там ни было, беспристрастный объектив фотоаппарата навсегда зафиксировал, с каким почтением Ильин жал потную руку коричневого шакала. И вот за деньги того самого народа, который в борьбе против Гитлера положил 27 млн жизней на алтарь Великой Победы, отнюдь не святые мощи этого восторженного почитателя нацизма современные власти России перетащили сюда, в Донской монастырь?! Да, конечно, мне ведомо, что впоследствии Ильин осуждал зверства нацизма. Но кто бы объяснил, почему даже ненавидевшие советскую власть эмигранты однозначно восприняли Гитлера как фактор войны против России и потому, особенно во второй половине 30-х гг. и тем более во время войны, стали помогать СССР, считая это своим долгом перед Россией, а Ильин ничем подобным не отметился?! Зато сколько незаслуженных почестей отхватил!

Горбунов А. Н. Новый источник по истории русской Смуты начала XVII века // Нестор. Историко-культурные исследования. Альманах. Смуты и революции в мировой истории. Воронеж, 1993. С. 148 — 149. Бффетон Г. Известия о нынешних бедах России. СПб., 2002. С. 101. Скобелкин О. Странствующие искатели Приключений // Родина. 2003. No 5 — 6.

Князь Пожарский попросту выгнал английских шпионов из страны.

К сожалению, его автором был выдающийся германский ученый, математик, физик, а также экономист, о чем мало известно, Вильгельм Лейбниц.

Для Англии это действительно было банальным. Из 105 имевших несчастье быть ее королями (англо-шотландских) 60 покинули свой престол в результате убийств, орудиями которых были в первую очередь яды и кинжалы, не говоря уже об обычном в те времена хобби» — отрубании венценосных голов. Старейшая в мире демократия», однако...

Как и всегда в истории, без предателей не обошлось. Но лишь одному из них — любовнице Уитворта Ольге Жеребцовой — «повезло»: по королевскому указу ей предоставили убежище в Лондоне и наградили большими по тем временам деньгами. Однако ее ждало неизбежные забвение, страх за собственную шкуру, а самое главное, потеря Родины! Она так и сдохла, никому не нужной, даже британскому престолу — «мавр сделал свое дело...».

План, подготовка соответствующих условий (особенно убийства Г. Распутина) и даже сам сигнал к началу так называемой февральской революции 1917 г. были разработаны в британском посольстве в Петербурге при активном участии британской разведки и дипломатии, в том числе лично посла Джорджа Бьюкенена. В убийстве Г. Распутина непосредственно была замешана британская разведка. В настоящее время неопровержимо доказано, что настоящим убийцей Г. Распутина был британский шпион — мастер по «мокрым делам» — Освальд Райнер. Хвастливый же гомосексуалист князь Феликс Юсупов, будучи агентом (влияния) английской разведки, всего лишь прикрывал своим именем причастность СИС. На большее он был не способен. Что же до британской королевской семьи, то она сверхкруто была замешана в диком преступлении против вернейшего союзника и родственника английского короля. Вследствие этого ей пришлось при помощи СИС откровенно воспрепятствовать всем попыткам вывезти семью русского царя, отказав не только в присылке британского крейсера, но и даже в теоретическом предоставлении приюта на Западе, особенно в Англии. Зато хапнуть царские вещи, в том числе и драгоценности невероятной стоимости, — на это истинно британской «порядочности и морали» хватило. Королевское жулье до сих пор не отдает эти ценности России. «Британские королевские традиции», понимаете ли...

Любимов Л. О масонстве и его противниках // Возрождение. Париж. 1934. 30 сентября. В современной Великобритании, по признанию британской же прессы, действует 6500 масонских лож, а подавляющее большинство сотрудников британских спецслужб, как, впрочем, и иных государственных чиновников, являются их членами.

Замойский Л. Массонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 19.

Там же. С. 18.

Уже три столетия кряду английские короли являются масонами. Царствующая ныне Елизавета II, например, является главой Великой ложи Англии.

В изложении переквалифицировавшегося в мирное время в «историка в штатском» известного британского шпиона и специалиста по идеологическим диверсиям времен Первой мировой войны — Р. Сетон-Уотсона — «в течение столетий имелось три постоянных фактора: невозможность изоляции, неприятие гегемонии какой-либо одной державы и решимость поддерживать британскую морскую силу как единственную гарантию империи и основание Pax Britannica» (*Seton-Watson R. W. Britain and the Dictators. Cambridge. 1938. P. 13*).

Цит. по: *Ланциков А. П. Черда окаянных дней*. М., 1998. С. 150, 152, а также журнал «Родина». 1991. М 6 — 7.

Цит. по: *Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии.* 1941 год. М., 2001. С. 67.

В 1923 г. кронпринц получил разрешение вернуться в Германию и жил преимущественно в Потсдаме. Тем не менее он нередко навещал своего отца — экскайзера, выполняя попутно ряд конфиденциальных поручений германского генералитета и представителей монархических кругов.

Rosenberg A. Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik. Muinchen, 1927. S. 69, 80, 84. Заметьте, кстати говоря, сколь же точно были подобраны термины — не «вечный враг», а именно же «прирожденный враг». А сколь точно показаны смысл и цель многовековой «заинтересованности» Великобритании?! Между прочим, еще в XIX в. британский политолог Томас Карлейль отмечал «обязанность всех континентальных держав вести войны в интересах Англии». В свою очередь, «железный канцлер» Германии — знаменитый Отто фон Бисмарк указывал на то, что «Англия в войне употребляла европейские государства как "отличную пехоту", как здорового дурня всемирной истории».

Цит. по: *Молодяков В. Э. Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М., 2004. С. 18.* Автором этого изречения является супруга британского премьер-министра Г. Асквита — члена Комитета 300. При нем Великобритания спровоцировала Первую мировую войну. И он же, объявляя цели участия Великобритании в той войне, одновременно провозгласил в качестве дальней цели провоцирование следующей мировой бойни, ибо заявил о необходимости расчленения Германии, что и есть создание предпосылок для германского реванша в будущем!

Посол-резидент Великобритании при Павле I являлся полным тезкой и дальним родственником английского посла при Петре I. Предок постоянно пытался помешать России в законном обретении выхода на Балтику и даже силился навязать России британский арбитраж в балтийских делах. В конце концов «удостоился» самого свирепого разноса — в виде знаменитого «многоэтажного загиба» — от грозного самодержца. Ну, и наследник «семейно-государственных традиций» туда же — очень уж любил совать нос туда, куда послу вход заказан по определению.

Небезынтересное совпадение: первоначально план нападения нацистской Германии на СССР, составленный еще в 1936 г., имел название «Восточная кампания». Не у альма-матер нацизма — Великобритании — коричневый шакал сплагиировал название?!

Кстати говоря, то же самое происходило и в 1808 и 1809 гг. Английская эскадра пыталась атаковать Архангельск, но, получив отпор, блокировала порты Белого и Баренцева морей, захватывая поморские и торговые суда, разоряя поморские поселения. По данному вопросу см.: *Горев Л.* Война 1853 — 1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955.

Одно из первых покушений на Александра II было осуществлено в Париже в период правления Наполеона III. Покушавшийся имел фамилию Березовский...

Финансирование «революционного» бандитизма фальшивыми деньгами — старинный прием британского политического масонства и британской разведки. Именно так были «профинансированы» все руководители Великой французской революции. В окрестностях Лондона тогда работали несколько фабрик по изготовлению фальшивых денег для оплаты «революционеров», от которых тем не менее брали подлинные расписки о получении денег. Ныне все они хранятся в секретных запасниках Британской библиотеки. По данным полицейского архива Австрии, на махинациях с фальшивыми русскими рублями погорел дядя знаменитого Зигмунда Фрейда — Иосиф Фрейд.

Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1977. С. 265.

За год до этого его высказывания, еще в марте 1850 г., талантливый российский разведчик, граф Яков Николаевич Толстой, зафиксировал спровоцированный Пальмерстоном рост дикой русофобии в Англии, а 27 марта того же года впервые сообщил в Петербург об угрозе войны Англии против России. См.: Очерки Истории Российской внешней разведки. М., 1995. Т. 1. С. 143.

После чего и в связи с окончанием в 1903 г. строительства КВЖД в 1904 г. была спровоцирована Русско-японская война. См. *Political and Strategic Interests of the United Kingdom*. Royal Institute of International Affairs. London, 1939. P. 214 — 216.

Riemeck R. Mitteleuropa. Bilanz eines Jahrhunderts. Stuttgart, 1997. S. 30.
Сравните с едва ли не тотальной англицизацией нашей современной повседневной жизни, и вы поймете, что этот план методично и целеустремленно проводится в жизнь уже более века.

Эмиль Людвиг. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М., 1991. С. 93.

В Великобритании прекрасно знали, насколько кайзер Вильгельм II щепетильно относился к своей персоне, особенно, когда о ней отзывались иные венценосные особы Европы. По прямому указанию непревзойденного интригана, а по совместительству и английского короля Эдуарда VII, британская дипломатия умышленно довела до сведения германского посла в Лондоне информацию о якобы нелестном отзыве Александра III в адрес Вильгельма II. Якобы государь произнес о кайзере по-французски следующее: «Il est fou, c'est un garçon mal élevé et de mauvaise foi...» То есть «Он безумец! Это дурно воспитанный человек, способный на вероломство!» Расчет Лондона был точен. Во-первых, передача ложной сплетни была осуществлена буквально накануне истечения срока действия договора перестраховки. Во-вторых, именно в это время Бисмарк и его сын уже подвергались массированным нападкам за якобы чрезмерно русофильскую политику. В-третьих, именно в это же время в апогее была и настоящая война между Бисмарком и Вильгельмом II за влияние на государственные дела, особенно в сфере внешней политики. В-четвертых, по своему статусу в государственной иерархии Бисмарк был обязан лично доложить сообщение германского посла о нелестном отзыве российского самодержца в адрес кайзера. В-пятых, выступив в роли гонца, принесшего плохую весть, Бисмарк, в сложившихся тогда условиях, автоматически предрешил бы свою отставку. Кончилось тем, что, не разобравшись в чем дело, дубоваточванливый кайзер отказался от пролонгации договора перестраховки, что и нужно было Великобритании. Германия покатила к столкновению с Россией, хотя никаких оснований для этого не было (Эмиль Людвиг. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). — М., 1991. — С. 93).

Подданные Британской империи Лабушеры — абсолютно реальные лица. Являвшегося высокопоставленным сотрудником Северного отдела МИД Великобритании сына сэра Генри втемную использовал выдающийся агент советской разведки, член знаменитой «кембриджской пятерки» — Дональд Маклин. См. архивные дела Службы внешней разведки России: № 83791 и № 32826 (л. д. его куратора — нелегала Арнольда Дейча).

В процессе Первой мировой войны закулисные «мудрецы» решили, что удастся учинить России Вторую мировую в сценарии «с колес Первой», что и попытались сделать широкомасштабными интервенциями. Не вышло. Да и революция в России превратилась в истинно русскую, чего Запад не предполагал. Потому-то и понадобилась вторая по счету Вторая мировая война — в хорошо известном из истории сценарии.

Гудрик-Клафк Н. Окультизмные корни нацизма. СПб., 1996. С. 26.

Meiers Lexikon (Achte Aufgabe), Band 7, Spalte 126. Bibliographisches Institut. Leipzig, 1939.

Едва только этот план появился, как за разработку концепции так называемой перманентной революции уселся (усажен?!) будущий «купец русской революции» — Александр (Израиль) Лазаревич Гельфанд-Парвус, посвятивший теоретическому обоснованию, стратегии и тактике перманентного бандитизма несколько книг, десятки статей и брошюр. Именно у него друживший с ним Троцкий спер эту концепцию и в результате вошел в историю как якобы изобретатель концепции перманентного бандитизма. Парвус — вот кто подлинный автор этой мерзости!

Употребленное С. Ю. Витте слово «произведений» в те времена подразумевало продукцию, товар.

Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С. Ю. Витте. Под ред. Б. Б. Глинского. Петербург. 1916. С. 10 — 17.

Китайско-Восточная железная дорога строилась в соответствии с русско-китайским договором от 1896 г. Строительство было завершено в 1903 г. с южно-маньчжурским ответвлением (ЮМЖД). Через Транссиб соединяла Китай с Европой. В 1905 г. ЮМЖД отошла Японии, в 1934 г. СССР продал КВЖД Японии, а после Второй мировой войны она стала собственностью КНР.

Из опубликованной в 1943 г. в Париже записки П. Дурново, цит. по:
Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М., 2004. С. 194 — 195.

Принимая 26 июня 1914 г. Брата кайзера Вильгельма II, адмирала германского флота Генриха Прусского, английский король Георг V доверительно сказал ему, что в случае войны Англия могла бы придерживаться нейтралитета. «Зачем нам с вами проливать кровь?» — патетически воскликнул британский монарх. Прусский принц согласился, хотя оба держали камень за пазухой, но, как представляется, самый увесистый был у британца (см. *Писарев Ю. А. Тайны Первой мировой войны*. М., 1990. С. 84). А вскоре грянуло 1 августа 1914 г., в бушующем пламени которого дотла были спалены четыре монархии — германская, российская, австро-венгерская и даже турецкая. У. Черчилль впоследствии сделал ремейк королевского фортеля. Правда, вместо Генриха Прусского был безродный наци № 2 — Рудольф Гесс, через которого вместо британского монарха (но с его санкции) лично Черчилль гарантировал Гитлеру полную безнаказанность однофронтного разбоя вермахта против СССР аж до 1944 г. И надо отдать должное Черчиллю — он сдержал слово сэра: именно из-за его противодействия второй фронт был открыт только летом 1944 г.! «Традиции» Коварного Альбиона, понимаете ли...

Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Wash. DC, 1996. P. 99 (впервые этот труд был опубликован еще в 1919 г.).

Цит. по: Riemeck R. Op. cit. S. 30.

См. Mackinder, Op. cit. p. 186.

Откровенно говоря, Германия начала искать возможность сепаратного мира с Россией еще в самом конце 1914 г., а в конце 1915 г. повторила эти попытки (секретное донесение В. Флекнера — бернского агента Министерства торговли и промышленности Российской империи — № 629 от 4(17) ноября 1915 г.). См. также: *Писарев Ю. А. Тайны Первой мировой войны.* М., 1990. С. 184.

Buell R. L. The Washington Conference. N. Y., 1922. P. 123.

Макс Ронге. Указ. соч., Киев, 1993. С. 167.

Платонов О. А. Терновый венец России. М., 1995. С. 212.

Цит. по: *Пагануци О.* Правда об убийстве царской семьи.
Джорданвиле, 1981. С. 37.

Людендорф лично способствовал становлению нацизма и лично Гитлера как фюрера. И ему понадобилось целых двенадцать лет, чтобы понять, что Гитлер — это не только война, это уничтожение Германии. 31 января 1933 г. он опубликовал открытое письмо, в котором обвинил Гитлера в том, что он ведет Германию к катастрофе. Но что толку-то от таких прозрений, когда Адольф, в том числе и усилиями Людендорфа, уже был приведен к власти на горе прежде всего самой Германии. Но тупость этого генерала была потрясающей. Опубликовав такое письмо, он тем не менее умудрился обеспечить Гитлера и его генералов доктриной «блицкрига», которую изложил в изданной в 1935 г. книге «Тотальная война»! Если понимаешь, что Гитлер — это война и уничтожение Германии, то какого же..., обеспечиваешь его такой доктриной?! Болван — он и есть болван, даром что в генеральском мундире, хотя бы и германском! Лишь в одном вопросе Людендорф заслуживает позитивного отношения к себе. Так же, как и Макс Ронге, после войны он открыто признал, что ни о каком сепаратном мире Николай II и думать-то не собирался. «Германия, — говорил Людендорф в 1922 г., — желала только мира (ложь; если бы желала мира, то не стала бы развязывать войну! — А. М.), того мира, которого Россия не хотела давать, считая себя связанной обязательствами с союзниками. А этот мир был нужен нам до зарезу. Германия была истощена и не могла продолжать войны... Мы трижды обращались к вам (то есть к России. — А. М.) с мирными предложениями, мы соглашались на самые тяжкие условия, ибо сознавали, что вопрос шел уже не о выгодах или потерях, а о жизни или смерти Германской нации, но ваш царь и слышать не хотел о мире» (*Жеваход Н. Д.* Сергей Александрович Нилус. Нови Сад, 1936. С. 71 — 73, цит. по: *Бегунов Ю.* Тайная история масонства. М., 2006. С. 185). Вот и оцените теперь, какими же грязными подонками и предателями были все временщики, включая и изменников-генералов, что посмели обвинить царя в намерении сговориться с Германией о сепаратном мире и на этом основании, развязав травлю самодержца, свергли монархию накануне феерической Победы России, ввергнув вскормившую их Родину в пучину невероятных бедствий!

ГАРФ. Ф. 10200.Д.27 за 1915 г. Л.87 — 92.

Клаузевиц К. О войне. М., 1932. Т. 3. С. 127, 129.

На одном из заседаний ВЦИК в ноябре 1918 г. Ленин прямо так и заявил: «Меня часто обвиняют в том, что я нашу революцию произвел на немецкие деньги; я этого не оспариваю, но зато на русские деньги я сделаю такую же революцию в Германии». Россия. М., 1991, № 3 (11). 18 — 24.01. Цит. по: *Бегунов Ю.* Тайная история масонства. М., 2006. С. 191.

Цит. по: *Бегунов Ю.* Тайная история масонства. М., 2006. С. 156 — 157.
Бегунов в свою очередь дает ссылку на сочинение некоего *Мурова Н. Е.* *Плоды народовластия.* — Б. г. С.65.

Ильин И. Основы борьбы за национальную Россию. Издание НТСНП. Нарва, 1938. С. 19.

Сразу после Мюнхена посол США во Франции У. Буллит сообщал президенту Ф. Рузвельту, что «англичане и французы желали, чтобы дело дошло до войны между германским рейхом и Россией, к концу которой западные державы могли бы атаковать Германию и добиться ее капитуляции!» То есть «светочи демократии», они же «девственно невинные хранители общечеловеческих ценностей», намеревались устроить ремейк того, что однажды уже пытались устроить России двадцать лет назад! Цит. по: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны: Документы и материалы. М., 1971. С. 88.

То есть если германские генералы уберут бесноватого фюрера. В другом варианте: «Если бы Германия и Советский Союз продолжали поддерживать такие же дружественные отношения, какие они когда-то имели, они были бы в состоянии диктовать условия миру, всему земному шару» (*Roberts G. The Unholy Alliance. London, 1989. P. 103*).

Анфилов В. А. Незабываемый сорок первый. М., 1982. С. 40.

Выше уже указывалось, какое громадное значение имел военно-промышленный комплекс Чехословакии в мировом производстве и экспорте вооружений. А вот данные об экономическом значении Судетской области Чехословакии, из-за которой и была осуществлена Мюнхенская сделка. Во-первых, она занимала 20 % территории Чехословакии, где проживала четверть ее населения, причем этнические немцы. Всего 3 млн. чел. Во-вторых, на территории Судетской области добывалось 66 % каменного угля, производилось 70 % электроэнергии, 70 % продукции черной металлургии, 50 % тяжелой, 86 % химической, 80 % текстильной промышленности Чехословакии того времени. Когда же Гитлер проглотил уже всю Чехословакию, то «любезная» сволочь по имени Великобритания сдала ему и золотой запас этой страны, который ее руководство по дурости вывезло в Лондон. А это 6 млн. фунтов стерлингов того времени (ныне это примерно 600 млн. фунтов) (*Прозатор Д. М. Фашизм: Пути агрессии и гибели. М., 1985. С. 139; Мосли О. Утраченное время./ Сокр. пер. с англ. М., 1972. С. 194.*

Попов В. И. Советник Королевы — суперагент Кремля. М., 2005. С. 140.

Цит. по: Volkischer Beobachter. 1933. 6 Mai.

Кремлев С. Запад против России. Россия и Германия: Путь к Пакту. М., 2004. С. 191.

И, к слову сказать, не только это. К глубочайшему сожалению, исходя из данных, хранящихся в архивах — РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 873. И. 115, — она знала даже то, что происходит на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). Ее представители в Москве оправдывали те средства, которые на них отпускались.

Documents on British Foreign Policy 1919 — 1939 (далее: DBFP). Third Series. Vol. 1. End. to N 148. P. 163 — 165.

Documents on British Foreign Policy 1919 — 1939 (далее: DBFP). Third Series. Vol. 1. End. co N 148. P. 163 — 165.

Впервые он узнал об этом еще в 1935 г., а впоследствии разведка неоднократно подтвердила это.

Сталин И. В. Беседа с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Роем Говардом. М., 1937. С. 18.

Жуков Ю. Н. Иной Сталин. М., 2003. Кстати говоря, это уникальный своей беспрецедентной документальной обоснованностью научный труд. Практически целиком он построен на ранее особо секретных документах Политбюро ЦК КПСС, хранившихся в «Особой папке». Частично использованы даже нерассекреченные документы. Главный, документально безукоризненно обоснованный вывод этого уникального научного труда в том, что не Сталин, а именно партократия повинна в массовых репрессиях 1937 — 1938 гг., причем именно из-за страшивших ее последствий всеобщих, равных, прямых и тайных выборов на альтернативной основе, прежде всего из-за вполне демократической перспективы запросто лишиться своих теплых местечек. Ю. Н. Жуков документально точно доказал, что непосредственно от партократии подлинными инициаторами репрессий явились пресловутый Н.С. Хрущев и его ближайший дружок» и такой же бандит — Р. И. Эйхе, возглавлявший парторганизацию Западно-Сибирского края. Единственное, в чем действительно резонно всерьез упрекнуть Сталина, так это в том, что он не имел права поддаваться даже откровенному нажиму со стороны партократии, озверевшей из-за ликвидации заговора Тухачевского как силового рычага государственного переворота, на который она делала ставку. Однако спустя семь десятилетий легко говорить так. Только вот как прочувствовать всю сложность ситуации лета 1937 г., когда армия на грани взрыва, извне — угроза войны, а на носу еще и откровенный бунт партократии, которая в течение 20 лет держала власть в стране и просто так сдавать свои позиции не собиралась?! На протяжении всех лет подготовки к конституционной реформе партократия только и знала, что ставила палки в колеса. Заговорщическая активизация всех элементов антисталинский оппозиции с точностью до миллиметра и секунды совпадает с началом подготовки к конституционной реформе. Хуже того. Своими действиями она откровенно грозила развязать новую Гражданскую войну в стране! И в то же время единственный в тот момент рычаг для удержания власти в стране — все та же партия! Даже в той же армии, где в связи с ликвидацией заговора Тухачевского срочно был восстановлен институт комиссаров. Сталин выбрал главное — сохранение государства. Партократия ответила зверскими репрессиями против всех, кто хоть как-то выступал против нее, и фактически сорвала намеченный процесс демократизации в ходе конституционной реформы. Государство-то уцелело, но какой невероятный ущерб Советскому Союзу нанесла партократия. 1937

— 1938 г. навсегда ославлены репрессиями, даже если во многих случаях они были законными и обоснованными. Но почему за это должен отвечать только один Сталин?! Только потому, что он «лицо кавказской национальности»?! Надо отдать должное Сталину — он прекрасно понимал, что все шишки свалят на его голову. Но все обвинения в его адрес могут быть сняты лишь тогда, когда полностью откроют все архивы и будет проведено скрупулезное изучение каждого дела. Но власти этого не желают. Политический же бандитизм Комиссии А. Н. Яковлева, огульно-реабилитировавшей всех — от контрабандистов и басмачей до шпионов и диверсантов, — нельзя расценивать как тщательное изучение тех событий. К примеру, за двадцать предвоенных лет (1921 — 1941 гг.) одних только нарушителей границы было задержано и осуждено 932 тыс. человек (один только знаменитый в прошлом пограничник Карацюпа со своей знаменитой собакой Ингус задержал свыше 400 нарушителей границы), свыше 30 тыс. шпионов, диверсантов и террористов, более 40 тыс. вооруженных бандитов! И что же, прикажете всех их тоже считать «невинными жертвами» сталинизма?! Нынче докатились уже до прямого маразма — адмирала Колчака в национальные герои хотят записать, как невинную жертву большевиков. Между тем сия «невинная жертва» письменно обратилась к английскому королю с просьбой принять его на службу Его британского величества — так и написал в своем прошении: «Я всецело предоставляю себя в распоряжение правительства Его величества...» 30 декабря 1917 г. просьба этого предателя была удовлетворена. (Краснов В. Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. М., 2000. Кн. 1. С. 369.) Большевики расстреляли не боровшегося против них адмирала Колчака, а действовавшего по приказам правительства Их британских величеств британского агента (в секретных англо-американских документах, хранящихся в конфиденциальном архиве госдепартамента США, он и вовсе назван двойным агентом) адмирала Колчака! В какой еще стране смогли бы додуматься до того, чтобы возвеличивать изменника и предателя?! А сколько еще у нас таких «невинных жертв сталинизма», пухлые агентурные досье на которых лежат в самых тайных архивах западных спецслужб?!

Шубин А. В. Вожди и заговорщики. М., 2003. С. 296

Бушков А. Красный Монарх. СПб., 2004. С. 362.

Seton-Watson R. W. Op. cit. p. 13. Даже в апогее послевоенного могущества СССР Сталин ни при каких обстоятельствах не задумывался над тем, чтобы столь демонстративно бросать вызов той же Великобритании или США и вообще Западу. Так, когда ряд иностранных руководящих деятелей коммунистического движения стали настойчиво будировать вопрос об оказании помощи восстанию в Греции, Сталин категорически отмел эти опасные своим захватским отношением к судьбам мира потуги следующими словами: «...Нет у них никаких шансов на успех. Что вы думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты — Соединенные Штаты, самая мощная держава в мире, — допустят разрыв своих транспортных артерий в Средиземном море! Ерунда... Восстание в Греции надо свернуть как можно скорее» (Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 133.)

Омар Хайям.

Омар Хайям.

Из интервью Маршала Советского Союза А. М. Василевского
Константину Симонову, 1967 г. Цит. по: *Симонов К. С. Глазами человека
моего поколения.* М., 1989. С. 446.

«Многостаночничество» — распространенное явление в марксистских кругах. «Моду» на него завели еще К. Маркс и Ф. Энгельс. Являясь агентами стратегического интеллектуального влияния британской разведки и британского политического масонства, они умудрялись сотрудничать и с Бисмарком, и с германским масонством, и с австрийской полицией. Например, Парижская коммуна, в сущности-то, была предана именно ими. Правда, как «научно подкованные» организаторы «революционного» бандитизма, они нередко преднамеренно вступали в тайные контакты с рядом конфиденентов, чтобы полученную от них информацию передавать британской разведке. Так, в частности, они проделали с Бисмарком, в окружении которого у них были свои агенты — Микеле Иоганне (1828 — 1901) и Адольф Лотар Бухер (1820 — 1878). Последний, к примеру, за десять дней до заключения франкфуртского мирного договора, коим якобы должна была закончиться франко-прусская война 1870 — 1871 гг., передал Марксу текст проекта этого договора, с которым «классик» ознакомил своего куратора из британской разведки Д. Эркарта. Согласованию, в частности, подлежал пункт этого договора об условиях передачи Эльзас-Лотарингии Германии, на чем и должна была зиждиться перманентность мировой войны в Европе. С другой стороны, тот же К. Маркс не гнушался и таким приработком — сдавал своих же соратников австрийской полиции из расчета 40 шиллингов за голову. В их времена практически каждый второй член Секретариата I Интернационала «стучал» на какую-нибудь европейскую спецслужбу, а нередко и на несколько спецслужб.

Даже по данным комиссии ярого врага Советского Союза и России — недоброй памяти А. Н. Яковлева, — на «личном счету» Хрущева 161 860 человек, угодивших по его «милости» в жернова им же в значительной степени и инициированных репрессий. Из них: 55 741 человек — за период (1936 — 1937 гг.) работы первым секретарем Московского городского и областного комитетов партии, и 106 119 человек — за период его издевательств над Украиной (с января 1938 г. и до начала войны). Это именно его Сталин вынужден был предупредить сверхкраткой запиской — «Уймись, дурак». По данному вопросу см.: Хрестоматия по отечественной истории (1946 — 1995)/ Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. М., 1996. С. 317.

В этом смысле очень характерна история второй (гражданской) жены старшего сына Хрущева Леонида — Розы Трейвос, племянницы 1-го секретаря Калужского обкома партии. Отсидев в лагерях, Роза Трейвос в период «оттепели» была освобождена, сумела каким-то образом оказаться в числе приглашенных на какое-то мероприятие в Кремле, подошла к Хрущеву и при всех заявила ему следующее: «Это вы, а не Сталин, виноваты в том, что моего дядю расстреляли и что я оказалась в лагере! Это вы, а не Сталин, виноваты в репрессиях!» Охрана с трудом оттащила разбушевавшуюся Розу от «дорогого Никиты Сергеевича»...

Оно и не могло получиться иначе еще и потому, что антисталинская оппозиция изначально договорилась о том, что в случае провала и ареста каждый из оппозиционеров должен топить свою ответственность в незаслуженных страданиях невинно арестованных по их же наветам и клевете. Логика у оппозиции была еще та — «чем больше посадят, тем быстрее прекратятся репрессии против настоящих заговорщиков». Не шибко умная от природы вдова Бухарина — Анна Ларина — проболталась об этом в своих мемуарах (*Ларина А. М. Незабываемое*. М., 1989. С. 308). В интервью «Московскому комсомольцу» (в мае 2006 г.) вдова маршала Катукова рассказала, как это на практике происходило. По ее словам, возвращаясь с допросов, ее же сокамерницы едва ли не с чувством выполненного долга буднично произносили: «Сегодня я посадила еще семнадцать человек!» И ведь так действовали практически 99,99 % арестованных в те годы. Даже без какой-либо надобности и принуждения со стороны следствия. К примеру, не касаясь сути дела В. Мейерхольда, отметим, что по его милости было арестовано свыше ста человек, которых он назвал якобы как сообщников. Плохая ли, хорошая ли контрразведка была в СССР в то время, но она обязана была проверять каждую выявленную связь арестованного. А теперь посмотрите, во что это выливалось. В. Мейерхольд назвал сто человек. Каждый из тех ста, предположим, еще сто. Уже только на этом уровне выходит десять тысяч человек попали в поле зрения контрразведки. Если, предположим, и их арестовали, и каждый из них назвал опять-таки сто человек, то выходит уже один миллион человек! Даже если по пятьдесят человек, то все равно масштаб репрессий немедленно выходил в закритический уровень!

Политически это было невыгодно самому Сталину и партии. Ведь автоматически был бы не то чтобы подорван, а именно же вдребезги уничтожен авторитет партии и ее первого «вождя» — Ленина, на чем и зиждилась тогда советская власть. Не говоря уже об иных мотивах. Со своей точки зрения, Сталин правильно поступил. Как, впрочем, и в том, что, не произнося ни одного худого слова в адрес Ленина, осуществил полную деленинизацию и девестернизацию СССР. За то его и ненавидят!

Ландовский И. Красная симфония. Новосибирск, 2000. С. 78. Из истории радиоэлектронного шпионажа известно, что с 1937 г. британская разведка свободно читала секретную шифропереписку высшего руководства СССР с советскими диппредставительствами за рубежом. То есть МИ-6 владела некоторыми советскими дипломатическими шифрами. Обвинение в передаче шифров именно британской разведке было предъявлено начальнику Спецотдела НКВД Г. Бокия, который в годы «революционной юности» был связан с масонами и розенкрейцерами в России. И, судя по всему, связей этих не порвал. Бокий находился в жесткой оппозиции Сталину.

Использованные в настоящей книге сведения Раковского приводятся по указанному в предыдущей сноске источнику. Впервые книга Ландовского была издана в Испании в 60-х гг. прошлого столетия. И. Ландовский — якобы врач НКВД на московских процессах. Якобы был мобилизован Лубянкой как крупный специалист по наркотикам для «развязывания языков» важным подследственным. Тем самым откровенно бросается тень на тайну признаний обвиняемых на указанных процессах — что-де все их признания есть результат если не резиновых дубинок и пудовых кулаков, то воздействия сильных наркотических средств. Однако это полная чушь. Никакого доктора И. Ландовского от НКВД на московских процессах не было. Да и зачем он мог быть нужен именно на процессах, если все показания были получены во время следствия. Судя по всему, материалы для этой книги были выкрадены именно из следственного досье и переправлены за границу. Очевидно, это было связано с непрекращавшимися попытками Хрущева уничтожить материалы важнейших процессов 1937 — 1938 гг. В начале 60-х гг. XX в. правивший в Испании Франко разрешил частичную репатриацию бывших испанских эмигрантов и кто-то из них, а среди них было немало агентов КГБ, вывез эти материалы. Чекисты пытались спасти эти материалы. Что же до тайны признаний, то подследственным в принципе деваться было некуда. Против них, говорили безупречные материалы личной разведки и контрразведки Сталина. Они были итогом пятнадцатилетней работы по сбору и анализу различных сведений из разных же источников.

В действительности же попытки физического устранения Сталина предпринимались Троцким, начиная с 1919 г.

Осмелюсь слегка подправить самого Сталина: во-первых, сие «хорошее дело» получилось отнюдь не от хорошей жизни, а прежде всего в силу соображений безопасности России, ибо иного геополитического пути у нее просто не было. Во-вторых, не получили», а, отвоевывая, заново выковали его еще в горниле Гражданской войны и борьбы с иностранными интервенциями, причем жестко вопреки «суверенизации» по Ленину. Что же до роли большевиков, то это действительно так — именно большевики, а не Интернационалисты-космополиты» из числа Марксистских доктринеров».

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 245 — 246.

«Охваченный манией разрушения, долгими годами подгонявший марксизм к своим сиюминутным целям, непредсказуемый и окончательно запутавшийся политический иезуит» (в кавычках приведена комбинация из характеристик В. И. Ленина, которые еще до «октябрьского переворота» ему дали большевики А. А. Богданов, А. Б. Красин, В. Р. Менжинский и «первый русский марксист» Г. В. Плеханов; кстати говоря, работавшие с Лениным немцы также отмечали, что он «политик ближайшей цели»), впоследствии «гениальный вождь мирового пролетариата» Ульянов-Ленин действительно не предвидел Первой мировой войны. В январе 1913 г. он писал А. М. Горькому, что-де «война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Йозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 155*). Между тем подготовка к войне уже была в самом разгаре. Его соратники по «революционному» бандитизму (например, Пилсудский) еще раньше говорили, что война будет. И даже называли при этом, что будет во время войны и особенно в результате войны. Все их «прогнозы» сбылись практически на 100%. Но «гений мирового пролетариата» не слышал, точнее, явно не желал слышать даже того, что болтали его же подельники по «революционному» бандитизму. Однако вся «соль» процитированных выше 27 слов из письма Горькому состоит в том, что «гений мирового пролетариата» выступил как махровый апологет войны! На Руси в таких случаях говорят — «кому война, а кому и мать родна». Перефразируя слова величайшего гуманиста Запада — Эразма Роттердамского, — следует сказать, что «лишь немногие, чье подлое благополучие зависит от народного горя, жаждут войны» (в оригинале — «делают войны»). Между прочим, в феврале того же 1913 г., прежде чем вновь загреметь в кутузку, «чудесный грузин» И. Сталин проявил куда большую прозорливость, чем «гениальный вождь мирового пролетариата»: «В Европе капиталу становится тесно, и он рвется в чужие страны, ища новых рынков, дешевых рабочих, новых точек приложения. Но это ведет к внешним осложнениям и войне. Никто не может сказать, что Балканская война является концом, а не началом осложнений». Сталин ясно понимал, что происходит, а «гений мирового пролетариата» не предвидел даже так называемой февральской революции, не говоря уже об очевидной войне. Менее чем за два месяца до февральской революции — 9 января 1917 г. — 46-летний «кандидат» в «гениальные вожди мирового пролетариата» сделал

доклад для «собратьев» по грядущему разбою на тему о «революции 1905 года», который завершил весьма пессимистическим прогнозом: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 328*).

Цит. по: *Сопельняк Б.* Три покушения на Ленина. Сенсации минувших лет. М., 2005. С. 76.

То есть чистую доску! (*лат.*).

Нередко даже не желая ни заметить, ни даже предвидеть какие бы то ни было последствия. Еще в 1899 г. великий Антон Павлович Чехов «отстегал» нашу «милейшую» интеллигенцию, заявив: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую. Не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр» (цит. по: Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. 2-е изд. — М., 1909. — С. 81.

И это притом что задача Ленина и его шайки (за вычетом группы Сталина) была совсем в ином — раздолбать Россию до основания и сдать ее, как он сам же говаривал, «в экономическую утилизацию» Западу. А чтобы это стало возможным, необходимо было ликвидировать вторую из трех — Самодержавие, Православие, Народность — главнейших составляющих русской государственности до октября 1917 г. — Православие. Ведь первое — Самодержавие — уже было ликвидировано так называемой февральской революцией. И одним из первых наисекретнейших шагов Ленина еще в конце 1917 г. явилось проташенное им некое «Решение В. Ц. И. К. и Сов. Нар. Комиссаров» по физическому уничтожению Русской Православной Церкви — как церквей, так и священнослужителей. В отличие от иных документов Ленина по вопросу о церкви, упомянутое выше не рассекречено до сих пор, в связи с чем, как полагают наиболее авторитетные исследователи, уместно подозревать слишком шокирующее его содержание. Крайне преступное по любым меркам отношение «вождя мирового пролетариата» к религии и церкви, особенно к РПЦ, возможно объяснить лишь одним. Поскольку готовилось тотальное уничтожение России по всем направлениям, то единственным, кто мог, опираясь на свой богатейший исторический опыт духовного окормления нации, возглавить массированное сопротивление народа злобному чужебесию, была именно Русская Православная Церковь. И одним из первых же декретов Ленин еще тогда, в конце 1917 г., инициировал ожесточенно свирепую борьбу своих бандитов-соратников с РПЦ. Подчеркиваю, что ни Сталин, ни его группа, несмотря на весь свой атеизм, в этом бандитизме не участвовали. В своей личной библиотеке Сталин не держал атеистическую литературу, называя ее макулатурой. Едва только Ленина не стало, а советская власть добилась первых экономических успехов, как уже в начале 30-х гг. Сталин вместе со своими соратниками осуществил первый этап коренного пересмотра отношения к религии и церкви. В 1939 г. даже на бумаге ленинскому бандитизму в отношении церкви был положен конец. Совершенно секретным Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 г. № 22 (протокол № 88) все инструкции мумифицированного вождя по борьбе с религией и церковью были отменены полностью. А во время войны и вовсе начался своего рода ренессанс Русской Православной Церкви. По данному вопросу см.: Алексеев В. А. Тернистый путь к живому диалогу. Из истории государственно-церковных отношений в СССР в 30 — 50-е гг. XX столетия.

М., 1999. С. 10; *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в современном мире.
М., 2004. С. 242 — 243.

Возможно, Ленин и впрямь был опьянен властью, но никак не Сталин. Как отмечает автор двух солидных книг — «Двойной заговор» (в соавторстве с А. И. Колпакиди) и «Сталин. Второе убийство» — питерская журналистка Е. А. Прудникова, «реальные же факты показывают, что он вовсе не стремился к власти как таковой». Факты же эти таковы, что Сталин неоднократно подавал письменные прошения с просьбами об освобождении его от обязанностей генерального секретаря партии. Более подробно по этому вопросу см.: *Бушков А.* Красный Монарх и Ледяной трон. СПб., 2004; *Прудникова Е. А.* Сталин. Второе убийство. М., 2003; *Колпакиди А. И., Прудникова Е. А.* Двойной заговор; М., 1996 и 2006.

Негава И. Вечный комиссар. Иерусалим, 1989. С. 151 — 152.

Там же.

Цит. по: *Мотылева Т.* Друзья Октября и наши проблемы// Иностранная литература. 1988. № 4. С. 160.

Конечно, могут напомнить и о том миллионе (или более того) бывших наших сограждан, которые пошли служить в ряды вермахта, а также полицаями, бургомистрами и т. д. Так никто и не собирается отрицать этот факт. Суть дела в другом. Ведь это же чистой воды коллаборационизм — сотрудничество с врагом. Но не «пятая колонна», тем более организованная до войны и в преддверии войны. Многие этой разницы не замечают — то ли просто по незнанию, то ли умышленно. Лишь к 1945 г. Запад осенило, что же он наделал, но было уже поздно. Пришлось объявлять уже «холодную войну»! Предварительно, правда, скрежеща зубами, отменив Третью мировую войну, развязать которую англосаксонские подонки наметили уже на 1 июля 1945 г. Речь идет о недавно — в 1998 г. — рассекреченном на Западе плане нападения на Советский Союз объединенными силами англосаксонского Запада, который имел очень уж характерное название — Unthinkable, то есть «Немыслимое»! Воистину неммыслимое задумали тогда англосаксонские подонки — напасть на главного победителя во Второй мировой войне! Ну что тут скажешь — Запад, мать его... Не случайно, что вся документация на этот счет хранилась в особо секретном личном досье премьер-министра Великобритании — Уинстона Черчилля. См.: «Красная Звезда» от 27 февраля 1998 г., журнал «Новая и новейшая история», № 3, 1999 г. Публикации д. и.н., профессора О. А. Ржевского.

Рид Д. Спор о Сионе. Пер. с англ. М., 1993. С. 161.

I Интернационал был создан по заказу политического масонства и разведки Великобритании ради инспирирования польского восстания в Российской империи как удара изнутри для ослабления поддержки России США (Северу) в период разразившейся тогда Гражданской войны в Северной Америке. Мероприятие понравилось британцам, и уже в 1870 — 1871 гг. эту бандитскую контору использовали для инспирирования франко-прусской войны и удара изнутри по империи Наполеона III (эту роль выполняла Парижская коммуна), причем главная цель — захват контроля над Суэцким каналом, который до этого принадлежал Франции, — находилась за тысячи миль от Европы. Уничтожив Французскую империю и поставив страну на колени из-за непомерной контрибуции в 5 миллиардов золотых франков, Великобритания выхватила у нее контроль над этой и сегодня одной из важнейших морских коммуникаций мира. А контору-то — I Интернационал — после этого быстренько распустили, дабы вошедшие в раж бузотеры- «революционеры» бесконтрольно не нашалили еще где-нибудь. Правда, распустили до следующей необходимости, а она, как указывалось выше, возникла уже в 1889 — 1890 гг.

Цит. по: *Эпперсон Р.* Невидимая рука. М., 1996. С. 103.

Цит. по: *Шамбаров В.* Окультизм и корни Октябрьской революции. М., 2006. С. 43.

Weizman Cb. Trial and Error. London, 1949. P. 142 — 143.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 110. Ленин цитировал книгу Е. Агада «Крупные банки и всемирный рынок».

Впоследствии — Фонд Карнеги. Действует и поныне, в том числе и в России. Является одним из каналов для оказания проамериканского влияния на политику России и одновременно одним из центров так называемого легального шпионажа.

Назаров М. Заговор против России. — М., 1993. — С. 61; *Sutton A.* Western Technology and Soviet Economic Development 1917 со 1930. Stanford. 1968. P. 175.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 177.

10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. М. П., 1929. С. 9.

За кулисами упомянутых планов стоит уникальная, глобальная финансовая интрига действовавшего по приказу Запада С. Ю. Витте и колоссальнейшая, буквально всемирного масштаба ошибка Николая II, поддавшегося фальшивому очарованию якобы собственных идей первого. В сущности-то, сочетание именно этих обстоятельств и привело к трагедии 1917 г. К сожалению, анализ этой глобальной финансовой интриги выходит за пределы темы настоящей книги.

Конечно, не только поэтому. Парвус был подконтрольным британской разведке и британскому политическому масонству «многостаночником».

Цит по: *Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М. 1996. С. 248.*

Впоследствии выдающийся британский шутник и остролов Бернард Шоу слегка переиначил эту мысль, сказав, что «узкая специализация в широком смысле слова приводит к широкой идиотизации в узком смысле слова».

В сущности-то это 100%-ная аналогия с современным положением. В результате предательских действий экономических палачей России — Кудрина, Грефа и иных, по ком слезами горячими заливается хорошая пенька, — современный золотовалютный запас и Стабилизационный фонд России выполняют ту же самую роль.

Нагло украдены Западом одним росчерком пера — то есть введением 1 августа 1914 г. банковского моратория на операции с золотом в связи с началом войны.

Цифры взяты из очень интересного архива Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов Российской империи, отд. II, ст. 1, 1914 — 1917, д. 2 — 5. Материалы этого архива убедительно свидетельствуют, что дикими баснями являются подлейшие разговорчики о том, что-де Россия не расплатилась с Антантой за эти займы. Они были погашены практически полностью еще царем, а вот Антанта царю недопоставила так много, что недопоставленного оружия, боеприпасов, военного снаряжения и военной амуниции хватило на поставки Красной Армии, когда ее возглавил Троцкий, и практически на всю Гражданскую войну; золото же, естественно, тоже было украдено этой сволочью — Антантой.

Антанта и это золото ukrала на условиях «трофея» у поверженного врага — что поделаешь, если Запад за тысячелетия своего существования приучился только воровать! Главный вор в этом случае — Франция!

Автор очень интересной, тщательно аргументированной, в том числе и просто уникальными документально подтвержденными фактами, книги «Русские масоны. От Романовых до Березовского». М., 2004.

Еще в начале XX в. США заговорили с остальным миром на языке силы, в основном экономической на тот период: 1901 г., сенатор Генри Кэбот Лодж-старший: «Мы занимаем ведущее положение в экономике. Мы продолжаем усиливать нашу позицию. Можно препятствовать этому процессу, можно задержать, но остановить наступление США невозможно. Экономические силы, которые являются основой всего, влекут нас вперед к экономическому господству». 1902 г. сенатор Беверидж: «Судьба преопределила нам нашу политику — мировая торговля должна быть в наших руках. Наши торговые корабли избороздят все океаны. Мы создадим военный флот, соответствующий нашему могуществу. Американский закон, американский порядок, американская цивилизация воцарятся на всех берегах, вплоть до самых далеких и погруженных во мрак невежества и бескультурности». И кто спустя век не поверит, что американские «торговые» корабли бороздят все океаны, что американское беззаконие, американский беспорядок, американская антицивилизация воцарились там, где совсем еще недавно были великие цивилизации, высочайшая культура, закон и порядок?!

Соловьев О. Ф. Указ. соч. С. 261.

Людвик X. Указ. соч. Вроцлав, 1982. С. 487.

В поэме «Выстрел» поэта Кобзева есть интересные строки: «... В ложе той//Был счет своих особых выгод// Точь-в-точь как в шайке воровской // Где рубль за вход и два — за выход!»

Французам удалось сохранить свое влияние на Троцкого. В 1923 г. они задействовали его. Мало кому известно, что проповедовавшаяся Троцким и К^о преступная идея об устройении «германского октября» в ноябре 1923 г. была навязана его французскими патронами. Они намеревались наказать яростно бунтовавшую против антигерманских жестокостей Версальского «мирного» договора 1919 г. Германию. Особенно яростно немцы протестовали против фантастически грабительских репараций в пользу Франции, которые она же и навязала. По архивным документам Политбюро того времени четко видно, что весь этот «революционный» бандитизм откровенно готовился шайкой Троцкого и К^о по заказу, в том числе и их «французских друзей». И даже в координации с одним из лидеров германских сепаратистов, французским агентом влияния (в том числе и информирующим), тогда кельнским обер-бургомистром, а после Второй мировой войны первым канцлером Западной Германии — Конрадом Аденауэром. Однако даже при всей своей малоизвестности (если он вообще известен), данный штрих к деятельности Троцкого — всего лишь верхушка айсберга, в подводной части которого сокрыта истинная причина согласия Троцкого на устройство антигерманского «революционного» бандитизма. Причина, которая имеет прямое отношение к нашему разведывательно-историческому расследованию.

«Предусмотрительный» прохиндей Р. Робинс привез в своем обозе немало лиц, которых тут же стал расставлять на соответствующие места. Так, бывший редактор нью-йоркской социалистической газеты «Форвардз» Г. Вайнштейн стал начальником самого крупного англо-американского отдела Народного комиссариата внешней торговли. Некто Борис Рейнштейн стал советником Ленина по международным экономическим вопросам, сконцентрировав свою деятельность на создании совместных и концессионных предприятий (впоследствии стал заведующим американским отделом НКВД). Проще говоря, оптом и в розницу торговали незаконно захваченным экономическим потенциалом России. Но были в этом обозе и такие лица, которых выводили также и на политическую орбиту, с расчетом на перспективу. Одним из таких был Марсель Розенберг, о котором речь еще впереди.

Имеются в виду принятые в любой разведке тайные письменные сношения с завербованными в качестве агентов иностранцами.

Другим был агент, точнее, агентесса американской военной разведки под псевдонимом «Q» (позже псевдоним был изменен на «В») — Маргарет Хариссон, корреспондентка американской газеты «Балтимор сан». О ее приезде в Россию со шпионской миссией ВЧК узнала заранее и даже получила на нее подробное досье от своего агента в американской военной разведке в Берлине. В России она находилась под очень плотным наблюдением чекистов и в конце концов была арестована. Ее дело вел Соломон Григорьевич Могилевский — заместитель начальника особого отдела Московской ЧК. Могилевский попытался перевербовать ее, но безуспешно. Впоследствии С. Г. Могилевский погиб в странной авиакатастрофе в 1925 г., осуществление которой «традиционно» приписывают Берия, хотя он тут абсолютно ни при чем. Катастрофа была подстроена Троцким и его людьми в качестве мести. Прежде всего за то, что Могилевский намеревался перевербовать М. Хариссон и использовать ее для разоблачения Троцкого, но более всего за то, что в том числе и под его руководством (совместно с Берия) было подавлено подготовленное «бесом» по требованию его американских и английских хозяев антисоветское восстание в Грузии в 1924 г.

О. Ф. Соловьев, естественно, совершенно справедливо подметил это обстоятельство. Правда, явно не помешал бы и такой штрих, смысл которого в следующем: система так называемого «дублерства-опекунства» активно применялась по обе стороны баррикад.

Во время допроса Раковский признал непосредственную причастность Троцкого к насильственному умерщвлению Ленина. Но тут же предупредил, что бесполезно использовать этот факт в пропагандистских целях, так как при любых обстоятельствах все равно все свалят на Сталина. Он разъяснил это формальной объективностью. Мол, «классическим и безошибочным правилом для выявления убийцы является проверка того факта, кому это убийство выгодно... а что касается убийства Ленина, то в этом случае оказался в выигрыше Сталин, и именно это обстоятельство, тем более под воздействием внешней пропаганды заставит видеть в Сталине убийцу Ленина!». Как видите вопрос о том, на кого же свалить ответственность за убийство Ленина, а слова Раковского не оставляют сомнения в том, что это было убийство, был решен давно. Виновником выставили Сталина, причем только по формальному признаку — что-де, поскольку он наследовал Ленину, следовательно, он и был более всех заинтересован в смерти Ленина. И действительно, было сделано все, чтобы все видели в Сталине убийцу Ленина!

Совладелец одной из крупнейших британских фирм по производству вооружений и боеприпасов — всемирно известной «Виккерс».

Jean-Piwe Migeon, Jean Jolle. A Qui la Palestine? Paris, 1970. P. 36 — 37;
Encyclopedia of Zionism and Israel (EZI). Edited by Raphael Patai. Herzl Press/
Mc Graw-Hill, New York, 1971. P. 996.

И, забегая вперед, вы спросите: а какое это имеет отношение к нашему расследованию? Да очень прямое — в 1937 г. проблема создания еврейского государства оказалась связанной с теми событиями, что происходили в СССР. Вот потому и приходится говорить об этом.

Особый архив. Ф. 1. Оп. 27. Д. 12497. И. 233 — 241.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 252.

«Оборотни» *(тур.)*

Из интервью с главой французской ветви «Ордена Восточных тамплиеров» братом Маркионом. Журн. «Милый Ангел». 1995. Т. II. С. 45 — 51.

Мало кому известно, что «Майн Кампф» Гитлера едва ли не 100%-ный плагиат изданной Парвусом в 1921 г. брошюры («Путь к хозяйственному спасению») об экспансионистских планах Германии. Это была своего рода подсказка Гитлеру, особенно если учесть время публикации этой брошюры — 1922 г. Ведь это год образования СССР, то есть восстановления, пускай и под советским флагом, но традиционно ненавистной Великобритании России. Гитлер в то время уже был заметной фигурой на политической сцене Германии и привлек внимание англосаксов. Но в то же время между Германией и Россией тогда были сделаны первые шаги к геополитическому альянсу — был заключен Рапалльский договор, так сильно всполошивший Лондон, что уже к концу того же 1922 г. он начал маневры по подготовке условий для выселения первых искр будущей Второй мировой войны — началась предлокарнская возня.

Не путать с формулой искусственного ацетона, которую открыл великий русский химик Лебедев. В самом начале Первой мировой войны, невзирая на английскую морскую блокаду, вследствие чего прекратились поставки чилийской селитры, с помощью которой ранее и производился порох, в Германии очень быстро наладили производство искусственного ацетона по технологии Ф. Габера, а на его основе и самого пороха. Однако к весне 1915 г. этим секретом «овладела» и Англия. Ее производство взрывчатых веществ скачкообразно выросло — с 9 тыс. тонн в 1914 г. до 50 тыс. тонн в 1915 г. Уже в апреле того же года А. Джордж хвастался в британском парламенте резким ростом производства боеприпасов и их расхода на полях сражений. Впоследствии он откровенно признавал, что именно «ацетоновое дело» сделало его сионистом.

Один из высших руководителей британского политического масонства того времени и один из тех, кто более всего повинен в так называемой февральской революции 1917 г. в России.

Churchill W. The World Crisis 1916 — 1918. Part II. London, 1927. P. 123 — 124. Хуже того. Предатели-временщики заключили с Францией секретное соглашение от 11 марта 1917 г., по которому Россия оказывалась лично причастной к грядущему после победы Антанты территориальному расчленению Германии (см.: Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 11. — М.: изд-во НКВД, 1926. — С. 68).

Генри Вильсона потом сменил какой-то сэр Джордж Кэйв. Кюльман же, кстати говоря, был в числе тех, кто начинал работу с Парвусом еще там, в Константинополе, — тогда он работал советником германского посольства, а до этого — в Лондоне. Так что Кюльман прекрасно знал также и Г. Вильсона.

Рид Д. Спор о Сионе. М., 1993. С. 255, 256.

Churchill W. The World Crisis 1916 — 1918. Part II. London, 1927. P. 123

Lloyd George. The Truth about the Peace Treaties. London, 1938. Vol. 1. P. 570.

Рид Д. Спор о Сионе. М., 1993. С. 255. Вообще-то вопрос о военной операции в Палестине кабинет Ллойд Джорджа поставил еще в декабре 1916 г., сразу же после своего образования. В феврале 1917 г. военное министерство Великобритании вновь запросило Генеральный штаб о том, как идет подготовка к палестинской операции. То есть операция не только была заранее запланирована, но и заранее же увязана с уже намеченной к реализации «февральской революцией» в России!

Стариков Н. Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М., 2006. С. 484 — 489.

Иванов А. М. Логика кошмара. М., 1993. С. 38 — 47.

Ведь даже сигнал к ней был разработан при непосредственном участии британского посла Дж. Бьюкенена и представлял собой умышленную отсрочку созыва Думы, а любителям «измов» была отведена тогда роль «уличных бузотеров».

Как правило, в подобных случаях тычут секретной шифротелеграммой ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 г., которая за подписью, Сталина была направлена секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД, в которой говорилось: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении социалистического пролетариата и потом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод». При всем том, что у этого документа есть координаты архивного хранения — АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. А. 145 — 146 — это фальшивка! По всем признакам фальшивка. Во-первых, потому что у Сталина никогда не было привычки давать указания в прошлое и одновременно в будущее. Это вообще не его стиль, поскольку это идиотизм, которым он не страдал. Во-вторых, в тексте содержатся «литературные» ляпы, которых Сталин никогда не допускал. Ну что значит, например, «социалистический пролетариат»?! Что, есть еще и «буржуазный пролетариат», а, может быть, еще и «феодалный пролетариат»?! Сталин всегда отличался исключительной лаконичностью и точностью своих формулировок, исключавших глупое двойное толкование. В-третьих, секретные шифротелеграммы ЦК указанным адресатам всегда носили сугубо директивный, то есть приказной, характер, но никак не рассуждающий. Это характерно для публицистики, но не для таких документов. С какой стати Сталин должен был скатиться до журналистских приемов?! В-четвертых, надо быть совершеннейшим клиническим идиотом, чтобы рассылать такие санкции, да еще и в виде шифровки по обкомам партии и начальникам областных управлений НКВД — ведь в таком случае утечка информации неизбежна. Однако, несмотря на все сказки, Сталин даже параноиком и то не был. В-пятых, в начале войны гитлеровцы захватили громадное количество партийных и государственных документов, в том числе и НКВД. К примеру, в целости и сохранности захватили всю документацию Смоленского обкома ВКП(б) и управления НКВД. Однако ни

тогда, ни после войны, когда архив оказался у американцев, никто и никогда не тряс подобным «документом». Ничего подобного не предъявлял даже Хрущев, особенно усердствовавший в «разоблачении» Сталина и репрессий. «Документ» появился лишь во времена катастрофы Горбачева, когда всем пропагандистским аппаратом из ЦК КПСС заведовала ярая вражина СССР — пресловутый «Геббельс» советской пропаганды А. Н. Яковлев. Он-то как раз и имел допуск к документам «Особой папки» Политбюро, которые с 1992 г. превратились в Архив Президента Российской Федерации. Под руководством именно А. Н. Яковлева и была состряпана эта фальшивка, благо в ЦК КПСС был специальный отдел, в котором стряпали поддельные документы. Умельцы там были невероятные — что угодно могли сделать. Тем более что чистые бланки многих документов сталинского периода сохранились, равно как и печатные машинки того времени. Если А. Н. Яковлев силой вынудил внуку знаменитого русского ученого Бехтерева вновь озвучить старый бред сивой кобылы о том, что-де ее дед поставил Сталину диагноз «паранойя», за что и был убит (впоследствии Н. П. Бехтерева открыто признала, что ее вынудили к этому, а подлинным убийцей ее деда была вторая его жена — Берта Яковлевна), то что могло помешать этому «Геббельсу» в тиши цеховских кабинетов состряпать такую фальшивку?! В популярном ежемесячнике «Совершенно секретно» (№ 5, 2004) была опубликована статья Г. Рамазашвили «Портянка с грифом секретно», в которой наглядно был показан царящий в наших государственных архивах совершеннейший бардак. Кто угодно запросто «рисует» любые документы и надписи, в том числе и на действительно подлинных! В-шестых, цель этого фальшивого «документа» в том и состояла, чтобы показать, что даже после удаления Ежова с Лубянки, но с приходом Берия ничего якобы не изменилось. Мол, как били, так и продолжили бить. Более того, цель заключалась в том, чтобы опорочить и напрочь дезавуировать Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором резкой и обоснованной критике были подвергнуты незаконные методы ведения следствия, а органам НКВД и прокуратуры запрещались массовые аресты и выселения. Ведь после этого резко был усилен контроль за соблюдением законности в стране. Кстати, масштабы репрессий после этого были снижены в десятки раз. Кроме того, была произведена массовая реабилитация незаконно арестованных, из-за чего новый Генеральный прокурор СССР М. Панкратов даже писал доносы на Берия — что-де он отпускает на свободу «врагов народа». Дважды специальная партийно-правительственная комиссия проверяла деятельность НКВД и дважды же

подтвердила полную законность действий Берия и органов госбезопасности по восстановлению законности в стране.

Николаевский Б. И. Тайные страницы истории (сост. Ю. Фельштинский). М., 1995. С. 288.

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1924. С. 293.

См.: Литературная газета. 12 окт., 2002 г., а также: *Стариков Н.* Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М., 2006. С. 473.

Берберова Н. Железная женщина. Нью-Йорк, 1982. С. 44 — 45.

Цит. по: *Стариков Н.* Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М., 2006. С. 198.

Джорж Л. Военные мемуары. М., 1934 — 1938. — *Т. V. С.* 88 — 91.

Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях Ч. II. М.: изд-во НКВД, 1926. С. 195.

Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919 — 1920). М., 1949. С. 203. Б. Е. Штейн, в свою очередь, ссылается на то, что на Люцернском конгрессе II Интернационала об этом заявил Карл Каутский. К слову сказать, Компьенское перемирие было заключено сроком всего на 36 дней.

Одновременно с территориями уворовывались 56 млн. человек населения России — треть населения Российской империи. Уворовывались также 27 % обрабатывавшейся в стране земли, 26 % всей железнодорожной сети, 33 % текстильной промышленности, 73 % предприятий черной металлургии, 89 % производства каменного угля. А также 278 сахарных заводов, 918 текстильных фабрик, 574 пивоваренных завода, 133 табачные фабрики, 1685 винокуренных заводов, 244 химических предприятия, 615 целлюлозных фабрик, 1073 машиностроительных заводов, то есть почти 80 % всех машиностроительных заводов. И все это в порядке захваченного у тевтонов якобы законного «трофея» должно было оказаться в руках проклятого Запада! См.: Грани. Франкфурт-на-Майне. 1990, № 155. С. 253. Справедливо и на законных основаниях уничтоженные в 1937 — 1938 гг. заговорщики преследовали точно такие же цели, только масштабы планировавшегося воровства территориальных, демографических и экономических ресурсов СССР в пользу Запада (как Германии и Японии, так и Великобритании и Франции) были на несколько порядков выше. Стремившиеся к невиданному разбою под лозунгом «Назад, к Ленину!» заговорщики были воистину «невинными жертвами» сталинизма!

Нельзя исключать, что покушение на Ленина 30 августа 1918 г. имело дальнюю цель, связанную именно с этим. Если бы его тогда убили, то всю ответственность за неслыханные геополитические, территориальные и экономические потери Свердлов, Троцкий и К^о преспокойно свалили бы на него и пошли бы и на сговор с Западом по схеме — гарантии сохранения своей власти в России в обмен на согласие с воровством Западом российских территорий. И Троцкий, и Свердлов прекрасно знали, что цель Запада — расчленить и ослабить Россию. Потому что оба поддерживали постоянную связь с Яковом Шиффом.

Впоследствии Гитлер им припомнит это по полной, что называется, программе. Если бы не Советская Армия, то осваивать бы этим «козлам» — вечным лимитрофам — «плодородные земли» Заполярья или как минимум север Сибири, так как нацисты намеревались после грезившейся им победы над СССР выселить всех прибалтов именно туда, а на их землях поселить бриттов.

Протокольная запись заседания означенного Совета, состоявшегося 20 декабря 1919 г. (передано гласности в октябре 1920 г. в публикации на страницах парижской газеты «Либр пароль»).

У Л. Джорджа была на редкость русофобская позиция — «торговать можно и с бабуинами, а не только с большевиками».

Так что зимой 1939 — 1940 г. Сталин всего лишь возвращал сворованное, и «горячим финским парням» нечего теперь клацать зубами на Россию! Нечего было тогда хамить!

Продав Западу с потрохами сахалинскую нефть и прочие ресурсы того региона, в том числе и Камчатки, современные российские либералы показали себя всего лишь гнусными, но «последовательными наследниками» предателя России — Ленина. Выполнили-таки намерения своего сумасшедшего предшественника. Какого же труда стоило нынешней власти вернуть эти ресурсы России?!

Тардье А. Мир. — М., 1941. — С. 80; Архив полковника Хауза. Т. III. М., 1939. С. 272.

АВПРФ. Ф. 04/4. Оп. 3. 4.4. Д. 121. А. 11.

Вновь с таким же предательством она столкнулась уже в 1991 г. А ведь как слащаво зазывал всех нас «Назад, к Ленину!» печально известный, Богом и Россией проклятый Михаил «меченый»! «Назад, к Ленину!» означало расчленение СССР, России! «Перестройщики» знали, о чем талдычили...

Смирнов Г. В. Колонка редактора. М., 2006. С. 282 — 284.

И «наследники» Ильича — всякого рода «ельциноиды» — туда же. Признали-таки, окаянные супостаты, эти несуществующие долги.

По вопросу о визите У. Буллита в Россию и содержании его переговоров с Лениным см.: *Freud S., Bullit W. C. Thomas Woodrow Wilson. A Psychological Study.* Boston, 1967; *Farnsworth B. William. C. Bullit and the Soviet Union.* Indiana University Press. 1967.; *Brounell W., Billings R. № So Close to the Greatness. A Biography of William C. Bullit.* М. У., 1987; *Ozy)7! H. Bullit. Personal and Secret Correspondence between F. D. Roosevelt and W. C. Bullit.* Boston, 1972; *Дэвис Д., Грани Ю.* Первая Холодная война. Вудро Вильсон и Россия. 2002; *Эткинд А.* Эрос невозможного. 1994; *Лямин И. Л.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919 — 1925. М., 1947; *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919 — 1920). М., 1949.

Так тогда называли еще входившие де-юре в состав Российского государства, но де-факто оккупированные германскими войсками прибалтийские территории.

Поганые сыны коварного Альбиона устроили там такой вселенский бандитизм и грабеж, что даже поверхностное его описание и цифры буквально в кому вгоняют. Поэтому не привожу их, дабы не провоцировать всплеск дикой англофобии.

Британская разведка точно знала, что именно Вильгельм фон Мирбах — тогда германский консул-разведчик в норвежском Бергене — лично был повинен в организации потопления германской подводной лодкой британского крейсера «Гэмпшир». На его борту с важнейшим дипломатическим поручением лично от короля Георга V 5 июня 1916 г. в Россию отбыл британский военный министр, фельдмаршал, граф Хартумский Гораций Герберт Китченер (вместе с ним погибло 643 человека, спаслись только 12). Осуществленное известным по истории Яковым Блюмкиным, завербованным капитаном французской разведки Пьером Лораном, убийство Мирбаха было сигналом к левоэсеровскому мятежу, который сама британская разведка и подготовила руками своих шпионов и агентов, действовавших в России, в том числе известного Сиднея Рейли. Убийство было выгодно и Ленину, так как Мирбах еще в мае 1918 г. начал бомбардировать Берлин тревожными телеграммами, суть которых сводилась к тому, что германский вассал Ленин стал искать связи с Антантой. Мирбах, правда, слегка ошибся. Не стал искать, а просто начал переносить акцент своей деятельности. Кстати говоря, «вождь» знал об этих телеграммах, так как Блюмкин как раз и возглавлял германское направление молодой контрразведки Советов, куда его и назначили явно не случайно именно в мае. Ленин и Дзержинский знали не только о готовящемся убийстве, но и мятеже, но не вмешались, ибо преследовали свои корыстные цели. С одной стороны, они намеревались избавиться, или, по меньшей мере, ослабить свою вассальную зависимость от Германии, с другой — передавить под шумок всех более или менее опасных конкурентов в борьбе за власть, а эсеры в этом списке были первыми. А в итоге подготовить почву, чтобы переметнуться — особенно к этому стремился Ленин — на сторону Антанты, по «партитуре» которой он и играл.

Кстати говоря, ни одно из прибалтийских государств в тот момент еще не было суверенным, независимым и общепризнанным в международно-правовом смысле — там еще находились германские оккупационные войска. То есть «вождь» откровенно «бежал впереди паровоза», признав их за равноправных партнеров, а следовательно, их независимость и суверенитет.

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 122. То обстоятельство, что Ильич написал об этом Воровскому, означает, что слухи о его предложении немцам тут же поползли по Европе.

Из них было выплачено всего 93,5 т чистым золотом. После капитуляции Германии это золото на правах победителя своровала Франция и до сих пор не признает это.

Настоящие Ф. И. О. — Мартиросов Сурен Карпович.

Для «борцов за народное счастье» это было отнюдь не редкостью. Даже работавшая с Лениным германская разведка, и то с горьким сожалением сетовала на безудержное воровство отпускавшихся для подрывных целей денег. Кстати говоря, современные «оппозиционеры» в полном смысле слова их «наследники» — абсолютно точно так же крадут финансовые средства, которые Запад выделяет им для борьбы против России.

Столь хорошо известный ныне термин агентура влияния а в те времена еще не был изобретен, хотя само это понятие известно едва ли не с библейских времен. Как правило, в начале XX в. для таких случаев применяли термин «политический агент».

Журнал «Красная новь». 1926. № 10.

Адольф Абрамович Иоффе (он же В. Крымский) был эпилептиком, страдавшим к тому же еще и шизофренией. Длительное время за ним наблюдал один из самых выдающихся учеников знаменитого Зигмунда Фрейда — Альфред Адлер (кстати, темой его научной диссертации как раз и была эпилепсия). Наблюдал многие годы, задолго до октября 1917 г. И не только наблюдал, но и пытался вылечить методом так называемого психоанализа, проводя по 5 — 6 сеансов в неделю, что, между прочим, стоило тогда баснословных денег. Правда, не вылечил — врожденная, тем более психическая патология излечению не поддается. И вот этот псих в тяжелой форме стал первым советским послом в Германии?! Впоследствии А. А. Иоффе в 18.00 17 ноября 1927 г. выстрелом из пистолета покончил жизнь самоубийством.

В этот день был подписан Версальский «мирный» договор.

Меморандум Секта от 4 февраля 1920 г., цит. по: *ГоРлов С. А. Совершенно секретно: Москва — Берлин. 1920 — 1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией.* М., 1999. С. 37.

Письмо Секта от 31 января 1920. цит. по: *Горлов С. А. Указ. соч. С. 36.*

Von Seekt. Deutschland zwischen Ost und West. Hamburg, 1932. S. 328.

Хаусхофер К. О геополитике. Пер. с нем. М., 2001. С. 376. Кстати говоря, на пост министра иностранных дел Брокдорф-Ранцау был назначен именно в тот день, когда Крадек якобы угодил в кутузку. Карл Хаусхофер, по его же словам, помогал Брокдорф-Ранцау, ставшему первым министром иностранных дел Веймарской Германии, — занимал этот пост с 12 февраля по 20 июня 1919 г.

В первоначальном составе ВЧК было немало бывших аристократов, в том числе и из числа прибалтийских баронов. Например, пресловутый пройдоха князь Андронников, некоторое время возглавлявший Кронштадтскую ЧК. По материнской линии он происходил из древнего рода балтийских баронов Унгерн-Штернбергов. По отцовской — из грузинского княжеского рода. Андронников долгие годы проживал в Германии, где учился. Был вхож в высшие аристократические круги Германии и даже представлен кайзеру, который подарил ему свой портрет с дарственной надписью. Гомосексуалист Андронников пребывал в противоестественных связях со многими мужскими представителями русской аристократии, был очень близок к царскому двору, но одновременно принимал самое деятельное участие во многих интригах против последнего русского царя Николая II, в том числе и в организации убийства Распутина по заданию британской разведки. При всем этом еще при царизме открыто похвалялся, что он является германским шпионом, что, кстати говоря, соответствовало действительности, ибо его активно использовал личный представитель кайзера, остзейский барон, опытный германский разведчик и дипломат, один из наиболее активных членов «Балтикума» в Германии — барон Хохон-Остен. Барон еще в 1916 г. нелегально прибыл в Россию для организации прогерманского «дворцового переворота» с целью сепаратного выхода России из войны, чему помешала британская разведка со своей так называемой февральской революцией. Барон Хохон-Остен спустя всего десятилетие на редкость «своевременно» ввел себя в поле зрения советской военной разведки в 1927 г., а затем, судя по всему, проник в ее агентурную сеть, поскольку являлся консультантом по русским вопросам в посольстве Венгрии в Берлине, откуда, начиная с 1928 г., стала поступать агентурная информация. По опубликованным ныне документам советской военной разведки получение разведывательной информации из венгерского посольства в Берлине практически безошибочно идентифицируется именно с ним. Что касается «своевременности», то об общей обстановке 1927 г. будет сказано ниже, а здесь сразу же отметим, что это был год первого серьезного всплеска внутрисоюзной оппозиции, рассчитывавшей скинуть Сталина в случае войны с Западом при участии Германии.

Германский разведчик-дипломат барон Гисберт фон Ромберг был «первооткрывателем» будущего «гения мирового пролетариата». Именно он первым установил связь с Лениным в Швейцарии еще в сентябре 1914 г. Причем Ильич тогда действовал, как банальный «инициативщик». Кескюла-Штейн также лично содействовал германской разведке в поддержании личных контактов с Лениным и его окружением в период их пребывания в Швейцарии. Что касается А. Кескюля, то этот и вовсе был агентом-двойником — с одной стороны, старым агентом германской разведки, а с другой — давним агентом японской разведки еще со времен так называемой первой русской революции 1905 г.

Нельзя сбрасывать со счетов и амбиции Свердлова. Как особо доверенный представитель секретного Бунда, он поддерживал прямую телеграфную связь с Яковом Шиффом, от которого и получил жесткое указание уничтожить не только царя, но и всю его семью. Переписка по этому поводу осуществлялась через американское дипломатическое представительство в России. Так что США непосредственно замешаны в этом кровавом преступлении. Свердлов, очевидно, явно рассчитывал на благосклонное к себе отношение со стороны Я. Шиффа и К°, надеясь занять место Ленина. На счастье России, ему своевременно проломили башку и «при помощи инфлюэнции» отправили к праотцам. Я. Шифф тоже не задержался на этом свете — и года-то не прошло после бесславной кончины неистового Якова Михайловича, как его тезка — Яков Шифф — тоже «перекинулся»...

Последнее письмо «железного» Феликса из Германии датировано 28 октября 1918 г.

За этим скрывалась серьезная афера. Тевтоны прекрасно понимали, что победившая Антанта начисто обворует Германию. Поэтому, исходя из содержания второго Брестского договора, потребовали от Ленина большую часть валютных средств положить на онкольные счета в швейцарских банках. Чтобы впоследствии представители Германии смогли бы ими воспользоваться. Однако «господа ленинцы» откровенно их надули. Вклады в швейцарских банках действительно появились, все с шестью нулями. Но на имена... «господ ленинцев». Например, на имя Дзержинского был открыт вклад на сумму 85 млн. франков, на имя Ленина — 75, на имя Зиновьева — 80, на имя Троцкого — 90 млн. франков и т. д. Обычно такие операции и поручают самым доверенным лицам, но одновременно и «пасут» их. Вот почему все эти вклады и появились в период зарубежного вояжа Дзержинского, которого сопровождал личный представитель Свердлова — Аванесов. Но все дело в том, что «господа ленинцы» надули не столько тевтонов, сколько своих главных хозяев на Западе, то есть англосаксов. Этого им не простили. Не простил и Сталин, который после смерти Ленина и до своей кончи ны проводил операцию «Крест» по поиску украденных из России средств. Многие ему удалось вернуть, но, к глубокому сожалению, не меньше, если не больше, так и осталось за границей.

Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2004. С. 195.

Кстати говоря, еще одного негодяя из преступного триумvirата младотурок — Джемаль-пашу — также переправили в Советскую Россию. Этого убили в Тифлисе в 1922 г.

Поганая могила этого крупнейшего международного преступника начала XX в., лично повинного в геноциде армян и причинившего невероятное количество бед населению самой Средней Азии, обустроена как «национальная святыня» недавно отошедшего в иной мир Туркменбаши.

По некоторым данным, он находился на вилле самого Парвуса в берлинском пригороде Ванзее, что выглядит вполне логично. Один «гениальный» авантюрист-махинатор и агент германской разведки присматривает за другим «гениальным» авантюристом-махинатором. Впоследствии, после смерти Парвуса, эту виллу прибрали к рукам нацисты, и вроде бы сам Геббельс поселился в ней.

Эта телеграмма практически сразу попала и на стол к Сталину.

Соответствующая информация обо всех особенностях их «нежной дружбы» и совместном пьянстве оседала в печально знаменитой «Черной тетради» начальника Спецотдела ГПУ — ОГПУ — НКВД Глеба Бокия, которого еще Ленин лично поставил на эту должность для систематического сбора компромата на соратников...

Институт геополитики с самого начала своего существования широко использовался в качестве научно-журналистского прикрытия для германской военной разведки, а с момента привода нацистов к власти — также и нацистской внешнеполитической и партийной разведками. Институт являлся одним из главных аналитических центров, обслуживавших военно-политическую и деловую элиту Германии, а также нацистскую верхушку.

Переговоры были зафиксированы русской военной разведкой, которая по каналам Антанты сумела предотвратить их успешное завершение. К сожалению, не могущая и дня прожить без подлости Великобритания воспользовалась данными русской разведки и сама вступила в тайные сепаратные переговоры с Японией, наобещав ей бывшие германские колонии на Дальнем Востоке. Более того, еще при живом и правившем на троне царе санкционировала Токио подготовку интервенции для захвата Дальнего Востока.

Формально Вильгельм Оранский не был представителем Брауншвейгского дома, он происходил из правившей в Нидерландах династии Нассау-Оранских, которая корнями уходила именно к курфюрстам Брауншвейгского дома.

Цит. по: *Fisher L. Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917 — 1941. New York, 1969. P. 12.* Едва только в начале 1925 г. были нормализованы межгосударственные отношения между СССР и Японией, как в том же году тесно связанный с британской разведкой журналист Э. Гаррисон опубликовал в Лондоне роман под названием «Красная камарилья», который был целиком посвящен якобы грядущему сговору Берлина, Москвы и Токио. См.: *Молодяков В. Э. Россия и Япония: меч на весах. М., 2005. С. 135.*

Сталин никогда не устраивал глобальных разборок как самой фальшивки, так и вокруг нее. Подобная попытка автоматически поставила бы под угрозу неминуемой катастрофы весь режим советской власти, ибо столь же автоматически разборки привели бы к перетряхиванию всего «грязного белья», что скопилось в не менее грязном ленинском «наследстве». И едва только эта грязь была бы взметена, то тут же погребла бы под собой всех без исключения. Если кто не верит, пусть вспомнит, что происходило во времена Горбачева — именно целенаправленно ориентированная на разрушение Великой Державы взметенная тогда грязь «ленинского наследия» погребла под собой и саму Великую Державу, и ее великие народы, и все их великие завоевания, превратив их в пыль Небытия. Сталин, естественно, склонностью к политическому суициду не страдал. Да и не для того брали власть, чтобы вот так запросто ее лишиться. И гениальней всех эту проблему решил именно он. Не произнося ни одного худого слова в адрес усопшего в полном безумии «вождя», а напротив, превознося его, в чем-то даже и гипертрофированно, все делал ровным счетом наоборот. Вот почему он систематически пытался хоть как-то облагородить и придать более или менее приличный вид истории революционного движения в России во главе с Лениным. На том, собственно говоря, и сыграли взметнувшие всю грязь «ленинизма» Горбачев и Яковлев — только за счет этого было возможно уничтожить Великую Державу, нуждавшуюся всего лишь в осмысленных реформах и модернизации, а не в ломке через колено. Сталин же в свое время осуществил полную деленинизацию, а, следовательно, и полную девестернизацию СССР — потому-то Россия и осталась жива. Именно за это злобно ненавидят и нещадно охаивают Сталина, особенно на Западе и в среде прозападной «пятой колонны» в России. А вот Ленина даже на Западе не трогают, потому как он «свой», западный.

Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. Реальность истории и мифы политики. — М., 2003. — С. 381.

«Чином от ума освобожденный» — запрещенная царской цензурой строка из оригинала «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Сам же Горбачев, судя по всему, «чином» был освобожден и от ума, и от совести.

Цит. по: Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи /
Сост. М. Лобанов. М., 1995. С. 73 — 74.

К слову сказать, Парвуса еще в 1922 г. едва не «замочили». Германская полиция чудом предотвратила готовившееся двумя прусскими офицерами — судя по всему, из «Балтикума» — покушение на Парвуса. Его должны были взорвать... ручными гранатами. После этого Парвус немедленно уничтожил все документы, связанные с его политическими интригами и махинациями против России. Обратите внимание. В том же году «замочили» В. Ратенау, а Ленина еще весной 1922 г. хватила столь сильная кондрашка, что с тех пор пошел отсчет дней до его кончины. Парвус понял, что началась охота и за его головой — ведь он так много знал и участвовал в таких интригах вселенского масштаба, что живым не должен был остаться. Так оно и вышло — морозным декабрьским днем 1924 г. Парвус внезапно «откинул ласты». Но, обратите внимание, эта загадочная смерть настигла его в том же году, когда скончался и тот, кого он сделал «гениальным вождем мирового пролетариата»: в январе 1924 г. умер Ленин, в декабре 1924 г. — сам Парвус. Мавры сделали свое дело — мавры могут отбыть к праотцам! Операция закончилась! Но ура ли?!

Не случайно, что он осуществил это руками Макса Истмэна. Ведь М. Истмэн был не столько историк или журналист, сколько «курьерствовавший офицер связи» между Троцким и секретными структурами международного финансового капитала. А для прикрытия своего статуса курьера-связника он женился на сестре Николая Васильевича Крыленко, первого советского главковерха, впоследствии наркома юстиции СССР.

Как современный человек, автор далек от мистики. Тем не менее невозможно обойти удивительный по своей мистической сущности факт. Настоящая дата рождения Сталина — 6 декабря (по старому стилю) 1878 г. Так записано в метрической книге горийского Успенского собора. Но 6 декабря — это день памяти самого почитаемого на Руси святого — Николая-угодника, он же Николай-чудотворец, Никола-зимний! Невозможно представить, что такое совпадение не оказало своего специфического влияния на Сталина. Ведь как он стоял на страже интересов России! Как защищал ее! Да, у него были ошибки, и немалые — отрицать бессмысленно. Но ведь результат-то его деятельности — Величайшая Держава Мира! Вот что важно! Ведь именно он еще до войны положил конец гонениям на Русскую православную церковь! Не мог Сталин не ощутить влияния великого святого! Потому и результат такой! Такие выдающиеся представители Русской православной церкви, как патриарший местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский), патриарх всея Руси Алексей I (Симанский), архиепископ Лука (выдающийся советский хирург В. Ф. Войно-Ясенецкий) и другие называли Сталина «богоизбранным вождем», потому что он «сохранил Россию, показал, что она значит для мира». Потому беспрестанно и охаивают Сталина! Шакалы всегда твякают на львов!..

Автором этого выражения является французский маршал Ф. Фош.

С подачи советской разведки меморандум был опубликован сначала, в американской газете Chicago Tribune, затем — в британской Manchester Guardian. Опираясь на эти публикации, в британском парламенте был инспирирован депутатский запрос, в ответе на который британское правительство вынуждено было признать его аутентичность.

Тут Лондон сказал почти правду — в то время его сильно беспокоила коминтерновско-разведывательная возня Москвы в Китае, которой, сугубо по антибританским соображениям, молча благосклонно покровительствовал даже Вашингтон, и особенно завершавшиеся тайные советско-японские зондажные контакты по нормализации отношений между двумя государствами.

Документ был добыт агентурным путем в МИДе Чехословакии. Цит. по: Международная летопись/ 1925. №№ 8 — 9. С. 78.

Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1996. С. 232.

Там же. С. 233.

Документ был добыт агентурным путем.

Он же Вольдемар фон Петров, он же Владимир Федорович Петров, бывший царский офицер, сотрудник японского посольства в Берлине.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 98. А. 73 — 76.

В день окончания работы Локарнской конференции О. Чемберлен заявил, что-де «Локарно осветит сердца и умы людей»?! См.: Daily Herald, 19.5.1925. Не знаю, как насчет сердец и умов, к тому же чьих, но то, что именно с Локарно началось «освещение» Европы, а затем и всего мира заревом мирового пожарища очередной всемирной бойни — это абсолютно точно!

Млечин Л. Русская армия между Троцким и Сталиным. М., 2002. С. 412. Последующее поведение Пильняка свидетельствует о том, что он понимал, что натворил. В момент публикации он смылся из СССР в Китай. А что ему было делать в Китае? Ведь не синолог же он и даже не сотрудник спецслужб или Коминтерна. Разве что отсидеться, пока в Москве гнев не пройдет. А гнев, мягко говоря, был очень даже не маленький. Было принято постановление Политбюро от 13 мая 1926 г. насчет Пильняка и его подлого опуса. Между тем, чтобы выехать в Китай и уже в мае прочесть там свое произведение, он должен был самое позднее в марте — апреле сдать готовую рукопись в редакцию журнала — это во-первых; во-вторых, он должен был заранее подать все документы на выезд, получить китайскую въездную визу, не говоря уже о том, что он мог направиться туда только от какого-нибудь ведомства СССР, ибо по-другому тогда за границу не выезжали. Какого ведомства? Кто и как конкретно помогал ему в этом, не говоря уже о другом за чем? Ведь Пильняк не был, подчеркиваю, хотя бы даже начинающим синологом, чтобы его отправлять в Китай, тем более в столь срочном порядке.

Правда, нельзя не отметить и того, что за бригадой Котовского, как, впрочем, и за многими другими, числился один весьма распространенный тогда грех — она «прославилась» своими антиеврейскими погромами в период Гражданской войны. В то же время следует иметь в виду, что и сам Троцкий, и его соплеменники, прислуживавшие ему, также отличались на этот счет, без разбору ставя к стенке и евреев, не говоря уже о русских.

Как рассказывал сын легендарного комбрига Григорий Котовский, во время очередного перерыва в работе съезда жен комсостава РККА, проходившего в Кремле в 1936 г., к вдове Котовского — Ольге Петровне — подошел маршал Тухачевский и, пристально глядя ей в глаза, зачем-то сообщил ей следующее. Что-де в Варшаве вышла книга какого-то польского офицера, в которой утверждалось, что Котовского убила сама советская власть. Зачем это понадобилось «стратегу»? Ведь обычно только преступников тянет на место преступления или же к оставшейся в живых жертве/свидетелю преступления. Как, впрочем, зачем во времена господства Тухачевского, Якира, Гамарника и т. п. «стратегов» в РККА Главному политическому управлению понадобилось распространять грязные инсинуации об убийстве Котовского — что, мол, убили его из-за баб? Кого и что прикрывал ГлавПУР, во главе которого стоял подельник Тухачевского Гамарник?! Ведь эти инсинуации распространялись еще в 1934 г.

Вот и попробуйте не поверить в «внеслучайный» характер последовательных смертей Котовского и Фрунзе, а затем и возвышения Тухачевского.

Ну чем не «Майн Кампф» по Троцкому?! Кстати говоря, Гитлер был в восторге от его книги.

В 1925 г. под именем «Оскара Миллера» Исидор Вольфович Мильграм работал в Греции под дипломатическим прикрытием. Был арестован там и просидел в контрразведке свыше трех месяцев. Еще ранее, в 1922 г., был расшифрован голландской контрразведкой как разведчик в составе советской делегации на Гаагской международной финансово-экономической конференции (15.6 — 19.7.1922 г.). А вообще он был известен в Западной Европе как активный коммунистический функционер, за что арестовывался в той же Голландии еще в 1919 г. По странному, но немедленно вызывающему сильные подозрения стечению обстоятельств именно после этого вояжа с Троцким в Германию Мильграм почему-то был назначен «легальным» резидентом ИНО ОГПУ в Шанхае (Китай). Сильные подозрения обусловлены тем, что в Германии они встречались не только с немцами. Прежде всего тем, что как раз в этот период, когда он был там резидентом, была жестоко подавлена попытка китайской революции, о которой Чан Кайши заранее узнал от британской разведки. А вот как узнала об этом британская разведка — вот ведь в чем вопрос!..

«Папашка» последнего был крупным землевладельцем, который и впрямь лишился своей земли — очевидно, потому-то и сыночек «серьезно пострадал от советской власти».

Этим термином на Кавказе и в Закавказье обычно именуют русофилов.

Подробные данные об этой конференции были опубликованы немецкой газетой «Фоссише цайтунг» 4 февраля 1930 г. Имевший название «Государства Европы и большевизм» первый пункт итогового протокола завершался весьма кратко — «Большевизм должен быть уничтожен». Второй пункт — «Интересы Европы на Ближнем Востоке» — завершался выводом о том, что в ограничении панславизма (а это-то тут при чем?!) и в освоении экономических областей заинтересованы Англия и Германия. На Кавказе как одной из территорий, которые надлежит освободить от большевистского ига, Германия и Англия должны будут сообща заняться экономическим освоением и преградить путь большевистской экспансии, направленной на Турцию, Персию и Индию. Участие Германии в освободительной деятельности подразумевало следующее: а) военно-техническое руководство; б) людские ресурсы (солдаты и инструкторы); в) технические ресурсы — производство военных материалов и снаряжения (фиктивные заказы от других государств, частичное изготовление в практически участвующих других странах); г) характер деятельности в официальной Германии — упоминание договора о нейтралитете (только тактически); д) участие в экономическом восстановительном строительстве освобожденных стран, в том числе и на договорной основе; е) использование зарубежных немцев (в СССР в то время существовала даже Республика немцев Поволжья. — А. М.); ж) активизация русских мусульман. Вот как готовились напасть еще тогда. То же самое пытался претворить и Гитлер. «Выплыл» этот план и в наше время — чеченский сепаратизм был спровоцирован именно им.

Британская разведка пошла тогда на острую провокацию, чтобы опорочить военное командование Германии в глазах Кремля и тем самым сорвать подписание договора о ненападении и нейтралитете. По инициативе британского военного атташе в Латвии Ллойда и при содействии члена крайне правой организации «Консул» капитан-лейтенанта германских ВМС Гаазе двое боевиков-террористов — братья Габриловичи — 5 февраля 1926 г. напали на следовавших в поезде Москва — Рига советских дипкурьеров Теодора Нетте и Иоганна Махмастала. В перестрелке первый был убит, а второй тяжело ранен. Все разведки ищут доступ к диппочте иностранных государств. Но всегда это делается тихо, без пальбы. В данном же случае все обстоятельства — характер операции, место ее проведения, отсутствие у дипкурьеров чего-либо интересного для СИС и особенно последствия — свидетельствовали о том, что это была провокация британской разведки. Дело в том, что очень уж быстро в Германии распространились быстро же дошедшие до ушей резидентур ОГПУ и ГРУ в Берлине сведения о прямой причастности германского военного ведомства (в лице его морского отдела) к этому нападению. По расчетам организаторов этой провокации весь гнев Кремля должен был пасть на военное министерство Германии и командование рейхсвера. Слава Богу, этого не случилось — в Москве быстро разобрались, кто устроил эту провокацию. Но дело еще и в том, что бритты были явно проконсультированы на предмет того, как, когда и в каком месте устроить такую провокацию, чтобы последствия были именно те, которые им были нужны. А вот тут без подсказок «беса» едва ли обошлось — с одной стороны, он очень хорошо знал систему фельдъегерской, а также дипкурьерской службы СССР, а с другой, не менее превосходно знал, как в Москве дорожат сотрудничеством с Германией, поскольку в то время это было фактически единственное «окно» доступа к западным технологиям и инвестициям.

Public Record Office, Cab, 24/181, p. 1

Ibidem. P. 2.

Известия. 1927. 12 марта.

До 1917 г. более 70% товарного зерна в России производили крупные хозяйства, использовавшие наемных работников (в 1913 г. — 4,5 млн. чел.). После 1917 г. обширные земли этих хозяйств были поделены, в результате чего количество крестьян-единоличников выросло на 8 — 9 млн. И формально именно поэтому и производилось на 40 % больше хлеба, чем до 1917 г. Но, как и прежде, он почти целиком потреблялся на селе — на продажу шло не более 11,2 % крестьянского хлеба. А это на 3,5% меньше, чем до 1917 г. Товарность хлеба составляла тогда 14,7 %. Даже в урожайном 1926 г., когда зерна было собрано 65,5 млн. т, продано было всего лишь 7,4 млн. т (11,2 %). В 1927 г. товарного хлеба было в два раза меньше, чем в 1913 г., хотя валовой сбор был примерно аналогичным. Спад же сельхозпроизводства после коллективизации, о котором прожужжали все уши, составил всего лишь 7 %. В 1929 г. было произведено 74 млн. т зерна. Аналогичное количество зерна было произведено и в 1933 г. Что же касается голода на Украине в 1932 г., то никакой связи с экспортом зерна нет. Во-первых, причина голода — неурожай 1932 г., главной причиной которого, в свою очередь, явилась засуха. Валовой сбор зерна в 1932 г. составил всего 32,7 млн. т. В СССР, к слову сказать, вплоть до конца 40-х — начала 50-х гг. многие хлебные районы страдали от засухи. Не было ни эффективной агротехники, ни массовых посадок лесозащитных полос, устройства прудов в колхозах. На все сил и средств у государства тогда не хватало. Нельзя забывать и о бешеной провокационной пропаганде троцкистского подполья, которое едва ли не пинками подталкивало украинское крестьянство к резне скота, особенно крупного, а земли на Украине возможно было вспахать лишь с помощью волов, которых и перерезали, и к волевому отказу от сева. Для Украины это имело самые печальные последствия. Кроме того, в стране в тот момент не оказалось маневровых продовольственных фондов. Хлеб урожая 1930 и 1931 гг. уже был израсходован или распределен по городам и стройкам. С 1929 по 1934 г. всего было экспортировано 14 млн. 175 тыс. т зерна на сумму 1 млрд. 607 млн. рублей. Год максимального экспорта — 1931-й. Общая стоимость советского экспорта за указанный период составила 89,1 млрд. рублей, доля же зерна и продовольствия — всего 3,7 %, или 3 млрд. 296 млн. 700 тыс. рублей. Так что говорить о спровоцированном экспортом зерна голоде, тем более умышленно спровоцированном, а также о неких сверхдоходах от экспорта зерна не приходится. По данному вопросу см., например: *Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о*

предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30 — 40-е годы. М., 1989; *Кожин* В. В. Россия. Век XX. 1901 — 1939. М., 1998; *Верхотуров Д. Н.* Сталин. Экономическая революция. М., 2006.

Мало кому известно, что для того, чтобы окончательно угробить Российскую империю, Ленин раскрутил маховик инфляции аж до шестнадцати миллионов процентов! Только тогда царская Россия рухнула окончательно. Но оцените и небывалую финансовую устойчивость царской финансовой системы, разрушить которую удалось только таким образом. Практически такую же финансовую устойчивость обеспечил и Сталин. И даже спустя сорок лет после его убийства, когда бездарные наследники Ильича проели Великую Державу, все равно пришлось раскручивать маховик инфляции практически до 1 млн. процентов! Из-за «присущей демократам скромности», как правило, они признают инфляционную пропасть, куда ввергли страну своими людоедскими реформами, в размере «всего» в 10 000 раз. Но один раз — это и есть 100 %. Умножьте на 10 000 раз, и получите 1 млн. процентов! Вот истинная цена «демократического» людоедства!

Этому он научился у Парвуса — тот именно таким образом стал миллионером. А любая подрывная деятельность, «революционная» особенно, требует колоссальных расходов. Иначе «господа революционеры» попросту разбегутся — эта падаль только за деньги готова драть глотки.

Public Record Office, Cab, 24/184, p. 1.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 — 1939: Документы и материалы: В 5 т. / Под ред. В. Данилова и др. Т. 1. М., 1999. С. 25. Сталин имел в виду разоблачение ОГПУ ряда шпионских и диверсионных организаций в Москве, Ленинграде, на Украине, в Белоруссии, которые финансировались Англией, в том числе и непосредственно английской миссией в Москве.

Обратите внимание на использованный Троцким термин. По сути дела, он, сам того не подозревая, письменно же признал наличие непримиримого противоречия между большевиками и «интернациональными космополитами» в лице доктринерствовавших коммунистов, о чем уже говорилось выше.

Под псевдонимом «Neuberg Д.», являвшимся общим псевдонимом Тухачевского, Уншлихта, Хо Ши Мина и других, по указанному вопросу в 1928 г. была опубликована статья под названием «Der bemaffinette Aufstand».

Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. 2. М., 1997. С. 179. Чтобы Германии было легче пойти на такой пересмотр отношений с СССР и учитывая, что будущая война должна была стать «войной моторов», американская «Стандарт ойл» еще в 1929 г. передала германскому монополисту в области химии и нефтехимии — концерну «ИГ Фарбениндустри» — уникальную технологию производства синтетического бензина. Это обеспечило бы в будущем топливную независимость Германии от нефтепоставок из СССР, которые в те времена и вплоть до поджога рейхстага нацистами практически монопольно доминировали на внутреннем германском рынке топлива. А подсказать такой ход мог прежде всего Троцкий — он более чем кто-либо знал о масштабах нефтепоставок СССР в Германию.

Похоже, что эта информация исходила от агента советской разведки, являвшегося руководителем военной разведки Турции — генерала Сахида Окули. Судя по ряду косвенных признаков, к его вербовке был причастен лично Сталин. В свое время он имел дело с его отцом — гянджинским (Гянджа, Азербайджан) полицмейстером Сари Имам Кули-оглы Мамедовым, являвшимся агентом большевиков в этом регионе. В 1920 г. Сари Имам Кули-оглы Мамедов «эмигрировал» в Турцию вместе со своим сыном, который впоследствии вошел в ближайшее окружение первого президента Турецкой Республики — Кемаля Ататюрка, под патронажем которого стал руководителем турецкой военной разведки. Жена же и две дочери Мамедова до начала 30-х гг. спокойно проживали в СССР, откуда в 1931 г. Сари Имам без затруднений забрал их в Турцию. Очевидно, все это и было основой вербовки его сына.

Оцените уровень агента. Напоминаю, что это был сотрудник военной разведки Франции.

Это же обстоятельство было и одной из основных причин злоумышленного приведения к власти Гитлера. Лондону надоело утрясать склоки в этой стае европейских шакалов, и он пришел к выводу, что с одним шакалом ему будет легче управляться. Но, увы, шакал — он и есть шакал и никакой дрессировке не поддается.

Позняков В. В. Советская разведка в Америке. М., 2005. С. 58
(подпараграф «Реорганизация ИНО и РУ в 1930 — 1935 гг.»).

Минаков С. Сталин и заговор генералов. М., 2005. С. 5.

Провоцирующим «революции» и прочие бунты обстоятельством/катализатором является, как правило, военное поражение. Это не только аксиома, что называется, от сотворения мира. Это аксиома прежде всего в том, что провоцирующее такое последствие военное поражение, как правило, является результатом в том числе, а нередко и в первую очередь, измены генералитета. Задолго до Первой мировой войны российский генералитет уже был настроен на измену. Едва ли не за десятилетие до нее Вильгельм II направил Николаю II письмо, в котором писал: «Дражайший Ники... Немного лет тому назад один порядочный человек — не немец по национальности — рассказывал мне, что пришел в ужас, когда в одной фешенебельной парижской гостиной он услышал ответ русского генерала на заданный французом вопрос, разобьет ли Россия германскую армию: "О, нас разобьют вдребезги, ну что же, тогда и у нас будет республика"». Цит. по: *Гринберг Ф.* Династия Романовых: Загадки, версии, проблемы. М., 1994. С. 248.

Голенков А. Сталин без наветов. Только факты. М., 1997. С. 227 — 228.

Шабалов А. А. Одиннадцатый удар товарища Сталина. Ростов н/Д, 1995. С. 20.

Об этом стало известно в результате специальной операции советской разведки, плотно контролировавшей тайную переписку Троцкого со сторонниками в КПП и с Бухариным. Непосредственно операцию осуществлял один из самых выдающихся разведчиков того времени Рыбкин Борис Аркадьевич (Рывкин Борух Аронович), муж легендарной советской разведчицы Зои Рыбкиной (Воскресенской).

1. См. *Einheit*. 1949. № 1. S. 74; *Гинцберг Л. И. О связях реакционных кругов США и Англии с гитлеровской партией // Вопросы истории*. 1955. № 2. С. 106; *Гус М. Американские империалисты — вдохновители мюнхенской политики*. М., 1951. С. 28.

Сойфер Д. М. Крах сионистских теорий. Днепропетровск, 1980. Цит. по: *Кожин В. В. Великая война России. Почему непобедим русский народ?* М., 2005. С. 270.

Известный российский историк М. И. Труш обнаружил в личном дневнике бывшего советского посла в Швеции А. М. Коллонтай удивительную запись. Принимая ее накануне советско-финляндской войны 1939 г., Сталин, наряду с жесткими оценками ситуации в отношениях с Германией, свидетельствовавшими о его четком понимании неизбежности грядущей агрессии и необходимости подготовки к отпору, в этом же контексте внезапно заговорил и о сионизме следующими словами: «Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток... Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться». Здесь главное не то, что он «взъелся» на «мировой сионизм» — в этом отношении ничего нового не было, так как он всегда крайне негативно оценивал это сугубо националистическое движение, четко разделяя евреев на евреев-националистов и просто евреев. Главное тут в том, что он заговорил об этом в контексте необходимости усиления подготовки к отпору неумолимо грядущей гитлеровской агрессии. Это поразительно, но только до тех пор, пока не примем во внимание вышеприведенные факты. То есть выходит, что Сталин достоверно знал не только о том, кто и что конкретно стоит за спиной Гитлера, но и об особой роли сионизма и сионистского капитала во вращивании нацизма в Германии и его ориентации персонально против СССР. Иначе к чему были все эти его слова о сионизме, тем более в таком контексте?! Так оно и было в действительности. От Раковского стало известно о широкомасштабном участии представителей еврейского капитала в финансировании нацизма и Гитлера. Кстати говоря, он упомянул об этих лицах, как о «Них», то есть как о членах Комитета 300. Трудно сказать, почему Раковский назвал только еврейские имена. Ведь ему же прекрасно было известно, что далеко не только представители еврейского капитала участвовали в заговоре против России и в финансировании Гитлера. В этом списке должно быть громадное количество англосаксонских имен и фамилий, многие из которых на слуху и по сей день. Но Раковский по неизвестной причине ограничился только еврейскими именами, создав тем самым — трудно сказать, преднамеренно ли, — некое впечатление еврейского заговора. В сочетании с упоминанием масонов — так и вовсе образ некоего «жидо-масонского» заговора. Конечно же, это полный идиотизм свалить на евреев, пускай даже и сионистов, а

также масонов всю ответственность за происшедшее с Россией. Как уже отмечалось выше, по свидетельству самих же лидеров сионизма, евреев, как, впрочем, и масонов, используют в крупных международных интригах только как «абордажные крюки». Любая крупная международная интрига всегда имеет серьезную геополитическую подоплеку. Так что «абордажные крюки» применяются прежде всего в геополитической борьбе. Со стороны Запада ее ведут могущественнейшие силы, в рядах которых разделение по этническому фактору вообще не имеет места быть. А вот что касается использования ими «абордажных крюков», то тут все наоборот. Но в таком случае вся полнота международной, правовой и иной, вплоть до уголовной ответственности ложится на тех, кто специально, а нередко и злоумышленно подставляет в таких интригах головы евреев. Евреи сами должны разбираться с такими «благодетелями», которые приносят столько бед еврейскому народу. Уже во время войны Сталин использовал это свое знание о закулисных действиях сионизма против СССР на благо Советского Союза; но это уже выходит за рамки настоящего исследования. Отмечу лишь следующее. Благодаря точному знанию закулисной стороны сионизма и его роли в США Сталину удалось использовать «еврейский фактор», во-первых, для остановки наступления финских армий на Ленинград; во-вторых, развернуть общественное мнение и власти США в сторону сотрудничества с Советским Союзом и, в-третьих, лишь благодаря этим точным данным о планах сионизма, хотя и весьма специфическим образом, но в Советский Союз попали атомные секреты США, что стало сталинским ремешком упоминавшегося выше «ацетонового дела». Сталин обладал фантастически виртуозным умением использовать любой шанс в интересах Советского Союза.

Кстати говоря, именно по этой причине не состоялся и суд над КПСС, которого требовали демократы сразу после развала Советского Союза. У этих идиотов не хватало ума понять, что на суде будут разоблачены их же хозяева. В условиях сугубо проамериканской ориентации первой по счету руководящей прослойки в стране и фантастической ненависти населения к ограбившим народ до последней нитки дерьмократам это кончилось бы массовой резней, в процессе которой вся эта сволочь была бы вырублена под корень, что было бы более чем резонно. Естественно, что вашингтонский собком категорически запретил вечно пьяному шуту «Е. Б.Н.» устраивать такие разборки внутри страны, потому как это самым печальным образом сказалось бы на США.

Алексеев В. А. «Третий Рим», или Гарвардская школа/ Обозреватель, М., 1994. С. 29.

Даже перевели в 1929 г. на русский язык упоминавшуюся выше работу Ленина — «Военная программа пролетарской революции», в которой говорилось о второй по счету мировой войне в XX в. Ведь Ленин написал ее на немецком языке для финских социал-демократов еще в 1917 г. До этого она никогда не публиковалась на русском языке.

Не без их помощи М. Литвинов был выслан, невзирая на требования царского правительства, именно в Англию после того, как был арестован в Париже за попытку легализации «экспроприированных» в России 250 тыс. царских рублей.

Это принципиально совпадает с теми обвинениями, которые были предъявлены Литвинову уже после войны. Ведь на основании беспристрастных записей службы подслушивания МГБ СССР его обвинили в том, что он детально объяснял американским и британским дипломатам, как нужно себя вести с советскими властями, чтобы непременно добиваться выгодных США и Великобритании результатов, Нечего сказать, «кристально честный ленинский гвардеец»!..

Психически ненормальный человек с тяжелой наследственностью. Один только его псевдоним чего стоит! Ведь Раскольников — фамилия убийцы из известного романа Ф. Достоевского. Настоящая же фамилия этого психопата — Ильин. Разве нормальный человек возьмет себе в качестве псевдонима фамилию убийцы, пускай даже и книжного?! Попробуйте себе представить человека под псевдонимом, например, «Чикатило» — вот то-то и оно... Тем не менее этот прирожденный психопат под патронажем Троцкого («бес», между прочим, на глазах у Раскольникова открыто сожительствовал с его женой — Ларисой Рейснер) пошел «в гору». С подачи же «беса» угодил в британский плен — англичане вывезли его к себе на острова, а всех остальных захваченных вместе с ним моряков расстреляли. Судя по всему, там, в Англии, предусмотрительная британская разведка завербовала Раскольникова на перспективу. В его вербовке принимал участие знаменитый британский разведчик Брюс Локкарт, а также уже упоминавшийся выше Реджинальд Липер. По возвращении из плена, а за него, между прочим, особенно ходатайствовал его тесть — Михаил Рейснер, тесно связанный с российскими и зарубежными масонскими кругами, — некоторое время командовал Реперткомом, где «прославился» лишь одним — едва не застрелил знаменитого писателя М. Булгакова за то, что тот посмел ему возразить. После того как Литвинов побывал в США, где выступил перед Советом по внешним сношениям, он потребовал его обратно на дипломатическую службу, и уже в самом начале 1930 г. в Эстонии появился новый советский посол — Федор Раскольников. Прибалтийские страны тогда очень интересовали Великобританию. К 1930 г. уже открыто стоял вопрос об участии вооруженных сил Эстонии в нападении на СССР консолидированными силами Запада. Самое время для британской разведки занять своего человека в такой точке. И Литвинов сделал это. К Раскольникову на связь в Таллин часто приезжал Брюс Локкарт, а также знаменитая Мария Будберг — не столько любовница Горького, сколько агентесса британской разведки, умудрявшаяся одновременно сотрудничать и с советской разведкой. Затем была Дания, где в период пребывания Раскольникова почему-то один за другим происходили провалы советских разведчиков. Вину за их собственные упущения снять невозможно. Но и не заметить странного совпадения времени этих провалов с пребыванием там Раскольникова — тоже. Ведь он очень многих знал и в военной разведке, и в ИНО ОГПУ, и в Коминтерне. А тихий Копенгаген был

перевалочной базой для советских спецслужб. К концу первой половины 30-х гг. для Великобритании резко обострился вопрос Балкан. И, как по заказу, Литвинов направляет послом в Болгарию все того же психопата Раскольников. Брюс Локкарт частенько навещал его в Софии. Кстати говоря, к Раскольникову в Софию приезжал и в скором будущем беглый предатель из разведки, такой же соучастник антисталинского заговора Вальтер Кривицкий (Самуил Гершевич Гинзбург): Это было наигрубейшим нарушением правил разведки — ведь Кривицкий был разведчиком нелегалом, резидентом нелегальной резидентуры и открыто контактировать с официальными советскими представителями за рубежом не имел права. Но дело-то еще и в том, что Кривицкий был под «колпаком» британской разведки — тот же Локкарт откровенно «пас» его в связи с тем, что Кривицкий в Голландии контактировал с промонархически настроенными германскими генералами-заговорщиками и с самим экскайзером, за которым и приглядывал» Локкарт. В 1937 — 1938 гг. ярый троцкист-оппозиционер Раскольников, наконец, сообразил, что и его вот-вот разоблачат — НКВД СССР уже шел по его следу, ибо к тому времени благодаря разведке стали поступать весьма красноречивые данные из Лондона. И, будучи патологическим психопатом, постоянно пребывавшим в диком страхе перед неумолимым возмездием, Раскольников с помощью тех же англичан бежал со своего поста в Софии и перебрался во Францию, где на их же средства некоторое время снимал фешенебельную виллу в Ницце. Чуть позже, свихнувшись окончательно, предатель не без помощи бриттов угодил в местный дурдом, со второго этажа которого и сиганул вниз головой, покончив жизнь самоубийством. Похоже, что бриттам он уже надоел, так как толку от него как от агента было мало — ну, они и «помогли» ему, вниз головой-то... Однако его имя было использовано для распространения очередной фальшивки — «Открытого письма Сталину», которое на редкость ювелирно точно совпало с иной акцией британской разведки — публикацией в США книги предателя, Вальтера Кривицкого.

В 70-х гг. XX в. ЦРУ устроило «ремейк» — заместитель Генсека ООН, доверенное лицо самого А. А. Громыко — Аркадий Шевченко (несколько лет назад сдох в Америке) — был завербован американцами и длительное время передавал им наисекретнейшую информацию!

Использовано подлинное дореволюционное название.

Правда, первоначально Энгельс опубликовал эту статью в журналах — германском *Die neue Zeit* и английском *Time*. Публикации имели место в 1890 г.

Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. М., 1957. С. 289 — 306

311

Запрос Адоратского в Политбюро о разрешении на публикацию был датирован 18 июля 1934 г.

Застольные речи Сталина: Документы и материалы // Сост. Б. А. Невежин. М., 2003. С. 78.

Омар *Хайям*. Строки из рубаи этого великого поэта Востока использованы в названии глав 1 — 6 данного раздела.

Цит. по: *Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии.*
1941 год. М., 2001. С. 67.

Ланциков А. Черда окуянных дней. М., 1998, стр. 150 (автор, в свою очередь ссылается на журнал «Родина», 1991, № 6 — 7).

Первым «искреннюю» заботу об удвоении, а затем и утроении количества германских дивизий проявил не Гитлер, а премьер-министр Великобритании Д. Макдональд, представивший 16 марта 1933 г. проект соответствующей конвенции Женевской конференции по всеобщему разоружению! Ну не «демократ» ли, мать его..?! (См.: Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 6. М., 1934. С. 71), Даже Гитлер — уж на что был негодяй-авантюрист — и то пошел на такой шаг лишь 16 марта 1935 г. А британский премьер вон когда еще «заботу» стал проявлять!

Мотов *В. С.* *НКВД* против Абвера. М., 2005. С. 87.

Данные о первоначальных сроках планировавшейся Гитлером войны приводятся по: *Картье Р.* Тайны войны. После Нюрнберга. Загадки Третьего рейха. М., 2005. С. 38.

Цит. по: *Полторак А., Зайцев Е.* Рурские господа и вашингтонские судьи. М., 1968. С. 66 — 67.

С этим связано, например, высказанное в приватной беседе с Р. Зорге мнение его «друга» — германского военного атташе О. Отта. Возвратившись из командировки в рейх, он рассказал, что Германия может рискнуть начать серьезную войну не раньше, чем через четыре года, о чем Рамзай и сообщил в одной из январских телеграмм 1937 г. См.: *Горбунов Е. А. Схватка с черным драконом*, М., 2002. С. 284.

Цит. по: *Овсяный И.* 1939: последние недели мира. М., 1981. С. 103. Аббревиатура «ГРУ» появилась только с 16 февраля 1942 г. Здесь и далее в тексте она использована всего лишь по соображениям удобства восприятия текста современными читателями, которым понятие ГРУ хорошо известно.

О том, что Шуленбург был опытным разведчиком-агентуристом со специализацией по России, не слишком-то широко известно. Фридрих Вернер фон Шуленбург был один из наиболее крупных и опытнейших германских разведчиков того периода, специалистом по Закавказью, особенно по Грузии, где начинал свою разведывательную карьеру еще в царские времена, в 1911 г., став вице-консулом Германской империи в Тифлисе. В годы Первой мировой войны, естественно, отсутствовал в России, однако уже в 1918 г. вновь появился в Закавказье в качестве главы дипломатической миссии при командующем германскими оккупационными войсками генерале фон Крассе. Еще с дореволюционных времен располагал мощной, широко разветвленной и глубоко законспирированной агентурной сетью в Закавказье. В начале 1914 г. царской контрразведке каким-то образом удалось изъять у Шуленбурга записную книжку со многими фамилиями лиц, проживавших в Закавказье, и сфотографировать ее. Война, правда, помешала изобличить их всех, а после октября 1917 г. этим и вовсе никто не занимался. Но вот что интересно — изъятый у него еще царской контрразведкой список лиц впоследствии полностью совпал со списком лиц, разоблаченных уже советской контрразведкой в шпионаже в пользу нацистской Германии. Шуленбург был и высококлассным специалистом по части организации и структурирования сепаратистских движений в Закавказье и на Северном Кавказе. Назначая его послом в СССР, Гитлер учитывал эти особенности служебной биографии Шуленбурга. Но и Сталин обратил на это внимание и как минимум дважды обыграл это обстоятельство в своих интересах: в 1935 г. назначил торгпредом в Берлин своего земляка Д. В. Канделаки, а перед войной — тоже земляка, В. Деканозова, отправил послом в Берлин, заведомо зная, что служба последнего в разведке известна нацистам.

Germany and Czechoslovakia. Documents. London, 1939. P. 363.

Цит. по: *Кремлев С.* Запад против России. Россия и Германия: Путь к Пакту. М., 2004. С. 228.

К концу 1938 — началу 1939 г. бандерлоги «западной демократии» сообразили, что «коричневая подлюга» попросту «кинула» их. Хуже того — вознамерилась повернуть свой вермахт против Запада. Тут же стала суетиться и «святая лиса» — иницировав издание какой-то брошюры от имени британского губернатора Египта (а этот-то тут при чем?), Галифакс наката к ней предисловие, в котором и обвинил Гитлера в «клятвопреступлении» (см.: Вопросы истории, 1989, 1989, № 4, стр. 182 — 183). Что касается выражения «святая лиса», то тут все дело в том, что фамилия лорда — Галифакс — на английском языке очень созвучна английскому же выражению «святая лиса»: HALIFAX — HOLY FOX. Острые на, язык и перо британские журналисты воспользовались этим созвучием, тем более что оно было более чем уместно. Галифакс и в жизни был такой, а уж на посту главы британского МИДа — не приведи Господь. Любопытно и американское восприятие «клятвы» Гитлера напасть на СССР как на «врага западной цивилизации». Заокеанские бандерлоги «демократии» провозгласили «коричневую подлюгу»... «человеком года» по итогам 1938 г. Об этом радостно сообщил журнал «Тайм» в своем номере от 2 января 1939 г. До этого такой чести удостоивались только президент США Франклин Делано Рузвельт и великий индийский гуманист Махатма Ганди. По заокеанским меркам такая компания — в самый раз для Адольфа. Журнал был столь любезен, что нагло пожелал Гитлеру сделать «1939 год таким, о котором мы еще долго будем вспоминать». Зловеще пророческое пожелание! Каждое 1 сентября каждого года весь мир судорожно икает, вспоминая начало Второй мировой войны.

Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. 3. М., 1997. С. 286.

Иванов В. М. Маршал М. Н. Тухачевский. М., 1986. С. 309.

Термин «блицкриг» появился только в сентябре 1939 г., причем не в военных документах, а в открытой печати. До этого повсеместно использовался легендарный со времен Шлиффена термин «молниеносная война».

Речь идет о книге «Будущая война» (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 682 — 688). Как начальник Штаба РККА, Тухачевский принял самое активное участие в ее подготовке. В 1996 г. она была переиздана Военной академией Генерального штаба Вооруженных сил РФ.

Тухачевский опубликовал ее под псевдонимом ТАУ!. Зачем? Что могло угрожать и угрожало ли вообще ему, одному из самых высокопоставленных советских военных того времени, чтобы пойти на такой шаг? Почему ему понадобилось укрыться за псевдонимом, который легко был идентифицирован, например в той же Германии с его же именем? Что он хотел сказать таким своим шагом? Особенно если учесть, что в этой статье он попросту сформулировал основополагающие постулаты концепции блицкрига?! Кому была адресована статья такого содержания, подписанная псевдонимом ТАУ? Тут ведь вот в чем дело-то: в прошлом в мире разведок были нередки случаи знаковых публикаций в печатных СМИ, причем как со стороны сотрудников разведок, так и их агентуры, в том числе и под знаковыми псевдонимами, понятными только для конкретных двух сторон. Так вот что же должна была означать эта публикация, тем более при указанном выше ее содержании, да еще и под псевдонимом ТАУ, к тому же накануне его выезда в Германию?!

Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1981. С. 32

А. Жомини (1779 — 1869), по происхождению швейцарец, профессиональный военный, военную службу начал еще в швейцарской армии, где был одним из организаторов национальной милиции (вооруженного ополчения). С 1804 г. перешел на французскую военную службу и участвовал в ряде наполеоновских походов. С 1803 г. стал разрабатывать вопросы военной теории и истории, оставаясь одновременно начальником штаба одного из ближайших сподвижников Наполеона — маршала Нея. В 1807 — 1809 гг. издал «Трактат о больших военных операциях», который был написан на основе детального изучения опыта Семилетней войны 1756 — 1763 гг. и первых кампаний Наполеона. Из-за сильных трений и преследований со стороны А. Бертье — начальника штаба Наполеона — А. Жомини вступил в переговоры о переходе на русскую военную службу, что и осуществил после разгрома Наполеона в 1813 г. Естественно, что А. Жомини попал в поле зрения русской военной разведки. Блестящий русский офицер, военный разведчик и личный порученец Александра I — Александр Иванович Чернышев установил с А. Жомини очень близкие, конфиденциально-доверительные отношения. Настолько близкие, что когда за несколько недель до нашествия Наполеона Чернышев возвратился в Санкт-Петербург, у него в руках был очень толстый портфель, до отказа набитый подробными планами развертывания «великой армии» Наполеона (Жомини к тому времени был уже при Наполеоне)! Так что Барклай-де-Толли — военный министр Российской империи — отнюдь не на пустом месте разрабатывал свой знаменитый план обороны России. Однако, несмотря на всю колоссальнейшую важность для того времени привезенных А. И. Чернышевым документов, куда более важно иное. Как глубокий аналитик оперативного искусства французского полководца, А. Жомини предложил русской военной разведке, а соответственно и высшему военному командованию России один из наиболее эффективных способов противодействия нашествию французской армии в случае ее вторжения с рубежа р. Неман (кстати, с этого же рубежа полез и коричневый шакал). Вкратце суть этого способа заключалась в умышленном втягивании Наполеона в глубь России с тем, чтобы растворить» в ее бескрайних пространствах ударную мощь его армии, одновременно дробя и распыляя ее также и активными действиями сильных маневренных частей на растянутых коммуникациях армии Наполеона, по которым бы осуществлялось снабжение армии вторжения. На языке военных терминов XX в. А. Жомини

предложил вариант именно активной стратегической обороны и только затем мощное контрнаступление.

Как правило, об этой истории несут беспардонную чушь, что-де Сталину захотелось, видите ли, сравниться в своих амбициях с самим Наполеоном! Это традиционно тупая ложь кретинов от истории. Хотя бы потому, что Наполеон известен прежде всего как выдающийся полководец, и в этом смысле по состоянию на 1935 г. Сталину, даже если бы он и захотел того, просто нечем было сравниваться с Бонапартом. Сталин был реалистом-прагматиком, а не мечтателем-идеалистом! А вот что касается действительной причины, в силу которой он всячески поддержал Тарле, так она сама по себе открыто выпирает из существа того времени — ведь Гитлеру впервые был дан карт-бланш на агрессию в восточном направлении! И не отреагировать Сталин просто не мог.

Использование постулатов именно этой доктрины и привело впоследствии к кровавой трагедии 22 июня 1941 г. У генералов что-то было не в порядке со слухом — даже дикий грохот бомбежек и артиллерийской канонады 22 июня 1941 г. и то не сразу прочистил им слух, не говоря уже о мозгах. Более подробно этот вопрос освещен в моих книгах «22 июня. Правда Генералиссимуса» (М., 2005) и, особенно, «Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена? Правда Сталина» (М., 2006).

Якобсен Г. А. 1939 — 1945. Вторая мировая война. Хроника и документы: Пер. с нем.// Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С. 24.

Лота В. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 27.

Документы Внешней Политики СССР. Т. XX. М., 1976. С. 344.

В среде германских астрологов присутствовало и недреманное око Сталина. Им был очень близкий к заместителю Гитлера по партии, Рудольфу Гессу, талантливый ученый-астролог, граф Сергей Алексеевич Вронский (1915 — 1998). С детства блестяще владевший астрологией, хиромантией, магией, обладавший отличными способностями к гипнозу и психотерапии и являвшийся прекрасным экстрасенсом-медиком, граф был близко знаком с верхушкой Третьего рейха, поддерживал дружественные отношения с личным астрологом Гитлера Карлом Эрнстом Крафтом. Как это явствует из весьма скромных описаний его жизненного пути, граф был занят информационным освещением наиболее скрытой от посторонних глаз части нацистского режима — его связей с оккультными силами, в том числе и связей по оккультным каналам с наиболее могущественными закулисными силами Запада. Граф входил и в круг членов тайного общества «Врил», создателем и главой которого являлся легендарный германский геополитик Карл Хаусхофер, и, судя по всему, имел какое-то отношение к проекту рейхсфюрера СС Гимmlера «Аненербе» («Наследие предков»). Именно С. А. Вронский весной 1938 г. сообщил об особо секретном совещании астрологов, которое рекомендовало Гитлеру определить время нападения на СССР на 1941 г. В практике советской разведки история графа не единственная. В составе, например, разведгруппы Харро Шульце-Бойзена была профессиональная ясновидящая Анна Краус, внесшая неоценимый вклад в нашу Победу. Такими же способностями обладала и другой член этой же группы — Ода Шотт-Мюллер.

Public Record Office, Cab, 24/251. P. 1.

Public Record Office, Caб, 24/251. P. 2 — 4, 10.

Глава делегации США на конференции по разоружению Н. Дэвис во время встречи с Гитлером наущал его следующими словами: «Лучший способ добиться ревизии заключается не в том, чтобы все время говорить об этом публично, а в том, чтобы, действуя спокойно, использовать конференции и комиссии для того, чтобы добиться исправления то тут, то там различных постановлений договора».

Это «заслуга» сотрудника британской разведки Сэмюеля Хора. До этого он изрядно засветился в преступлении против России — организации так называемой февральской революции. С. Хор, однако, не знал, что с Муссолини работала и царская разведка, правда, в основном через финансовых агентов. В архиве царского Министерства финансов хранилось пухлое досье на Бенитушку, как его называл Ленин. После установления дипломатических отношений между СССР и Италией в 1924 г. досье бесследно исчезло...

Овсяный И. Д. Тайна, в которой рождалась война. М., 1975. С. 32.
Обратите внимание на то, что и болтавший с английской подачи Муссолини тоже имел в виду 1943 г. как время завершения перевооружения Германии.

Там же. С. 35 — 36.

Доклад Тухачевского Ворошилову, 11 января 1930 г. // РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 170. Л. 15; Записка Тухачевского, без даты // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 155. И. 13; РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 65. Л. 1. Что это предложение «стратега», что другое — о создании в мирное время армии из 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 артиллерийских дивизий, 225 пулеметных батальонов — чистой воды провокация и в отношении внутренних проблем СССР. В стране самый разгар коллективизации, идет ожесточенная, инспирируемая троцкистским подпольем борьба на селе, и в этот момент «стратег» предлагает высшему руководству СССР программу сверхмилитаризации, согласно которой в армию следовало призвать несколько миллионов до крайности озлобленных пропагандой троцкистов и прочей оппозиции крестьян?! Зачем?! А затем, что «стратегу» нужно было «пушечное мясо» для организации военного переворота в стране! И ни о чем другом эти его предложения не свидетельствуют! Как и его «патрон» — «бес мировой революции», Тухачевский прекрасно понимал, что в армии не хватает «горючего материала», чтобы она «сдетонировала» как бы естественным образом. Вот и решил под предлогом заботы о развитии вооруженных сил и укреплении обороноспособности страны добавить «взрывчатки» в армии.

Обвинения в банальном шпионаже — это не про него. Слишком высок был его уровень в советской военной иерархии, чтобы в работе с ним тевтоны опустились до тривиального шпионажа. Хотя одновременно он был также и информирующим агентом влияния. Но основная его задача состояла прежде всего в оказании выгодного для германского генералитета влияния на строительство советских вооруженных сил, на их тактику и стратегию. И практически во всех своих деяниях, о которых стало известно, выступал прежде всего как агент стратегического военно-политического влияния, хотя и не гнушался передачей секретных сведений германским коллегам по заговору в необходимых для них случаях.

ЦА ФСБ РФ, АСД № Р — 9000 на Тухачевского М. Н. и других. Том «Судебное производство. Обвинительное заключение от 9 июня 1937 года», л. 12.

Documents on German Foreign Policy, 1918 — 1945. Series C, vol. III.
Washington, 1957. P. 640.

Contemporary Review. 1935. January. P. 106 — 107.

351

Times, 1.11.1935.

Овсяный И. Д. Тайна, в которой рождалась война. М. 1975. С. 319.

Public Record Office, Cab, 24 260. P. 4, 6, 10.

Ibidem. P. 1 — 2.

Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 347 — 348.

356

Public Record Office, Cab, 24/268. P. 5, 7, 8.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 50. Л. 8.

Речь идет об операции по подставе от имени некоей «контрреволюционной организации» в СССР агента советской разведки Гутмана — он же Александр Матвеевич Добров, в то время старший инженер текстильного директората ВСНХ РСФСР, — одновременно и одному из руководителей Национал-социалистической рабочей партии Германии — Альфреду Розенбергу, и британской разведке. См.: Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. 2. М., 1997. С. 196 — 201.

Операция «Тарантелла» вообще завершилась поразительно странным результатом. Вместо подставы и внедрения в агентурную сеть британской разведки — хотя формально все так и выглядело — получилось, что обеспечили британскую разведку в лице ее агентурной группы во главе с В. Богомольцем столь надежной агентурой, что она еще и в 1939 г. после всех чисток обеспечивала бриттов уникальной информацией. См.: Родина. 1993. Октябрь; Кремлев С. Запад против России. Россия и Германия: Путь к Пакту. М., 2004. С. 457 — 458; Соцков Л. Ф. Операция «Тарантелла». М., 2000.

К слову сказать, совершенно неизвестно, что уже после привода Гитлера к власти германские военные проходили стажировки в британской армии, в том числе и в британских ВВС. Советы же прекратили всякое сотрудничество в военной сфере сразу же после привода Гитлера к власти, а вот Великобритания — распахнула все двери для этого. Так что тем, кто сдуру-то «выковал фашистский меч» в СССР, надо внимательней изучать историю.

См.: *Кремлев С.* Запад против России. Россия и Германия: вместе или порознь? М., 2004. С. 316.

Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. 3. М., 1997.
Приложение № 1. С. 461 — 467.

Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. М., 1974. С. 235.

О Брайтенбахе см.: Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. 3. М., 1997. С. 338 — 350.

Кремлев С. Запад против России. Россия и Германия: путь к пакту. М., 2004. С. 89 — 90.

Там же. С. 103 — 104.

Кремлев С. Запад против России. Россия и Германия: путь к пакту. М., 2004. С. 104.

Кремлев С. Запад против России. Россия и Германия: путь к пакту. М., 2004. С. 105.

В находившуюся под эгидой Франции Малую Антанту входили Чехословакия, Польша, Румыния, Югославия и Болгария.

Дамаскин И. А. Сталин и разведка. М., 2004. С. 164.

Manchester W. The Caged Lion: Winston Spencer Churchill, 1932 — 1940. London, 1989. P. 114.

Мотов В. С. НКВД против Абвера. М., 2005. С. 54.

Архив внешней политики СССР. Ф. 05. Оп. 15. Д. 3. П. 88. А. 352.

Архив внешней политики СССР. Ф. 05. Оп. 15. Д. 3. П. 88. А. 352.

Советская разведка установила, что эту фальшивку во Франции распространяла именно британская разведка. См.: *Мотов В. С. НКВД против Абвера*. М., 2005. С. 54.

В 1936 г. умер великий поляк» XX века — окатоличенный белорус, но маршал Польши Пилсудский. Преследуя цель улучшения межгосударственных отношений Польши и СССР, Сталин объявил в стране государственный траур. Увы, когда имеешь дело с поляками, любые доброжелательные по отношению к Польше действия — все равно что мертвому припарки. Одно слово — поляки, пся крев.

О триаде речь идет в связи с тем, что между Францией и Чехословакией с 1924 г. действовал договор о взаимопомощи в отражении агрессии. Соответственно советско-французский договор 1935 г. плюс советско-чехословацкий договор 1935 г. плюс бессрочный франко-чехословацкий 1924 г. — как раз и получается триада.

16 октября 1925 г. в Локарно был подписан ряд взаимосвязанных договоров, главным из которых являлся Рейнский гарантийный пакт. Согласно этому договору, Германия, Франция и Бельгия обязались сохранять неприкосновенность границ между Германией и Францией и Германией и Бельгией, а также соблюдать постановления Версальского договора относительно Рейнской демилитаризованной зоны. В качестве гарантов выступали Англия и Италия. В случае нарушения статус-кво они должны были оказать в том числе и военную поддержку пострадавшей стороне.

Documents on German Foreign Policy, 1918 — 1945. Series C, vol. III.
Washington, 1957. P. 1018.

Сталин И. Беседа с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Роем Говардом 1 марта 1936 г. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 6 — 7. Кстати говоря, любопытно следующее. Беседа состоялась 1 марта 1936 г., то есть за неделю до того, как с прямой санкции Великобритании, в том числе и британского короля Эдуарда VIII, Гитлер реокупировал Рейнскую область.

Здесь уместен и упрек в адрес Сталина. Нельзя было доверять вопросы внешней безопасности таким деятелям, обладавшим столь односторонней ориентацией во внешнеполитических делах. Правда, в первой половине 30-х гг. у Сталина еще не было серьезных оснований подозревать их обоих в проведении двурушнической политики. К сожалению, это станет ясно достаточно поздно, когда что-либо изменить уже было невозможно. Уже налицо был Мюнхенский сговор Запада с Гитлером, и СССР только и оставалось, что пойти не столько даже на подписание советско-германского договора о ненападении, сколько на возникновение советско-германской границы, прекрасно понимая, что даже временно она не будет границей дружбы и сотрудничества.

«Коалиция против СССР». Доклад начальника Разведуправления РККА С. Урицкого наркомму обороны СССР К. Ворошилову, 6 — 7 декабря 1935 г.// РГВА, Ф. 33987. Оп. 3. Д. 740. Л. 170 — 180. Первый экземпляр был направлен Сталину.

В середине 30-х гг. обе советские разведслужбы неоднократно устанавливали факты серьезных утечек секретной и совершенно секретной оборонной информации за рубеж, прежде всего в Германию (в том числе и опосредствованно — через Латвию, Литву, Эстонию и Финляндию), Японию и Англию (через Польшу). Как правило, факты таких утечек были подтверждены документально. С 1935 по 1938 г. большую помощь в этом оказывала чехословацкая военная разведка. Естественно, что при получении подобных данных контрразведывательные подразделения НКВД начинали искать каналы утечки, прежде всего «кротов». В настоящее время только в открытой литературе описано не менее 20 таких случаев.

Колтакиди А. И., Прохоров д. П. КГБ: Спецоперации советской разведки. М., 2000. С. 368 — 376.

Мотов В.С. НКВД против Абвера. М.,2005, С. 55.

386

Ромм Владимир Георгиевич, 1896 г/р., сотрудник военной разведки СССР. Репрессирован 23.11.1936 г.

Цит. по: *Прудникова Е. А., Колпакиди А. М. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий.* М., 2006. С. 394.

Цит. по: *Прудникова Е. А., Колпакиди А. М. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий.* М., 2006. С. 402.

Там же. С. 406.

Прудникова С. А., Колтакиди А. И. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М., 2006. С. 404.

Прудникова С. А., Колтакиди А. И. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М., 2006. С. 454, 457, 458, 459. Вспомните о том, что Уборевич создал особо засекреченную штабную структуру в своем округе, которая именно в этих условиях и должна была перехватить командование войсками.

Прудникова С. А., Колтакиди А. И. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М., 2006. С. 471. Следует напомнить, что, судя по всему, именно с этим связано то обстоятельство, что как Якир, так и Уборевич в течение 1936 г. неоднократно отказывались от очень лестных предложений советского руководства о повышении с переводом в Москву — исходя из задач заговора, им важно было оставаться в своих округах.

Цит. по: *Кантор Ю.* Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 406—407. Обратите внимание на то обстоятельство, что допрос производился высшими прокурорскими чиновниками СССР, без участия следователей НКВД. Тухачевский спокойно мог заявить претензии или же вообще отказаться от всего, как это делали многие как на суде, так и на допросах, а также в письменных апелляциях на имя Сталина, руководства НКВД и Прокуратуры. Однако он этого не сделал. Более того, он и на суде ни о чем подобном тоже не заявил. Кстати говоря, ни о чем подобном на суде не заявляли и его подельники.

Прудникова Е. А., Колтакиди А. И. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М, 2006. С. 503.

Судебный отчет о процессе по делу правотроцкистского центра. 2 — 13 марта 1938 г. Материалы Военной коллегии Верховного Суда СССР. Репринт с издания 1938 г. М., 1997. С. 217 — 218, 222.

Там же. С. 245.

Судебный отчет о процессе по делу правотроцкистского центра. 2 — 13 марта 1938 г. Материалы Военной коллегии Верховного Суда СССР. Репринт с издания 1938 г. М., 1997. С. 476.

Овсяный И. Д. 1939: последние недели мира. М., 1981. С. 25; *Дамаскин И. А.* 100 великих разведчиков. М., 2001. С. 94.

Лота В. «Альта» против «Барбаросса». М., 2004. Ч.III — «Варшавская пятерка» и «Ариец». С. 145 — 193.

400

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1124. И. 55.

Documents Diplomatiques Francais (далее — DDF). Paris, 1966. 2 ser. (1936 — 1939). T. 3. P. 513; «URSS, Manoeuvres de Russie blanche de september 1936». Schweisguth, 5 octobre 1936, SHAT 7N 3184.

Cotton J. Leon Blum: Humanist in Politics. N.Y., 1966. P. 211.

DDF. 2 ser. (1936 — 1939). T. 3. P. 513 — 514.

История КПСС. М., 1971. Т. 4, кн. 2. С. 301.

Cotton J. Op. cit. P. 211, а также: Les Evenements survenus en France. Paris, 1951. T. 3. P. 128.

Notes de Schweisguth, 22 octobre, 4 december, 1936, Paris, Archives nationale (AN), Papiers Schweisguth, 351 AP/3; Запись беседы наркома иностранных дел СССР с послом Франции Кулондром, Литвинов, 10 ноября 1936 г.//Документы внешней политики СССР Т. XIX. М. 1973. С. 550 — 551.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 869. Л. 43.

Кремлев С. Запад против России. Россия и Германия: Путь к Пакту. М., 2004. С. 158. В этом смысле очень характерно заявление министра авиации Франции — Пьера Кота (доверительная связь советской разведки под псевдонимом «Дедал»), сделанное вскоре после аншлюса Австрии. Во всеуслышание он заявил, что Чехословакия — авиамамка против Германии (в те времена вместо термина «авианосец» очень часто использовали термин «авиамамка»). Если учесть, что в порядке оказания помощи Чехословакии в соответствии с договором о взаимопомощи от 16 мая 1935 г. и впрямь планировалось (но не афишировалось) размещение самолетов ВВС РККА на ее аэродромах, то такое заявление якобы друга СССР вылилось в форменную провокацию, так как привело к очередному осложнению в советско-германских отношениях.

М. Кольцов (Фридлянд) был тесно связан с военной разведкой, прежде всего с ее руководством. Как известно, многие из руководства военной разведки «загремели» на Лубянку по делу Тухачевского. Не миновала сия чаша и самого М. Кольцова.

Семенов Ю. Ненаписанные романы. М., 1990. С. 183.

Замойский А. Массонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 334.

В процессе допросов было установлено, что Нелидов сотрудничал также и с британской разведкой. В связи с этим возникла идея перевербовать его, а затем использовать для противодействия чрезмерно разошедшейся с началом войны британской разведке и ее агентуре в СССР.

Roberts G. The Unholy Alliance. London. 1989. P. 97.

McMurry D. S. Deutschland und die Sowjetunion, 1933 — 1936.
KollnWien, 1979. P. 320 — 321.

Как видите, французы по любым каналам стремились проверить данные о заговоре Тухачевского и его связях с германским генералитетом.

Архив полковника Кристи хранится в Кембридже в Черчилльском колледже (Christie Papers, Chr, 1/17, pp. 79 — 80, 89; 1/18). В донесении от 11 ноября Фил сообщал о том, что рейхсвер считает Россию лучшим союзником Германии, но препятствием к этому союзу являются Гитлер и Сталин. Обратите внимание на то, что агент британской разведки Фил так же, как и Сталин, оперирует термином «рейхсвер», хотя к моменту этого сообщения он уже полтора года как был переименован в вермахт. То есть агент открыто давал понять, что германские заговорщики принадлежат к касте рейхсверовских офицеров.

Diest W. Militar, Staat und Gesellschaft: Studien zur preubetaischdeutsche Militargeschichte. München, 1991. S. 326. По этому плану только в мобилизационный период 1940/41 г. должно было завершиться формирование полевой армии в составе 72 пехотных, 3 танковых, 3 легких дивизий, 21 дивизии ландвера (ополчения), а также 7 танковых, одной кавалерийской и 2 горнострелковых бригад ландвера. Что же касается армии военного времени, то на этот же период планировалось создать необходимые условия для того, чтобы Германия смогла выставить 102 дивизии (то есть поставить под ружье более 2,6 млн. человек).

Едва ли не в первоизданном виде этот план «выплыл» в трагедии 22 июня 1941 года. См. мою книгу Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена? Правда Сталина!». М., 2006.

См. мою книгу Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена? Правда Сталина!». М., 2006.

421

Там же

Сект прекрасно знал, что Фрич возглавляет заговор германских генералов против Гитлера и находится в контакте с руководством советской части «двойного заговора», потому и завещал ему один экземпляр.

Чрезвычайно интересный аспект. Похоже, что Сект намекал на то, что эти деятели могут быть полезны.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1036. Л. 126 — 128.

Там же. Л. 235 — 236.

Между прочим, Север России и его богатства антисталинская оппозиция обещала отдать также и Великобритании, в контакты с представителями которой она тоже вошла. «Наследники» Ильича, как и сам их «кумир» и «вождь», просто физически не могли не вести двойную, а нередко еще и тройную игру. Все это выяснилось на процессе по делу правотроцкистского блока в марте 1938 г.

Цит. по: *Овсяный И. Д. Тайна, в которой рождалась война. М., 1975. С. 176.*

Цит. по: *Овсяный И. Д. Тайна, в которой рождалась война. М., 1975. С. 139.*

Tabouis G. They called me Cassandra. XX., 1942. P. 257.

Gamelin M. Le prologue du drame (1930 — aoun 1939). Paris, 1946. P. 195.

Минаков С. Сталин и его маршал. М., 2004. С. 483.

Gamelin M. Op. cit. P. 195.

Теодор Оберлендер был одним из главных специалистов германской военной разведки по восточному вопросу». Не без помощи полностью разделявших его взгляды Н. Бухарина и К. Радека обосновал причины военных неудач Белого движения, которые, по его мнению, проистекали из недостаточного внимания к национальным устремлениям народов России и нерешенности вопроса о земле. С подачи этих оппозиционеров Оберлендер придерживался той точки зрения, что народы Кавказа устали от политического угнетения русскими и что в этой связи необходимо создание добровольческих воинских формирований, которые сами освободят свои страны. То есть, в сущности-то, Бухарин и Радек надоумили его, а через него и германскую военную разведку, как надо структурировать сепаратистские настроения в этих регионах Советского Союза, чтобы добиться сепаратного распада последнего. В 1934 г. К. Радек имел особо конфиденциальный разговор с Т. Оберлендером, в котором участвовал также и гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох (во время войны — палач Украины), во время которого обсуждались вопросы содействия пророссийски настроенным военным кругам Германии в организации антисоветского военного переворота в СССР. Все контакты и беседы К. Радека с Т. Оберлендером и другими германскими представителями четко фиксировались советской контрразведкой, однако из-за предательской политики участвовавшего в заговоре наркома НКВД Г. Ягоды этим данным не был дан ход. Лишь только после снятия Ягоды с этого поста Радеку и Бухарину четко припомнили все эти контакты с немцами, вследствие чего оба обоснованно были обвинены в сотрудничестве с германской военной разведкой. См.: Совершенно секретно. 2006. № 2, а также *Абрамян Э. Кавказцы в абвере*. М., 2006. С. 81 — 82.

Кстати, обратите на это внимание. Ведь это же полностью совпадает и с действиями антисталинской оппозиции. Та тоже хотела заранее заручиться поддержкой западных держав. Вообще же оппозиции в любом государстве, тем более ориентированные на свержение центральной власти, как правило, вступают в контакт с заинтересованными в этом силами, преимущественно спецслужбами зарубежных государств. Это старинная, едва ли не от сотворения мира аксиома оппозиционной деятельности. Без поддержки извне оппозиция не может действовать. Для примера взгляните хотя бы на нашу современную, так называемую либеральную, оппозицию. Ведь пробу же негде ставить — настолько тесно они связаны как со спецслужбами западных стран, так и с различными политическими и финансово-экономическими кругами западных государств!

Колвин И. Двойная игра. М., 1960. С. 33.

Показания Артузова цит. по: *Ильинский М. М. Нарком Ягода. М., 2002. С. 293.* Кстати говоря, в своих показаниях Артузов подтвердил и факт связи Радека с А. Розенбергом, а также то, что именно К. Радек вел прямые переговоры с немцами от имени заговорщиков.

Во время следствия никаких вопросов о РОВСе Тухачевскому не задавали. Некоторые из этого делают вывод, что Тухачевский действовал по поручению Сталина. Но это предположение в самой своей основе — уже форменный бред! Что такое РОВС, чтобы Сталин хотя бы просто задумался над тем, чтобы использовать его каналы в имевшей колоссальнейшее значение крупной политической игре?! Да попросту ничто! Да и не тот уровень, чтобы Сталин снизошел до какого-то там РОВСа. Меру-то и в версиях надо знать. А вопросов о РОВСе не задавали по одной простой причине — из-за конспирации. Иначе Скоблин был бы расшифрован.

Treffler G. Zur Ingolstadter des Sowjetmarschalls M.N. Tuchatschewski // Sammelblatt des Historische Vereins Ingolstadt 89 Jahrgang, 1980. S. 250. Непонятным образом германский автор по состоянию на 1980 г. цитирует материалы совершенно секретного в то время архивного следственного дела на Венцова-Кранца, хранившиеся тогда в архиве КГБ СССР.

Цит. по: Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи/
Сост. М. Лобанов. М., 1995. С. 331 — 332.

Цит. по: Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи/
Сост. М. Лобанов. М., 1995. С. 331 — 332.

Тухачевский и Уборевич — Ворошилову, 10 февраля 1934 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 400. Л. 123 — 125.

Bayer. Hauptstaatsarchiv München, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Brig. N119/1 von 1917 «Abtschrift».

Blombergs P. Privates Archiv. «Reise des Chefs des Truppenamts nach Russland» (August/September, 1928). S. 14 — 16, 46.

См. мою книгу «Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена? Правда Старина». М., 2006. С. 446.

«Естественно», что Путна встречался не только с представителями белой эмиграции, но и троцкистами. Прежде всего с сыном Троцкого — Львом Седовым, от которого привез письмо Тухачевскому. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р-9000 на Тухачевского М. Н. и др. «Следственное дело». Протокол допроса Тухачевского от 26 мая 1937 года, т. 1, л. 15.

Бушков А. Красный Монарх. М., 2004, С. 396 — 397. Одновременно следует указать, что эта агентура не осталась нераскрытой, хотя, к сожалению, ФСБ и считает, что пока еще не настало время назвать всех поименно. После прихода на Лубянку выдающегося аса разведки и контрразведки — Лаврентия Павловича Берия — большая часть этой агентуры была вычислена и ликвидирована в период с середины 1939 г. по 22 июня 1941 г. Другая часть была вычислена личной контрразведкой Сталина и тоже ликвидирована. Но, увы, не все...

Уроженец Киева, недоучившийся студент-медик, служил в разведке у белых — в деникинском ОСВАГе (Осведомительное агентство при штабе Деникина, являвшегося тогда Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России), в эмиграции стал сотрудничать с британской разведкой, его вербовку осуществил региональный резидент СИС в Восточной и Юго-Восточной Европе — Гарольд Гибсон. В. Богомолец был близким родственником известного в те времена советского ученого-геронтолога Богомольца.

Кремлев С. Запад против России. Россия и Германия: Путь к Пакту. М., 2004. С. 457 — 458, а также журнал «Родина». 1993. Окт.

Дамаскин И. А. Сталин и разведка. М., 2004. С. 178.

Foot M.R. D. Churchill and the Secret Services. London, 1989. P. 13;
Stafford D. Churchill and Secret Service. London, 1997. Chapter 8.

Irving O. Churchill's War. Vol. I. Australia, 1987. Chapter VI; Молодяков В. Э. Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М., 2004. С. 191.

Операция, которую Сталин назвал «Клубок», началась в первых числах января 1935 года. Брат первой жены Сталина — председатель правления Внешторгбанка А. С. Сванидзе, сообщил, что в Кремле возник заговор. Цель — совершение государственного переворота. Во главе заговора председатель ВЦИК СССР А. С. Енукидзе и комендант Кремля Р. А. Петерсон. Заговорщики собираются арестовать руководящую пятерку (узкое руководство), то есть Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе. Переворот планировался «дворцового типа» Руководство должно быть арестовано либо на квартирах, либо в кабинете Сталина во время одного из заседаний. Наилучшим вариантом считался арест в кинозале Кремля на втором этаже Кавалергардского корпуса. Переворот должен быть осуществлен силами Кремлевского гарнизона. Для ареста узкого руководства уже подготовлены абсолютно надежные, готовые на все пятнадцать человек. Как правило, эту информацию называют доносом. Причем даже в тех случаях, когда приводят беспрецедентно убедительные, с прямой ссылкой на особо секретные ранее архивы Политбюро данные о том, что этот заговор действительно имел место быть. Так что называть его доносом нет ни малейших оснований. Тем более что все это подтверждается данными следствия и судебных процессов.

Кремлев С. Запад против России. Россия и Германия: Путь к Пакту. М., 2004. С. 163.

' РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 873. Л. 182.

С британской королевской семьей тесные связи поддерживал и барон де Ропп. Его главным конфидентом в королевской семье был яро пронацистски настроенный герцог Кентский. Однако если исходить из дневника Альфреда Розенберга, де Ропп напрямую контактировал и с самими королями — как Георгом V, так и Эдуардом VIII, а затем и Георгом VI. Как правило, де Ропп лично передавал в обе стороны доверенную ему информацию — например, от Гитлера королю и, наоборот, — от короля лично Гитлеру.

457

Совершенно секретно. 2003. № 4. С. 26.

Жуков Ю. Н. Иной Сталин. М., 2003. С. 256 — 258.

Там же.

Для Запада такой сценарий еще и тем был негативен, что как британская, так и французская разведки располагали достоверными данными о тайных связях троцкистов с абвером, по заданиям которого и действовали. Советская разведка располагала сведениями как о подобной осведомленности британских и французских «коллег», так и о действиях абвера на этом направлении. *Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 88, 168.*

Цит. по: Известия. 1934. 24 мая.

Гото Симпей давно проявлял значительный интерес к созданию геополитического альянса между Германией, СССР, Китаем и Японией, острие которого было бы направлено против Британской империи. Г. Симпей являлся одновременно и фактором участия в этом закулисном процессе определенных заинтересованных сил в Германии, персонифицировавшихся в К. Хаусхофере и его идеях континентального блока. Г. Симпей и К. Хаусхофер были давно знакомы и поддерживали очень тесные личные и деловые контакты. Именно они по своим закулисным каналам влияния сдвинули с «мертвой точки» процесс нормализации советско-японских отношений в 1924—1925 гг., что в итоге привело к возобновлению дипломатических отношений между СССР и Японией уже весной 1925 г. Г. Симпей объединил свои усилия с могущественнейшим в закулисной политической жизни тогдашней Японии главой «Общества Черного Океана», «Великого Общества Национального Духа» и «Общества Черного Дракона» — Тоямой Мицурой. Последний был близок с К. Хаусхофером, а тот, в свою очередь, дал советским представителям выходы на конфиденентов Тоямы Мицуры. Кроме того, в течение многих лет Тояма Мицура был тесно связан и с китайским лидером Сунь Ят Сенем и с основателем японской компартии Сэмом Катаямой. Согласованно координируя свои действия с К. Хаусхофером, Тояма Мицура стоял также и за кулисами попыток прорыва Москвы в Китай. Небезынтересно отметить, что у Р. Зорге был прямой контакт с «Обществом Черного Дракона» — ближайший его сподвижник Ходзуми Одзаки имел в этом обществе своего человека в лице издателя Сиге Мидзуно.

Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы/ Публ., вступ. ст. и
коммент. А. Г. Фесюна. СПб.; М., 2000. С. 10.

Там же.

Настоящие Ф. И. О. — Аболтынь Ян Янович. В те годы разведка против Англии велась также и с территории Германии.

Smedley Agnes. Darf ich ihnen vorstellen — den Eurohaer in China//Frankfurter Zeitung, 1929, 12 Mai.

Если исходить из собственноручных показаний Зорге в японской контрразведке, его главное задание в Японии состояло в том, чтобы «отвести угрозу войны между СССР и Японией». Однако такое задание не является сугубо разведывательным. Оно выходит далеко за рамки сугубо разведывательной миссии. Это задание на оказание массированного политического влияния в выгодном для СССР направлении на основе использования добытой на месте разведывательной информации. То есть разведывательная миссия Зорге в Японии изначально преследовала цели влияния на политику Японии. Результат это дало только в 1941 г. А до этого за кулисами цели «отвести угрозу войны между Японией и СССР» достаточно легко было вести и иную работу по оказанию влияния — например, в рамках тройственного заговора. Тоже ведь «отвести войну»! Очевидно, не случайно поэтому, что, по свидетельству специалистов ГРУ, «план организации резидентуры в Токио (1933), определяющий цели создания и общие задачи резидентуры, излагающий предварительную схему ее организации и перечень намечаемых оргмероприятий, не был зафиксирован каким-либо специальным документом»! Проще говоря, как ни странно, не сохранилось никаких специальных документов, фиксирующих цели создания, общие задачи и план организации токийской резидентуры Зорге. А ведь это просто немыслимо! Тем более что разработкой операции «Рамзай» руководил лично начальник военной разведки Я. Берзин. Значит, в разведывательной миссии Зорге в Японии, по меньшей мере, было нечто такое, чего даже Берзин не захотел доверять бумаге вопреки всем правилам планирования и проведения разведывательных операций. Так вот и спрашивается, что же это должно было быть, если даже сам шеф военной разведки Я. К. Берзин был репрессирован в рамках дела о военном заговоре, а Зорге попал под долгосрочный прессинг недоверия со стороны Москвы?! Кстати говоря, с 1932 г. военную разведку курировал не кто иной, как будущий подельник Тухачевского — Ян Гамарник.

В своих мемуарах — Mehnert Klaus. Ein Deutscher in der Welt: Erinnerungen 1906 — 1981. Stuttgart, 1981 — К. Менерт не отрицал этих контактов. (*Прудникова Е. А., Колпакиди А. И. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М., 2006. С. 419.*)

Менерт К. Указ. соч. С. 156.

470

Наверняка и на Лубянке есть архивное досье на К. Менерта.

После Второй мировой войны Ла Гуардия стал одним из основателей небезызвестного Бильдербергского клуба — одной из зловещих и могущественнейших организаций мировой закулисы.

Соловьев О. Ф. Русские масоны: от Романовых до Березовского. М., 2004. С. 404 — 405.

Любопытно, что человек, у которого Зорге просил рекомендательное письмо к О. Отту, имел ту же фамилию. Просто разные авторы по-разному переводят ее с немецкого языка, но это одна и та же фамилия.

Ляхтерев Николай Григорьевич (1905 — 1998 гг.), генерал-майор, видный советский военный разведчик, перед войной резидент советской военной разведки (псевдоним Марс) в фашистской Венгрии. Впоследствии работал как резидентом ГРУ в различных странах, так и на различных должностях в центральном аппарате ГРУ.

После оккупации Чехословакии Германией А-54 периодически вступал в контакт и с резидентурой советской разведки в Праге.

Ее руководство во главе с произведенным в генералы Ф. Моравцем на период войны перебазировалось в Лондон.

Эта история хорошо описана в литературе.

478

Одно из прозвищ Канариса.

К слову сказать, расчет Канариса полностью оправдался. Когда в октябре 1941 г. А-54 впервые был арестован гестапо, то на его защиту выступили не только Гиммлер и Канарис, но и даже Мартин Борман, поскольку П. Тюммель являлся также и старым членом Национал-социалистической партии. И гестапо, а также Гейдрих вынуждены были тогда отступить.

У Гитлера, например, был «многожильный кабель горячей связи» с Лондоном. Это и экс-кайзер Германии Вильгельм II, его сыновья, особенно Фридрих-Вильгельм, и прочая венценосная родня бывшего монарха. Особую роль играл уже упоминавшийся выше Филипп Гессенский, числившийся в нацистской иерархии под № 53 (т. е. относился к высшему руководству Третьего рейха), а в генеалогическом древе британской монархии — таким же правнуком знаменитой британской королевы Виктории, как и скоротечный король Эдуард VIII (впоследствии герцог Виндзорский). Немаловажные функции исполнял и герцог Карл-Эдуард Саксен-Кобург-Готский. Здесь же и безумно влюбленная в Гитлера взбалмошная английская аристократка Юнити Митфорд — одна из пяти дочерей известного в те времена британского дипломата, лорда Редсейла, являвшегося ближайшим другом «духовного гуру» Гитлера Хьюстона Стюарта Чемберлена, чье имя и труды почитались в рейхе наравне с самим фюрером и его «Майн Кампф». Сестры Митфорд были уникальной находкой едва ли не для всех основных разведок мира. Старшая, Диана, была женой лидера британских фашистов — Освальда Мосли, ради которого оставила видного британского бизнесмена Гиннеса. Средние — Дебора, Джессика и Нэнси — соответственно герцогиня, коммунистка и писательница-новеллистка. До начала Второй мировой войны именно через Юнити Гитлер преспокойно выходил на Н. Чемберлена, У. Черчилля, лорда Ротермира, Э. Идена и других, не говоря уже о королевском дворе. Это отец и сын Хаусхоферы — Карл и Альбрехт, поддерживавшие очень тесные связи с герцогом Гамильтоном, который, в свою очередь, был очень близок к королю Георгу VI, а также к Черчиллю. Не говоря уже об оккультных связях Хаусхоферов с Великобританией — оба имели очень тесную связь с «Герметическим Орденом Золотой Зари». Геринг, как правило, действовал через своего близкого друга и известного в те времена шведского промышленника Биргера Далеруса. Альфред Розенберг предпочитал действовать через барона Уильяма де Роппа, поддерживавшего теснейший контакт с одним из руководителей британской разведки — Ф. И. Уинтерботэмом. Колоссальную роль для всей нацистской верхушки в качестве канала неофициальной связи играл знаменитый и влиятельный аристократ — принц Макс Гогенлоэ. Кто только из главарей нацизма не использовал этот канал связи с Лондоном?! Даже у Р. Гейдриха и то был свой личный канал — британский разведчик Эван Батлер, работавший в

довоенном Берлине под «крышей» журналиста и являвшийся его доверенным собутыльником.

Это было обусловлено тем, что Канарис был хорошо осведомлен о серьезных утечках секретной информации из высших кругов Франции непосредственно в Советский Союз.

Очерки Истории Российской Внешней Разведки. В 6 т. Т. 3. 1933 — 1941. М., 1997. С. 468.

Очерки Истории Российской Внешней Разведки. В 6 т. Т. 3. 1933 — 1941. М., 1997. С. 470.

Британские историки, например, еще во время 50-летия тех событий демонстративно недоумевали: а зачем это Гитлер так поступил? Так посмотрели бы в архиве Форин Оффиса да почитали бы отчет Лейт-Росса о встрече с Шахтом — к тому времени он уже был рассекречен, хотя о самом факте известно давно и он никогда не скрывался.

Documents on German Foreign Policy. London, 1939. Ser. C. Vol. 6, № 195.

В апреле 1936 г. из белоэмигрантских кругов Бенеш вновь получил информацию о том, что группой советских высокопоставленных военачальников вынашиваются планы по свержению центрального руководства. В конце октября 1936 г. из чехословацких миссий в Варшаве и Берлине одновременно поступили данные о том, что в среде представителей старого рейхсвера наблюдается ощутимый рост просоветских симпатий и что некоторые круги Германии прилагают определенные усилия для достижения договоренности с Советским Союзом. В самом конце 1936 г. подобная информация в очередной раз поступила в Прагу. В ней, в частности, говорилось, что «главная задача Германии состоит в настоящее время в том, чтобы разложить СССР, вызвать там внутренний переворот, устранить коммунистическое правительство и поставить у власти национальное правительство, которое заключило бы союз с Германией... Сам переворот должна осуществить Красная Армия...». Несмотря на ряд неточностей — то, что это неточности, стало понятно только в наше время, — эта информация чрезвычайно встревожила Бенеша. Тем более что она совпадала с данными от А-54.

То была малозаметная подковырка. В 1936 г. при активном содействии Лондона была подписана международная конвенция о режиме судоходства через проливы Босфор и Дарданеллы, известная в международном праве как конвенция в Монтрё. Она предусматривала суровый режим прохода военных кораблей через эти проливы с заблаговременным — вплоть до двухнедельного — уведомлением об их проходе. Более того, с возможностью для Турции вмешиваться в регулирование этого режима под предлогом осуществления мер собственной национальной безопасности. Положения конвенции фактически являлись серьезным препятствием для Советского Союза при оказании Франции помощи морским путем. Даже если Турция и пропустила бы военно-морские конвои СССР, то при любых обстоятельствах это было бы сопряжено с выдвиганием целого ряда препон, самая безобидная из которых — затяжка с выдачей разрешения на проход советских военных кораблей. А это автоматически сделало бы помощь Советского Союза Франции неэффективной со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Новое время. 1989. № 13. С. 37 — 38.

См.: *Мухин Ю. И.* Антироссийская подлость. М., 2004. С. 100; *Мельтюхов М.* Советско-польские войны. М., 1991. С. 162. В тот период времени между Польшей и Германией действовал откровенно смахивавший на военный союз против СССР договор о ненападении от 1934 г., а между Румынией и Польшей — соглашение о взаимопомощи в борьбе против СССР, что в итоге создавало триумвират бандитов для нападения на Советский Союз.

Taylor A. The Origins of the Second *World* War. London, 1967. P. 217;
DBFP. Third Series. Vol. II. P. 338 — 341.

См.: *Овсяный И. Д.* 1939: последние недели мира. М., 1981. С. 61 — 62.

См.: *Попов В. И. Советник королевы — суперагент Кремля*. М., 2005. С. 139—140.

ДВП СССР. Т. XX, документ № 411, С. 608 — 609.

Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918 — 1945.

495

Serie D. B1.1. Baden-Baden, 1950.

Колвин И. Двойная игра. М., 1960. С. 117.

Dulles A.W. Germany's Underground. N. Y., 1947. P. 42

Овсяный И. Д. Тайна, в которой рождалась война. М., 1975. С. 204.

Кстати говоря, как только верхушка военного заговора в СССР была разгромлена, руководителю входившей в систему СИС британской воздушной разведки Фредерику Уинтерботэму было приказано немедленно порвать всякие личные контакты с нацистами. Особенно же с обеспечивавшим функционирование канала «горячей связи» между Даунинг-стрит, 10, Букингемским дворцом и Гитлером двойным агентом бароном Уильямом С. де Роппом. Почему? Ведь ни одна разведка мира вот так запросто не рвет подобные контакты, тем более на таком уровне. Это за пределами смысла, духа и логики разведывательной деятельности вообще. А СИС в этом смысле — до определенной степени — эталон, ибо она веками поддерживает всевозможные связи и контакты как с влиятельнейшими представителями правящих, так и оппозиционных кругов, не гнушаясь одновременно и отношениями с откровенными отбросами и подонками из разных стран. Если даже «слегка подвинуться рассудком» и предположить, что-де осознали бритты, сколь это неприлично — якшаться с нацистами, то тут же упрямся в исторически единственный ответ: стыд и мораль — это не по части Лондона! К примеру, всю Вторую мировую войну британская разведка провела в безудержных сепаратных переговорах с нацистами и ни разу не покраснела от стыда. Причем даже тогда, когда откровенно приторговывала территорией своего союзника — Франции — естественно, за спиной Парижа, или когда призывала Запад объединиться с Гитлером и уничтожить Россию (малоизвестный секретный меморандум У. Черчилля «Об объединенной Европе» 1942 г.), Не говоря уже о сепаратных переговорах в самом конце войны. А тут, в условиях мира, в ситуации нормальных дипломатических и иных отношений, когда руководство едва ли не взасос лобызается с «дорогим Адольфом, свет Алоизовичем», и вдруг такой категорический приказ? И кому?! Ведь Уинтерботэм занимал очень высокий пост в иерархии британской разведки и обеспечивал функционирование канала «горячей связи» между Даунинг-стрит, 10, Букингемским дворцом и Гитлером (через Розенберга). Приказать ему могли только сверху. Учитывая же время этого запрета, выходит, что канал Уинтерботэм — де Ропп каким-то образом был задействован в операции британской разведки по оказанию чужими руками с чужого плацдарма и под чужим флагом негласного содействия провалу заговора Тухачевского. Но как только процесс разгрома верхушки военного заговора в СССР обрел черты трагической для заговорщиков необратимости, лавочка под названием

«Уинтерботэм — Ропп» была немедленно прикрыта. Типичнейшее проявление «почерка» британской разведки в упреждение опасности расшифровки при проведении особо острых акций влияния. И для СИС это было, подчеркиваю, тем более важно, поскольку этот канал обслуживал королевскую семью Великобритании. Британская разведка приняла мудрое решение.

Овсяный И. Д. 1939: последние недели мира. М., 1981. С. 45.

Овсяный И. Д. 1939: последние недели мира. М., 1981. С. 72.

Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М., 2005. С. 49: Она же. Россия и русские в современном мире. М., 2004. С. 264.

Liddel Hart B. History of the Second World War. N. Y., 1971 P 11.

Public Record Office, Cab, 23/99, 17.V.1939. P. 188; Documents of British Foreign Policy or DBFP, Third Series, Vol. V. London, 1953. P. 643.

Public Record Office, Cab, 23/99, 17.Ч.1939. P. 291, 292.

См.: Документы и материалы кануна Второй мировой войны, т. II, М., 1948. С. 126.

Вспомните, что у нас творилось с армией, начиная с 1992 г. Без всяких репрессий, за счет всего лишь тотального морального третиования Вооруженных сил, постоянного их оскорбления и почти полного прекращения их финансирования довели Вооруженные силы России едва ли не в прямом смысле до скотского состояния, когда ни о какой их боеготовности и боеспособности говорить не приходилось. Чтобы отправить в Чечню хотя бы один более или менее боеспособный батальон, собирали военнотружущих буквально со всей страны. И, не стесняясь, так и называли — сводный батальон. Это, подчеркиваю, без репрессий. А представьте состояние вооруженных сил, когда они узнают, что высшие командиры замешаны в заговоре против власти?!